

91
П44

9 (сн)

6-28

B 834,017

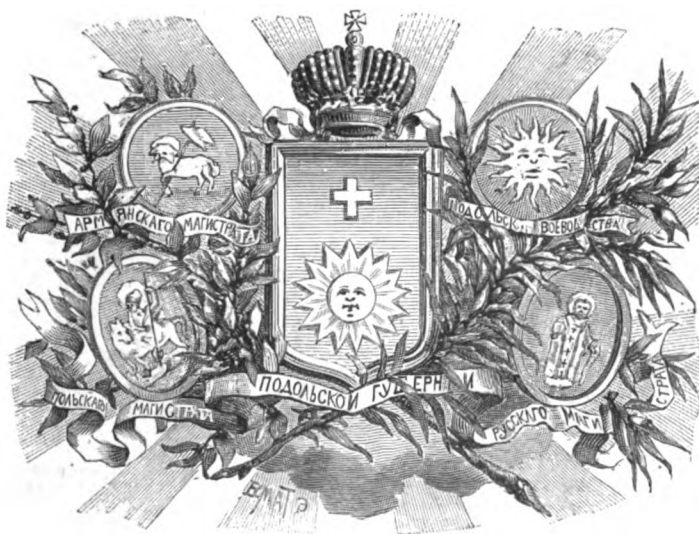
ПОДОЛІА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ.

съ ВѢСОЧАЙШАГО соизволенія
ИЗДАНО ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
П. Н. Батюшковымъ.

Съ одной хромолитографіей, 2-мя фототипіями, 46-ю гравюрами и
2-мя картами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержденнаго Товарищ. «Обществ. Польза», Больш. Подъяч., 39.
1891.

DK
511
P59
B33

Рисунки дозволены цензурою.

Stacks
Exchange
All Union St. Lib. of For. Lit.
10.11.74
1077173-293

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ издателя. I
Введение. 1

Составъ и объемъ Подоліи въ разное время: Понизье, его предѣлы и славяно-русское население его; власть литовцевъ, название страны Подоліей, предѣлы ея и города.—Присоединеніе къ Польшѣ западной Подоліи въ 1434 г. и восточной Брацлавщины въ 1569 г., и власть Польши до 1793 года.—Планъ историческаго очерка Подоліи и періоды развитія ея жизни . . .

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Періодъ самостоятельнаго существованія и стремленія мѣстныхъ русскихъ славянъ къ объединенію и борьбы ихъ съ кочевниками.

Перечень славянскихъ племенъ; юго-западныя славяно-русскія племена, имѣющія отношеніе къ Подоліи, — поляне, хорваты и особенно угличы и тиверцы; гражданственное развитіе угличей и тиверцовъ и невозможность для нихъ создать государство вслѣдствіе набѣговъ кочевниковъ; основаніе государственныхъ центровъ на сѣверѣ Россіи и затѣмъ въ Кіевѣ и соединеніе ихъ въ одно государство съ Кіевомъ во главѣ.—Притяженіе къ Кіеву южно-русскихъ племенъ и въ частности угличей и тиверцовъ; появленіе на югѣ новыхъ кочевниковъ и ослабленіе связи угличей и тиверцовъ съ Кіевомъ.—Хорваты и дулѣбы, образованіе у хорватовъ Галицкаго княжества и отношеніе его къ угличамъ и тиверцамъ; Иванъ Бердадникъ и Ростиславъ Берладничичъ и борьба ихъ съ галицкими князьями въ Понизьи; соединеніе Галицкаго княжества съ Волынскимъ при Романѣ Мстиславичѣ; Даниилъ Романовичъ и его отношенія къ Понизью, подчиненіе Данииломъ Болоховской земли.—Могущество Даниила, нашествіе татаръ и отторженіе ими Подоліи отъ Галицко-Волынскаго княжества; характеръ татарскаго владычества въ Подоліи.—Упадокъ Галицко-Волынскаго княжества, роль собирателей и объединителей южно-русскихъ земель берутъ на себя литовскіе князья. 4

ГЛАВА ВТОРАЯ. Литовско-русскій періодъ исторіи Подоліи.

Литовцы и ихъ общеніе и связи съ русскими.—Права Литвы на галицко-волынское наслѣдство; борьба Литвы съ Польшою за это наслѣдство; изгнаніе татаръ изъ Подоліи литовцами и присоединеніе ея къ Литвѣ.—Подольскіе князья Кориатовичи; Витовтъ, уступка имъ Подоліи Ягайлу; Спытко изъ Мельштына и потомъ Свидригайло въ западной Подоліи, Димитрій Корибутъ и Феодоръ Корибутовичъ Несвицкій—въ восточной; возмущеніе Свидригайла; выкупъ западной Подоліи

Витовтомъ и городельская унія Литвы съ Польшей 1413 года; расширение и укрѣпленіе предѣловъ Подолія при Витовтѣ; новое возстаніе Свидригайла.—По смерти Витовта, Свидригайло—великій князь литовскій; захватъ подольскихъ замковъ поляками; война Свидригайла съ поляками за Подолію; перемиріе; соперникъ Свидригайла Сигизмундъ Кейстутевичъ; возобновленіе войны съ поляками, ходъ ея и послѣдствія; обращеніе западной Подолія поляками въ 1434 г. въ воеводство и сохраненіе восточной за Свидригайломъ и Литвою.—Татарскіе набѣги на Подолію по смерти Свидригайла и споры между Литвой и Польшей за Подолію до люблинской уніи 1569 года; характеръ и послѣдствія этой уніи

26

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Внутреннее состояніе Подолія до 1569 года.

Броженіе и борьба народностей въ Подоліи, преимущественно русской и польской; коренное населеніе Подолія—русское, поверхностное, но вмѣстѣ и разрушительное вліяніе пришлой польской народности и несправедливыя ея притязанія на Русь.—Внутренній бытъ русскихъ славянъ въ древнія времена: единство города и земли и равноправность сословій; православіе въ Подоліи и іерархическое его устройство.—Литовское владычество въ Подоліи: обрусѣніе литовцевъ; Коріатовичи и состояніе православія и православной церкви въ Подоліи при литовскихъ князьяхъ; военный строй и способъ землевладѣнія; земляне и бояре, положеніе городовъ и сельскаго населенія.—Проникновеніе польскаго вліянія и католичества въ Подолію, особенно послѣ 1386 года; польскіе поселенцы въ западной Подоліи; присоединеніе ея въ 1434 г. къ Польшѣ; обособленіе и поработеніе городовъ и сельскаго населенія; приниженное положеніе православной церкви; протесты русскаго населенія, бѣгство его на юго-востокъ и образованіе здѣсь казачества, давшаго отпоръ польскимъ притязаніямъ

49

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Люблинская государственная унія Литвы съ Польшей въ 1569 году и ея ближайшія послѣдствія для Подолія.

Усиленіе и расширеніе сферы борьбы между польскою и русскою народностями со времени люблинской уніи 1569 г.—Сопротивленія этой уніи на самомъ сеймѣ 1569 года; условія уніи; невыгоды ея и наплывъ поляковъ въ Брацлавщину; усиленіе католичества послѣ борьбы его съ ересями и умноженіе костеловъ и кляшторовъ въ Подоліи; угнетеніе крестьянъ и русскихъ мѣщанъ и вообще раздѣленіе между полноправными и безправными сословіями, усиливаемое разностію въ вѣрѣ; введеніе религіозной уніи въ 1596 году и борьба съ нею всѣхъ классовъ русскаго общества; подольскіе дворяне, церковныя братства, православная іерархія; упадокъ ихъ въ XVIII вѣкѣ; твердость простаго народа

79

ГЛАВА ПЯТАЯ. Казацкія возстанія и дѣятельность Богдана Хмельницкаго.

Борьба простаго народа съ польскимъ вліяніемъ: образованіе казачества въ XV в.; первыя столкновенія его съ польскимъ правительствомъ послѣ 1569 г.; содѣйствіе пановъ возстанію казачества; гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный; казацкія возстанія до Богдана Хмельницкаго.— Войны Богдана Хмельницкаго съ поляками: загоны Ганжи, Кривошанки, Кривоноса и др.; дѣйствія Лянцкоронскаго въ Подоліи противъ каза-

ковъ и организація казачества; зборовскій договоръ 1649 г.; недовольство имъ и нарушение его съ обѣихъ сторонъ; непріязненные столкновения въ Подоліи; пораженіе казаковъ подъ Берестечкомъ, продолженіе возстанія въ Подоліи, бѣлоцерковскій миръ, возвращеніе пановъ въ Подолію и ихъ неистовства; бѣгство народа на лѣвую сторону Днѣпра и въ Московское государство; обращеніе Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу; пораженіе поляковъ при Батогѣ и новое посольство Хмельницкаго къ Алексѣю Михайловичу; битва подъ Жванцемъ; принятіе Украины въ подданство Россіи въ 1653 г. и объявленіе Польшѣ войны; смуты въ Украинѣ и Подоліи и опустошеніе послѣдней поляками; дрижипольская битва и походъ Богдана Хмельницкаго и Бутурлина въ Подолію и Червонную Русь; виленскій договоръ между Россіей и Польшей въ 1656 г.; сношенія Богдана Хмельницкаго со Швеціей и Трансильваніей о раздѣлѣ Польши; договоръ его съ Польшей въ 1657 году и смерть

107

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Преемники Богдана Хмельницкаго и владычество турокъ въ Подоліи.

Преемники Богдана Хмельницкаго и раздѣленіе Украины на части: Иванъ Выговскій, измѣна Россіи и гадячскій договоръ его съ Польшею въ 1659 году; смѣна его и избраніе въ гетманы Юрія Хмельницкаго, измѣна послѣдняго Россіи, отказъ его отъ гетманства и избраніе въ гетманы лѣвой стороны Украины Брюховецкаго, а правой—Тетери; борьба между ними; преемникъ Тетери—Петръ Дорошенко, подчиненіе имъ себѣ западной Украины, андрусовскій договоръ 1667 года между Россіей и Польшей; виды Дорошенка на лѣвобережную Украину, подчиненіе его Турціи и недовольство этимъ казаковъ; сношенія Дорошенка съ московскимъ и польскимъ правительствами и назначеніе Ханенка на мѣсто Дорошенка; заступничество Турціи за Дорошенка.—Взятіе турками Каменца и другихъ городовъ въ 1672 году; бучацкій миръ Польши съ Турціей; продолжительность и значеніе турецкаго владычества въ Подоліи и борьба за нее между Турціей и Польшей; участіе въ этой войнѣ и помощь Польшѣ со стороны Россіи; оставленіе Подоліи турками въ 1699 году

131

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Угнетеніе русскаго православнаго населенія въ Подоліи польско-католиками съ XVIII вѣка.

Новое водвореніе польской народности и католичества въ Подоліи и введеніе уніи; стремленіе поляковъ уничтожить правобережное казачество и возстаніе послѣдняго, вмѣстѣ съ народомъ, противъ поляковъ; подавленіе возстанія Сенявскимъ; участіе правобережныхъ казаковъ въ войнѣ Россіи со Швеціей; вторженіе Орлика въ Подолію и занятіе ея русскими войсками во время прутскаго похода Петра I; переселеніе правобережнаго населенія на лѣвую сторону Днѣпра.—Запустѣніе Подоліи, новое заселеніе ея и закрѣпощеніе народа поляками; введеніе уніи при содѣйствіи помѣщиковъ и униатскихъ властей; внутреннее состояніе уніи и постепенное ея окатоличеніе; преобразование униатскаго монашества въ базилианскій орденъ, число монастырей, преимущества, образованіе базилианъ и участіе ихъ въ епархіальномъ управленіи и окатоличеніи уніи; презрительное отношеніе польско-католиковъ къ уніи и совращеніе униатовъ въ католичество; усиленіе католичества въ Подоліи; правительственныя мѣры противъ православія

149

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Самозащита и борьба русскаго населенія въ Подоли съ польско-католиками до воссоединенія края съ Россіей.

Противодѣйствіе польскому вліянію въ Подоли со стороны мѣстнаго русскаго населенія и Россіи.—Передвиженія крестьянъ, препятствовавшія полному закрѣпощенію ихъ; наружное принятіе ими униі, или же сохраненіе православія; гайдамацкія возстанія 1734 и 1750-хъ гг.; содѣйствіе Россіи усмиренію гайдамакъ.—Заступничество Россіи за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, особенно при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II; епископы бѣлорусскій Георгій Конисскій и переславскій Гервасій Линцевскій и архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, ихъ дѣятельность на пользу православія и восстановленіе его въ Украинѣ; гоненіе отъ униатовъ; барская конфедерація и гайдамацкое возстаніе 1768 г., усмиреніе ихъ русскими войсками; преосвященный Іовъ Переяславскій и восстановленіе православія въ Брацлавщинѣ; первый раздѣлъ Польши 1772 года и состояніе русской народности и православія въ Подоли; восстановленіе православной іерархіи въ Польшѣ въ 1785 г.; конституція 3 мая 1791 года, второй раздѣлъ Польши и воссоединеніе Подоли съ Россіей въ 1793 году

172

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Состояніе Подоли со времени воссоединенія съ Россіей до польскаго мятежа 1831 года

Административное, гражданское и церковное управленіе въ Подоли при Екатеринѣ II; польское возстаніе подъ предводительствомъ Костюшки и его послѣдствія—третій раздѣлъ Польши, новое административное дѣленіе края, введеніе русскаго управленія и землевладѣнія, присоединеніе униатовъ къ православію; учрежденіе православной Подольской епархіи и сокращеніе католическихъ и униатскихъ епархій въ юго-западной Россіи; завершеніе воссоединенія униатовъ съ православною церковію въ Подоли.—Два дѣятеля въ послѣдующей исторіи Подоли—польско-католики и православно-русскій народъ и ихъ взаимоотношеніе въ разное время.—Павелъ I: восстановленіе польскаго управленія и суда; положеніе католической, униатской и православной церковей и приращеніе послѣдней мѣстными польско-католиками.—Александръ I: восстановленіе польскаго управленія и дѣйствія польско-католиковъ къ поддержанію католичества и отчасти униі и къ ослабленію православія въ Подоли; обращенія въ католичество и унию; политическіе замыслы польковъ и поднатіе польско-католическаго образованія; участіе поляковъ въ политическихъ смутахъ при Александрѣ I, польское повстаніе 1831 года и значеніе его, какъ поворотнаго пункта въ исторіи края

204

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Состояніе Подоли со времени польскаго мятежа 1831 года до новѣйшаго времени.

Вліяніе польскихъ возстаній на развитіе русскаго дѣла въ край. Польское повстаніе 1830—1831 гг., отраженіе его въ Подоли и преслѣдованіе поляками русскаго духовенства.—Мѣры къ подавленію мятежа, предотвращенію его на будущее время и поддержанію русской народности и православія въ край; сокращеніе польскихъ имѣній, сокращеніе числа кляшторовъ, преобразованіе учебныхъ заведеній, постройка и обновленіе православныхъ храмовъ; реншіи Подольской епархіи протоіереемъ Савордонскимъ, преосвященный подольскій Кириллъ Боровиковскій Пажитновъ; правительственныя мѣры къ поднятію русской народности и ослабленію польскаго католичества въ

краѣ; облегченіе участи крестьянъ, принадлежавшихъ католическому духовенству; дѣтельность генераль-губернатора Бибикова и преосвященнаго Арсенія Москвина.—Новыя затѣи поляковъ въ крымскую войну.—Побужденія поляковъ къ возстанію; общій ходъ польскаго повстанія и отраженіе его въ Подоліи; прекращеніе мятежа.—Мѣры къ ослабленію польско-католическаго элемента и поднятію русскаго: ускореніе освобожденія крестьянъ и устройство ихъ быта, усиленіе русскаго землевладѣнія, сокращеніе числа католическихъ монастырей и закрытіе Подольской католической епархіи, учрежденіе викаріатства, постройка и обновленіе церквей, улучшеніе содержанія православнаго духовенства, при содѣйствіи генераль-губернатора Безака; дѣтельность подольскаго преосвященнаго Леонтія; характеръ дѣтельности послѣдующихъ генераль-губернаторовъ и особенно Дрентельна.—Количество населенія Подоліи по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ; необходимость поддержанія мѣстнаго русскаго населенія и защиты его отъ эксплуатаціи иноплеменниковъ и иновѣрцевъ	235
Примѣчанія	1
Объясненія къ рисункамъ и гравюрамъ	23
Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ	89

РИСУНКИ И ГРАВЮРЫ.

А. Священныя изображенія.

1. Икона Спасителя въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда, изсѣченная турками 141
2. Барская икона Божіей Матери 105

Б. Портреты и изображенія историческихъ лицъ.

3. Императрица Марія Александровна. хх
4. Въ Бозѣ почившій Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ ххviii
5. Великій князь литовскій Витовтъ, во св. крещеніи Александръ 41
6. Іеремія Могила, господарь молдавскій, основатель г. Могилева на Днѣстрѣ 75
7. Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный 99
8. Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, митрополитъ кievскій, галицкій и всея Малыя Россіи 119

9. Аѳанасій Щептицкій, уніатскій єпископъ галицкій и каменецъ-подольскій, вѣдлѣдствіи митрополитъ	159
10. Ѳеодосій Ростоцкій, уніатскій митрополитъ	181
11. Іоанникій Полонскій, архієпископъ подольскій и брацлавскій.	189
12. Кириллъ Богословскій-Платоновъ, архієпископъ подольскій и брацлавскій.	206
13. Кієвскій военный губернаторъ и генераль-губернаторъ подольскій и волинскій, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, Д. Г. Бибиковъ	213
14. Предсѣдатель кієвской коммисіи для разбора древнихъ актовъ М. В. Юзефовичъ	221
15. Подольскій архієпископъ Арсеній, вѣдлѣдствіи митрополитъ кієвскій и галицкій	229
16. Кієвскій, подольскій и волинскій генераль губернаторъ, генераль-отъ-артиллеріи, А. П. Безакъ	249
17. Высокопреосвященный Леонтій, бывшій архієпископъ подольскій, нынѣ холмскій и варшавскій, членъ св. Синода.	253
18. Кієвскій, подольскій и волинскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, А. Р. Дренгель	259

В. Виды мѣстностей и зданій.

19. Видъ города Каменецъ-Подольска во второй половинѣ XVII вѣка (на отдѣльномъ листѣ)	14
20. Общій видъ города Каменецъ-Подольска въ настоящее время.	17
21—23. Каменецъ-Подольская крѣпость:	
общій видъ	23
польскія ворота	29
русскія ворота	35
24. Церковь Покрова пресвятыя Богородицы въ селѣ Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда.	46
25. Лядавскій скальный монастырь	57
26. Іоанно-Предтеченская церковь въ Каменецъ-Подольскѣ.	63
27 и 28. Церковь-замокъ въ селѣ Сутковцахъ, Летичевскаго уѣзда (съ юго-западной и западной сторонъ)	69

29. Видъ г. Могилева на Днѣстрѣ	81
30. Зѣмокъ въ Межибожѣ	93
31. Мѣсто битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ Пя- лявой, Литинскаго уѣзда, 22 сентября 1648 г.	113
32. Турецкій минаретъ въ Каменецъ-Подольскѣ	124
33. Боришковецкая башня близъ Каменецъ-Подольска	135
34 и 35. Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій, и каминь въ немъ	147 и 154
36—39. Группа православныхъ церквей въ Каменецъ-Подольскѣ: Каѳедральный соборъ, Петропавловская церковь, Троицкій монастырь и Крестовая Успенская церковь	165
40. Николаевская бывшая армянская, нынѣ православная цер- ковь въ г. Каменецъ-Подольскѣ	197
41. Церковь въ м. Ярышевѣ, Могилевскаго уѣзда	237
42 и 43. Церковь св. великомученика Димитрія въ с. Сѣнной, Балт- скаго уѣзда, до 1890 г. и въ настоящее время	243

Г. Разныя изображенія.

44. Каменный идолъ древне-славянскаго бога Свѣтовита	6
45. Грамота князя Коріатовича 1375 года (хромофотографія на отдѣльномъ листѣ)	10
46. Древняя надпись на скалѣ въ селѣ Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда.	51
47. Гербъ кievскаго митрополита Петра Могилы	87
48. Турецкій проповѣдническій амвонъ въ Каменецъ-Подольскѣ	129
49. Надгробный камень графа М. Н. Кречетникова	174

Двадцать двѣ заставки и инициала изъ древнихъ рукописей
и первопечати на стр. 1, 4, 26, 49, 79, 107, 131, 149,
172, 204 и 235.

Въ концѣ книги приложены хромофотографированная карта Подолія и
синхронистическая таблица.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ
нѣтъ ея въ истинѣ. *Фонвизинъ.*

Могу ошибаться, ошибаюсь, но не
лгу ни себѣ, ни людямъ. Ни за кѣмъ
не брожу,—иду своимъ путемъ.

К. Батюшковъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря И. Н. Дурново, въ мартѣ 1890 года, Высочайше повелѣть соизволилъ приступить къ завершенію изданія „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ“ составленіемъ и напечатаніемъ книги о „Подоліи“ по программѣ, выработанной издателемъ для историческихъ очерковъ: „Холмская Русь“, „Волинь“ и „Бѣлоруссія и Литва“. Съ окончаніемъ нынѣ этого труда всѣ девять, такъ называемыя, западныя губерніи и двѣ забужскія (Люблинская и Сѣдлецкая), входящія въ раіонъ Варшавскаго генералъ-губернаторства, съ русскимъ и отчасти съ литовскимъ населеніемъ, получили правдивое описаніе, основанное на документахъ и личныхъ изслѣдованіяхъ людей науки. Къ этимъ губерніямъ Государю Императору благоудно было повелѣть присоединить двѣнадцатую—Бессарабскую, которая, гранича съ Румыніею и Галиціею, составляетъ послѣднее южное звѣно длинной цѣпи нашихъ пограничныхъ областей отъ Балтійскаго моря до Чернаго; матеріалы для нея собраны и нынѣ приступлено къ ихъ своду и обработкѣ.

Исполняя Высочайшую волю, издатель считаетъ себя сча-

стливымъ, что продолжительныя *) и кропотливыя занятія по изданію „Памятниковъ“ успѣли обратить вниманіе правительства и русскаго общества на западный рубежъ Имперіи, который такъ еще недавно, во мнѣніи иностранцевъ и даже многихъ русскихъ людей, слылъ краемъ польскимъ.

Подлинныя документы мѣстныхъ и столичныхъ архивовъ и книгохранилищъ и близкое личное ознакомленіе съ элементами края окончательно подтвердили ту непреложную истину, что „Подолія“ (въ древности „Понизье“), населенная съ незапамятныхъ временъ славяно-русскимъ племенемъ, долго находившаяся подъ чужеземнымъ игомъ, не утратила особенностей земли русской. Принявъ православную вѣру почти одновременно съ Волынію — въ X вѣкѣ, Подолія, ослабленная неурядицами русскихъ удѣльныхъ князей и татарскими набѣгами, подпала въ XIV вѣкѣ подъ власть Литвы; въ XV и XVI присоединилась, вмѣстѣ съ Литвою, къ Польшѣ, а въ XVIII возвратилась къ Россіи. **)

Сохраняя донныя языкъ, обычаи, вѣрованія и типическія особенности, унаслѣдованныя отъ предковъ, которыя рѣзко отличаютъ коренныхъ обитателей Подоліи отъ пришлыхъ ляховъ, эта русская страна, въ теченіе трехъ столѣтій, неустанно опоя-

*) Изданія министерства внутреннихъ дѣлъ по западнымъ губерніямъ начались съ 1858 года.

**) Выпущая въ свѣтъ книгу о «Подоліи», которою оканчиваются описанія областей, бывшихъ подъ гегемоніею Польши, считаемъ благовременнымъ, кромѣ историко-географической карты этой губерніи, составленной въ генеральномъ штабѣ, съ прибавкою нѣкоторыхъ болѣе уже несуществующихъ городовъ и историческихъ селеній, приложить къ ней синхронистическую таблицу, въ которой показаны постепенныя захваты русскихъ земель съ XI вѣка по 1815 г. литвою, поляками, татарами, турками, тевтонскимъ орденомъ, австрійцами и пруссаками, не въ одной Подоліи, но и по всему западному краю. Въ означенной таблицѣ указаны также главнѣйшія историческія событія, касающіяся края, время построенія въ немъ городовъ и перенесенія лицъ, оставившихъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи. Приложенная къ вѣроисповѣдному атласу министерства внутреннихъ дѣлъ, таблица эта составлена была въ 60-хъ годахъ, по порученію издателя, покойнымъ К. С. Сербиновичемъ (издателемъ XII посмертнаго тома «Исторіи» Карамзина) и нынѣ пересмотрѣна и значительно дополнена со включеніемъ въ нее двухъ русскихъ губерній Варшавскаго генераль-губернаторства — Люблинской и Сѣдлецкой (древнихъ Холмщины и Подляшья) инспекторомъ Холмской гимназіи А. С. Будиловичемъ, трудившемся при составленіи историческихъ очерковъ Холмской Руси въ изданіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

чивалась и окатоличивалась насильственнымъ введеніемъ ненавистной народу уніи и чуждаго ему польскаго языка. Въмѣстѣ съ другими литовско-русскими областями, подпавшими подъ иго Речи Посполитой, Подолія подверглась страшнымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ за защиту своей духовной жизни.

Вопреки условіямъ, недозволявшимъ полякамъ владѣть недвижимыми имуществами въ присоединенномъ краѣ, въ составъ котораго входитъ и Подолія, лучшія, плодородныя, заселенныя русскими людьми земли раздавались безъ размежеванія королями польскимъ магнатамъ и пріобрѣтались невозбранно сопровождавшею ихъ шляхтою, дворовою челядью и польскимъ духовенствомъ. Въ благодатной Украинѣ, бывшей издавна гнѣздомъ многочисленнаго древняго русскаго дворянства, изъ коего многіе вели свой родъ отъ равноапостольнаго князя св. Владиміра, занимаемая со второй половины XVI вѣка должности воеводъ, каштеляновъ и вообще служилыхъ людей, назначавшихся прежде изъ мѣстнаго русскаго православнаго боярства (Сангусекъ, Капустъ, Вишневецкихъ, Зборовскихъ и др.), стали постепенно переходить въ руки пришлыхъ поляковъ (Потоцкихъ, Любомирскихъ и др.), такъ что ко времени возстанія Богдана Хмельницкаго всѣ административныя и судебныя должности были заняты ими; русскіе же туземцы, оставшіеся вѣрными православію, лишались мѣстъ и изгонялись изъ городовъ, гдѣ торговля и промышленность перешли въ руки евреевъ.

Съ занятіемъ поляками сѣверо-западной части Подоліи (1434 г.), особенно же по присоединеніи къ польской коронѣ Брацлавщины (1569 г.) и окончательнo по водвореніи въ краѣ іезуитовъ (1611 г.), которые, по принятому ими обычаю, всѣми неправдами и преслѣдованіями совращали русскій народъ въ латинство, — древніе храмы перестраивались въ костелы, или отдавались въ аренду жидамъ; святыя обители, воздвигнутыя ревнителями православія и обезпеченныя ими земельными и денежными фундушами, упразднялись или передавались базилианамъ, злѣйшимъ врагамъ православія и народности русскої; памятники русскаго зодчества, письменности, старопечать, равно какъ все, что только могло наглядно и доказательно напоминать о принад-

лежности Подоліи къ Россіи, было безпощадно и огульно истребляемо или искажаемо подлогами и апокрифами. Даже усыпальницы русскихъ и литовскихъ владѣтельныхъ князей, покоившихся въ склепахъ храмовъ ими воздвигнутыхъ въ первые вѣка по крещеніи Руси, равно какъ гробницы мѣстныхъ русскихъ вельможъ и основателей православныхъ монастырей и церковныхъ братствъ, — этихъ доблестныхъ предстателей за прародительскую вѣру и за русскія исконныя начала, — были опозорены и уничтожены пришельцами до основанія. Религіозно-политическій фанатизмъ Речи Посполитой не зналъ себѣ предѣловъ...

Не будемъ распространяться здѣсь о прошлыхъ судьбахъ Подоліи подъ гегемонію Речи Посполитой; — правдивую повѣсть о ея прошломъ читатель найдетъ въ предлагаемомъ его вниманію историческомъ очеркѣ профессора Петрова; скажемъ только, что насилія ляховъ и папистовъ надъ русскою землею не только творились безнаказанно, но не рѣдко поощрялись королями и сеймами въ видахъ расширенія польскихъ предѣловъ. Невполнѣ прекратившіяся, съ паденіемъ Польши, тайныя и отчасти явныя преслѣдованія русскихъ началъ не могли пройти безслѣдно, не придавъ искони русской и православной Подоліи нѣкотораго чуждаго ей облика страны польско-католической; но это внѣшнее, искусственное наслоеніе не измѣнило прирожденныхъ странъ коренныхъ началъ, не ослабило привязанности мѣстнаго населенія къ вѣрѣ предковъ и не остановило тяготѣнія народныхъ массъ къ родной имъ Россіи, — чему безспорнымъ и лучшимъ доказательствомъ служитъ переходъ народа массами изъ униі въ православіе, какъ только пробилъ часъ паденія Польши, несмотря на существовавшее тогда крѣпостное право и на всѣ неправды и усилія пропагандистовъ задержать духовное движеніе русскаго люда. Такъ, въ одной Брацлавщинѣ къ концу царствованія императрицы Екатерины II воссоединилось съ нашею церковью по собственной инициативѣ 1442 униатскихъ прихода съ 1.300.000 душъ обоего пола.

Подъемъ духа въ русскомъ населеніи Подоліи въ царствованіе Екатерины II, которая даровала странѣ русское управленіе, обѣщавшее скорое, полное и прочное сліяніе нашихъ западныхъ

окраинъ съ коренною Русью, былъ круто остановленъ императоромъ Павломъ I. При вступленіи на престолъ, желая исправить мнимую несправедливость своей Родительницы относительно раздѣловъ Польши и даровать возвращенному намъ краю бѣольшую самостоятельность, Павелъ I дозволилъ мѣстнымъ сеймикамъ выборъ должностныхъ лицъ изъ круга польскихъ магнатовъ и пришлой съ ними шляхты, чрезъ что всѣ высшія и низшія должности по администраціи и суду были снова замѣщены одними поляками. Питая особое довѣріе къ іезуитамъ, орденъ которыхъ, по мнѣнію императора, служилъ оплотомъ самодержавію и былъ яко бы непримиримымъ врагомъ либеральныхъ вѣяній революціонной Франціи, Павелъ I возстановилъ Каменецъ-Подольскую латинскую епархію (упраздненную императрицею Екатериною II), присоединивъ къ ней сплошь православную Брацлавщину; подчинилъ невозсоединившихся уніатовъ католическимъ епископамъ; возвратилъ значительное число недвижимыхъ имѣній, которыя были секвестрованы за участіе въ заговорахъ противъ Россіи, полякамъ и русскимъ ренегатамъ и предоставилъ монашествующимъ римскимъ орденамъ (піарамъ, базилианамъ, тринитарамъ и др.) заботу о воспитаніи русскаго православнаго юношества.

Въ первые годы царствованія императора Александра I, когда польское управленіе на западѣ Россіи было возстановлено почти вполнѣ, полонизація и окатоличеніе Подоліи приняли еще болѣе широкіе размѣры, чѣмъ при Павлѣ I. Среди сплошнаго сельскаго православнаго населенія стали усиленно воздвигаться новые костелы, невызываемые надобностью и единственно съ цѣлью религіозной пропаганды; въ тѣхъ же видахъ сооружались на большихъ дорогахъ, возвышенныхъ мѣстахъ, торжищахъ и вблизи православныхъ селеній, кальваріи *), кржижи **), каплицы и мадонны латинскаго типа, — что придадо Подоліи обманчивый видъ страны католической. Въ то-же время многія православныя

*) „Кальваріями“ называются костелы, часовни и фигуры святыхъ, устраиваемыя римскими католиками на возвышенныхъ мѣстахъ въ воспоминаніе страданій Христа на Голгоѣ.

***) Латинскіе кресты.

церкви закрывались и запечатывались за ветхостью и невозможностью продолжать въ нихъ богослуженіе и по недостатку необходимыхъ для того церковной утвари и богослужебныхъ книгъ. Полное прекращеніе службъ запечатанныхъ церковей едва-ли было не хуже отдачи ихъ жидамъ въ аренду, какъ это дѣлалось въ печальные дни польскаго владычества надъ западную Русью, — тогда по крайней мѣрѣ существовала возможность, за внесенную жидамъ плату, принести безкровную жертву. Въ помощь религиозной пропагандѣ мѣстные паны устраивали для своихъ русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ сборища съ даровымъ угощеніемъ и церковными латинскими процессіями и службами, хотя несочувственными православному люду, однако поражающими его пышностью обстановки, блескомъ и богатствомъ старопольскихъ одѣяній пановъ и содержимой ими шляхты и облаченіями служившаго духовенства. На этихъ торжествахъ проповѣдывалась народу ненависть къ „схизматической“ Россіи. Русскія мѣстные власти не только не обращали вниманія на вредъ отъ подобныхъ сборищъ, но часто принимали участіе въ разгульныхъ пирахъ и присутствовали на церковныхъ процессіяхъ и службахъ въ костелахъ, гдѣ нерѣдко произносились проповѣди, направленные противъ правительства и святости православія. Хотя совращеніе православныхъ шло означенными путями безпрепятственно, однако попытки воскресить Польшу остались бы, вѣроятно, бесплодными, если бы на помощь пропагандистамъ не явилась школа. Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графовъ П. В. Завадовскаго и А. К. Разумовскаго всѣ учебныя заведенія Подольи, съ Кременецкимъ лицеемъ во главѣ, были захвачены въ свои руки единомышленникомъ и пособникомъ князя А. Чарторыйскаго, польскимъ патріотомъ Ө. Чацкимъ, который сѣумѣлъ привлечь на воспитаніе юношества въ польскомъ духѣ значительныя денежныя и вещественныя пожертвованія со стороны всѣхъ классовъ польскаго общества, капитуловъ, прелатовъ, декановъ, монашествующаго духовенства, равно какъ отъ дворянъ (Поцѣвѣвъ, Потоцкихъ, Дашкевичей-Горбацкихъ и др.), и отъ русскихъ ренегатовъ и шляхты. При наплывѣ пожертвованій на школы число православныхъ учениковъ въ этихъ разсадникахъ полони-

зма стало значительно возрастать, чрезъ что естественно явилась въ обществѣ увѣренность, что правительство было бы въ противорѣчїи само съ собою, если бы рѣшилось приступить къ мѣрамъ огражденїя туземцевъ отъ интригъ и насилїй недремлющей пропаганды. И эта увѣренность была не безъ основанїя. Во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведенїяхъ дѣйствовалъ сплошной польскїй педагогическїй персоналъ, которому поставлено было задачею изгнать изъ русской земли ея вѣковыя преданїя, обычаи и языкъ народа, только для отвода глазъ допущенный въ программѣ преподаванїя казенныхъ учебныхъ заведенїй въ число предметовъ необязательныхъ, наравнѣ съ уроками чистописанїя и рисованїя. Проникнутая желанїемъ унижить все русское въ Подолїи и мнившая воскресить Польшу для грядущихъ поколѣнїй, школа внѣдряла въ незрѣлыя умы учащихся превратныя понятїя о Россїи. Восхваляя дѣянїя и бытъ стародавней Польши и умалчивая о причинахъ окончательнаго ея разложенїя и паденїя, или извращая ихъ, школа вселяла въ умы учащагося юношества увѣренность скорого возрожденїя „ойчизны отъ моря до моря“ и не только допускала совращенїе православныхъ въ католицизмъ, но и сама участвовала въ образованїи между ними политическихъ кружковъ враждебнаго Россїи направленїя. Постоянно дѣйствуя въ духѣ религїознаго прозелитизма, она строго соблюдала обычаи римско-католической церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляла православныхъ учениковъ ходить въ костелы во всѣ католическіе праздники; въ дни же, чествуемые нашею церковью, принуждала ихъ присутствовать на урокахъ и тѣмъ лишала возможности посѣщать собственныя церкви. Загнанное панами православное духовенство, при отсутствїи правительственной поддержки, протестовать не смѣло.

Громадную помощь дѣлу ополяченїя края оказали женскїе пансіоны, съ польками патриотками во главѣ. Эти притоны полонизма, за которыми со стороны правительства не было почти никакого надзора, заманивали въ свои стѣны не только дѣвицъ изъ семействъ русскихъ мѣстныхъ обывателей и прїѣзжихъ православныхъ служилыхъ людей, но и дѣтей священниковъ и причетниковъ и дрессировали ихъ по традиціямъ и вѣрованїямъ,

враждебнымъ Россіи. По окончаніи курса въ пансіонахъ, возвращаясь въ свои загнанныя семьи, ученицы вносили въ домашній бытъ ложныя понятія о своей родинѣ и полное невѣдѣніе отцовской вѣры, при горячемъ сочувствіи къ папизму и ко всему польскому. Послѣдствіемъ такого печальнаго явленія было то, что польская рѣчь вскорѣ сдѣлалась въ Подоліи господствующею, и многіе члены православнаго клира и пріѣзжіе русскіе чиновники и ихъ семьи стали говорить у себя на дому, въ обществѣ и даже въ храмахъ при богослуженіяхъ не иначе, какъ на языкѣ панскомъ, презирая русскій, какъ языкъ хлопскій, ополячивались, такъ сказать, поневолѣ, ибо для русскаго населенія русскихъ школъ въ краѣ не было.

Увѣренность, что правительство не противится ополяченію Подоліи, была основана не только на томъ, что оно дозволяло вожакамъ колонизаціи края укоренять и широко распространять польскую рѣчь и шляхетскія воззрѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ, но и на томъ, что оно не препятствовало латинскому духовенству проводить во всеуслышаніе въ костелахъ, на площадяхъ въ юбилейные дни и въ сорокачасовыя богослуженія тѣ-же вождедѣнія, открыто восхвалять традиціи и обычаи старины польской и нападать на государственный строй, на господствующую въ Имперіи вѣру и на народную рѣчь.

При такой, почти полной свободѣ къ ополяченію Западнаго края въ первое десятилѣтіе текущаго столѣтія, несуществовавшей даже въ фанатическіе дни польско-іезуитскаго владычества, остракизмъ, наложенный на русскій языкъ, и замѣна его польскою, народу чуждою и многимъ прихожанамъ непонятною рѣчью, придали послѣдней политическое значеніе, перенесенное въ костель, — значеніе, которое даже до настоящихъ дней служитъ камнемъ преткновенія къ полному сліянію русскихъ окраинъ съ коренною Русью.

Вожаки полонизма весьма хорошо понимаютъ, что пока русскій языкъ не будетъ исторгнутъ съ корнемъ изъ народнаго употребленія, Западный край не превратится въ Польшу. Вотъ почему имъ нуженъ польскій католикъ взамѣнъ русскаго. Тутъ является уже не религіозный, но безусловно политическій

выглядъ, тѣмъ настойчивѣе проводимый польскимъ духовенствомъ чрезъ костелъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ раіонѣ своихъ дѣйствій, послѣ мятежа 60-хъ годовъ, вынуждено было принять болѣе радикальныя мѣры для прекращенія пропаганды чрезъ школу.

Въ періодъ польскаго владычества надъ Подолею (1434—1793), пришлое ляхи, которыхъ и донинѣ публицисты извѣстнаго лагеря величаютъ носителями высшей культуры, приписывая мартирологъ беззащитнаго русскаго люда и всѣ неправды и ужасы прошлаго не имъ, а суровому духу того времени, обрѣли въ своихъ потомкахъ, послѣ разчлененія Польши, не менѣ ревностныхъ послѣдователей и проводниковъ идей польскихъ. При связяхъ съ лицами, стоявшими у кормила власти, эти новые подданные Россіи стали тайно и явно противодѣйствовать мѣропріятіямъ правительства въ дѣлѣ тѣснѣйшаго сближенія нашихъ западныхъ окраинъ съ коренною Русью. Владѣя значительными наслѣдственными имѣніями со сплошнымъ русскимъ населеніемъ, отчасти окатоличеннымъ, но въ большинствѣ случаевъ православнымъ, они стали усиленно пріобрѣтать отъ новыхъ владѣльцевъ вотчины, жалованныя Государями русскимъ служилымъ людемъ за боевыя и государственныя заслуги, и, сдѣлавшись патронами православныхъ церквей въ купленныхъ имѣніяхъ, получили возможность распространять свое тлетворное вліяніе не только на мірянъ, но и на православное духовенство, которое еще съ половины XVII столѣтія, находясь въ зависимости отъ вотчинниковъ имѣній, опредѣлялось на мѣста и смѣнялось съ нихъ по произволу помѣщика *).

При отсутствіи въ первой четверти текущаго столѣтія цѣлесообразныхъ мѣръ къ прекращенію совращеній въ полонизмъ, при колебаніяхъ и полумѣрахъ со стороны администраціи, происходившихъ отъ полнаго незнанія исторіи и элементовъ возсоединенныхъ областей, при выборѣ и утвержденіи на административныя должности лицъ польскаго происхожденія и выходцевъ

*) Патронатство de facto прекратилось вполнѣ по западнымъ губерніямъ только въ 60-хъ годахъ—съ устройствомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

изъ другихъ странъ (подобно австрійскому подданному гр. Грохольскому, который, будучи губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ, способствовалъ передачѣ православныхъ церквей латинамъ), — большинство русскихъ, присланныхъ на мѣста чиновниковъ дѣйствовало въ ущербъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ, или относилось къ подпольнымъ махинаціямъ пропагандистовъ съ равнодушіемъ и апатіею. Намѣченныя правительствомъ и отчасти начатыя, съ уходомъ кн. Чарторыйскаго съ политическаго поприща, въ концѣ царствованія Александра I, мѣропріятія къ сліянію западныхъ окраинъ съ коренною Русью, отъ которыхъ предвидѣлся несомнѣнный, прочный и полный успѣхъ, остались, въ большинствѣ случаевъ, мертвою буквой, что естественно должно было повести къ смутамъ 30-хъ и 60-хъ годовъ, объявившимъ всю территорію Западнаго края и вынудившимъ правительство къ принятію мѣръ болѣе энергичныхъ и цѣлесообразныхъ.

Въ царствованія императоровъ Николая I и Александра II на всѣ отрасли государственнаго управленія западныхъ губерній, и особенно на воспитаніе подроставшаго поколѣнія, въ огражденіе его отъ совращенія въ полонизмъ, было обращено особое вниманіе. Правительство нашло нужнымъ для поддержанія русскихъ началъ въ краѣ закрыть очаги латино-польской пропаганды: виленскіе университетъ, римско-католическую духовную академію, дворянскій институтъ, женскіе пансіоны, содержимые польками, и школы при костелахъ и удалить польскій учебный персоналъ изъ средне-учебныхъ заведеній, замѣнивъ его благонадежными русскими педагогами. Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія, вмѣсто польскаго языка, сталъ преподаваться на русскомъ, по учебникамъ военно-учебныхъ заведеній. Эта послѣдняя мѣра, по волѣ въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны, была распространена и на учебныя заведенія учрежденій императрицы Маріи (на Кіевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, Фундуклеевскую гимназію и др. заведенія). Въ обоихъ западныхъ учебныхъ округахъ открыты были особыя дирекціи народныхъ школъ, учительскія семинаріи, институтъ для дѣвицъ въ Вильнѣ, и вообще приступлено было

Написано

Печатня И. Козлова, С. Петербург, Калашная ул. № 12.

къ мѣрамъ серьезнаго огражденія учащихся отъ элементовъ враждебныхъ Россіи. Святѣйшій Синодъ, съ своей стороны, благословилъ открытіе въ западныхъ губерніяхъ училищъ для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, которыя до того времени, за недостаткомъ русскихъ учебныхъ заведеній, поступали въ польскіе пансіоны, гдѣ совращались въ полонизмъ, а иногда и въ латинство. Заботы правительства о многострадальномъ краѣ въ послѣдніи два царствованія вызвали полное сочувствіе русскаго общества и духовенства. Отъ прихожанъ западныхъ православныхъ церквей стали поступать всеподданнѣйшіе благодарственные адреса за оказываемое правительствомъ благодѣяніе. Изъ одной Волынской епархіи ихъ поступило въ министерство внутреннихъ дѣлъ до 300. Русское общество коренныхъ губерній Имперіи откликнулось обильными приношеніями на призывъ къ помощи школамъ, церквямъ и западному духовенству, которое, несмотря на свою матеріальную нищету и на полнѣйшую отъ враждебныхъ Россіи пановъ зависимость, съ такимъ самоотверженіемъ сумѣло вынести вѣковыя невзгоды и дало своей родинѣ возможность сохранить исконныя начала: языкъ и вѣру предковъ. Милостивое участіе, принятое въ Бозѣ почившею императрицею Марією Александровною въ дѣлѣ возобновленія православныхъ храмовъ въ Западномъ краѣ, привлекло многочисленныя пожертвованія на осуществленіе патріотическаго предпріятія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Отъ щедротъ Ея Величества многія православныя церкви помѣщичьихъ имѣній, доведенныя до послѣдняго убожества и запечатанныя за совершенною ветхостью, были возобновлены и щедро снабжены богослужебною утварью, облаченіями и книгами. Слѣдуя благочестивому примѣру Августѣйшей Родительницы, въ Бозѣ почившій цесаревичъ Николай Александровичъ и всѣ члены Императорскаго Дома, равно какъ православныя іерархи и во главѣ ихъ высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, столичное и провинціальное духовенство, лавры, монастыри, высшее общество столицъ и русскіе люди всѣхъ сословій предоставили министерству, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, достаточныя средства для обезпеченія свыше

четырёхъ тысячъ церквей Западнаго края и поддержаніе многихъ обездоленныхъ причтовъ и пиколь.

Въ настоящее время вѣроисповѣднѣйшій вопросъ, который составлялъ на западѣ Россіи, въ продолженіе столѣтій, злобу дня, разрѣшился бы окончательно и безповоротно, если бы совращенное въ латинство русское населеніе было ограждено отъ дальнѣйшаго ополяченія чрезъ костель. Хотя вопросъ о языкѣ поставленъ нынѣ въ болѣе нормальныя условія путемъ очистки педагогическаго персонала правительственныхъ школъ отъ польскаго намета, онъ однако не можетъ считаться вполне завершеннымъ, пока въ костелахъ съ русскими прихожанами не прекратится употребленіе польскаго, чуждаго населенію языка, который въ проповѣдяхъ и дополнительномъ богослуженіи употребляется тамъ и донныѣ. Если бы введеніе русскаго языка въ костелы такихъ приходоѡ могло имѣть хоть тѣнь вліянія на православныхъ, бывшихъ уніатовъ, въ смыслѣ ихъ обратнаго совращенія въ латинство, оно несомнѣнно встрѣтило бы не сопротивление, а полнѣйшее сочувствіе и дѣятельную помощь со стороны польскаго общества и латинскаго духовенства; оно не вызвало бы въ 1868—69 гг. инициативы и мѣропріятій министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и синодальнаго оберъ-прокурора и не удостоилось бы, конечно, одобренія и утвержденія Верховною Властью; между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ совершенно противное.

Борьба латинскаго духовенства съ православіемъ, будучи тѣсно связана съ мечтами о возстановленіи Польши, направлена къ обезличенію русскаго католика съ цѣлью обращенія его въ католика-поляка. Не противодѣйствовать этому—немыслимо со стороны русскаго православнаго правительства. Еще въ 1867 году въ видахъ фактическаго огражденія русскихъ католиковъ отъ полнѣйшаго совращенія ихъ въ полонизмъ, бывший виленскій генераль-губернаторъ, покойный гр. Э. Т. Барановъ, сознавая, что со введеніемъ въ костелы съ русскими прихожанами мѣстнаго языка взамѣнъ польскаго рушилась бы одна изъ главныхъ причинъ къ окончательному располяченію западно-русскаго края, ходатайствовалъ о

томъ, чтобы молитвы за предержавшую власть произносились на природномъ языкѣ прихожанъ, т. е. по-русски, какъ это дѣлалось почти повсемѣстно даже въ печальное время польскаго владычества надъ краемъ и по возвращеніи его Россіи, въ первые годы послѣ раздѣла Польши вплоть до 50-хъ годовъ, на основаніи мѣстныхъ, обязательныхъ для римско-католическаго духовенства, соборныхъ постановленій XVII и XVIII вѣковъ, утвержденныхъ папами. Въ этихъ постановленіяхъ, между прочимъ, было узаконено, что „всѣмъ и каждому изъ ксендзовъ обязательно произносить по-русски (*lingua nativa, popularis, vulgaris*) проповѣди и причастныя молитвы, которыя повторялись бы за священникомъ прихожанами, — Отче нашъ, Ave Maria, Символь вѣры и др.“ — вообще предоставлялось прихожанамъ естественное право молиться на ихъ природномъ языкѣ, — „*vernacula lingua*“, а не на польскомъ — „*idioma polonicum*“. И эти постановленія мѣстныхъ соборовъ, утвержденныя папами (Урбаномъ VIII, Венедиктомъ III и др.), соблюдались до изданія въ 1858—1864 годахъ виленскихъ требниковъ, въ которыхъ въ первые польскій языкъ возведенъ на степень народнаго (*vulgaris*). На точномъ основаніи означенныхъ постановленій „все, что противно имъ, лишено силы и значенія“. Но ходатайство гр. Баранова, несмотря на исполнѣ законное его требованіе, было, однако, отклонено подъ тѣмъ предлогомъ, что русскій языкъ якобы не разрѣшенъ папами въ костельныхъ богослуженіяхъ, въ дѣйствительности же потому, что, по мнѣнію поляковъ-ультрамонтановъ, ихъ языкъ, какъ сроднившійся съ католичествомъ, менѣе опасенъ для послѣдняго, чѣмъ языкъ „схизматиковъ“.

За тѣмъ въ 1869 году покойный гр. Д. А. Толстой, который занималъ тогда должности министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода, принимая во вниманіе, что польскій языкъ по высочайшимъ повелѣніямъ безусловно запрещенъ не только въ преподаваніи закона Божія, но вообще въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, и усматривая неотложную необходимость противодѣйствовать совращенію учащагося юношества чрезъ костель въ полонизмъ, призналъ надежнѣйшимъ къ тому средствомъ замѣнить польскій языкъ въ проповѣдяхъ и дополнительномъ

богослуженіи въ костелахъ, посѣщаемыхъ учащимися, мѣстнымъ русскимъ государственнымъ языкомъ, который, вслѣдствіе давленія на него внѣшнихъ обстоятельствъ религіозно-политическаго свойства, былъ замѣненъ чуждымъ населенію нарѣчіемъ, на какую мѣру свѣтская власть безъ всякаго на то разрѣшенія римской куріи имѣетъ неотъемлемое право. Сдѣлавъ чрезъ бывшаго попечителя учебнаго округа (пишущаго настоящія строки) предварительное распоряженіе о переводѣ молитвенниковъ (алтарчиковъ), воскресныхъ и праздничныхъ евангелій (по вульгатѣ), катихизиса и другихъ книгъ духовнаго содержанія для учениковъ-католиковъ съ польскаго на русскій языкъ, гр. Толстой поручилъ ксендзамъ-законоучителямъ принять къ руководству эти переводы, одобренные римско-католическою коллегією, которая, конечно, затруднилась бы дать на это свое согласіе, еслибы нуждалась въ разрѣшеніи римской куріи. Переводы эти, напечатанные въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, были розданы учащимся; прежніе же польскіе молитвенники, изъ коихъ многіе, по указаніямъ самихъ законоучителей, оказались съ тенденціознымъ, враждебнымъ Россіи направленіемъ, съ молитвами объ „ойчизнѣ“ къ королевичу Казимиру, патрону Литвы, къ Станиславу, патрону Польши, и др., большею частію заграничной печати, непропущенные цензурою, были ксендзами отобраны отъ учениковъ и сданы въ управленіе учебнаго округа. Съ приведеніемъ въ дѣйствіе означенныхъ мѣръ, учащіеся стали посѣщать костелы съ русскими молитвенниками; одобренные же римско-католическою коллегією, въ переводѣ, молитвы дополнительнаго богослуженія вошли тогда же въ употребленіе безъ малѣйшаго со стороны ксендзовъ и прихожанъ протеста, взамѣнъ прежнихъ польскихъ, а проповѣди стали произноситься по-русски, чрезъ что костелы перестали быть очагомъ полонизаціи русскаго учащагося юношества

Въ управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ генераль-губернатора Потапова, котораго конечно нельзя упрекнуть ни въ русскомъ фанатизмѣ, ни въ преслѣдованіи шляхетско-ksenдзовскихъ поповеній, клонящихся къ ополяченію края, — дѣло русскаго языка находилось въ благопріятныхъ условіяхъ. Одновременно со

введеніемъ его въ костелы, посѣщаемые учащимся юношествомъ, по вчинанію бывшаго въ то время виленскаго губернатора, покойнаго контръ-адмирала И. А. Шестакова, сознававшаго крайнюю необходимость оградить русскихъ прихожанъ католиковъ высочайше ввѣренной ему губерніи отъ окончательнаго ополяченія, а за нимъ и другихъ начальниковъ губерній Сѣверо-Западнаго края, весьма многіе костелы огласились родными для нихъ звуками, особенно въ Минской губерніи, гдѣ въ продолженіе весьма короткаго времени, съ согласія прихожанъ и безъ малѣйшаго протеста со стороны мѣстныхъ ксендзовъ-настоятелей, русскій языкъ (*lingua nativa*) былъ введенъ въ 32-хъ костелахъ (изъ общаго по губерніи числа 52-хъ) не только въ проповѣдяхъ и дополнительномъ богослуженіи, но и при совершеніи таинствъ и другихъ службахъ, которыя совершались по-польски.

Введеніе русскаго языка въ костелахъ безъ малѣйшаго нарушенія вѣротерпимости, основанное на соборныхъ постановленіяхъ, которыя обязательны для латинскаго духовенства, было охотно и любовно принято прихожанами и вынудило полонизмъ оставить свое послѣднее убѣжище — костель. Эта добровольная замѣна искусственнаго естественнымъ представляла прочное ручательство за будущность проведенной мѣры и могла быть измѣнена лишь дѣйствіемъ могучаго, враждебнаго интересамъ Россіи, тормазы, — что, конечно было невысказано.

Ксендзы-законоучители, принимавшіе *motu proprio* участіе во введеніи русскаго языка въ костелы, удостоились высочайшаго вниманія въ Бозѣ почившаго государя императора Александра II, изволившаго по всеподданнѣйшимъ докладамъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и синодальнаго обер-прокурора отличить полезную ихъ дѣятельность пожалованіемъ наперстныхъ крестовъ и орденовъ.

Чтобы упрочить высочайше одобренную и мирно введенную въ костелы мѣру замѣны польскаго языка русскимъ, гр. Д. А. Толстой, при постоянной заботливости своей о государственныхъ интересахъ Россіи, всеподданнѣйше исходатайствовалъ (въ февралѣ 1869 г.) высочайшее повелѣніе, на основаніи котораго со стороны министерства народнаго просвѣщенія учрежденъ былъ

ближайшій надзоръ за преподаваніемъ русскихъ предметовъ въ римско-католическихъ семинаріяхъ, куда большинство учениковъ вербуются изъ польской шляхты и изъ фанатическихъ семействъ ополяченныхъ русскихъ католиковъ. Эта мѣра была крайне необходима въ виду того, что клирики, послѣ ихъ рукоположенія въ ксендзы, не владѣя свободно русскимъ языкомъ, не могли исполнять обязанностей, возложенныхъ на нихъ вышеуказанными постановленіями.

Не довольствуясь введеніемъ отечественнаго языка въ костелы, посѣщаемые учащимися русскими католиками, гр. Толстой одновременно съ тѣмъ обратилъ заботливое вниманіе и на реформатское юношество, среди котораго польскій прозелитизмъ со временъ протестантовъ Радзивиловъ оставилъ глубокіе корни. При содѣйствіи покойнаго генераль-суперъ-интендента Липинскаго, гр. Толстой ввелъ и для реформатовъ преподаваніе закона Божія, произнесеніе проповѣдей и чтеніе установленныхъ молитвъ на русскомъ языкѣ взамѣнъ польскаго.

Въ связи съ описанными мѣрами, предпринятыми правительствомъ къ прекращенію дальнѣйшаго ополяченія Западнаго края, по мысли приснопамятнаго митрополита литовскаго Юсифа (Сѣмашко), которую вполне раздѣлялъ и графъ М. Н. Муравьевъ, возникло въ 1868 году предположеніе объ открытіи въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія для приготовленія священниковъ съ академическимъ образованіемъ и свѣтскихъ преподавателей въ среднія учебныя заведенія, которые, по уровню педагогической подготовки, были бы въ состояніи противодѣйствовать фанатически настроеннымъ ксендзамъ, назначаемымъ въ западныя губерніи настоятелями костеловъ и законоучителями въ правительственныя учебныя заведенія. О необходимости и благовременности учрежденія духовной академіи для западнаго православнаго духовенства было всеподданнѣйше доведено въ концѣ 1868 года до высочайшаго свѣдѣнія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Затѣмъ проектъ учрежденія академіи былъ выработанъ при Виленскомъ учебномъ округѣ, рассмотрѣнъ и одобренъ съ нѣкоторыми дополненіями пре-

емникомъ митрополита Іосифа, высокопреосвященнымъ Макаріемъ, и представленъ 1869 году графу Д. А. Толстому.

Разъясненіе судебъ русскихъ духовныхъ началъ въ Западномъ краѣ въ послѣдующее затѣмъ время не можетъ здѣсь имѣть мѣста, потому что оно повело бы за предѣлы задачи настоящаго изложенія, ограничивающагося совершившимися на глазахъ всѣхъ гласными и общеизвѣстными фактами, которые въ свое время были опубликованы въ правительственномъ органѣ „Сѣверная Почта“, подробно изложены столичными и провинціальными газетами и журналами, всеподданнѣйше доведены до высочайшаго свѣдѣнія, удостоены одобренія Верховной Власти и съ признательностью оцѣнены мѣстными жителями и тѣми, кому дороги духовныя интересы Россіи.

Мы далеки отъ мысли входить съ кѣмъ бы то ни было въ полемику по такъ называемому польскому вопросу и не имѣемъ никакого желанія не только обострять польско-русскія отношенія, но, по возможности, и касаться страшнаго мартиролога западно русскаго народа въ періодъ магнато-іезуитскаго владычества надъ краемъ, къ которому принадлежитъ Подолія, и считаемъ своею обязанностью заявить, что въ числѣ польскихъ магнатовъ (Потоцкихъ, Замоискихъ, Любомирскихъ и др.) и польской шляхты, а также между потомками русскихъ ренегатовъ (Любецкихъ, Сангушекъ, Четвертинскихъ и др.), покинувшихъ отцовскую вѣру и забывшихъ высокія дѣянія доблестныхъ своихъ предковъ, были и донинѣ существуютъ лица благонамѣренныя, познавшія изъ горькаго опыта всю тщету и несостоятельность стремленій къ возстановленію Речи Посполитой или къ созиданію общеславянской федераціи, въ которой первенствующая роль принадлежала бы Польшѣ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ допустить увѣренія, что въ Подоліи, какъ и вообще въ западныхъ областяхъ нашихъ, происходила и до нынѣ продолжается борьба за водвореніе высшей культуры, носителями коей яко бы были и суть интеллигентные поляки и пацисты. Дѣйствительно, была ожесточенная, кровавая, вѣковая борьба, которая послѣ паденія Польши, принявъ болѣе смягченныя формы, не угасла и до настоящихъ дней. Борьба эта ведется, съ одной

с т о р о н ы, чрезъ подпольное распространіе въ народѣ лицами польскаго лагеря брошюръ революціоннаго направленія, воззваній и подметныхъ листковъ и поддерживается на деньги поляковъ, владѣльцевъ русскихъ имѣній, проживающихъ свои доходы за границу и не перестающихъ мечтать о возстановленіи „ойчизны отъ моря до моря“, а съ другой стороны—тѣми русскими людьми, которымъ дорога истина, основанная на фактическихъ и историческихъ данныхъ, цѣлость Россіи, ея честь и неприкосновенность ея государственныхъ и общественныхъ началъ. Ихъ девизъ: *Veritas salusque publica*, и они не отступятъ отъ него ни ради хваленій и популярности въ противномъ лагерѣ, ни ради невниманія или равнодушія къ ихъ дѣятельности, основанной на любви къ родинѣ и долгѣ вѣрнопопданнаго.

Хотя академикъ А. Θ. Бычковъ, въ отзывѣ своемъ о книгѣ „Бѣлорусія и Литва“ весьма справедливо замѣчаетъ, что „чѣмъ тѣснѣе будетъ сближаться наша западная окраина съ Имперіею, тѣмъ болѣе и болѣе будутъ покрываться забвеніемъ прискорбные факты прошлаго“,—нельзя, однако, въ данномъ случаѣ, не имѣть въ виду, что желаемое сближеніе можетъ въ дѣйствительности осуществиться лишь тогда, когда прекратятся подпольныя интриги полякующихъ; тогда, и только тогда, излишне будетъ вспоминать о мрачныхъ дняхъ прошлаго и о томъ, какія мѣры необходимо еще принять для подъема духа и оживленія самосознанія въ русскихъ обитателяхъ Западнаго края; но пока это не осуществилось, пока не прекращаются попытки къ ополяченію русской земли, было бы не только преждевременно, но положительно преступно умалчивать о безобразіяхъ минувшей эпохи и не выводить на свѣтъ Божій польскихъ небылицъ, посредствомъ коихъ стараются скрыть отъ правительства и русскаго общества непрекращающіяся попытки шляхетско-ксендзовской партіи, направленной къ дальнѣйшему преуспѣянію и осложненію польскаго вопроса. „Самая грубая ложь для большинства людей можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ, если повторяется часто и не встрѣчаетъ протеста со стороны тѣхъ, которые обязаны блюсти и охранять истину“, какъ справедливо отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ покойный профессоръ А. В. Никитенко, бывшій долгое

Александр

Въспоминанія о жизни и деятельности Александра 1812-1825

время преподавателемъ въ Петербургской римско-католической академіи.

Къ Подоліи, служившей по своимъ климатическимъ и экономическимъ условіямъ еще во дни Речи Посполитой излюбленною страню для польскихъ магнатовъ, пребываніе которыхъ въ наслѣдственныхъ замкахъ съ особенностями и пышностію польской обстановки не могло не оставить значительныхъ слѣдовъ въ краѣ, относятся болѣе, чѣмъ къ другимъ мѣстностямъ западныхъ областей нашихъ, заключительныя слова историческаго очерка „Вѣлоруссія и Литва“, профессора Петрова: „для русскаго правительства и русскаго общества предстоить не мало труда въ дѣлѣ окончательнаго умиротворенія края и упроченія въ немъ русскихъ историческихъ началъ“. Къ этому основательному заключенію прибавимъ, что Подолія не въ силахъ утратить свою обманчивую личину, которая даетъ поводъ къ печальнымъ и опаснымъ недоразумѣніямъ, безъ принятія мѣръ къ уничтоженію напускнаго польскаго миража, враждебнаго духу страны искони русской и православной.

Издатель настоящей книги, окончивъ возложенное на него Высочайшею волею по Западнему краю порученіе, считаетъ своею обязанностію и долгомъ сердца остановить благоговѣйное вниманіе читателя на милостивомъ участіи, которое было принято въ духовной жизни западно-русскаго народа въ Бозѣ почившими государынею императрицею Маріею Александровною и цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и, какъ слабую дань къ Ихъ свѣтлой памяти, осмѣливается помѣстить въ настоящей книгѣ дорогія Ихъ изображенія, относящіяся къ тому времени, когда правительство нашло нужнымъ обратиться съ призывомъ къ общественной благотворительности на устройство церквей, быта духовенства и школъ Западнаго края и признало благовременнымъ возобновеніе древнихъ православныхъ братствъ, которыя еще во дни польскаго владычества охраняли православіе и русскую народность и были, по возвращеніи намъ западныхъ областей, почти повсемѣстно упразднены.

Въ заключеніе на издательѣ лежитъ долгъ вспомнать о бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, покойномъ гр. С. С. Ланскомъ,

который подготовилъ, такъ сказать, почву для правительственной дѣятельности по устройству православныхъ церквей въ западно-русскомъ краѣ. Въ его управленіе приступлено было къ осмотру храмовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, причемъ обращено было вниманіе на развалины памятниковъ древняго русскаго зодчества, разсѣянныхъ по всему пространству сѣверо и юго-западныхъ губерній. Изображенія и описанія этихъ древностей послужили нагляднымъ и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ той истины, что западныя области наши, слывшія до того краемъ польскимъ, составляютъ органическую часть Имперіи.

По кончинѣ гр. Ланскаго, вѣроисповѣдныя атласъ и альбомъ рисунковъ древностей Волыни съ краткимъ ихъ описаніемъ были всеподданнѣйше представлены гр. П. А. Валуевымъ въ Бозѣ почившему императору Александру II, и Его Величеству благоудно было высочайше повелѣть приступить къ печатанію ихъ на суммы прavitельственныя и къ производству дальнѣйшихъ изысканій русскихъ древностей по всему Западному краю. Въ 1875 году, несмотря на массу собранныхъ матеріаловъ по сѣверо и юго-западнымъ губерніямъ, изданіе это было приостановлено, но въ 1883 году, по ходатайству издателя и по всеподданнѣйшему докладу покойнаго гр. Д. А. Толстаго, оно снова разрѣшено къ печатанію, причемъ раіонъ изслѣдованій былъ значительно расширенъ включеніемъ двухъ забужскихъ губерній Люблинской и Сѣдлецкой (Холмщины и Подляшья), густо населенныхъ русскимъ людомъ, исповѣдующимъ православіе, и до послѣдняго времени слывшихъ за край польскій.

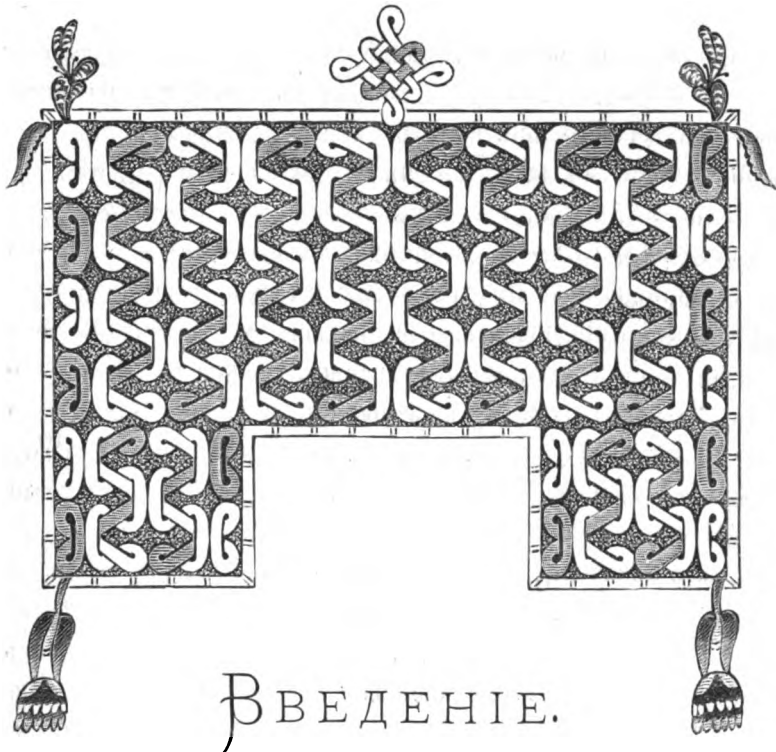
Раздѣляя просвѣщенный взглядъ своего предмѣстника, статсъ-секретарь И. Н. Дурново призналъ нужнымъ всеподданнѣйше исходатайствовать, какъ сказано выше, высочайшее повелѣніе о составленіи и изданіи очерковъ объ историческихъ судьбахъ Подоліи и Бессарабіи, и тѣмъ доставилъ издателю возможность закончить трудъ по всей западной границѣ Имперіи „отъ моря до моря“.

Историческій очеркъ Подоліи составленъ профессоромъ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровымъ, который, по просьбѣ издателя, воспользовался вакаціоннымъ временемъ

1890 года для посѣщенія западной окраины и для личяныхъ объясненій съ нѣкоторыми мѣстными учеными и старожилами. Одновременно съ поѣздкою профессора Петрова, дано было издателемъ порученіе д. с. с. М. И. Городецкому осмотрѣть указанныя ему мѣстности Подоліи и Бессарабіи и собрать художественныя и историческія матеріалы для иллюстрированія книги и описанія рисунковъ и гравюръ. Составленныя г. Городецкимъ краткія монографіи (за исключеніемъ статьи о М. В. Юзefовичѣ, составленной другимъ лицомъ) введены во второй отдѣлъ книги. Тому же сотруднику принадлежит редакціонная часть изданія и ближайшее наблюденіе за печатаніемъ книги и воспроизведеніемъ иллюстрацій и картъ. Фототипіи исполнены придворнымъ фотографомъ В. І. Класеномъ; ксилографіи — преимущественно художникомъ В. В. Матэ; карта Подоліи и синхронистическая таблица — картографическимъ заведеніемъ Ильина; хромофотографія — Штадлеромъ и Паттино-томъ. Книга напечатана въ типографіи товарищества „Общественная Польза“, подъ наблюденіемъ директора товарищества В. И. Вишнякова.

Издатель приноситъ искреннѣйшую признательность за участіе, оказанное при составленіи книги, высокопреосвященному митрополиту кievскому Платону, архіепископу подольскому (нынѣ виленскому) Донату, нынѣшнему подольскому епископу Дмитрію, памѣтнику Кіево-Печерской лавры, архимандриту Ювеналію, подольскому губернатору В. М. Глинкѣ, инспектору холмской гимназій А. С. Будиловичу, редактору „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ Н. И. Яворовскому, управляющему Каменецъ-Подольскимъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка Н. С. Гогоцкому, балтскому протоіерею о. В. Рудзкому, каменецкому священнику о. Е. І. Сѣдинскому, членамъ каменецъ-подольскаго епархіальнаго статистическаго комитета М. О. Грейму и І. І. Ролле и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя удостоили изданіе своими указаніями и присылкою матеріаловъ для составленія книги.

ВВЕДЕНИЕ.

Составъ и объемъ Подоліи въ разное время: Понизье, его предѣлы и славяно-русское населеніе его; власть литовцевъ, названіе страны Подолией, предѣлы ея и города.—Присоединеніе къ Польшѣ западной Подолиі въ 1434 г. и восточной Брацлавщины въ 1569 г., и власть Польши до 1793 года.—Планъ историческаго очерка Подоліи и періоды развитія ея жизни.

РАЙ, ИЗВѢСТНЫЙ нынѣ подъ именемъ Подоліи, въ древности назывался Понизьемъ и, въ отношеніи народонаселенія и государственнаго быта страны, въ разное время имѣлъ различный составъ и объемъ. Первоначально весь онъ былъ заселенъ славяно-русскими племенами, хотя, повидимому, и не имѣлъ еще своего особаго названія. Въ первый разъ названіе Понизья встрѣчается въ лѣтописи подъ 1226 годомъ, въ противоположность возвышенной, горной части Галицко-Волинскаго княжества, и примѣнялось, повидимому, только къ области рѣки Днѣстра, до средняго его теченія ¹⁾. Когда же во второй половинѣ XIV вѣка появились въ этой странѣ литовцы, овладѣвшіе не только днѣстровскимъ Понизьемъ, но и областью восточнаго Буга, то По-

у нихъ болѣе широкій объемъ и переименовано въ Подольскіе²⁾. По отрывочнымъ указаніямъ древнѣйшей, дошедшей до насъ литовско-русской летописи. Подолія XIV вѣка занимала пространство, ограничиваемое съ запада сѣверными притоками рѣки Днѣстра—Дзурыномъ или даже Стрипой, среднимъ теченіемъ Днѣстра съ юга, и областью восточнаго Буга, до средняго его теченія, съ юго-востока. Сѣверная граница древней Подоліи приблизительно совпадала съ границами нынѣшнихъ Подольской и Волынской губерній³⁾. Важнѣйшими городами въ этой странѣ, при литовскихъ князьяхъ, были Каменецъ, Смотричъ, Бакота, Скала, Черный городъ, Брацлавъ, Соколецъ и Винница. Въ 1434 году западная часть Подоліи, по рѣку Мурафу, оторвана была отъ Литовско-Русскаго государства поляками, которые образовали изъ нея особое Подольское воеводство, тогда какъ восточная часть Подоліи или Брацлавщина продолжала оставаться за Литовскимъ государствомъ до люблинской униі Литвы съ Польшею въ 1569 году. Въ силу этой униі, и Брацлавщина присоединена была къ Польшѣ и образовала въ ней особое Брацлавское воеводство. Съ тѣхъ поръ обѣ части Подоліи, съ небольшими перерывами въ XVII вѣкѣ, падающими на время казацкихъ возстаній и на 27-лѣтнее владычество турокъ въ западной Подоліи, находились подъ властію Польши до воссоединенія Подольскаго и Брацлавскаго воеводствъ съ Россіею въ 1793 году.

Въ 1893 году исполнится столѣтіе со времени воссоединенія Подоліи съ Россійскимъ государствомъ. Поэтому считаемъ благовременнымъ представить краткій очеркъ исторіи Подоліи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени, съ тою цѣлію, чтобы подтвердить и оправдать естественныя и историческія права Россіи на эту составную часть ея, долго находившуюся въ чужихъ рукахъ, но никогда не терявшую своей коренной народности русской и всегда стремившуюся къ освобожденію отъ чуждаго ига. Разумѣется, при этомъ главное вниманіе обращено будетъ на русское народонаселеніе страны, стремившееся то къ объединенію съ остальными славяно-русскими племенами, то къ охраненію своей народности и сверженію чуждаго ига. Въ этомъ отношеніи исторію Подоліи можно раздѣлить на слѣдующіе періоды: 1) періодъ самостоятельнаго существованія и стремленія мѣстныхъ русскихъ славянъ къ объединенію и борьбы ихъ съ кочевниками; 2) литовско-русскій періодъ процвѣтанія русской народности подъ

властію Литвы и борьбы съ налегающимъ на нее полонизмомъ, со второй половины XIV вѣка и до люблинской уніи Литвы съ Польшей въ 1569 году; 3) польско-русскій періодъ, или время стремленія польскихъ началъ подавить русскую народность въ краѣ и противодѣйствія этой послѣдней польскимъ притязаніямъ и насиліямъ, и 4) періодъ возстановленія русской народности въ краѣ со времени воссоединенія его съ Россіей въ 1793 году.

Глава первая.

Периодъ самостоятельнаго существованія и стремленія мѣстныхъ русскихъ славянъ къ объединенію и борьбы ихъ съ кочевниками.

Перечень славянскихъ племенъ; юго-западные славяно-русскія племена, имѣющія отношеніе къ Подоліи,—поляне, хорваты и особенно угличы и тиверцы; гражданственное развитіе угличей и тиверцовъ и невозможность для нихъ создать государство вслѣдствіе набѣговъ кочевниковъ; основаніе государственныхъ центровъ на сѣверѣ Россіи и затѣмъ въ Кіевѣ и соединеніе ихъ въ одно государство, съ Кіевомъ во главѣ.—Притяженіе къ Кіеву южно-русскихъ племенъ и въ частности угличей и тиверцовъ; появленіе на югѣ новыхъ кочевниковъ и ослабленіе связи угличей и тиверцовъ съ Кіевомъ.—Хорваты и дулѣбы, образованіе у хорватовъ Галицкаго княжества и отношеніе его къ угличамъ и тиверцамъ; Иванъ Берладникъ и Ростиславъ Берладничичъ и борьба ихъ съ галицкими князьями въ Понизьѣ; соединеніе Галицкаго княжества съ Волынскимъ при Романѣ Мстиславичѣ; Даніилъ Романовичъ и его отношенія къ Понизью, подчиненіе Даніиломъ Болоховской земли.—Могущество Даніила, нашествіе татаръ и отторженіе ими Подоліи отъ Галицко-Волынскаго княжества; характеръ татарскаго владычества въ Подоліи.—Упадокъ Галицко-Волынскаго княжества; роль собирателей и объединителей южно-русскихъ земель берутъ на себя литовскіе князья.

О СКАЗАНІЮ русской лѣтописи, славяне первоначально осѣлись на Дунаѣ, гдѣ нынѣ Угорская земля и Болгарская, и оттуда уже расселились въ разное время на сѣверо-западъ, сѣверъ и сѣверо-востокъ. Ранѣе другихъ выдѣлились западно-славянскія вѣтви, изъ коихъ главнѣйшія были слѣдующія: моравы на рѣкѣ Моравѣ, чехи, хорваты бѣлые, серебъ, хорутане. Позднѣе со-

вершилось выселеніе славянъ отъ Дуная на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ предѣлы Польши и Россіи. «Когда же волохи покорили славянъ дунайскихъ, поселились между ними и стали притѣснять ихъ,—говоритъ лѣтопись,— то часть славянъ выселилась на Вислу и прозвалась тамъ ляхами; а изъ этихъ ляховъ одни назвались полянами, другіе лутичами, иные мазовшанами, иные поморянами. Такіе же славяне пришли и поселились по Днѣпру и назвались полянами, а другіе древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ; а другіе поселились между Припетью и Двиною и назвались дреговичами, иные поселились на Двинѣ и назвались полочанами, именовъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину; славяне же, поселившіеся около озера Ильменя, прозвались своимъ именовъ, сдѣлали городъ и назвали его Новгородомъ; а другіе поселились по Деснѣ, по Сейму, по Сулѣ, и назвались сѣверянами. Такъ разошелся славянскій народъ, отъ котораго грамота получила названіе славянской». Но въ этомъ перечнѣ не упоминаются славяно-русскія племена, поселившіяся около Дуная, а также по Днѣстру и восточному Бугу, можетъ быть потому, что эти племена почти не удалились отъ Дуная и Черноморья и оставались на прежней своей родинѣ, или близъ нея. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ перечисляетъ эти послѣднія племена и распредѣляетъ ихъ по мѣсту жительства въ такомъ порядкѣ: «дулеби жили по Бугу (западному), гдѣ нынѣ волыняне, уличи и тиверцы сидѣли по Днѣстру, по Бугу (восточному) и по Днѣпру и простирались до Дуная, и было ихъ множество; ибо сидѣли по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру даже до моря; и есть города ихъ и до сегодня; и они назывались у грековъ Великая Скиѣ». Къ нимъ присоединяются еще, въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, хорваты въ прикарпатской области, жившіе въ сосѣдствѣ уличей, тиверцовъ и дулѣбовъ и образовавшіе впоследствии Перемышльскую землю ⁴⁾. Эти-то юго-западныя славяно-русскія племена и составляютъ ядро исторіи русской Подоліи. Въ предѣлахъ, занимаемыхъ впоследствии Понизьемъ и Подоліей, въ начальную пору русской исторіи, были слѣдующія племена: часть полянъ на верховьяхъ восточнаго Буга; часть хорватовъ на верховьяхъ Днѣстра, Прута и Серета, а главнымъ образомъ тиверцы и уличи по теченію Днѣстра и по берегамъ Чернаго моря отъ Днѣпра и до Дуная.

Поляне, занимавшіе нагорный берегъ Днѣпра, на юго-западъ раз-

селялись до верховьевъ восточнаго Буга, и, по среднему его теченію,

сосѣдили съ тиверцами, а на югѣ, быть можетъ, съ уличами или угличами. Здѣсь, на восточномъ Бугѣ, былъ впоследствии кievскій городъ Божскій Островъ ⁵⁾.

Хорваты жили по склонамъ Татранскихъ Карпатъ, спускаясь на югъ до Тиссы и Прута, на востокъ — до Днѣстра. Въ послѣдствіи времени здѣсь является Перемышльская земля, послужившая ядромъ для образованія Галицкой земли. Изъ древнихъ городовъ ея извѣстны Перемышль, Теревовль, Галичь, Звенигородъ, Микулянь, Ушица, Кучелминь, Плавъ, Василевъ, Калюсъ, Бакота и др., изъ коихъ послѣдніе семь находились въ Поддѣстровьи, въ предѣлахъ позднѣйшей Подоліи ⁶⁾. Составляя вѣтвь западно - славянскаго племени бѣлыхъ хорватовъ, хорваты русскіе, вмѣстѣ съ ними, имѣли довольно выработанное

Каменный идолъ древне-славянскаго бога
Свѣтовита.

и развитое языческое богослуженіе и кумиры, доказательствомъ чему

служать каменный идолъ древне-славянскаго божества Свѣтовита, найденный въ притокѣ Днѣстра Збручѣ, и сохранившіеся до настоящаго времени мѣстные народныя обряды наканунѣ новаго года, напоминающіе собою дѣйствія Свѣтовитова жреца, но описанію Саксона Грамматика ⁷⁾.

Къ югу отъ полянъ и хорватовъ жили тиверцы и уличи или угличи, простираясь до Чернаго моря, и занимали на черноморскомъ побережьи пространство отъ Днѣпра и до Дуная. По сказанію лѣтописи, «угличи и тиверцы сидѣли по Днѣстру, простирались до Дуная, было ихъ множество, ибо сидѣли по Днѣстру даже до моря; есть города ихъ и до сегодня; и они назывались у грековъ Великая Скиѣя». По другому разночтенію, угличи и тиверцы сидѣли по Бугу и по Днѣпру, «и простирались до Дуная; и было ихъ множество; ибо сидѣли по Бугу и по Днѣпру даже до моря». Противорѣчіе между этими показаніями лѣтописи, повидимому, примиряется болѣе позднимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ о переселеніи угличей съ низовьевъ Днѣпра къ западу и поселеній ихъ между восточнымъ Бугомъ и Днѣстромъ. По этому извѣстію, князь Игорь покорилъ угличей и, обложивъ ихъ данью, отдалъ эту дань воеводѣ своему Свѣнтельду. «И не дался ему одинъ городъ, именовъ Пересѣченъ, и стоялъ около его три лѣта, и едва взялъ его. И угличи сидѣли по Днѣпру внизъ, и потомъ пришли въ средину между Бугомъ и Днѣстромъ и осѣлись тамъ». Вѣроятно, они передвинулись въ область Днѣстра какъ вслѣдствіе столкновенія съ кievскими князьями, такъ и вслѣдствіе напора кочевыхъ инородцев ⁸⁾.

Прилегая къ Дунаю и къ предѣламъ Византійской имперіи, находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ греческими поселеніями по берегамъ Чернаго моря, тиверцы и угличи раньше другихъ славяно-русскихъ племенъ должны были подчиниться греческому вліянію, имѣли много городовъ и получили возможность ознакомиться съ православною вѣрою. Поэтому естественнѣе всего было бы ожидать отъ нихъ почина въ дѣлѣ образованія славяно-русскаго государства. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они чуть ли не послѣдними вошли въ составъ Русскаго государства и не имѣли въ немъ дѣятельнаго, созидающаго значенія. Причины ихъ страдательнаго отношенія къ созиданію Русскаго государства заключаются отчасти въ самомъ характерѣ греческаго вліянія на нихъ, отчасти въ мѣсторасположеніи этихъ племенъ на пути кочевыхъ, хищни-

ческихъ народовъ изъ южно-русскихъ степей въ богатую Византію и обратно. Византійское вліяніе, до появленія славянской письменности и обработаннаго языка, подавляющимъ образомъ должно было дѣйствовать на самобытную, народную стихію этихъ племенъ и привязывать ихъ къ греческой культурѣ и народности, а передвиженіе кочевыхъ, хищническихъ народовъ изъ южно-русскихъ степей въ Византію и изъ Византіи на лѣвую сторону Дуная мѣшало правильному государственному устройству этихъ племенъ. На самой ранней зарѣ своей исторіи южно-русскіе славяне подчиняются германскому племени готамъ, которые, можетъ быть, дали имъ самое названіе Русь. Вслѣдъ за паденіемъ владычества готовъ и на смѣну имъ, въ концѣ V вѣка, появляются между Волгой и Дономъ болгары, родственные гуннамъ и уграмъ, затѣмъ поселяются между Днѣстромъ, Прутомъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ, отсюда производятъ вторженія за Дунай, въ Византійскую имперію, занимаютъ здѣсь населенную славянами Мизію и полагаютъ начало Болгарскому государству, которое, получивъ свое имя отъ завоевателей, народность удержало славянскую. Въ началѣ IX вѣка, около 839 года, появляются на нижнемъ Дунаѣ угры или венгры, которые вскорѣ затѣмъ переходятъ далѣе на западъ, въ нынѣшнюю Венгрію. По удаленіи венгровъ, лѣвымъ берегомъ нижняго Дуная, приблизительно по нынѣшній Букарестъ, овладѣли печенѣги, которые и оставались тутъ во все время дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія ихъ орды, до половины или конца XII вѣка⁹⁾). Печенѣговъ смѣнили здѣсь половцы или куманы, появившіеся въ южно-русскихъ степяхъ въ XI вѣкѣ, а въ XII вѣкѣ придвинувшіеся къ Дунаю и кочевавшіе здѣсь почти до половины XIII вѣка¹⁰⁾). Почти всѣ эти кочевники, будучи неспособны къ осѣдлой жизни, земледѣлію и гражданственности, имѣли лишь чисто внѣшнія господственныя отношенія къ осѣдлому земледѣльческому славяно-русскому населенію, которое пережило временную, преходящую власть всѣхъ этихъ кочевниковъ, но не въ состояніи было создать государственнаго могущества и собрать воедино всѣ славяно-русскія племена.

Основаніе Русскаго государства и объединеніе въ немъ всѣхъ славяно-русскихъ племенъ началось не съ юга Россіи, постоянно опустошаемаго и насиюемаго кочевниками, а съ отдаленнаго сѣвера, наиболѣе свободнаго отъ чужеземнаго господства, съ новгородскихъ славянъ, и отсюда уже постепенно распространялось и на югъ Россіи, обуслови-

ваясь стремленіемъ отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ къ освобожденію себя отъ чужеземнаго ига. По сказанію лѣтописи, «брали дань варяги изъ-за моря на чуды, славянахъ новгородскихъ, мери, веси и на кривичахъ, а козары брали на полянахъ, сѣверянахъ, радимичахъ и вятичахъ, брали по горностаю и бѣлкѣ отъ дыма»¹¹⁾. Варяги эти происходили изъ Варангіи, нынѣшней Норвегіи¹²⁾. Передъ 862 годомъ племена, платившія дань варягамъ, изгнали послѣднихъ за море, не дали имъ дани и начали сами у себя владѣть; но, не установивъ сами собою внутренняго порядка и покоя, сами отправились за море къ тѣмъ же варягамъ и пригласили къ себѣ на княженіе трехъ братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Вскорѣ затѣмъ и на югъ Россіи, у собственной Руси, образуется варяго-русское владѣніе въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, гдѣ первыми варяжскими князьями являются Рюриковы князья Аскольдъ и Диръ и подчиняютъ себѣ племя полянъ, дотолѣ платившее дань козарамъ. При преемникѣ Рюрика, Олегѣ, и при сынѣ Рюриковомъ, Игорѣ, оба эти варяго-славянскія княженія сливаются въ одно цѣлое, причѣмъ починъ сліянія и перевѣсъ власти остается, на первыхъ порахъ, на сторонѣ сѣвера: Олегъ съ малолѣтнимъ Игоремъ, при помощи варяжской дружины и сѣверныхъ племенъ, особенно же новгородскихъ славянъ, овладѣваетъ Кіевомъ, свергнувъ и убивъ Аскольда и Дира, и дѣлаетъ его столицей объединеннаго государства¹³⁾. Частное названіе сѣвернаго племени «Славяне» слилось теперь съ частнымъ же названіемъ южнорусскихъ племенъ «Русь» и въ объединенномъ видѣ сдѣлалось общимъ названіемъ для всѣхъ славяно-русскихъ племенъ. Основная стихія этого славяно-русскаго государства, т. е. туземное славянское населеніе, осталась неприкосновенною: варяги не обнаружили почти никакого воздѣйствія на внутреннюю жизнь славянскихъ племенъ, не оставивъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, и т. п., и, влѣдствіе своей малочисленности, должны были безъ особенной борьбы слиться со славянами¹⁴⁾, придавъ имъ только прочное государственное устройство, подобно тому, какъ случилось то же самое нѣсколько раньше съ Болгаріей.

Съ образованіемъ государственнаго центра въ Кіевѣ, начинается притяженіе къ нему и сосѣднихъ племенъ, а въ томъ числѣ дулѣбовъ и хорватовъ, угличей и тиверцовъ, и государственное объединеніе ихъ подъ княжескою властію. Существуетъ смутное лѣтописное преданіе о

томъ, будто бы еще до покоренія Кіева Аскольдъ и Диромъ мѣстный князь Кій, давшій имя самому городу, основалъ также городъ Кіевецъ на Дунаѣ. По другому преданію, Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, боролись со степными варварами, съ сосѣдными славянскими племенами древлянами и угличами, съ дунайскими болгарами, и наконецъ сдѣлали набѣгъ на Византію, но, потерпѣвъ неудачу, приняли христіанство и возвратились назадъ ¹⁵). Угличи съ тиверцами, дѣйствительно, ранѣе другихъ южнорусскихъ племень должны были обратиться на себя вниманіе славяно-русскихъ князей, дѣлавшихъ постоянные набѣги на Византію, такъ какъ эти племена расположены были на пути изъ Руси въ Византію. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, руссы обыкновенно вторгались въ Византійскую имперію по сѣверо-западному берегу Чернаго моря, черезъ поселенія угличей и тиверцовъ и черезъ Болгарію ¹⁶). Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія объ угличахъ и тиверцахъ являются со временъ Олега. Покоривъ Кіевъ, Олегъ въ 885 году имѣлъ рать съ тиверцами и угличами, къ которымъ въ то же время вторглись кочевники угры ¹⁷). Вѣроятно, послѣдствіемъ этой борьбы было то, что въ 907 году тиверцы участвуютъ въ походѣ Олега на Царьградъ въ качествѣ «толковинъ», т. е. союзниковъ. При преемникѣ Олега Игорѣ, воевода его Свѣнтельдъ покорилъ угличей, на которыхъ Игорь наложилъ дань, отдавъ ее Свѣнтельду. Въ 944 году Игорь предпринимаетъ походъ на Царьградъ, и въ этомъ походѣ участвуютъ тиверцы въ качествѣ наемниковъ ¹⁸). Послѣ того прекращаются всякія лѣтописныя извѣстія объ отдѣльномъ существованіи тиверцовъ и угличей, вѣроятно потому, что они частію оттѣснены были кочевыми народцами на западъ къ хорватамъ и дулѣбамъ и слились съ ними, частію оторваны были тѣми же народцами отъ общенія съ Кіевомъ. То были сначала печенѣги, а потомъ половцы, заступившіе кіевскимъ князьямъ путь къ Дунаю. Попытка Владиміра Мономаха утвердиться въ 1116 году на Дунаѣ оказалась безплодною ¹⁹). Въ XII вѣкѣ къ кіевскому княженію принадлежали только верховья восточнаго Буга и Днѣстра, съ городами Божскимъ, Межибожьемъ и Котельницею, которые составляли теперь на югъ какъ бы окраину Русскаго государства. На витичевскомъ сѣздѣ князей 1100 года Бужскій или Божскій отданъ былъ провинившемуся удѣльному князю Давиду Игоревичу. Впослѣдствіи великіе кіевскіе князья три раза отдавали удѣльнымъ князьямъ этотъ городъ

2
С... ИСНА. ОДЕУИ ИДРО КО
ИЛИ. УИИНАЛЪ. СЕБЪ ДОВИ
А СЕБЪ. ПОСМОТРИТЬ ШТО
ВЪ ИЛИНЪ. КЪ. ЦРКВЮ. КЪ. КЪ
ОТЪ БРЖИВЪ ИЛЪ. ТОГО СЕБЪ
ОУ ИЛИНА. КЪ. ЦРКВЮ. ИТЪ.
СЪ ПРАВУЮТЬ. ЛЮДИ. КЪ. СЕБЪ.
ИЪ. СО СЕБЪ. ПРАВУЮТЬ.
ДЪ. ГЪ. РД. И. П. И. Д. Т. П. И.
И. И. К. Т. О. Ш. Т. О. К. Ъ. К. О. Д. И. Ш. И.
О. П. Р. О. И. М. Б. Ю. Т. Ъ. П. А. К. О. Ж. Ъ. П. И.
И. Д. О. М. О. С. Т. У. А. Д. О. Л. О. В. Ъ. С. Е. Л. О.
М. Ъ. П. О. Ъ. Д. У. Б. Р. О. В. Ъ. П. Л. С.
О. Х. Ъ. И. М. Ъ. И. Т. Ъ. П. Р. И. С. Л. У. Ш. Ъ.
И. И. С. В. О. Ъ. Г. О. Р. И. А. З. А. Т. Ъ. А.
О. С. А. О. П. Р. И. Ц. И. С. И. Ъ. В. О. И. К. О. Д. А.
А. И. С. А. И. Ъ. Л. И. С. Т. Ъ. Д. У. С. Л. А. И. В. И.
И. Д. Ъ. Т. А. М. Ъ. А. А. Р. Т. Ъ. У. С.

375 1375. 17 ст

ИМ. ИРИДЕРЪ. РАТНИКЪ С. В. АНГОНА 34.

ой земли, 1375 года.

вмѣстѣ съ Межибожьемъ, а два раза вмѣстѣ съ Котельницею. Въ лѣтописи подъ 1146 годомъ говорится «Изяславъ же, приведши Святослава Всеволодовича къ кресту (присягѣ), далъ ему Бужьской и Межибожье, пять городовъ... Тогда же Всеволодовичъ Святославъ держалъ у Изяслава Божьскій и Межибожье, Котельницу, а всѣхъ пять городовъ». Въ 1151 году тотъ же Изяславъ отдалъ Божьскій и Межибожье Ростиславу Юрьевичу, при чемъ Божьскій съ его областью представляется пограничнымъ, сторожевымъ пунктомъ южной Руси отъ половцевъ. Изяславъ говоритъ Ростиславу Юрьевичу: «иди въ Божьскій, постереги землю Русскую оттуда». Но этотъ городъ все-таки составлялъ еще часть Русской земли. Когда Изяславъ лишилъ Ростислава Юрьевича данныхъ ему прежде городовъ, въ томъ числѣ и Божьскаго,—то Юрій сказалъ: «ужели такъ и нѣтъ мнѣ удѣла въ Русской землѣ, и моимъ дѣтямъ?» Бскорѣ потомъ здѣсь является какая-то загадочная Болховская земля и обособляется отъ Кіева въ отдѣльное княжество или точнѣе,—въ союзъ мелкихъ княжествъ ²⁰).

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы съ XII вѣка и позднѣе порвана была совершенно государственная связь древнихъ угличей и тиверцовъ съ остальною Русью. Связь эта долго еще поддерживалась при посредствѣ хорватовъ и отчасти дулѣбовъ, стремившихся образовать у себя государственный центръ вмѣсто упавшаго Кіева и простиравшихъ свое вліяніе не только на верховья восточнаго Буга и Днѣстра, но, по теченію Прута и Серета, даже на русскія поселенія на Дунаѣ.

Хорваты и дулѣбы или волянне подчиняются кіевскимъ князьямъ въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. По сказанію лѣтописи, въ 907 году кіевскій князь Олегъ, шедши на грековъ, «взялъ съ собою множество варяговъ и славянъ, и древлянъ, и хорватовъ, и дулѣбовъ, и тиверцовъ». Но хорваты, благодаря окраинному положенію своему, освобождаются изъ-подъ власти кіевскихъ князей при преемникахъ Олега Игорѣ, Святославѣ и особенно при старшихъ сыновьяхъ послѣдняго. Поэтому третій сынъ Святослава св. Владиміръ, сдѣлавшись единовластителемъ Руси, старается снова покорить хорватовъ, успѣвшихъ подчиниться полякамъ. По свидѣтельству лѣтописи, въ 981 году онъ ходилъ къ ляхамъ и занялъ русскіе города Перемышль, Червень и другіе. Въ 992 году Владиміръ опять ходилъ на хорватовъ, или на Мечислава польскаго изъ-за хорватовъ и червенскихъ городовъ. Сынъ Владиміра, Святополкъ Окаянный,

взошедши на великокняжескій престолъ при помощи тестя своего, польскаго короля Болеслава Храбраго, уступилъ ему за это Червенскіе города; но братъ Святополка Ярославъ Мудрый успѣлъ отвоевать ихъ отъ Польши ²¹). При раздѣленіи Руси на удѣлы между сыновьями Владимира и затѣмъ между сыновьями и потомками Ярослава Мудраго, земли дулѣбовъ и хорватовъ принадлежали къ Владиміро-Волинскому княжеству; но въ XI вѣкѣ область хорватовъ выдѣляется въ особое удѣльное княжество и быстро развивается, пока наконецъ снова соединяется съ Волынію въ одно сильное княжество. Обособленность и самостоятельность этой земли, скоро получившей названіе Галицкой, начинается съ тѣхъ поръ, какъ князья изгой, три брата Ростиславичи, Рюрикъ, Володаръ и Василько, правнуки Ярослава Мудраго, получили эту землю отъ великаго князя кіевскаго Всеволода Ярославича и утвердились въ Перемышлѣ и Теробовлѣ. Перемышль отвоеванъ былъ ими у ляховъ и сдѣлался какъ бы наслѣдственною частію Ростиславичей. Удѣлъ этотъ утвержденъ былъ за ними любечскимъ съѣздомъ князей въ 1097 году.

Попытка владиміро-волинскаго князя, Давида Игоревича, отнять у нихъ этотъ удѣлъ, сопровождавшаяся ослѣпленіемъ Василька Ростиславича, осталась безуспѣшною. На витичевскомъ съѣздѣ князей 1100 года постановлено было ограничить удѣлъ Ростиславичей однимъ Перемышлемъ; но это постановленіе встрѣтило отпоръ со стороны Ростиславичей и не было приведено въ исполненіе. Перемышль и Теробовль остались за ними ²²) и послужили ядромъ для образованія могущественнаго государства, обнимавшаго впоследствии всю юго-западную Русь и процвѣтавшаго до половины XIV вѣка, когда оно, по прекращеніи линіи туземныхъ русскихъ князей, раздѣлено было между Польшею и Литвой.

Область хорватовъ, составляющая нынѣшнюю Галицію, теперь не входитъ въ предѣлы Россійской имперіи и потому не имѣетъ для насъ прямого и непосредственнаго интереса; но въ поступательномъ развитіи своемъ древнее Галицкое княжество захватывало и области древнихъ угличей и тиверцовъ и простирало свою власть или, по крайней мѣрѣ, вліяніе и на верховья восточнаго Буга и Днѣстра, и на среднее теченіе Днѣстра, до половины его, и даже на при-дунайскія славяно-русскія земли. Эти-то приращенія Галицкаго княжества и имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ нашей задачѣ.

По смерти Ростиславичей, возгорѣлась борьба между ихъ преемни-

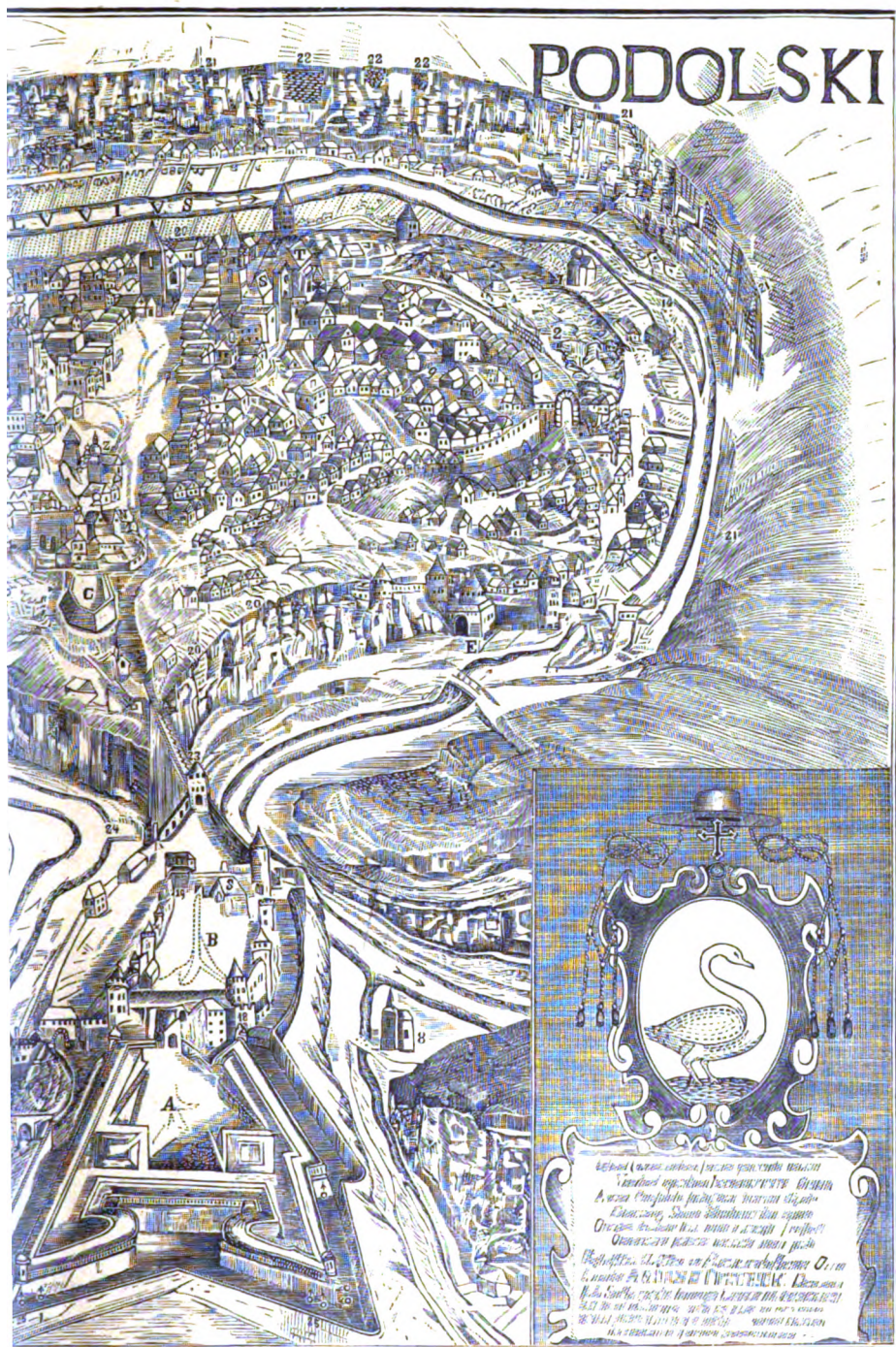
ками, питавшаяся внутреннею борьбою между чернью и боярами, получившими въ Галицкомъ княжествѣ особенное развитіе и силу. Во главѣ Перемышльско-Теребовльскаго княжества сталъ сынъ Володаря Ростиславича Владимірко, перенесшій свой столъ въ Галичъ, тогда какъ племянникъ его, Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, владѣлъ удѣломъ въ Звенигородѣ на Днѣстрѣ и, можетъ быть, русскими поселеніями на нижнемъ Дунаѣ и въ сѣверныхъ его притокахъ. Недовольная Владиміромъ партія галичанъ пригласила къ себѣ на престолъ Ивана Ростиславича Берладника, который въ 1144 году дѣйствительно захватилъ Галичъ, но, осажденный въ этомъ городѣ Владиміромъ и отрѣзанный отъ него во время вылазки, бѣжалъ на Дунай. Галицкіе бояре, приверженцы Ивана, держались въ Галичѣ еще цѣлую недѣлю, очевидно рассчитывая на помощь изъ по-дунайской волости. Между тѣмъ Иванъ Берладникъ, не рассчитывая удержаться на Дунаѣ, бѣжалъ оттуда степью въ Кіевъ къ князю Всеволоду Ольговичу и затѣмъ болѣе десяти лѣтъ скитался по различнымъ областямъ русской земли въ качествѣ служилаго князя, побывалъ на службѣ у князей черниговскихъ, смоленскихъ и у Юрія Долгорукаго. Послѣдній заключилъ Берладника въ оковы въ Суздаль и перевезъ его въ Кіевъ съ цѣлю выдать сыну и преемнику Владимірка, тестю своему Ярославу Осмомыслу галицкому, который по этому поводу посылалъ особое посольство къ Юрію. Вслѣдствіе заступничества со стороны митрополита и вообще духовенства, выдача не состоялась. Отправленный обратно въ Суздаль, Берладникъ былъ перехваченъ на дорогѣ черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ, который, занявъ вскорѣ кіевскій престолъ, имѣлъ намѣреніе возвести Берладника на галицкій престолъ, но, чувствуя свое положеніе въ Кіевѣ непрочнымъ, не могъ принять на себя дѣятельной роли въ предстоявшей борьбѣ съ Ярославомъ Осмомысломъ. Тогда Иванъ Берладникъ рѣшается инымъ путемъ добыть свои права и самъ поднимаетъ возстаніе въ по-дунайскихъ областяхъ, повидимому находившихся уже подъ властью Ярослава Осмомысла. По крайней мѣрѣ, въ по-дунайскихъ городахъ упоминаются въ это время галицкіе рыболовы. Оставивъ тайно Кіевъ, Иванъ Берладникъ отправился въ поле къ половцамъ, пошелъ съ ними и сталъ въ городахъ по-дунайскихъ, «и избилъ двѣ лодки и взялъ товара много въ нихъ, и наносилъ ущербъ рыбаловамъ галицкимъ». Послѣ первыхъ успѣховъ Берладника, «пришло къ нему много половцевъ, и берладниковъ

у него собралось 6000, и пошелъ къ Кучельмину, и рады были ему, и оттуда пошелъ къ Ушицѣ. И вошелъ гарнизонъ Ярославовъ въ городъ. и началъ биться крѣпко гарнизонъ изъ города, а простонародье перескакиваетъ черезъ забрала (городскую стѣну) къ Ивану, и перебѣжало его 300. > По подѣ Ушицей произошли у Ивана Берладника недоразумѣнія съ союзниками его половцами, которые требуютъ немедленнаго взятія города, тогда какъ самъ князь разсчитывалъ на добровольную сдачу города и шадилъ его. Разгнѣванные половцы оставили Ивана Берладника, который послѣ этого почувствовалъ свое положеніе непрочнымъ и удалился снова въ Кіевъ къ Изяславу Давидовичу. Послѣдній, наконецъ, начинаетъ войну съ Ярославомъ галицкимъ изъ-за Ивана Берладника, но, оставленный Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, онъ не могъ одолѣть Ярослава и въ 1161 году погибъ самъ, безуспѣшно домогаясь Кіева. Дѣло Ивана Берладника было проиграно навсегда. Подъ 1192 годомъ лѣтопись сообщаетъ о смерти Ивана Берладника въ Солуни: « иныя такъ передають, — прибавляетъ лѣтописецъ, — будто отъ отравы послѣдовала ему смерть ». Освободившись отъ соперника, Ярославъ Осмомыслъ спокойно княжилъ въ Галичѣ, простирая свою власть и на по-дунайскіе города. Пѣвецъ слова о полку Игоревѣ говоритъ о Ярославѣ, что онъ « запиралъ ворота Дунаю » ²³).

Столкновеніе галицкихъ князей Владимірка и Ярослава съ Иваномъ Берладникомъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на бывшія поселенія тиверцовъ и угличей по Днѣстру и въ нижнемъ теченіи Дуная съ лѣвыми его притоками. Оказывается, что Поднѣстровье, до южнаго его теченія, принадлежало въ это время Галицкому княжеству. На Днѣстрѣ съ его притоками упоминаются города этого княжества Звенигородъ, Микулинъ, (на р. Середѣ), Ушица и Кучельминъ. Въ по-дунайской области жили какіе-то берладники, на которыхъ прежде всего опирался въ своихъ стремленіяхъ Иванъ Берладникъ, получившій отъ нихъ свое прозваніе, и упоминаются по-дунайскіе города, державшіе сторону Берладника.

Послѣ столкновенія Владимірка и Ярослава Осмомысла съ Иваномъ Берладникомъ, по-днѣстровскіе города все болѣе и болѣе выступаютъ на сцену исторіи, какъ русскіе города, и отъ нихъ Галицкое княжество постепенно распространяетъ свои предѣлы на востокъ, въ область верхняго теченія восточнаго Буга.

Избавившись отъ опаснаго соперника въ лицѣ Ивана Берладника,

ска во второй половинѣ XVII вѣка.

Ярославъ Осмомысль, однако, не пользовался внутреннимъ спокойствіемъ, которое нарушаемо было семейными раздорами и вмѣшательствомъ бояръ въ эти раздоры. Онъ не взлюбилъ своей жены Ольги и сына Владиміра; но боярская партія заставила Ярослава возвратить себѣ брошенную супругу съ сыномъ. Своеволіе этой партіи обнаружилось еще болѣе по смерти Ярослава. Бояре, изгнавъ незаконнаго сына Ярослава, Олега, не поладили и съ законнымъ его сыномъ Владиміромъ и призвали противъ него въ Галичъ Романа Мстиславича волынскаго, который, однако, вскорѣ выгнанъ былъ отсюда венграми. Тягостное господство венгровъ заставило бояръ нѣсколько одуматься, и они приглашаютъ къ себѣ въ 1189 году изъ Смоленска сына Ивана Берладника, Ростислава Берладничича, надѣясь при его помощи изгнать венгровъ изъ Галича. Ростиславъ спѣшитъ уѣхать изъ Смоленска и стремительно приближается къ Галицкой Украинѣ. Здѣсь ему безъ труда удается занять два города, вѣроятнo Ушицу и Микулинъ. Вслѣдъ за симъ Ростиславъ двигается прямо на Галичъ съ незначительнымъ войскомъ, ожидая, что бояре немедленно перейдутъ на его сторону. Замѣтивъ незначительность силъ Ростислава, бояре и «мужи галичестіа» не рѣшались отступить отъ венгровъ, за исключеніемъ немногихъ, которые, впрочемъ, немедленно покинули призваннаго ими самими князя. Дружина совѣтуетъ ему удалиться, намекая на измѣну бояръ. Въ отвѣтъ на это Ростиславъ заявляетъ, что онъ не хочетъ болѣе скитаться по чужимъ землямъ и что лучше ему сложить голову въ землѣ отцовъ его. Съ отвагою онъ бросается въ бой, но его немедленно окружаютъ и раненаго отводятъ въ Галичъ, гдѣ венгры, въ виду начинавшагося въ его пользу возстанія, приложили ядъ къ его ранѣ²⁴). Однако галичане успѣли выжить отъ себя венгровъ и снова приняли къ себѣ Владиміра Ярославича, который и умеръ здѣсь около 1200 года, не оставивъ послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ. Этимъ воспользовался Романъ Мстиславичъ волынскій и овладѣлъ Галичемъ, соединивъ подъ своею властью Волынское и Галицкое княжества.

Въ теченіи своего кратковременнаго управленія соединенными княжествами Романъ Мстиславичъ старался усмирить строптивыхъ и кривыхъ бояръ галицкихъ, укрѣпить и расширить еще болѣе свое государство и обезопасить его отъ внѣшнихъ враговъ. Могущество Романа достигло высшей степени, такъ что лѣтописецъ волынскій величаетъ его самодержцемъ всей Русской земли²⁵). Между прочимъ, онъ нанесъ

рѣшительный ударъ половцамъ или куманамъ, придвинувшимся въ то время къ нижнему Дунаю. Лѣтопись сохранила два извѣстія о походахъ Романа Мстиславича на половцевъ въ 1202 и 1205 годахъ и о возвращеніи его съ богатою добычею ²⁶). Куда были направлены эти походы, по лѣтописи неизвѣстно; но есть основаніе полагать, что Романъ ходилъ къ Нижнему Дунаю и освободилъ отъ половцевъ по-дунайскіе русскіе города. Одинъ изъ походовъ Романа противъ половцевъ предпринятъ былъ имъ по сношеніи съ византійскимъ императоромъ и отвлекъ половцевъ, обитавшихъ на сѣверной сторонѣ Дуная, отъ грабежа греческихъ областей въ Болгаріи, слѣдовательно имѣлъ конечнымъ пунктомъ своимъ по-дунайскую область. Послѣдствіемъ походовъ Романа противъ половцевъ могло быть укрѣпленіе въ окраинной полосѣ Галиціи княжеской власти и приливъ сюда славяно-русскаго населенія. Еще съ конца XII вѣка утвердились въ по-дунайской странѣ русскіе бродники, которые, по свидѣтельству венгерскихъ источниковъ, вмѣстѣ съ галицкими русинами, составляли на востокѣ Венгріи непрерывную цѣпь и какъ бы живую границу ея до второй половины XIII вѣка ²⁷).

Къ сожалѣнію, о подробностяхъ княженія Романа Мстиславича галицкаго не сохранилось лѣтописныхъ сказаній. Да и самъ Романъ Мстиславичъ погибъ преждевременно, вмѣшавшись въ 1205 году въ распри польскихъ князей.

Послѣ Романа остались два сына, Даніилъ и Василько, изъ коихъ старшему, Даніилу, было только четыре года. Первые годы княженія Даніила Романовича были весьма смутны для Галицко-Волынскаго княжества. Малолѣтній Даніилъ не долго сидѣлъ на галицкомъ престолѣ, который поочередно былъ захватываемъ новгородъ-сѣверскими князьями, галицкимъ бояриномъ Владиславомъ, венгерскими королями, тестемъ Даніила Романовича Мстиславомъ Удалымъ и др., пока наконецъ снова и окончательно не овладѣлъ своимъ наслѣдіемъ ²⁸). Но это смутное время малолѣтства Даніилова бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тогдашнія судьбы поднѣстровья. Потерпѣвъ однажды пораженіе отъ польскаго князя Лешка, Даніилъ бѣжитъ съ остатками дружины въ поле, направляясь къ тестю своему Мстиславу Удалому, и переправляется чрезъ Днѣстръ у Онута. «Когда же настала большой голодъ, — говоритъ лѣтописецъ, — то пошли возами къ Плаву наканунѣ святаго Димитрія; взявши возы, напитались обильно и возблагодарили Бога и святаго Димитрія, что

Общій видъ города Каменецъ-Подольска въ настоящее время.

ПОДОЛІЯ.

напиталь ихъ. Оттуда же пришли ниже Кучелемина, думая, гдѣ бы перейти рѣку Днѣстръ; Божією же милостію пришли ладья изъ Олешья, и пріѣхали ими на Днѣстръ, и насытились рыбъ и вина, и проч. Онуты, нынѣ Онуты или Ануты на Днѣстрѣ, находится на границѣ Бессарабіи съ Галиціей, а не вдалекѣ отъ Онута лежалъ Кучелинъ, нынѣ Кучермыкъ, въ 10—12 верстахъ отъ Днѣстра, къ сѣверо-востоку отъ Снятина, и верстахъ въ 35 отъ Хотина. Близъ Кучелина находился и Плавъ. Всѣ эти поселенія должны были принадлежать тогда къ Галицкому княжеству, хотя и не были крѣпко связаны съ нимъ. Указаніе же на торговля сношенія этихъ мѣстностей по Днѣстру съ отдаленнымъ Олешьемъ, лежавшимъ въ низовьяхъ Днѣпра, свидѣтельствуешь о томъ, что по крайней мѣрѣ вдоль р. Днѣстра, а еще болѣе къ западу, къ области Прута, замѣчался еще русская жизнь и движеніе.

Мстиславъ Удалой, выгнавши венгровъ изъ Галича, удерживаетъ его за собою, но въ 1226 году рѣшается оставить этотъ городъ, потому что, вслѣдствіе завязавшейся борьбы съ боярщиною, не въ силахъ былъ удержаться тамъ. По совѣту бояръ Глѣба Зерембевича и Судислава, Мстиславъ передаетъ Галичъ венгерскому королевичу Андрею, «а самъ взялъ Понизье; оттуда пошелъ къ Торьцкому» на р. Роси. Но уже въ слѣдующемъ году Мстиславъ сожалеетъ о своемъ поступкѣ. Онъ велитъ сказать Даниилу Романовичу слѣдующее: «сынъ! согрѣшилъ я, не давъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменнику, по совѣту Судислава льстеца, пбо онъ обольстилъ меня; но, если Богу угодно, пойдемъ на нихъ, я посажу половцевъ, а ты со своими; если Богъ дастъ успѣхъ, ты возьми Галичъ, а я Понизье, а Богъ поможетъ тебѣ.» Столицею этого Понизья былъ городъ Бакота. Но планы Мстислава Удалого не осуществились при его жизни.

По смерти Мстислава, въ 1229 году Даниилъ Романовичъ отправился въ Польшу на помощь краковскому князю, Конраду. Въ это время преданные Даниилу галичане прислали сказать ему, чтобы онъ шелъ въ Галичъ, и сообщили ему, что бояринъ Судиславъ, управлявшій Галичемъ отъ имени венгерскаго королевича Андрея, отправился на Понизье, вѣроятно съ цѣлю занять его въ отсутствіе Даниила. Даниилъ Романовичъ посылаетъ противъ Судислава воеводу своего, Демяна, который прогоняетъ Судислава къ Галичу, гдѣ встрѣчаетъ его самъ Даниилъ, разбиваетъ его и венгровъ и занимаетъ городъ послѣ осады и крово-

пролитнаго боя. Даниль отпускает венгерскаго королевича къ отцу: одинъ Судиславъ сопровождаетъ его. Черезъ два года, по проискамъ Судислава и его сторонниковъ, венграмъ снова удается засѣсть въ Галичѣ. Даниль долженъ былъ на время уступить имъ и выждать удобнаго случая къ возвращенію себѣ Галича. Случай этотъ не замедлил представиться. Бояринъ Глѣбъ Зеремѣвичъ отсталъ отъ венгровъ, и Даниль и братъ его Василько, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, явились подъ Галичемъ. Здѣсь встрѣтила ихъ большая часть галичанъ или, лучше сказать, галицкихъ бояръ. Даниль снова принялъ въ свою власть галицкую землю и, въ угоду боярамъ и воеводамъ, роздалъ имъ въ кормленье галицкіе города. Но, засѣвши на своихъ мѣстахъ, добившись обильнаго «корма», они опять изгоняютъ Данила, не мирившагося съ такимъ порядкомъ. Воспользовавшись поражениемъ, которое потерпѣлъ Даниль отъ половцевъ у Торческа, и движеніемъ враждебнаго Данилу Изяслава съ половцами на Владиміръ-Волинскій, галичане въ 1235 году вторгаются съ болоховскими князьями на Волинь вплоть до г. Каменца (нынѣ м. Каменка, Новоградволинскаго у., Волинской губ., на р. Случи), но терпятъ поражение отъ войскъ Данила, который съ 1237 года окончательно утверждается и въ Галичѣ ²⁹⁾.

Не ограничиваясь собираніемъ наслѣдственныхъ галицко-волинскихъ земель въ одно цѣлое, Даниль Романовичъ дѣлаетъ опыты новыхъ приобрѣтеній на юго-востокѣ своихъ владѣній и расширяетъ ихъ насчетъ загадочной Болоховской земли. Главными городами этой земли были: Деревичъ, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣць, Божскій и Дядьковъ. Этимъ древнимъ названіямъ болоховскихъ городовъ нынѣ соотвѣтствуютъ Деревичи въ Новоградволинскомъ уѣздѣ, Губинъ въ Староконстантиновскомъ и Бутовцы въ Новоградволинскомъ уѣздахъ Волинской губерніи, Кудинка и Божиковцы въ Летичевскомъ и Дьяковцы въ Литинскомъ уѣздахъ Подольской губерніи. При нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ поселеній, напр. при Деревичѣ, Губинѣ и Кудинкѣ, есть остатки городищъ и валовъ, а иногда соединяются съ ними и народныя преданія о «шолудивомъ Бунякѣ» и татарахъ. Такимъ образомъ Болоховская земля расположена была по верховьямъ восточнаго Буга и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора, и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе

*

Гниломета. Она находилась въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской и занимала южную часть тепершняго Повоградволынскаго уѣзда, восточную часть уѣздовъ Староконстантиновскаго и Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также юго-западную часть Житомирскаго и западную Бердичевскаго уѣздовъ. Но самый Болоховъ, отъ котораго земля могла получить свое названіе, находится въ Галиціи, а слѣдовательно былъ во владѣніяхъ галицкаго князя. Это обстоятельство, по видимому, даетъ ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи Болоховской земли и болоховскихъ князей. Составляя прежде часть Кіевскаго княжества, эта земля ослабила свои связи съ нимъ, когда, съ одной стороны, кіевскіе князья, послѣ перваго столкновенія съ татарами, потеряли свое прежнее значеніе и силу, а съ другой - въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ, послѣ смерти Романа Мстиславича, настали смутныя и печальныя времена. Этимъ и воспользовались крамольные и властолюбивые галицкіе бояре и стали захватывать подъ свою власть сосѣднія области Кіевскаго княжества. Такъ напр., галицкій бояринъ Борисъ называется Межибожскимъ, вѣроятно потому, что вокняжился въ Межибожьи, тянувшимъ нѣкогда къ Кіеву. Есть основаніе полагать, что и болоховскіе князья тоже происходили изъ галицкихъ бояръ, частіе, — можетъ быть, — изъ галицкаго Болохова. По крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ волынской лѣтописи болоховскіе князья ставятся какъ бы наряду съ галицкимъ бояриномъ Глѣбомъ Зеремѣвичемъ: «лбо былъ съ королевичемъ (венгерскимъ) Александръ и Глѣбъ Зеремеевичъ и другіе князья болоховскіе». Отъ другихъ бояръ галицкихъ, обыкновенно искавшихъ себѣ обильнаго «корму» въ самомъ Галицкомъ княжествѣ, болоховскіе князья отличались тѣмъ, что захватили для себя область, независимую отъ галицко-волынскаго князя, и потому не были подчинены ему непосредственно, какъ это утверждалъ о нихъ впоследствии Болеславъ мазовецкій. Въ другихъ же отношеніяхъ болоховскіе князья дѣйствуютъ заодно съ галицкими боярами противъ Даниіла Романовича и пристають къ его врагамъ, хотя бы то были даже татары. Въ первый разъ болоховскіе князья воевали противъ Даниіла Романовича въ 1231 году, а во второй разъ въ 1235 году вмѣстѣ съ галицкими боярами Григоріемъ Васильевичемъ и Молибоговичами. Бывъ поражены войсками Даниіла, болоховскіе князья попались къ нему въ плѣнъ и освобождены были подъ условіемъ при-

знанія ими верховной власти Даниїла. На этомъ условіи Даниїль готовъ былъ оставить болоховскихъ князей въ покоѣ и даже хлопоталъ за нихъ предъ Болеславомъ мазовецкимъ, который, въ оправданіе своего желанія «разграбити ихъ», поставлялъ Даниїлу на видъ, что эти князья не подвластны Романовичамъ. Въ случаѣ несогласія Болеслава освободить болоховскихъ князей, которые «обѣщали покориться» и «молились» ему, Даниїль намѣренъ былъ объявить войну польскому князю ³⁰).

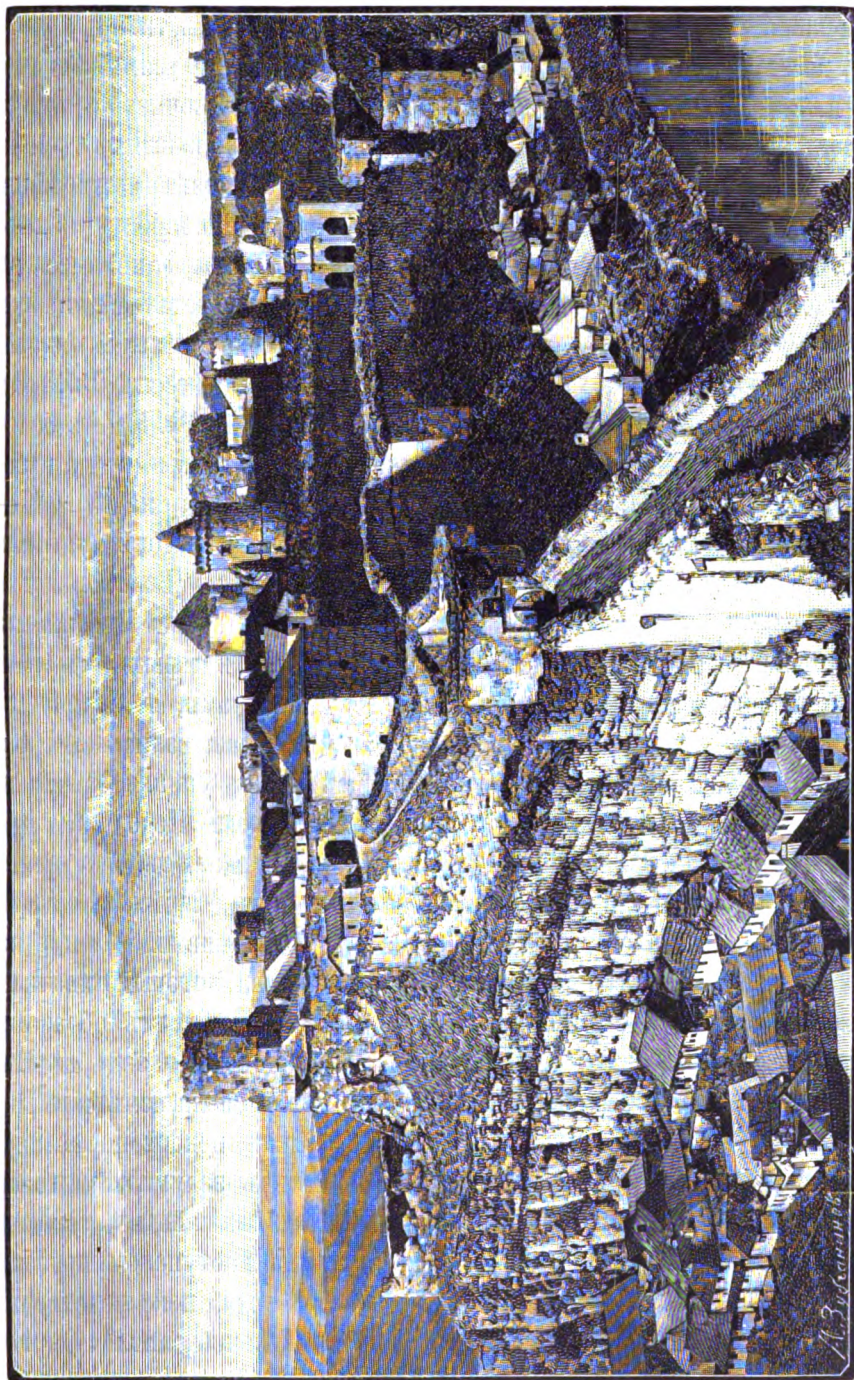
Утвердившись окончательно на галицкомъ престолѣ, Даниїль Романовичъ захватилъ въ свои руки и самый Кіевъ ³¹) и такимъ образомъ, подобно отцу, сталъ располагать силами почти всей юго-западной Руси. Но объединенныя подъ властію Даниїла Романовича земли на первыхъ порахъ не могли имѣть надлежащей устойчивости. Объединеніе было только внѣшнее, поверхностное: обширныя владѣнія не имѣли тѣсной сплоченности; не существовало необходимой для борьбы съ внѣшнимъ сильнымъ врагомъ хорошо устроенной военной силы. А между тѣмъ угрожала явная опасность со стороны татаръ.

Первое столкновеніе русскихъ съ татарами произошло еще въ маѣ 1223 года, на берегахъ р. Калки, и окончилось пораженіемъ русскихъ. Въ битвѣ участвовалъ и Даниїль Романовичъ галицкій. Разоривъ въ 1237 года сѣверную Русь, татары въ 1240 году обратились на юго-западную Русь, взяли Кіевъ и направились въ предѣлы Волыни и къ Галицкому княжеству, наводя ужасъ на русское населеніе. Даниїль Романовичъ послѣшилъ въ Венгрію за помощью противъ общаго врага, но, не получивъ ея, удалился въ Польшу, гдѣ нашелъ съ семействомъ убѣжище у своихъ родственниковъ и друзей. Между тѣмъ Батый, разоривъ Кіевъ и взявъ въ плѣнъ поставленнаго Даниїломъ въ Кіевѣ тысяцкаго Дмитрія, опустошилъ Волынь и Галичъ и, по совѣту тысяцкаго Дмитрія, вторгнулся въ 1241 году въ Венгрію, опустошилъ также Силезію и Моравію и угрожалъ западно-европейскимъ государствамъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ мужественный отпоръ со стороны чеховъ и возвратился на востокъ къ низовьямъ Волги ³²).

Нашествіе татаръ на южную Русь, вслѣдствіе наѣздническаго характера своего, не сокрушило окончательно могущества Даниїла Романовича, хотя и значительно ослабило его государство. Тѣ окраины, которыя и прежде довольно слабо связаны были съ Галицко-Волынскимъ

княжествомъ, теперь или окончательно разрываютъ связь съ нимъ, или прерываютъ ее на время. Около 1241 года, во время нашествія Батыя на Венгрію, бѣжалъ изъ южной Трансильваніи владѣтель одной небольшой области Фогары или Фогараша, по имени Раду Негроводъ или Раду Черный, за Карпаты, въ сосѣдство къ прежнимъ русскимъ берладникамъ, и основалъ здѣсь Валашское воеводство со смѣшаннымъ румынско-русскимъ населеніемъ ³³). Воспользовались нашествіемъ татаръ и болоховцы, чтобы отложиться отъ Даніила Романовича. Они явились къ татарамъ съ покорностью и вымолили себѣ пощаду на условіяхъ ежегоднаго взноса пшеницы и проса въ количествѣ, въ какомъ требуютъ татары. За то эти послѣдніе, при исправной уплатѣ дани, не вмѣшивались во внутреннюю жизнь подвластнаго имъ населенія ³⁴). Въ то же время своевольные бояре галицкіе, хотя и называли Даніила своимъ княземъ, но сами держали всю землю и вели сношенія съ черниговскими князьями. Главными изъ бояръ были въ это время Доброславъ Судычъ, поповъ внукъ, и Григорій Васильевичъ: первый взялъ себѣ Бакоту и все Понизье, а другой хотѣлъ овладѣть горною стороною Перемышльскою, — и былъ мятежъ большой въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Возвратившись изъ Польши, Даніилъ послалъ стольника своего Якова сказать Доброславу: «я вашъ князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велѣлъ тебѣ принимать черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости галицкимъ, а коломыйскую соль отписать на меня». — «Хорошо», — отвѣчалъ Доброславъ, — «такъ и будетъ сдѣлано»; но на самомъ дѣлѣ поступалъ наперекоръ распоряженіямъ Даніила. Къ счастью послѣдняго, оба боярина скоро поссорились и обратились съ доносами и навѣтами другъ на друга къ Даніилу, который велѣлъ схватить ихъ и отправилъ печатника своего Кирилла въ Бакоту собрать подробныя свѣдѣнія о грабительствахъ боярскихъ и успокоить землю, что тотъ и исполнилъ. Самъ же Даніилъ обратился противъ болоховскихъ князей, которые не только предались татарамъ, но и помогали князьямъ черниговскимъ въ ихъ борьбѣ съ Даніиломъ Романовичемъ. Въ 1241 году Даніилъ безъ милости опустошилъ Болоховскую землю, взялъ ея города и сожегъ ихъ ³⁵).

Усмиреніе смуты боярской и опустошеніе Болоховской земли совершились въ то время, когда татары съ Батыемъ находились еще въ Венгріи. Когда пришла вѣсть о возвращеніи татаръ изъ Венгріи и о движеніи ихъ на землю Галицкую, то Даніилъ отправился на Понизье до Ба-

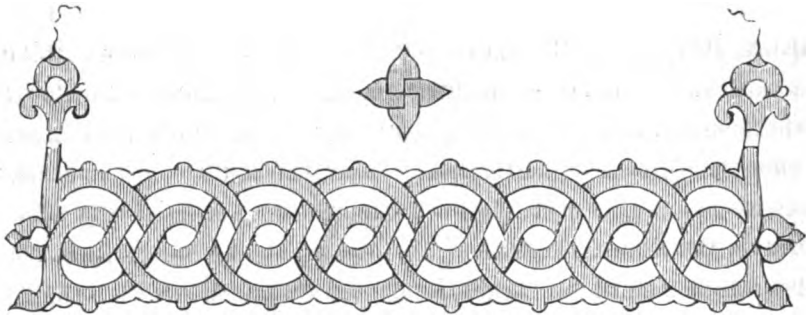

Камениць-Подольская крѣпость. Общій видъ.

коты и Калюса, «хотя уставити землю» и въ то же время избѣжать для себя опасности отъ татаръ. Оставляя юго-западную Русь, татары, однакоже, постарались привязать ее къ себѣ болѣе тѣсными узами. Въ началѣ второй половины XIII вѣка почти вся область восточнаго Буга или непосредственно занята была татарами, или же признавала ихъ господство и выплачивала имъ дань, порвавъ всякія обязательныя отношенія къ Даниилу Романовичу. Вѣроятно, среднее Побужье попросту занято было татарами, какъ лишенное всякой прочной защиты, а верхнее, съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ, было оставлено татарами на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ оставлены были города болоховскихъ князей. Къ числу чисто татарскихъ поселеній долженъ быть отнесенъ Караулъ или Каравулъ, упоминаемый сравнительно очень рано ³⁶). Кромѣ болоховскихъ городовъ, признавали верховную власть татаръ и жители земель, окружавшихъ Болохово: на западѣ—Межибожцы, на сѣверѣ—Возвягляне (Возвягль—нынѣ Новградволынскъ), на востокѣ: жители Городка, Сѣмоца и другихъ мѣстностей, бывшихъ между Болоховымъ и р. Тетеревомъ, жители Потетерева; на югѣ—обитатели Побожья, а также бѣлобережцы и чарнятинцы, мѣстоположеніе которыхъ съ точностью неизвѣстно. Одни изъ нихъ сидѣли за татарами, т. е. признавали только ихъ власть надъ собою, а другіе прямо назывались «людьми татарскими», т. е. вѣроятно получавшими отъ татаръ управителей, или же прямо жившими совмѣстно съ ними. Въ предѣлахъ Подолія за Данииломъ Романовичемъ оставались только Бакота и Калюсъ, и то ненадолго ³⁷). Около 1255 года, по свидѣтельству лѣтописи, «пріѣхали татары къ Бакотѣ, и передался имъ Милѣй». Данииль, отправившійся тогда на войну съ Литвой, послалъ на Бакоту сына своего Льва, который схватилъ Милѣя баскака и привелъ его къ отцу, возвративъ такимъ образомъ Бакоту подъ непосредственную его власть. Отпущенный назадъ въ Бакоту за поручительство Льва Даниловича, Милѣй снова измѣнилъ Даниилу и передалъ Бакоту татарамъ ³⁸). Должно быть, вскорѣ послѣ перваго отнятія Бакоты у татаръ, Данииль Романовичъ задумалъ выгнать ихъ и изъ Забужья и, пользуясь неспособностію ближайшаго темника татарскаго, Куремсы, въ 1257 году предпринялъ наступательное движеніе противъ татаръ и побралъ всѣ русскіе города, непосредственно отъ нихъ зависѣвшіе. Но въ 1260 году, вмѣсто Куремсы, явился другой баскакъ, сподвижникъ Батыя, Бурундай, который не только удержалъ за

татарами Побужье и Поднѣстровье, но и велѣлъ князьямъ Романовичамъ разметать галицко-волинскіе города ³⁹⁾). Съ тѣхъ поръ Побужье и Поднѣстровье, въ теченіи около 100 лѣтъ, оставались подъ непосредственною властію татаръ. Эти новые властители Подолии расположились своими кочевьями, вѣроятно, въ степной полосѣ ея, къ югу отъ рѣкъ Ягорлыка, Синюхи и Тясьмина ⁴⁰⁾, а также въ низовьяхъ Днѣстра, подчинивъ своей власти остатки половцевъ и смѣшавшись съ ними ⁴¹⁾). Вѣроятно, въ половинѣ XIV вѣка подольская орда, вслѣдствіе общаго ослабленія Золотоордынскаго царства, отложила отъ него и образовала обширный улусъ въ Понизьѣ, извѣстный въ XIV вѣкѣ подъ именемъ Подольскаго, темники котораго представляли собою верховную власть надъ южно-русскою страной и считались дѣдичами и отчичами Подольской земли. Они ввели здѣсь свою податную систему, переписавъ населеніе и раздѣливъ страну на извѣстные податные участки. Во главѣ этихъ участковъ или округовъ стояли атаманы, бывшіе представителями мѣстнаго населенія, къ которымъ наѣзжали изъ орды баскаки за данью. Внутреннюю жизнь страны татары оставили неприкосновенною, лишь бы исправно выплачивались подати. Поэтому и подъ татарскимъ владычествомъ здѣсь продолжалось господство православной вѣры. Къ концу татарскаго періода исторіи Подолии встрѣчается указаніе на православный монастырь въ горѣ у Бакоты; а между подольскими атаманами или князьями, стоявшими во главѣ народнаго самоуправленія въ татарскую эпоху, одинъ встрѣчается съ христіанскимъ именемъ Дмитрія. Русская народность оказывала сильное вліяніе даже на самихъ татаръ, жившихъ южнѣ русскаго населенія. Часть этихъ татаръ, вытѣсненная впоследствии литовцами, убѣжала къ Черному морю и въ Перекопъ, а потомъ поселилась за Дунаемъ въ Добруджѣ, говорила славянскимъ языкомъ и занималась земледѣліемъ ⁴²⁾).

Послѣ захвата Подолии татарами, Галицко-Волинское княжество продолжало еще существовать нѣкоторое время, но не въ состояніи уже было освободить Подолию отъ татарскаго ига, такъ какъ и само быстро пошло къ упаду и въ XIV вѣкѣ раздѣлено было между сосѣдними государствами, Литвой и Польшею. Роль собирателей и объединителей южно-русскихъ земель берутъ на себя литовскіе князья, которые освобождаютъ и Подолию отъ татарскаго владычества и значительное время удерживаютъ ее подъ своею властію.

Глава вторая.

Литовско-русскій періодъ исторіи Подоліи.

Литовцы и ихъ общеніе и связи съ русскимъ.—Права Литвы на галицко-волынское наслѣдство; борьба Литвы съ Польшей за это наслѣдство; изгнаніе татаръ изъ Подоліи литовцами и присоединеніе ея къ Литвѣ.—Подольскіе князья Коріатовичи; Витовтъ, уступка имъ Подоліи Ягайлу; Спытко изъ Мельштына и потомъ Свидригайло въ западной Подоліи, Дмитрій Корибутъ и Ѳеодоръ Корибутовичъ Несвицкій—въ восточной; возмущеніе Свидригайла; выкупъ западной Подоліи Витовтомъ и городельская унія Литвы съ Польшой 1413 года; расширеніе и укрѣпленіе предѣловъ Подоліи при Витовтѣ. новое возстаніе Свидригайла.—По смерти Витовта, Свидригайло—великій князь литовскій; захватъ подольскихъ замковъ поляками; война Свидригайла съ поляками за Подолію; перемиріе; соперникъ Свидригайла Сигизмундъ Кейстутевичъ; возобновленіе войны съ поляками, ходъ ея и послѣдствія; обращеніе западной Подоліи поляками въ 1434 г. въ воеводство и сохраненіе восточной за Свидригайломъ и Литвою.—Татарскіе набѣги на Подолію по смерти Свидригайла и споры между Литвою и Польшей за Подолію до люблинской уніи 1569 года; характеръ и послѣдствія этой уніи.

А СЛАВЯНАМИ и позже ихъ выступили на сцену исторіи литовцы. Они быстро основали могущественное государство, создавъ его не столько изъ литовскихъ, сколько изъ русскихъ элементовъ, которое поэтому точнѣе пужно назвать Литовско-Русскимъ государствомъ. Литовскіе князья Гедиминова рода, особенно на первыхъ порахъ, отдають явное предпочтеніе русской гражданственности и русскимъ людямъ, всецѣло опираются на русское населеніе своего государства, оберегаютъ его вѣрованія, обычаи и права, сами принимаютъ русскую, православную

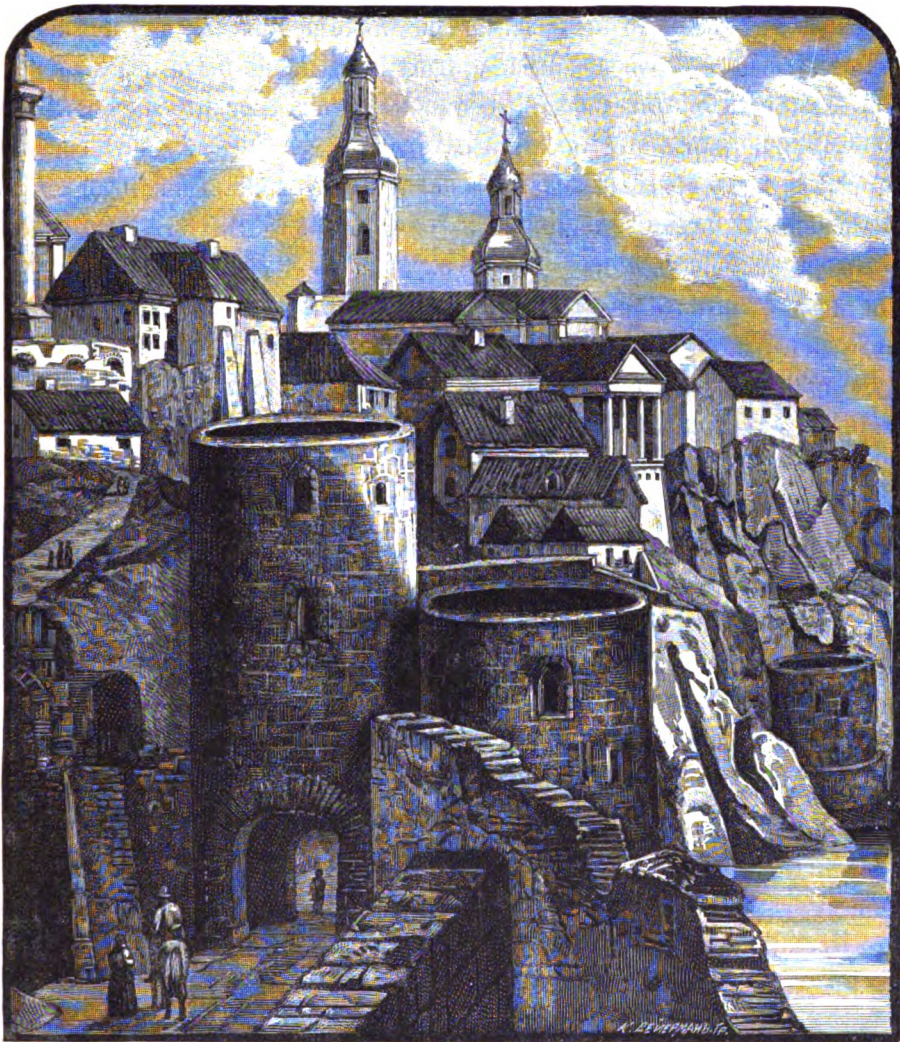
вѣру и взаимно пользуются довѣріемъ и расположеніемъ къ нимъ русскаго населенія, видѣвшаго въ ихъ могуществомъ оплотъ противъ темной татарской силы. Эти черты внѣшняго могущества и внутренняго управленія привлекаютъ къ литовскому государству сочувствіе и другихъ русскихъ областей, пока еще не вошедшихъ въ его составъ, а родственныя связи членовъ Гедиминова дома съ домомъ св. Владиміра даютъ имъ и юридическое право на участіе въ русскомъ наслѣдіи⁴³). Такимъ именно путемъ Литва получила право на долю въ галицко-волинскомъ наслѣдствѣ, приведшее ее и къ освобожденію Подолии отъ татаръ и подчиненію ея литовско-русскимъ князьямъ.

Права Литвы на галицко-волинское наслѣдство обуславливались съ одной стороны прекращеніемъ линіи князей изъ рода Даниіла Романовича галицкаго, и съ другой—родственными связями литовскихъ князей съ этимъ родомъ.

Даниілъ Романовичъ галицкій, объединивъ подъ своею властію почти всю юго-западную Русь, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало ея ослабленію раздѣленіемъ на удѣлы. Отдавъ брату своему Васильку Волинъ, Галицкое княжество онъ раздѣлилъ еще при жизни своей между своими сыновьями. Изъ нихъ Левъ Даниловичъ, по смерти братьевъ Шварна и Романа, держалъ три княженія—Галицкое, Перемышльское и Белзское, тогда какъ братъ его, Мстиславъ Даниловичъ, получилъ отъ дяди своего Василька Романовича волинскаго Луцкій удѣлъ, а по смерти сына его, Владимірка Васильковича,—и все Волинское княженіе. Сынъ и наслѣдникъ Льва Даниловича, Юрій Львовичъ, по смерти Мстислава Даниловича, соединилъ княжество Владимірское съ Галицкимъ и принялъ титулъ короля русскаго и князя владимірскаго⁴⁴). Въ 1316 году онъ палъ въ битвѣ съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ, оставивъ двухъ сыновей, Андрея и Льва, между которыми раздѣлилось его государство: Владиміро-Волинское княжество досталось старшему сыну Андрею, а Галиція—младшему, Льву. Оба братья умерли къ 1324 году. Права ихъ наслѣдства должны были перейти къ дѣтямъ ихъ. Андрей имѣлъ сына Юрія II, который умеръ, не достигнувъ зрѣлаго возраста, и дочь Марію, вышедшую замужъ за мазовецкаго князя Тройдена Болеславовича, а дочь младшаго, Льва, вступила въ бракъ съ литовскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ. По смерти Юрія II, галичане пригласили себѣ въ князья мазовецкаго князя, Болеслава Тройденовича, тогда какъ въ Луц-

комъ уцѣль утвердился Любарть Гедимновичъ. Когда же Болеславъ Тройденевичъ отравленъ былъ галицкими боярами, то Любарть Гедимновичъ, какъ законный наследникъ галицко-волынскихъ князей, утвердился и въ Галичѣ. Но тутъ соперникомъ Любарта выступаетъ польскій король Казиміръ Великій, женатый на дочери Гедимина, Аннѣ, и въ 1340 году заявляетъ притязаніе на галицко-владимірское наследство. Начавшаяся съ этого года борьба за это наследство продолжалась почти полвѣка и снова выдвинула Подолію на историческую сцену.

По словамъ поляка Длугоша, « всю Русь въ одинъ годъ, въ одно лѣто, въ одинъ походъ Казиміръ подчинилъ себѣ и Польшѣ и, обративъ ее въ провинцію, навсегда включилъ и присоединилъ къ Польской коронѣ ». Между тѣмъ въ дѣйствительности дѣло происходило совсѣмъ иначе. Въ 1340 году Казиміръ дѣйствительно предпринялъ военный походъ съ значительнымъ войскомъ, съ опредѣленной цѣлью покорить Русь. Но намѣстники или старосты Любарта Гедимновича, перемышльскій воевода, Дмитрій Дѣтко и Данилъ Острожскій, обратились за помощью къ татарамъ, какъ верховнымъ властителямъ русской земли и, при ихъ помощи, остановили замыслы Казиміра, который, видя недостаточность собственныхъ средствъ для противодѣйствія, долженъ былъ вступить въ переговоры съ русскимъ воеводой, выгодные для русскаго дѣла. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ этого, Дмитрій Дѣтко даетъ торнскимъ купцамъ грамоту, въ которой, называя прежнихъ, независимыхъ отъ Польши князей своими предшественниками, обѣщаетъ купцамъ сохранить тѣ же права, какими они пользовались прежде, и въ заключеніе утверждаетъ документъ собственной скрѣпой. Въ 1344 году къ нему же Дмитрію Дѣтку, а не къ Казиміру, обращается Людовикъ Венгерскій по дѣламъ коницкихъ купцовъ. Когда же въ 1348 году литовцы потерпѣли поражение отъ рыцарей на Стравѣ, то Казиміръ въ слѣдующемъ 1349 году дѣлаетъ новый набѣгъ на русско-литовскія земли и захватываетъ Львовъ и, можетъ быть, Кременецъ ⁴⁵⁾. Литовскіе князья, захваченные въ первое время врасплохъ, не отказались, однако же, отъ борьбы вслѣдствіе первоначальной неудачи. Въ 1350 году, воспользовавшись внутренними смутами, возникшими въ Польшѣ вслѣдствіе борьбы короля съ духовенствомъ, Любарть и Кейстуть изгнали польскіе гарнизоны изъ русскихъ городовъ, разрушили сооружаемые Казиміромъ замки и, не ограничившись этимъ, перешли въ наступленіе и опустошили землю Львовскую и

Каменецъ-Подольская крѣпость. Польскія ворота.

нѣсколько коренныхъ польскихъ областей. Казиміръ, утративъ все приобрѣтенія, долженъ былъ снова добывать ихъ оружіемъ. Съ этою цѣлю въ 1351 г. онъ заключилъ договоръ съ Людовикомъ Венгерскимъ о помощи для отвоеванія у литовцевъ галицко-волинскаго наслѣдства и испросилъ у папы Климента VI двѣ буллы: одною предписывалось польскимъ епископамъ провозгласить крестовый походъ противъ Литвы, а другою назначалась Казиміру въ пособіе для войны десятая часть цер-

ковныхъ доходовъ. Съ своей стороны, великій князь литовскій Ольгердъ вступилъ въ союзъ съ татарскими владѣтелями Подолія, для которыхъ война Литвы съ Польшею за галицкое наслѣдіе не была безразлична: если Ольгердъ въ этой борьбѣ отстаивалъ права Любарта на Волинь и Галичъ, то подольскіе татарскіе владѣтели были не менѣе заинтересованы, такъ какъ польскій король заявлялъ притязанія и на Подольскую землю, какъ на бывшій галицкій удѣлъ. Заключивъ въ 1351 году союзъ съ татарами, Ольгердъ передалъ въ ихъ власть Подолію, которую польскій король считалъ своимъ владѣніемъ, и вмѣстѣ ими ходилъ опустошать занятія уже Казиміромъ галицко-русскія земли Львовскую, Белзскую и Холмскую. Въ слѣдующемъ году татары опять, по приглашенію Ольгерда, опустошили Люблинскую землю. Тогда Казиміръ вынужденъ былъ отправить посольство къ татарскимъ владѣтелямъ, чтобы отвлечь ихъ отъ союза съ Литвою. Въ письмѣ къ магистру крестоносцевъ онъ утверждаетъ, что на предложенія его склонились семь татарскихъ князей и обѣщали ему помощь противъ Литвы. Вѣроятно, это непостоянство татаръ и подало Ольгерду поводъ къ войнѣ съ ними, послѣдствіемъ которой было присоединеніе Подолія къ великому княжеству Литовскому. Въ 1362 году Ольгердъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ тремя татарскими князьями Кутлубугою, Хаджибеемъ и Дмитреемъ на берегахъ рѣки Синія Воды, нынѣшней Синюхи ⁴⁶). Въ томъ же году Ольгердъ взялъ у татаръ городъ Коршеву, ⁴⁷) который, по всей вѣроятности, находился на правомъ берегу р. Днѣстра въ нижнемъ его теченіи: или близъ села Коржева, въ нынѣшнемъ Бендерскомъ уѣздѣ, или же около села Паланки, Аккерманскаго уѣзда ⁴⁸). Остатки разбитыхъ Ольгердомъ татаръ удалились частію въ Крымъ, частію въ Добруджу, ⁴⁹) очистивъ Днѣстръ для судоходнаго сообщенія русскихъ паломниковъ съ Царегородомъ и Іерусалимомъ. Около 1375 года этимъ путемъ идетъ на Бѣлградъ или Аккерманъ во св. землю архимандритъ Смоленскаго Богородичнаго монастыря Грееній (Агриппа) ⁵⁰). Подолія передана была Ольгердомъ во владѣніе племянникамъ его братьямъ Коріатовичамъ, хотя еще окончательно не укрѣплена была за Литвою. Въ 1366 году Казиміръ Великій, заключивъ союзъ съ рыцарями, снова двинулся на Русь, вторгнулся въ Белзскую землю и занялъ Владиміръ, Луцкъ и Олеско. Ольгердъ принужденъ былъ согласиться на миръ, по которому, между прочимъ, Владиміръ и Бременецъ отданы были, въ качествѣ польскаго

лена, князю Александру Коріатовичу, но съ назначеніемъ въ эти города польскихъ гарнизоновъ и польскихъ старость, а Любарть остался во владѣніи своего наслѣдственнаго Луцкаго удѣла, къ которому принадлежали въ нынѣшней Подоліи Межибожь и Черный Островъ. Но лишь только умеръ въ 1370 году Казиміръ Великій, какъ война за галицко-волынское наслѣдство возгорѣлась опять. Въ этомъ году литовскіе князья Любарть, Кейстуть и Юрій Наримонтовичъ, воспользовавшись временемъ междуцарствія послѣ смерти Казимира, осадили Владиміръ. Владѣлецъ этого княжества Александръ Коріатовичъ находился тогда въ Краковѣ, польскій же староста Петръ Турскій сдалъ замокъ безъ боя литовскимъ князьямъ, которые немедленно срыли до основанія каменныя укрѣпленія, воздвигнутыя по приказанію Казимира. Война продолжалась затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ видѣ опустошительныхъ набѣговъ литовцевъ на земли Люблинскую, Сендомирскую и Краковскую. Наконецъ, въ послѣдній годъ княженія Ольгерда оконченъ былъ этотъ многолѣтній споръ за галицко-волынское наслѣдство. Въ 1377 году наслѣдникъ Казимира, Людовикъ Венгерскій, предпринялъ походъ на Вольты съ многочисленнымъ польскимъ и венгерскимъ войскомъ. Польское ополченіе взяло Холмъ и, соединившись съ венграми, осадило Белзь. Во время этой осады, затянувшейся на довольно продолжительное время, при посредствѣ Кейстута, заключенъ былъ договоръ между Ольгердомъ и Людовикомъ: удѣлы Берестейскій, Владимірскій и Луцкій признаны были принадлежащими Литвѣ, земли же Холмская и Белзская отошли къ Польшѣ ⁵¹). О Подоліи же не было и рѣчи, такъ какъ она оставалась въ дѣйствительномъ владѣніи литовцевъ.

Между тѣмъ, пока происходила эта борьба между главными соперниками, т. е. Литвой и Польшей, за галицко-волынское наслѣдіе, часть послѣдняго, слабѣе другихъ связанная съ нимъ, отпадаетъ отъ него и отъ Венгріи. По сообщенію славяно-молдавской лѣтописи, «въ лѣто 6867 (1359) отъ сзданія мира Бжїимъ произволеніемъ начаяся Молдавская землѣ, начая же сице. Прииде Драгоше воевода отъ Угорска землѣ, отъ Марра Мурреша (Мармароша) на ловъ за туромъ, и господства два лѣта», ⁵²) и проч. По другимъ извѣстіямъ, воевода Драгошъ выселился со своими румынами изъ Мармароша въ 1367 году вслѣдствіе гоненія на православіе, воздвигнутаго въ Венгріи Людовикомъ Венгерскимъ ⁵³). Румынскіе переселенцы поселились въ сосѣдствѣ съ

рускими броднигами, жившими на южной окраинѣ галицкой Руси, въ разгаръ борьбы между Литвою и Польшею за галицко-русское наслѣдство, и въ послѣдствіи времени заняли все пространство русскихъ земель между Днѣстромъ и Прутомъ до самого Хотина ⁵⁴).

Такимъ образомъ, во время борьбы между Литвою и Польшею за галицко-волинское наслѣдство, послѣднее раздѣлилось насильственно на три части: Галицію, перешедшую во власть Польши, Волинь и Подолію, доставшіяся Литвѣ, и наконецъ Молдавію со смѣшаннымъ славяно-румынскимъ населеніемъ, подчиненную Венгріи.

Отвоевавъ Подолію у татаръ, литовскіе князья не долго, однакоже, владѣли ею спокойно и встрѣтили себѣ соперницу въ Польшѣ, которая, заключивъ въ 1386 году государственную унію съ Литвою, постепенно заявляла притязанія на Подолію и старалась оторвать ее отъ Литвы.

Когда Подолія занята была впервые литовскими князьями, — съ точностью неизвѣстно. По разказу русско-литовскихъ лѣтописей, «когда государемъ былъ на литовской землѣ великій князь Ольгердъ, онъ пошелъ въ поле съ литовскимъ войскомъ, побилъ татаръ на Синей Водѣ, трехъ братьевъ, князя Хачебея, Кутлубуга и Дмитрія, а тѣ три братья татарскіе князья были отчичи и дѣдичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдывали атаманы и баскаки, приѣзжая, отъ тѣхъ атамановъ брали дань съ Подольской земли. А братъ великаго князя Ольгерда князь Кориатъ держалъ Новгородокъ Литовскій, а у него были четыре сына — князь Юрій, князь Александръ, князь Константинъ, князь Феодоръ. И тѣ князья Кориатовичи три (четыре) брата, съ соизволенія великаго князя Ольгерда и съ номощію Литовской земли, пошли въ Подольскую землю. И тогда въ Подольской землѣ не было ни одного города, ни деревомъ рубленаго, ни камнемъ сложеннаго. И тѣ князья Кориатовичи, пришедши въ Подольскую землю, вошли въ пріязнь съ атаманами, начали боронить Подольскую землю отъ татаръ, а баскакамъ не стали давать подати, и прежде всего нашли себѣ твердыню на рѣкѣ Смотричѣ и тутъ нарядили себѣ городъ Смотричъ; а въ другомъ мѣстѣ были черицы въ горѣ, а на томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту. И во время охоты случилось угнать много оленей на тотъ островъ, гдѣ нынѣ Каменецъ (Подольскій) городъ лежитъ. И посѣкши лѣсъ, они построили изъ камня городъ Каменецъ, а изъ него построили всеъ подольскіе города и овладѣли всею Подольскою землею». Изъ этихъ построенныхъ Кориатовичами городовъ упоминаются

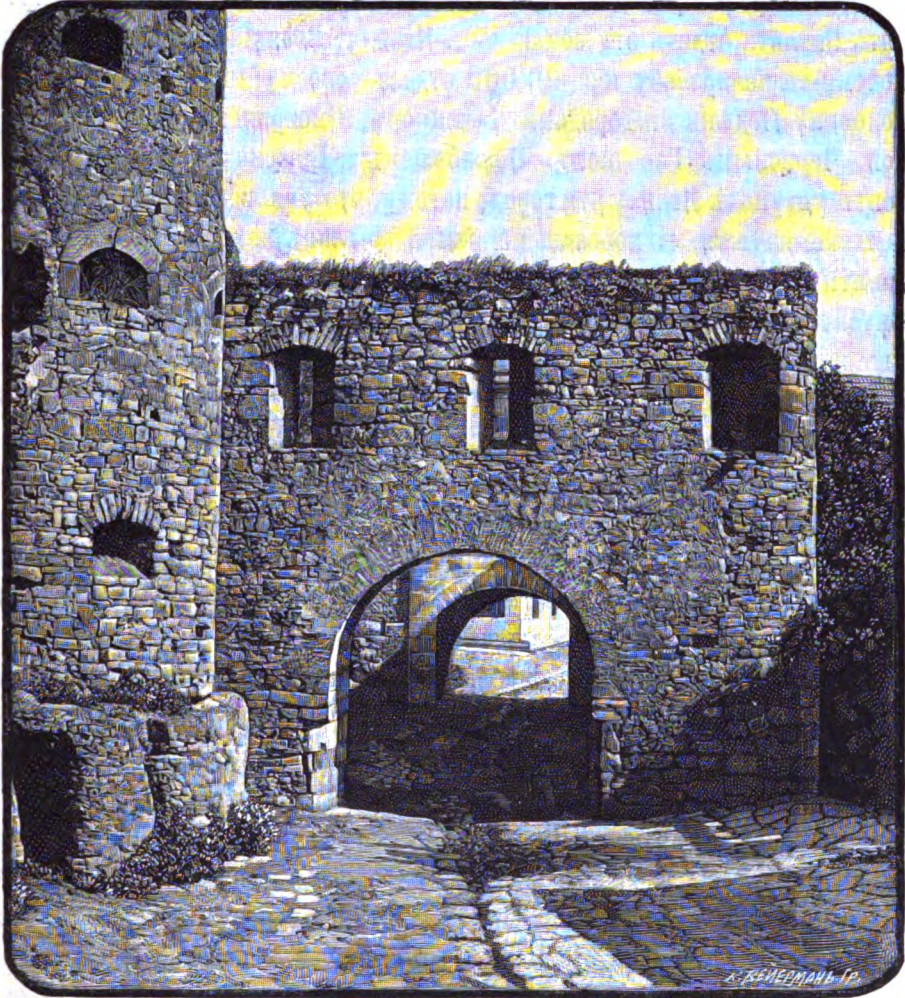
въ лѣтописи: Скала, Черлennyй Городокъ, Бряславль, Соколецъ, Веница (Винница)⁵⁵). По смыслу лѣтописнаго сказанія, Коріатовичи утвердились въ Подольской землѣ уже послѣ разгрома подольскихъ татаръ Ольгердомъ на Синихъ Водахъ въ 1362 году и проникли въ нее съ сѣвера, направляясь на югъ, на Смотричъ и Бакоту, и опираясь на владѣнія дяди своего, волынскаго князя Любарта Гедиминовича. Изъ этихъ первоначальныхъ двухъ пунктовъ Коріатовичи постепенно распространяли свою власть и на остальную Подолію: боролись съ татарами, укрѣпляли здѣсь старые города и воздвигали новые. Къ старымъ городамъ относятся Бакота, бывший прежде главнымъ городомъ Понизья, и, вѣроятно, Брацлавъ. Къ 1373 году едва ли могъ закончиться процессъ совершеннаго очищенія Подоліи отъ татаръ, такъ какъ подъ этимъ годомъ сохранилось въ Никоновской лѣтописи извѣстіе о новой битвѣ литовскихъ князей съ татарами⁵⁶). Съ этого же времени идетъ уже цѣлый рядъ грамотъ и привилегій, выданныхъ Коріатовичами разнымъ лицамъ и учреждениямъ въ Подольской землѣ.

Первоначально явились въ Подольскую землю три брата Коріатовичи: Юрій, Александръ и Константинъ. Отъ нихъ извѣстны, съ опредѣленными годами, слѣдующія грамоты и привилегіи: отъ Юрія и Александра—грамота 1374 года городу Каменцу на магдебургское право; отъ Александра—грамота Смотричскому доминиканскому монастырю 1375 года, данная въ подтвержденіе прежней грамоты Юрія Коріатовича, и грамота городу Кракову 1375 года на право торговли съ Подоліей; отъ Константина—грамота 1385 года городу Кракову о томъ же. Константинъ же далъ будто бы въ 1388 году, совмѣстно съ Ѳеодоромъ Коріатовичемъ, грамоту слугѣ своему Немирѣ на имѣніе Бакоту; но эта послѣдняя грамота — сомнительной подлинности. По словамъ русско-литовской лѣтописи, «князя Юрья волохове убили, а князя Александра татарове убили». Юрій Коріатовичъ могъ быть приглашенъ на Волошское воеводство около 1374 года. Онъ отравленъ въ Сочавѣ, столицѣ Молдавіи, и, по свидѣтельству Стрыйковскаго, похороненъ въ Вашюльевскомъ монастырѣ, за Берладью. Александръ Коріатовичъ погибъ въ борьбѣ съ татарами не раньше 1378 года; будто бы погребенъ онъ въ Смотричскомъ доминиканскомъ монастырѣ⁵⁷). По другимъ извѣстіямъ, Юрій и Александръ Коріатовичи погребены въ построенной ими деревянной зам-

подолги.

ковой православной церкви во имя Покрова пресв. Богородицы въ г. Каменцѣ ⁵⁹).

О четвертомъ изъ братьевъ Коріатовичей Θεодорѣ до послѣдняго времени повторяется нѣкоторыми ошибочное мнѣніе, будтобы онъ въ 1345 былъ царемъ или княземъ Просклавін, принимаемой за Брацлавъ подольскій, заключилъ въ этомъ году съ королемъ Людовикомъ Венгерскимъ договоръ и переселился въ Венгрію ⁵⁹). Правда, около 1352 года венгерскій король Людовикъ дѣйствительно послалъ военную помощь какому-то королю Просклавіи въ его борьбѣ съ татарами, но эта Просклавія находилась гдѣ-то близъ страны венгерскихъ селлеровъ, въ предѣлахъ Валахіи, и король ея неизвѣстенъ по имени ⁶⁰). Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Θεодоръ Коріатовичъ, въ молодыхъ лѣтахъ, дѣйствительно удалился въ Венгрію, получивъ здѣсь во владѣніе Мункачево-Маковицкую область, и въ 1360 году основалъ въ Мункачевѣ православный монастырь. По смерти отца своего Коріата, Θεодоръ получилъ по наслѣдству Новгородокъ Литовскій, оставивъ Мункачевъ, а по смерти братьевъ явился на Подолію и вступилъ въ ея управление. Извѣстна грамота Θεодора Коріатовича, 1392 года, слугѣ его Бедрышку на четыре села въ Червоногородскомъ округѣ Подоліи. Въ 1386 году послѣдовала унія Литвы съ Польшей подъ властію Владислава-Ягайлы, которому Θεодоръ Коріатовичъ не замедлилъ принести присягу на вѣрность. Между тѣмъ въ 1392 году послѣдовало соглашеніе между Владиславомъ-Ягайломъ и Витовтомъ, въ силу котораго послѣдній получилъ званіе великаго князя литовскаго. Эта перемѣна не понравилась князьямъ изъ рода Гедимина, которые въ то время самостоятельно управляли дѣлами литовскихъ и русскихъ земель и не безъ основанія опасались сильной руки Витовта. Поэтому, произошли отдѣльныя возстанія, и между прочимъ Владиміра Ольгердовича кіевскаго и Θεодора Коріатовича подольскаго. Усмиреніе этихъ возстаній было однимъ изъ первыхъ дѣяній Витовта въ новомъ его званіи. Взявъ въ 1393 году у Владиміра Ольгердовича Кіевъ и передавъ его Скиргайлу, Витовтъ въ томъ же году въ одинъ походъ покорилъ все Подолье, составлявшее удѣлъ Θεодора Коріатовича. Защита Подоліи поручена была Θεодоромъ воеводѣ Нестаку, въ распоряженіи котораго находились служившіе, вѣроятно по найму, у подольскаго князя волохи. Литовская рать двигалась черезъ Подолію съ востока на западъ и брала

Каменецъ-Подольская крѣпость. Русскія ворота.

приступомъ подольскіе замки, начиная отъ Брацлава и кончая Каменцомъ-Подольскимъ и Червоногородомъ. Самъ Ѳеодоръ Коріатовичъ въ 1395 году былъ схваченъ по приказанію Витовта, заключенъ въ Вильнѣ и потомъ изгнанъ изъ Литвы ⁶¹⁾. Въ 1398 году онъ снова удалился въ Мункачевъ съ княземъ Василюемъ, родственниками и приверженцами своими и умеръ здѣсь въ 1414 году ⁶²⁾.

Впрочемъ, и самъ Витовтъ на этотъ разъ недолго владѣлъ завоеванною имъ Подоліей. По разсказу литовско-русской лѣтописи, когда

польскій король провѣдалъ о занятіи Подоліи литовцами, то началъ просить Витовта отдать эту землю ему, Ягайлу. Великій князь согласился почему-то на просьбу и за 20,000 отдалъ своему двоюродному брату половину Подоліи съ городами Каменцомъ, Смотричемъ, Бакотой, Скалой, Червонымъ Городкомъ, Межибожемъ и Божскимъ. Вѣроятно, Витовтъ уступилъ Ягайлу эти города потому, что руководившіе въ Краковѣ польскіе кружки, съ королевой Ядвигой во главѣ немедленно вслѣдъ за занятіемъ Подоліи заявили притязаніе на эту землю, и что изъ-за нея Витовтъ не хотѣлъ рисковать разрывомъ съ Польшею ⁶³). Остальные подольскіе города—Брацлавъ, Соколецъ, Винницу, Кременецъ и др. Витовтъ отдалъ, изъ милости. Дмитрію Корибуту, который, по словамъ Стрыйковского, основалъ города Вишневецъ и Збаражъ ⁶⁴).

Получивъ въ свои руки западную Подолію, Ягайло отдалъ часть ея, съ городами Смотричемъ, Каменцомъ, Бакотой, Скалой и Червоногородомъ, въ вѣчное и неотъемлемое владѣніе Спытку изъ Мельштына, за его важныя услуги, съ обязательствомъ служить королю наравнѣ съ остальными литовскими и русскими князьями. Подъ властію Спытка, западная Подолія продолжала до извѣстной степени хранить особое положеніе относительно Польши. Въ 1397 году Спытко вступаетъ въ личныя сношенія съ молдавскимъ воеводой Стефаномъ и, какъ кажется, посѣщаетъ столицу Молдавіи, вѣроятно съ цѣлью переговоровъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ. Съ этого времени Спытко уже не принимаетъ дѣятельнаго участія въ собственно польскихъ дѣлахъ и почти не появляется въ Краковѣ. Сохранилось у позднѣйшаго писателя темное извѣстіе о разрывѣ Спытка не только съ королевой Ядвигой, но даже съ королемъ Владиславомъ-Ягайломъ, который подозрѣвалъ его въ какихъ-то честолюбивыхъ замыслахъ и опасался дурныхъ для короны послѣдствій отъ военныхъ сооруженій, воздвигнутыхъ новымъ владѣтелемъ Подоліи. Наконецъ, въ битвѣ 1399 года съ татарами при Ворсклѣ, Спытко гибнетъ, сражаясь рядомъ съ Витовтомъ, который въ то время стоялъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ королевѣ. Въ этой же битвѣ палъ и Дмитрій Корибутъ.

Послѣ пораженія литовско-русскихъ силъ на Ворсклѣ, вся юго-восточная Подолія стояла теперь беззащитною передъ татарами, которые, ограбивши Кіевъ, «распустили, — по словамъ лѣтописца, — свои силы по литовской землѣ и воевали вплоть до Луцка и, много зла учинивши, ото-

шли въ свою землю». Мѣсто Димитрія Корибута, вѣроятно, занялъ сынъ его Феодоръ Корибутовичъ Несвицкій. Но вдова Спытка изъ Мельштына, имѣя малолѣтнихъ еще сыновей, оказалась въ крайне затруднительномъ положеніи въ краѣ, служившемъ передовымъ постомъ и какъ бы военнымъ станомъ въ борьбѣ съ татарами, облежавшими Подолію съ юго-востока, и продала свои права на эту страну королю Ягайлу. Послѣдній отдалъ въ 1400 году сопернику Витовта, брату своему Свидригайлу, обширныя земли въ Валахіи (собственно на Покутьи) и Подоліи а также Новгородъ-Сѣверскъ. Владѣя нѣсколькими округами въ нынѣшней Галиціи, граничившими съ Молдавіей, Свидригайло въ томъ же 1400 году вошелъ въ столкновеніе съ молдавскимъ воеводой Романомъ, который не только не хотѣлъ подчиниться Польшѣ, какъ это сдѣлалъ братъ его Ивашко, но даже задумалъ возвратить уступленные раньше Польшѣ пограничные округа и началъ дѣлать набѣги на сосѣднюю подольскую Украину. Свидригайлу удалось захватить Романа въ плѣнъ и обезопасить свои владѣнія по крайней мѣрѣ съ юга.

Но и Свидригайло не долго оставался въ Подоліи. Оставивъ здѣсь свои гарнизоны для сторожи замковъ, онъ бѣжалъ въ 1402 году въ земли Прусскаго ордена и 2-го марта того же года заключилъ съ магистромъ ордена тѣсный союзъ, по смыслу котораго орденъ обязывался помогать Свидригайлу въ достиженіи великокняжеской власти на Литвѣ и Руси, а Свидригайло обѣщалъ быть вѣрнымъ другомъ ордена, уступалъ послѣднему нѣкоторыя земли, которыми впрочемъ еще не владѣлъ, и, кромѣ того, торжественно обѣщалъ распространять въ своихъ будущихъ владѣніяхъ католичество и унію съ Римомъ. Витовтъ и Ягайло сильно обезпокоились враждебнымъ положеніемъ Свидригайла, а потому сблизились между собою, вошли въ мирные переговоры съ орденомъ и рѣшили отнять у Свидригайла Подолію. Въ 1403 году Ягайло потребовалъ, чтобы подоляне изъявили ему покорность, какъ верховному владѣтелю всѣхъ литовско-русскихъ земель, но встрѣтилъ сопротивленіе. Поэтому, Ягайло и Витовтъ рѣшили занять Подолію вооруженною рукою, не смотря на то, что въ началѣ 1404 года Свидригайло вынужденъ былъ примириться съ ними. По свидѣтельству Длугоша, жители Каменца охотно открыли ворота королю; но каменецкій замокъ не сдавался, такъ-что пришлось приступить къ бомбардировкѣ его. Тогда начальникъ замка сдалъ укрѣпленіе осаждавшимъ полякамъ, но подъ условіемъ не

отдавать Подольской земли и подольскихъ замковъ какому либо князю а управлять ими черезъ польскихъ шляхтичей. Вѣроятно, это сопротивление каменецкаго замка внушено и устроено было самими поляками и королемъ съ цѣлію устранить притязанія на западную Подолію со стороны Витовта, который дѣйствительно, по сдачѣ Каменца, возобновилъ здѣсь свою присягу на вѣрность королю Ягайлу и коронѣ польской.

Но власть поляковъ въ западной Подоліи была еще крайне непрочна, — и страна оставалась въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи. Поэтому Витовтъ, какъ только освободился отъ соперничества Свидригайла и почувствовалъ все значеніе и силу свою для Ягайла въ предстоявшей рѣшительной борьбѣ съ орденомъ, снова предъявилъ свои права на Подолію не только восточную, но и западную. Переговоры объ этомъ начались еще въ 1409 году и закончились къ маю 1410 года, передъ битвой съ орденомъ. Ягайло возвратилъ или обязался возвратить въ непродолжительномъ времени Витовту города, которыми нѣкогда владѣлъ Спытко изъ Мельштына, именно Каменецъ, Смотричъ, Червоногородъ, Скалу и Бакоту, и, кромѣ того, какъ кажется, Межибожь, Божскъ и Винницу, которыми Спытко не владѣлъ. За уступку права на Подолію Витовтъ выплатилъ Ягайлу сумму въ 40,000 копъ грошей. А городельскимъ договоромъ между Ягайломъ и Витовтомъ въ 1413 году обезпечивалась самостоятельность литовско-русскихъ земель, а слѣдовательно и Подоліи, и на будущее время. Этимъ договоромъ предоставлялось Литвѣ право избрать себѣ послѣ Витовта особаго государя, не иначе впрочемъ, какъ съ согласія польскаго короля и вельможъ; въ свою очередь, поляки обязывались, по смерти Ягайла, не выбирать себѣ короля безъ вѣдома и совѣта Витовта и литовскихъ вельможъ ⁶⁵).

При Витовтѣ на Подоліи укрѣплялись старые и строились новые замки; вводилось, быть можетъ, лучше военное управленіе; защита земли отъ татаръ была организована на болѣе прочныхъ и широкихъ основаніяхъ, такъ какъ за этимъ дѣломъ постоянно наблюдалъ сидѣвшій въ Каменцѣ княжескій намѣстникъ или староста. Такими старостами при Витовтѣ преемственно были Гедыгольдъ, Грановскій, Петръ Монтыкирдъ и Юрій Догвирдъ. Въ видахъ тѣхъ же военныхъ интересовъ, пустующія земли отдавались выходцамъ изъ чужихъ земель и мѣстнымъ землянамъ, съ обязательствомъ нести за это регулярную воинскую службу по требованію князя. Вмѣшиваясь во внутреннія

дѣла татаръ и пользуясь ихъ междоусобіями, Витовтъ много содѣйствовалъ ослабленію этого хищнаго сосѣда и очистилъ почву для своей власти на Подоліи вплоть до береговъ Чернаго моря. Онъ принималъ въ южные предѣлы своего государства громадныя толпы татаръ, бѣжавшія сюда отъ безконечныхъ междоусобій на родинѣ, и старался создать здѣсь твердые опорные пункты на случай новыхъ замѣшательствъ и потрясеній. Поразивъ въ 1418 году перекопскихъ татаръ и сдѣлавъ въ слѣдующемъ году замиреніе съ перекопскимъ ханомъ Эдигеемъ, вслѣдъ затѣмъ Витовтъ велитъ своему подольскому старостѣ Гедыгольду выстроить укрѣпленный замокъ у устья Днѣстра, противъ нынѣшняго Аккермана (прежде — Бѣлгорода). По словамъ современнаго путешественника, на мѣсто было выслано 12,000 работниковъ и 400 повозокъ, нагруженныхъ камнемъ и лѣсомъ, такъ какъ по близости вовсе не имѣлось этого матеріала, — и новый замокъ, подъ наблюденіемъ Гедыгольда, былъ воздвигнутъ въ теченіе одного мѣсяца. Вдоль по Днѣпру Витовтъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ, таможию на островѣ Тавани. Затѣмъ, на берегу моря, была построена крѣпость Дашевъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджибей, на мѣстѣ нынѣшней Одессы, а на Днѣстрѣ воздвигнута крѣпость Тягинь (нынѣ г. Бендеры). Въ степи упоминаются крѣпости или замки Караулъ, Гербедеевъ, Упскъ, слѣдовъ и мѣстоположеніе которыхъ невозможно опредѣлить. Изъ другихъ замковъ при Витовтѣ могли быть построены или возобновлены: замокъ Синяя Вода на р. Синюхѣ, Чичаклей, Летичевъ, быть можетъ, Черный Городокъ, Хмельникъ и др. Существуетъ еще, кромѣ того, указаніе, что между Совранью и Кодымою Витовтъ устроилъ черезъ Бугъ каменный мостъ, а также складъ для товаровъ или такъ называемую мытницу⁶⁶).

Къ сожалѣнію, Витовтъ, заключивъ въ 1413 году городельскую унію съ Польшей, въ силу ея предоставилъ католикамъ оскорбительныя для православныхъ преимущества и льготы и заботился, вмѣстѣ съ Ягайломъ, о введеніи церковной уніи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставлялъ всѣмъ, кто хочетъ, по старинѣ, «держаться подъ властью митрополита кіевскаго». Слабая и неудачная попытка измѣнить созданное Витовтомъ въ Литвѣ и на Подоліи положеніе сдѣлана была извѣстнымъ уже намъ Свидригайломъ Ольгердовичемъ. Снова воз-

ставъ противъ Ягайла и Витовта и уніи Литвы съ Польшею, Свидригайло въ 1409-мъ году попался въ руки послѣдняго и заточень былъ въ Кременецъ. Его освободили отсюда въ 1418 году два русскихіа князя—Даніилъ или Дашко Феодоровичъ Острожскій и Александръ, по прозванію Носъ, при участіи князя Андрея Смоленскаго. Освобожденный Свидригайло сдѣлалъ со своими приверженцами опустошительное движеніе по южной Волини, прошелъ, какъ кажется, черезъ Подолію и пограничное Покутье или такъ называемую Малую Валахію и явился къ венгерскому королю Сигизмунду. Во многихъ подвластныхъ Витовту земляхъ, въ томъ числѣ и на Подоліи, начинали обнаруживаться признаки движенія въ пользу Свидригайла, которое, однако, не нашло для себя объединительнаго пункта. Свидригайло не получилъ отъ сосѣднихъ государей помощи себѣ и принужденъ былъ примириться съ ненавистнымъ ему Витовтомъ ⁶⁷⁾. Уже по смерти Витовта Свидригайло владѣлъ нѣкоторое время Подоліей, хотя и не могъ сдѣлать многоаго для развитія здѣсь русской народности и ограниченія польскихъ притязаній на Подолію.

Послѣ смерти Витовта, русскіе и литовцы, не желая соединенія Литвы съ Польшею, провозгласили великимъ княземъ литовскимъ Свидригайла Ольгердовича. Ягайло вынужденъ былъ согласиться на такое избраніе; но польскіе паны, повидимому, не признавали Свидригайла въ его новомъ санѣ и выговаривали для Польши за такое признаніе уступки Литвою по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ земель, именно Подоліи и Волини ⁶⁸⁾. Свидригайло не хотѣлъ уступить. А между тѣмъ часть поляковъ изъ свиты короля немедленно послѣ смерти Витовта пробралась въ пограничную съ Подоліей Червонную Русь, собрала здѣсь наскоро польскую шляхту и съ панами Буцацкими во главѣ двинулась къ главному подольскому замку Каменцу. При помощи мѣстныхъ поляковъ, она овладѣла Каменцомъ, захвативъ въроломно въ плѣнъ каменецкаго старосту Довгирда, а затѣмъ взяла еще три подольскихъ замка Смотричъ, Скалу и Червоногородъ. Узнавъ о событіяхъ на Подоліи, Свидригайло и окружавшіе его литовско-русскіе вельможи пришли въ страшное негодованіе и требовали возврата захваченныхъ измѣннически замковъ. Свидригайло будто бы угрожалъ Ягайлу, находившемуся тогда въ Литвѣ, что пока не будутъ возвращены Литвѣ подольскіе замки, до тѣхъ поръ ни королю, ни его свитѣ не бу-

дѣть дозволено возвратиться въ Польшу. Тогда Ягайло началъ мирные переговоры съ братомъ и литовскою радою по вопросу о Подоліи и нарочно затягивалъ ихъ, по видимому, съ тѣмъ, чтобы дать полякамъ возможность собраться съ силами для борьбы съ Литвой: король обѣщалъ возвратить брату захваченные подольскіе замки; но такъ какъ Польша все-таки не отрывается отъ своихъ притязаній на принадлеж-

Великій князь литовскій Витовтъ, во св. крещеніи Александръ.

ность ей Подоліи, то окончательное рѣшеніе спорнаго вопроса откладывалось на послѣдующее время. Свидригайло, въ свою очередь идя на уступку, обязался вернуть Польшѣ передаваемые ему замки, если предполагаемые переговоры не приведутъ стороны къ соглашенію. Въ силу этихъ переговоровъ, король послалъ приказъ каменецкому старостѣ Михаилу Бучацкому немедленно сдать всѣ захваченные замки представителю Свидригайла Михаилу Бабѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ тайно отъ

Свидригайла поляками послано было Бучацкому сообщеніе совсѣмъ противоположнаго характера. Ничего не подозрѣвавшій, Свидригайло отпустилъ Ягайла изъ Литвы съ большими почестями и богатыми подарками, полагая, что замки подольскіе будутъ дѣйствительно переданы Бабѣ. На самомъ же дѣлѣ Михаилъ Бучацкій, руководясь тайными предписаніями, арестовалъ какъ Михаила Бабу, такъ и королевскаго посланца, и посадилъ ихъ въ заключеніе, а подольскихъ замковъ, конечно, и не думалъ сдавать Литвѣ. Въ то же время поляки начали дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Литвой, продолжая однако же переговоры съ Свидригайломъ, чтобы выиграть только время. Отъ него потребовали уступки Польшѣ всей Подоліи и Волыни и даже отреченія отъ великокняжеской власти, которую онъ долженъ былъ сложить съ себя и получить ее уже изъ рукъ Ягайла. Свидригайло отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и немедленно послѣ отъѣзда Ягайла изъ Литвы явился въ Подолію и удержалъ за собою сѣверо-восточную ея полосу. Онъ сдѣлалъ даже попытку возвратить себѣ и западные замки и осадилъ Смолричъ, хотя и не могъ взять его. Къ пасхѣ 1431 года открыто объявлена была поляками война Свидригайлу, съ цѣлю отнять у него всю Волынь и Подолію. Отдѣльный польскій отрядъ отправленъ былъ для занятія Кременца, который однако же не удалось взять, и стремительно бросился оттуда къ Брацлаву, чтобы нечаянно захватить его, но встрѣтилъ мужественное сопротивленіе со стороны мѣстнаго русскаго населенія, которое твердо держалось Свидригайла. Не смотря на помощь водворившейся въ Подоліи польской шляхты и дворянства, къ осени 1431 года полякамъ удалось удержать на Подоліи, кромѣ четырехъ западныхъ замковъ, только два небольшихъ поселенія, тянувшихъ къ Каменцу, — Голчедаевъ и Олушковъ. Въ Бакотскомъ округѣ борьба еще не была рѣшена, а остальная Подолія стойко держалась Свидригайла. Послѣднему помогали также нѣмецкіе рыцари и молдавскій воевода Александръ. Во время самага разгара борьбы на Подоліи, въ сѣверную Польшу вторглось орденское войско, тогда какъ на западную Подолію, бывшую въ рукахъ поляковъ, напалъ воевода молдавскій Александръ, мечтавшій избавиться теперь отъ всякой зависимости отъ Польши, и жестоко опустошилъ Каменецкій округъ.

Находясь въ затруднительномъ положеніи, Ягайло возобновилъ мирные переговоры съ Свидригайломъ и въ сентябрѣ 1431 года заклю-

чилъ съ нимъ перемиріе на одинъ годъ. Относительно Подоліи условлено было, чтобы во все время перемирія король владѣлъ Каменцомъ, Смолричемъ, Скалой, Червоногородомъ и тянувшими къ Каменцу Голчедаевомъ и Олтушковомъ съ ихъ округами и селами, тогда какъ вся остальная Подолія должна была оставаться за Литвой. Что касается Бакотскаго округа, то обѣ стороны до истеченія перемирія обязывались не возстановлять разрушеннаго Бакотскаго замка; земляне должны были тянуть къ той сторонѣ, къ какой тянули до заключенія перемирія. Полуразрушенный Смотричскій замокъ, остававшійся за поляками, король могъ исправить и возстановить въ прежнемъ видѣ. Далѣе договоръ возстановлялъ нарушенную войной свободу торговыхъ сношеній Подоліи съ Польшей. Свидригайло обѣщалъ не принимать къ себѣ на помощь татаръ, а въ случаѣ ихъ прихода отослать отъ себя обратно.

Но перемиріемъ этимъ обѣ стороны хотѣли воспользоваться только для отдыха и приготовленій къ продолженію войны. Свидригайло дѣятельно сносился съ Венгріей, Прусскимъ орденомъ и Молдавіей, ища здѣсь союзниковъ для себя въ предстоящей войнѣ. Преставителемъ великаго князя на Подоліи былъ въ это время князь Ѳеодоръ Корибутовичъ Несвицкій, тщательно слѣдившій за военными мѣрами и движеніями поляковъ, которые также готовились къ борьбѣ. Уже въ апрѣлѣ 1432 годъ князь Ѳеодоръ предостерегалъ Свидригайла, что поляки стягиваютъ войска въ трехъ важнѣйшихъ пунктахъ, откуда собираются ударить разомъ на литовскія земли. Но самымъ сильнымъ средствомъ противъ Свидригайла въ рукахъ поляковъ послужила интрига. Они подмѣтили, что хотя Свидригайло единодушно былъ избранъ на великокняжескій литовскій престолъ какъ литовскими, такъ и русскими вельможами, но въ дальнѣйшей борьбѣ съ поляками, явившись въ роли защитника православія и представителя русско-литовскаго православнаго элемента, не пользовался сочувствіемъ окатоличившихся и начавшихъ ополячиваться коренныхъ литовцевъ, и выставили въ противовѣсъ Свидригайлу претендентомъ на литовскій великокняжескій престолъ Сигизмунда Кейстутьевича, который и нашель для себя опору въ католической партіи литовско-русскаго государства. Свидригайло принужденъ былъ бѣжать въ русскія земли, а Сигизмундъ Кейстутьевичъ, вовсе не ожидавшій для себя такого возвышенія, въ благодарность за то полякамъ, выдалъ въ октябрѣ 1432 года Ягайлу грамоту, въ которой при-

знавалъ, что получилъ великокняжеское достоинство изъ рукъ короля пожизненно, и что по смерти его Литва должна перейти къ Польшѣ всецѣло и безъ возврата, какъ ея владѣніе. Отъ Подоліи онъ рѣшительно отказался, обѣщая за себя, за своихъ потомковъ и за всѣхъ вообще жителей Литовскаго государства никогда не требовать ея обратно, и дважды потомъ повторялъ свое отреченіе отъ нея, хотя въ дѣйствительности даже и не вступалъ никогда во владѣніе ею. Между тѣмъ сѣверовосточную Подолію охранялъ отъ польскихъ посягательствъ и захватовъ Свидригайловъ староста, князь Феодоръ или Федекъ Корибутовичъ Несвицкій. Набравъ войско изъ русскихъ, татаръ и волоховъ, этотъ князь избѣгалъ рѣшительнаго сраженія съ поляками, утомлялъ ихъ неожиданными нападеніями и мелкой партизанской войной и наконецъ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе у рѣки Морахвы, близъ Копыстерина. Въ слѣдующемъ 1433 году князь Феодоръ Несвицкій появляется подъ самымъ Каменцомъ и захватываетъ въ плѣнъ старосту каменецкаго, Феодора Бучацкаго.

Къ сожалѣнію, Свидригайло не отличался выдающимися способностями и выдержанностью характера и самъ отчасти испортилъ свое дѣло и дѣло русской народности въ Литвѣ и на Подоліи. Черезъ недѣлю послѣ копыстеринской битвы, 8 декабря 1432 года, Свидригайло, двинувшійся-было на Литву, понесъ сильное пораженіе отъ своего противника Сигизмунда Кейстутевича. Молдавія и прусскій орденъ отстали отъ союза съ Свидригайломъ и помирились съ Польшею. Изнуренная внутренней борьбой, русскія земли Литвы не въ состояніи были дать дружный и твердый отпоръ полякамъ. Среди самихъ русскихъ начинаеть замѣчаться какое-то тяжелое утомленіе борьбой, такъ-что въ самой партіи Свидригайла возникаютъ несогласія и раздоры; крутыя расправы великаго князя съ отщепенцами немного помогаютъ дѣлу борьбы. Единственнымъ защитникомъ Подоліи оставался князь Феодоръ Несвицкій со своими удалыми летучими отрядами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Подоліи, когда умеръ король Ягайло 31 мая 1434 года. Опасаясь рѣшительныхъ дѣйствій Свидригайла, поляки поспѣшили выслать на Подолію значительное войско для отраженія Федекъ, продолжавшаго съ татарами свои опустошительныя нападенія на поляковъ и удерживавшаго за Литвою сѣверовосточную часть Подоліи. Но въ эту рѣшительную минуту Свидри-

гайло позволилъ себѣ неосторожный и неблагоразумный шагъ, приказавъ, по подозрѣнію въ измѣнѣ, арестовать князя Оедька и лишить его замковъ, которыми онъ управлялъ въ качествѣ подольскаго воеводы. Поляки не преминули воспользоваться этимъ промахомъ Свидригайла и переманили на свою сторону князя Оедька, освободивъ его изъ заключенія. Къ сентябрю 1434 года Оедько былъ уже на свободѣ и въ особой грамотѣ засвидѣтельствовалъ, что обязанъ своимъ освобожденіемъ полякамъ, почему оставляетъ сторону Свидригайла и присягаетъ на вѣрность королю и коронѣ польской. Ему предоставлены были поляками въ пожизненное владѣніе замки Кременецъ, Брацлавъ, Винница, Соколецъ, Хмельникъ и Збаражъ, которые, послѣ его смерти, должны были отойти къ Польшѣ. Но въ рѣшительную минуту борьбы литовско-русскаго государства съ Польшей князь Оеодоръ Корибутовичъ снова присталъ къ Свидригайлу. Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ 1 сентября 1435 года, въ которой Свидригайло потерпѣлъ страшное пораженіе, въ числѣ приверженцевъ послѣдняго находился и былъ взятъ въ плѣнъ князь Оеодоръ Корибутовичъ ⁶⁹). Свидригайло смирился и получилъ отъ новаго польскаго короля Владислава III Ягайловича въ удѣлъ Волынь и восточную часть Подоліи, но, по назначеніи Казимира Ягайловича великимъ княземъ литовскимъ, отрекся отъ подчиненныхъ отношеній къ Польшѣ и принесъ присягу Казимиру, какъ великому князю литовскому ⁷⁰). Западная Подолія обращена была въ 1434 году поляками въ воеводство, первыми воеводами котораго были преимущественно участники въ присоединеніи ея къ Польшѣ—Петръ изъ Провы, Михаилъ Бучацкій, Грыцко Кирдѣй, Янъ Мирзиль или Мужиль Бучацкій, и проч. Въ сѣверо-восточной Подоліи Свидригайло продолжалъ владѣть замками и раздавалъ села своимъ слугамъ. Въ 1438 году упоминается особый подольскій воевода у Свидригайла Монивидъ, а подъ 1447 годомъ Длугошъ прямо говоритъ, что замки Межибожъ, Хмельникъ, Караулъ до того времени находились во власти литовцевъ. Свидригайло умеръ въ 1452 году ⁷¹).

Послѣ Свидригайла, Подолія не имѣла уже своихъ особыхъ князей, которые были бы непосредственными защитниками ея отъ внѣшнихъ враговъ. А между тѣмъ эти враги со всѣхъ почти сторонъ облегалы Подолію, отторгали отъ нея нѣкоторыя ея части и весьма часто прони-

кали своими хищническими набѣгами вглубь страны. То были преимущественно татары и отчасти турки. Кипчакская орда Батя распалась на три главных ханства—Казанское, Астраханское и Крымское. Казанскіе татары не имѣли никакого отношенія къ Подоліи; астраханскіе, иначе завожскіе, неоднократно дѣлали набѣги на юго-западную Русь. Рядомъ съ ними возникло въ концѣ XIII вѣка ханство Ногайское на лѣвомъ берегу Дона, ханы котораго часто беспокоили

Церковь Покрова пресвятыя Богородицы въ селѣ Бакоѣ, Ушицкаго уѣзда.

крымскихъ своихъ соплеменниковъ, но въ заключеніе должны были подчиниться послѣднимъ. Случилось это въ началѣ XVI столѣтія, въ 1510 году. Крымскіе татары, иначе называемые перекопскими, взяли въ плѣнъ свыше 70,000 ногайцевъ, коихъ большую половину (40,000) побѣдитель ханъ поселилъ при устьѣ Днѣпра. Они-то положили начало татарамъ бѣлгородскимъ, кочевавшимъ между Измаиломъ и Аккерманомъ и на степяхъ Буджацкихъ. Изъ нихъ крымскіе татары, а также бѣлгородскіе и буджацкіе съ очаковскими, больше всего и наносили вреда Подоліи. Въ концѣ XV вѣка крымскій ханъ Менгли-Гирей, воспользовавшись

вялостію и нерадѣніемъ Казимира Ягайловича, овладѣлъ основанными Витовтомъ на югѣ крѣпостями и, уничтоживъ ихъ, опустошилъ страшными набѣгами всю Кіевскую область и Подолію. Бѣлгородскіе же, буджацкіе и очаковскіе татары, сами непосредственно дѣлая набѣги на Подолію, впоследствии были проводниками турокъ въ ихъ опустошительныхъ набѣгахъ на страну. Главными путями или «шляхами» татарскими въ Подолію со второй половины XV вѣка были: Черный шляхъ, который отъ Черкасъ, Канева и Полоннаго велъ на Волынь и шелъ по сѣверной границѣ нынѣшней Подольской губерніи; Кучминскій или Ханскій, начинавшійся у бродовъ Кучмины и Кодымы и вторгавшійся, вглубь Подоліи, въ самую середину ея; Волосскій, который шелъ правымъ берегомъ Днѣстра къ Покутью. Этими путями обыкновенно вторгались татары въ Подолію, «западали коліемъ», т. е. останавливались съ обозомъ въ одномъ безопасномъ для себя мѣстѣ и отсюда распускали загоны, съ цѣлю грабежа, миль на 50 вдоль и поперегъ страны. Такихъ татарскихъ набѣговъ на Подолію въ первой половинѣ XV вѣка было только 4, тогда какъ съ 1450 года и до люблинской уніи Литвы съ Польшей въ 1569 году ихъ насчитывается 26 ⁷²).

Рядомъ съ татарскими вторженіями и опустошеніями, шли и развивались и внутренніе раздоры между литовцами и поляками, увеличивавшіе беззащитность страны отъ внѣшнихъ враговъ. Между польскою и литовскою родами происходятъ все это время ожесточенные споры по вопросу о принадлежности Подоліи, и Польша добивается Брацлавщины, тогда какъ литовцы требуютъ возврата себѣ даже замковъ западной полосы земли ⁷³). Взаимное раздраженіе доходило иногда до вооруженныхъ отдѣльныхъ столкновеній. Въ 1463 г. отрядъ польскаго войска, проходя черезъ Брацлавъ на помощь крѣпости Кафѣ, осажденной турками, вошелъ съ мѣстными мѣщанами въ столкновеніе, во время котораго одинъ изъ мѣщанъ былъ убитъ. Солдаты, боясь раздраженія со стороны мѣщанства, зажгли городъ и ушли изъ него во время происшедшаго замѣшательства, но были настигнуты княземъ Михаиломъ Чарторыйскимъ и истреблены почти всѣ ⁷⁴). Споры между Литвой и Польшей чуть не повели къ полному разрыву между этими двумя государствами, и при Казимірѣ Ягайловичѣ литовскія притязанія встрѣчали сочувствіе и у

короля. Даже въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаются слѣды этой борьбы, не позволявшей установить прочную границу между владѣніями обоихъ государствъ на Подоліи, и разграничительная коммиссія 1546 года встрѣчаетъ на Подоліи явное противодѣйствіе возложенной на нее задачѣ. И послѣ работъ этой коммиссіи, Подолія до самой люблинской уніи разбивалась на восточную и западную части приблизительно въ тѣхъ же самыхъ границахъ, въ какихъ это было во время сентябрьскаго перемирія 1431 года ⁷⁵). На люблинскомъ сеймѣ 1569 года послѣдовало, наконецъ, насильственное соединеніе Литвы съ Польшей и присоединеніе Подоліи къ послѣдней изъ нихъ. На этомъ сеймѣ представителями Подоліи или — точнѣе Брацлавщины были: воевода брацлавскій и винницкій Романъ Сангушко, староста луцкій, брацлавскій и винницкій князь Богущъ Корецкій, каштелянъ брацлавскій князь Капуста, посолъ отъ шляхты брацлавской и винницкой Иванъ Кишка, и др., которые, однако-же, не долго сопротивлялись настояніямъ поляковъ и окончательно согласились на унію съ Польшей 4 апрѣля 1569 года ⁷⁶).

Понятно, что насильственное присоединеніе Подоліи къ Польшѣ не могло успокоить и осчастливить первую. Корень зла лежалъ въ непримиримости литовско-русскихъ и польскихъ началъ жизни, во враждебномъ отношеніи и борьбѣ ихъ между собою, еще болѣе усилившихся послѣ люблинской уніи и характеризующихъ собою все время польскаго владычества въ краѣ до воссоединенія его съ Россіей въ 1793 году. Поэтому, прежде, чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшихъ судебъ Подоліи, бросимъ взглядъ на внутреннее состояніе ея, обусловливаемое главнымъ образомъ взаимнымъ отношеніемъ и борьбою составныхъ элементовъ и слоевъ ея населенія.

Глава третья.

Внутреннее состояніе Подоліи до 1569 года.

Броженіе и борьба народностей въ Подоліи, преимущественно русской и польской; коренное населеніе Подоліи—русское; поверхностное, но вмѣстѣ и разрушительное вліяніе пришлой польской народности и несправедливыя ея притязанія на Русь. Внутренній бытъ русскихъ славянъ въ древнія времена: единство города и земли и равноправность сословій; православіе въ Подоліи и іерархическое его устройство.—Литовское владычество въ Подоліи: обрусѣніе литовцевъ; Коріатовичи и состояніе православія и православной церкви въ Подоліи при литовскихъ князьяхъ; военный строй и способъ землевладѣнія; земляне и бояре, положеніе городовъ и сельскаго населенія.—Проникновеніе польскаго вліянія и католичества въ Подолію, особенно послѣ 1386 года; польскіе поселенцы въ западной Подоліи; присоединеніе ея въ 1434 г. къ Польшѣ; обособленіе и порабоженіе городовъ и сельскаго населенія; приниженное положеніе православной церкви; протесты русскаго населенія, бѣгство его на юго-востокъ и образованіе здѣсь казачества, давашаго отпоръ польскимъ притязаніямъ.

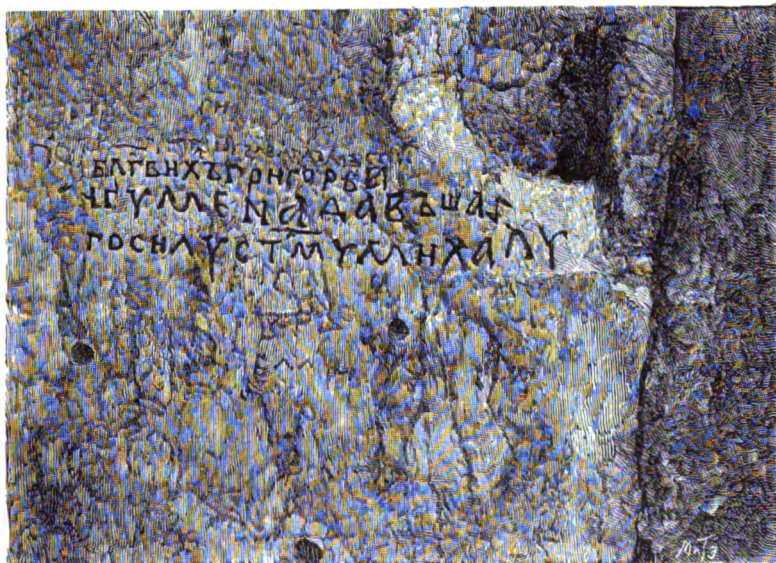
НУТРЕННЕЕ состояніе Подоліи до 1569 года характеризуется броженіемъ и борьбою народностей, входившихъ въ составъ населенія этой страны, т. е. русскихъ, литовцевъ и поляковъ. Борьба главнымъ образомъ происходила между коренною русскою и пришлою польскою народностями, тогда какъ литовцы, стоявшіе по развитію ниже той и другой, склонялись сначала на русскую, а потомъ на польскую сторону, чѣмъ и подготовили временное торжество послѣдней.

Какого происхожденія и какой народности было въ это время ко-
подолія.

ренное населеніе обѣихъ половинъ Подоліи, объ этомъ существуютъ у поляковъ и русскихъ противоположныя мнѣнія. Нѣкоторые польскіе писатели пытались доказывать, что въ XIII вѣкѣ юго-западная Русь была совершенно опустошена татарами, истребившими все русское населеніе, и что въ опустѣломъ краѣ явилась съ XIII вѣка новая этнографическая особь, мало имѣющая общаго съ древнею Русью: колонисты съ запада, именно изъ Польши, смѣшавшись съ остатками кореннаго населенія, положили будто-бы основаніе новому племени, болѣе близкому къ польской расѣ, чѣмъ къ русской. Такое мнѣніе высказано было Грабовскимъ еще въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка и недавно повторено польскимъ ученымъ Яблоновскимъ. «Послѣ монгольскаго погрома,—говоритъ онъ,—Русь не имѣла совершенно никакихъ силъ къ своему возстановленію и никогда не была-бы въ состояніи исполнить это сама. Литва смогла только оборонить, обезопасить ее на время, но не могла ее поднять, заселить, привести въ порядокъ и наклонить къ европейской цивилизаціи. Такая историческая задача выпала на долю Польши. Будучи для нея залогомъ фактическаго обладанія русскими землями и нравственнымъ оправданіемъ этого обладанія, такая задача сдѣлалась съ теченіемъ времени ея высокимъ историческимъ призваніемъ. И эту задачу она выполняла тщательно и усердно». Русскіе ученые доказываютъ противное. По словамъ профессора Владимірскаго-Буданова, опустошеніе страны татарами въ половинѣ XIII вѣка отнюдь не было полнымъ. Особенно это нужно сказать о Подоліи, которая добровольно подчинилась татарамъ и была пощажена ими. Новое заселеніе центральныхъ частей, Волыни и Галиціи, послѣ Батыева опустошенія въ XIII вѣкѣ, совершилось въ то время, когда Польша не могла имѣть на то никакого вліянія; ибо тогда существовало здѣсь совершенно независимое русское государство Даниіла и его преемниковъ. Не смотря на повторявшіяся нашествія татаръ, населеніе возстановлено собственными силами русскаго народа, съ незначительною инородческою примѣсью, подобно тому, какъ одновременно такое-же возстановленіе населенія совершилось въ сѣверо-восточной Руси.

Главными колонизаторами въ эту эпоху явились князья Даниіль и Василько Романовичи, Владиміръ Васильковичъ и Левъ Даниловичъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка территорія юго-западныхъ русскихъ

княжествъ раздѣлилась между государствами Литовскимъ и Польскимъ. Въ первомъ населеніе южныхъ окраинъ, Кіевской и Подольской, восстановлено въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно было до татарскаго завоеванія, и отчасти подвинуто далѣе въ степи къ Черному морю, благодаря военной дѣятельности Гедимина и организаторской предпримчивости Ольгерда, Александра Ольгердовича кіевскаго и его потомковъ, а также подольскихъ князей Кюріатовичей и Витовта. Хотя и

Древняя надпись на скалѣ въ селѣ Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда.

въ началѣ XV вѣка южная Русь множество разъ была опустошаема вновь татарами, но населеніе ея восстанавливалось въ тѣхъ-же предѣлахъ безо всякой помощи со стороны Польши. Литовскіе князья дѣйствительно защитили южные предѣлы русскихъ земель и подвинули не литовскую, а русскую колонизацію, сами усвоивъ весьма быстро русскую національность. Наоборотъ, въ части Подолія, которая захвачена поляками, не видно никакихъ успѣховъ колонизаціи: тамъ раздаются польскимъ шляхтичамъ большею частію готовые населенныя имѣнія. Въ 1482 и слѣдующихъ годахъ произошло вторичное

*

громадное опустошеніе почти всей территоріи юго-западной Руси, но въ особенности украинныхъ мѣсть кievской земли: здѣсь уцѣлѣли почти одни укрѣпленныя мѣста и поселенія вокругъ замковъ. Наставшее затѣмъ запустѣніе продолжалось и въ первой половинѣ XVI вѣка. Но съ этимъ новымъ опустошеніемъ совпадаетъ начало обратнаго наступательнаго движенія русской національности на татарскія степи въ формѣ Днѣпровскаго и Бужскаго казачества. Явленіе это есть самостоятельная попытка русскаго населенія обезпечить наконецъ свою территорію отъ нападений съ юга, — попытка, предпринятая вопреки правительственнымъ цѣлямъ Литовскаго государства ⁷⁷⁾.

Прямое и дѣйствительное вліяніе на судьбы юго-западной Руси Польша: стала оказывать въ западной Подоліи только съ 1434 года, а въ восточной или Брацлавщинѣ — съ 1569 года; но и это вліяніе скорѣе было разрушительное, чѣмъ созидающее. Дѣло въ томъ, что поляки, усвоивъ себѣ католичество и обрывки западно-европейской гражданственности и просвѣщенія, совершенно отрознились въ этихъ отношеніяхъ отъ восточныхъ, русскихъ славянъ, и если захватывали, посредствомъ насилія и коварства, ихъ области, то только съ цѣлю эксплоатировать въ свою пользу естественныя богатства западно-русскихъ окраинъ. Они образовали изъ себя здѣсь только верхній, рабовладѣльческій классъ и нисколько не заботились, или весьма мало заботились о благѣ кореннаго туземнаго русскаго населенія. Между тѣмъ это послѣднее имѣло свою исторію и свою особую культуру, имѣло всѣ законныя права на свое существованіе и развитіе и мужественно отстаивало ихъ отъ притязаній со стороны поляковъ. Въ позднѣйшія времена, подъ прикрытіемъ гуманныхъ идей, выработался у поляковъ горделивый и лицемѣрный взглядъ на себя, какъ на носителей и проводниковъ западно-европейской культуры въ полуварварскія якобы русскія земли, — взглядъ, нерѣдко повторяемый и современными польскими учеными ⁷⁸⁾, которые, очевидно, желаютъ только оправдать этимъ взглядомъ тѣ кровавыя насилія, какими поляки проводили пресловутую западно-европейскую цивилизацію въ западно-русскія земли. Но они забываютъ, что всякое насиліе въ существѣ дѣла противно истинному просвѣщенію и культурѣ, и что каждая народность, имѣющая свою исторію и культуру, а слѣдовательно и западно-русская, имѣетъ право и должна развиваться только изъ своихъ собственныхъ началъ,

а не изъ чуждыхъ и враждебныхъ, хотя-бы даже и вышихъ сравнительно.

Коренную черту внутренняго быта русскихъ славянъ въ древнія времена составляли единство и равноправность всѣхъ общественныхъ слоевъ русскаго народа. Существенныя черты древне-русскаго городского устройства, по словамъ профессора Владимірскаго-Буданова, слѣдующія: во первыхъ, городъ стоитъ во главѣ земли; во вторыхъ, городское населеніе составляютъ всѣ классы тогдашняго общества безъ различія; въ третьихъ, городъ вмѣстѣ съ землею пользуется самоуправленіемъ. Эти же черты сохраняются и въ городахъ западной Руси XIII и XIV вѣковъ. Во главѣ каждой земли стоитъ центральный городъ и внутри земли—его пригороды. Около каждаго города и пригорода располагается его волость, вмѣстѣ съ которою онъ составляетъ юридическую и поземельную единицу. По «стародавнему звѣчному обычаю», волость и городъ вмѣстѣ уплачиваютъ княжескую дань, причемъ раскладка дани совершается общинными «мужами»; въ это время ни урядникъ, ни другой кто не въѣзжаетъ къ нимъ. Когда возникли замки, то городъ и волость содержатъ княжескій замокъ на общія средства. Дѣла о бортяхъ и нчалахъ, тяжбы о межахъ судятъ городскіе и волостные жители сами въ общихъ, конныхъ судахъ; судебная пеня съ виновнаго идетъ на замокъ и въ пользу общиннаго суда. Всѣ общія юридическія дѣйствія города и волости основываются преимущественно на томъ, что земля волостная и городская составляетъ общую ихъ собственность въ томъ смыслѣ, что правительство имѣетъ въ виду не частныхъ собственниковъ, а всю общину всегда, какъ при дарованіи правъ, такъ и при опредѣленіи обязанностей, лежащихъ на землѣ. Союзъ волостей, съ пригородами, составлялъ землю, съ центральнымъ городомъ во главѣ ея. Отношенія этого послѣдняго къ пригородамъ и волостямъ состояли въ томъ, что управление пригородовъ и ихъ волостей находилось въ рукахъ бояръ центрального города. Бояре въѣзжали въ пригороды для управленія или поочередно. Конечно, въ этомъ отношеніи было много изъятій: многіе пригороды попадали въ частное владѣніе; другіе, выдѣляясь изъ земли, получали управителей непосредственно отъ князя ⁷⁹). Это старинное русское боярство, переплетаясь съ литовскими земьянами, продолжало существовать въ Подоліи даже въ XV и XVI вѣкахъ ⁸⁰).

Древняя Русь вовсе не знала и крѣпостнаго права. Какъ въ восточной, такъ и въ западной Руси земли, по праву владѣнія ими, распадались на княжескія, вотчинныя, т. е. принадлежавшія частнымъ собственникамъ, и общинныя, принадлежавшія общинамъ. Эти послѣднія, при дальнѣйшемъ развитіи государственнаго права, обратились въ государственныя или черныя земли. Пустопорожнія земли князья раздавали, большими или меньшими участками, во временное пользование служилымъ людямъ, дворянамъ, подъ условіемъ несенія государственной службы. Такія земли назывались помѣстными или помѣстьями. Какъ помѣщики, такъ и вотчинники, для извлеченія доходовъ изъ своихъ земель, помимо рабовъ и закуповъ, заселяли ихъ и свободными людьми—крестьянами, предлагая послѣднимъ за право пользованія землею тянуть тягло и платить оброки. Жившіе на земляхъ княжескихъ обязывались повинностями въ пользу князя. Но на чьихъ бы земляхъ ни жили крестьяне, всѣ они одинаково платили подати и всякіе разметы въ государственную казну, за исключеніемъ такъ называемыхъ земель обѣльныхъ, а по общему управленію и суду подчинялись властямъ, назначаемымъ отъ правительства. Кромѣ того, крестьяне были въ правѣ въ извѣстные сроки переходить съ однихъ земель на другія. Добровольно принимая на себя означенныя обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ въ качествѣ временныхъ жильцовъ и эксплуататоровъ ихъ земель, во всѣхъ своихъ гражданскихъ правахъ крестьяне стояли на одномъ уровнѣ съ другими сословіями и притомъ пользовались такимъ широкимъ общиннымъ самоуправленіемъ, какого мы не встрѣчаемъ ни въ одной странѣ западной Европы: народныя собранія, подъ названіемъ копъ или громадъ, рѣшали всѣ дѣла по общинному управленію и суду, съ правомъ даже произносить смертныя приговоры. Часто были случаи, когда и помѣщики подлежали власти копъ и даже въ спорахъ между собою сами обращались къ суду копъ ⁸¹).

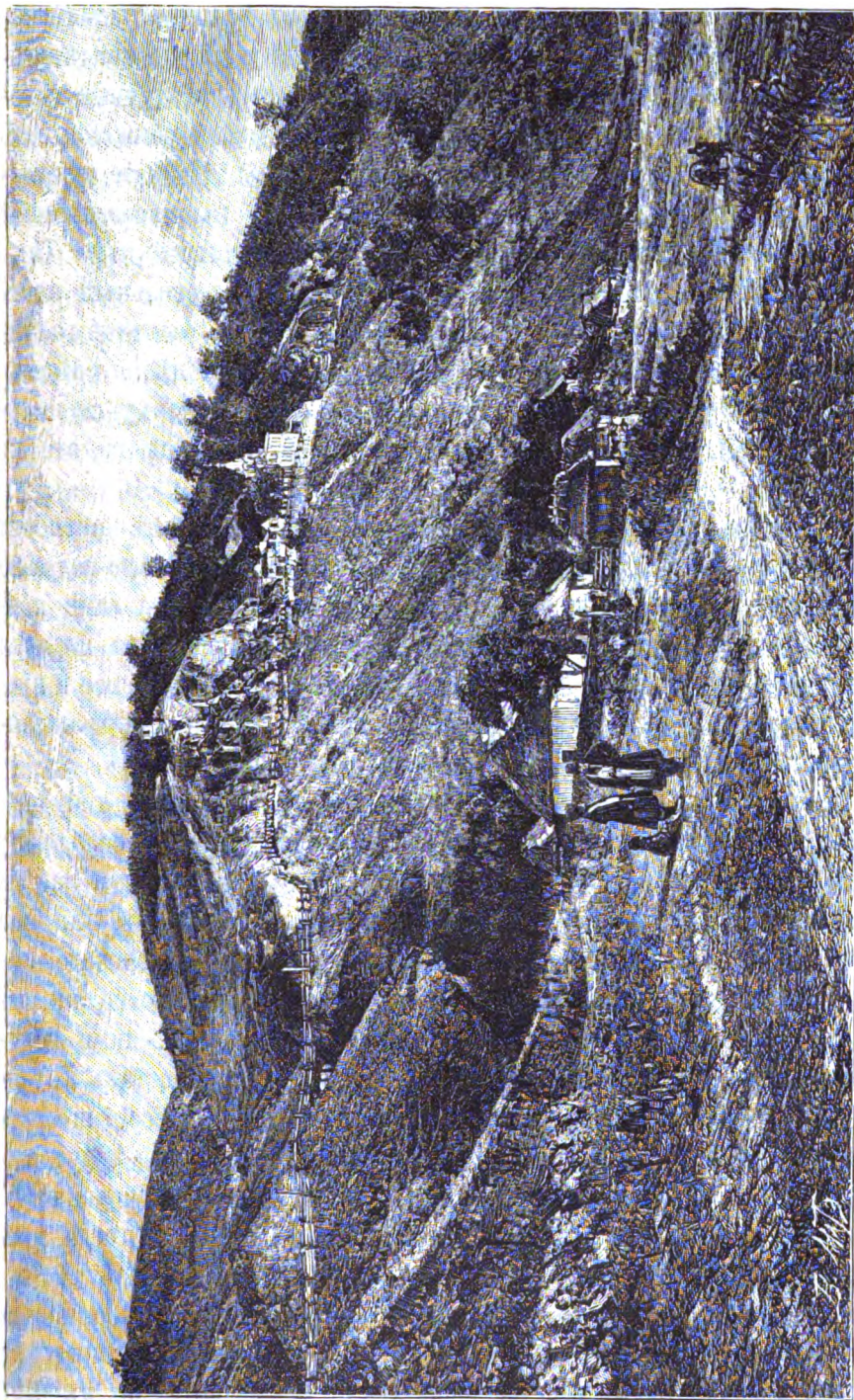
Первоначальное единство и гражданская равноправность всѣхъ общественныхъ слоевъ русскаго народа поддерживались и православною вѣрою, которая, ставъ источникомъ просвѣщенія, и притомъ на отечественномъ языкѣ, и основой гражданственности русскаго народа, сдѣлалась какъ бы существенною стихіею его характера и придала ему

особую жизненность и упругость, способную противостоять всяким чуждым влияніямъ.

О времени просвѣщенія Подолія православною вѣрою не сохранилось лѣтописныхъ свидѣтельствъ, что подаеть мѣстнымъ изслѣдователямъ поводъ относить начало православія въ этой странѣ, въ греческой его формѣ, чуть ли не къ первымъ временамъ христіанства. Но когда идетъ рѣчь о православіи, какъ народной вѣрѣ и съ народнымъ славянскимъ языкомъ, то мы должны придти къ тому заключенію, что въ этомъ смыслѣ Подолія могла быть просвѣщена православною вѣрою никакъ не раньше жизни и дѣятельности святыхъ славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія. Есть преданіе, что эти славянскіе первоучители посылали проповѣдниковъ евангелія въ Силезію, Польшу и сосѣднюю Русь, и что одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, имя котораго, однако, не сохранилось, просвѣтилъ свѣтомъ ученія православной церкви жителей Галиціи и Подолія до р. Ущицы ⁸²). Могло быть также, что, по сосѣдству съ болгарамъ, древніе тиверцы и угличи и отъ нихъ могли усвоить себѣ православную вѣру ⁸³), которую окончательно приняли уже при св. Владимірѣ. Во всякомъ случаѣ, въ XI вѣкѣ Подолія, по всей вѣроятности, была уже православною страной, такъ какъ не позже этого вѣка должны были явиться здѣсь старѣйшіе изъ скальныхъ монастырей и церквей, въ области р. Днѣстра и его притоковъ, — т. е. монастырей и храмовъ, изсѣченныхъ въ скалистыхъ берегахъ этихъ рѣкъ. Изъ такихъ монастырей и церквей доселѣ извѣстны: въ Мукшѣ ⁸⁴), Субочи ⁸⁵), Студеницѣ ⁸⁶), Бакотѣ ⁸⁷), Нагорнахъ и Лядавѣ ⁸⁸) на Днѣстрѣ, Сатановѣ ⁸⁹) и Черчи ⁹⁰) на р. Збручѣ, Малѣвцахъ и Соколѣ на р. Ушкѣ ⁹¹), въ Стенѣ на р. Русавѣ ⁹²), и въ Бушѣ на р. Мурафѣ ⁹³). Въ пещерѣ бывшаго Бакотинскаго скальнаго монастыря сохранилась древняя славянорусская надпись съ именемъ игумена Григорія, свидѣтельствующая о славяно-русскомъ происхожденіи сего монастыря ⁹⁴). Имѣя своимъ первообразомъ древніе греческіе пещерные храмы въ Крыму, подольскіе скальные монастыри и храмы, по своему славяно-русскому характеру, скорѣе могутъ идти въ сравненіе съ пещерными монастырями на Днѣпрѣ Кіево-Печерскимъ, Зарубскимъ ⁹⁵) и др., и могутъ быть относимы къ одному съ ними времени. Поэтому весьма правдоподобны мѣстныя преданія, возводящія существованіе нѣкоторыхъ подольскихъ скальныхъ монастырей и

храмовъ ко временамъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Такъ напр., о Лядавскомъ монастырѣ, упраздненномъ лишь въ 1745 году и приписанномъ къ Шаргородскому ⁹⁶⁾, доселѣ сохраняется мѣстное преданіе, будто-бы преп. Антоній Печерскій, на пути съ Аѳона въ Кіевъ, долго оставался въ окрестностяхъ нынѣшней Лядавы и тамъ предавался подвигамъ благочестія и наставлялъ приходившихъ къ нему ⁹⁷⁾. Основаніе скальнаго монастыря въ с. Стенѣ, Ямпольскаго у., мѣстное преданіе тоже относитъ ко временамъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ ⁹⁸⁾. Первое достовѣрное свѣдѣніе о днѣстровскихъ скальныхъ монастыряхъ встрѣчается въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ Даниловича и Быховца, которыя, рассказывая о занятіи Подолія князьями Кориатовичами во второй половинѣ XIV столѣтія, сообщаютъ и о Бакотскомъ монастырѣ: «на первое нашли (Кориатовичи),—говорится здѣсь,—себѣ твержу на рѣцѣ на Смотричи, а въ другомъ мѣстѣ были чернцы въ горѣ, и въ томъ мѣстѣ наладили городъ Бакоту». Слѣдовательно, Бакотскій православный монастырь существовалъ еще до прихода сюда Кориатовичей и едва-ли могъ быть основанъ во время владычества татаръ въ Подоліи, а потому долженъ быть отнесенъ къ глубокой древности ⁹⁹⁾.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи Подолія, въ нынѣшнихъ своихъ предѣлахъ, не имѣла въ древности своего особаго архіерея и подчинялась сосѣднимъ архипастырямъ. Судя по отношеніямъ между княжествами Русской земли,—восточная часть нынѣшней Подоліи, зависѣвшая въ государственномъ отношеніи отъ великихъ князей кievскихъ, до конца XII вѣка подчинялась кievскимъ митрополитамъ или ближайшимъ къ Кіеву епископамъ-коадьютарамъ митрополита нереславскому, юрьевскому на р. Роси и каневскому ¹⁰⁰⁾, а западная часть съ Межибожемъ, тянувшимся къ Волини, могла принадлежать къ Владиміро-Волинской епархіи, учрежденной еще при св. Владимірѣ ¹⁰¹⁾. Съ обособленіемъ же отъ Кіева Перемышльско-Теребовльскаго земли и усиленіемъ ея могущества, здѣсь являются въ XII вѣкѣ епархіи Перемышльская съ 1120 года и Галицкая съ 1157 года, прострившая свою власть на сѣверо-западную и южную часть древняго Понизья. Никонская лѣтопись, перечисляя древне-русскія епископскія каѳедры, упоминаетъ даже объ особомъ епископѣ подольскомъ, не называя его по имени. Но это могъ быть изгнанный изъ Галича епископъ. Извѣ-

Лядвскій скальный монастырь.

стно, что послѣ смерти Романа Мстиславича въ Галицкой землѣ наступили смуты, во время которыхъ около 1214 года, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи, изъ Галича было изгнано лучшее духовенство вмѣстѣ съ епископомъ, который и могъ найти убѣжище себѣ въ Понизьѣ¹⁰²). Но въ послѣдующее затѣмъ время Понизье продолжало подчиняться галицкому епископу, котораго галицко-волынскіе князья пытались даже возвести въ санъ особаго митрополита. Такъ наприм., галицко-волынскій князь Юрій Львовичъ, недовольный переселеніемъ кievскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, «восхотѣ галицкую епископію въ митрополію претворити» и съ этою цѣлю убѣдилъ ратненскаго игумена Петра ѣхать къ цареградскому патріарху съ письмомъ отъ князя и съ его посломъ. Какъ извѣстно, попытка эта не удалась¹⁰³).

Въ такомъ положеніи застало юго-западную Русь и въ частности Подолію литовское владычество. Литовцы, поставившіе своею задачею объединить всю Русь подъ своею властію, съ одной стороны сами подчинились сильному вліянію Руси и продолжали прежніе ея порядки гражданскіе и церковные, а съ другой—привнесли и нѣчто новое и проложили путь позднѣйшему вторженію поляковъ и польской гражданственности и религіи въ юго-западную Русь и Подолію.

Литовское племя, положившее начало Литовско-Русскому государству и выдвинувшее изъ своей среды княжескую династію, оказалось послѣ объединенія западно-русскихъ земель этою династію, слабѣйшимъ и въ количественномъ и въ культурномъ отношеніяхъ. Занимая менѣе $\frac{1}{20}$ доли всего пространства великаго княжества Литовскаго, литовцы не обладали ни развитою культурою, ни письменностію, ни выработанными формами общественнаго быта, ни историческими государственными преданіями. Между тѣмъ, вошедшія въ составъ Литовскаго государства русскія земли, составлявшія болѣе $\frac{9}{10}$ всего его пространства, принесли съ собою старую общественную культуру, выработанную продолжительною историческою жизнію и почерпавшую постоянно новыя силы въ христіанствѣ, единственномъ тогда проводникѣ высшихъ формъ развитія. При взаимномъ воздѣйствіи обоихъ національныхъ началъ, несомнѣнно литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его гражданственность и занять въ общемъ государствѣ второстепенное мѣсто. Дѣйствительно, въ XIV

столяти, подь руководствомъ Гедимина и Ольгерда, жизнь великаго княжества Литовскаго и слагается въ этомъ направленіи. Русскія области получили, благодаря объединенію, гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни: литовскіе князья не только не стѣсняють этого развитія, но съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ поддерживаютъ его и постепенно подчиняются его культурному вліянію, сознавая, что государство ихъ можетъ развиваться, опираясь лишь на русское народное начало. Уже во второмъ поколѣніи русское вліяніе охватываетъ княжескую семью: многочисленныя сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ русскими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ, понятія, преданія и письменность русскаго населенія. Гедиминовичи считаютъ свой родъ вступившимъ во всѣ права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ всѣ понятія о княжеской власти и ея сношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками св. Владиміра; русскій языкъ становится языкомъ разговорнымъ и официальнымъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Православіе распространяется мирнымъ путемъ, незамѣтно, среди литовцевъ. Ольгерда окружаетъ православная семья и духовенство, и онъ основываетъ и надѣляетъ помѣстьями православныя церкви. Такимъ образомъ, юго-западная Русь, окрѣпнувъ въ политическомъ отношеніи при починѣ литовской народности, приобщила послѣднюю къ своей цивилизаціи путемъ мирнаго распространенія своей культуры¹⁰⁴).

Братья Коріатовичи со своею дружиною, овладѣвшіе Подоліей во второй половинѣ XIV вѣка, не представляли исключенія въ общемъ направленіи литовско-русской жизни. Напротивъ, на этой отдаленной отъ центра Литвы окраинѣ Литовско-Русскаго государства литовская стихія быстрѣе могла раствориться въ туземномъ русскомъ населеніи. Сами Коріатовичи, всѣ четыре брата, принадлежали къ православной церкви и нерѣдко употребляли въ своихъ грамотахъ русскій языкъ. О Константинѣ Коріатовичѣ извѣстно, что онъ отказался, если не отъ наслѣдія польскаго престола, — какъ передаютъ русско-литовскія лѣтописи, — то, по крайней мѣрѣ, отъ руки дочери польскаго короля Казиміра Великаго, не желая измѣнять православной вѣрѣ¹⁰⁵). Юрій

и Александръ Коріатовичи построили въ Каменцѣ деревянную Покровскую церковь, при которой погребены были и тѣла ихъ ¹⁰⁶), а Юрій подтвердилъ права Каменецкой Свято-Троицкой церкви на принадлежавшія ей земли ¹⁰⁷). Мнѣніе о католичествѣ Юрія и Александра Коріатовичей и о погребеніи послѣдняго изъ нихъ въ Смотричскомъ доминиканскомъ монастырѣ основывается главнымъ образомъ на грамотѣ 1375 года сему монастырю, данной Александромъ Коріатовичемъ въ подтвержденіе грамоты брата своего Юрія; но день выдачи этой грамоты, писанной притомъ же на русскомъ языкѣ, обозначенъ по русскому православному мѣсяцеслову и слѣдовательно облчаетъ въ составитель ея православнаго христіанина ¹⁰⁸). Четвертый братъ Феодоръ Коріатовичъ основалъ въ Мукачевѣ, въ Венгріи, православный монастырь ¹⁰⁹). Во время управленія Коріатовичей Подоліею положено основаніе нынѣшней Иоанно-Предтеченской, прежде Пятницкой церкви въ Каменцѣ ¹¹⁰), и, можетъ быть, Петропавловской въ Каменцѣ же ¹¹¹). Что же касается остальной Подоліи, то, надобно полагать, она вся уже покрыта была православными храмами. По крайней мѣрѣ, въ концѣ XVI вѣка въ западной Подоліи, не смотря на тяготѣвшее надъ нею польско-католическое ярмо, насчитывалось свыше 208 городскихъ и сельскихъ православныхъ церквей, при которыхъ состояло духовенства съ семействами до 2496 лицъ ¹¹²). Немного сохранилось этихъ храмовъ и даже извѣстій о нихъ до настоящаго времени, какъ вслѣдствіе частыхъ опустошеній страны, такъ и по бѣдности и непрочности постройки ихъ; даже въ прошедшемъ столѣтіи въ Подоліи очень часто встрѣчались сельскіе храмы, снѣтенные изъ хвороста и наскоро обмазанные глиной ¹¹³). Болѣе многочисленны и капитальны были церкви въ главныхъ городахъ Подоліи—Каменцѣ и Брацлавѣ. Въ концѣ XVI вѣка въ Каменцѣ были слѣдующія православныя церкви: Иоанно-Предтеченская, Троицкая, Преображенская, Христо-Рождественская, Михайло-Архангельская, Онуфріевская и Петропавловская ¹⁴¹). Въ 1552 году въ Брацлавѣ было тоже семь православныхъ церквей, названія которыхъ, впрочемъ, остались неизвѣстными ¹¹⁵). Изъ древнихъ православныхъ церквей въ другихъ мѣстахъ Подоліи сохранились до настоящаго времени: церковь въ Сутковцахъ, Летичевского у., XV—XVI в., основанная Балабанами-Сутковецкими; церковь въ с. Попелюхахъ, Ольгопольскаго у., 1513 года; церковь въ м. Зиньковѣ, Летичевского у., 1520 г. ¹¹⁶)

вѣроятно основанная Котовичами ¹¹⁷); Михайловская церковь въ м. Ярмолинцахъ Проскуровскаго у.,—православными помѣщиками Ярмолинскими ¹¹⁸). О существованіи древнихъ храмовъ въ Подоліи свидѣтельству- ютъ и сохранившіяся здѣсь рукописныя евангелія XV—XVI вв., какъ напримѣръ: евангеліе, писанное въ г. Каменцѣ; евангеліе изъ с. Селища Винницкаго у. ¹¹⁹); Сатановское евангеліе, принадлежавшее прежде Крестовоздвиженской церкви с. Бняжполь, Каменецкаго у. ¹²⁰); евангеліе изъ села Луговъ, Гайсинскаго уѣзда ¹²¹). Въ литовскій періодъ исторіи Подоліи продолжала развиваться здѣсь и монашеская жизнь. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ скальныхъ монастырей въ области Днѣстра и его притоковъ, подѣ литовскимъ владычествомъ появились или становят- ся извѣстными въ Подоліи еще слѣдующіе монастыри: Каменецкій Воскресенскій на Русскихъ Фольваркахъ ¹²²), монастырь подѣ Брац- лавомъ близъ нынѣшняго села Монастырскаго ¹²³), и Смотричскій Бого- родичный въ м. Смотричѣ, Каменецкаго у. ¹²⁴), возникшіе подѣ защитю Каменецкаго, Брацлавскаго и Смотричскаго замковъ, построенныхъ или возобновленныхъ Коріатовичами; Голодьковскій въ селѣ Голодьковѣ, Литинскаго у., существовавшій уже въ XVI в., но вѣроятно основанный еще въ концѣ XIV вѣка, судя по сохранившейся въ селѣ надписи 1393 г. на каменномъ крестѣ ¹²⁵), Соколецкій «кгрецкій монастырь» ¹²⁶), Клищевскій ¹²⁷), Тывровскій ¹²⁸) и Волчковскій ¹²⁹) монастыри, существо- вавшіе въ имѣніяхъ, пожалованныхъ Коріатовичами и Витовтомъ землянамъ Немирѣ и Гринку и Герману Дашкевичамъ ¹³⁰); Снитовскій въ с. Снитовкѣ, Летичевскаго у., разрушенный татарами до 1553 года ¹³¹); Коржовецкій Рождество-Богородичный, основанный княземъ Корибутомъ- Воронецкимъ ¹³²); два Гусятинскихъ монастыря, Параскевинскій и не- извѣстный по имени ¹³³); Головчинскій или Межиборскій, Литинскаго у., основанный раньше 1555 года ¹³⁴); Ладыжинскій близъ м. Ладыжина, Гайсинскаго у. ¹³⁵); Ровскій или Барскій Петропавловскій въ с. Семен- кахъ, Могилевскаго у., основанный Верещатинскими ¹³⁶); Паньковецкій монастырь въ с. Паньковцахъ, Летичевскаго у., существовавшій въ XVI вѣкѣ ¹³⁷), и др.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи Подолія, при первыхъ литов- скихъ князьяхъ своихъ, продолжала составлять часть галицкой епархіи, стремившейся попрежнему къ обособленію отъ всероссійской церкви. Еще въ 1327 году галицкій князь Болеславъ, задумавъ при-

ступить къ единенію съ римскою церковію, рѣшился для этого учредить отдѣльную митрополію въ Галичѣ. Но намѣренія Болеслава скоро сдѣлались извѣстны кіево-московскому митрополиту Теогносту, который и посѣдѣшилъ къ мѣсту опасности. Съ 1329 по 1331 годъ митрополитъ Теогностъ былъ въ Кіевѣ, потомъ на Волыни. Здѣсь, во Владимірѣ, въ 1331 году онъ рукоположилъ въ новгородскіе епископы Василя, который снова вызванъ былъ туда въ 1334 году по возвращеніи митроп. Теогноста изъ Греціи. Въ рукоположеніи принимали участіе епископы: Аванасій владимірскій, Теодоръ галицкій, Маркъ перемышльскій и Григорій холмскій. Вѣроятно, благодаря вліянію митроп. Теогноста, Болеславъ не успѣлъ образовать особую галицкую митрополію. Наслѣдовавъ послѣ Болеслава Галицію, волинскій литовско-русскій князь Любартъ-Димитрій Гедиминовичъ задумалъ образовать отдѣльную галицкую православную митрополію. Не задолго до 1347 года (около 1345 года), во время происходившихъ въ Царьградѣ церковныхъ смуть, въ Галичѣ открыта была имъ отдѣльная митрополія, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій малой Россіи. Митрополія эта, однако, существовала не долго и, по совѣту византійскаго императора и цареградскаго патріарха, упразднена была самимъ Любартомъ и воссоединена съ Кіевскою. Вскорѣ послѣ церковнаго воссоединенія, кіевскій митрополитъ Теогностъ посѣтилъ Воынь, устранивъ, конечно, при этомъ всѣ возникшія во время замѣшательства недоразумѣнія. Въ разгаръ борьбы между Литвой и Польшей за галицко-волинское наслѣдство, являлись попытки образованія двухъ особыхъ православныхъ митрополій,—одной въ Галичѣ, во владѣніяхъ польскаго короля, а другой въ Новгородкѣ-Литовскомъ. Но по окончаніи этой борьбы, осталась одна только митрополія въ Литвѣ, то соединявшаяся съ кіево-московскою митрополіей, то обособлявшаяся отъ нея, пока наконецъ окончательно не отдѣлилась отъ нея въ половинѣ XV вѣка¹³⁹). Въ западно-русской церкви до этого времени продолжало развиваться и церковное законодательство. Въ «Кормчей» чинъ обращающихся отъ ересей имѣетъ признаки русскаго происхожденія и составленъ, на основаніи греческихъ источниковъ, не раньше конца XIV или XV вѣка, когда въ южныхъ областяхъ Россіи начали селиться отъ моря Хвалынскаго (Каспійскаго) нѣкоторые хвалсыяне, т. е. армяне¹³⁹). Въ 1415 году, по приглашенію великаго князя литовскаго Витовта, собрался въ Новгородкѣ-Литовскомъ соборъ

Иоанно-Предтеченская церковь въ Каменецъ-Подольскѣ.

православнаго литовско-русскаго духовенства, на которомъ точно обезпечена была независимость православной литовско-русской церкви и самоуправленіе ея подъ властію кievскаго митрополита и подъ верховнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха. Свобода, неприкосновенность и независимость церкви гарантированы были грамотою Витовта, подтверждавшею всѣ постановленія этого собора¹⁴⁰).

Но, подчиняясь русскому вліянію и православной вѣрѣ или по крайней мѣрѣ, оберегая ее, литовцы привнесли въ подвластныя имъ русскія земли и нѣчто новое. Прежде всего сюда относятся военный старой Литовскаго государства и соединенный съ нимъ способъ владѣнія землею. Съ литовскими князьями явились въ русскія земли военная дружина и «дворъ», т. е. группа военныхъ служилыхъ людей, которые необходимы были князьямъ для военнаго управленія землей, для защиты воздвигавшихся замковъ, для того, чтобы всегда былъ наготовѣ постоянный военный контингентъ для борьбы со врагомъ. Это служилое военное сословіе, пришедшее съ князьями въ извѣстную русскую область, естественно стремилось упрочиться здѣсь и осѣсть навсегда. По феодальнымъ литовскимъ понятіямъ, вся земля принадлежитъ государству и состоитъ въ распоряженіи князя, который раздаетъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, въ видѣ временнаго условнаго владѣнія, съ обязательствомъ исполненія извѣстной государственной службы, преимущественно воинской. Князь обязывался раздавать намѣстничества и поземельную собственность исключительно только уроженцамъ извѣстной области, къ которой принадлежитъ эта собственность. Земельная собственность была распределена на опредѣленные участки, такъ называемыя «службы». Каждая служба заключала десять литовскихъ волокъ (199 десятинъ), и то лицо, которое получало землю въ пользованіе, обязано было, по каждому призыву князя или его намѣстника, доставлять съ каждой службы одного вооруженнаго воина. Лица, получившія на такихъ условіяхъ землю, назывались «земянами» и составляли классъ земле-владѣльческій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военное сословіе края. Если земляне оказывали важныя услуги и снискивали расположеніе князя, то имъ давалось право передачи своей земли по наслѣдству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сами ею владѣли; въ такомъ случаѣ «служба» ихъ называлась «выслугою» или «отчпною». Съ теченіемъ времени, въ XV и XVI вѣкахъ, количество выслугъ все болѣе и болѣе умножается,

и онѣ постепенно переходятъ въ частное наслѣдственное землевладѣніе. Такимъ образомъ составилось многочисленное военное сословіе, связанное съ областью и происхожденіемъ, и мѣстомъ постоянного жительства. Забота объ умноженіи ратныхъ силъ заставляла литовскихъ князей пользоваться силами и наличнаго боярскаго сословія, по всей вѣроятности образовавшагося изъ осѣвшихъ на мѣстѣ потомковъ бывшихъ княжескихъ дружинниковъ. Въ литовскій періодъ они приписаны были къ господарскимъ замкамъ, въ округѣ которыхъ владѣли поземельною собственностію, по большей части весьма незначительною, и обязаны были нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости, и отбывать разнаго рода повинности какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу намѣстника. Бояре обязывались «служити и послушными быти» землянину, а въ случаѣ неповиновенія должны были оставить свою землю и съѣхать прочь, сохраняя за собою лишь движимое имущество. Такимъ образомъ въ средѣ военного сословія Литовско-Русскаго государства образовалось нѣсколько разрядовъ, отличавшихся одинъ отъ другаго и степенью поземельнаго богатства, и неодинаковостью отношеній къ князю¹⁴¹).

Такой же порядокъ землевладѣнія водворенъ былъ и въ Подоліи въ періодъ литовскаго господства въ ней. Какъ кажется, сѣверо-западная Подолія, въ которой были старинныя поселенія, имѣла болѣе многочисленное боярское сословіе во время литовскаго завоеванія, нежели юго-восточная полоса земли, или такъ называемая Брацлавщина. Здѣсь же литовскими князьями наиболѣе было роздано какъ пустыющихъ, такъ и заселенныхъ земельныхъ участковъ различнымъ лицамъ, вошедшимъ въ составъ Подольскаго землянства. Такъ напримѣръ въ 1388 году князья Константинъ и Ѳеодоръ Коріатовичи, по свидѣтельству ихъ грамоты, впрочемъ сомнительной, пожаловали слугѣ своему Немпрѣ Бакоту; въ 1392 году князь Ѳеодоръ Коріатовичъ пожаловалъ слугѣ своему Бедриху села Шуторминцы, Олеховцы, Климинцы и Супрунковцы въ Червоноградскомъ округѣ Подоліи. Гринко при Коріатовичахъ получилъ во владѣніе Соколецъ. Витовтомъ пожалованы на Подоліи имѣнія: Василю Карачевскому — пустошь Князья-Лука между рѣками Мораховой и Мурашкой; Бедриху — селища Сволочаги и Верхъ Болванца въ Смотричской волости; Еську Нешевичу — «дворище Ярополково пустое»; Ваську изъ Бучи или его сыновьямъ — Васьковцы, Иванп-

подолія.

5

ковцы, Грушовецъ, Берладка, Лядава или Бучни, Бучневцы и Мордына въ Каменецкомъ уѣздѣ; землянину Карачевскому—села Макаровъ и Синяковцы; землянину Богдану Микулинскому—въ восточной Подоліи Мыкулынци, Быковъ, Новоселиця, Рогъ и Почапынци ¹⁴²), и Герману Дашкевичу—села Клищево, Шандырево, Тростянецъ, Тивровъ, Волчковцы, Нестеровцы и селища Орынич, Костино, Збуново, Паробоче, Ленець и Михайлово ¹⁴³). При Свидригайлѣ принадлежали: село Полтовцы—брацлавскому землянину Ярмолѣ; село Якушинцы, Винницкаго уѣзда,—хмельницкому боярину Евсею; село Литинѣ—брацлавскому землянину Кмитѣ; село Багриновцы, Литинскаго уѣзда,—хмельницкимъ боярамъ Евсею и Ваську ¹⁴⁴), села Бѣликовцы и Слободка, въ Летичевскомъ повѣтѣ,—Григорію Стреченовичу. Въ грамотѣ Свидригайла 1431 года перечисляются слѣдующіе землевладѣльцы около Брацлава: Карпъ Ивановичъ Микулинскій, Тихонъ Слупица, Василь Омелковичъ, Семень Юзыповичъ, Максимъ Тышковичъ, Ярмола, Евсѣй, Кмыта ¹⁴⁵). Въ XV и XVI вѣкахъ въ Брацлавщинѣ становятся извѣстными тамошніе владѣльцы: князя Коротки, князя Козары въ Саврани, Шашкевичи, основавшіе около половины XV вѣка замокъ Комаргородъ и получившіе грамоту на земли еще въ 1459 году отъ кievскаго князя Симеона Омельковича, Чурилы въ Джуричѣ, напоминающіе своей фамиліей имя одного изъ богатырей былиннаго цикла, Слупичи, владѣвшіе замкомъ Бершадью и многочисленными тянувшими къ нему селами, Кошки, владѣвшіе волостью Красненскою и Шипковскою, Мормилы, Якушинскіе, Байбузы, ¹Красносельскіе, Сѣмашки, Ластовецкіе, Житинскіе, Клещевскіе и др. ¹⁴⁶). Все это были или русскіе, или обрусѣвшіе литвины.

Вмѣстѣ съ раздачею поселенныхъ земель въ вотчинное владѣніе служилымъ людямъ, съ предоставленіемъ имъ права власти въ этихъ земляхъ, послѣднія разрывали прежнія свои связи съ городомъ и выходили изъ его владѣнія, а городъ обособлялся отъ земли и становился мѣщанскимъ ¹⁴⁷). Это обособленіе города скорѣе наступило въ западной Подоліи, чѣмъ въ восточной. Но и въ первой продолжалась еще значительное время борьба городовъ съ землями и боярами за городскія общинныя земли. Въ Летичевскомъ повѣтѣ пустощины, розданныя боярамъ, раздѣлили общинныя земли на нѣсколько черезполосныхъ участковъ. Особенная коммиссія, назначенная королемъ въ 1548 году, признала за мѣщанами право на лѣса и хутора, отдѣленные отъ города бояр-

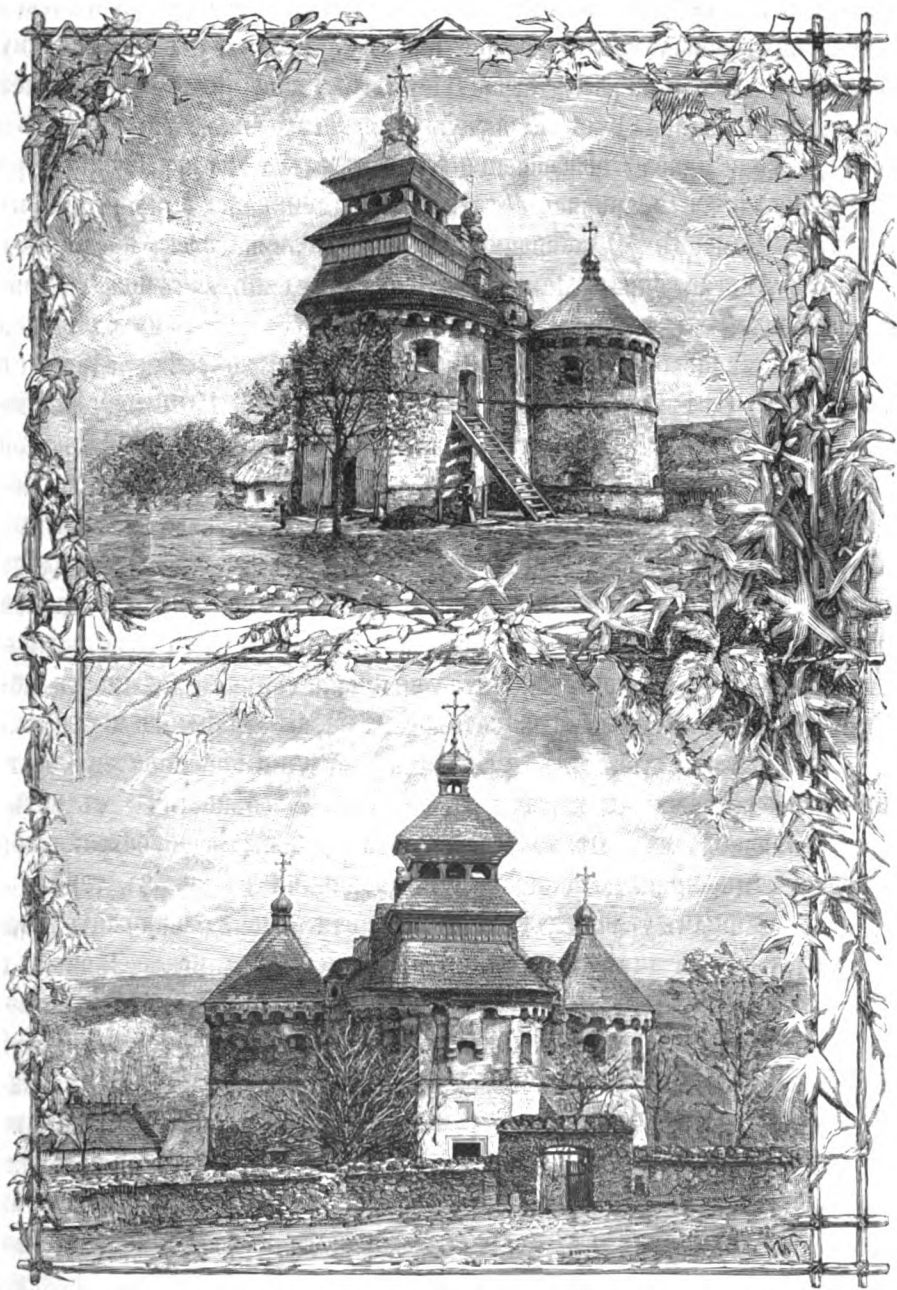
скими землями. Но впоследствии лѣсами этими завладѣли старосты, и упорное сопротивленіе мѣщанъ ихъ отчужденію и дало поводъ къ многолѣтней тяжбѣ, затянувшейся до самаго конца XVIII столѣтія. Въ продолженіе всего этого времени мѣщане указывали на исконное право общиннаго землевладѣнія по рѣкамъ Згарѣ и Згаркѣ и доказывали безправное возникновеніе боярскихъ и шляхетскихъ селъ на общинной землѣ. Такая же тяжба за право пользованія лѣсами существовала между мѣщанами каменецкими и землянами, владѣвшими всѣми селами, окружавшими этотъ городъ, и была рѣшена въ 1513 году королевскими комиссарами въ пользу первыхъ, на основаніи присяги мѣщанъ въ томъ, что они имѣли искони свободный входъ въ спорные лѣса. Но брацлавскіе мѣщане даже въ половинѣ XVI вѣка безпрепятственно пользовались разными землями и угодьями около Брацлава. По описи Брацлавскаго замка, составленной въ 1545 году, мѣщане владѣли обширными пасѣками, изъ которыхъ каждая была больше трехъ селъ, заключая въ себѣ около мили земли. Въ пасѣкахъ этихъ они пользовались, на дѣдичномъ правѣ, пахатными землями, прудами, пчелами, звѣриными и рыбными ловлями, садами, огородами и другими пожитками, а такихъ обширныхъ пасѣкъ къ городу принадлежало 27. Кромѣ этихъ пасѣкъ, съ которыхъ ни королю, ни замку не давали никакой дани, мѣщане пользовались также общими городскими землями и грунтами. Отношеніе мѣщанъ къ замку, права и повинности ихъ, ничѣмъ не отличались отъ положенія бояръ и землянъ: какъ тѣ, такъ и другіе должны были въ равной мѣрѣ заботиться о поддержаніи укрѣпленій замка и объ устройствѣ мостовъ въ городѣ; какъ тѣ, такъ и другіе во время, предшествовавшее описи, отбывали военную службу, бояре являлись со всѣми людьми своими, а мѣщане съ каждой пасѣки доставляли двухъ вооруженныхъ всадниковъ¹⁴⁸).

Что же касается сельскаго населенія, то оно состояло изъ крестьянъ или «людей», которые раздѣлялись на «людей служилыхъ», жившихъ на земляхъ замковыхъ или государственныхъ, и «людей» панскихъ и землянскихъ. Тѣ и другіе лично были свободны и имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто. Поселяясь на данной землѣ, они обязаны были нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленные дани деньгами и натурою въ пользу владѣльца земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ. Многіе изъ нихъ притомъ владѣли собственною землею, составляя классъ такъ называемыхъ

*

«данниковъ»), и обязаны были давать государству съ земли своей дань въ качествѣ подати. Чѣмъ далѣе крестьяне селились на юго-востокъ въ сосѣднія съ татарами степи, тѣмъ болѣе получали себѣ льготъ, «пахали гдѣ хотятъ и сколько хотятъ», но за то находились здѣсь подъ постояннымъ страхомъ татарскаго набѣга и должны были заботиться о защитѣ. Въ этомъ отношеніи они нашли опору, поддержку и руководство въ представителяхъ мѣстнаго управленія, въ старостахъ зѣмковъ. До половины XV вѣка зѣмки или староства на Подоліи были слѣдующіе: Хмельникъ, Брацлавъ, Баръ (Ровъ) и Каменецъ, а со второй половины XV вѣка Мишуринъ Рогъ и Винница. Старосты хмельницкіе, брацлавскіе, винницкіе и особенно каневскіе и черкасскіе берутъ на себя починъ въ дѣлѣ устройства военной обороны отъ татаръ и относятся къ пришлому и все болѣе и болѣе умножающемуся народонаселенію, какъ къ единственному средству защищать свои повѣты, охранить свои зѣмки и возстановить русскую колонизацію въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Но сюда стремились преимущественно «люди» или крестьяне. Уже съ конца XV вѣка встрѣчается упоминаніе объ образованіи изъ этихъ «людей» новаго сословія въ южно-русскихъ степяхъ казачества, состоявшаго изъ людей свободныхъ, но въ большинствѣ бездомныхъ, ищущихъ занятія и осѣдлости. Старосты не только не противодѣйствуютъ переходу населенія въ южные повѣты, но напротивъ поощряютъ его, облагая лишь самыми льготными пошлинами казацкіе промыслы и занятія. Въ Каневѣ старосты признавали собственностію казаковъ всякую добычу, захваченную ими въ татарской землѣ, подъ тѣмъ условіемъ, что незначительная часть ея должна быть отдана въ подарокъ старостѣ. Образуются свободныя воинственныя казацкія «околицы», доставлявшія вооруженныя «роты» для походовъ на татаръ. Съ начала XVI вѣка предприимчивые старосты украинскіе Остаѳій Дашковичъ, Михаилъ и Дмитрій Вишневецкіе, Ляцкоронскій, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій находятъ возможнымъ, опираясь на казацкія ополченія, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ татаръ¹⁴⁰).

Но уже при литовскихъ князьяхъ и порядкахъ стало проникать въ Подолію и польское вліяніе. Оно или косвенно воздѣйствовало на нѣкоторыхъ литовско-русскихъ князей Подоліи, или же непосредственно вторгалось въ ея внутреннюю жизнь и разлагало ее. Сосѣдство съ польскими владѣніями, торговля выгоды, а можетъ быть и стремленіе къ

Церковь-замокъ въ селѣ Сутковцахъ, Летичевского уѣзда.

полной удѣльной самостоятельности, все это побуждало еще Кориатовичей заводить все болѣе и болѣе тѣсныя связи съ Польшею и принаравляться къ польскимъ порядкамъ. Подражая Казимиру Великому и Владиславу Опольскому, дѣятельно распространявшимъ нѣмецкое право въ сосѣдней съ Подолію Червонной Руси, Кориатовичи ввели это право и въ Каменцѣ и тѣмъ положили начало обособленію городовъ отъ остальной земли. При Кориатовичахъ же появились католическіе доминиканскіе кляшторы въ Смотричѣ и Каменцѣ¹⁵⁰), повидимому приспособлявшіеся къ преданіямъ и вкусамъ мѣстнаго православнаго русскаго населенія, какъ можетъ свидѣтельствовать о томъ икона Богородицы Одигитрии, доселѣ находящаяся въ по-доминиканскомъ Каменецкомъ костелѣ и извѣстная здѣсь съ 1420 года¹⁵¹). Со времени уніи Литвы съ Польшею въ 1386 году вліяніе Польши на Подолію усиливается значительно. Участвовавшіе въ этой уніи литовскіе князья Витовтъ и Свидригайло, будущіе властители Подолія, измѣняютъ православію и принимаютъ католичество. Возвративъ въ 1410 году подъ свою власть Подолію, Витовтъ водворяетъ здѣсь польско-католическіе порядки, въ ущербъ коренной русской православной народности. По городельской уніи Литвы съ Польшею 1413 года, заключенной Ягайломъ и Витовтомъ, Литва получала сеймы и должности, подобныя польскимъ. Въ видахъ содѣйствія распространенію и утвержденію католичества въ Литвѣ, условіями этой уніи постановлено было уравнивать нѣкоторыхъ ея жителей въ правахъ и вольностяхъ съ польскимъ дворянствомъ. Примушества эти должны распространяться только на лицъ, принятыхъ польскими дворянами къ своимъ гербамъ, подъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы лица эти исповѣдывали католичество. Пользоваться ими не могутъ «схизматики» (т. е. православные) и другіе невѣрные». Въ пользу этихъ лицъ, принимавшихъ католичество, король Ягайло отказывается отъ своего права на земскую собственность и признаетъ ихъ имѣнія потомственными ихъ владѣніями. Онъ разрѣшаетъ имъ выдавать замужъ дочерей и сестеръ по своему усмотрѣнію, но только за католиковъ. Церкви католическія, соборныя и приходскія, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ получаютъ права и преимущества церковей католическихъ въ Польшѣ. Должности воеводъ, кастеляновъ и т. д. будутъ раздаваться въ великомъ княжествѣ Литовскомъ исключительно католикамъ¹⁵²).

Уже этими условіями городельской уніи 1413 года высшіе классы

литовско-русскаго общества, приравниваясь къ полякамъ, ополячивались въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Независимо отъ того, польскій элементъ вторгнулся въ сѣверо-западную Подолію и непосредственно. Въ кратковременный періодъ подчиненія западной Подоліи непосредственно Польшѣ, съ 1395 до 1410 года, здѣсь роздано было значительное число земель полякамъ. Такъ, даны были: въ 1403 году Петру Качорекъ—село Устье при впаденіи Смотрича въ Днѣстръ; въ 1404 году Петру Шафранцу—Сатановъ, въ 1406 году Томку изъ Коморника—село Соколь въ Каменецкомъ повѣтѣ, въ 1407 году Ходку изъ Кроаціи—село Ярмолинцы и Богуславу изъ Стахова—села Купинь и Черная Вода, въ 1410 г. Фредру изъ Плешовиць—село Фрыдровцы. Всѣ эти села находились въ небольшомъ округѣ западной Подоліи, тянувшей къ Каменцу¹⁵³).

А поземельныя пожалованія польскимъ выходцамъ, а также приливъ торговыхъ людей изъ Польши сдѣлали то, что католическая паства въ Подоліи въ это время уже значительно умножилась, и положено прочное основаніе католической епархіи въ западной Подоліи. Въ это время встрѣчается извѣстіе о каменецкомъ католическомъ епископѣ Александрѣ, который умеръ въ 1411 году, т. е. какъ разъ во время, слѣдовавшее за передачей западной Подоліи Витовту. Устройство католической іерархіи въ Галиціи и Подоліи закончено было папскою буллою отъ 18 августа 1412 года, которою утверждена резиденція галицкаго католическаго архіепископа во Львовѣ, и ему подчинены были католическія епархіи Перемышльская, Владимірская, Холмская, Кіевская и Серетская. При Витовтѣ каменецкими католическими епископами были: Андрей, сидѣвшій на каменецкой кафедрѣ не болѣе одного или двухъ лѣтъ, Збигнѣвъ, подписавшійся на актъ городельской уніи 1413 года, Матѳей, будто бы управлявшій епархіей до 1427 года, и Павелъ изъ Боянчиць—съ этого года. Послѣдній епископъ пережилъ Витовта и, по смерти его, былъ однимъ изъ главныхъ орудій въ дѣлѣ захвата Каменца польскою шляхтою¹⁵⁴). Между 1430 и 1434 годами, во время борьбы Свидригайла съ Ягайломъ изъ-за Подоліи, въ западной ея части, захваченной поляками, роздано было польскимъ выходцамъ значительное количество земель, и притомъ большею частію съ прямымъ условіемъ, чтобы получающій отъ короля землю имѣлъ въ ней постоянное пребываніе. Въ 1431 году Ягайло записалъ Свичку изъ Лечына село Жванецъ, Яну Цюлку изъ Калуса—села Вербку и Сobotку, Яну

Домарату изъ Сляткова—села Шаровку, Зилинды, Ивановцы и Прогинку, Николаю и Ивану изъ Борисковецъ—село Дашково Дворище въ Баботскомъ округѣ, Шихну Адамковичу—село Винпровцы, въ 1432 году Конраду Кемличу—село Студеницу; въ 1433 году Ивашку Гинковичу—село Дзиваковку и Николаю Раловскому—село Вербку въ Летичевскомъ повѣтѣ¹⁵⁵). Поселявшимся въ западной Подоліи польскимъ выходцамъ постепенно давались тѣ же права и преимущества, какими пользовалась шляхта въ коренной Польшѣ. По свидѣтельству Длугоша, еще Ягайло обѣщаль подольскому землянству уравниять его въ правахъ съ польскою шляхтой. По смерти Ягайла, шляхта и земле русскихъ земель и Подоліи начали умолять Владислава III, польскій сенатъ и вельможъ уравниять ихъ въ правахъ и преимуществахъ съ остальной польскою шляхтой, увѣряя, что покойный король обѣщаль имъ сдѣлать это, но не успѣлъ. Король Владиславъ Ягайловичъ, услышавъ о намѣреніи своего покойнаго отца, привелъ его въ осуществленіе въ полной мѣрѣ, сообразно съ тѣмъ, какъ передавали ее земле, которые были теперь совершенно уравниены съ коренной польскою шляхтой. Въ 1434 году, на коронаціонномъ сеймѣ, западная Подолія обращена была въ Подольское воеводство, со своими частными сеймиками и правомъ представительства на общихъ польскихъ сеймахъ, для совѣщанія о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ¹⁵⁶). Съ этого времени западная Подолія сдѣлалась совершенно открытою для наплыва польской шляхты, которая, переплетаясь съ мѣстными землянами и боярами, сливается съ ними въ одно сословіе, мало по малу добившееся права неограниченнаго самоуправства въ своихъ помѣстьяхъ.

По мѣрѣ того, какъ росли объемъ и значеніе высшаго сословія,—другіе классы и слои русско-литовскаго общества мало-по-малу порабощаются ему, и окончательно порываютъ прежнее единеніе и нравственную связь съ нимъ. Города стали обособляться отъ другихъ сословій и замыкаться въ себѣ, благодаря магдебургскому праву, которое, кромѣ Каменца, введено было въ Смотричѣ и Хмельникѣ въ 1448 г., Ярмолинцахъ въ 1455 г., Зиньковѣ въ 1458 г., Подфилипѣ въ 1510 г., Летичевѣ въ 1537 г., Барѣ въ 1540 г., Старой Сенявѣ въ 1543 г. Шаравкѣ до 1546 г., Елтушковѣ въ 1546 г., Улановкѣ въ 1552 г., Черномъ Островѣ въ 1546 г., Гусятинѣ въ 1559 г., Брацлавѣ въ 1564 году¹⁵⁷). Введеніе магдебургскаго городского права, по

по примѣру Польши, совершенно извратило существенныя черты древнерусскаго городского устройства, превративъ города изъ земскихъ въ мѣщанскіе. вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушено было и единство городскихъ классовъ, и притомъ безпощадно въ смыслѣ отсутствія какихъ либо смягчающихъ переходныхъ отгѣнковъ,—и жители городовъ, подъ именемъ мѣщанъ, составили среднее сословіе, совершенно отдѣлились съ одной стороны отъ землянъ и бояръ, замкнувшихся въ привилегированную касту, а съ другой—отъ волостныхъ людей, попавшихъ въ крѣпостное рабство. Пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ и самостоятельнымъ судомъ, города однако же далеко не были свободны отъ насилій постороннихъ властей. Въ самой средѣ мѣщанства явились раздѣленіе по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ и борьба между ними. Въ нѣкоторыхъ городахъ существовало по двѣ, по три, даже по четыре рады,—польская, русская, армянская и еврейская; но равноправности между ними въ дѣлахъ, касающихся цѣлаго города, не было: въ такихъ дѣлахъ представителемъ города являлась рада польская, которая нерѣдко принимала всѣ мѣры къ искорененію православной вѣры и оскорбленію русской народности. Такъ напр., во Львовѣ въ 1521 году рада оскорбляетъ публичныя религіозныя обряды русскихъ и не признаетъ послѣднихъ правоспособными къ свидѣтельству въ судахъ. Въ 1525 году, по ходатайству польской рады, дана королевская грамота такого содержанія: «русины не могутъ, кромѣ своей улицы, владѣть домами на рынкѣ и въ другихъ улицахъ, не могутъ заниматься ремеслами, которыми не занимались ихъ отцы, и принадлежать къ цехамъ, до которыхъ издавна не были допущены. И въ тѣхъ цѣхахъ, въ которыхъ допущены были русскіе, они были притѣсняемы: отъ нихъ требовали, чтобы они посѣщали костелы вмѣстѣ съ товарищами—католиками, бывали на процессіяхъ, участвовали въ складкахъ на содержаніе алтаря и свѣчей, а если они отговаривались отъ того, то имъ грозили запрещеніемъ ремесла. А подобные порядки были и въ подольскихъ городахъ съ магдебургскимъ правомъ. Въ Каменцѣ въ XV вѣкѣ русскіе и армяне имѣли своихъ войтовъ и лавниковъ безъ всякой опредѣленной силы и власти и не имѣли особыхъ бурмистровъ и радцовъ. Княжескіе войты и католическая рада притѣсняли русскихъ до того, что послѣдніе начали выселяться изъ города, а иногда случалось, что ихъ выгоняли насильно. Городъ началъ пустѣть и упадать. Чтобы предупредить

упадокъ города, король Казиміръ въ 1491 году далъ русскимъ жителямъ Каменца особую привиллегію, по которой учреждалась, въ видѣ временной мѣры, особая самостоятельная русская юрисдикція: выборный войтъ этой юрисдикціи получилъ власть судить всѣхъ гражданъ русской націи и гостей (пріѣзжихъ) русскихъ по всѣмъ дѣламъ, съ правомъ меча, и что особенно важно, по русскимъ законамъ. Вслѣдствіе новыхъ злоупотребленій со стороны польской рады, Сигизмундъ II Августъ совершенно изъялъ русскихъ изъ-подъ власти бурмистровъ и ратмановъ польскихъ. Не смотря на привиллегію Сигизмунда-Августа и даже вслѣдствіе дарованія этой привиллегіи, притѣсненія русскихъ со стороны польской рады увеличились: поляки были озлоблены этою привиллегіей. Возникли новыя жалобы русскихъ, и тотъ же король въ 1557 году принужденъ былъ вновь запретить бурмистру и раднымъ польской юрисдикціи вмѣшиваться въ дѣла русскихъ и назначилъ штрафъ въ 14 гривенъ за каждый случай обиды русскихъ со стороны польской рады. Тѣмъ не менѣе, законъ никоимъ образомъ не могъ установить полной самостоятельности двухъ юрисдикцій: борьба между ними продолжалась и въ слѣдующемъ столѣтіи и закончилась въ 1670 году соединеніемъ русской юрисдикціи съ польскою или точнѣе уничтоженіемъ первой ¹⁵⁸).

Еще болѣе пагубнымъ нововведеніемъ польскимъ было крѣпостное право, неизвѣстное дотолѣ русскому народу. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, крѣпостное право фактически существовало съ XIV вѣка. Въ это время тамъ управленіе и судъ надъ крестьянами были уже въ рукахъ помѣщика, безъапелляціоннаго въ своихъ правахъ. Это же право Польша стала вводить и въ западную Русь, начиная съ Галиціи. По земскому привилею Казиміра Ягайловича 1457 года, крестьяне лишились права свободнаго перехода съ земель господарскихъ (великокняжескихъ) на частныя и наоборотъ, и окончательно подчинены были суду владѣльца. Дальнѣйшее закрѣпощеніе шло параллельно съ развитіемъ права шляхетскаго, которымъ надѣлено было литовско-русское дворянство. Правда, идеи крѣпостнаго рабства, чуждыя русскому дворянству, не могли сразу глубоко проникнуть въ него, однако, въ XVI столѣтіи само управленіе сельскихъ общинъ сильно уже пошатнулось на дѣлѣ, хотя еще признавалось по буквѣ литовско-русскаго статута, а въ XVII вѣкѣ едва уже встрѣчаются упоминанія о сельскихъ вѣчахъ. Словомъ, уже

Іеремія Могила,
 господарь молдавскій, основатель г. Могилева на Днѣстрѣ.

и до люблинской уніи 1569 года крестьяне были близки къ хлопству, т. е. къ тому состоянію физическаго и нравственнаго порабщенія, въ которомъ они очутились послѣ этой уніи. Уже и теперь они были лишены своей воли и руководились волею своихъ пановъ.

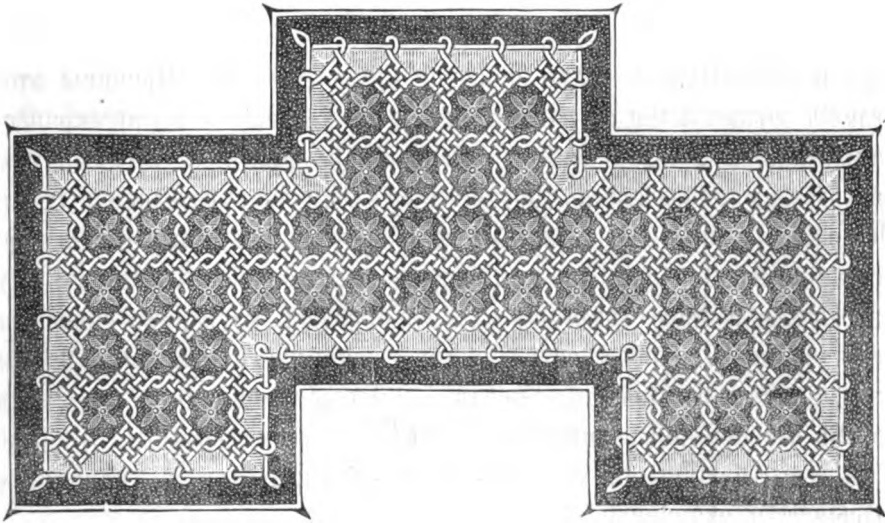
Къ вѣщшему порабщенію городского и сельскаго сословія, размножились въ западной Россіи евреи, — непремѣнные спутники польской шляхты, и самымъ жестокимъ образомъ эксплуатировали городское и сельское сословія. Ставъ правою рукою шляхетства въ грабежъ народа, еврей совершенно отдѣлял его отъ высшихъ сословія, а въ качествѣ арендаторовъ панскихъ имѣній вмѣстѣ съ православными церквами, они сдѣлались усердными пособниками польскаго правительства въ релігіозныхъ насиліяхъ, чинимыхъ православному населенію ¹⁵⁹).

Само польско-католическое правительство, духовное и свѣтское, содѣйствовало разстройству православной церкви въ русскихъ областяхъ своихъ и ослабленію русской народности. Папы произвольно признавали православныя мѣстныя церкви подчиненными соотвѣтственнымъ католическимъ епископамъ, какъ будто бы унія между католическою и православною церквами уже состоялась. На этомъ основаніи галицкая православная митрополія какъ бы замѣнена была латинскимъ архіепископствомъ и должна была уступить послѣднему не только населенныя имѣнія, но и кафедральный свой храмъ. Благодаря просякамъ латинскаго архіепископа, переселившагося изъ Галича во Львовъ, православный галицкій митрополитъ Антоній принужденъ былъ уступить ему соборный свой храмъ и построить себѣ новый за городомъ ¹⁶⁰). Въ началѣ XV вѣка упразднена была и самая галицкая епархія православная. Галиція и Подолія управлялись намѣстниками литовскаго митрополита, имѣвшаго мѣстопробываніе въ Новгородѣ-Литовскомъ. Одинъ изъ этихъ намѣстниковъ, въ санѣ архимандрита, жилъ во Львовѣ и завѣдывалъ округами Львовскимъ, Галицкимъ, Коломыйскимъ, Каменецкимъ, Снятинскимъ или Межибожскимъ и Жидачевскимъ. Галицкіе митрополичьи намѣстники сначала избирались свѣтскими коляторами церквей, т. е. воеводами и старостами; но съ 1509 года право коляторства передано было королемъ латинскому архіепископу, на томъ основаніи, что свѣтскіе-де люди злоупотребляютъ часто своимъ правомъ, избирая въ представители православной іерархіи людей, не соответствующихъ своему назначенію. Юго-восточная По-

доля, съ округами Брацлавскимъ и Випницкимъ, управлялась чрезъ особыхъ митрополичьихъ посланцевъ, намѣстниковъ и протопоповъ; за духовными нуждами галичане и подоляне обращались къ стороннимъ архіереямъ въ Молдавію и другія мѣста, пока наконецъ въ 1529 году намѣстникъ галицкій Макарій Тучацкій не возведенъ былъ въ санъ епископа галицкаго, львовскаго и каменецъ-подольскаго. Но польско-католики сильно раздражены были возстановленіемъ галицкой православной епархіи и увеличили гоненіе на православныхъ. Петроковскій сеймъ 1542 года просилъ короля уничтожить только-что возобновленное галицко-львовское епископство, запретить строить новыя церкви, звонить въ колокола, совершать крестные ходы и проч. Въ концѣ XVI вѣка православные жаловались своему митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ, что католики уносили православныя святыни, затворяли св. тайны, запечатывали церкви, прямо отъ престоловъ уводили православныхъ священниковъ и заключали ихъ подъ стражу, выгоняли изъ церквей мірянъ, имѣнія церковныя присоединяли къ костеламъ, грабили церковныя драгоценности, часто давая имъ самое неприличное назначеніе¹⁶¹). Въ разное время упразднены были нѣкоторые древніе православные преимущественно скальные монастыри и храмы въ области Днѣстра и его притоковъ, — монастыри, уже не упоминаемые болѣе въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ, каковы напр. Нагоряевскій, Субочскій, Студеницкій, Черченскій и др. На ихъ общую судьбу намекаетъ судьба Черченскаго скальнаго монастыря. Въ 1543 году этого монастыря уже не существовало, пещеры служили убожищемъ для мѣстнаго населенія отъ набѣговъ татарскихъ, а село Черче, получившее свое названіе отъ монастыря, принадлежало каедрѣ каменецкаго католическаго епископа¹⁶²), вѣроятно на правахъ духовнаго главы всѣхъ подолянъ безъ различія ихъ вѣроисповѣданія. Захвачена была католиками у православныхъ старинная икона св. Анны изъ церкви близъ Польскихъ Фольварковъ въ Каменцѣ, находящаяся теперь въ Каменецкомъ католическомъ соборѣ¹⁶³).

Всѣ эти новые, чуждые, тягостные порядки не могли не вызывать протеста со стороны русскаго населенія. Когда король Владиславъ Ягайловичъ (1440 — 1444 гг.) пороздалъ на Руси многія земли панамъ-катошкамъ, то многіе русскіе жители Галиціи и землевладѣльцы, лишеныя всего, убогали въ Крымъ къ татарамъ и поднимали ихъ на родную землю: въ 1469 году, вслѣдствіе этого, татарскія орды разорили цѣлыя уѣзды

Подоліи и Галиціи ¹⁶⁴). Въ 1492 году въ Подоліи вспыхнуло возстаніе. Предводителемъ взволнованнаго народа явился какой-то Муха, «хлопскаго роду», вѣроятно уроженецъ Подоліи. Онъ собралъ вокругъ себя изъ Подоліи и Полѣсья около 10,000 недовольныхъ крестьянъ и началъ немилосердно истреблять подольскихъ поляковъ. Шляхтичъ Никола Ходецкій-Земелька «разгромилъ хлопство»; самъ Муха былъ схваченъ и заключенъ въ Краковскую крѣпость, гдѣ и умеръ ¹⁶⁵). Большинство же русскаго населенія оставляло наспяженныя земли и двигалось на юго-востокъ, остававшійся еще за Литвою, ближе къ татарскимъ степямъ, предпочитая опасности виѣшнихъ татарскихъ нашествій и опустошеній внутреннему гнету польско-шляхетскихъ стремленій и католичества. Съ первой половины XVI вѣка населеніе внутреннихъ русскихъ областей, отошедшихъ подъ власть Польши, бѣжитъ отъ утверждавшихся тамъ польскихъ порядковъ, — шляхетства и крѣпостнаго права, — и отъ религиозныхъ преслѣдованій на юго-востокъ и образуетъ казачество, какъ самостоятельную попытку русскаго населенія обезпечить свою землю отъ нападений съ юга. Въ степяхъ закипѣла новая жизнь; въ прежнихъ безлюдныхъ пустыняхъ возникли, подъ прикрытіемъ Запорожья, мѣстечки и даже города. Бѣглецы надѣялись въ глухихъ мѣстахъ укрыться отъ давившаго ихъ гнета и на новыхъ мѣстахъ возсоздать древнерусскія общинныя начала. Но напрасно. Польское правительство, присоединивъ въ 1569 году и юго-восточную Подолію къ Польшѣ, не замедлило воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы расширить предѣлы шляхетской колонизаціи чрезъ раздачу новыхъ земель польскимъ и ополяченнымъ русскимъ дворянамъ. По мѣрѣ возрастанія панскаго сословія и увеличивающагося съ его стороны гнета, начинаются и протесты противъ него въ формѣ казачьихъ возстаній. Когда эти возстанія были подавлены, то обнаружился и подлинный характеръ польскаго вліянія на колонизацію степей: огромныя массы поселенцевъ уходили въ Заднѣпровье, внутрь украинскихъ степей Московскаго государства. Такимъ образомъ, польское землевладѣніе, слѣдуя по пятамъ русской колонизаціи, не привлекало ее, а гнало все дальше къ низовью Днѣпра и южнаго Буга, пока гонимое населеніе не обернулось назадъ, не дало сильнаго отпора на Желтыхъ Водахъ и при Корсунѣ и не погнало шляхетскую колонизацію обратно къ берегамъ Вислы ¹⁶⁶).

Глава четвертая.

Люблинская государственная унія Литвы съ Польшей въ 1569 году и ея ближайшія послѣдствія для Подоліи.

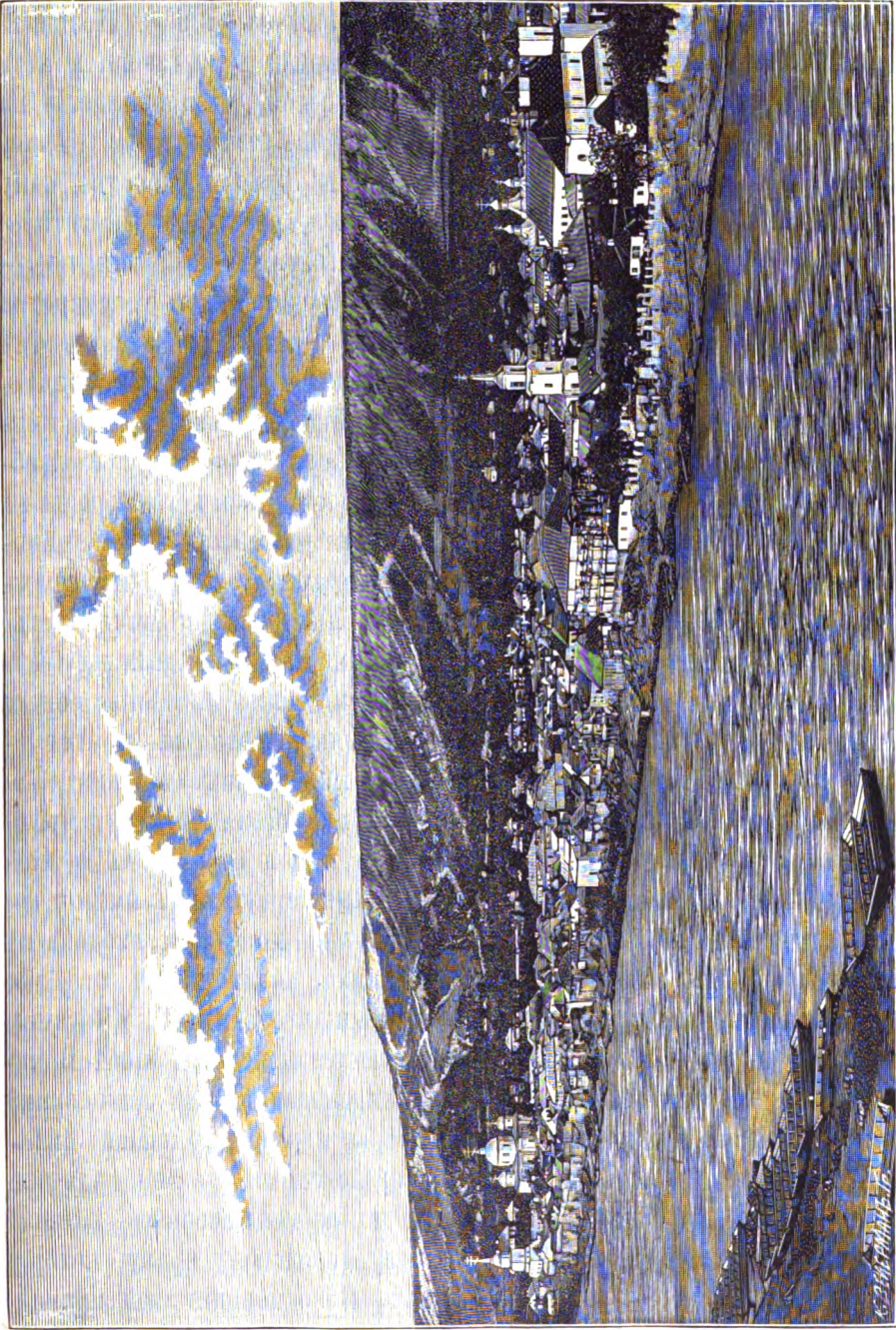
Усиленіе и расширеніе сферы борьбы между польскою и русскою народностями со времени люблинской уніи 1569 года.—Сопровитвеніе этой уніи на самомъ сеймѣ 1569 года; условія уніи; невыгоды ея и наплывъ поляковъ въ Брацлавщину; усиленіе католичества послѣ борьбы его съ ересями и умноженіе костеловъ и кляшторовъ въ Подоліи; угнетеніе крестьянъ и русскихъ мѣщанъ и вообще раздѣленіе между полноправными и безправными сословіями, усиливается разностию въ вѣрѣ; введеніе религіозной уніи въ 1596 году и борьба съ нею всеѣхъ классовъ русскаго общества; подольскіе дворяне, церковныя братства, православная іерархія; упадокъ ихъ къ XVII вѣку; религіозная стойкость простаго народа.

О ВРЕМЕНИ люблинской уніи литовско-русскихъ земель съ Польшею въ 1569 году, въ обѣихъ частяхъ Подоліи укореняются тѣ же самыя отношенія между мѣстнымъ русскимъ населеніемъ и пришлыми поляками и ополячившимися русскими, какія до этого времени существовали въ западной Подоліи съ 1434 года, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что отношенія эти съ конца XVI вѣка все болѣе и болѣе обостряются, и борьба между русскою и польскою народностями принимаетъ болѣе упорный харак-

терь и захватываетъ болѣе широкій кругъ дѣйствія. Причины этого отличія заключаются съ одной стороны въ усиленіи и распространеніи самыхъ польско-шляхетскихъ стремленій въ русскихъ земляхъ, а съ другой—въ свѣжести и упругости силъ вновь присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областей и въ солидарности ихъ между собою, протекавшей изъ одной общей угрожавшей имъ опасности потерять свою народность и вѣру. Тогда какъ доселѣ боролась, въ видахъ самосохраненія, за свою самобытность незначительная часть русскихъ, подпавшихъ подъ иго Польши,—послѣ 1569 года принимаютъ участіе въ борьбѣ и вновь присоединенныя къ Польшѣ русскія области. Въ борьбѣ этой участвуютъ все сословія южно-русскаго народа, начиная съ высшихъ и оканчивая низшими.

Еще на самомъ люблинскомъ сеймѣ 1568—1569 г., провозгласившемъ государственную унію Литвы съ Польшей, бывшіе на этомъ сеймѣ представители высшаго сословія въ литовско-русскихъ земляхъ и въ числѣ ихъ представители юго-восточной Подоліи упорно отказывались отъ государственной уніи Литвы съ Польшей. Во главѣ Брацлавщины въ это время стоялъ Романъ Сангушко, воевода брацлавскій и виницкій. Когда 1 іюня 1569 года потребовали отъ него присяги на унію или присоединеніе Брацлавскаго воеводства къ Польшѣ; то Сангушко въ сильной рѣчи къ королю напоминалъ о вѣрности и заслугахъ своихъ предковъ, о своей службѣ, и просилъ не принуждать его къ присягѣ, которую онъ считаетъ противною своей совѣсти, такъ какъ присягалъ прежде Литовскому государству. Король черезъ канцлера Дембинскаго самъ потомъ признавалъ и восхвалялъ доблести и заслуги предковъ Сангушка и его самого, но убѣждалъ его къ присягѣ, увѣряя, что она не должна смущать совѣсти князя, что король присоединилъ уже Брацлавское воеводство къ Польшѣ, потому что страна эта принадлежала прежде къ Подоліи, принадлежащей къ Польшѣ, что Сангушко обязанъ присягнуть какъ воевода брацлавскій и какъ житель Волыни. Еще два раза Сангушко обмѣнялся рѣчами съ королемъ, съ ораторами отъ сенаторовъ и пословъ, говорившими о правахъ и вольностяхъ, о братствѣ и любви и т. п., пока наконецъ, разнѣженный рѣчами короля и польскихъ ораторовъ, не принесъ присяги на присоединеніе Брацлавскаго воеводства къ Польшѣ. Принесли затѣмъ присягу староста лужцкій князь Корецкій, каштелянъ брацлавскій князь Капуста

Видъ г. Могилева на Днѣстрѣ.

и многіе другіе изъ пановъ и сановниковъ волынскихъ, брацлавскихъ и другихъ. Вынуждаемые угрозами и насиліемъ къ уніи съ Польшей, представители литовско-русскихъ земель старались выговорить хоть что нибудь въ пользу своихъ земель и областей. Въ привиллегіи на унію, выработанной преимущественно поляками, утверждалось вѣчное сліяніе государствъ въ одно тѣло, одинъ народъ, одно государство, одну Речь Посполитую съ однимъ всегда государемъ; прекращалось отдѣльное избраніе и возведеніе на престолъ великаго князя въ Литвѣ, но сохранялся титулъ великаго княжества. У соединеннаго государства должны быть общій сенатъ и общіе сеймы, подъ предѣдательствомъ общаго государя: отдѣльные государственные сеймы въ Литвѣ уничтожаются, общіе же созываются въ Польшѣ. Король обѣщалъ сохранить въ цѣлости всѣ права и привиллегіи, вольности, почетныя и служебныя должности, суды, званія, княжескія сословія, шляхетскіе роды въ земляхъ соединенныхъ государствъ. Присяга отнынѣ будетъ приноситься одному Польскому королевству. Представители соединенныхъ народовъ обязуются помогать одни другимъ и поровну дѣлить счастье и несчастье; сношенія и союзъ съ другими народами должны быть ведены совѣтомъ и согласіемъ представителей обоихъ народовъ; монета должна быть общая; всѣ таможенныя пошлины, водяныя и сухопутныя, уничтожаются, кромѣ обыкновенныхъ кунеческихъ пошлинъ; отмѣняются всѣ постановленія, запрещавшія или ограничивавшія пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой. Хотя отнынѣ король прекратитъ раздачу существующихъ имѣній королевскаго стола, но тѣ имѣнія, которыя потомъ могутъ переходить къ королю отъ родовъ княжескихъ, сенаторскихъ, шляхетскихъ, онъ можетъ раздавать лицамъ и родамъ польскимъ и литовскимъ.¹⁶⁷⁾ Частною привиллегіей отъ 26 мая 1569 года на присоединеніе къ Польшѣ Брацлавскаго воеводства обезпечивалось судопроизводство по Литовскому статуту и ограждалась права русской вѣры и русскаго языка, имѣвшаго попрежнему остаться языкомъ королевскихъ грамотъ, административныхъ и судебныхъ актовъ и т. п., за исключеніемъ дѣлопроизводства по магдебургскому или другому городскому праву, которое должно отпираться на польскомъ языкѣ. На основаніи этой привиллегіи, дворяне Брацлавскаго воеводства въ 1576 году жаловались королю Стефану Баторію, что къ нимъ прислана грамота не на русскомъ,

а на польскомъ языкѣ, вопреки люблинской уніи. Выгодами люблинской уніи Литвы съ Польшею стремились воспользоваться и тѣ русскія земли, которыя раньше 1569 года присоединены были къ Польшѣ путемъ захвата, какъ наприм. Галиція. На основаніи люблинской уніи, русскіе въ Галиціи старались, съ 1572 года, исходатайствовать себѣ равенство правъ съ поляками. ¹⁶⁸⁾

Но люблинская государственная уніа 1569 года имѣла болѣе невыгодныхъ, чѣмъ выгодныхъ сторонъ для мѣстнаго русскаго населенія и прежде всего для самихъ же русскихъ дворянъ, посылавшихъ своихъ представителей на люблинскій сеймъ. Отмѣна на этомъ сеймѣ всѣхъ постановленій, запрещающихъ или ограничивавшихъ приобрѣтеніе земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой, открыла полякамъ свободный доступъ въ русскія земли, а вмѣстѣ съ поляками безпрепятственно стали вторгаться и польскій языкъ и католичество. Въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій знатныя лица польскаго происхожденія стали осаждать короля просьбами о пожалованіи земель въ Украинѣ, и король и сеймы весьма охотно раздавали огромныя неразмежеванныя и никѣмъ не промѣренныя пространства въ Брацлавщинѣ. Польскіе пришельцы, впрочемъ, попадали чаще всего не на пустыя пространства, а поселялись среди мѣстнаго, осѣвшаго населенія, которыя и прибирали къ своимъ болѣе опытнымъ рукамъ. Такимъ образомъ, здѣсь сразу возникаютъ крупныя магнатскія помѣстья, которыя располагаются на обширныхъ, плодородныхъ степныхъ пространствахъ. Если въ сѣверномъ углу Брацлавщины, особенно въ районѣ Винницкаго замка, и уцѣлѣла болѣе мелкая собственность въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ представителей старыхъ землянскихъ родовъ, то въ обширной палатѣ, лежавшей къ югу отъ Брацлава до Днѣстра и дикихъ полей, мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII столѣтія почти исключительно крупныя помѣстья магнатовъ — Калиновскихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Зомойскихъ, Любомирскихъ, Сенявскихъ и т. д. ¹⁶⁹⁾. Гнѣздомъ рода Потоцкихъ былъ Тульчинъ, а Любомирскіе основали м. Юзефгородъ, нынѣшнюю Балту. ¹⁷⁰⁾ Кромѣ нѣсколькихъ родовъ сановитыхъ магнатовъ, получившихъ въ Брацлавщинѣ значительныя пожалованія изъ королевскихъ имѣній и приобрѣвшихъ много земель покупкою, главный контингентъ пришельцевъ состоялъ изъ мелкой служилой шляхты, получав-

*

шей иногда державы, а въ большинствѣ случаевъ сопровождавшей своихъ богатыхъ патроновъ въ качествѣ военныхъ или дворныхъ слугъ. ¹⁷¹⁾ Эти пришельцы шагъ за шагомъ выбиваютъ съ позиціи старое русское земянство, забирая постепенно въ свои руки уряды и помѣстья. Со времени люблинской уніи 1569 года и ко времени Хмельничины больше половины пространства Винницкаго повѣта перешло въ польскія руки или на вотчинномъ правѣ, или какъ старостинскія державы. Частныя вотчины переходили или путемъ покупокъ, или путемъ браковъ между поляками и русскими. ¹⁷²⁾

Со времени люблинской уніи 1569 года, а еще больше съ 1581 года послѣдовало уравненіе Брацлавскаго воеводства съ коренными польскими воеводствами и въ устройствѣ земскихъ учреждений и должностей. Съ этого времени появляются брацлавскіе воеводы и каштеляны, подкоморіи, хорунжіи, судьи, стольники, подсудки, писари и т. д. Въ началѣ всѣ эти должности какъ сенаторскія, такъ и чисто земскія, занимались исключительно людьми мѣстными, русскими, согласно условіямъ люблинской уніи 1569 года. Такъ, санъ брацлавскаго воеводы до 1609 года принадлежалъ послѣдовательно князьямъ Роману и Юрію Сангушкамъ, Янушу Збаражскому и Іосифу Тышкевичу. Каштелянами брацлавскими вплоть до 1618 года были тоже русскіе люди—князь Юрій Капуста, Михаилъ Вишневецкій, Василиій Загоровскій, Александръ Семашко, Григорій Сангушко и Николай Семашко. Но съ теченіемъ времени эти должности переходятъ къ полякамъ: воеводство—къ Яну Потоцкому, а каштелянство—къ Яну Харленскому; послѣ этого, въ должностяхъ воеводы и каштеляна русскихъ людей не видно. То же самое замѣчается и въ чисто земскихъ должностяхъ. Первымъ брацлавскимъ земскимъ судьей былъ Иванъ Кошка, владѣвшій значительными имѣніями въ Брацлавскомъ повѣтѣ. Въ началѣ XVII вѣка въ этой должности является богатый и вліятельный землянинъ Винницкаго повѣта Иванъ Черленковскій. Другія земскія должности хорунжаго, стольника, мечника, подсудка, писаря и т. д. переходили между членами тоже мѣстныхъ православныхъ родовъ Дешковскихъ, Шашковъ, Кропивницкихъ, Черленковскихъ, Микулинскихъ и др. Но съ теченіемъ времени русскій элементъ постепенно вытѣсняется пришлымъ польскимъ, такъ что ко времени возстанія Богдана Хмельницкаго на земскихъ должностяхъ нѣтъ почти вовсе русскихъ людей. ¹⁷³⁾

Вмѣстѣ съ панами, умножалось въ Подоліи и католичество, дотолѣ весьма незначительное здѣсь. До 1569 года въ обѣихъ частяхъ Подоліи основано было не болѣе 5-ти кляшторовъ и 13-ти костеловъ. ¹⁷⁴⁾ Притомъ-же, и эта небольшая горсть католическихъ кляшторовъ и костеловъ съ половины XVI вѣка подвергалась серьезной опасности отъ диссидентовъ, послѣдователей западныхъ реформаторовъ Кальвина, Социна и др. Эти диссиденты, пользуясь нѣкоторыми беспорядками въ Польшѣ, къ концу XVI вѣка успѣли добиться свободы вѣроисповѣданія и на варшавскомъ сеймѣ 1587 года почти насильно заставили каменецкаго католическаго епископа Лаврентія Гослицкаго утвердить ихъ права. Скоро Потоцкіе, Замойскіе, Шафранцы, Мелецкіе, Мельштинскіе, Фирлеи, Тарлы, Сенявскіе, Олесницкіе и многіе другіе изъ вельможныхъ поляковъ тоже оказались не совсѣмъ равнодушными къ еретическимъ мнѣніямъ, а Потоцкіе даже открыто заявили себя защитниками и представителями подольскихъ диссидентовъ. Въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Паніовцахъ, Каменецкаго уѣзда, появилась великолѣпная реформаторская кирха, основана была академія и при ней типографія для распространенія сочиненій въ реформатскомъ духѣ. Паніовецкій типографщикъ Малаховичъ прославился изданіемъ многихъ ученыхъ произведеній подольскихъ реформаторовъ. Въ городѣ Хмельникѣ основана была соцініанская школа съ спеціальною цѣлію готовить людей для борьбы съ католиками. Изъ этихъ борцовъ особенно прославились Христіанъ Франкенъ, Юрій Шаманъ, Войцехъ изъ Калиша, Янъ Фолькелій, Кристофъ Остородь и др., которые были или ректорами, или преподавателями въ Хмельницкой школѣ. Въ 1585 году въ Хмельникѣ былъ соцініанскій соборъ, извѣстный подъ именемъ «собора Хмельницкаго». ¹⁷⁵⁾ Но самая опасность отъ этихъ ересей оживила дѣятельность католическаго духовенства въ Подоліи и приготовила его торжество. Со времени люблинской уніи Литвы съ Польшею въ 1569 году на каменецкую католическую кафедру назначаются лица образованныя и преданныя католичеству, которыя и сами заботятся объ умноженіи католичества въ своей епархіи, и въ другихъ возбуждаютъ католическую ревность. Каменецкій епископъ Мартинъ Бялобржескій, бывший на этой кафедрѣ съ 1569 и до 1586 г., возобновилъ доминиканскіе кляшторы, Смотричскій и Каменецкій, и основалъ костелы въ Смотричѣ и Тывровѣ. Одинъ изъ преемниковъ Бялобржескаго, Станиславъ Гомо-

линскій, около 1591 года основалъ въ Подольскомъ воеводствѣ Соколецкій доминиканскій костель, а въ началѣ XVII вѣка, въ качествѣ епископа луцкаго, основалъ въ Брацлавщинѣ кляшторъ и костель бернардиновъ. Но особенную дѣятельность на пользу католичества въ Подоліи обнаружилъ преемникъ Гомолинскаго Павелъ Волуцкій, бывший на каменецкой кафедрѣ съ 1592 до 1607 года. При немъ основаны или построены были: костель въ м. Сатановѣ—Костками въ 1592 г., костель св. Флоріана въ Шаргородѣ—канцлеромъ Яномъ Замойскимъ въ 1596 г., костель въ м. Жванцѣ и доминиканскій костель св. Анны въ Барѣ въ 1598 г., костель въ Межибожѣ—І. Сенявскимъ въ 1600 г., костель въ Хмельникѣ въ 1603 г., доминиканскій кляшторъ въ Летичевѣ—гетманомъ Яномъ Потоцкимъ въ 1606 г., доминиканскій кляшторъ въ Шаравкѣ—подольскимъ воеводой Яковомъ Претвичемъ и костель въ Вербовцѣ въ 1607 году. Во всѣхъ основанныхъ въ епископство Волуцкаго доминиканскихъ кляшторахъ въ Летичевѣ, Шаравкѣ и Барѣ появились «чудовные образа рожанцовой панны Маріи», богато украшенные различными дорогими перлами и камнями. При слѣдующемъ каменецкомъ католическомъ епископѣ Андреѣ Прохницкомъ появились въ Подоліи іезуиты, которые проникаютъ во дворцы подольскихъ магнатовъ и забираютъ въ свои руки имѣнія и совѣсть прежнихъ покровителей реформатства. Іезуиты основали свои коллегіумы въ Каменцѣ и Барѣ въ 1611 году, резиденцію со школой въ Винницѣ въ 1612 году и миссію со школой въ Шаргородѣ въ 1636 году. Первоначально это были единственные просвѣтители подольскаго юношества въ католическомъ духѣ, къ которымъ присоединились потомъ доминикане, имѣвшіе свои школы въ Винницѣ съ 1632 года и въ Каменцѣ съ 1670 года. ¹⁷⁶⁾ Другихъ кляшторовъ и костеловъ съ 1609 г., и до XVIII столѣтія построено или возобновлено въ Подоліи до 25-ти. ¹⁷⁷⁾ Кромѣ того, съ 1666 года католичество въ Подоліи усилилось присоединеніемъ къ нему мѣстныхъ армянъ, которые имѣли свои церкви: въ Каменцѣ Никольскую, основанную въ 1398 году, съ древнѣйшею иконой Богоматери, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и въ Балтѣ. Какъ епископы, такъ плебаны и монахи разныхъ орденовъ, владѣя различными имѣніями, принадлежащими кляшторамъ и костеламъ, становились въ права помѣщиковъ по отношенію къ своимъ православнымъ крестьянамъ и держали въ своихъ рукахъ не только матеріальную судьбу ихъ, но вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, какъ это и всегда бываетъ, нерѣдко распространяли свои права и на совѣсть своихъ подданныхъ. Этимъ-то и объясняется то явление, что простой народъ исповѣдуетъ католичество по преимуществу лишь въ тѣхъ приходахъ, которые когда либо принадлежали какому нибудь кляштору или костелу. ¹⁷⁸⁾

Вся эта нахлынувшая въ Подолію свѣтская и духовная шляхта ложилась тяжкимъ бременемъ на все мѣстное русское населеніе, т. е., какъ на землянь и бояръ, въ ущербъ которымъ захватывала земли и уряды, такъ въ особенности на податныя сословія и въ частности крестьянъ. До присоединенія Брацлавщины къ Польшѣ въ 1569 году, положеніе

Гербъ Петра Могилы.

крестьянъ въ обѣихъ частяхъ Подоліи еще не было совершенно безвыходнымъ. Крестьяне западной Подоліи легко могли переходить въ Брацлавщину и, приобрѣтая на новомъ мѣстѣ извѣстныя льготы, вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживали нѣсколько произволь и западно-подольской шляхты, опасавшейся совѣмъ потерять рабочую силу. Такой порядокъ вещей продолжался нѣкоторое время и въ Брацлавщинѣ по присоединеніи ея къ Подоліи въ 1569 году, такъ какъ здѣшніе шляхтичи, чув-

ствуя настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ и невозможность сразу закрѣпить выходцевъ, поселившихся и продолжавшихъ селиться на ихъ земляхъ, прибѣгали къ широкому примѣненію права «свободы». Они до извѣстнаго довольно продолжительнаго срока или вовсе не требуютъ съ поселенцевъ барщины и повинностей, или ограничиваются взиманіемъ легкой дани и требованіемъ незначительныхъ услугъ. ¹⁷⁹⁾ Но уже въ началѣ XVII вѣка въ западной Подолиі народъ почти вполнѣ порабощенъ былъ панамъ. Въ люстраціи каменецкаго староства начала XVII вѣка встрѣчаются всевозможныя подати и повинности, которыя отбывали крестьяне. По этой люстраціи крестьяне, кромѣ денежной подати, давали своимъ помѣщикамъ рожь, овесъ, пшеницу, ячмень, сѣно, курь, гусей, яйца, каплуновъ, пряжу, хмѣль. Кромѣ того, они платили подать съ овецъ, свиней, кабановъ, давали дань медовую и поволовщизну, платили снопове, чопове, шосове, нарядльне, подымнее, писчее, бирчее, полуковщину, сторожевщину, очковое, роговое, оренды, ставщизну, сухомельщину, и проч. и проч. Въ это время, какъ видно изъ помянутой люстраціи, крестьяне работали на помѣщика не болѣе четырехъ дней въ недѣлю. Съ теченіемъ времени крестьянское населеніе повсемѣстно прикрѣплено къ землѣ и поставлено въ одинаковыя условія и отношенія къ помѣщикамъ, что дало послѣднимъ возможность еще болѣе увеличить тяжесть крестьянскихъ податей и повинностей. Уже съ половины XVII вѣка крестьянъ заставляли работать пану не по четыре дня въ недѣлю, а «отъ недѣли до недѣли». Самыми несчастными въ этомъ отношеніи были крестьяне вотчинные: они совершенно были порабощены помѣщику, который имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Понятно, что повинности такихъ крестьянъ были чрезвычайно тяжки, такъ какъ помѣщикъ назначалъ эти повинности совершенно произвольно. Впрочемъ, настоящіе польскіе паны-магнаты не настолько памятливы крестьянамъ по своимъ жестокостямъ и изувѣрству, насколько такъ называемые «пидпанки», т. е. различные поссессоры, экономы и мелкая владѣтельная шляхта, располагавшая обыкновенно двумя-тремя дворами. Обиліе мелкихъ помѣщиковъ въ селѣ ложилось тяжелымъ гнетомъ на все благосостояніе крестьянина. ¹⁸⁰⁾

Повидимому, выгодноѣе было положеніе мѣщанъ, такъ какъ они нерѣдко получали нѣкоторую степень самоуправленія въ магдебургскомъ правѣ. Со времени люблинской уніи 1569 года и до XVIII вѣка магде-

бургское право дано было слѣдующимъ подольскимъ городамъ и мѣстечкамъ: Чернокозинцамъ и Черчи въ 1578 г., Фельштыну въ 1584 г., Шаргороду въ 1588 г., Межирову въ 1591 г., Дунаевцамъ въ 1592 году, Новокопстантинову въ 1600 г., Михалполю въ 1605 г., Сальницъ и Вербовцамъ въ 1607 г., Деражнѣ въ 1614 г., Дубровицѣ или Борку въ 1615 г., Капайгороду въ 1624 г., Винницѣ около 1630 г., Миньковцамъ въ 1637 г., Пилявѣ въ 1640 г., Сатаюву въ 1641 г., Жванцу и Збрыжу въ 1646 году, ¹⁸¹⁾ почти исключительно въ западной Подоліи. Но магдебургское право давалось подъ условіемъ дѣлопроизводства на польскомъ языкѣ и слѣдовательно клонилось къ ополяченію городовъ и мѣстечекъ; нерѣдко оно и не распространялось на русскихъ горожанъ. Притомъ-же это чуждое русскому народу право большею частію давалось съ различными урѣзками и ограниченіями и весьма часто нарушалось воеводами, старостами и другими королевскими чиновниками или самими собственниками городовъ и мѣстечекъ въ пользу жидовъ, католическихъ монастырей, костеловъ и духовныхъ лицъ. Жиды особенно размножились въ юго-западной Руси по соединеніи ея съ Польшею. Не имѣя никакихъ правъ на осѣдность въ городахъ и мѣстечкахъ, евреи, однакоже, селились тамъ по милости владѣльцевъ и старость, старавшихся извлекать изъ нихъ свои выгоды, захватили въ свои руки промыслы и торговлю и вскорѣ оттѣснили христіанъ на задній планъ и заставили ихъ по большей части обратиться къ земледѣлію. Кромѣ торговли и промысловъ, евреи держали въ арендѣ помѣщичьи населенныя имѣнія, не только со всѣми повинностями крестьянъ, но даже съ правомъ казнить ихъ смертію за преступленія. Евреямъ помогало въ приниженіи и уничтоженіи русскаго мѣщанства римско-католическое духовенство. Водворяясь въ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ, оно получало здѣсь земельные участки и разныя права и преимущества и, не платя ни податей, ни акциза, захватывало въ свои руки не только продажу горячихъ напитковъ, но и всѣ ремесла и торговлю, какъ-то продажу мяса, свѣчь, хлѣба, дегтю, смолы и т. п. Въ послѣдніе годы существованія Польши городское сословіе, за исключеніемъ немногихъ городовъ, или исчезло совершенно, перемѣстившись въ другія сословія, или обратилось исключительно къ земледѣльческимъ занятіямъ. ¹⁸²⁾

Вообще со времени присоединенія обѣихъ частей Подоліи къ Польшѣ

стало рѣзко обозначаться пагубное для государства раздѣленіе между полноправными и безправными классами и сословіями, которое еще болѣе обострялось разницею въ языкѣ и вѣрѣ между пришлымъ привилегированнымъ латинско-польскимъ сословіемъ и туземнымъ православно-русскимъ населеніемъ и послужило главнымъ источникомъ внутреннихъ смуть и междоусобій, наполняющихъ собою все время польскаго владычества въ этомъ краѣ. Тогда какъ въ самой Польшѣ простой народъ болѣею частію былъ одной вѣры съ панами и по крайней мѣрѣ не испытывалъ отъ нихъ религіознаго преслѣдованія, — въ русскихъ областяхъ Польши польско-католическіе землевладѣльцы и чиновники посягали на самое дорогое достояніе мѣстнаго православно-русскаго населенія, на его вѣру и совѣсть, или вовсе пренебрегая религіозными потребностями народа, или прямо оскорбляя и преслѣдуя православную вѣру и ея исповѣдниковъ и стараясь искоренить ее. Занятые постоянно, въ продолженіи всей недѣли, барщиной, крестьяне вынуждены были посвящать на поддержаніе своего убогаго хозяйства и семейства воскресные и праздничные дни, да и то не всегда, такъ какъ праздники русской церкви чрезвычайно мало уважались польскими помѣщиками и совершенно пренебрегались жидами: тѣ и другіе нарочно старались унижать уставы православной церкви въ глазахъ народа, заставляя его работать въ православные праздники и освобождая отъ барщины въ праздничные дни римско-католической церкви. Не довольствуясь этимъ, паны и ксендзы отдавали православныя церкви въ аренду жидамъ, которые ругались надъ православіемъ, какъ могли и хотѣли: въ этомъ случаѣ каждое богослуженіе, всякая треба, колокольный звонъ, каждый хлѣбъ, освящаемый въ день св. Пасхи, каждая просфора, назначаемая для совершенія литургіи, были обложены извѣстною платою, которая взималась арендаторомъ съ православныхъ. ¹⁸³⁾ Въ 1647 году сеймъ постановилъ законъ, по которому священникъ не могъ занять прихода, не получивъ предварительнаго согласія отъ шляхтича, которому принадлежало село, или отъ старосты либо державцы въ королевскихъ имѣніяхъ. ¹⁸⁴⁾ Захвативъ, въ силу этого закона, въ свои руки право презенты или выбора и рекомендаціи кандидатовъ на священническія мѣста къ русскимъ церквамъ, польско-католическіе помѣщики обыкновенно выбирали въ священники людей необразованныхъ изъ своей дворовой челяди или изъ простыхъ крестьянъ, которые при этомъ не осво-

бождались отъ податей помѣщику: наравнѣ съ ремесленниками и крестьянами, они платили своему помѣщику или арендатору жиду такъ называемый чиншъ. ¹⁸⁵⁾ На коронаціонномъ сеймѣ короля Михайла Вишневецкаго настоятель Барскаго округа о. Александръ Волчокъ жаловался королю, что королевскіе державцы и помѣщики «причиняютъ духовенству Барскаго округа великія несправедливости, принуждаютъ его къ исполненію повинностей и работъ, которыя на немъ никогда не лежали, берутъ съ него поборы, заставляютъ принимать на квартиры жолнеровъ, приравнивая такимъ образомъ духовенство къ крестьянскому сословію; принуждаютъ лицъ духовнаго званія отбывать нѣкоторые виды барщины на поношеніе духовному сану.» ¹⁸⁶⁾

Польское правительство, съ своей стороны, и не въ состояніи было сдерживать фанатическую ревность разнузданной шляхты, если-бы даже и хотѣло этого, и само заинтересовано было распространеніемъ въ государствѣ католичества, какъ объединяющей государственной силы, а потому не только не сдерживало своевольства изувѣрной шляхты, но и само подавало ей поводъ къ религіознымъ преслѣдованіямъ и потакала имъ. Еще на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, по заключеніи государственной уніи Литвы съ Польшею, король Сигизмундъ II Августъ высказался, что онъ думаетъ еще объ одномъ великомъ дѣлѣ, о восстановленіи единства вѣры, котораго хочеть-де достигнуть, однако же, безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Въ томъ же году онъ ввелъ Іезуитовъ въ Вильну, которые тотчасъ же занялись обращеніемъ иновѣрцевъ въ католичество и воспитаніемъ юношества и быстро распространились по всей Литвѣ. Не довольствуясь единичными совращеніями въ католичество, іезуиты, въ лицѣ представителей своихъ Поссевина и Скарги, задумали и выработали планъ всеобщей уніи православной церкви съ католическою, который польское правительство не замедлило примѣнить къ дѣлу. Это было при одномъ изъ ближайшихъ преемниковъ Сигизмунда II Августа, Сигизмундѣ III. Король и іезуиты старались подѣйствовать на западно-русскихъ православныхъ іерарховъ прианками особыхъ почестей и преимуществъ, увлекли большинство ихъ на свою сторону, разрушили существовавшее дотолѣ единство клира и мірянъ и сдѣлали невозможнымъ ихъ совмѣстное служеніе православной церкви. Слѣдуя примѣру и внушеніямъ католическаго духовенства,

западно-русскіе іерархи и во главѣ ихъ луцкій епископъ, Кирилль Терлецкій, и владиміро-волынскій, Ипатій Поцѣй, пожелаѣи освободиться отъ надзора и опеки мірянъ и братствъ и увеличить свою власть надъ духовенствомъ и мірянами, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть уравненія въ правахъ и вольностяхъ съ польско-католическимъ духовенствомъ, и потому согласились принять унію съ католическою церковію, въ которой міряне всегда находились въ почтительномъ отдаленіи отъ іерархіи. Но такія чисто шляхетскія стремленія западно-русскихъ владыкъ не могли увлечь на ихъ сторону мірянъ и низшее духовенство и даже нѣкоторыхъ изъ епископовъ. Согласно съ православными понятіями о церковномъ управленіи, православные утверждали, что безъ вѣдома и дозволенія восточныхъ патріарховъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли и согласія свѣтскихъ сословіи, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей, владыки не имѣли права предпринимать никакихъ перемѣнъ въ вѣрѣ. Это была борьба двухъ противоположныхъ направленій церковной жизни, неограниченнаго шляхетско-іерархическаго съ одной стороны и народно-соборнаго—съ другой. Для примиренія несогласій, созванъ былъ въ октябрѣ 1596 года извѣстный брестскій соборъ, на которомъ однако окончательно выяснилась несомвѣстимость этихъ двухъ противоположныхъ направленій и закрѣпленъ былъ великій расколъ въ западно-русской церкви, извѣстный подъ именемъ уніи.¹⁸⁷⁾ Этотъ соборъ собственно и послужилъ поводомъ къ открытой, упорной борьбѣ между полонизмомъ и католичествомъ съ одной стороны и русскою народностію и православіемъ съ другой,—борьбѣ, въ которой принимаютъ участіе, отдѣльно или сообща, всѣ сословія и слои мѣстнаго православнаго населенія и съ успѣхомъ защищаютъ свою народность и вѣру отъ посягательствъ польско-католиковъ. Какъ и во всякой борьбѣ, дѣло не обошлось безъ жертвъ и тяжелыхъ утратъ со стороны русской народности и православія. Наиболѣе пострадали передовые борцы изъ наиболѣе привилегированныхъ сословіи и классовъ, на которыхъ прежде всего и преимущественно и направлены были удары противника; но за то сохранилось ядро православнаго русскаго населенія—простой народъ.

Галиція съ Подоліей издавна слыла гнѣздомъ многочисленнаго и вліятельнаго боярства русскаго, которое, хотя и разбавлено было при польскомъ владычествѣ пришлыми, иноплеменными и иновѣрными чле-

Замокъ въ Мезибужѣ.

нами, однако же и къ XVII вѣку оставалось довольно многочисленнымъ и сильнымъ и давало отпоръ латино-польскимъ притязаніямъ въ Подоліи. Передъ самой брестской уніей мѣстные русскіе дворяне обращались за совѣтами къ константинопольскому патріарху и со слезами умоляли своихъ верховныхъ защитниковъ въ дѣлѣ религіи кievскихъ митрополитовъ обратить вниманіе на печальное положеніе православія. «Подъ вашимъ пастырскимъ смотрѣніемъ, писали православные жители Подоліи и Галичины кievскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ, — мы всѣ угнетены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, немѣющія пастыря, хотя вашу милость признаемъ за своего начальника, но ваша милость не старался подвизаться и дѣлать дѣла, словесныхъ овецъ оборонять отъ губительныхъ волковъ, ни въ чемъ ни сколько дать помощи святому благочестію... Ваша милость не хочешь въ таковыхъ великихъ и насильственныхъ обидахъ быть заботливымъ и старательнымъ, такъ что такихъ бѣдствій прежде никогда не бывало и уже большихъ не можетъ быть, какъ слѣдующія: въ пастырство вашей милости довольно всего злого въ религіи нашей произошло, какъ напр. поруганіе святынь, запираніе святыхъ тайнъ, запечатаніе церквей, запрещеніе звона, также выведеніе изъ церквей Божіихъ отъ престола священниковъ, арестъ ихъ, какъ будто какихъ злодѣевъ, заключеніе ихъ въ тяжкія узы и возбраненіе мірскимъ людямъ въ церквахъ Божіихъ молитвы и изгнаніе ихъ. Такихъ насилій нѣтъ и подъ властію невѣрныхъ царей, какія совершаются въ пастырствѣ вашей милости... Къ тому еще какія дѣлаются опустошенія церквей...; имѣнья, которыя даны были на церкви Божія, теперь отданы костеламъ, и нынѣ многія нестроенія великія.»¹⁸⁸⁾ На брестскомъ соборѣ 1596 года, на которомъ провозглашена была церковная унія съ Римомъ, представителями православнаго населенія Подоліи и противниками уніи были: священникъ Климентъ Троицкій, епископскій намѣстникъ въ г. Каменцѣ; представители Брацлавскаго воеводства, князь Юрій Друцкій-Горскій, свѣтскіе представители Каменца, Скалы, Брацлава и другихъ городовъ и мѣстечекъ¹⁸⁹⁾. Славный винницкій староста Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій, непоколебимо сохранивъ православіе предковъ, въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи дрожащею рукою начерталъ: «вѣрую во святую церковь, которая управляется четырьмя патріархами, и въ этой вѣрѣ я умираю.»¹⁹⁰⁾ Изъ другихъ представителей и ревнителей православія

на Подоліи въ это время извѣстны: знаменитые князья Острожскіе, владѣвшіе Новокопстантиновомъ и его округомъ; ¹⁹¹⁾ князь Корибутъ-Воронецкій, основавшій въ м. Коржовцахъ, Летичевского уѣзда, православный монастырь; ¹⁹²⁾ Василій Ластовецкій, записавшій въ 1606 году Каменецкой Предтеченской церкви усадьбу, и Николай Грабовецкій, похороненный въ 1609 году въ этой церкви; ¹⁹³⁾ Къ нимъ нужно присоединить македонскихъ грековъ Дукадиновичей, владѣвшихъ съ 1552 года Улановомъ, и особенно Іеремію Могилу, впоследствии господаря молдавскаго, который въ самомъ концѣ XVI вѣка купилъ въ частную собственность земли близъ нынѣшняго Могилева и построилъ здѣсь городъ, получившій отъ него свое имя и долго сохранявшій у себя православіе, не смотря на то, что онъ вскорѣ перешелъ въ родъ Потоцкихъ. ¹⁹⁴⁾ Въ 1599 году православные, въ виду усиливавшагося латинства, для собственной безопасности заключили союзъ съ протестантами, въ силу котораго они обязывались «сохранять миръ между собою и предупреждать то, чтобы за различіе въ вѣрѣ и отличія въ церкви кровь жителей не была проливаема и никто конфискаціею имѣній, лишеніемъ чести, узамъ и изгнаніемъ наказываемъ не былъ. Для удобнѣйшаго между собою сношенія, для извѣщенія о насиліяхъ, времени экзекуцій и о сѣздахъ, требующихъ нашего присутствія, мы нынѣ же назначили и избрали изъ себя генеральныхъ провизоровъ или попечителей церкви и христіанскихъ нашихъ соборовъ.» Этими «провизорами» для жителей Подоліи и Брацлавщины назначены были: со стороны жителей греческаго закону—брацлавскій каштелянъ князь Теодоръ Сангушко, а со стороны реформатовъ—каменецкій староста Янъ Потоцкій и подольскіе воеводы Яковъ и Криштофъ Сяницкіе: ¹⁹⁵⁾ Въ 1601 году записался въ Люблинское православное братство брацлавскій земскій писарь Иванъ Микулинскій. ¹⁹⁶⁾ Въ 1607 году на варшавскомъ сеймѣ послы воеводствъ Волынскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго добились того, что отъ имени короля издана была конституція «о религіи греческой». «Въ обезпеченіе греческой религіи, издавна пользующейся своими правами,—говорится здѣсь,—мы постановляемъ, что никакихъ должностей и церковныхъ имуществъ мы не будемъ никому предоставлять на иномъ правѣ, какъ только согласно духу ихъ учрежденія и по обычаямъ и правамъ, подтвержденнымъ нашими предшественниками, т. е. исключительно дворянамъ русскаго происхожденія и чистой гре-

ческой вѣры, не нарушая ничѣмъ законной свободы ихъ совѣсти и не препятствуя ни въ чемъ свободѣ богослуженія по давнимъ ихъ обычаямъ... Братствамъ церковнымъ греческой вѣры мы подтверждаемъ всѣ ихъ права и привилегія». На слѣдующемъ сеймѣ 1609 года конституція эта была вновь подтверждена, причемъ сеймъ обѣщалъ въ болѣе свободное время подробнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ, а между тѣмъ прибавилъ постановленіе, по которому уніатамъ воспрещалось насильно обращать въ унію духовныхъ и мірянъ православныхъ, подъ опасеніемъ взысканія съ нихъ штрафа въ 10,000 злотыхъ.¹⁹⁷⁾ Вѣроятно, на основаніи этихъ конституцій, вскорѣ воздвигаются въ Подоліи новые православные монастыри. Такъ, въ 1616 году, при львовскомъ и каменецкомъ православномъ епископѣ Іереміи Тиссаровскомъ основанъ былъ въ м. Бершади, нынѣшняго Ольгопольскаго уѣзда, православный Преображенскій монастырь. Около того же времени основанъ былъ въ Винницѣ Михаиломъ Кропивницкимъ Вознесенскій мужской монастырь.¹⁹⁸⁾ Въ 1619 году этотъ Михаилъ Судимонтовичъ Кропивницкій былъ брацлавскимъ подсудкомъ и записался въ этомъ году въ члены Луцкаго православнаго братства, а въ 1629 году отвѣтилъ согласіемъ на приглашеніе Виленскаго уніатскаго Троицкаго братства прибыть на львовскій соборъ въ этомъ году. Впрочемъ, остальные православные русскіе дворяне протестовали противъ этого собора и въ числѣ протестующихъ мы видимъ и подольскихъ дворянъ, какъ напр. Илью Болрскаго изъ воеводства Подольскаго, Іоанна Соколовскаго изъ повѣта Винницкаго, Андрея Шандеровскаго, войскаго (tribunum) брацлавскаго, и др.¹⁹⁹⁾ Къ концу царствованія Сигизмунда III ряды православныхъ вельможъ и дворянъ въ русскихъ областяхъ Польши значительно порѣдѣли, благодаря изувѣрству этого короля. Въ 1657 году гетманъ Гонсѣвскій говорилъ послу московскому Матвѣеву: «какъ былъ на коронѣ польской Сигизмундъ III, вѣрою католикъ, то было у него 172 сенатора, все разныхъ вѣрѣ, только двое было католиковъ, и въ 40 лѣтъ всѣ стали католиками, не нуждою, а вотъ чѣмъ: никому не давалъ онъ ни воеводства, ни каштелянства до тѣхъ поръ, пока не приступятъ къ католической вѣрѣ.»²⁰⁰⁾ Но это преувеличенное извѣстіе не исключаетъ собою существованія въ это время православныхъ дворянъ не сенаторовъ. Тотчасъ же послѣ смерти Сигизмунда III, при избраніи въ короли сына его Владислава IV, на сеймѣ возвышаются сильные голоса

защитниковъ православія, изъ которыхъ особенно выдаются чашникъ волынской Лаврентій Древинскій, и подсудокъ брацлавскій и секретарь королевскій, извѣстный уже намъ Михаилъ Кропивницкій. При участіи этихъ лицъ, сеймовая коммиссія, между прочимъ, выработала постановленіе: въ Кіевѣ кафедральная церковь съ имѣніями и Выдубицкимъ монастыремъ должна оставаться за уніатскимъ митрополитомъ, а въ прочихъ церквахъ кіевскихъ, брацлавскихъ, галицкихъ, львовскихъ и летичевскихъ, состоящихъ во власти неунитовъ, предоставляется имъ свободное богослуженіе. Львовское епископство съ уневскою архимандріей предоставлялось неунитамъ. Православные получили дозволеніе избрать своего митрополита, въ каковой санъ тутъ же на сеймѣ избранъ былъ послами воеводствъ Кіевского, Русскаго (Галицкаго), Волынскаго, Подольскаго и Брацлавскаго кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила. Другимъ кандидатомъ въ митрополиты, кромѣ Петра Могилы, былъ подстароста винницкій Михаилъ Ласкій ²⁰¹). Пользуясь постановленіями этого сейма, Михаилъ Кропивницкій немедленно основалъ въ Винницѣ другой православный монастырь, женскій Благовѣщенскій, и получилъ для него утвердительную грамоту новаго польскаго короля Владислава IV отъ 2 апрѣля 1635 года ²⁰²). Въ Вознесенскомъ же Винницкомъ мужскомъ монастырѣ, съ согласія того же Кропивницкаго, новый митрополитъ Петръ Могила учредилъ латинское училище, подчиненное Кіево-Братскому и называвшееся братскимъ. Одинъ изъ иноковъ этого Винницкаго Вознесенскаго братскаго монастыря написалъ въ 1638 году на польскомъ языкѣ сочиненіе, остающееся въ рукописи, подъ заглавіемъ «Judicium», т. е. показаніе церкви истинной... чрезъ одного изъ монаховъ чина св. Василія вкратцѣ изложенное 1638 года, іюля 8, въ монастырѣ Винницкомъ братскомъ Вознесенія Господня ²⁰³). Впрочемъ, вскорѣ это училище перенесено было на Волынь, въ Гощу ²⁰⁴). Въ послѣдствіи времени православные подольскіе дворяне участвуютъ въ избраніи львовскихъ и каменецъ-подольскихъ православныхъ епископовъ, напримѣръ Арсенія Желиборскаго въ 1641 году; а съ 1664 года львовскіе и подольскіе епископы обязательно должны были избираться изъ мѣстнаго дворянства ²⁰⁵). Въ 1666 году, при избраніи новаго епископа Юсіфа Шумлянскаго, являются депутатами изъ Подолія Александръ Голынский, Андрей Кропивницкій, Самуилъ Дьяковскій, Прокопъ Желиборскій и

подолія.

7

Михаилъ Сваричевскій²⁰⁶). Въ 1672 году, передъ самымъ завоеваніемъ Каменца турками, регентъ канцеляріи градской каменецкой, Михаилъ Маскевичъ, испросилъ у короля Михаила разрѣшеніе построить въ Каменцѣ каменную церковь Покрова пресв. Богородицы, намѣсто прежней деревянной, при которой погребены были тѣла князей Александра и Юрія Коріатовичей. Но въ 1699 году, когда на сеймѣ состоялось постановленіе объ изгнаніи неунитовъ изъ Каменца-Подольскаго, противъ этого постановленія протестуютъ только неуніатскіе дворяне Кіевскаго и Волинскаго воеводствъ²⁰⁷).

Другою нравственною силою, поддерживавшею православіе въ Подоліи, были церковныя братства, особенно размножившіяся и усилившіяся въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Древнѣйшимъ изъ этихъ братствъ было Львовское Успенское братство. Въ 1586 году патріархъ Іоакимъ утвердилъ выработанный Львовскимъ братствомъ уставъ, служившій потомъ руководствомъ для другихъ братствъ²⁰⁸). Въ составъ Львовскаго братства входило значительное число и православныхъ подольскихъ вельможъ и дворянъ и даже женщинъ, наприм. Домна-Анна Прерембская, дочь волосскаго воеводы Іереміи Могилы, и мать ея Елизавета²⁰⁹). Содержа типографію и школу, Львовское братство и само непосредственно помогало православію въ Подоліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ служило образцомъ для учрежденія здѣсь второстепенныхъ братствъ. Старѣйшимъ изъ этихъ послѣднихъ нужно признать Свято-Троицкое Каменецкое братство, которое становится извѣстнымъ во второй половинѣ XVI вѣка и, можетъ быть, разрѣшено въ 1589 году патріархомъ Іереміей въ проѣздъ его черезъ Каменецъ. Братство это владѣло значительными суммами и недвижимымъ имѣніемъ, такъ что на свои средства содержало школу и клиръ, а также поддерживало благолѣпіе церкви. Кромѣ Свято-Троицкаго братства, въ Каменцѣ было еще нѣсколько братскихъ общинъ, изъ коихъ три носили названіе «постоянныхъ братствъ», а другія—«временныхъ»²¹⁰). Къ числу постоянныхъ братствъ можно отнести братства при Каменецкихъ церквахъ Предтеченской, упоминаемое въ 1606 году²¹¹), и Покровской, подтвержденное королемъ Михаиломъ Вишневецкимъ въ 1672 году²¹²). Повидимому, были православныя братства въ Шаргородѣ въ 1618 году²¹³), въ Могилевѣ²¹⁴) и въ другихъ подольскихъ городахъ. Подъ актомъ избранія львовскаго и каменецъ-подольскаго епископа Арсенія Желибор-

Гетманъ Петръ Коналовичъ-Сагайдачный.

скаго въ 1641 году, между прочимъ, подписались: Феодоръ, намѣстникъ Каменца-Подольскаго, съ духовенствомъ и братствами; Иродіонъ, намѣстникъ летичевскій, съ духовенствомъ и братствами; Михаилъ, намѣстникъ черневецкій, съ духовенствомъ и братствами; Іоаннъ, намѣстникъ межибожскій, съ духовенствомъ и братствами, и Григорій, намѣстникъ скалецкій, съ духовенствомъ и братствами ²¹⁵). Но здѣсь не упоминается еще о братствахъ въ восточной Подоліи или Брацлавщинѣ, принадлежавшей въ это время въ церковномъ отношеніи къ Кіевской митрополичьей епархіи. Тамъ, кромѣ Винницкаго братскаго монастыря, вѣроятно были и другія церковныя братства. Каменецкое Свято-Троицкое братство оставалось въ православіи до 1700 года, не переставая существовать и по изгнаніи православныхъ изъ Каменца въ этомъ году.

На высшемъ сословіи и церковныхъ братствахъ опиралось главнымъ образомъ и православное іерархическое устройство Галиціи съ Подоліей, имѣвшее здѣсь въ XVI и XVII вѣкахъ особенную прочность и устойчивость. Благодаря стараніямъ мѣстныхъ православныхъ, въ 1539 году возстановлена была православная Галицкая и Каменець-Подольская епархіа и непрерывно продолжала существовать до 1700 года, не смотря на всѣ происки и козни униатовъ и католиковъ, старавшихся уничтожить ее или обратить въ унию. Тогда какъ въ другихъ западно-русскихъ православныхъ епархіяхъ, находившихся подъ польскимъ владычествомъ, іерархическое преемство или вовсе прекращалось, или прерывалось на время, Галицкая и Каменець-Подольская епархіа оставалась иногда единственною во всей Польшѣ епархіею, имѣвшею наличнаго православнаго, и притомъ признаннаго правительствомъ епископа. Первымъ такимъ епископомъ, послѣ введенія брестской вѣроисповѣдной униі, былъ третій по счету епископъ возстановленной Галицко-Подольской епархіи Гедeonъ Балабанъ. Къ его епархіи принадлежали въ Подоліи округи Каменецкій и Межибожскій или Снятинскій ²¹⁶). Здѣсь въ 1600 году при немъ построень былъ заново деревянный храмъ въ православномъ Троицкомъ Сатановскомъ монастырѣ ²¹⁷). Но въ качествѣ экзарха константинопольскаго патріарха, Гедeonъ Балабанъ завѣдывалъ какъ всѣми остальными православными епархіями въ предѣлахъ Польши, такъ и восточной Подоліей или Брацлавщиной, входившей въ составъ Кіевской митрополичьей епархіи. О

ревности этого святителя по православію и русской народности свидѣтельствуяють сами враги его. По словамъ униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя, вокругъ этого непокорнаго «старика Сусанина», т. е. Гедона Балабана, сплотилась вся Русь. «Владыка львовскій,—по словамъ Поцѣя,—столько настригъ поповъ изъ хлоповъ, что изъ ихъ чубовъ могъ бы дѣлать войлоки» ²¹⁸). Ко времени этого святителя относится свидѣтельство іезуита Поссевина о состояніи православія, между прочимъ, и въ Подоліи. «На Руси, въ Подоліи, Волини, Литвѣ и Самогитіи,—писалъ Поссевинъ во время войны Стефана Баторія съ Іоанномъ Грознымъ,—жители упорно держатся греческаго исповѣданія, хотя имѣють господъ католиковъ. Сенатъ и особенно король, подозрѣвающій ихъ вѣрность, желаетъ обратить ихъ въ католицизмъ; ибо найдено, что жители этихъ областей, по приверженности къ своимъ единовѣрцамъ москвичамъ, публично молятся о дарованіи имъ побѣды надъ поляками» ²¹⁹). Съ своей стороны и Іоаннъ Грозный въ 1593 году роздаетъ каменецкимъ церквамъ милостыню ²²⁰). Заботясь объ исправленіи и печатаніи богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, Гедонъ Балабанъ въ то же время учреждалъ школы, напр. Стрятинскую, которыя, вмѣстѣ со Львовскою и Острожскою школами, подняли духовное образованіе въ Подоліи въ его время довольно высоко. Объ этомъ свидѣтельствуесть, между прочимъ, старецъ Антоній Подольскій, перешедшій въ первой четверти XVII вѣка изъ Подоліи въ Москву, гдѣ онъ занимался исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Судя по уцѣлѣвшимъ сочиненіямъ Антонія Подольскаго, онъ получилъ школьное образованіе въ какомъ либо изъ западно-русскихъ училищъ и хвалился знаніемъ грамматики и діалектики. Отъ него дошли: слово о пьянствѣ 1620 года, слово о царствіи небесномъ, и о славѣ святыхъ 1626 года, и до пяти небольшихъ сочиненій. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ передѣлкахъ хронографа и въ предисловіи къ одному списку хронографа ²²¹). Гедонъ Балабанъ скончался въ 1607 году ²²²). Преемникъ его Іеремія Тиссаровскій (1607—1641 гг.) около 1614 года тоже получилъ званіе патріаршаго экзарха ²²³), и слѣдовательно управлялъ и восточную Подолію или Брацлавщиною, какъ это видно изъ учрежденія имъ въ 1616 году Бершадскаго монастыря, и управлялъ ею по крайней мѣрѣ до 1620 года или до возстановленія южно-русской православной іерархіи іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ. При немъ

уже начались прямыя покушенія уніатовъ на цѣлость православія въ Подоліи. Тотчасъ послѣ смерти Гедеона Балабана, уніатскій митрополитъ Инатій Поцѣй задумалъ присвоить себѣ право назначенія львовскихъ епископовъ и въ 1612 году дѣйствительно посвятилъ—было на Галицкую, Львовскую и Каменецъ-Подольскую епископію уніата Іосифа Вельямина-Рутскаго ²²⁴). Можетъ быть, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, въ 1617 и 1618 годахъ въ Шаргородѣ обнаружилась какая-то шатость между тамошними русскими священниками и наклонность къ нововведеніямъ и неновиновенію. Объ этомъ свидѣтельствуесть грамота преосвященнаго Іереміи Тиссаровскаго отъ 30 сентября 1618 года изъ Пучатыць къ православнымъ шаргородскимъ мѣщанамъ, въ которой онъ пишетъ слѣдующее: «Дошло до насъ извѣстіе, что священники шаргородскіе Матѳей и Андрей съ нѣкоторыми единомысленниками своими, презрѣвши разъ преданія отеческія и забывши присягу свою, данную при ихъ поставленіи нами во священство, сверхъ того, подписки, недавно данной во время бытности нашей прошлою зимою, не перестаютъ начинать мятежи и возмущать васъ, вѣрныхъ Богу и церкви его, и смущать; новины вносятъ въ церковь Божию подозрительныя и давно отъ нея отсѣченныя и отверженныя. Посему отъ насъ епископа еще въ то время изъ Мурахвы извѣщены вы были, чтобы ихъ и никого другаго въ томъ краѣ за поповъ не имѣли, каковое посланіе, кажется, не дошло до васъ вѣрныхъ неизвѣстно по какой причинѣ. Посему, какъ въ то время, такъ и теперъ, въ силу обязанности своей пастырской, я пишу и повелѣваю, чтобы вышепомянутыхъ Матѳея и Андрея, Ларіона Хоменка прозвищемъ и Грабину и иныхъ единомысленниковъ ихъ, какъ подозрительныхъ, въ церкви Божіей и новое ученіе науки въ нее вводящихъ вы не смѣли имѣть за поповъ у себя, ни держать ихъ при церкви вашей, ни терпѣть. А если когда они что дѣйствовали, то все это не важно, ни благословенно, и ни священо; и тотъ, кто бы отъ нихъ что или ихъ за поповъ принималъ и осмѣлился почитать, подъ такое же неблагословеніе и отлученіе со всѣмъ домою своимъ подпадетъ. Для того пишу и приказываю, дабы сей листь нашъ до свѣдѣнія всѣхъ доходилъ, чтобы его, прочитывая, переписывали и инымъ правовѣрнымъ и на сторонѣ живущимъ къ свѣдѣнію сообщали, дабы, о томъ вѣдая, съ помянутыми особами, какъ членами неисклѣнно недугующими, никакого общенія не имѣли. На

вась же, правовѣрные, да будетъ милость Божія и пречистыя Его Матери, и нашего смиренія благословеніе и молитва да будетъ за вами всегда. Аминь» ²²⁵). Волненія въ Шаргородѣ не прекращались и послѣ 1618 года. Изъ униатскихъ источниковъ извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ Шаргородѣ является униатскій протопопъ, котораго будто-бы убили казаки ²²⁶). Съ возстановленіемъ южно-русской православной іерархіи въ 1620 году, іерархическая власть преосвященнаго Іереми Тиссаровскаго ограничивалась только западной Подоліей, въ которой ко времени смерти Тиссаровскаго были епископскіе намѣстники въ Каменцѣ-Подольскомъ, Летичевѣ, Черневцахъ, Межибожѣ и Скалѣ ²²⁷). Для упорядоченія же монашества, всѣ русскіе монастыри въ предѣлахъ Польши раздѣлены были въ 1620 годахъ на три округа, съ назначеніемъ для каждаго изъ нихъ особаго «прота» монастырей. Игуменъ Угорницкаго скита въ Галиціи сдѣланъ былъ протомъ монастырей воеводства Русскаго (Галицкаго), Белзскаго и Подольскаго; игуменъ любартовскій (любарскій на Волыни)—протомъ монастырей воеводствъ Кіевскаго, Волинскаго и Брацлавскаго ²²⁸). Въ Подольскомъ воеводствѣ моглибыть монастыри Бакотинскій ²²⁹), Барскій ²³⁰), два Гусятинскихъ ²³¹), Коржовецкій ²³²), Лядавскій ²³³), Малѣевскій ²³⁴), Сатановскій, Снитовскій ²³⁵) и др.; въ Брацлавскомъ—Брацлавскій ²³⁶), Бершадскій, два Винницкихъ, Головчинскій или Межиборскій ²³⁷), Голодьковскій ²³⁸), Ладыжинскій ²³⁹), Немировскій ²⁴⁰), Паньковецкій ²⁴¹) и др. Преемникъ Іереми Тиссаровскаго, Арсеній Желиборскій, по примѣру Гедона Балабана, открылъ на свое иждивеніе типографію во Львовѣ, въ которой печатались книги богослужебныя на церковно-славянскомъ и полемическія на польскомъ языкахъ. При немъ въ 1642 г. созванъ былъ епархіальный соборъ изъ бѣлаго и чернаго духовенства, которое, судя по нѣкоторымъ представителямъ его, въ это время стояло въ Подоліи на довольно высокой степени умственнаго развитія. Въ 1648 году составлена неизвѣстнымъ авторомъ, родомъ изъ Межибожа, львовская лѣтопись, обнимающая событія съ 1698 по 1648 годъ. Старецъ Арсеній Сатановскій, вѣроятно изъ Сатанова, вызванъ былъ въ Москву, гдѣ съ Епифаніемъ Славеницкимъ трудился надъ обработкою латино-славянскаго словаря Калепина и перевелъ на славянскій языкъ съ греческаго Кодиново сочиненіе о чинахъ и съ латинскаго—Меффрета о градѣ царскомъ. Въ 1660 году шаргородскій священникъ Григорій Дмитріевичъ составилъ книгу подъ заглавіемъ «Библѣя малая, зобранная зраз-

ныхъ книгъ, избранныхъ сентенцій, вѣротцѣ, для snadвѣйшаго виразумленя и памяти незупелно цвѣчонимъ чителникомъ», (т. е. Библия малая, собранная изъ разныхъ книгъ, избранныхъ мыслей, кратко, для легчайшаго пониманія и памяти не вполне образованныхъ читателей); книга эта представляла родъ народной энциклопедіи. Но Арсеній Желиборскій уже настолько свыкся и сжился съ польскими обычаями и порядками, что содѣйствовалъ Ивану Выговскому оторвать Украину отъ Московскаго государства и удержать ее подъ польскимъ владычествомъ, а одинъ изъ преемниковъ его, Іосифъ Шумлянскій, измѣнилъ уже и православію, хотя еще долгое время и притворялся православнымъ. Въ первые годы своего архіерейства онъ, повидимому, усердно посѣщалъ и западную Подолію и рукополагалъ ставленниковъ: въ Язловцѣ и Каменцѣ въ 1668 году, въ Межибожѣ и Барѣ въ 1669 г., въ Калацковцахъ въ 1670 г., въ Каменцѣ, Могилевѣ и Стѣнѣ въ 1671 году²⁴²). Въ слѣдующемъ 1672 году въ Каменцѣ числилось 13-ть православныхъ церквей, изъ коихъ шесть, по всей вѣроятности, основаны уже послѣ 1593 года²⁴³). Со времени завоеванія въ 1672 году Каменца турками, Подолія сдѣлалась для Шумлянскаго почти недоступною. Въ 1679 году онъ, по собственному почину, отправился сюда склонять Дорошенка къ подчиненію Польшѣ, но былъ арестованъ послѣднимъ въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и отправленъ въ Чигиринъ, откуда освобожденъ былъ по просьбѣ митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Хотя въ томъ же 1679 году польскій король отдалъ Шумлянскому администрацію Кіевской митрополіи; но власть его въ обѣихъ частяхъ Подоліи долго оставалась только номинальною. Въ 1681 году для Подоліи, находившейся во власти турокъ, поставленъ былъ царьградскимъ патріархомъ Іаковомъ въ санъ митрополита каменецкаго, подольскаго и экзарха всея малыя Россіи грекъ Панкратій. Лишь подъ 1694 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Шумлянскому въ это время подчинены были въ восточной Подоліи протопопіи Немировская и Винницкая. Да и самая Подольская епархія готова была совсѣмъ ускользнуть изъ рукъ Іосифа Шумлянскаго. Еще въ 1680 году на съѣздѣ русскаго униатскаго духовенства въ Люблинѣ Маркіанъ Бѣлзоръ титуловался каменецкимъ униатскимъ епископомъ. Въ 1691 году перемышльскій православный епископъ Иннокентій Винницкій открыто принялъ унию, и такъ какъ Іосифъ Шумлянскій считался по наружности еще православнымъ, то Иннокентію Винницкому,

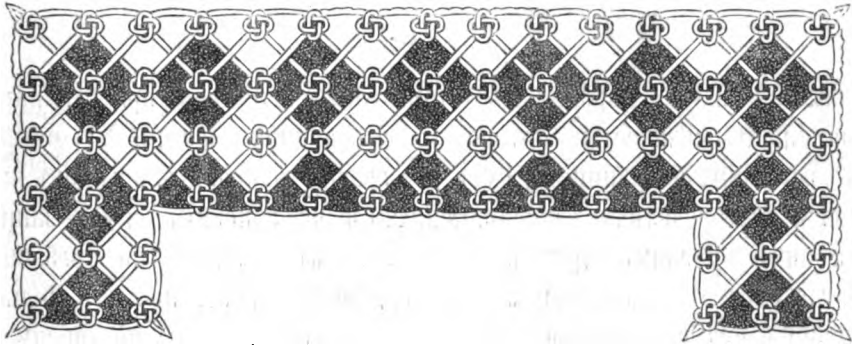

Барская икона Божіей Матери.

какъ уніатскому епископу, и отданъ былъ Каменецъ со всей Подоліей и сосѣдними странами. На этомъ же основаніи, когда Каменецъ оставленъ былъ турками въ 1699 году, тамошнія русскія церкви переданы были въ управленіе Иннокентію Винницкому и затѣмъ назначенъ былъ особымъ каменецкимъ уніатскимъ епископомъ лещинскій архимандритъ Мелетій Дорошковскій. И только по смерти Иннокентія Винницкаго, принявъ открыто унію, Шумлянскій вступилъ въ 1700 году въ управленіе Каменцомъ²⁴⁴). Съ этого времени прекращается преемство православныхъ епископовъ въ Подоліи до самаго воссоединенія ея съ Россіей въ 1793 году.

Съ прекращеніемъ или ополяченіемъ русскихъ дворянскихъ родовъ въ Подоліи, съ уничтоженіемъ здѣсь православныхъ церковныхъ братствъ и совращеніемъ въ унію православной галицко-подольской іерархіи, повидимому долженъ былъ наступить конецъ православію, а затѣмъ и русской народности въ этомъ краѣ; но то и другое поддержалъ простой русскій народъ въ Подоліи, ревниво оберегая ихъ отъ покушеній польско-католиковъ до воссоединенія ея съ Россіей.

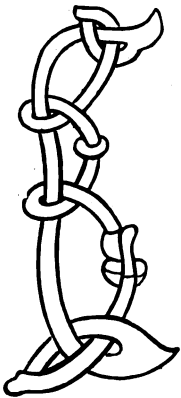

Глава Пятая.

Казацкія возстанія и дѣятельность Богдана Хмельницкаго.

Борьба простаго народа съ польскимъ вліяніемъ: образованіе казачества въ XV в.; первая столкновенія его съ польскимъ правительствомъ послѣ 1569 г.; содѣйствіе пановъ возрастанію казачества; гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный; казацкія возстанія до Богдана Хмельницкаго. — Войны Богдана Хмельницкаго съ поляками: загоны Ганжи, Кривошапки, Кривоноса и др.; дѣйствія Лянцкоронскаго въ Подоліи противъ казаковъ и организація казачества; зборовскій договоръ 1649 г.; недовольство имъ и нарушеніе его съ обѣихъ сторонъ; непріязненные столкновенія въ Подоліи; пораженіе казаковъ подъ Берестечкомъ, продолженіе возстанія въ Подоліи, бѣгоцеровскій миръ, возвращеніе пановъ въ Подолію и ихъ неустовства; бѣгство народа на лѣвую сторону Днѣпра и въ Московское государство; обращеніе Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу; пораженіе поляковъ при Батогѣ и новое посольство Хмельницкаго къ Алексѣю Михайловичу. битва подъ Жванцемъ; принятіе Украины въ подданство Россіи въ 1653 г. и объявленіе Польшѣ войны; смуты въ Украинѣ и Подоліи и опустошеніе послѣдней поляками; дрижипольская битва и походъ Богдана Хмельницкаго и Бутурлина въ Подолію и Червоную Русь; виленскій договоръ между Россіей и Польшей въ 1656 г.; сношенія Богдана Хмельницкаго со Швеціей и Трансильваніей о раздѣлѣ Польши; договоръ его съ Польшей въ 1657 году и смерть.

Ъ ТО ВРЕМЯ, какъ высшіе классы русскаго населенія въ Подоліи, подъ вліяніемъ государственной уніи съ Польшей, все больше приравнивались въ своихъ правахъ къ польской шляхтѣ, ополячивались и отдѣлялись отъ простаго народа, все болѣе и болѣе погружаемаго въ рабство, послѣдній, конечно, не могъ добровольно и охотно класть свою шею въ лядское ярмо и вступилъ въ борьбу со своими притѣснителями, которая направлена была не только противъ пришлыхъ поляковъ, но и противъ русскихъ высшихъ классовъ, усвоивавшихъ себѣ польско-

шляхетскіе идеи и порядки. Представителемъ интересовъ простаго народа выступаетъ казачество, которое, образовавшись еще въ XV вѣкѣ на юго-восточныхъ границахъ Руси по образцу татарскихъ казаковъ азовскихъ, бѣлгородскихъ (аккерманскихъ) и переконскихъ, и для защиты отъ нихъ русскихъ предѣловъ, въ скоромъ времени, по требованію обстоятельствъ, стало борцомъ за русскую народность противъ Польши, охранителемъ православной вѣры, проводникомъ свободы, независимости и единенія русскаго народа. Казаки раздѣлялись на два разряда: однихъ набирали старосты изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей; другіе собирались въ вольныя дружины и сами себѣ выбирали предводителей. Ядромъ перваго казачества сдѣлались Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями, а втораго — знаменитая впоследствии Сѣчь Запорожская. Совокупными успіями того и другаго казачества потрясена была, при Богданѣ Хмельницкомъ, власть поляковъ во всей Украинѣ, которая, для собственной безопасности, свободно присоединилась къ Московскому государству. Но духъ шляхетства, благодаря вліянію Польши, успѣлъ проникнуть и въ казацкую старшину и произвелъ распаденіе всей Малороссіи на восточную и западную и раздѣленіе ихъ между Московскимъ государствомъ и Польшей, послѣдствіемъ котораго было временное владычество турокъ въ Подоліи въ концѣ XVII вѣка. Правда, соединенныя успія Польскаго и Московскаго государствъ заставили турокъ оставить Подолію въ 1699 году; но украинское казачество, хотя и продолжало существовать, уже не имѣло болѣе прежняго своего значенія и силы.

Первые случаи столкновенія казаковъ съ польскимъ правительствомъ послѣдовали вскорѣ послѣ люблинской уніи 1569 года. Впрочемъ, первый поводъ къ этимъ столкновеніямъ былъ чисто ви́шній. Во второй половинѣ XVI вѣка въ Молдавіи, находившейся уже въ зависимости отъ Турціи, былъ господаремъ Петръ Хромой, сынъ валашскаго воеводы Мирчи, свергнувшій господаря Ивоню и отличавшійся жестокостью. Недовольные имъ молдаване пригласили къ себѣ на воеводство Ивана Подкову, не то русскаго, не то молдаванина, который сталъ называть себя роднымъ братомъ покойнаго молдавскаго господаря Ивони, сдѣлалъ нѣсколько походовъ въ Молдавію и, при помощи казацкаго гетмана Шаха, овладѣлъ молдавскимъ престоломъ. Но польскій король Стефанъ Баторій, не желая изъ-за Молдавіи разрывать съ Турціей, по просьбѣ Петра

Хромаго, велѣль брату своему, князю седмиградскому, Христофору, выступить противъ Подковы. Послѣдній долженъ былъ отступитъ къ Немирову и, понадѣявшись на ручательство въ безопасности, данное ему отъ имени королевскаго, отдался въ руки полякамъ. Но обѣщаніе было нарушено. Подкову заключили въ оковы и, по настоянію турецкаго посла, казнили во Львовѣ. Казаки, со своимъ гетманомъ Шахомъ, другомъ Подковы, начали мстить за послѣдняго не только молдаванамъ, но и полякамъ. Шахъ первый пришелъ къ мысли, посредствомъ казаковъ, освободить южную Русь отъ соединенія съ Польшею и выгонялъ изъ Подолія шляхтичей, поселившихся въ ней со времени присоединенія ея къ Польшѣ въ 1659 году²⁴⁵). Его дѣло продолжалъ шляхтичъ Косинскій изъ Полѣся, поднявшій въ 1593 году казацкое возстаніе, которое распространилось по воеводствамъ Кіевскому, Брацлавскому и Волинскому. Косинскій сталъ явно высказывать умыселъ отторженія Руси отъ Польши. Казаки брали не только панскія мѣстности, но и королевскіе замки и города, забирали тамъ артиллерію и огнестрѣльные снаряды и приневоливали жителей къ присягѣ себѣ. Косинскій былъ убитъ въ частномъ домѣ, и возстаніе подавлено. Вскорѣ причины казацкихъ возстаній осложняются еще религіозными побужденіями. При самомъ введеніи вѣроисповѣдной уніи вспыхнуло казацкое возстаніе Наливайка и Лободы. Наливайко состоялъ на службѣ у князя Острожскаго и воевалъ противъ Косинскаго и его казаковъ. Съ нимъ вмѣстѣ жили въ Острогѣ его родители, старшій братъ Даміанъ, бывшій придворнымъ священникомъ у князя К. К. Острожскаго, сестра и меньшій братъ. У отца его былъ земельный участокъ въ Гусятинѣ. Владѣлецъ этого мѣстечка, панъ Калиновскій, отнялъ этотъ участокъ и самого хозяина, за его протестъ, такъ избилъ, что тотъ умеръ отъ побоевъ. Наливайко, ожесточенный противъ панскаго произвола, сталъ непримиримымъ врагомъ всего панства и шляхетства и задумалъ продолжать дѣло Косинскаго. Онъ сошелся съ запорожцами, сблизился и подружился съ казацкимъ гетманомъ Лободою и, сдѣлавшись атаманомъ ватаги нестроевыхъ казаковъ, въ 1595 году поднялъ, вмѣстѣ съ Лободою, открытое возстаніе противъ поляковъ, мстя преимущественно зачинщикамъ религіозной уніи. Онъ дѣйствовалъ преимущественно въ Бѣлоруссіи, стараясь въ то же время дать осѣдлость и прочное устройство своему отряду. Въ письмѣ къ королю Наливайко просилъ отвести казакамъ

пустую землю для населенія между Бугомъ и Днѣстромъ на пространствѣ ниже Брацлава на 20 миль, съ тѣмъ, чтобы казаки помогали Польшѣ въ войнахъ, добывали языки и содержали караулы на своемъ иждивеніи. Изъ Бѣлоруссіи Наливайко двинулся на востокъ, къ Брацлаву, и, преслѣдуемый польскими войсками, выданъ былъ самими казаками полякамъ и замученъ въ Варшавѣ.

Всего болѣе помогли возрастанію казачества украинскіе паны Вишневецкіе, Рожинскіе, Сапѣги, Зборовскіе и другіе, выводившіе толпы своевольныхъ казаковъ въ Московское государство, въ смутное время самозванцевъ. Возвращаясь въ Украину, эти казаки составляли отряды подъ предводительствомъ своихъ полковниковъ, беспокоили своими набѣгами Молдавію и Турцію и въ самой Украинѣ нападали на панскія усадьбы и разоряли ихъ. Около 1612 года, своевольныя шайки, составленныя изъ хлоповъ и мѣщанъ, называвшихъ себя казаками, разоряли въ Брацлавщинѣ владѣльцевъ, нападали на ихъ усадьбы. Хлопы, самовольно поступившіе въ казачество, не только отрекались отъ повиновенія панамъ, но присвоивали себѣ въ собственность поземельныя участки, которые имъ давались отъ пановъ. А такъ какъ паны хотѣли заставить ихъ повиноваться, не давали имъ грунтовъ и жестоко наказывали непослушныхъ, когда они попадались имъ въ руки, то хлопы стали дѣйствовать противъ пановъ вооруженною силою. Въ 1614 году коронный гетманъ Жолкевскій сталъ разгонять въ Брацлавщинѣ шайки называвшихъ себя казаками и очистилъ отъ нихъ Брацлавщину; а польское правительство обязало остальныхъ казаковъ, признаваемыхъ имъ въ этомъ званіи, не нападать на сосѣднія государства, когда у Польши нѣтъ съ этими государствами войны, не собирать и не принимать въ свое товарищество своевольныхъ шаекъ, которыя шатаются по Руси и нападаютъ на шляхетскія имѣнія. Но въ 1616 году сами паны подали казакамъ поводъ къ своевольствамъ. Два магната, Корецкій и Вишневецкій, сдѣлали набѣгъ на Молдавію, пригласивъ съ собою казаковъ. Имъ не посчастливилось, и Корецкаго взяли въ неволю. Казаки со своимъ гетманомъ Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ нѣсколько разъ дѣлали опустошительныя вторженія въ предѣлы Турціи и вызвали месть Польшѣ со стороны султана. Въ турецкомъ диванѣ положили послать большое войско подъ начальствомъ Скиндеръ-паши, чтобы истребить казаковъ до-тла и заселить Украину мусульманами. Скиндеръ-

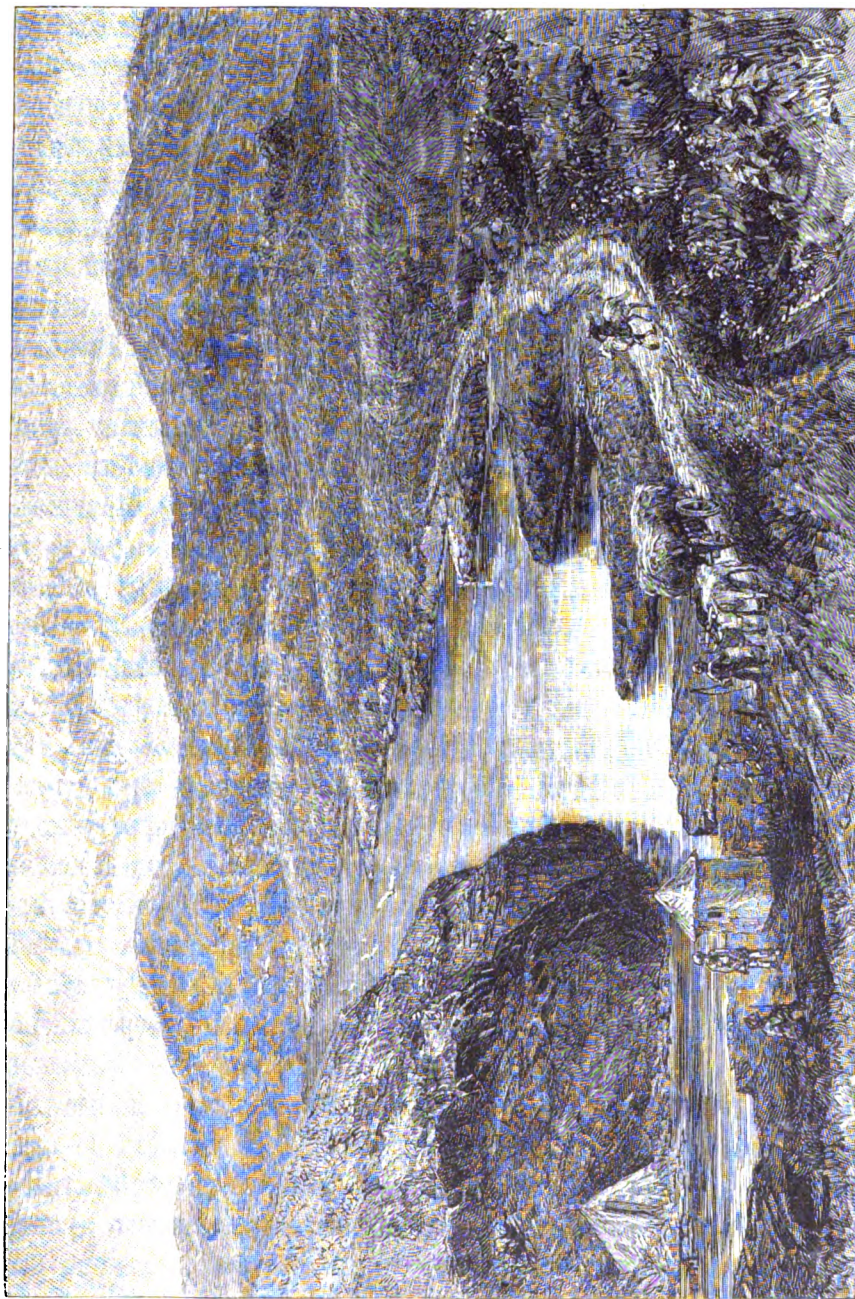
паша двинулся на Подолію. Но гетманъ Жолкевскій успѣлъ заключить съ турецкимъ предводителемъ договоръ въ Бушѣ 26 сентября 1617 года, обязавшись, между прочимъ, укротить казаковъ и истребить ихъ, если они не будутъ послушны властямъ и станутъ опять дѣлать набѣги на турецкія области. Вслѣдъ затѣмъ наступили, однако, обстоятельства, когда польское правительство стало нуждаться въ казакахъ. Польша, подстрекаемая австрійскимъ дворомъ, стала въ непріязненное отношеніе къ Турціи, вмѣшалась въ молдавскія дѣла, поддерживая возмутившагося противъ султана молдавскаго господаря Граціана, и отважилась на войну съ Турціею. Война эта была несчастна для Польши. 6 октября разбито было польское войско подъ Цецорою. Гетманъ Жолкевскій палъ въ битвѣ; много пановъ было взято въ неволю. На этомъ сраженіи казаковъ было мало, всего, какъ говорятъ, до двухъ тысячъ. Но въ сентябрѣ 1620 года гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный геройски отличился со своими казаками противъ турокъ подъ Хотиномъ, находясь тамъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ. Одни казаки поправили тогда дѣло. Сознавая, что поляки нуждаются въ казакахъ для борьбы съ турками, Сагайдачный сдѣлалъ починъ возстановленія южно-русской православной іерархіи, склонивъ іерусалимскаго патриарха Теофана рукоположить кievскаго митрополита и нѣсколькихъ архіереевъ. Съ этого времени борьба южно-русскаго народа съ польскимъ и ополяченнымъ шляхетствомъ стала принимать и религіозную окраску.

Послѣдующія казацкія возстанія Жмайла, Тараса Трясилы, Павлюка, Острианицы, Гуни и др., происходя главнымъ образомъ въ Приднѣпровьи, не имѣли непосредственнаго отношенія къ Подоліи, гдѣ обыкновенно стояли кварцянное и магнатскія войска и не давали широко разрастаться этимъ возстаніямъ. Болѣе видное и опредѣленное участіе въ казацкихъ возстаніяхъ принимаетъ Подолія только со времени войны Богдана Хмельницкаго съ поляками, тогда какъ дотолѣ она могла доставлять казачеству лишь извѣстный контингентъ казаковъ-выписчиковъ изъ числа поработенныхъ панами хлоповъ.

Послѣ пораженія поляковъ Богданомъ Хмельницкимъ при Желтыхъ Водахъ и Корсуни въ 1648 году, народное возстаніе распространилось до Днѣстра и охватило Подолію. Образовалось нѣсколько казачьихъ загонновъ, которые отправились въ разныя мѣста юго-западной Руси очищать ее отъ ляховъ и жидовъ. Въ Ладыжинѣ казаки собрали нѣсколько ты-

сячь евреевъ и истребили ихъ. Особенно свирѣпствовали на Подоліи загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Половьяна и Морозенка. Ганжа былъ назначенъ полковникомъ Уманскимъ и отправленъ Богданомъ Хмельницкимъ противъ шляхетскаго ополченія, которое собиралось на помощь польскому гетману Потоцкому передъ корсунскимъ пораженіемъ. Ганжа разсѣялъ шляхтичей и ворвался въ подольскую землю, гдѣ началъ истреблять все, что было въ неприязни съ казацкимъ и крестьянскимъ сословіями и русскою вѣрою. Хлопы присоединялись къ казакамъ толпами. Казаки напали на Немировъ, гдѣ заперлась шляхта съ евреями, и, взявъ городъ хитростью, при содѣйствіи православныхъ мѣщанъ, цѣлыми сотнями водили топить поляковъ и жидовъ, перебили малыхъ дѣтей; однихъ жидовъ будто-бы погибло до 6,000 человекъ. Между тѣмъ, испуганная подольская шляхта столпилась въ укрѣпленномъ замкѣ Нестерварѣ (Тульчинѣ), принадлежавшемъ православному князю Янушу Четвертинскому. Вслѣдъ за шляхтичами столпились тамъ и евреи со всего околотка. Ганжа, услышавъ объ этомъ, пошелъ туда и потребовалъ отъ засѣвшихъ тамъ шляхтичей выдачи всѣхъ евреевъ и окупа за свои души. Евреи были выведены или выгнаны изъ города и всѣ перебиты, въ количествѣ до трехъ тысячъ человекъ. Получивъ окупъ съ остальныхъ жителей, Ганжа обѣщаль не беспокоить шляхтичей и отступилъ отъ Нестервара, но на дорогѣ встрѣтился съ предводителемъ другаго загона, Остапомъ Павлюкомъ. Узнавъ о выкупѣ, полученномъ Ганжею, Остапъ требовалъ съ него части добычи; Ганжа отказалъ. Тогда Остапъ со своимъ загономъ бросился самъ на Нестерваръ, ворвался въ замокъ и вырѣзалъ поляковъ, при чемъ убить былъ и самъ владѣлецъ Четвертинскій, а жена его досталась, какъ лучшая добыча, самому полковнику Остапу, который обвинчался съ ней по церковному обряду.

По другому извѣстію, въ дѣлѣ подъ Нестерваромъ участвовалъ Максимъ Кривоносъ, самый жестокій изъ предводителей загоновъ. Сперва онъ выказалъ себя въ Переяславѣ, перебилъ тамъ евреевъ и поляковъ, перешелъ на правый берегъ Днѣпра, прошелъ за Бугъ, взялъ Ладыжинъ, Бершадь, Верховку, Александровку, вездѣ истребилъ католиковъ и евреевъ и 22 іюня взялъ Нестерварскій замокъ приступомъ и перерѣзалъ въ немъ всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Тогда погибъ и Четвертинскій, а вдова его сдѣлалась женой

Место битвы Богдана Хмельницького съ поляками подъ Плявою.

казака. Русскіе изливали свою месть и надъ покойниками: вытаскивали изъ гробовъ трупы и кости и разбрасывали ихъ. Былъ еще загонъ Кривошапки, который сошелся съ загономъ Ганжи, и оба они вмѣстѣ пошли по Подоліи. Къ нимъ приставало такое множество крестьянъ, что поляки считали ихъ до 80,000. Нигдѣ не было отпора; вездѣ убивали шляхту и жидовъ. Взяты были города Красный, Брацлавъ, Винница, Шаргородъ. Дворяне бѣжали толпами за Вислу, и ни одной шляхетской души не осталось на Подоліи. Но вотъ, среди паническаго страха, овладѣвшаго поляками, пошелъ на возставшій русскій народъ князь Іеремія Вишневецкій, недавно измѣнившій православію. Въ это время онъ жилъ въ любимомъ имѣніи своемъ Лубнахъ. Услышавъ о мятежѣ, онъ собралъ до 8,000 шляхтичей, жившихъ въ его владѣніяхъ, разсѣвалъ загоны и всѣхъ, попадавшихся въ руки, казнилъ жестоко. Увеличивъ въ Житомирѣ свой отрядъ новыми охотниками изъ шляхты, Вишневецкій напалъ на свое имѣніе Немировъ, отказавшій ему въ провіантѣ и повповненіи, взялъ его и приказалъ мучить, кого только подозрѣвалъ. Немировцамъ вырывали глаза, распинали, растесывали ихъ пополамъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ, и, кромѣ того, употребляли такія муки, — говоритъ лѣтописецъ, — какихъ и поганые не могли выдумать. Вишневецкій присутствовалъ при казняхъ и находилъ въ нихъ какое-то удовольствіе: «мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ», — кричалъ онъ въ изступленіи. Но лишь только Вишневецкій, забравъ провіантъ, уѣхалъ изъ Немирова, какъ немировцы снова вошли въ сношеніе съ казаками и, при помощи ихъ, истребили оставленный въ Немировѣ польскій гарнизонъ. Между тѣмъ, князь Вишневецкій, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ казаками въ нынѣшней Кіевской губерніи и на Волини, удалился въ Збаражъ. Поэтому возстанцы свободно продолжали разоренія. Казаки взяли Межибожъ, принадлежавшій Сенявскому, но пощадили его изъ уваженія къ Сенявскому, который почему-то прежде заслужилъ особое снисхожденіе къ себѣ русскихъ. Кривонось, по приказанію Хмельницкаго, пошелъ на Баръ. Жители этого мѣстечка просили казаковъ избавить ихъ отъ ненавистнаго гарнизона, помѣщеннаго здѣсь Вишневецкимъ. Этотъ гарнизонъ состоялъ подъ начальствомъ шляхтича Броневскаго, который, подозрѣвая православныхъ барскихъ монаховъ въ подстрекательствѣ мѣстнаго населенія къ

бунту, отдалъ ихъ въ руки жидовъ, подвергнувшихъ ихъ публичному наказанію кіями, и вообще своимъ обращеніемъ довелъ жителей Бара до того, что они, даже не дождавшись казаковъ, взбунтовались и принудили его уйти. На мѣсто Броневскаго явился Андрей Потоцкій, сынъ гетмана, и расположилъ своихъ 200 драгуновъ частію въ замкѣ, частію въ городѣ около замка. Кривоносъ явился къ Бару въ первыхъ числахъ августа. Православные мѣщане тотчасъ отворили казакамъ ворота: драгуны поспѣшили укрыться въ замокъ. Казаки перерѣзали, перетопили, перемучили неслыханнымъ образомъ шляхтичей, католиковъ, духовныхъ, особенно іезуитовъ и евреевъ; послѣднихъ погибло здѣсь до 15,000. Послѣ того они осадили замокъ и взяли его, не смотря на отчаянное сопротивленіе нѣмцевъ и драгунъ. Потоцкій и важнѣйшіе паны, взятые въ плѣнъ, отосланы были къ Хмельницкому, за что Кривоносъ получилъ отъ него въ подарокъ саблю и вошелъ въ большую милость. Изъ Бара онъ отправился къ Каменцу, но не взялъ его. Возстаніе распространилось до самыхъ крайнихъ предѣловъ нынѣшней Подоліи и даже проникло въ Галицію. Жители Гусятина, по внушенію казаковъ, припрятали всѣ припасы для того, чтобы подступающее польское войско не могло ничего достать ни для себя, ни для лошадей. Въ Галиціи образовался отрядъ карпатскихъ опришковъ, которые, не имѣя никакихъ сношеній съ казаками, но услышавши объ украинскомъ возстаніи, собрались и пошли бить ляховъ. Этотъ отрядъ, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ, Гюри и Волка, напалъ на Каменецъ, но не только не взялъ крѣпости, а еще потерпѣлъ отъ вылазки, которую сдѣлалъ комендантъ. За то съ досады возстанцы по-гайдамацки опустошили окрестности.

Изъ Подоліи казаки, съ Кривоносомъ во главѣ, отозваны были Хмельницкимъ во время движенія его на Пилявцы, Константиновъ и Львовъ²⁴⁸). Во время этого движенія умеръ польскій король Владиславъ IV. По восшествіи Яна Казимира на польскій престолъ и послѣ неудачныхъ переговоровъ Киселя съ Хмельницкимъ о мирѣ, обѣ стороны начали готовиться къ продолженію войны. Польскія войска собрались подъ Староконстантиновомъ, откуда отряды ходили во всѣ стороны для укрощенія загоновъ. Въ это время Лянцкоронскій взялъ у казаковъ хитростью Баръ, послѣ чего поляки напали на Шаргородъ и разорили Гусятинъ, гдѣ произвели безчеловѣчное кровопролитіе. Лянцкоронскій

услышалъ, что сильный казацкій отрядъ напалъ на Межибожь, гдѣ сидѣлъ, запершись, комендантъ Корфъ съ нѣмцами. Явившись къ нему на помощь, Лянцкоронскій ударилъ на казаковъ съ поля, а изъ города нѣмцы сдѣлали вылазку. Казаки отступили. Лянцкоронскій началъ ихъ преслѣдовать, какъ вдругъ, услышавъ, что Хмельницкій идетъ съ ордою, воротился къ обозу. Съ своей стороны, Хмельницкій, приготовляясь къ продолженію войны, раздѣлил все возставшее южно-русское народонаселеніе на полки, въ числѣ коихъ были полки брацлавскій и могилевскій. Только Каменецъ, твердая и неприступная крѣпость, держался во власти поляковъ; другія сосѣднія мѣстечки переходили то въ тѣ, то въ другія руки. На югъ казачество занимало стени до Бессарабіи или до бѣлгородскихъ татарскихъ кочевьевъ. Полковниками были въ брацлавскомъ полку Нечай, въ могилевскомъ—Евстаѳій Гоголь. Въ другихъ источникахъ упоминается еще полкъ винницкій.

Послѣ збаражской осады и зборовскаго пораженія поляковъ Хмельницкимъ, казаки потребовали отъ Польши независимости своей земли въ опредѣленныхъ границахъ, съ признаніемъ единственной власти короля и съ освобожденіемъ отъ войскъ Речи Посполитой, уничтоженія уніи, свободы греческой церкви, равенства правъ ея съ правами римской церкви и умноженія числа своего войска до 40,000. Заключенъ былъ въ 1649 году извѣстный зборовскій договоръ, который, не давая ничего новаго, только возвращалъ старинныя права казацкому сословию. Этимъ договоромъ дозволялось вписывать въ казаки какъ изъ шляхетскихъ помѣстій, такъ и изъ королевскихъ имѣній по правую сторону Днѣпра, начиная съ города Дымера, въ Винницѣ, Брацлавѣ, а отъ Брацлава до Ямполя по Днѣстру также до Днѣстра. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить казаки, вписанные въ реестръ, коронныя войска не могутъ занимать квартиръ, а жида не могутъ быть ни владѣтелями, ни арендаторами, ни просто жителями. Относительно уничтоженія уніи какъ въ коронѣ, такъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, также относительно цѣлости церквей и вотчинъ, къ нимъ приписанныхъ изстари, будетъ сдѣлано постановленіе на сеймѣ въ присутствіи и по желанію православнаго митрополита кіевского и всего духовенства. Всѣ должности и чины въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ король обѣщаетъ раздавать впредь только тамошнимъ дворянамъ, исповѣдующимъ греческую вѣру, по силѣ прежнихъ правъ²⁴⁷).

Зборовскій договоръ утвержденъ былъ сеймомъ, созваннымъ въ ноябрь того же 1649 года, но не вполнѣ: русскій митрополитъ не былъ допущенъ въ сенатъ и уніа не уничтожена. На основаніи этого договора, Богданъ Хмельницкій приступилъ къ устройству военнаго класса. Въ 1650 году вся Украина была раздѣлена на 16 полковъ, изъ коихъ три, въ цѣломъ видѣ или въ частяхъ своихъ, входили въ составъ нынѣшней Подоліи, именно полки брацлавскій, уманскій и кальницкій. Брацлавскій, подъ начальствомъ Данила Нечая, занималъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ на юго-западъ до границъ Молдавіи и на югъ до незаселенныхъ степей, гдѣ кочевали орды, по рѣкамъ Лядавъ и Рову, въ нынѣшнихъ уѣздахъ Могилевскомъ и Ямпольскомъ и въ значительной части уѣздовъ Винницкаго и Брацлавскаго. Въ составъ этого полка, кромѣ Брацлава, входили Могилевъ, Ямполь, Мурахва, Браиловъ, Тульчинь. Уманскій полкъ, подъ начальствомъ Юсефа Глуха, находился на правой сторонѣ Буга, надъ которымъ была послѣдняя его сотня ладжинская, на границѣ брацлавскаго полка, и расположенъ былъ по рѣкамъ Кибличу, Бунчу, Горному Тикичу, Синюхѣ, отдѣлявшей его съ юга отъ степей, въ нынѣшнемъ уѣздѣ Уманскомъ и въ восточной части Гайсинскаго. Кальницкій полкъ, подъ начальствомъ Ивана Федоренка, заключалъ лѣвый берегъ Буга отъ Винницы до Райгородка, съ частями нынѣшнихъ уѣздовъ Брацлавскаго и Винницкаго и городами Винницей, Немировымъ и др. ²⁴⁸). Остальное населеніе, сверхъ реестровыхъ казаковъ, должно было возвратиться въ подданство пановъ и глухо волновалось, пока жестокости возвращавшихся въ свои владѣнія пановъ не довели его до явнаго мятежа. Особенно забужане и поднѣстриане, самый бойкій и отважный народъ въ южной Руси, отличались расположенностію къ буйству и неповиновенію. Они составляли шайки, называемыя въ томъ краѣ ватагами левенцовъ, стали сплочиваться и преслѣдовать одну цѣль—освобожденіе отъ власти панства и возмездіе шляхетству за прежнія утѣненія. Начальникомъ мятежныхъ сталъ храбрый брацлавскій полковникъ Нечай, который прямо укорялъ Богдана Хмельницкаго за потакательство и уступки полякамъ, угрожалъ ему избраніемъ другаго гетмана и даже попросилъ очаковского бея прислать въ Подолію татарскую орду для разоренія шляхетскихъ имѣній. Богданъ Хмельницкій убоялся, — говорятъ лѣтописцы, — чтобы его не свергли съ гетманства, дозволилъ Нечая набирать охочее войско,

которое и отправилъ, подъ начальствомъ того же Нечая, на границу Польши. Во всѣхъ трехъ воеводствахъ начались всѣ ужасы безначалія и безпорядка, и не доставало ничьихъ силъ прекратить такое состояніе. Въ особенности же Подолія представляла жалкое зрѣлище. Гетманъ Потоцкій, освободившись изъ крымской неволи, собралъ вновь войско и расположилъ его около Каменца. Жолнерскія партіи изъ этого войска врывались за черту, подъ видомъ усмиренія хлоповъ; хлопы нападали на военные квартиры. Эта партизанская война сопровождалась самыми отвратительными варварствами съ обѣихъ сторонъ. Хмельницкій ясно видѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ поляками, на основаніи зборовскаго договора, заключеннаго съ ними на-скоро. Въ свою очередь и поляки не были довольны зборовскимъ договоромъ, который притомъ же не выполнялся строго казаками, и на сеймѣ 24 декабря 1650 года постановили возобновить войну съ казаками. Первые непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ открылись въ февралѣ 1651 года въ Подоліи. Часть польскаго войска, назначеннаго для войны съ казаками, подъ начальствомъ Калиновскаго, двинулась въ Баръ, подъ предлогомъ укрощенія загоновъ. Желая предупредить вторженіе, брацлавскій полковникъ Нечай тоже двинулся со своимъ полкомъ на Баръ и посылалъ воззванія къ жителямъ тѣхъ мѣстъ, которыя не вошли въ границы украинскія по зборовскому договору. Онъ остановился въ м. Красномъ, тогда какъ поляки стояли въ Станиславовѣ. Послѣдніе, воспользовавшись масляничнымъ разгуломъ казаковъ и ихъ безпечностію, нечаянно вторгнулись въ Красное и истребили казацкій отрядъ, причемъ убитъ былъ и самъ Нечай. Желая усыпить Хмельницкаго, чтобы тѣмъ временемъ приготовить ему болѣе вѣрный ударъ, Калиновскій писалъ къ нему, что разбитіе Нечая не должно считаться началомъ войны, что Нечай—своевольный бунтовщикъ, началъ войну безъ позволенія своего гетмана; но въ то же время онъ писалъ въ Польшу, что намѣренъ очистить отъ мятежниковъ подольскую землю, а потомъ пойти въ средину Украины. И дѣйствительно, усиливъ свое войско новыми отрядами, прибывшими изъ главнаго лагеря подъ Каменцомъ, Калиновскій началъ опустошать страну между Бугомъ и Днѣстромъ, взявъ Мурахву, Ворошиловку, Шаргородъ, Черніевцы, Ямиоль, Стѣну, и двинулся подъ Винницу, которая недавно изъ сотни калыницкаго полка сдѣлана была полковымъ городомъ. Винницкимъ полковникомъ былъ Иванъ Богунъ,

который обратился къ Хмельницкому съ просьбою о помощи, а самъ, оставивъ въ Винницкомъ замкѣ гарнизонъ, вышелъ на встрѣчу врагамъ, но, послѣ первой стычки, обратился якобы въ бѣгство, перешель рѣку Бугъ и заперся въ монастырѣ, который находился вблизи Винницы и омывался со всѣхъ сторонъ водою. Поляки бросались за нимъ въ погоню, и многіе изъ нихъ перетонули въ устроенныхъ Богуномъ заранѣе

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій,

митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Малыя Россіи.

на Бугѣ и прикрытыхъ соломоею прорубяхъ. Богуноу продержался въ Винницѣ до полученія подкрѣпленія отъ Хмельницкаго, послѣ чего поляки бѣжали изъ подъ Винницы въ Баръ. Изъ Бара жолнеры въ началѣ апрѣля поспѣшили въ Каменецъ, и тамъ Калиновскій расположилъ ихъ по окрестностямъ. Съ тѣхъ поръ войско стояло подъ Каменцомъ и уже не осмѣливалось выступать изъ лагеря.

Все это были только отдѣльныя стычки. Главныя силы враговъ только еще приготовлялись къ войнѣ. 16 февраля Хмельницкій выступилъ

пзъ Чигирина и направился къ Бару, увеличивая свои силы казаками, которые по универсалу должны были пристать къ нему. Главными польскими силами командовалъ самъ король, который въ апрѣлѣ прибылъ въ Люблинъ и въ началѣ мая выступилъ отсюда къ Сокалу, гдѣ должно было соединиться съ нимъ кварцянское войско, стоявшее подъ Каменцомъ. Узнавъ объ этомъ, Богданъ Хмельницкій составилъ планъ пресѣчь кварцянскому войску соединеніе съ королемъ. Онъ послалъ сильный казацкій отрядъ, тысячъ въ сорокъ, подъ начальствомъ есаула Демка и полковниковъ Джеджалия и Савича на Каменецъ ударить на жолнеровъ сзади, когда они двинутся, а самъ съ 18,000 долженъ былъ идти на Тарнополь и отрѣзать имъ дорогу. Но молдавскій господарь узналъ объ этомъ планѣ Хмельницкаго и сообщилъ о немъ гетману Потоцкому во-время. Посланное казацкое войско, прибывъ подъ Каменецъ, не застало тамъ непріятеля. Демко и Савичъ отправились въ погоню, а Джеджалий принялся штурмовать Каменецъ, но, послѣ напрасныхъ усилій, покинулъ его. Казаки взяли только недалеко лежавшую крѣпость Паневцы. Между тѣмъ и отрядъ Демка и Савича, хотя и догналъ поляковъ на переправѣ черезъ р. Сереть, при селеніи Купчвицы, но попалъ въ засаду и разбитъ поляками. Самъ Хмельницкій доходилъ до Тарнополя, но услышалъ, что планы его разрушены и что войско уже соединилось съ королемъ. Досадуя на Джеджалия за то, что провелъ по пустому время подъ Каменцомъ, гетманъ возвратился назадъ, сталъ подъ Збаражемъ и тамъ рѣшился дожидаться своего союзника, хана крымскаго. Наконецъ, непріятельскія войска сошлись подъ м. Берестечкомъ, на юго-западѣ Волыни, и произошла извѣстная берестечская битва, неблагоприятно окончившаяся для казаковъ. Изъ-подъ Берестечка часть короннаго войска пошла къ Кіеву на соединеніе съ литовскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Радивиля, которому удалось разбить нѣсколько казацкихъ отрядовъ и овладѣть Кіевомъ.

При такихъ обстоятельствахъ, польскіе паны думали, что, послѣ побѣды надъ казаками, можно наконецъ безопасно возвратиться въ свои украинскія имѣнія, и прибыли въ Подолію съ командами; но подиѣстрианскіе жители привѣтствовали гостей рогатинами и косами. Коронный гетманъ Потоцкій думалъ, что это дѣлается изъ отчаянія, отъ безнадѣжности получить прощеніе за прежнія своеволія, а потому отправилъ къ нимъ милостивые универсалы и обѣщаль всеобщее забвеніе прош-

лаго, если они перестанут мятежничать. Подоляне собрались на черную раду въ Дерепчинѣ, перебили посланцевъ Потоцкаго и выбрали себѣ предводителей. Избранные предводители Александренко и Чугай собрали разсѣянно дѣйствовавшія на берегахъ Днѣстра ватаги левенцовъ или опришковъ въ одно скопище, истребили шляхтичей въ окрестностяхъ Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію, истребили владѣльческій хлѣбъ въ скирдахъ, на гумнѣ и на корнѣ въ полѣ. Чугай былъ случайно убитъ однимъ изъ своихъ, выпалившимъ въ знакъ прिवѣтствія. Александренко, оставшись единственнымъ предводителемъ, умножилъ свою ватагу до 10,000 и расположился станомъ у Браилова, откуда онъ разослалъ подъѣзды въ разныя стороны. Такимъ образомъ заняты были волости Багриновцы, Воньковцы, Дубовая и др.; вездѣ возстанцы овладѣли владѣльческими житницами, вездѣ истребляли шляхтичей. Въ то же время бужане стекались въ Прилуки подъ начальствомъ винницкаго полковника Богуна, который съ каждаго жителя бралъ по талеру для приглашенія татаръ на помощь. Дѣятельность и воззванія винницкаго полковника въ особенности пробуждали и поддерживали въ жителяхъ упорство въ виду приближенія поляковъ. «Плодовитая матка, казачья Украина, — говоритъ русскій лѣтописецъ, — возродила казачество, какъ будто не было берестечкаго пораженія». Поэтому казаки не были еще поражены и уничтожены окончательно, не смотря на успѣхъ польскаго оружія, и, какъ правоспособная воюющая сторона, заключили съ поляками извѣстный бѣлоцерковскій договоръ, имѣвшій для нихъ значеніе лишь кратковременнаго перемирія. Въ силу этого договора, войско запорожское должно было состоять только изъ 20,000 человекъ. Оно должно находиться въ однихъ только королевскихъ имѣніяхъ, лежащихъ въ воеводствѣ Кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ Брацлавскаго и Черниговскаго; а имѣнія шляхетскія должны оставаться свободными, и въ нихъ реестровые казаки нигдѣ не должны проживать. Невключенные въ реестръ должны оставаться попрежнему крестьянами, приписанными къ королевскимъ зѣмкамъ. Обыватели воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго, сами лично и черезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими имѣніями и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы, мельницы и юрисдикція. То же самое должно быть и въ имѣніяхъ королевскихъ. Религія греческая, которую не повѣдуетъ Запорожское войско, также соборы, церкви, мо-

вѣтеры и коллегіумъ Кіевскій, должны оставаться на прежнихъ правахъ согласно съ стародавними привиллегіями. Если кто во время бывшихъ смутъ выпросилъ въ собственность какое нибудь имѣніе церковное или принадлежащее духовенству, то такое право собственности какой дѣйствительности имѣть не можетъ. Жиды, какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ королевскихъ и въ имѣніяхъ шляхты, такъ и теперь должны быть и проч. ²⁴⁹).

Бѣлоцерковскій договоръ дѣлалъ безплодными всѣ четырехлѣтнія усилія южно-руссковъ къ освобожденію отъ панскаго ига, приводя Украину къ тому положенію, въ какомъ она находилась до 1648 года, и послужилъ только новымъ источникомъ раздоровъ, которые и не замедлили обнаружиться. Отъ Бѣлой Церкви польское войско удалилось къ Винницѣ, и, по смерти Потоцкаго, Калиновскій принялъ надъ нимъ главное начальство. «Подъ покровительствомъ его, паны стали стекаться въ свои имѣнія и увидѣли, — говоритъ лѣтописецъ, — что надобно снова готовиться къ войнѣ.» Поднѣстриане и Бужане слышать не хотѣли ни о какихъ договорахъ, не давали стацій, не думали повиноваться старостамъ и владѣльцамъ и называли себя попржнему казаками. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четвертовалъ, жегъ медленнымъ огнемъ, не спускалъ и церквамъ Божіимъ, по замѣчанію современниковъ, приказывалъ снимать церковные колокола и переливать на пушки, изгонялъ православныхъ священниковъ. Жолнеры, получивъ потачку, начали обращаться съ хозяевами въ тѣхъ селахъ, гдѣ стояли, какъ съ собственными рабами, и распоряжались достоинствомъ жителей. Владѣльцы, воротившись въ имѣнія, заставляли свои усадьбы въ разореніи. Голодъ и недостатокъ въ странѣ, гдѣ не пахали долго земли, лишалъ ихъ возможности извлекать какіе нибудь доходы; они принялись мучить своихъ подданныхъ, чтобы выпытать, гдѣ спрятаны сокровища, награбленныя въ господскихъ домахъ. Народъ ропталъ на самого Хмельницкаго и, не находя другаго выхода изъ своего тяжелаго положенія, толпами покидалъ свою родину. Подольскіе и брацлавскіе поселяне устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ называемую Вишневецину, — земли, занимаемая прилуцкимъ и лубенскимъ полками, и поселились въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ, гдѣ по берегамъ Ворсклы вдругъ возникали большія слободы. Но такъ какъ и на этотъ отдаленный край поляки имѣли при-

тязаніе, то южно-руссѣ совершенно покидали свое отечество и уходили въ Московское государство, поселяясь около Путивля, Рыльска, Бѣлгорода и въ нынѣшней Воронежской губерніи. Поднѣстрыне и бужане складывали на воловьѣ вozy или сани свое имущество, сожигали свои хаты и гумна, чтобъ недоставались остатки ихъ пожитковъ врагамъ, и отправлялись цѣлыми селами искать другой Украйны. Напрасно жолнеры заступали имъ дороги и казнили, на страхъ прочимъ, тѣхъ, кто попадался имъ въ руки: украинцы выѣзжали съ пушками и ружьями, пробивались изъ стараго отечества, покупая кровью новое. Оставшіеся поднѣстрыне и бужане скрывались по лѣсамъ и оврагамъ, такъ-что полякъ не могъ ни пройти, ни проѣхать безъ оруженной команды. Въ разныхъ мѣстахъ Украйны появились народные предводители, которые или сами домогались гетманскаго достоинства, или хотѣли ввѣрить его кому-либо другому вмѣсто Хмельницкаго.

Хмельницкій опасался, чтобы всѣ украинцы не перебравшись на новоселье, оставя его съ малымъ числомъ на жертву поляковъ. Боясь потерять совершенно и любовь народную, и благосклонность московскаго государя, Хмельницкій послалъ весною 1652 года въ Москву посольство съ предложеніемъ, въ которомъ была оригинальная мысль переселить всѣхъ казаковъ на царскую землю, и въ то же время началъ готовиться къ новой войнѣ съ поляками, позволяя казакамъ записываться въ реестръ сверхъ опредѣленнаго числа. Притомъ же, бѣлоцерковскій договоръ остался не утвержденнымъ на сеймѣ, такъ какъ этотъ сеймъ былъ сорванъ однимъ своевольнымъ шляхтичемъ, и Хмельницкій имѣлъ право считать этотъ договоръ недѣйствительнымъ. Онъ пригласилъ на помощь татаръ и приказалъ казакамъ готовиться въ походъ налегкѣ, безъ вoзoвъ и пожитковъ. Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ было уклоненіе союзника Польши, молдавскаго господаря Василя Лупула, отъ исполненія обѣщанія своего выдать свою дочь Локсандру за гетманскаго сына Тимоея Хмельницкаго. Богданъ Хмельницкій угрожалъ Лупулу войною и дѣйствительно отправилъ противъ него, съ сильнымъ отрядомъ, самого жениха государевны. По просьбѣ Лупула, польный гетманъ Калиновскій сталъ лагеремъ на берегу Буга, близъ горы Батога или Батова, неподалеку отъ Ладыжина, чтобы преградить путь Тимоею, но былъ разбитъ на-голову, при чемъ и самъ погибъ вмѣстѣ съ

Турецкій минаретъ въ Камеицеъ-Подольскѣ.
Турецкій минаретъ въ Камеицеъ-Подольскѣ.

сыномъ. Такимъ образомъ, война была начата, и Хмельницкій хотѣлъ воспользоваться временемъ, пока не собралось польское войско, чтобъ отнять снова Подолію, а потому тотчасъ изъ-подъ Ладыжина вступилъ съ войсками въ Подольскую землю и занялъ Винницу. Но, желая показать видъ, будто не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать Польшѣ вредъ, онъ послалъ къ королю письмо, сваливая всю вину столкновенія на Калиновскаго. Въ этотъ походъ Тимошъ и потомъ самъ Богданъ Хмельницкій дважды осаждали Камеицеъ, но безуспѣшно. Между тѣмъ поляки стали собираться съ силами и сосредоточивать войска въ Украинѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Богданъ Хмельницкій отправилъ пословъ въ Турцію и Москву, съ просьбою къ царю Алексѣю Михайловичу принять Украинну подъ свою крѣпкую руку, повторивъ эту просьбу и въ слѣдующемъ 1653 году. Въ то же

Лупула, задумалъ объединить Молдавію, Валахію и Трансильванію подъ верховною властью султана, но встрѣтилъ сильное сопротивление со стороны валашскаго господаря Матѳея Бассарабы, седмиградскаго князя Ракочи и поляковъ, которые отправили противъ Тимоѳея въ Молдавію сильный отрядъ войска. Война стала обнимать болѣе широкій кругъ, не ограничиваясь предѣлами одной Украины. Богдану Хмельницкому предстояло готовиться къ отпору поляковъ въ самой Украинѣ и помогать сыну въ Молдавіи. Узнавъ, что самъ король собирается съ войскомъ въ Украину и уже прибылъ въ Глиняны, Богданъ Хмельницкій рѣшился предупредить короля и съ 30,000 казаковъ и нѣсколькими тысячами татаръ бросился на Подолію. Казаки взяли Гродецкій замокъ и, дошедши до Тарнополя, воротились въ Украину и стали при Черномъ Островѣ. Съ своей стороны, и поляки двинулись на Подолію и стали обозомъ сначала подъ Гусятинномъ, а потомъ перешли къ Каменцу, чтобы преградить украинскому гетману дорогу, если онъ пойдетъ на помощь къ сыну. Но во время этихъ приготовленій къ войнѣ, Тимоѳей осажденъ былъ врагами въ столицѣ Молдавіи, Сочавѣ, раненъ и вскорѣ умеръ отъ раны. Богданъ Хмельницкій, получивъ извѣстіе о ранѣ сына среди своихъ приготовленій къ защитѣ Украины противъ нашествія короля, немедленно двинулся въ Молдавію на помощь сыну, но на дорогѣ неожиданно встрѣтилъ казаковъ, возвращавшихся изъ Сочавы съ гробомъ сына его. Богданъ приказалъ везти тѣло сына въ Чигиринъ, а самъ съ 20,000 казаковъ пошелъ далѣе. Между тѣмъ, поляки, услышавъ о смерти Тимоѳея, очень обрадовались и разсудили, что теперь нечего ждать Богдана и слѣдуетъ идти въ Украину. Польское войско въ первыхъ числахъ октября двинулось къ Бару и тутъ только узнало о движеніи на него Богдана Хмельницкаго, а потому воротилось подъ Каменецъ и остановилось лагеремъ подъ Жванцемъ, на берегу Днѣстра, противъ лежащаго за Днѣстромъ Хотина, гдѣ стояли союзники поляковъ, венгры и волохи. Здѣсь оно окружено было казаками и татарами и, ослабленное внутренними беспорядками и побѣгами, должно было кунить себѣ постыдный миръ у татаръ, убѣдивъ послѣднихъ измѣнить казакамъ. Слѣдствіемъ договора поляковъ съ татарами было то, что ханъ на возвратномъ пути изъ-подъ Жванца позволилъ крымцамъ поступать съ украинцами, какъ угодно. Тогда крымскія и ногайскія орды разсѣялись по Брацлавскому

и Подольскому воеводствамъ и сожгли до основанія нѣсколько селеній и мѣстечекъ, а изъ другихъ увели въ плѣнъ всѣхъ жителей.

Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Украинѣ оставалась одна надежда на помощь единовѣрнаго Московскаго государства, которое дѣйствительно и приняло ее подъ свое покровительство. Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ Богдана Хмельницкаго, на земской думѣ въ Москвѣ 1 октября 1653 года постановлено было принять Малороссію подъ высокую государеву руку и объявить Польшѣ войну. По переяславскому договору 8 января 1654 года, Украина соединилась съ Московскимъ государствомъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, въ предѣлахъ, означенныхъ зборовскимъ договоромъ. Въ составъ ея, на правомъ берегу Днѣпра, должны были входить нынѣшняя губернія Кіевская и части губерній Подольской и Волынской. Царь долженъ былъ защищать Украину и совершенно освободить ее отъ притязаній Польши. Во исполненіе этого договора, царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ Польшѣ войну. Главная московская рать вступила въ Литву и вскорѣ завоевала ее почти всю. Другое московское войско, подъ начальствомъ Бутурлина, находилось въ Украинѣ въ соединеніи со всѣмъ казацкимъ войскомъ, надъ которымъ командовалъ Хмельницкій. Но здѣсь дѣла обстояли не такъ благополучно, какъ въ Литвѣ. Въ самомъ казацкомъ сословіи нашлись люди, не желавшіе быть подданными Московскаго государя, и между ними были Сирко, впоследствии кошевой атаманъ, и Богунъ. Сирко не хотѣлъ повиноваться и ушелъ съ толпою недовольныхъ за пороги. Богунъ отрекался отъ присяги царю со всѣмъ Побужьемъ. Узнавъ объ этомъ, коронный гетманъ Потоцкій послалъ къ Богуну въ Кальнигъ какого-то Павла Олекшича съ предложеніемъ гетманства надъ казаками, дворянскаго достоинства и любаго староства въ Украинѣ. Богунъ, маня короннаго гетмана обѣщаніями, отослалъ къ Хмельницкому предложеніе поляковъ и просилъ прислать поскорѣе войско, чтобъ окружить короннаго гетмана, котораго онъ обманываетъ. Но Богунъ вскорѣ самъ увидѣлъ свое безсиліе справиться съ поляками безъ содѣйствія Московскаго государства. Въ послѣднихъ числахъ марта изъ польскаго стана, расположеннаго подъ Межибожемъ, вышло войско для истребительной прогулки по Русн. Брацлавскій воевода съ 12-ю хоругвями волонтеровъ, волоховъ, вырѣзалъ Немировъ. Истребивъ Немировъ, этотъ отрядъ примкнулъ къ польному гетману и вмѣстѣ съ нимъ разорялъ мѣстечки,

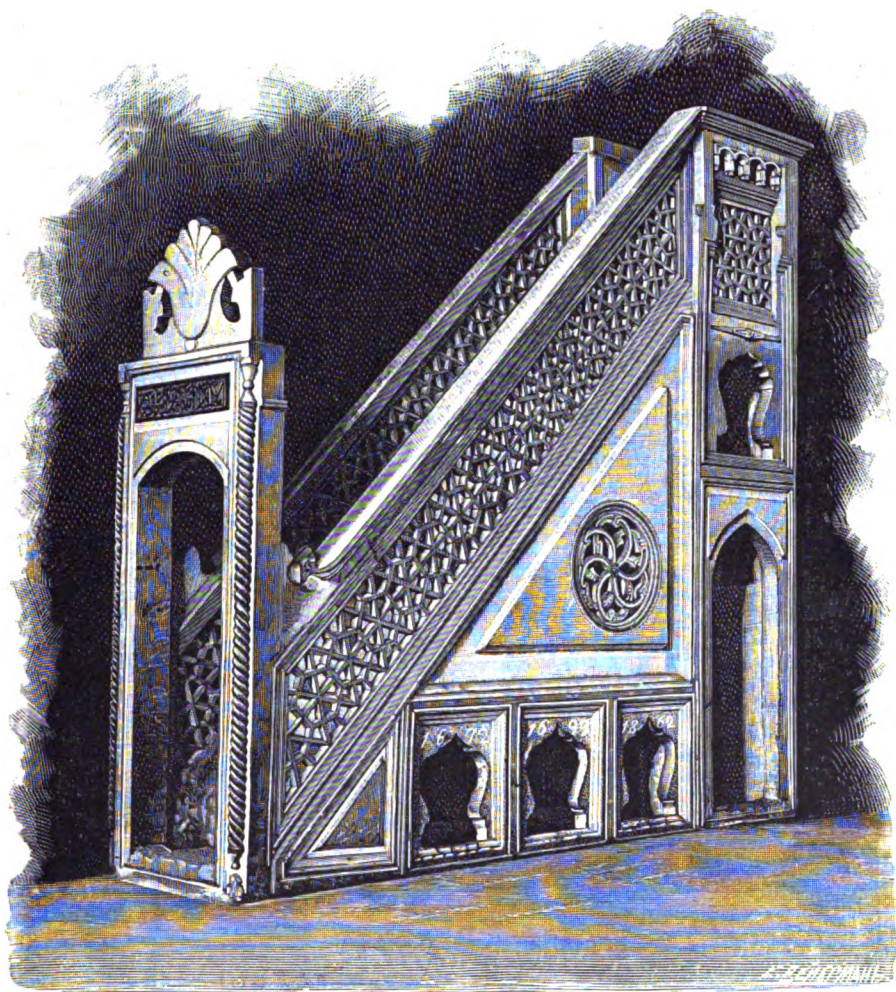
слободы и деревни, истребляя въ нихъ все хлопство. Въ четвергъ передъ Пасхою жолнеры взяли Ягубецъ, а на первый день Пасхи напали на м. Мушировку, истребляя вездѣ русское населеніе. Покушеніе на Брацлавъ полякамъ не удалось: полковники Носачъ и Золотаренко, засѣвшіе въ этомъ городѣ, отбили ихъ. Польный гетманъ подступилъ къ Умани, гдѣ находились Богунъ и Глухъ, и послѣ безуспѣшной осады ушелъ назадъ. Въ то же время поляки успѣли заключить съ крымскими татарами договоръ, которымъ крымскій ханъ обязывался со всею своею ордою помогать Польшѣ противъ всякаго непріятеля; и такъ какъ московскій царь, соединившись съ казаками, вступилъ войною въ польскіе предѣлы, въ Бѣлоруссію и Украину, то ханъ обязывался воевать противъ казаковъ, москвитянъ и мятежнаго русскаго хлопства. Въ ожиданіи татарской помощи, польское войско стало подвигаться въ Украину и прежде всего обратилось на м. Бушу, недалеко отъ Днѣстра, которое, послѣ сожженія Могилева, служило убѣжищемъ подольскимъ левенцамъ или такъ называемому поднѣстрианскому полку. Буша была взята послѣ отчаяннаго сопротивленія и истреблена. Изъ-подъ Буши поляки вступили въ ту часть Побужья, которая называлась Брацлавщиной, повоевали въ окрестностяхъ Брацлава города и мѣстечки, взяли Тимоновку и подступили къ Брацлаву, изъ котораго, въ виду поляковъ, вышелъ сильный отрядъ казаковъ и направился къ Умани. Изъ Винницы и Ильинецъ прислали къ полякамъ съ повинною; но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только собраны были вооруженные отряды, покоряться не хотѣли. Взяты были Балановка, Берладъ и м. Демовка, оказавшая отчаянное сопротивленіе. Послѣ этого подосиѣлъ къ полякамъ татарскій вспомогательный отрядъ, съ которымъ они и направилсь къ Умани и осадили этотъ городъ, но здѣсь узнали о приближеніи соединенныхъ московскихъ и казацкихъ войскъ и, оставивъ Умань, пошли имъ навстрѣчу.

Что же касается московско-казацкаго войска въ Украинѣ, то оно всю весну и большую часть лѣта 1654 года не предпринимало наступательныхъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ Богданъ Хмельницкій, по его словамъ, опасался вторженія въ Украину поляковъ и татаръ. Только въ августѣ 1654 года Хмельницкій выступилъ въ походъ и до половины сентября простоялъ подъ опустѣлымъ городомъ Бердичевомъ, а часть великороссійскихъ войскъ сдѣлала походъ на Воынь. Теперь, узнавъ, что поляки съ татарами подступили къ Умани, Хмельницкій отправился

противъ нихъ съ бояриномъ Василюмъ Борисовичемъ Шереметевымъ, но взялъ только 25,000 войска. Произошла извѣстная дрижипольская битва, не имѣвшая положительныхъ послѣдствій. Послѣ этой битвы поляки оставили Хмельницкаго въ покоѣ и продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія: разорили Кристианополь, Устье, Берлады, Каменицу, Киріевку, Лещиновку, Кѣсинцы, Берестки, Дмитрашевку, Пашковку. вмѣстѣ съ поляками разоряли русскихъ татары, которымъ сами поляки назначили 20 населенныхъ мѣстностей для содержанія: въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, въ Сорокѣ, Рашковѣ и въ прилежащихъ къ этимъ городкамъ селахъ, а также у Каменца. Польское войско расположилось около Брацлава, откуда оно послѣ Пасхи перешло на западъ и расположилось въ воеводствѣ Белзскомъ, на Волыни и въ Червонной Руси, а татары ушли въ Крымъ. Тогда наступила очередь дѣйствовать Хмельницкому. Безъ вѣдома московскаго правительства, онъ заключилъ договоръ со шведскимъ королемъ Карломъ Густавомъ воевать взаимно Польшу и не мириться одинъ безъ другаго, и затѣмъ въ юлѣ 1655 года двинулся съ Бутурлинымъ на западъ, съ цѣлью завоевать южныя части Польскаго королевства, населенныя русскими, и такимъ образомъ довершить освобожденіе своего народа. Русскіе приступили къ Каменцу, но, простоявъ около него три съ половиною недѣли, отошли и мимо Гусятина, котораго Хмельницкій не велѣлъ брать приступомъ, вступили въ Червоную Русь. Городъ Львовъ былъ пощаженъ, отдѣлавшись только окупомъ въ 60,000 золотыхъ; но Люблинъ покорился побѣдителямъ. Узнавъ, что ханъ выступилъ на помощь Польшѣ и напалъ на Украину, Богданъ Хмельницкій оставилъ Львовъ и 8 ноября пошелъ въ обратный путь въ Украину, а вслѣдъ за нимъ двинулся и Бутурлинъ.

Возвратясь въ Чигиринъ, Хмельницкій собралъ раду и, съ согласія казаковъ, отправилъ къ царю Алексѣю Михайловичу посольство, съ благодарностью за оказанное великорусскимъ войскомъ содѣйствіе къ защитѣ и освобожденію южной Руси отъ поляковъ, и съ выраженіемъ желанія, чтобы Волынь и Червонная Русь, — земли, принадлежащія къ древней русской системѣ княжествъ, были также возвращены отъ Польши, какъ и Украина. Между тѣмъ, Польша начала въ 1656 году оправляться отъ ужасныхъ ударовъ, наносимыхъ ей русскими и шведами, успѣла поссорить царя Алексѣя Михайловича со шведами и склонить его на свою сторону обѣщаніемъ избрать его на польскій престолъ

по смерти Яна Казимира. Въ сентябрѣ 1656 года между Россією и Польшей заключенъ былъ въ Вильнѣ, безъ участія казацкихъ пословъ, договоръ, по которому московскому государю обѣщана была польская корона. Хмельницкому и вообще казакамъ былъ очень не по сердцу раз-

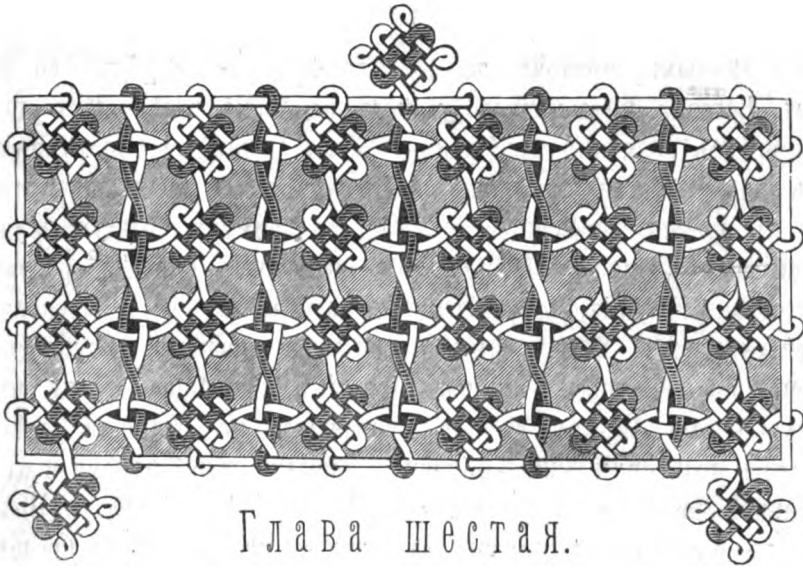

Турецкій амвонъ въ Каменецъ-Подольскѣ.

рывъ Московскаго государства со Швецією: онъ разрушалъ планы казацкаго гетмана, который справедливо не довѣрялъ искренности договора со стороны Польши и хотѣлъ бы, напротивъ, чтобы Москва воевала до конца Польшу вмѣстѣ со Швецією и дружелюбно подѣлила
подолія.

съ нею пріобрѣтеніями. Поэтому Хмельницкій, вскорѣ послѣ виленскаго договора, заключилъ новый оборонительный союзъ съ семиградскимъ княземъ Ракочи, имѣвшимъ виды на польскій престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1657 года, заключенъ былъ Швеціею, Трансильваніею и Україною договоръ о раздѣлѣ Польши, по которому Украина съ остальными южно-русскими землями признавалась навсегда отдѣльною отъ Польши. Желая оторвать Хмельницкаго отъ этого союза, польскій король Янъ-Казиміръ заключилъ съ нимъ въ сентябрѣ 1657 года договоръ, которымъ опредѣлялись границы, отдѣлявшія Украину отъ Польши. Границы эти были слѣдующія: отъ устья Днѣстра вверхъ по Днѣстру до границъ Покутья, оттуда на сѣверъ до вершины рѣки Горыни, служившей границею до самаго впаденія ея въ Припеть; оттуда граница шла къ Старому Быхову. Отъ Старога Быхова граница шла черезъ Днѣпръ, вдоль рѣки Сожи до вершины ея, или до Рославля, откуда она спускалась внизъ до Чернаго моря. Съ юга Украина граничила Чернымъ моремъ отъ Днѣпра до Днѣстра. Въ этихъ границахъ Богданъ и передалъ Украинну своему преемнику, скончавшись лѣтомъ того же 1657 года²⁵⁰).

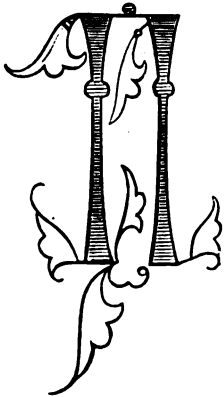

Глава шестая.

Преемники Богдана Хмельницкаго и владычество турокъ въ Подоліи.

Преемники Богдана Хмельницкаго и раздѣленіе Украины на части; Иванъ Выговскій, измѣна Россіи и гадячскій договоръ его съ Польшей въ 1659 году; смѣна его и избраніе въ гетманы Юрія Хмельницкаго, измѣна послѣдняго Россіи, отказъ его отъ гетманства и избраніе въ гетманы лѣвой стороны Украины Брюховецкаго, а правой — Тетери; борьба между ними; преемникъ Тетери — Петръ Дорошенко, подчиненіе имъ себѣ западной Украины, андрусовскій договоръ 1667 года между Россіей и Польшей; виды Дорошенка на лѣво-бережную Украину, подчиненіе его Турціи и недовольство этимъ казаковъ; сношенія Дорошенка съ московскимъ и польскимъ правительствами и назначеніе Ханенка на мѣсто Дорошенка; заступничество Турціи за Дорошенка. — Взятіе турками Каменца и другихъ городовъ въ 1672 году; буцацкій миръ Польши съ Турціей; продолжительность и значеніе турецкаго владычества въ Подоліи и борьба за нее между Турціей и Польшей; участіе въ этой войнѣ и помощь Польшѣ со стороны Россіи; оставленіе Подоліи турками въ 1699 году.

ПРЕЕМНИКИ Богдана Хмельницкаго, къ сожалѣнію, не только не сумѣли осуществить его видовъ на соединеніе всѣхъ южно-русскихъ земель въ одно цѣлое, но потеряли даже и то, чего успѣлъ достигнуть, съ немовѣрными усиліями, Богданъ Хмельницкій. Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ неспособности этихъ преемниковъ, въ ихъ неумѣнны искать вѣрныхъ, историческихъ средствъ къ достиженію своихъ цѣлей, въ низкомъ своекорыстіи и пренебреженіи общимъ благомъ отечества

*

изъ-за личныхъ, притомъ же обманчивыхъ выгодъ. Еще во время войнъ Богдана Хмельницкаго и подъ вліяніемъ различныхъ договоровъ его съ поляками въ Украинѣ сталъ понемногу обнаруживаться духъ шляхетства и стремленія выдвинуться изъ массы простаго народа въ привилегированное сословіе, по примѣру польской шляхты. Казацкая старшина получала отъ польскихъ королей различныя староства и имѣнія, утвержденныя потомъ за нею и московскимъ правительствомъ. Между самыми простыми казаками появилось раздѣленіе на реестровыхъ и нереестровыхъ, вносившее рознь въ казацкую среду. Такимъ образомъ казачество все болѣе и болѣе заражалось польскими соціально общественными недостатками и въ значительной части своей старшины стало тяготѣть болѣе къ Польшѣ, чѣмъ къ Московскому государству, вопреки историческимъ преданіямъ Украины и симпатіямъ простаго народа. Послѣдствиемъ этого было раздѣленіе казачества на части, изъ коихъ одна тянула къ Польшѣ, а другая къ Москвѣ, ослабленіе его силъ и значенія и постыдное подчиненіе не только Польшѣ, но и сосѣднимъ мусульманамъ, татарамъ и туркамъ.

Ближайшимъ преемникомъ Богдана Хмельницкаго былъ Иванъ Выговскій, польскій шляхтичъ, служившій при Богданѣ Хмельницкомъ войсковымъ писаремъ и всегда тянувшій на сторону шляхетской Польши. Не смотря на то, что передъ смертью Богдана Хмельницкаго въ преемники ему избранъ былъ сынъ его Юрій Хмельницкій, Выговскій съумѣлъ оттереть послѣдняго и самъ сдѣлаться гетманомъ. Ставъ во главѣ Украины, онъ задумалъ снова подчинить ее Польшѣ на выгодныхъ для себя и казацкой старшины условіяхъ, и въ 1658 году, когда Московское государство возобновило войну съ поляками, заключилъ съ послѣдними тайный договоръ въ Гадячѣ о соединеніи Украины съ Польшею. По условіямъ этого договора, митрополитъ кievскій и пять архіереевъ русскихъ будутъ засѣдать въ сенатѣ. Вѣра древняя греческая уравнивается въ правахъ своихъ съ римскою вездѣ, какъ въ коронѣ польской, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Гетману великаго княжества русскаго Украинскаго, т. е. Украины, вѣчно быть первымъ кievскимъ воеводою и генераломъ. Король, по представленію гетмана, будетъ возводить казаковъ въ шляхетское достоинство. Гетманъ имѣетъ право чеканить монету и платитъ ею жалованье войску.

Бороль и республика дозволяютъ русскому гетману суды свои и трибуналы устроить и отправлять тамъ, гдѣ захочетъ. Въ воеводствѣ Киевскомъ всѣ уряды и чины сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ греческой вѣры, а въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ — попеременно съ католиками. Лично Выговскому дано было внослѣдствіи староство Барское въ награду за его вѣрность и привязанность къ Польшѣ. Первоначально на сторонѣ Выговскаго были и казацкіе полковники брацлавскій Ивацъ Сербинъ и подністриянской Евстаѳій Гоголь. Но лишь только обнародованы были статьи гадячскаго договора, какъ масса народонаселенія, и безъ того недовольная гетманомъ, совершенно отшатнулась отъ него, ища поддержки кто въ Запорожьѣ, кто въ московскихъ воеводахъ. Послѣ гадячской рады 1658 года подольскіе полки, населеніе которыхъ больше другихъ испытало на себѣ тяжелый гнетъ польскихъ пановъ, первые поднялись поротивъ гетмана. По словамъ лѣтописца, «Подністриане, Забужане и другіе украинскіе казаки собралися въ Брацлавѣ и новаго гетмана Юрія Хмельницкаго паки себѣ поставили». На переяславской радѣ, бывшей въ октябрѣ 1659 года, было условлено: «быть царскимъ воеводамъ съ войсками въ городахъ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ, Умани, для обороны отъ непріятелей; въ Переяславѣ и Нѣжинѣ быть воеводамъ на своихъ запасахъ; въ Киевѣ, Черниговѣ и Брацлавѣ владѣть мѣстностями, которыя прежде принадлежали тѣмъ воеводствамъ». Выговскій бѣжалъ въ Польшу и въ началѣ слѣдующаго 1660 года, вмѣстѣ съ польскимъ гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ и татарскою ордою, осадилъ Могилевъ, въ которомъ сидѣло 8,000 казаковъ; но подольскій полковникъ Евстаѳій Гоголь и мѣрогородскій Кирило Андреевъ отразили приступы и прогнали поляковъ съ великимъ стыдомъ и поруганіемъ. Между тѣмъ, по избраніи въ гетманы Юрія Хмельницкаго, московскія войска, вышедши изъ Кіева, направились къ м. Чуднову для очищенія западной Украины отъ поляковъ; но неожиданная измѣна слабодушнаго Юраси Хмельницкаго подготовила извѣстное чудновское пораженіе московскихъ войскъ и снова отдала западную Украину во власть полякамъ. Юрій Хмельницкій своею измѣною купилъ у поляковъ подтвержденіе гадячскихъ условій, но и самъ не долго держался на гетманствѣ. Запорожьѣ и вся лѣво-бережная Украина не пристали къ его измѣнѣ и выбрали себѣ въ гетманы Брю-

ховецкаго. Видя всеобщее нерасположеніе къ себѣ со стороны казаковъ, Юрій Хмельницкій въ концѣ 1662 года самъ сложилъ съ себя гетманство и постригся въ монахи. На мѣсто его избранъ былъ гетманомъ право-бережной Украины войсковою писарь Павелъ Тетеря, униатскій воспитанникъ ²⁵¹).

Такимъ образомъ Украина раздѣлилась на право-бережную и лѣво-бережную, на польскую и русскую, съ особыми гетманами, — и между, ними началось междоусобіе, отзывавшееся тяжелымъ образомъ и на Подоліи. Въ январѣ 1664 года Сѣрко съ запорожцами, по призыву лѣво-бережнаго гетмана Брюховецкаго, отправился на правую сторону, за двѣ рѣки за Бугъ и за Днѣстръ, гдѣ, напавши на турецкія села по выше Тягина (Бендеръ), многихъ бусурманъ побилъ и добычу великую взялъ, а изъ-подъ Тягина пошелъ на черкасскіе (т. е. малорусскіе) города, лежащіе по Бугу. Жители этихъ городовъ, какъ только слышали о приходѣ Сѣрка, тотчасъ же начали истреблять оставленные здѣсь королемъ Яномъ-Казиміромъ польскіе гарнизоны и приносить присягу на вѣрность московскому государю. Брацлавскій полкъ и калыницкій, Могилевъ (на Днѣстрѣ), Рашковъ, Уманскій повѣтъ поддались московскому царю. Покорившись царю, брацлавскій полковникъ Иванъ Сербинъ отнялъ у поляковъ Бабаны, Косеновку и Кислякъ. Но съ удаленіемъ Сѣрка поляки опять начали возвращать себѣ подольскіе города и заняли Могилевъ, а гетманъ Тетеря пошелъ съ татарами къ Умани, къ Днѣстру, чтобы жителямъ уманскаго и брацлавскаго полковъ, поддавшимся московскому государю, не дать убрать хлѣба съ полей и попытаться переманить ихъ къ Польшѣ. Тогда Сѣрко вторично появляется въ Подоліи вмѣстѣ съ русскимъ воеводою Косаговымъ и вытѣсняетъ поляковъ изъ тамошнихъ городовъ. Жители Могилева немедленно перебили поляковъ и евреевъ и вторично подчинились царю. Ободренные успѣхами русскихъ, митрополитъ право-бережной Украины Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и бывший гетманъ Иванъ Выговскій составили будто бы планъ вытѣснить совершенно поляковъ съ западной стороны Днѣпра. Но Выговскій, по навѣтамъ Тетери, былъ схваченъ и разстрѣлянъ поляками, а Тукальскій съ бывшимъ гетманомъ Геденомъ Хмельницкимъ заключенъ въ Маріенбургъ ²⁵²). Самъ Тетеря, наконецъ, оставилъ гетманство, и на его мѣсто сталъ гетманомъ право-бережной Украины Дорошенко.

Петръ Дорошенко задумалъ соединить раздѣленную Украину подъ своею властью и съ этою цѣлью поочередно входилъ въ сношенія и переговоры то съ поляками, то съ московскимъ правительствомъ, то съ татарами и турками. Тотчасъ по вступленіи на гетманство, онъ началъ наступательное движеніе на брацлавскаго полковника Дрозда, оставав-

Боршковецкая башня близъ Каменецъ-Подольска.

шагося вѣрнымъ Брюховецкому. Наконецъ, Дроздъ сдался отъ великой нужды и отступилъ къ Кіеву, а по другимъ извѣстіямъ осужденъ на смерть въ Чигиринѣ. Въ то же время Дорошенко началъ преклонять подъ свою власть и при-днѣстровскіе полки и взялъ Рашковъ. Но жители Могилева недовѣрчиво отнеслись къ новому гетману: его сторону приняли только мѣщане, болѣе другихъ дорожившіе спокойствіемъ и без-

опасностью города, между тѣмъ какъ казаки на этотъ разъ оказались заодно съ простонародьемъ. Могилевскіе мѣщане выдали Дорошенкѣ своего полковника Константина, грека, родомъ изъ Хиоса, очевидно враждебнаго Дорошенкѣ. Арестованный былъ отосланъ въ Чигиринъ, но вскорѣ бѣжалъ оттуда, наwerbовалъ въ Могилевѣ полкъ и отправился на службу къ Брюховецкому²⁵³). Подчинивъ себѣ западную Украину, Дорошенко въ 1666 году передался султану и хану. Поэтому султанъ велѣлъ крымскому хану идти на Польшу. Ханъ Нурединъ Девлетъ-Гирей двинулся на короля, подъ Межибожемъ разбилъ польскихъ полковниковъ Маховскаго и Красовскаго, послѣ чего татары разсѣялись въ окрестностяхъ Каменца и взяли много плѣнныхъ. Дорошенко совѣтовалъ хану заключить миръ съ Московскимъ государствомъ, чтобы вмѣстѣ воевать Польшу и не допускать ее до союза съ Москвою. Но поляки разрушили планы Дорошенка, согласи́вшись заключить съ Россіею въ 1667 году въ Андрусовѣ договоръ или перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ. По этому договору Кіевъ уступленъ поляками Россіи на два года; запорожцы остаются въ оборонѣ и подъ послушаніемъ обоихъ государей, съ воспрещеніемъ выходить на море. Западная Украина отходить къ Польшѣ. Царское величество отправить на помощь королю и противъ татаръ и непокорныхъ казаковъ 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты, которые должны соединиться съ королевскими войсками между Днѣпромъ и Днѣстромъ, а для отвлеченія силъ непріятельскихъ калмыки и донскіе казаки будутъ воевать Крымъ²⁵⁴).

Условія этого перемирія, отдававшего Польшѣ западную Украину, произвели на казаковъ тяжелое впечатлѣніе²⁵⁵). Дорошенко воспользовался недовольствомъ казаковъ андрусовскимъ договоромъ и склонилъ лѣво-бережнаго гетмана Брюховецкаго къ измѣнѣ Россіи, но только для того, чтобы погубить послѣдняго. Дѣйствительно, Брюховецкій былъ убитъ, а Дорошенко провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и оставилъ на восточной сторонѣ наказнымъ гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго. Когда же Многогрѣшный подчинился Московскому государству и въ 1669 году избранъ былъ въ Глуховѣ въ дѣйствительные гетманы лѣво-бережной Украины²⁵⁶), то Дорошенко въ томъ же году отдался въ подданство Турціи и привелъ съ собою 6,000 крымскихъ татаръ²⁵⁷). Утверждаютъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы, при помощи турокъ и татаръ, оторвать западную Украину отъ Польши и

тѣмъ уже возвратить ее Россіи отъ татаръ и турокъ и объединить подъ ея властью, не нарушая андрусовскаго перемирія между Россіей и Польшей. Тѣмъ не менѣе, передача Дорошенко туркамъ возмутила самихъ казаковъ. Запорожскій кошевой гетманъ Ханенко выступилъ противъ Дорошенко и подошелъ къ Чигирину. Въ то же время шесть полковъ кievскихъ и подольскихъ, подъ начальствомъ Суховѣя, тотчасъ же оставили Дорошенка и перешли на сторону запорожцевъ. Съ ними соединился и Юрій Хмельницкій. При помощи турокъ Дорошенко поразилъ Суховѣя и Ханенка, взялъ Юрія Хмельницкаго въ плѣнъ и отослалъ къ султану и снова привелъ подольскіе полки къ повиновенію себѣ²⁵⁸). Вѣроятно, вслѣдствіе этого протеста противъ подчиненія Турціи, Дорошенко вновь вошелъ въ сношенія съ польскимъ и русскимъ правительствами. Въ томъ же 1659 году Дорошенко и митрополитъ Тукальскій подали польскому правительству прошеніе объ уничтоженіи уніи въ Литвѣ и Польшѣ и возвращеніи православнымъ всѣхъ отнятыхъ у нихъ имѣній. Чтеніе этого прошенія отложено было до коронаціоннаго сейма, по случаю коронаціи новаго короля Михаила Вишневецкаго. На этотъ сеймъ въ слѣдующемъ 1670 году явились и послы Дорошенка съ просьбою отвѣта на прошеніе, вслѣдствіе чего сеймъ назначилъ комиссію изъ шести членовъ, которая должна была съѣхаться съ казацкими представителями въ г. Острогъ для рѣшенія всѣхъ споровъ, политическихъ и религіозныхъ. Между тѣмъ, Дорошенко, не дожидаясь сеймоваго рѣшенія, послалъ къ московскому государю полковника своего, Стефана Обиду, просить прощенія въ своихъ винахъ и, получивъ его, не считъ пужнымъ явиться и посылать пословъ на Острожскую комиссію. Тогда польское правительство объявило его бунтовщикомъ и попыталось—было избавиться отъ него и привести западную Украину къ прежней зависимости отъ себя. Сперва отрядъ польскаго войска ворвался въ Брацлавщину, взялъ и вырубилъ посадъ въ Могилевѣ. Вслѣдъ за тѣмъ оба польскіе гетмана Янъ Собѣскій и Дмитрій Вишневецкій снова вошли въ Брацлавщину, и, подъ ихъ вліяніемъ, въ видѣ противовѣса Дорошенкѣ, избранъ гетманомъ Ханенко, — человекъ, вполне преданный полякамъ. Послѣ того разставлены польскіе гарнизоны въ важнѣйшихъ подольскихъ замкахъ: Могилевѣ, Брацлавѣ, Барѣ, Немировѣ, Ладыжинѣ и Рашковѣ, и всѣ эти гарнизоны предоставлены

польскимъ правительствомъ Ханенкъ. Въ то же время выступилъ противъ Дорошенка и лѣво-бережный гетманъ Многогрѣшный²⁵⁹).

Минутный успѣхъ польскаго оружія надъ Дорошенкомъ раздражилъ, наконецъ, турецкаго султана и побудилъ его предпринять походъ на Польшу, осмѣлившуюся воевать сподручника его Дорошенка. Весною 1672 года турецкое войско, въ числѣ болѣе чѣмъ 300,000, перешло Дунай. Передовой отрядъ, состоявшій изъ 40,000 татаръ, ворвался въ Подолію и на берегахъ Буга, при Батогѣ, встрѣтилъ поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ каштеляна подляскаго Лужецкаго, при которомъ находился и Ханенко со своими казаками; всѣхъ же поляковъ и казаковъ было не болѣе 6,000. Татары разбили Лужецкаго, который вмѣстѣ съ Ханенкомъ отступилъ къ Ладыжинну и засѣлъ въ немъ. Между тѣмъ въ августѣ главное турецкое войско облегло Каменецъ, въ которомъ сидѣло не болѣе 1,500 человекъ защитниковъ. Турки взяли новый замокъ и подвели мину въ скалѣ подъ ворота стараго, послѣ чего пошли на приступъ, но были отбиты, потерявъ 200 человекъ. Осажденные видѣли, однако, беспомощность своего положенія и сдались на слѣдующихъ условіяхъ: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія, для чего христіане сохраняютъ нѣсколько церквей, остальные же обращаются въ мечети; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, воленъ и остаться; 4) ратнымъ людямъ волено выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ и знаменъ. По заключеніи этихъ условій, янычаръ-ага пріѣхалъ въ городъ и занялъ его именемъ султана. Янычары смѣнили гарнизоны. Жителямъ оставлены три церкви: одна русскимъ, одна католикамъ и одна армянамъ. Каѳедральный костелъ и доминиканскій обращены въ мечети, и при первомъ устроены минареты, а во второмъ поставленъ турецкій амбонъ изъ мрамора, сохранившіеся до настоящаго времени. Со всѣхъ церквей сломали кресты и сняли колокола. Часть знатныхъ шляхтянокъ забрали на султана, часть на визиря, часть на пашей. Магометь IV съ торжествомъ въѣхалъ въ покоренный городъ и прямо направился въ главную мечеть, бывший каѳедральный костелъ: тамъ передъ нимъ обрѣзали восьмилѣтняго христіанскаго мальчика. Страшное впечатлѣніе произвела вѣсть о взятіи Каменца турками. Явились уже рассказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали бусурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и римскіе костелы турки разорили и передѣлали

въ мечети; образа изъ церквей и костеловъ выносили, клали въ проѣзжихъ воротахъ и велѣли христіанамъ по нимъ идти и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти. Кромѣ Каменца, турки взяли также Межибожь, Баръ, Язловець, Снятинъ, Жванецъ. Во всѣхъ этихъ городахъ, по свидѣтельству Лизогуба, они церкви Божіи разорили, подѣлали изъ нихъ житницы, изъ другихъ мечети, колокола на пушки перелили, жителямъ нужды чинять великія, малыхъ дѣтей берутъ, женятся силою, мертвыхъ погребать и младенцевъ крестить безошлинно не даютъ, безпрестанно кандалы куютъ и въ Каменецъ отсылаютъ, и проч. Поляки успѣшили заключить миръ съ турками подъ Бучачемъ, уступивъ имъ Подолю и Украину и обязавшись ежегодно платить султану по 22,000 червонцевъ. Съ этихъ поръ Подоля оставалась подъ властью турокъ въ теченіи 27 лѣтъ²⁶⁰).

Овладевъ Подолей, турки осѣлись въ лучшей ея части, въ Приднѣстровьи, и на томъ успокоились, предоставивъ Дорошенкѣ устраиваться въ краѣ самому, какъ можетъ. Главнымъ центромъ ихъ была столица области Каменецъ, но сверхъ того, въ ихъ же рукахъ находились и семь днѣстровскихъ бродовъ, т. е. главнѣйшія переправы черезъ Днѣстръ, и всѣ сколько нибудь значительные города и мѣстечки въ области Днѣстра. Турецкіе гарнизоны были въ Сенявѣ, Браиловѣ, Язловцѣ, Могилевѣ, Умані и Рашковѣ. Въ этомъ послѣднемъ мѣстечкѣ былъ главный пунктъ переправы бѣлгородскихъ татаръ. Изъ смѣси послѣднихъ съ татарами, поселенными издавна въ Литвѣ, и съ омусульманившимися христіанами образовались такъ называемые липковскіе татары, которые поселились на новой турецкой границѣ съ Польшею и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Подоліи,—подъ Каменцомъ, въ Межибожь и Барѣ,—и занимались мелкою, наѣздническою войною съ поляками, опустошеніями и грабежами²⁶¹).

Время турецкаго господства въ Подоліи характеризуется непрерывною борьбою за обладаніе этимъ краемъ. Борьба велась въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, но всегда съ одинаковымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Почти каждый годъ турки предпринимаютъ набѣгъ на ту или другую область, въ которой еще удержались поляки, и тутъ истребляютъ все, что только попадется подъ руку: грабятъ и выжигаютъ города и села, уводятъ въ плѣнъ населеніе цѣлыхъ областей и наполняютъ ими свои невольничьи рынки, съ другихъ собираютъ дань дѣ-

тymi и т. д. Въ свою очередь поляки напрягали всѣ усилія, чтобы отвоевать обратно прежнія владѣнія, въ особенности когда-то славившіеся богатствомъ торговые приднѣстровскіе города. При каждомъ вторженіи какъ турецкихъ, такъ и польскихъ отрядовъ жители огромными массами бѣгутъ за Днѣпръ. Опустѣли не только села, но и города и мѣстечки; въ цѣлыхъ округахъ нельзя было найти ни одного населеннаго пункта. Если прибавить ко всѣмъ невзгодамъ постоянной войны безграничный произволъ и всевозможныя насилія борющихся противниковъ надъ личностью и имуществомъ туземцевъ, въ видѣ ли разоренія церквей и монастырей, обращенія ихъ въ костелы, оскорбленія духовенства и насильственнаго введенія уніи со стороны поляковъ, или же въ видѣ тяжело ложившихся на мѣстное населеніе различныхъ налоговъ, военныхъ поборовъ и контрибуцій со стороны турокъ, то получится довольно полная картина внутренняго состоянія цѣлаго края въ это время. Правда, при турецкомъ господствѣ личная и имущественная безопасность обезпечены были нѣсколько болѣе, чѣмъ во времена господства поляковъ,—по крайней мѣрѣ случаи произвола или насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ со стороны турецкихъ правителей не вытекали изъ общей системы и не освящались законами или сеймовыми постановленіями, какъ это дѣлалось въ Речи Посполитой. Къ тому же турки, какъ можно судить по нѣкоторымъ остаткамъ ихъ владычества здѣсь, въ видѣ, на примѣръ, крѣпостей, башенъ, шоссеиныхъ дорогъ, мостовыхъ, очень прочно сдѣланныхъ колодцевъ и прекрасныхъ фруктовыхъ садовъ, прилагали нѣсколько большее попеченіе о благосостояніи края, чѣмъ современное польское общество, умѣвшее въ русскихъ земляхъ только разрушать, и если бы имъ удалось надолго осѣсться въ Подоліи и вытѣснить изъ нея шляхту, то несомнѣнно, что турецкое господство было бы изъ двухъ золъ меньшее. Но турки не умѣли или не хотѣли этого сдѣлать, а поляки въ свою очередь не хотѣли отказаться отъ своихъ притязаній, стоявшихъ имъ такъ дорого, и всѣ усилія противниковъ сводилась лишь къ тому, чтобы по возможности разорить и истребить все то, что могло бы еще пригодиться сопернику; а это усугубляло бѣдствія страны ²⁶²).

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба между турками и поляками изъ-за Подольскаго края, если бы въ нее не вмѣшались сосѣднія христіанскія государства и не помогли Польшѣ въ ея неравной борьбѣ

Икона Спасителя въ м. Сатановъ, Проскуровскаго уѣзда,
посѣщенная турками.

съ общимъ врагомъ христіанства. Особенную услугу въ этомъ отношеніи оказало Польшѣ и Подоліи Русское государство. Еще въ 1672 году оно заключило съ Польшею договоръ о совокупномъ дѣйствиіи противъ турокъ и послало въ 1673 году свое войско къ Днѣстру, которое, однакоже, на этотъ разъ возвратилось назадъ безъ успѣха ²⁶³). Въ томъ же году коронный гетманъ польскій Янъ Собѣскій разбилъ турокъ подъ Хотиномъ и, упоенный побѣдою, двинулся не подъ Каменецъ, а за Прутъ, желая догнать убѣгающаго непріятеля, но не догнавъ его и только утомилъ свое войско. Онъ раздѣлилъ его на три части, изъ коихъ одну поручилъ стороннику Польши бывшему господарю волошскому, другую расположилъ въ Покутьи, а третью послалъ въ Подолію, самъ же посѣщилъ въ Варшаву, гдѣ его ожидала корона по смерти короля Михаила Вишневецкаго. Въ слѣдующемъ 1674 году Собѣскій, выбранный уже въ короли, отправляется въ Подолію и беретъ у Дорошенка города Умань, Баръ, Черкасы, Вишницю, Немировъ, Брацлавъ, Кальникъ, Шаргородъ, Рашковъ и др. ²⁶⁴). Ему подчинился и подольскій или могилевскій полковникъ Евстаѳій Гоголь, доселѣ остававшійся вѣрнымъ Дорошенкѣ, и сдалъ королю безъ сопротивленія всѣ города, оставшіеся въ его власти. Оставивъ въ завоеванныхъ городахъ комендантовъ съ незначительными гарнизонами, Собѣскій снова отправился въ Польшу, послѣ чего турки опять начали отбирать у поляковъ занятые ими подольскіе города ²⁶⁵). Съ своей стороны и московское правительство въ томъ же 1674 году послало противъ Дорошенка воеводу своего Ромодановскаго и новоизбраннаго гетмана лѣво-бережной Украины Самойловича, которые съ 80,000 войска двинулись на западную сторону Днѣпра и взяли у Дорошенка Черкасы, Кривовъ и Каневъ. Въ короткое время почти всѣ кіевскіе и ближайшіе полки: корсунскій, брацлавскій, уманскій, кальницкій, перешли къ Самойловичу. Самъ Ханенко перешелъ на сторону Ромодановскаго и Самойловича, — и на мѣсто его назначенъ былъ казацкимъ гетманомъ со стороны Польши Евстаѳій Гоголь. Самойловичъ провозглашенъ былъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и, вмѣстѣ съ Ромодановскимъ, осадилъ Дорошенка въ Чигиринѣ. Но тутъ они узнали, что крымскій ханъ переправился черезъ Днѣстръ подъ Сорокою, гдѣ строятъ мостъ для переправы самому султану, идущему со всѣмъ турецкимъ войскомъ на помощь Дорошенкѣ, и воротились на лѣвую сторону Днѣпра, выславъ небольшой казацкій

отрядъ, подъ начальствомъ Мурашка, къ Ладыжину. Здѣсь Мурашко, съ жителями Ладыжина, мужественно защищался отъ передоваго турецкаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ султанскаго сына, успѣлъ захватить послѣдняго въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими знатными турками и безразсудно и варварски умертвилъ ихъ. Разгнѣванный жестокостію надъ своимъ сыномъ, Магометъ IV двинулся со всеми силами на Ладыжинъ, взялъ и совершенно истребилъ его и его жителей, послѣ чего опустошилъ также Умань, Буниче, Бершадь, Стѣну, Баръ, Межибожь, Чернокозинцы, Сатановъ, — гдѣ памятникомъ ихъ опустошенія и доселѣ служить изсѣченная ими икона Спасителя, — и другіе города. Удовлетворивъ свое мщеніе, султанъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ воротился домой. По уходѣ султана въ Турцію, Ромодановскій и Самойловичъ въ 1675 году снова перешли на правую сторону Днѣпра и стали дѣйствовать противъ Дорошенка. Оставленный казацкою старшиною и жителями, Дорошенко имѣлъ подъ своею властію только городъ Чигиринъ съ девятью мѣстечками и селами въ нынѣшнихъ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи. Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился подчиниться московскому государю и въ 1676 году милостиво принять былъ въ русское подданство. Въ октябрѣ того же года поляки, опасаясь новаго турецкаго нашествія, заключили съ турками договоръ подъ Журавномъ, по которому часть Подолія съ Каменцомъ была уступлена султану, и дань султану съ Польши была отмѣнена. Украина оставлена за казаками по старымъ рубежамъ, кромѣ Бѣлой Церкви и Паволочи, которыя отошли къ Польшѣ. Намѣсто Дорошенка султанъ, по совѣту цареградскаго патріарха Паренія, провозгласилъ гетманомъ и княземъ малороссійскимъ плѣнника своего Юрія Хмельницкаго, а Евстаѣій Гоголь переведенъ былъ поляками на Польшу²⁶⁶).

Но Россія не участвовала въ Журавинскомъ договорѣ и продолжала войну съ турками. Въ томъ же 1676 году Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ отогнали Юрія Хмельницкаго отъ Чигирина, но въ свою очередь прогнаны были турками, которые взяли и разрушили Чигиринъ. Послѣ этого Юрій Хмельницкій съ татарами занялъ Немировъ, Корсунъ и другіе города, сдѣлавъ Немировъ своею резиденціей²⁶⁷). Но Юрія Хмельницкаго казаки не хотѣли знать, — и онъ вскорѣ смѣненъ былъ самими турками за жестокости²⁶⁸). Наконецъ и Россія, оставлен-

ная Польшею безъ поддержки, заключила въ январѣ 1681 года съ турками перемиріе на 20 лѣтъ. Границею между турецкими и русскими владѣніями назначенъ Днѣпръ. «Въ перемирныя 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султанову и ханову величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ казацкихъ земляхъ не заводитъ, оставить ихъ впустѣ. Кіевъ съ монастырями и городами, мѣстечками, селами всего своего стараго уѣзда, т. е. ниже Кіева Васильковъ, Триполье, Стайки съ селами, да выше Кіева два мѣстечка Дѣдовщина и Радомысль, остаются въ сторонѣ царскаго величества» ²⁶⁹). По заключеніи перемирія съ Московскимъ государствомъ, турки назначили въ 1681 году гетманомъ западной Укрины, послѣ Юрія Хмельницкаго, бывшаго господаря молдавскаго Дуку, отдавъ ему въ управленіе всю область между Днѣстромъ и Днѣпромъ, съ обязательствомъ доставлять вспомогательное войско, сколько окажется возможнымъ. Дука поселился въ новопостроенномъ городѣ Цѣловкѣ при Днѣстрѣ, а въ Немировѣ держалъ своего намѣстника. Но страна оказалась до такой степени опустѣвшей и разоренной, что нечего было и думать о какомъ бы то ни было наборѣ военныхъ силъ, и господарь былъ первымъ гетманомъ, который занялся колонизаціею ввѣренной ему области. Онъ перезываетъ обратно на слободы прежнихъ жителей, пытается возстановить старые казацкіе полки, совершенно исчезнувшіе къ этому времени; но организаторская его дѣятельность была прервана въ самомъ началѣ возобновившеюся войною Польши и затѣмъ Россіи съ турками ²⁷⁰).

Въ 1683 году польскій король Янъ Собѣскій, заключивъ оборонительный союзъ съ Австріей, одержалъ надъ турками блистательную побѣду подъ Вѣной и вторично поразилъ ихъ подъ Парканами. Въ то же время возобновилась война и въ Подоліи. Во время похода Собѣскаго подъ Вѣну, Андрей Потоцкій отнялъ у турокъ Ягельницу и Гусятинъ и возвратилъ ихъ Польшѣ. Въ слѣдующемъ 1684 году самъ король Собѣскій отправился на Подолію и взялъ у турокъ Язловець, Жванецъ и Хотинъ; но, съ наступленіемъ холодовъ, его войско возвратилось въ Польшу. Для оставшихся въ Подоліи казаковъ Собѣскій назначилъ гетманомъ шляхтича Куницкаго. Тотчасъ возстановлены были всѣ прежніе полки и сотни, и новый гетманъ отправился въ походъ

противъ турокъ въ Молдавію. Онъ ходилъ на татаръ въ Бѣлогородчину и около Тягина (Бендеръ) выжегъ посады и разбилъ татаръ; но вскорѣ наступить былъ сильною бѣлогородекою ордою и среди сраженія, оставивъ пѣхоту подъ начальствомъ полковника Могилы, самъ съ кавалерією бѣжалъ въ Могилевъ. Между тѣмъ Могила мужественно защищался, по окончаніи битвы счастливо переправился черезъ Прутъ со своими казаками и также явился въ Могилевъ. На собранной здѣсь казацкой радѣ Кунницкій былъ приговоренъ къ смерти за бѣгство изъ табора, оставленнаго въ опасномъ положеніи, и тутъ же казненъ, а на мѣсто его избранъ Могила. Этотъ послѣдній въ 1685 году разбилъ турокъ около Каменца и разорялъ турецкіе города. Дука попался въ плѣнъ и умеръ 31 марта 1685 года, а на его мѣсто назначенъ былъ турками въ гетманы опять Юрій Хмельницкій, вскорѣ казненный турками за жестокости, а затѣмъ Драгиничъ, который, однакоже, вскорѣ умеръ отъ пьянства. Нуждаясь въ казацкомъ войскѣ и желая увеличить его для болѣе успѣшной войны съ турками, Янъ Собѣскій сталъ раздавать съ 1685 года приповѣдныя листы, уполномочивавшіе опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей формировать казацкіе полки на западной Украинѣ. Таковы были, между прочими, новоназначенные полковники Самусь, Искра, Палій и Абазинъ, вѣроятно, выходець изъ Молдавіи ²⁷¹). Въ томъ же 1685 году, не будучи самъ въ состояніи предводительствовать войскомъ по болѣзни, Собѣскій отправилъ гетмана Яблоновскаго въ Молдавію, чтобы, занявши эту страну, отрѣзать Подолю отъ турецкихъ владѣній и принудить Каменецъ къ сдачѣ. Яблоновскій перешелъ Днѣстръ и вторгнулся въ Молдавію, но скоро долженъ былъ возвратиться съ значительнымъ урономъ. Тогда Собѣскій успѣшилъ, въ 1686 году, заключить съ Россією договоръ, которымъ утверждались за Россією на вѣчныя времена всѣ земли, пріобрѣтенныя ею отъ Польши въ 1654 и въ 1655 годахъ, съ Кіевомъ, Черниговомъ, Смоленскомъ и другими 56-ю городами; но правая сторона Днѣпра, — Кіевская область и Волинь, — оставалась за Польшею и получала названіе польской Украинны. Великіе государи обязывались разорвать миръ съ султаномъ турецкимъ и ханомъ крымскимъ и не заключать съ ними отдѣльнаго мира. Православные въ польскихъ областяхъ не подвергаются никакимъ притѣсненіямъ со стороны католиковъ и униатовъ ²⁷²), во исполненіе чего Собѣскій въ томъ же году издалъ универсалъ о повсемѣстномъ осво-

боженіи православнаго духовенства отъ всякихъ повинностей, поборовъ и военныхъ постоевъ, наравнѣ съ католическимъ духовенствомъ²⁷³). Съ этихъ поръ и до 1699 года идетъ почти непрерывная война у поляковъ и русскихъ съ турками и татарами, побудившая, наконецъ, турокъ оставить Подолію.

Военныя предпріятія начались въ томъ же 1686 году. Въ концѣ этого года московское правительство объявило первый крымскій походъ, окончившійся въ слѣдующемъ году неудачею. Съ своей стороны, въ 1686 году, Янъ Собѣсскій самъ отправился съ войскомъ въ Молдавію и овладѣлъ Яссами, но, окруженный со всѣхъ сторонъ толпами татаръ, долженъ былъ совершить трудное отступленіе съ голоднымъ и больнымъ войскомъ²⁷⁴). Въ слѣдующемъ 1687 году Собѣсскій предпринялъ походъ на Подолію, но самъ остановился подъ Язловцемъ, а подъ Каменецъ послалъ старшаго сына своего Якова, который ограничился только безплоднымъ бомбандированіемъ города и крѣпости и вскорѣ возвратился къ отцу подъ Язловець²⁷⁵). Новое оживленіе получила борьба русскихъ и поляковъ съ турками и татарами съ 1689 года. Въ этомъ году Россія предприняла второй крымскій походъ, который хотя и окончился неудачно, но, вмѣстѣ съ первымъ походомъ, развлекая силы непріятели, въ то же время поднималъ движеніе въ пользу соединенія съ Россіей не только въ западной Украинѣ, но и въ единовѣрныхъ ей Молдавіи, Валахіи и въ юго-славянскихъ земляхъ, угрожавшее туркамъ не только пресѣченіемъ сообщенія съ Каменцомъ, но и возстаніями въ самой Турціи. Въ сентябрѣ 1688 года, во время приготовленій ко второму крымскому походу, архимандритъ Аѳонскаго Павловскаго монастыря, Исаія, говорилъ отъ имени валашскаго господаря Щербана Кантакузена, чтобъ великіе государи послали войска свои въ Бѣлогородскую орду на Буджаки, и Дунаемъ въ судахъ прислали къ нему Щербану, который съ семидесятитысячнымъ войскомъ придетъ на помощь къ русскимъ на Буджаки. А Бѣлогородская орда противъ царскихъ войскъ не устоитъ. Пристануть-де къ нимъ сербы, болгары и молдаване²⁷⁶). Одновременно со вторымъ походомъ русскихъ войскъ въ Крымъ и Собѣсскій послалъ противъ турокъ подъ Каменецъ небольшое войско, которое, однако же, ничего не сдѣлало и отступило къ Жванцу²⁷⁷). Въ слѣдующемъ 1690 году Собѣсскій ставитъ наказнымъ гетманомъ западной Украины Самуся, который, имѣя пребываніе въ Винницѣ, дѣ-

лаеть со своими казаками походъ подъ Кизи-Берменъ и Очаковъ. Между полковниками Самуся особенно замѣчательны Абазинъ и Палій. Первый изъ нихъ около 1690 года занялся возстановленіемъ подольскаго полка, который на этотъ разъ занялъ все пространство бывшаго брацлавскаго полка, а вскорѣ охватилъ и все побережье Днѣстра, гдѣ нѣсколько раньше началась такая же колонизація. Въ то время, какъ жители Подоліи ищутъ свободы и безопасности по ту сторону Днѣстра, мѣсто ихъ занимаютъ выходцы изъ Молдавіи, спасавшіеся отъ закрѣпощенія на своей родинѣ. Они селятся въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ Днѣстру и

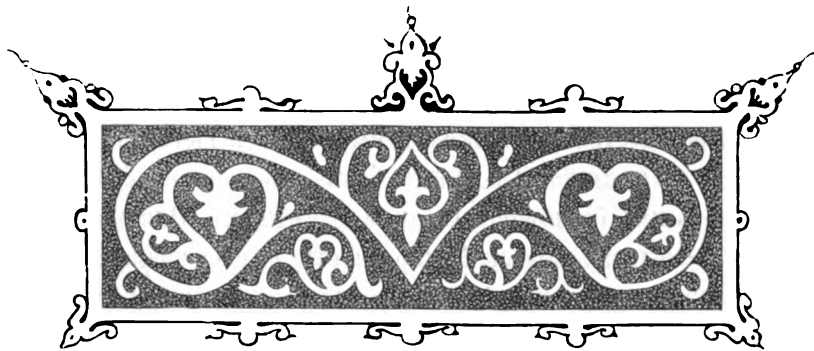
Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій.
(Въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда).

образуютъ казацкіе отряды подъ названіями ротъ, сотенъ и т. д. Послѣ 1690 года всѣ эти новыя казацкія поселенія подчиняются Абазину, и Побережье снова входитъ въ составъ подольскаго полка на всемъ протяженіи, примѣрно отъ Могилева до впаденія Ягорлыба въ Днѣстръ, признавая надъ собою власть новопоставленнаго гетмана Самуся²⁷⁵). Другой полковникъ, Семень Палій, родомъ изъ Борзны, вышелъ сначала на Запорожье, а оттуда съ нѣсколькими товарищами вступилъ въ службу королевскую, прибралъ себѣ выходцевъ изъ Молдавіи и Поднѣстровья и засѣлъ съ ними въ Фастовѣ, нынѣ мѣстечкѣ Кіевской губер-

ніи ²⁷⁹). Онъ нападагъ на Бѣлогородскую и Буджацкую орду и прости-
ралъ свою власть до Днѣстра и Случи. Съ запада тѣснилъ турокъ и
татаръ Собѣскій. Въ 1691 году поляки, въ видахъ успѣшнѣйшей осады
Каменца, взяли въ Молдавіи Сочаву, Нямець и Сороку. Въ слѣдующемъ
1692 году Собѣскій построилъ при впаденіи рѣки Збруча въ Днѣстръ
земляную крѣпость подъ названіемъ «Окопъ горы св. Троицы» или
«Блокада Каменца-Подольскаго», переименованную въ 1700 году въ
крѣпость св. Троицы ²⁸⁰).

По смерти Яна Собѣскаго, новый польскій король Августъ II, вмѣ-
стѣ съ короной, принялъ на себя обязательство возратить Польшѣ Ка-
менецъ и Подолію и даже велѣлъ выбить медаль на будущую побѣду
надъ турками; но и его попытка взять у турокъ Каменецъ не имѣла
никакого успѣха. Война Польши съ турками ограничивалась только
вылазками гарнизона крѣпостцы «Окопы св. Троицы» противъ турокъ
и липковскихъ татаръ и набѣгами казаковъ, особенно подъ началь-
ствомъ Палія, на татарскія и турецкія владѣнія ²⁸¹). Но за то съ этого
времени выступаетъ на историческое поприще русскій императоръ
Петръ I и начинаетъ серьезно беспокоить Турцію. Въ 1696 году онъ
беретъ у турокъ Азовъ, Кази-Кермень, Асланъ-Кермень и угрожаетъ
Очакову. Поэтому, по карловицкому миру 1699 года, заключенному
Россіей, Австріей, Польшей и Венеціей съ турками на 30 лѣтъ, турки
добровольно оставили Подолію и уступили Россіи Азовъ. Между Россією
и Турціей условлено было «поднѣпрскіе городки всеъ разорить и мѣстамъ,
на которыхъ они стояли, быть въ султановой сторонѣ пустымъ, да и
всеъмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи Занорожской до Очакова быть пу-
стыми же, только на половинѣ между Очаковымъ и Кази-Керменомъ быть
поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ
людей» ²⁸²).

Глава седьмая.

Угнетеніе русскаго православнаго населенія въ Подоліи польско-католиками съ XVIII вѣка.

Новое водвореніе польской народности и католичества въ Подоліи и введеніе униі; стремленіе поляковъ уничтожить правобережное казачество и возстаніе послѣдняго, вмѣстѣ съ народомъ, противъ поляковъ; подавленіе возстанія Сенявскимъ; участіе правобережныхъ казаковъ въ войнѣ Россіи со Швеціей; вторженіе Орлика въ Подолію и занятіе ея русскими войсками во время прутскаго похода Петра I; переселеніе правобережнаго населенія на лѣвую сторону Днѣпра.—Запустѣніе Подоліи, новое заселеніе ея и закрѣпленіе народа поляками; введеніе униі при содѣйствіи помѣщиковъ и униатскихъ властей; внутреннее состояніе униі и постепенное ея окатоличеніе; преобразование униатскаго монашества въ базилианскій орденъ, число монастырей, преимущества, образованіе базилианъ и участіе ихъ въ епархіальномъ управленіи и окатоличеніи униі; презрительное отношеніе польско-католиковъ къ униі и совращеніе униатовъ въ католичество; усиленіе католичества въ Подоліи; правительственныя мѣры противъ православія.

ТЗГНАНІЕ турокъ изъ Каменца и Подоліи въ 1699 году было великимъ торжествомъ для поляковъ, но не столько надъ турками, которыхъ они не могли одолѣть собственными силами, сколько надъ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, бывшимъ косвенною причиною турецкаго владычества въ Подоліи. Казалось, теперь Подолія должна была поступить въ полное распоряженіе польскаго правительства и сдѣлаться наконецъ неотъемлемою собственностію

польской шляхты, составлявшей это правительство. И дѣйствительно, тотчасъ по удаленіи турокъ изъ Подоліи, поляки опять начинаютъ преслѣдовать и осуществлять свои завѣтныя цѣли, и тѣмъ съ большею настойчивостью и жестокостью, чѣмъ болѣе мѣстное русское населеніе представлялось имъ безпомощнымъ и безотвѣтнымъ. Опять начинаются водвореніе господства польской народности и постепенное обращеніе въ нее русскаго народонаселенія края, истребленіе православія и введеніе, вмѣсто него, сначала униіи, а потомъ католичества, и утверждается въ краѣ неограниченное полновластіе шляхетскаго сословія и полное порабощеніе крестьянъ въ гражданскомъ и экономическомъ отношеніяхъ ²⁸³). Польскіе помѣщики, возвращаясь въ свои имѣнія и находя ихъ опустошенными и обезлюдѣвшими, хотя и давали для привлеченія поселенцевъ льготы, но никогда не думали выполнять ихъ на дѣлѣ даже до истеченія льготнаго срока, а между тѣмъ крѣпостное право, фактически прерванное турецкимъ господствомъ, не могло, по крайней мѣрѣ въ короткое время, привиться вновь къ цѣлому поколѣнію послѣ довольно продолжительнаго перерыва, и потому было для народа вдвойнѣ тягостнымъ. Къ этому присоединились еще религіозныя преслѣдованія, усилившіяся въ Подоліи по прекращеніи здѣсь турецкаго владычества. Вслѣдъ за удаленіемъ турокъ изъ этого края, въ Польшѣ издается цѣлый рядъ сеймовыхъ постановленій, направленныхъ къ уничтоженію религіозныхъ и общественныхъ правъ кореннаго православнаго населенія. Православнымъ, наравнѣ съ евреями, запрещалось жить въ столицѣ Подоліи, Каменцѣ, вслѣдствіе чего православные каменецкіе со своимъ братствомъ пріютились въ предмѣстьи Каменца Русскихъ Фольваркахъ, при Воскресенской церкви. Только униаты, наравнѣ съ католиками, допускались къ занятію выборныхъ магистратскихъ должностей въ городахъ. Возстановленъ былъ прежній законъ, по которому однѣ униатскія церкви и духовенство были свободны отъ постоя и всевозможныхъ воинскихъ повинностей. Наконецъ, вся Подолія была изъята изъ вѣдомства Кіевской православной митрополіи и подчинена львовскому униатскому епископу Юсифу Шумлянскому. Принявъ открыто унию въ 1700 году, Шумлянскій формально объявилъ свою епархію униатскою и разсылалъ своихъ должностныхъ лицъ для дѣйствительнаго введенія униіи въ разныхъ округахъ своей епархіи ²⁸⁴), при чемъ дѣятельно помогали ему

и польскіе помѣщики. Въ 1700 году онъ поручилъ униатскому провинціалу Корыстынскому ввести унию во всей Збаражской волости. Корыстынскій явился на мѣсто дѣйствія въ сопровожденіи надворной хоругви (отряда солдатовъ) владѣльца Збаража Іосифа Потоцкаго. Часть священниковъ и православнаго населенія приняла унию. Но явились между ними и такіе «твердые схизматики», которые не только сами не принимали униі, но «съ горячею мольбою» упрашивали склонныхъ къ униі не принимать ее. Тогда Іосифъ Потоцкій прислалъ отъ себя указъ, въ которомъ было сказано: «вѣдомо чиню, что, благодаря Бога, вся русская область приняла унию, т. е. единеніе съ св. римскою католическою церковію, о чемъ отецъ игумень (Збаражскаго монастыря, еще раньше давшій Потоцкому обѣщаніе принять унию) уже извѣщалъ васъ... Предписываю, чтобы вы ни въ чемъ не противились и повиновались въ дѣлахъ церковныхъ игумену... Всякаго же упорнаго и неповинующагося приговариваю къ уплатѣ штрафа въ 100 гривенъ и сверхъ того къ тяжкому наказанію». Мѣстный збаражскій губернаторъ, въ качествѣ представителя владѣльца, предложилъ къ услугамъ униатовъ свою власть ²³⁵).

Существеннымъ препятствіемъ къ совершенному порабоженію Подоліи поляками служило казачество, на которое, поѣтому, и обращено было ими особенное вниманіе. Тотчасъ по удаленіи турокъ изъ Подоліи, 20 августа 1699 года, данъ былъ наказному гетману Самусю и всѣмъ казацкимъ полковникамъ универсалъ, которымъ предписывалось очистить занятія ими квартиры и распустить и совершенно упразднить казацкіе полки. Но это казачество скорѣе тянуло на сторону Россіи, чѣмъ Польши, и не только не послушалось универсала, но и немедленно стало во главѣ народнаго движенія противъ водворявшихся польскихъ порядковъ. Получивъ королевскій универсалъ 1699 года объ упраздненіи казацкихъ полковъ, всѣ предводители казацкіе съѣхались на совѣщаніе къ полковнику Палію въ Фастовъ, объявили крестьянамъ вѣчныя «слободы» и освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и занялись немедленно приготовленіемъ къ отпору полякамъ. Возстаніе началось съ мѣстностей, подвластныхъ Палію, и въ 1702 году, во время войны Польши со Шведами, охватило всю западную Украину. Особенно сильное возстаніе обнаружилось среди крестьянъ въ мѣсторасположеніи подольскаго полка и вскорѣ достигло такихъ размѣровъ, что не на шутку

встревожило мѣстную шляхту. Въ іюнѣ этого года сеймикъ Подольскаго воеводства предписываетъ помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, экономамъ, арендаторамъ слѣдить за броженіемъ умовъ подвластныхъ имъ крестьянъ, ловить и задерживать всѣхъ, на кого можетъ пасть подозрѣніе въ бунтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймикъ доводитъ до свѣдѣнія короннаго гетмана, что на Подоліи начинаютъ появляться отряды «левицеви» (гайдамакъ), и просить защиты отъ нихъ. Мѣсяцъ спустя, дворяне уже вторично собираются на новый сеймикъ и рѣшаются съ своей стороны принять болѣе энергичныя мѣры, а именно: составить посполитое рушеніе, уничтожить всѣ льготныя условія «слободъ», уцѣлѣвшія еще кое-гдѣ, и ввести повсемѣстно одинаково стѣснительныя для народа условія, чтобы такимъ путемъ устранить возможность выбора и тѣмъ самымъ успокоить крестьянскіе умы. Разумѣется, мѣра эта привела къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени, именно въ началѣ сентября 1702 года, Самусь объявляетъ, что онъ уже присягнулъ русскому императору Петру I и подчинился лѣвобережному гетману Мазепѣ, и призываетъ къ оружію крестьянъ наравнѣ съ казацкими отрядами, разсѣянными по Подоліи и Подиѣстровью, а сборнымъ пунктомъ для нихъ назначаетъ свой лагерь подъ Бѣлою Церковію, поручивъ руководить возстаніемъ казацкимъ старшинамъ. На призывъ Самуся огромныя толпы «хлоновъ» покидали города, села, свои дома, собирались съ дѣтьми, женами, имуществомъ и скотомъ, иногда зажигали свои жилища и безчисленными таборами стремились въ казацкій лагерь, гдѣ начальники отбирали людей, способныхъ къ оружію, и составляли полки. Прибылъ сюда и подольскій полковникъ Абазинъ со своими казаками, а Палій отправилъ къ Самусю 1500 человекъ своего войска. Отъ Бѣлой Церкви Самусь долженъ былъ отступить, но за то взялъ Бердичевъ и Немировъ и не оставилъ въ немъ ни одного поляка и жида. Въ то же время пасынокъ Палія, Семашко, по приглашенію жителей Побережья и Брацлавщины, отправился туда со своимъ отрядомъ. Здѣсь подиѣстрияскія селенія, отъ Студеницы до Ямполья включительно, успѣли уже, съ помощію избранныхъ ими самими полковниковъ Палладія, Рынгаша, Кумянскаго, Шпака (Бѣлецкаго), Скорича, Дубины и др., освободиться изъ подъ власти своихъ пановъ и примкнуть къ казачеству. Въ самомъ непродолжительномъ времени около 20 волостей въ Побережьи подчинились Семашку, который

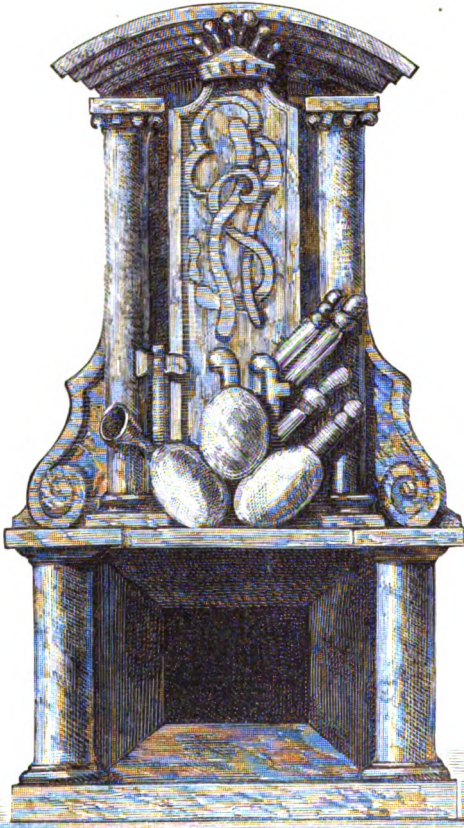
тотчасъ же перебилъ арендаторовъ-евреевъ, изгналъ пановъ изъ края и имѣнія ихъ приписалъ къ Бѣлоцерковскому полку. Во всей странѣ отъ низовьевъ Буга и Днѣпра по рѣку Случь по городамъ и селамъ старосты и жидаы были побиты, другіе отъ страха побѣжали вглубь Польши, крича, что наступила для нихъ другая Хмельницина.

Между тѣмъ наступила зима. Крестьяне и казаки, разбившись мелкими отрядами по цѣлой Подоліи и Брацлавщинѣ, расположились по селамъ небольшими кучками на квартиры, рассчитывая отдохнуть до весны и собраться съ силами для новыхъ военныхъ дѣйствій. Но это-то именно время и избрано было поляками, какъ самое удобное, для подавленія бунта. Имъ удалось, хотя съ большимъ трудомъ, собрать нѣсколько частныхъ ополченій отъ магнатовъ Потоцкаго, Любомирскаго и др. Принявшій начальство надъ ними польскій гетманъ Сенявскій въ началѣ 1703 года явился въ Подольскую землю и съ чрезвычайнымъ усердіемъ занялся истребленіемъ разсѣянныхъ по селамъ казаковъ и крестьянъ, которые не въ состояніи были оказать серьезнаго сопротивленія польскому войску. По словамъ гетмана Мазепы, поляки по Днѣстру и по Бугу «иныхъ висѣлицею, иныхъ бросаніемъ на крюки, а иныхъ взбиваніемъ на колъ казнили, мстя свои убытки и кроворазлитіе». Прежде всего мечь поляковъ обрушилась на сѣверную Подолію и Брацлавщину и выразилась взятіемъ городовъ и истребленіемъ жителей. Первымъ казненъ былъ Абазинъ, взятый въ плѣнъ въ Ладыжинѣ; затѣмъ казнили смертью не только всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ казаковъ, но и крестьянъ, вырѣзывали поголовно все населеніе тѣхъ селъ, которыя какимъ бы то ни было способомъ выказали сочувствіе и содѣйствіе возставшимъ. Но когда расправа на сѣверѣ была окончена и дѣло дошло до Побережья, то оказалось, что здѣсь не осталось ни души, надъ которою бы можно было нарядить судъ и слѣдствіе. Южные поднѣстрянскіе полки или отряды, не надѣясь одолѣть врага и не дожидаясь его приближенія, цѣлыми массами уходятъ за Днѣстръ, а за ними слѣдуетъ осѣдлое населеніе селъ, мѣстечекъ и городовъ. Ближайшіе молдавскіе пограничныя начальники, сорокскій и хотинскій, охотно принимали бѣглецовъ и оказывали имъ содѣйствіе при переходѣ за Днѣстръ. Ямпольцы, вмѣстѣ со своимъ осадчимъ румыномъ Георгицею и начальникомъ казацкаго отряда Рынгашемъ, воспользовались гостепріимствомъ сорокскаго молдавскаго начальника и проживали въ ближайшемъ го-

родѣ Сорокахъ. Все побережье Днѣстра отъ Жванца до Ягорлыка совершенно опустѣло, какъ послѣ татарскаго набѣга. Мѣстные паны не разъ посылали къ молдавскому господарю съ просьбою о выдачѣ ихъ подданныхъ и возвращеніи захваченнаго ими имущества; но господарь,

подъ разными благовидными предлогами, отказывался выдать бѣглецовъ, — и они продолжали спокойно проживать въ Молдавіи, въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Въ февралѣ 1703 года Сенявскій объявилъ всеобщее прощеніе крестьянамъ, какъ уцѣлѣвшимъ еще кое-гдѣ на Подоліи, такъ и тѣмъ, которые проживали въ Молдавіи, и удалился, оставивъ въ городахъ небольшіе гарнизоны, которымъ запретилъ дальнѣйшія преслѣдованія жителей. Съ своей стороны, паны, желая привлечь на свои земли лицъ, скомпрометированныхъ участіемъ въ возстаніи, объявляютъ снова значительные сроки «слободъ», вопреки самымъ рѣшительнымъ запрещеніямъ своего собственнаго сеймпка. И вотъ, по удаленіи польскихъ войскъ, насе-

Камень въ домѣ, въ которомъ останавливался Петръ Великій.

(Въ м. Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда).

леніе начинаетъ понемногу возвращаться и снова подчиняться Палію, изгнавъ прежде всего немногочисленныя польскія хоругви. Однако общественное спокойствіе не было нарушено до того времени, пока не потребовалось участіе казаковъ въ новой шведской войнѣ. Едва лѣвобережный гетманъ Мазепа со своими полками перешелъ на правую сторону Днѣпра, явился въ Кіевъ и призвалъ къ участію въ

походъ правобережныхъ полковниковъ, какъ весь народъ поднялся снова, принимая появленіе гетмана, какъ сигналъ къ возстанію. Въ Подолію возвращаются уцѣлѣвшіе полковники 1702 года и начинаютъ составлять полки. Кромѣ того, повсемѣстно составляются самопроизвольно небольшіе отряды крестьянъ, которые возобновляютъ враждебныя дѣйствія противъ шляхты. Но самъ Мазепа, задумавшій измѣну Россіи, захватилъ въ плѣнъ Палія, не хотѣвшаго возвратить полякамъ Бѣлой Церкви, и устроилъ ему ссылку въ Енисейскъ, а Шпака съ его войскомъ отозвалъ изъ Подоліи. Тѣмъ не менѣе возстаніе вскорѣ усилилось, когда Мазепа долженъ былъ заняться походами въ разныя стороны. Народъ отказывался признавать шляхту и пытался вызвать къ жизни прежнее казацкое устройство. Возвращались изъ Молдавіи всѣ прежніе жители, вслѣдъ за ними шли новые переселенцы изъ-за Днѣстра и Днѣпра, изъ Польска и еще болѣе отдаленныхъ мѣстностей, и уже въ 1709 году были возстановлены на Украинѣ семь старыхъ казацкихъ полковъ въ прежнихъ предѣлахъ и въ числѣ ихъ могилевскій и брацлавскій. Въ концѣ марта 1709 года русскій резидентъ въ Польшѣ Дашковъ писалъ изъ Сатанова слѣдующее: «явились два волоха: Савва, который взялъ Могилевъ на Днѣстрѣ, разоряетъ и мучитъ шляхту нестерпимо, разглашая, что дѣйствуетъ по указу царскаго величества; другой Иваненко захватилъ Брацлавъ и также мучитъ и разоряетъ шляхту. Вслѣдствіе этого въ 1709 году русское правительство вмѣнило новоизбранному вмѣсто Мазепы гетману Скоропадскому въ обязанность удерживать Савву Волошина и другихъ полковниковъ отъ враждебныхъ столкновений съ поляками ²⁸⁶).

Впрочемъ, торжество казачества и на этотъ разъ было непродолжительно. Въ 1710 году начинается война между Россією и Турцією, ставшей на сторону шведскаго короля Карла XII, пораженнаго Петромъ I подъ Полтавою въ 1709 году. Сторонники Карла считали необходимымъ поскорѣе овладѣть западною Україною, не дожидаясь приближенія русскихъ войскъ. Въ началѣ 1711 года сбродная толпа, состоявшая изъ татаръ буджацкихъ и бѣлгородскихъ, изъ поляковъ и запорожцевъ, переправилась черезъ Днѣстръ и разсѣялась по всей Подоліи. Предводительствовалъ ею Филиппъ Орликъ, избранный измѣнчившими Россіи казаками въ свои гетманы по смерти Мазепы. Народонаселеніе, измученное до крайности непрерывными войнами, равно засти-

гнутые въ распахъ казаки, не оказали никакого сопротивленія: многіе города и мѣстечки сдавались добровольно, лишь бы только избѣжать разоренія; но все это мало облегчало участь туземцевъ. Татары, по обыкновенію, грабили церковное имущество и забирали у жителей все, что могли. Въ короткое время Орликъ прошелъ все Поднѣстровье и направился къ сѣверу; но вскорѣ его сбродная дружина разсѣялась, самъ онъ ушелъ обратно за Днѣстръ въ Молдавію, а на мѣсто его вступили русскія войска и по пути въ Турцію начали въ свою очередь приводить край въ подчиненіе Россіи. Изъ требованія польскихъ пословъ въ Москвѣ въ началѣ 1711 года видно, что въ это время московскими войсками были заняты украинскія крѣпости Бѣлая Церковь, Фастовъ, Брацлавъ, Немировъ, Богуславъ. Самъ Петръ I, на пути къ Пруту, прослѣдовалъ черезъ Подолію, былъ въ Брацлавѣ и направился къ Сорокамъ, а по окончаніи компаніи, направляясь къ Ригѣ, посѣтилъ Каменецъ и Сатановъ.

Послѣ прутскаго похода Петра I, въ сентябрѣ 1711 года изданъ былъ, на основаніи договора съ Турціей, царскій указъ, въ силу котораго вся правобережная Украина, за исключеніемъ Кіева, должна была отойти къ Польшѣ. Вслѣдствіе этого, мѣстное народонаселеніе стало переходить на лѣвый берегъ Днѣпра, въ предѣлы Россіи. Самъ лѣвобережный гетманъ Скоропадскій съ полковниками и русскими генералами руководили переселеніемъ. Сперва переводили одинъ за другимъ всѣ поднѣстрианскіе города и мѣстечки, начиная съ самыхъ западныхъ, при чемъ жители забирали все свое имущество и все, что только можно было увозить, даже церкви разбирали, а жилища свои и все, что должно было остаться, зажигали, чтобы не досталось полякамъ. Затѣмъ, мало по малу подвигаясь къ востоку, переселеніе захватило и ближайшіе къ Днѣпру полки и завершилось къ концу 1714 года²⁸⁷). Около этого времени переселились изъ м. Бара въ Кіевъ и родители извѣстнаго путешественника по святымъ мѣстамъ, Василя Григоровича Барскаго²⁸⁸).

Когда такимъ образомъ уничтожено было въ западной Украинѣ казачество, то поляки почувствовали себя болѣе свободными въ дѣлѣ порабоженія мѣстнаго русскаго населенія и совращенія его въ унию и даже въ католичество. Эти дѣли они и преслѣдуютъ въ ХVIII вѣкѣ во все время господства въ западной Украинѣ и въ частности въ Подоліи, съ тою только разницею, что въ сѣверо-западной Подоліи, какъ бли-

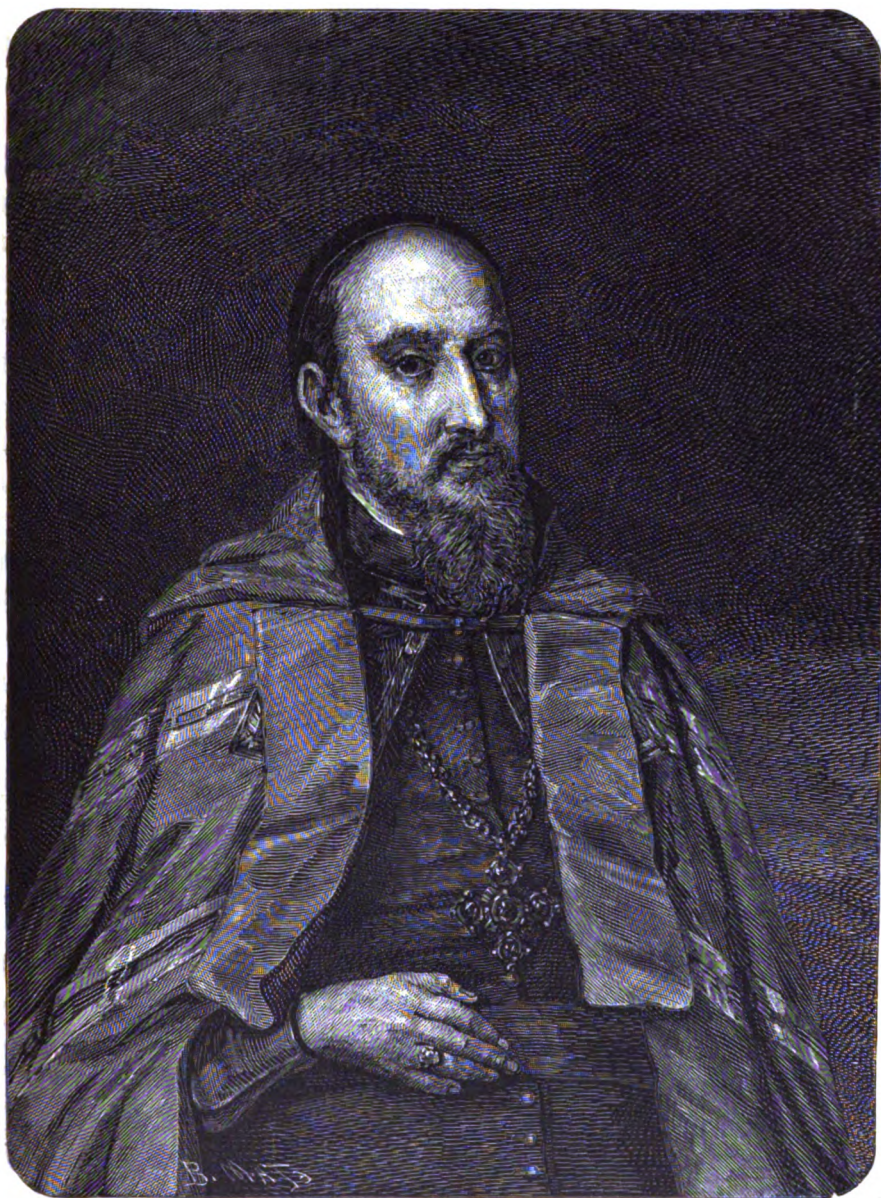
жайшей къ Польшѣ и гуще населенной, ярмо польскаго владычества было тяжелѣе и чувствительнѣе для простаго народа, чѣмъ въ наиболѣе удаленной и слабѣе населенной юго-восточной части Подоліи.

Когда выселеніе народа на лѣвую сторону Днѣпра приходило къ концу, поляки снова возвратились въ западную Украину, но застали здѣсь такое запустѣніе, что, напримѣръ, въ Могилевѣ оставалось только 102 жителя, а въ Могилевскомъ округѣ 178 душъ обоего пола. Панамъ приходилось вновь начинать колонизацію запустѣвшей области. Они попрежнему объявляютъ «слободы» или льготы поселенцамъ; но, по истеченіи льготнаго срока, наступаетъ новое закрѣпощеніе народа²⁸⁹). Это закрѣпощеніе скорѣе наступило въ сѣверо-западной Подоліи, чѣмъ въ юго-восточной. Такъ, напримѣръ, въ кіевскомъ Полѣсьи, находившемся въ одинаковыхъ условіяхъ съ западной Подоліей, общая сложность повинностей крестьянскихъ въ началѣ XVIII вѣка, въ переводѣ на деньги, представляла слѣдующія цифры: рабочихъ дней 114, стоимостью въ 38 злотыхъ, чиншей и подорожчины 30 дней, стоимостью 10 злотыхъ, даней натурою 18 дней, стоимостью въ 6 злотыхъ, а всего 162 дня, стоимостью въ 54 злотыхъ. Къ концу же столѣтія: рабочихъ дней 195, стоимостью въ 65 злотыхъ, чиншей и подорожчины 57 дней, стоимостью въ 19 злотыхъ, даней натурою 24 дня, стоимостью въ 8 злотыхъ, и дани хлѣбомъ 36 дней, стоимостью въ 12 злотыхъ, а всего 312 дней въ году, стоимостью въ 104 злотыхъ. Между тѣмъ въ юго-восточной Украинѣ, въ первой половинѣ XVIII вѣка, крестьяне находились какъ бы въ переходномъ состояніи и вовсе ничего не платили помѣщику за пользование землею, или же вносили самыя незначительныя чинши и дани. Только около 1760 года начали истекать сроки слободъ, первоначально обѣщанныхъ крестьянамъ, и около этого времени появляются первыя болѣе опредѣленные новинности крестьянъ, и притомъ сравнительно незначительныя, не превышавшія въ среднемъ размѣрѣ и въ общей сложности суммы 20 злотыхъ, т. е. стоимости 60 рабочихъ дней²⁹⁰).

Горечь тягостнаго положенія простаго народа поляки думали усладить единеніемъ въ вѣрѣ, въ видѣ ли религіозной уніи католичества съ православіемъ, или же путемъ прямаго совращенія православнаго населенія въ католичество, и тѣмъ предотвратить народные бунты и возстанія, несомнѣнно питавшіеся отчасти и религіозною рознью, хотя въ дѣйствительности нерѣдко достигали прямо противоположныхъ ре-

[Heavily obscured and illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

NOTICE: THIS DOCUMENT IS UNCLASSIFIED
DATE 10/20/2011 BY [illegible]

Аванасій Шептицький,
уніатській єпископъ галицькій и каменець-подольській,
впослѣдствіи митрополитъ.

зультатовъ. И въ этомъ отношеніи опять таки наблюдалась нѣкоторая постепенность и послѣдовательность какъ въ пространственномъ расширеніи уніи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, такъ и въ преемственномъ усиленіи сначала преимущественно уніи, а затѣмъ—католичества.

Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ введенію уніи въ краѣ была власть помѣщиковъ-католиковъ надъ своими крестьянами, при посредствѣ которой они могли склонить къ уніи православныхъ священниковъ и ихъ прихожанъ. А такъ какъ власть помѣщиковъ надъ крестьянами раньше и прочнѣе утвердилась въ сѣверо-западной Подоліи, то здѣсь раньше распространилась и укоренилась и унія. Мы видѣли, что въ 1700 году Іосифъ Потоцкій прямо приказываетъ своимъ подданнымъ принять унію, подъ угрозою штрафа и наказанія. Обыкновеннымъ же средствомъ къ совращенію извѣстнаго прихода въ унію у помѣщиковъ было право презенты кандидату во священство на занятіе извѣстнаго прихода. Въ 1708 году брацлавскій воевода Конецпольскій выдалъ одному священнику презенту на занятіе прихода только потому, что онъ принялъ унію²⁹¹). Чтобы лишить народъ добрыхъ пастырей церкви и имѣть право давать ему пастырей по своему выбору, католическіе епископы, вмѣстѣ съ іезуитами и уніатскими монахами базилианами, исходатайствовали въ 1747 году у короля Августа III универсалъ, чтобы къ православнымъ церквамъ, остававшимся въ королевскихъ имѣніяхъ, назначать священниковъ не иначе, какъ съ согласія на то короля, а въ помѣщичьи имѣнія священникъ получалъ право поступить на приходъ только тогда, когда получалъ одобрительную грамоту отъ мѣстнаго владѣльца²⁹²). Тамъ, гдѣ оставались еще православные священники, они лишались земельныхъ угодій и подлежали даже нѣкоторымъ повинностямъ. Уніатскій брацлавскій офиціалъ, Любинскій, секретными письмами побуждалъ подольскихъ помѣщиковъ-католиковъ не давать православнымъ священникамъ земли, сѣнокосовъ, и взыскивать съ нихъ пчельную десятину. Навѣты уніатской духовной власти вызывали со стороны помѣщиковъ-католиковъ сильныя притѣсненія православному духовенству, состоявшія прежде всего въ томъ, что они отнимали у священниковъ находившіяся въ ихъ пользованіи земли, брали съ нихъ подати, требовали исполненія дворскихъ повинностей и т. д. За то уніатскіе священники получали приличное обезпеченіе, конечно—подъ условіемъ соблюденія ими уніи. Въ такъ называемыхъ «эрекціяхъ»

Аванасій Шептицький,
уніатській єпископъ галицькій и каменецъ-подольській,
впоследствіи митрополитъ.

или документахъ на церковныя земельныя угодыя нерѣдко встрѣчаются откровенныя заявленія помѣщиковъ, что они дѣлають пожертвованія «ради процвѣтанія святой уніи». Другіе помѣщики прямо заявляли, что священники до тѣхъ поръ могутъ пользоваться предоставленными имъ приходами, пока останутся вѣрными уніи. Особенно много сдѣлалъ для обезпеченія уніатскихъ священниковъ въ Подоліи львовскій и каменецъ-подольскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій, управлявшій нѣкоторое время и Брацлавщиной. Онъ не только заботился о фундашахъ при своихъ епископскихъ кафедрахъ, но старался выхлопотать у пановъ фондуши для приходскихъ церквей и укрѣпить за ними. Шептицкій поручилъ своимъ визитаторамъ дѣлать обстоятельныя визиты, въ которые бы вписывалось точно все имущество церковное на основаніи подлинныхъ документовъ, а если не было эрекціи, то не назначалъ на приходъ священника до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ не обезпечивалъ церковь фондушемъ съ надлежащими документами. Такимъ образомъ онъ не только привелъ въ извѣстность церковныя имущества, но даже тамъ, гдѣ ихъ не было, выхлопоталъ у ктиторовъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, унія въ Подоліи имѣла значительныя успѣхи ²⁹³). Въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія во всей западной Малороссіи считалось уніатскихъ приходовъ не болѣе 150, въ 1747 году ихъ было 800, а около 1764 года до 2,000 ²⁹⁴).

Что же касается внутренняго состоянія самой уніи, то на первыхъ порахъ она существовала только по имени и весьма мало отличалась по наружности отъ православія. Уніатскіе священники были еще изъ посвященныхъ православными епископами лицъ, какъ напримѣръ, священникъ Петръ Урановичъ, который посвященъ былъ въ Валахіи епископомъ радовенскимъ и въ 1715 году принятъ въ уніатскую Львовскую епархію епископомъ львовскимъ Варлаамомъ Шептицкимъ ²⁹⁵). Существенному измѣненію подверглась унія на замостьскомъ уніатскомъ соборѣ 1720 года, на которомъ узаконены были многія латинскія нововведенія въ уніи, выработанныя главнымъ образомъ литовскими базилианами. На немъ навязаны были уніатамъ утвержденное папою Урбаномъ VIII исповѣданіе вѣры съ прибавленіемъ словъ «и отъ Сына», и ученіе о непогрѣшимости папы, и признанъ восьмой якобы вселенскій соборъ, бывшій противъ царградскаго патріарха Фотія. Рѣшено было также, чтобы имя папы римскаго внесено было въ помянники и возно-

симо было на литургіи во время перенесенія даровъ внятно, громко и ясно. Вводя такимъ образомъ католическое вѣроученіе въ русскую уніатскую церковь, соборъ занялся исправленіемъ греческаго обряда и приближеніемъ его къ латинскому обряду. Сохранивъ нѣкоторые древніе обычаи восточной церкви, замостьскій соборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ приобщать младенцевъ, уничтожилъ употребленіе губокъ для вытиранія дискоса и собиранія наложенныхъ на немъ частицъ, и велѣлъ вытирать дискосъ пальцемъ, какъ это дѣлается въ латинской церкви; отмѣнилъ обычай вливать теплоту въ чашу предъ причащеніемъ и совѣтовалъ ввести во всеобщее употребленіе читанныя или шептанныя литургіи, не поставляя, однако же, этого въ непремѣнную обязанность духовенству. Во исполненіе постановленій замостьскаго собора, по приказанію римской конгрегаціи о распространеніи вѣры отъ 20 ноября 1728 года, папскій нунцій назначилъ въ 1729 году комиссію изъ двухъ латинскихъ канониковъ, двухъ доминиканъ и двухъ іезуитовъ для пересмотра русскихъ богослужебныхъ книгъ; съ приглашеніемъ въ нее двухъ русскихъ священниковъ Діонисія Макевича и Іосифа Нарольскаго. Эта комиссія пересмотрѣла въ 1730 и 1731 годахъ русскія церковныя книги и устранила изъ нихъ все, что не согласовалось съ римскимъ вѣроисповѣданіемъ. Сообразно съ работами и замѣчаніями этой комиссіи, уніатскій митрополитъ Аѳанасій Шептицкій издалъ въ 1738 году въ Львовѣ окружное посланіе, которымъ, подъ угрозой низложенія, повелѣвалъ монашествующему и бѣлому духовенству, въ теченіи 8 недѣль, исправить всѣ церковныя книги: При этомъ онъ указывалъ, въ какихъ именно книгахъ, какія мѣста и какимъ образомъ исправить, повелѣвая въ однихъ «тое слово или мѣсто вымазати, другое выняти и выкинути», въ другихъ такія или иныя мѣста, вырванныя или вымазанныя, замѣнить другими ²⁹⁶). Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія уніатскія власти разбѣзжали по Малороссіи, собирали священниковъ, учили ихъ новымъ обрядамъ и непокорныхъ подвергали наказаніямъ, даже тѣлеснымъ. Дальнѣйшее развитіе постановленій замостьскаго собора повело къ распоряженіямъ стричь священникамъ волосы, брить бороды, носить одежду латинскихъ ксендзовъ. Съ 1740 года уніатскіе монахи-базиліаніе русской или польской провинціи, къ которой принадлежала и Подолія, стали одѣваться и стричься по-католически. Въ 1747 году викарій генеральный,

базиліанинъ Іосифъ Лысянскій, издалъ распоряженіе, чтобы уніатское духовенство приняло одежду латинскаго духовенства ²⁹⁷).

Особенную услугу окатоличенію уніи оказало уніатское монашество подольское, включенное въ XVIII вѣкѣ въ составъ монашескаго базилианскаго ордена, основаннаго въ Литвѣ еще въ началѣ XVII вѣка. До начала XVIII столѣтія уніатскіе монастыри Галиціи и Подоліи, на основаніи условій принятія уніи въ 1681 году нѣкоторыми епископами, оставались въ подчиненіи своимъ мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ и не входили въ составъ базилианскаго ордена. Но литовскіе базилиане на своемъ съѣздѣ или конгрегации 1707 года сдѣлали было постановленіе, чтобы монастыри епархій Львовской и Перемышльской, а также и тѣ монастыри въ епархіяхъ Владимірской, Луцкой, Холмской и Кіевской, которые еще не подчинились власти базилианскаго протоархимандрита или генерала, присоединены были, на основаніи папскихъ буллъ и декретовъ, къ литовской конгрегации. Вслѣдствіе этого, монахи этихъ епархій, особливо же Львовской, собравшись въ 1709 году во Львовѣ, выбрали изъ своей среды трехъ игуменовъ и поручили имъ сдѣлать торжественный протестъ противъ постановленія литовской конгрегации и выразили желаніе оставаться по прежнему подъ властію мѣстныхъ епархіальныхъ епископовъ. Въ то же время львовскій уніатскій епископъ Варлаамъ Шептицкій избралъ нарочитыхъ комиссаровъ, которымъ поручилъ объѣхать и осмотрѣть всѣ монастыри своей епархіи, развѣдать о порядкахъ монастырскихъ, о положеніи монастырскихъ имуществъ и фундушей и о числѣ монаховъ. Въ результатѣ этой ревизіи оказалось, что въ то время во Львовской епархіи было много частныхъ монастырей безъ фундушей, безъ правъ, безъ должнаго содержанія, такъ что иногда одинъ только монахъ проживалъ въ извѣстномъ монастырѣ, безъ братіи, присваивая себѣ званіе игумена. Получивъ требуемыя свѣдѣнія, Варлаамъ Шептицкій созвалъ въ 1711 году игуменовъ всѣхъ монастырей своей епархіи на соборъ въ Уневскій монастырь для разсужденій о благоустроеніи монашеской жизни. Въ числѣ подписавшихся подѣ дѣяніями собора были игумены монастырей Соколецкаго, Сатановскаго, Межибожскаго и др. На этомъ соборѣ малые монастыри епархій Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской подчинены большимъ монастырямъ, избраны четыре совѣтника для управленія всѣми монастырями епархіи и повторенъ прежній протестъ противъ

притязаній литовскихъ базилианъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выражено желаніе, чтобы, по примѣру католической религіи, образована была особая коронная монашеская провинція, отдѣльная отъ Литовской ²⁹⁸). Эта мысль объ отдѣльности коронныхъ уніатскихъ монастырей отъ литовскихъ проведена была и на замостьскомъ соборѣ 1720 года, на которомъ постановлено было соединить все уніатскіе монастыри епархій Владимірской, Луцкой, Холмской, Львовской и Перемышльской въ особый монашескій союзъ, отдѣльный отъ литовскаго базилианскаго ордена, подъ управленіемъ своего генерала или протоархимандрита. Но литовскіе базилиане, гордые своею столѣтнею принадлежностію къ ордену, своею опытностію и своими заслугами уніи и католичеству, не желали раздѣльнаго существованія въ польско-литовскомъ государствѣ двухъ базилианскихъ орденовъ и старались о соединеніи ихъ въ одинъ орденъ, съ тѣмъ, чтобы удержать въ немъ за собою господствующее или, по крайней мѣрѣ, первенствующее положеніе. Они удержали за собою 12 монастырей, еще прежде присоединенныхъ къ ордену, но находившихся внѣ предѣловъ Литвы, и успѣли добиться того, что папа, освободивъ всехъ уніатскихъ монаховъ отъ подчиненности мѣстнымъ епископамъ и даже митрополиту и принявъ ихъ непосредственно подъ свою власть, образовалъ изъ всехъ уніатскихъ монаховъ въ польско-литовскомъ государствѣ одинъ базилианскій орденъ, но съ раздѣленіемъ его на двѣ провинціи, Литовскую и Польскую или Русскую, подъ управленіемъ одного протоархимандрита или генерала ордена. Базилианскій генералъ избирался поочередно изъ обѣихъ провинцій, сначала на восьмилѣтній, а потомъ на четырехлѣтній срокъ. Мѣстопробываніемъ для генерала изъ польско-русской провинціи назначенъ былъ Почаевскій монастырь. Такъ какъ въ новоучрежденной польско-русской провинціи много было бѣдныхъ монастырей, то папа, примѣнительно къ постановленіямъ тридентскаго собора, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы оставлены были самостоятельными только такіе монастыри, которые могли содержать до 10-ти или, по крайней мѣрѣ, до 8-ми монаховъ, а остальные бѣднѣйшіе или приписаны были къ другимъ самостоятельнымъ монастырямъ, или совершенно упразднены, а имущества ихъ переданы въ распоряженіе мѣстныхъ епископовъ ²⁹⁹). Въ Подоліи, въ началѣ XVIII вѣка, наиболѣе состоятельными монастырями были слѣдующіе монастыри, возстановленные или вновь основанные въ это время: Сатановскій, которому

*

въ 1707 году Николай-Адамъ Сенявскій далъ права и фундушъ ³⁰⁰); Малѣевскій монастырь, переданный въ 1708 году подольскимъ судьей Лаврентіемъ Пепловскимъ базилианамъ ³⁰¹); Грановскій или Тишковскій Преображенскій монастырь близъ м. Гранова, основанный около 1711 года съ разрѣшенія Сенявскаго ³⁰²); Барскій въ Семенкахъ и Шаргородскій, возстановленные въ 1715 году Юріемъ Любомирскимъ ³⁰³); Троицкій Каменецкій монастырь, устроенный въ 1722 году львовскимъ епископомъ Аванасіемъ Шептицкимъ при Троицкомъ кафедральномъ соборѣ ³⁰⁴). Эти-то монастыри и послужили ядромъ для базилианскаго монашества въ Подоліи. На базилианскихъ сѣздахъ антопольскомъ (Гродненской губ.) 1744 года и дубенскомъ 1745 года положено было оставить самостоятельными, въ предѣлахъ нынѣшней Подольской губерніи, слѣдующіе монастыри: Каменецкій Троицкій кафедральный, Барскій, Сатановскій и Шаргородскій или Калиновскій. Принисаны къ другимъ монастырямъ: Немировскій и Грановскій—къ Шаргородскому, Головчинскій—къ Барскому, Малѣевскій и Улановицкій—къ кафедральному Каменецкому, Коржовецкій—къ Сатановскому, Соколецкій—къ Погоньскому на Волыни. Предназначены къ упраздненію монастыри, съ передачею имущества нѣкоторыхъ изъ нихъ другимъ монастырямъ: Бакотинскій—Добржанскому, Винницкій—Шаргородскому, Галайковскій—Малѣевскому, Лядавскій—Шаргородскому и Бершадскій ³⁰⁵). Кромѣ того, въ XVIII вѣкѣ въ Подоліи упоминаются еще монастыри: Голотьковскій ³⁰⁶), Клищевскій ³⁰⁷), Тывровскій ³⁰⁸), Рожецкій ³⁰⁹), Черноострожскій ³¹⁰), Марковецкій ³¹¹), Рашковскій, Машковскій, Шелеховскій и др. ³¹²), вовсе не упоминаемые въ базилианскихъ постановленіяхъ, можетъ быть, потому, что они были еще въ это время православными.

Уніатскій базилианскій монашескій орденъ устроенъ былъ по образцу католическихъ монашескихъ орденовъ и даже заключалъ въ себѣ значительное число истыхъ католиковъ, число которыхъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивалось. Изъ базилианскаго ордена, по базилианскимъ постановленіямъ и королевскимъ привилегіямъ, должны были назначаться уніатскіе епископы и духовные начальники ³¹³) не только монашествующаго, но и свѣтскаго духовенства, для образованія которыхъ существовали и особыя монашескія школы, и общеобразовательныя, но содержимыя базилианами же. Изъ монашескихъ школъ въ Подоліи извѣстны школы или, точнѣе, классы: догматико-нравственнаго

Православныя церкви въ Каменецъ-Подольскѣ:

Крестовая Успенская церковь.

Каедральный соборъ.

Троицкій монастырь.

Петропавловская церковь.

богословія въ Сатановскомъ монастырѣ и спекулятивнаго богословія въ Каменецкомъ. Общеобразовательныя базилианскія школы были сначала въ Шаргородѣ, а по изгнаніи іезуитовъ изъ Польши, въ 1772 году, и въ Барѣ ³¹⁴). Въ 1782 году въ Барской школѣ обучалось 553 ученика, а въ Шаргородской, въ 1784 году, было до 600 учениковъ ³¹⁵). Изъ тѣхъ и другихъ школъ выходили люди, вполне преданные униі и католичеству, которые, достигая начальственныхъ должностей, усердно заботились объ искорененіи православія, распространеніи униі и о сближеніи ея съ латинствомъ. Таковы преимущественно были, кромѣ епископовъ, ближайшіе ихъ помощники-оффиціалы и визитаторы, обыкновенно назначавшіеся изъ базилианскихъ монаховъ, какъ, напримѣръ, извѣстный уже намъ Іосифъ Лысянскій. Главнымъ мѣстопробываніемъ этихъ оффиціаловъ и визитаторовъ былъ Каменецкій Троицкій базилианскій монастырь, который тотчасъ же, по основаніи своемъ при Каменецкомъ каедральномъ Троицкомъ соборѣ, вступилъ въ борьбу съ каменецкимъ православнымъ братствомъ, утвердившимся при Воскресенской церкви на Русскихъ Фольваркахъ, и въ 1735 году успѣлъ вытѣснить его отсюда, основавъ при этой церкви униатское братство ³¹⁶). Въ послѣдствіи времени базилианскіе начальники надъ бѣлымъ униатскимъ духовенствомъ много содѣйствовали благоустройству самой униі и тѣснѣйшему сближенію ея съ католичествомъ, особенно при львовскомъ, галицкомъ и каменецъ-подольскомъ униатскомъ епископѣ Львѣ Шептицкомъ. Самъ Шептицкій получилъ католическое образованіе и, поступивъ въ базилианскій орденъ, назначенъ былъ, въ 1749 году, львовскимъ епископомъ. Отличный организаторъ, онъ устроилъ ту строгую и бдительную духовную униатскую администрацію, которая держалась въ Подоліи до конца униі. При немъ тѣ приходскіе священники, которые, казалось, для дѣла униі были мало пригодны по своему крайне низкому умственному и нравственному развитію, въ умѣлыхъ рукахъ оффиціаловъ, визитаторовъ и декановъ усердно исполняли свои обязанности на приходахъ. И все это дѣлалось при самыхъ незначительныхъ средствахъ: имъ давали въ руки толковое и практическое руководство по нравственному и догматическому богословію и каноническому праву, заставляли выучивать его и четыре раза въ годъ держать экзамены у мѣстныхъ декановъ (благочинныхъ), а такимъ образомъ подготовленныхъ заставляли учить народъ христіанской наукѣ. Чтобы удобнѣе было слѣдить за ними и

провѣрять ихъ дѣйствія, для этого заведена была при каждой церкви особая книга, въ которую священникъ обязанъ былъ записывать кратко то катехизическое поученіе, которое онъ говорилъ народу. Во время же ревизій, имѣя въ книгѣ указаніе, чему священники учили народъ, главный визитаторъ, официалъ или деканъ каждую минуту могъ провѣрить дѣятельность священника: ему слѣдовало только собрать народъ и проэкзаменовать его. Старыхъ священниковъ, помнившихъ еще старую дозамостьскаго собора унію, часто нигдѣ не учившихся, не знавшихъ ни слова по-польски и по-латыни, Левъ Шептицкій старался удалять при первой возможности. Если же такой возможности не представлялось, то онъ назначалъ такимъ священникамъ въ помощники коадьюторовъ или викаріевъ, людей молодыхъ, но надежныхъ и опытныхъ, получившихъ большею частью образованіе въ латинскихъ школахъ. Такимъ образомъ онъ достигалъ двухъ цѣлей: ослаблялъ вліяніе представителей стараго поколѣнія и вводилъ новый, болѣе пригодный для уніи, элементъ, такъ какъ коадьюторы, по смерти настоятеля, оставались наследниками его прихода³¹⁷).

Какъ бы, впрочемъ, ни была упорядочена унія, все-таки она считалась у католиковъ какъ бы религіею низшаго разряда и служила только мостомъ къ католичеству. Нерѣдко самихъ уніатовъ католики называли схизматиками, преслѣдовали ихъ всячески и старались совратить ихъ прямо въ католичество. Польское дворянство и католическое духовенство лишь только замѣтили, что унія крѣпко утвердилась въ епархіи Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской, какъ немедленно приступили къ обращенію уніатовъ въ католичество. При этомъ они употребляли тѣ же самыя грубыя и жестокія мѣры, какія принимались и для совращенія православныхъ въ унію: дѣлали наѣзды на уніатскіе монастыри и церкви, наносили побои духовнымъ лицамъ, требовали съ нихъ барщины, захватывали и отчуждали церковныя и монастырскія земли, вмѣшивались въ церковное уніатское управленіе, разверстывали по своему желанію приходы, налагали на священниковъ запрещенія совершать требы и входить въ церковь, не допускали строить церкви и праздновать въ нихъ храмовые праздники и проч. И паны, и ксендзы никогда не опускали случая унизить уніатскихъ духовныхъ лицъ, поставить ихъ въ самое невыгодное положеніе, дать имъ почувствовать, что хотя ихъ и терпятъ въ Польшѣ, но тѣмъ не менѣе унія составляетъ вѣроиспо-

вѣданіе низшаго разбора, что она — не болѣе, какъ «холопская вѣра», и что они, — паны и ксендзы, — имѣютъ право шутить и насмѣхаться надъ вами. Вотъ примѣръ тому: уніатскій протоіерей села Каменецъ, Мартышевичъ, однажды отправился въ другое село Должокъ. Проходя по улицѣ, мимо дома знатнаго пана, скарбника подольскаго, Іосифа Лянцкоронскаго, протоіерей Мартышевичъ былъ остановленъ симъ послѣднимъ и любезно приглашенъ въ домъ. У Лянцкоронскаго въ это время были гости, которымъ хозяинъ и рѣшился сдѣлать развлеченіе насчетъ уніатскаго «попа». Лишь только Мартышевичъ вошелъ въ комнату Лянцкоронскаго, какъ ему сейчасъ предложили выпить рюмку водки. Протоіерей отказался пить, объясняя, что ему сейчасъ нужно будетъ служить обѣдню, а потому не слѣдуетъ ничего вкушать до принятія св. даровъ. Лянцкоронскій въ отвѣтъ на это обнажилъ саблю и, приставляя ее къ самому горлу Мартышевича, закричалъ: «пей, а то горло перерѣжу!» Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ насильно лить водку и медъ въ горло священнику, а въ случаѣ сопротивленія награждать побоями. Ошанѣвшаго священника Лянцкоронскій приказалъ своимъ слугамъ отвести въ шинокъ, напоить вторично и выпустить только тогда, когда онъ будетъ совершенно въ нетрезвомъ видѣ.

Совращеніемъ уніатовъ въ латинство больше всего занимались ксендзы и католическіе монахи. Навязывая католичество уніатамъ, тѣ и другіе выставляли его исповѣданіемъ господствующимъ, благороднымъ, панскимъ, унію же — ученіемъ невѣжественнымъ, мужицкимъ, презрѣннымъ, свойственнымъ неблагородной русской породѣ людей. «Богъ сотворилъ пана для хлопа, а плебана (ksenдза) для пана», — публично говорилъ одинъ ксендзъ. Болѣе усердные ксендзы заходили еще дальше въ благочестивомъ рвеніи, утверждая, что уніа — не болѣе, какъ ересь, сравнивали ее съ нехристіанскими религіями, обзывали «собачьею вѣрою». «Вонкій русакъ собака, вѣра ихъ — собачья вѣра», — проповѣдывалъ каноникъ Коссовскій предъ русскою уніатскою громадою въ селѣ Мелишанахъ. Въ г. Жолквѣ ксендзъ Квяткевичъ, замѣтивъ однажды католическій крестный ходъ, направлявшійся изъ костела въ уніатскую церковь св. Троицы, остановилъ его и громко закричалъ: «Зачѣмъ вы идете къ этимъ схизматикамъ, на которыхъ и смотрѣть-то совѣстно?» Въ селѣ Тыменчанахъ ксендзъ Томицкій, среди многочисленнаго собранія народа, надѣвался надъ обрядами уніатской церкви, утверждая ме-

жду прочимъ, что «уніатское церковное пѣніе похоже на вой собакъ»; іезуиты въ проповѣдяхъ утверждали, что обряды уніатской церкви достойны осмѣянія, что ея ученіе хуже вѣры турецкой, еврейской и лютеранской, что никто изъ послѣдователей ея не можетъ быть спасенъ, что церкви уніатскія хуже синагогъ. Ксендзь Цвейнарскій публично доказывалъ, что уніатскіе священники «не крестятъ дѣтей, а лишь оскверняютъ».

Насмѣшки и презрѣніе, которыми надѣляли уніатовъ, особенно сильно развиты были въ школахъ и имѣли рѣшительное вліяніе на учениковъ. Въ документахъ того времени встрѣчаются многочисленные примѣры того, что мальчишки-уніаты, подвергаясь постояннымъ насмѣшкамъ со стороны учителей и сотоварищей, не были въ состояніи вынести ихъ и только спасались переходомъ въ католичество. Ксендзы, желая тѣмъ же оружіемъ дѣйствовать и на взрослыхъ, не ограничивались порицаніемъ уніи на словахъ, въ рѣчахъ и проповѣдяхъ: они старались представить наглядныя доказательства зависимости уніатской церкви, ея второстепеннаго положенія и неблагороднаго значенія. Такъ, между прочимъ, установился повсемѣстно обычай, въ силу котораго ксендзы запрещали въ уніатскихъ церквахъ звонить въ колокола въ день св. Пасхи, въ случаѣ, если она приходилась раньше католической и совпадала съ послѣдними недѣлями поста у католиковъ. Если уніатскій священникъ не повиновался этому запрещенію, то ему приходилось испытывать довольно крутыя мѣры преслѣдованія со стороны ксендзовъ. Если при исполненіи какого либо церковнаго обряда сходились вмѣстѣ католическіе и уніатскіе священники, то первые держали себя гордо и неприступно по отношенію ко вторымъ и старались избѣгать ихъ общества. Такъ, имѣются свѣдѣнія о томъ, что нѣсколько уніатскихъ священниковъ было приглашено для участія въ погребальной процессіи въ кармелитскій монастырь; послѣ совершенія обряда, католическое духовенство было приглашено къ обѣду въ монастырскую столовую, уніатскимъ же священникамъ монахи выслали закутить въ конюшню ³¹⁸).

Такими или иными путями уніаты массами совращались въ латинство. Въ теченіе только семи лѣтъ (1758—1765 гг.) въ уніатской епархіи Львовской, Галицкой и Каменецъ-Подольской обращено было въ католичество болѣе тысячи лицъ, которыхъ уніатское духовенство могло указать по имени и рассказать подробности ихъ совращенія ³¹⁹). Уні-

атскіе епископы не разъ жаловались на это папѣ, какъ напримѣръ въ 1751, 1753 и 1755 годахъ, но безуспѣшно: латиняне обратили въ католичество сотни униатскихъ приходо́въ, обсуждали, какъ бы совсѣмъ уничтожить унию, и даже склоняли уже къ этому правительство папы ³²⁰).

Совращенными въ католичество и въ видахъ новыхъ совращеній въ ХVIII вѣкѣ, до 1793 года, больше всего построено и возобновлено католическихъ костеловъ и бляшторовъ, коихъ въ Подоліи насчитывается за это время до 67-ми. Значительное большинство ихъ приходится на западную Подолію ³²¹).

Такимъ образомъ униа и католичество широко распространились въ Подоліи и, казалось, должны были вытѣснить собою православіе. О существованіи его свидѣтельствуютъ только стѣснительныя мѣры противъ него, предпринимаемыя польскимъ правительствомъ и обществомъ. Изъ постановленій противъ православныхъ особенно замѣчательны постановленія сейма 1732 года. Этотъ сеймъ образовалъ такъ называемую «генеральную конфедерацію», которой поручено было пересмотрѣть всѣ привиллегіи православно-русскаго населенія, съ цѣлію уничтожить нѣкоторыя изъ нихъ. Конфедерація съ жаромъ взялась за это дѣло: въ двѣ недѣли пересмотрѣла ихъ и нашла удобнымъ уничтожить законодательнымъ порядкомъ слѣдующія изъ нихъ: избраніе православныхъ лицъ въ качествѣ депутатовъ на сеймы, а также въ трибуналы и въ спеціальныя комиссіи, составляемыя по какимъ бы то ни было дѣламъ; составленіе православными съѣздовъ или какихъ нибудь собраній; принятіе православныхъ на должности въ воеводствахъ, городахъ и земляхъ Речи Посполитой; наконецъ, сношенія, какія бы то ни было, со всѣми иностранными представителями при варшавскомъ дворѣ. Но сверхъ этихъ узаконеній, вошедшихъ въ сводъ польскихъ законовъ, постановленіемъ той же генеральной конфедераціи указаны были въ административномъ порядкѣ мѣры, еще болѣе стѣснительныя для православія: духовенству запрещено было ходить по улицамъ явно со св. дарами; церковныя требы, — крещеніе, бракъ, похороны, разрѣшено было совершать не иначе, какъ съ дозволенія католическихъ ксендзовъ, за установленную послѣдними плату. Публичныя похороны совершенно воспрещались: православные должны были хоронить мертвыхъ ночью; на нихъ также возлагалась обязанность присутствовать при католическихъ крестныхъ

ходахъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны были принадлежать къ католической церкви, и даже пасынки отца-католика обязаны были принимать католичество. Каноническія правила католиковъ дѣлались обязательными для православныхъ и другихъ диссидентовъ ³²²).

При всемъ томъ православіе продержалось въ Подоліи до самаго воссоединенія ея съ Россіей въ 1793 году, благодаря съ одной стороны внутренней силѣ и самозащитѣ мѣстнаго русскаго населенія, а съ другой -- заступничеству Россіи передъ польскимъ правительствомъ за своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ въ Польшѣ.

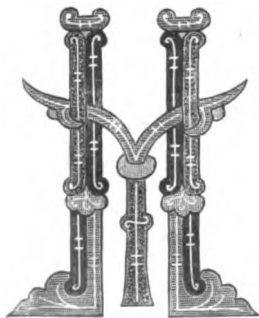

Глава восьмая.

Самозащита и борьба русскаго населенія въ Подоліи съ польско-католиками до воссоединенія края съ Россіей.

Противодѣйствіе польскому вліянію въ Подоліи со стороны мѣстнаго русскаго населенія и Россіи.—Передвиженія крестьянъ, препятствовавшія полному закрѣпощенію ихъ; наружное принятіе ими униі, или же сохраненіе православія; гайдамацкія возстанія 1734 и 1750-хъ гг.; содѣйствіе Россіи усмиренію гайдамакъ.—Заступничество Россіи за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, особенно при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II; епископы бѣлорусскій Георгій Конисскій и переяславскій Гервасій Линцевскій и архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, ихъ дѣятельность на пользу православія и восстановленіе его въ Украинѣ; гоненіе отъ униатовъ; барская конфедерація и гайдамацкое возстаніе 1768 г., усмиреніе ихъ русскими войсками; преосвященный Іовъ Переяславскій и восстановленіе православія въ Брацлавщинѣ; первый раздѣлъ Польши 1772 года и состояніе русской народности и православія въ Подоліи; восстановленіе православной іерархіи въ Польшѣ въ 1785 г.; конституція 3 мая 1791 года, второй раздѣлъ Польши и воссоединеніе Подоліи съ Россіей въ 1793 году.

НЕЧТЫ и планы поляковъ относительно порабоженія, окатоличенія и ополяченія Подоліи стали разрушаться почти тотчасъ же по уничтоженіи казачества на правой сторонѣ Днѣпра, вслѣдствіе противодѣйствія, оказаннаго польско-католическому вліянію какъ мѣстнымъ православно-русскимъ населеніемъ, такъ и русскимъ правительствомъ. Противодѣйствіе это со стороны мѣстнаго русскаго населенія выразилось и въ пассивномъ сопротивленіи его окончательному и полному закрѣпощенію крестьянъ за помѣщиками и введенію вѣрноснѣдной униі, и въ такъ называем-

мых гайдамацкихъ возстаніяхъ и бунтахъ, а со стороны русскаго правительства—въ заступничествѣ его передъ польскимъ правительствомъ за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и въ частности въ Подоліи, на основаніи трактата, заключеннаго между Россіей и Польшей въ 1686 году, и во вмѣшательствѣ Россіи во внутреннія дѣла разлагавшейся тогда Польши, и закончилось отторженіемъ Подоліи отъ Польскаго государства и воссоединеніемъ ея съ Россіей.

Послѣ уничтоженія казачества на правой сторонѣ Днѣпра, южныя двѣ трети нынѣшней Подольской губерніи достались шляхтѣ въ состояніи полного запустѣнія, а сѣверо-западная Подолія хотя и была заселена, но весьма слабо. Поэтому помѣщики, возвращаясь въ свои имѣнія и находя ихъ опустѣлыми, должны были вызывать на свои земли новыхъ поселенцевъ на льготныхъ условіяхъ, которыя тѣмъ были выгоднѣе для крестьянъ, чѣмъ менѣе населена была извѣстная мѣстность и чѣмъ болѣе нуждались въ нихъ помѣщики. Въ этомъ отношеніи юго-восточная Подолія представляла для крестьянъ болѣе льготъ и выгодъ, чѣмъ сѣверо-западная, и въ теченіи всего почти XVIII вѣка служила постоянною приманкою для крестьянъ западныхъ областей. Крестьяне изъ Полѣсья, Волыни, западной Подоліи, нынѣшней Галиціи бросали тяжелыя условія своего быта и бѣжали то въ одиночку, то цѣлыми толпами въ Украину, куда ихъ манили слободскія условія, дававшія возможность разсчитывать хотя на временное облегченіе своего тяжелаго состоянія. Побѣги крестьянъ происходили иногда на довольно значительномъ разстояніи: изъ Волыни — въ староство Каневское, изъ воеводства Русскаго — въ Подольское и т. д.; но такъ какъ передвиженіе съ семействами и со всѣмъ хозяйствомъ было весьма неудобно на далекомъ разстояніи, то по большей части крестьяне бѣжали изъ своей мѣстности въ ближайшую область, гдѣ народонаселеніе было рѣже и, слѣдовательно, условія крестьянскаго быта легче, крестьяне же этой послѣдней мѣстности бѣжали въ слѣдующую и т. д. Но вообще всѣ побѣги направлялись съ сѣверо-запада къ юго-востоку, сосредоточиваясь въ плодородныхъ степяхъ Брацлавщины и Кіевщины, которыя, такимъ образомъ, оказывали вліяніе на экономическій бытъ крестьянъ и на ограниченіе помѣщичьей власти не только въ мѣстностяхъ, непосредственно къ нимъ прилегавшихъ, но и на области отдаленныя до Припети, западнаго Буга и Сана. Были переселенія и съ восточной стороны Днѣпра на западную,

вызывавшіяся какъ щедростію льготъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что переведенные въ началѣ XVIII вѣка съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра казаки неохотно признавались здѣсь въ этомъ званіи и подвергались опасности закрѣпощенія отъ казацкой старшины. Лишь къ концу XVIII вѣка, когда послѣдовало болѣе или менѣе полное заселеніе Украины, ослабѣло и бѣгство крестьянъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей; но въ южной Подоліи оно не прекратилось совершенно и въ это время, вслѣдствіе близкаго сосѣдства ея съ обшпр-

Надгробный памятникъ графа Н. М. Кречетникова.

ными новороссійскими степями, постепенно переходившими подъ власть Россіи и ждавшими, въ свою очередь, колонизаціи ³²³).

Такое же пассивное сопротивление оказывало русское населеніе Подоліи и вѣроисповѣдной уніи, которую оно принимало только уступая насилію, но принимало наружно и старалось сбросить ее съ себя при первой возможности. Въ сѣверо-западной Подоліи унія формально введена была довольно рано, въ самомъ началѣ XVIII столѣтія; но уніатское бѣлое духовенство и простой русскій народъ свято хранили православныя преданія подъ внѣшней оболочкой уніи и въ сущности оставались православными. По справедливому замѣчанію каменецъ-подольскаго латинскаго епископа, всѣ уніаты «или открытые схизматики (т. е. православные), или подозрѣваются въ схизмѣ», слишкомъ еще тѣсно связаны съ восточною церковью преданіями, обрядами, святынею и народностью и при каждомъ удобномъ случаѣ могутъ перейти обратно въ православіе. Въ особенности могущественно и благотворно дѣйствовалъ и на народъ и на уніатское духовенство Кіевъ, привлекавшій къ себѣ русскихъ подданныхъ Польши и своими святынями, и православными школами ³²⁴). Поэтому, чѣмъ ближе къ Кіеву, тѣмъ болѣе сохранялось остатковъ и слѣдовъ православія. Въ числѣ воспитанниковъ Кіевской академіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка, мы видимъ «польской націи мѣстечка Ямполья, осаднаго шляхтича Мануила Александрова сына Козачинскаго», который, получивъ образованіе въ Кіевской академіи и закончивъ его за границей, былъ профессоромъ и префектомъ Кіевской же академіи, съ монашескимъ именемъ Михаіла ³²⁵). Нѣкоторые изъ благоразумныхъ польскихъ пановъ, заселяя пустыни малороссійскія, имѣли обыкновеніе давать сначала поселявшемуся народу значительныя льготы, въ числѣ которыхъ важнѣйшею въ глазахъ народа было дозволеніе исповѣдывать православную вѣру. Такого обыкновенія держались знатнѣйшіе паны Украины, какъ Яблоновскіе, Любомирскіе, Потоцкіе. Эта льгота побуждала, съ одной стороны, многихъ изъ переселившихся съ запада уніатовъ сбрасывать иго уніи и объявлять себя православными, съ другой — располагала многихъ малороссовъ, выселившихся на восточную сторону Днѣпра, возвращаться назадъ. Переселенцы эти тоже основывали приходы, строили церкви и добывали себѣ священниковъ то изъ Валахія, то еще чаще изъ Кіева и Переяслава ³²⁶).

Если крестьянамъ не удавалось устроиться по своему вкусу мирнымъ путемъ, то они предпринимали, при участіи запорожцевъ, гайдамацкіе наѣзды и возстанія, первоначально имѣвшіе характеръ грабежей и разбоевъ. И замѣчательно, что гайдамачество съ характеромъ разбоя и сопротивленія панскимъ порядкамъ первоначально появляется въ западной Подоліи и затѣмъ, по мѣрѣ заселенія Украины, переходитъ въ послѣднюю и окончательно сосредоточивается здѣсь во второй четверти столѣтія. Съ 1713 года въ Подоліи и въ пограничной съ нею полосѣ Брацлавщины совершается цѣлый рядъ нападеній то на купцовъ-евреевъ, то на панскіе дворы, то на мѣстечка. Часто виновниками нападеній оказываются мѣстные крестьяне, иногда запорожцы врываются съ этою цѣлю изъ Молдавіи, а часто и сами шляхтичи не брезгаютъ предпочесть грабежъ болѣе мирнымъ занятіямъ. Такъ, между прочимъ, въ окрестности Хмельника, крестьяне села Багриновець ограбили казну сборщика земскихъ податей. Въ мѣстечкѣ Сtryжовкѣ нѣсколько чловѣкъ крестьянъ отправились, по ихъ собственному выраженію, «искать счастья въ добычѣ» и поживились всякимъ добромъ проѣзжихъ купцовъ-евреевъ. Въ томъ же году отрядъ запорожцевъ налетѣлъ на мѣстечко Пиковъ, ограбилъ это имѣніе князя Любомирскаго и перебилъ или поранилъ населявшихъ его евреевъ. Во всемъ Побережьи, между Бугомъ и Днѣстромъ, разбойничали мелкія шайки степняковъ, состоявшія, впрочемъ, въ связи съ сельскими войтами, осадчими, начальниками надворныхъ казаковъ, иногда даже съ владѣльцами заселявшихся имѣній въ той мѣстности. Но съ теченіемъ времени гайдамачество мало-по-малу вовлекается въ кругъ высшихъ интересовъ народныхъ, политическихъ и религіозныхъ и, не теряя совершенно своего разбойническаго характера, выступаетъ съ явнымъ преобладаніемъ элементовъ борьбы народной, сословной и религіозной. Въ первый разъ гайдамачество является съ новымъ характеромъ своимъ только въ 1734 году, благодаря фанатизму поляковъ и внутренней борьбѣ партій, вызвавшей вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши ³²⁷).

Въ началѣ 1733 года умеръ польскій король Августъ II. Враждебныя къ саксонской династіи поляки образовали генеральную конфедерацію, на которой постановлено избрать въ короли природнаго поляка, и въ то же время внесена конституція, по которой все стороннія и пришлыя вѣры (кромѣ католической и уніатской) нетерпимы и ненавистны

въ Речи-Посполитой ³²⁸). Королемъ избранъ былъ Станиславъ Лещинскій. Но другая часть поляковъ не соглашалась съ этимъ выборомъ, удалилась съ сейма и, составивъ свою конфедерацію, объявила королемъ Августа III, курфюрста саксонскаго. Тотчасъ между этими партіями началась междоусобная война по всеѣмъ воеводствамъ. Въ Подольскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ шляхта приняла сторону Лещинскаго, тогда какъ крупные землевладѣльцы-магнаты по большей части принадлежали къ сторонникамъ Августа III. Но такъ какъ та и другая сторона безсильны были вести борьбу собственными только средствами, то онѣ призвали къ участію въ ней крестьянъ: шляхтичи волновали населеніе въ магнатскихъ имѣніяхъ и нерѣдко нападали на нихъ съ собственными вооруженными крестьянами; въ свою очередь крупные землевладѣльцы выпустили противъ шляхтичей свои надворныя милиціи, казацкія и волошскія, которыя врывались въ шляхетскія имѣнія, грабили дворы, нерѣдко убивали или изгоняли владѣльцевъ. Въ эту борьбу партій вмѣшалась, наконецъ, и Россія, которая, не желая усиленія Франціи, вліявшей на избраніе Лещинскаго, протестовала противъ его выбора и, по приглашенію сторонниковъ Августа III, двинула свои войска въ предѣлы Польши. Въ концѣ 1733 года изъ Кіева вступили въ польскіе предѣлы русскія войска подъ начальствомъ генерала Кейта и князя Шаховскаго. Тогда какъ значительная часть этого войска отправилась внутрь Польши, къ Данцигу, гдѣ заперся Лещинскій, въ украинныхъ и сосѣднихъ воеводствахъ остались отряды преимущественно изъ малороссійскихъ казаковъ подъ начальствомъ наказнаго гетмана Якова Лизогуба и Галагана, которые должны были дѣйствовать противъ сторонниковъ Лещинскаго. Заодно съ русскими войсками стали дѣйствовать и запорожцы, только что вновь принятые въ русское подданство. При первомъ столкновеніи русскихъ и малорусскихъ войскъ съ конфедератами, народъ поднялся на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до предѣловъ Кіевского воеводства. Крестьянское возстаніе вспыхнуло въ окрестностяхъ Каменца, Проскурова, Межибожа и во многихъ мѣстахъ Летичевского повѣта, но особенно обнаружилось въ Брацлавскомъ воедествѣ. Нападенія на шляхетскіе дворы здѣсь происходили гораздо чаще, и количество пострадавшихъ дворянъ въ разныхъ мѣстностяхъ воеводства было довольно значительно: однихъ убитыхъ дворянъ насчитывалось до 90 лицъ. Не ограничиваясь отдѣль-

подолия.

12

ными нападеніями на шляхетскія усадьбы, крестьяне Брацлавскаго воеводства приступили къ составленію казацкихъ полковъ, основнымъ ядромъ которыхъ послужили волошскія и казацкія надворныя милиціи пановъ саксонской партіи. Русскій полковникъ Полянскій, занявъ Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ этихъ милицій въ Брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать противъ шляхтичей партіи Лещинскаго совмѣстно съ русскими войсками. Циркуляръ этотъ былъ своеобразно понятъ какъ милиціонерами, такъ и народонаселеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ казаковъ въ Шаргородѣ, имѣнія Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, тотчасъ же объявилъ себя полковникомъ, созвалъ къ себѣ надворныя милиціи сосѣднихъ магнатовъ, нантербовалъ крестьянъ и составилъ цѣлый казацкій полкъ. Въ числѣ подчиненныхъ ему лицъ были: Стефанъ Кифа, ротмистръ надворной милиціи князя Четвертинскаго, Стефанъ Скоричъ изъ села Сербовъ, — имѣнія князя Любомирскаго, Савва Чалый, сотникъ надворной милиціи князя Четвертинскаго, и др. Верланъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что онъ получилъ отъ русскаго полковника именной указъ императрицы, которымъ будто бы предписывалось истреблять всѣхъ иноплеменниковъ, ляховъ и евреевъ, и разорять ихъ имущество, и что послѣ окончательнаго ихъ истребленія край будетъ присоединенъ къ Россіи вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ казацкимъ войскомъ. Вслѣдствіе этого, онъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ. Увеличивая постоянно свои силы, Верланъ сдѣлалъ нѣсколько переходовъ по Брацлавскому воеводству, разоряя дома шляхтичей, истребляя дворянъ и евреевъ и приводя къ присягѣ остальное населеніе; затѣмъ онъ прошелъ такимъ же образомъ вдоль все Подольское воеводство и оттуда направился къ Бременцу. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ со встрѣтившимися на пути польскими войсками, Верланъ занялъ города Броды и Жванецъ и въ половинѣ іюля 1734 года пустилъ свои загоны по направленію ко Львову и Каменцу ³²⁹).

Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго движенія въ Подоліи было остановлено общимъ ходомъ политическихъ событій. Въ январѣ 1734 года послѣдовала коронація Августа III, который на коронаціонномъ сеймѣ обѣщалъ и обязался сохранить всѣ привилегіи православнымъ, что впослѣдствіи подтверждено было на пацификаціонномъ сеймѣ 1736 года ³³⁰). 30 іюня 1734 года Данцигъ сдался русскому полководцу Ми-

ниху, и Лещинскій долженъ былъ бѣжать въ прусскія владѣнія, послѣ чего его сторонники стали переходить одинъ за другимъ на сторону Августа III и просить начальниковъ русскихъ войскъ помочь имъ усмирить крестьянское волненіе, политическія причины котораго были такимъ образомъ устранены. Тогда главнокомандующій русскою арміею приступилъ къ усмиренію крестьянскаго волненія и окончилъ это дѣло весьма быстро и успѣшно во время обратнаго движенія русской арміи черезъ украинныя воеводства. Къ ноябрю 1734 года скопища крестьянъ уже были разсѣяны, и главнокомандующимъ приняты строгія мѣры для истребленія послѣднихъ слѣдовъ возстанія. По просьбѣ брацлавскихъ дворянъ, въ Немировѣ оставленъ былъ, до конца весны слѣдующаго года, отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Гейна, который, по требованію дворянъ, разсылалъ въ разныя стороны отряды русскаго войска для усмиренія непокорныхъ крестьянъ, для поимки бѣглыхъ и для разсѣянія своевольныхъ отрядовъ³³¹). Въ это же время, на основаніи трактата съ Польшей, выведены были русскими войсками изъ Подолія русскіе старообрядцы и водворены въ Россіи³³²).

Предводители крестьянскаго возстанія, послѣ того, какъ оно было разсѣяно русскими войсками, должны были позаботиться о своей безопасности. Главный руководитель возстанія Верланъ, а также Скоричъ и полковникъ уманскихъ казаковъ Писаренко удалились со своими отрядами въ Молдавію; другіе предводители возстанія скрылись въ татарскія и запорожскія степи, куда бѣжали и многочисленныя толпы крестьянъ, не пожелавшихъ возвращаться подъ власть пановъ, или боявшихся отвѣтственности за свои дѣйствія во время возстанія. Изъ этихъ бѣглецовъ образовались въ степи многочисленные отряды, которые, подъ начальствомъ опытныхъ ватажковъ Гривы, Медвѣдя, Жилы, Рудя, Иваницы и Харка, продолжали неудавшееся дѣло крестьянскаго возстанія гайдамацкими набѣгами. Нѣкоторые же предводители возставшихъ крестьянъ воспользовались предложеніемъ польскаго региментаря Малинскаго, который, въ концѣ 1736 года, объявилъ, что польское правительство готово не только простить, но и принять на свою службу тѣхъ гайдамаковъ, которые явятся добровольно въ главную квартиру польскаго войска и принесутъ присягу на вѣрность Польшѣ. Такимъ образомъ, вступили на польскую службу гайдамацкіе предводители Кассіанъ и Савва Чалый, изъ коихъ послѣдній погибъ въ 1741 году въ селѣ Сте-

пашкахъ отъ руки одного изъ ватажковъ, запорожца Игната Голаго. Гайдамачество приостановлено было на время вторженіемъ татарской орды въ русскіе предѣлы въ 1737 году, во время войны Россіи съ Турціей: но немедленно послѣ ухода татаръ образуются новыя гайдамацкія скопища и разоряютъ и грабятъ окрестности Саврани, Немирова, берутъ мѣстечка Грановъ и Рашковъ и проникаютъ въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ. Постепенно усиливаясь, гайдамачество сдѣлалось какъ бы обыкновеннымъ, естественнымъ явленіемъ въ быту Юго-Западнаго края и къ 1750 году готово было охватить всю массу мѣстнаго народонаселенія. Въ этомъ году гайдамацкіе отряды, вступивъ въ Брацлавское воеводство черезъ Синюху, быстро подошли къ Умани, овладѣли этимъ городомъ, сожгли его, разрушили костель, перебили ксепдзовъ и множество шляхты и евреевъ, затѣмъ ограбили мѣстечко Грановъ и направились на главный городъ воеводства, Винницу. Ночью они ворвались здѣсь въ замокъ, уничтожили документы, хранившіеся въ городской канцеляріи, и ограбили купцовъ-евреевъ, искавшихъ убѣжища и безопаснаго склада для товаровъ въ Винницкомъ замкѣ. Затѣмъ гайдамаки направились въ Подольское воеводство, овладѣли повѣтовымъ городомъ Летичевомъ, разорили здѣсь богатый доминиканскій монастырь и овладѣли имуществомъ, которое многіе дворяне Летичевского повѣта, для безопасности, передали на храненіе доминиканамъ. И только благодаря несвязности и разрозненности дѣйствій гайдамацкихъ отрядовъ и отсутствію сколько нибудь ясной постановки ими вопроса, удалось на этотъ разъ шляхетскому обществу приостановить возстаніе тѣми чрезвычайными мѣрами, какія приняты были тогда военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбѣ послѣднихъ, русскими пограничными властями. Желая помѣшать запорожцамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить границы посредствомъ военныхъ поселеній, русское правительство съ 1743 по 1755 годъ отдѣлило запорожскія степи отъ польской Украины цѣпью крѣпостей, тянувшихся отъ Днѣпра до Буга, и на порубежной линіи старалось водворить осѣдлое населеніе, подъ именемъ Ново-Сербіи и Новослободскихъ поселеній. Скитавшимся по этимъ степямъ выходцамъ объявлено было, что они могутъ селиться на свободныхъ земляхъ и поступать въ новообразуемую пограничную милицію. Дѣйствительно, поселенія эти образовались, но на ходъ гайдамачества не оказали ожи-

**Теодосій Ростоцкій,
уніатскій митрополитъ.**

даемаго вліянія. Гайдамаки продолжали находить пріютъ въ этой странѣ среди рѣдкихъ поселеній, и уже съ 1751 года въ числѣ ихъ встрѣчаются жители только что возникшихъ Новослободскихъ сотенъ Цыбулева, Уховки, Крылова и др. Съ другой стороны, русское правительство вслѣдствіе жалобъ со стороны поляковъ, посылало строгія внушенія въ самый кошъ запорожскій, съ предписаніемъ употребить всѣ мѣры для того, чтобы прекратить составленіе гайдамацкихъ отрядовъ на запорожскихъ земляхъ. Побуждаемые этими распоряженіями, кошевые и старшины запорожскіе старались, по мѣрѣ возможности, принять зависѣвшія отъ нихъ мѣры и по временамъ дѣйствовали весьма настойчиво и успѣшно противъ гайдамаковъ. Такъ, кошевой Григорій Θεодоровичъ Лантухъ (1755—1762 гг.) устроилъ вдоль польской границы цѣлый рядъ форпостовъ, учредилъ правильные разѣзды запорожскихъ пикетовъ по степи для наблюденія за гайдамаками и, употребляя въ отношеніи къ послѣднимъ попеременно мѣры строгости и увѣщанія, достигъ того, что почти всѣ ватажки, повинуваясь его внушеніямъ, явились въ Сѣчь, принесли присягу въ томъ, что прекратятъ грабительскіе набѣги, и записались въ списки запорожскаго войска, получивъ прощеніе отъ старшины и войска за прошлый образъ своихъ дѣйствій. Въ то же почти время, по распоряженію коша, войсковою эсаулъ Петръ Кальнишевскій отправился въ степь съ отрядомъ запорожцевъ, разорилъ главный притонъ гайдамаковъ на рѣкѣ Бугѣ, укрѣпленный пушками и засѣками, и разсѣялъ охранявшее его скопище³³³). Наконецъ, какъ извѣстно, упразднена была въ 1775 году русскимъ правительствомъ и самая Сѣчь Запорожская.

Принимая мѣры противъ крестьянскихъ возстаній и гайдамацкихъ набѣговъ въ Польшѣ, русское правительство въ то же время старалось устранить отчасти и самыя причины этихъ возстаній, успокоивъ религіозную совѣсть русскихъ подданныхъ Польши предоставленіемъ имъ хотя бы доли религіозной свободы и дарованіемъ православной іерархіи, на что оно имѣло право въ силу трактата своего, заключеннаго съ Польшею въ 1686 году. На основаніи этого трактата еще Петръ I около 1710 года приказалъ своему посланнику въ Варшавѣ, князю Долгорукому, настоятельно домогаться у Речи-Посполитой, чтобы какъ на Львовскую, такъ и на прочія благочестивыя епископіи, никто изъ уніатовъ допущенъ не былъ, а были бы посвящены

изъ благочестивыхъ монаховъ. Въ 1716 году, при заключеніи трактата между Россіей и Польшей, русскій посоль князь Долгорукій снова предъявилъ требованіе о возвращеніи православнымъ захваченныхъ уніатами епархій. Но въ оба раза домогательства Россіи не имѣли успѣха. Хотя на сеймахъ коронаціонномъ 1734 года и пацификаціонномъ 1736 года и обѣщано было, по настоянію Россіи, сохранить православнымъ всѣ привиллегіи: но, при слабомъ и недѣятельномъ королѣ Августѣ III, привиллегіи оставались мертвою буквою, а обѣщанія оставались безъ исполненія, и православные подвергались, какъ и прежде, постояннымъ преслѣдованіямъ³³⁴). И только во второй половинѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Елизаветы Петровны и Екатерины II, русское правительство настойчиво стало требовать отъ Польши облегченія участи православнаго ея населенія и не разъ добивалось значительныхъ, благопріятныхъ послѣдствій въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, фанатизмъ польско-католиковъ разрушалъ всѣ благія начинанія русскаго правительства и снова раздражалъ улегавшіяся-было народныя страсти, а тѣмъ самымъ подготовилъ и собственное паденіе Польши.

По желанію и настоянію русской императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I, въ 1755 года на Могилевскую православную каѳедру избранъ былъ въ Кіевъ «по единодушному духовному и всенародному избранію» ректоръ Кіевкой академіи Георгій Конисскій и получилъ отъ русскаго правительства средства благоустроить свою бѣдную каѳедру и, между прочимъ, основать въ Могилевѣ на Днѣпрѣ семинарію, а черезъ два года поставленъ былъ и для руководства западной Малороссіи во епископа переяславскаго, коадьютора кіевскаго митрополита, истинный ревнитель православія, Гервасій Линцевскій. Оба эти іерарха, Георгій и Гервасій, были въ тѣсной дружбѣ, часто сносились между собою и заодно дѣйствовали въ пользу православія, опираясь на могущественное содѣйствіе Россіи.

Тотчасъ же по вступленіи на свою каѳедру, преосвященный Гервасій, по просьбѣ народа и даже помѣщиковъ и ихъ управителей, сталъ благоустроить православные приходы въ польской Украинѣ, имѣвшіе православныхъ священниковъ и православные антиминсы, рукополагалъ присылаемыхъ къ нему ставленниковъ, усыновлялъ, т. е. принималъ въ составъ Переяславской епархіи рукоположенныхъ уже православныхъ священниковъ «большою частію въ Волощинѣ», и такимъ

образомъ возстановлялъ духовную связь заграничнаго православнаго населенія съ Переяславскою каедрою. Главнымъ помощникомъ преосвященнаго Гервасія въ управленіи духовными дѣлами заграничнаго православнаго населенія былъ настоятель Мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, которому 26 августа 1761 года преосвященный Гервасій поручилъ управление заграничною частію своей паствы. Услышавъ объ этомъ, народъ сталъ сосредоточиваться возлѣ Мотронинскаго монастыря и его настоятеля Мелхиседека и чрезъ него сноситься съ переяславскимъ епископомъ, такъ что Мотронинскій монастырь въ это время сдѣлался средоточіемъ украинскаго православія. Въ 1762 году въ вѣдѣніи православнаго переяславскаго епископа было свыше 20 приходовъ въ Чигиринщинѣ и отчасти Смѣлянщинѣ, а съ 1764 года началось и между униатами движеніе къ православію и стало проникать въ Брацлавщину. Встревоженные униатскія власти потребовали, чтобы Мотронинскій и другіе православные монастыри не вторгались въ униатскую паству, и въ то же время заявили неосновательное притязаніе и на Мотронинскій монастырь. Тогда Мелхиседекъ отправился сначала въ Петербургъ, а потомъ въ Варшаву ходатайствовать за свой монастырь и Украину вообще, а въ отсутствіе его преосвященный Гервасій, для ободренія заграничныхъ православныхъ, рѣшился обозрѣть заграничные православные монастыри, на которые заявляли притязанія униаты. Народъ со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться къ своему любимому пастырю. Кромѣ того, въ мѣстахъ, близкихъ къ этому пути, были готовы церкви, ждавшія освященія. Гервасій по необходимости ѣздилъ не только по монастырямъ, но и по приходамъ, и ободрялъ не однихъ иноковъ, но и паству свою вообще. На встрѣчу этому необычайному гостю пошли даже многіе польскіе паны. Это путешествіе Гервасія произвело могущественное вліяніе на народъ, почему либо не рѣшавшійся отвергать унию. По свидѣтельству одного униатскаго миссіонера въ Малороссіи, къ православію вновь присоединилось въ Чигиринщинѣ 60 приходовъ, въ Смѣлянщинѣ 6, и многіе другіе угрожали вскорѣ тоже бросить унию. Между тѣмъ изъ Петербурга и затѣмъ изъ Варшавы, куда переѣхалъ Мелхиседекъ, приходили отъ него утѣшительныя для православія извѣстія. Въ октябрѣ 1765 г. онъ успѣлъ выхлопотать рескриптъ Екатерины II и указы изъ иностранной коллегіи къ русскому послу въ Варшавѣ, которому поручалось добиваться у Польши защиты православія въ Ма-

лороссіи, и съ этими документами отправился изъ Петербурга въ Варшаву, куда прибылъ въ началѣ слѣдующаго 1766 года. Здѣсь жилъ уже Георгій Конисскій, «апостольскій трудникъ» за православіе въ Польшѣ. По его указаніямъ, Мелхиседекъ сталъ добиваться утвержденія королемъ всѣхъ прежнихъ королевскихъ привилегій православнымъ, и дѣйствительно, при содѣйствіи русскаго посла, получилъ утвержденіе прежнихъ привилегій, особую грамоту, утверждавшую всѣ права и привилегіи всего народа православнаго грекороссійскаго, во всей коронѣ и Литвѣ обрѣтающагося, и наконецъ немало писемъ отъ короля и министровъ къ уніатскимъ епископамъ и панамъ Украины. Не успѣлъ еще Мелхиседекъ привезти эти документы въ Малороссію, какъ здѣсь обнаруживается самоувѣренное и неудержимое стремленіе къ православію. Многочисленные приходы бросали унію и обращались къ преосвященному Гервасію съ просьбами присоединять ихъ къ православію. Громадныя толпы народа собирались въ приднѣпровскихъ монастыряхъ, особенно въ Мотронинскомъ, и очищали себя отъ уніи, приносили клятву держаться православія, просили совѣта и наставленія. На мѣстахъ, по приходамъ, изгонялись уніатскіе священники, очищались церкви отъ уніатскихъ особенностей, и проч. Чтобы отвлечь народъ отъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ уніатскимъ священникамъ, преосвященный Гервасій предложилъ ему избирать для такихъ приходовъ, въ которыхъ священники не хотѣли быть православными, православныхъ викарныхъ священниковъ. Народъ очень полюбилъ эту мѣру. Множество ставленниковъ отправлено было имъ въ Переяславъ для посвященія въ викарные и не только къ священникамъ, явно держащимся уніи, но иногда и къ такимъ, которые неугодны были ему и по другимъ причинамъ, потому напримѣръ, что получили приходъ по согласію пановъ, тогда какъ новые викарные избирались народомъ и часто изъ среды самого же народа, безъ выкупа изъ крестьянства. Поддерживая движеніе въ пользу православія, преосвященный Гервасій при этомъ поручилъ объявить украинцамъ, что «они больше всего должны слагаться на Божескій промыслъ, притомъ елико возможно должны они склоняться панамъ своимъ и ихъ просити о свободу, а никакимъ образомъ не прогнѣвляти ихъ, и тое (присоединеніе) дѣлати не раптово (не быстро), но все по малу малу. Господь вѣсть, како устроить». Когда пріѣхалъ изъ Варшавы Мелхиседекъ Яворскій съ королевскими грамотами и пись-

мами, то движеніе народа къ православію еще болѣе усилилось. Духовное Чигиринское правленіе сдѣлало отъ имени православныхъ публичное заявленіе, въ которомъ они извѣщаютъ, что король вновь подтвердилъ ихъ права на свободное исповѣданіе вѣры и написалъ къ уніатскимъ властямъ письма, приглашая ихъ удержаться отъ насилій и жить мирно съ православными, что въ силу этихъ грамотъ не слѣдуетъ запрещать перехода уніатовъ въ православіе и наоборотъ, что православные желаютъ наблюдать миръ и тишину, избѣгать всякихъ ссоръ, приглашаютъ къ этому уніатовъ и потому рѣшили обнародовать всѣ эти документы, а кто не повѣритъ или будетъ сомнѣваться, существуютъ ли такіе документы, тотъ пусть пріѣзжаетъ въ ихъ духовное правленіе (Чигиринское) и пусть разсмотритъ самые подлинники. По словамъ преосвященнаго Гервасія, православіе въ эти времена возстановилось до Бѣлой Церкви, т. е. обняло южную половину нынѣшней Кіевской губерніи.

Уніатскія власти, пораженные быстрымъ распространеніемъ православія, не только не послушались грамоты и писемъ короля, но и призвали себѣ на помощь военную силу и, при содѣйствіи ея, стали ловить православныхъ священниковъ и мірянъ, отправлявшихся въ Переяславъ или возвращавшихся оттуда; пойманныхъ подвергали тѣлесному наказанію, а священниковъ, кромѣ того, остригали и обривали, насильно преображали въ уніатовъ и убѣждали побоями и всякаго рода глумленіями дѣлаться уніатами, а имущество ихъ подвергали разграбленію и уничтоженію; церкви запечатывали; по мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ поселяли уніатскихъ священниковъ и огнемъ и мечемъ призывали народъ начать вновь уніатскую жизнь. Въ это время обезглавленъ былъ защитникъ Мелхиседека Яворскаго, жаботинскій сотникъ Харько, замученъ мліевскій ктиторъ, благочестивый старецъ Данилъ Бушнѣръ, и схваченъ и подвергнутъ истязаніямъ и заточенію главный представитель православія въ польской Украинѣ Мелхиседекъ Яворскій. Православные прихожане лишены были возможности исполнять христіанскія требы. Особенно благочестивые и крайне нуждающіеся въ требахъ уходили въ глухіе лѣса, ущелья горъ, отыскивали своихъ бѣжавшихъ пастырей и тамъ удовлетворяли своимъ духовнымъ нуждамъ. Многие тайно пробирались съ этою цѣлю къ приднѣпровскимъ православнымъ монастырямъ, иные отправлялись для этого даже въ Кіевъ. Уніаты слѣ-

довали за православными и по этимъ путямъ; ихъ отряды развѣзжали по окрестностямъ и подстерегали священниковъ и прихожанъ. Но «при всѣхъ озлобленіяхъ и мучительствахъ,—писалъ преосвященный Гервасій къ Георгію Конисскому отъ 14 октября 1766 года,—непоколебими пребываютъ и всячески желаютъ и просятъ отъ насъ, яко единовѣрнихъ, защищенія, коего и ожидая ежечасно стужаютъ намъ съ тѣмъ, что ежели они не получаютъ отсюда онаго, то, оставляя здѣшнія мѣста, принуждены будутъ искати въ другихъ мѣстахъ и державахъ».

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ преосвященный Гервасій показалъ необычайную высоту мысли, твердость и спокойствіе духа и глубину пастырской любви. «Поступки ихъ (уніатовъ),—писалъ Гервасій въ Мотронинскій и Мошногорскій монастыри,—каковіе они въ нынѣшнія времена отправляютъ, суть всѣмъ не точію вышпоказаннымъ (указамъ русскимъ, польскимъ, конституціямъ, привилегіямъ и трактатамъ Россіи съ Польшей), но и всякой правдой совѣсти и всѣмъ всего міра правамъ противни и безчеловѣчіемъ покрашены, о чемъ Россія благоразумно поступить, и дѣло о томъ, гдѣ надлежитъ, производится; и того ради пустихъ и недѣльныхъ (неосновательныхъ) угрозеній не зачитая въ дѣло, въ силу вышелевленныхъ привилегій и протчего, всѣхъ православныхъ дѣтей крестити; православныхъ таинъ божественныхъ сообщати и всякіе обряды христіанскіе требующимъ преподавати, священство православное, братію нашу и другихъ православныхъ содержать и сохранять и всякими мѣрами защищати». Въ то же время онъ посылалъ письма къ могилевскому епископу Георгію Конисскому, извѣстному ходатаю за всѣхъ православныхъ обитателей Польши, къ русскому послу въ Польшѣ Репнину, въ св. Синодѣ чуждался всякихъ незаконныхъ дѣйствій, удерживалъ народъ православный отъ волненія и бунта и неодолимо былъ увѣренъ, что правда восторжествуетъ, что Россія заступится за гонимыхъ. Послѣднее въ скоромъ времени оправдалось. Въ концѣ 1766 года выпущенъ былъ изъ заточенія Мелхиседекъ. Въ 1767 году, подъ вліяніемъ Россіи, стали составляться въ Польшѣ диссидентскія конфедераціи, въ которыхъ участвовали и православные и въ числѣ ихъ Георгій Конисскій. Силы диссидентскихъ конфедерацій подкрѣплялись русскими войсками, которыя уже въ мартѣ 1767 года вступили въ Украину. Православные иноки, священники, томившіеся въ тяжелой работѣ, были выпущены на сво-

боду. 1 марта того же года св. Синодъ послалъ въ Малороссію указъ объявить православнымъ, что русская государыня старается защитить ихъ и возстановить ихъ права. Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и переяславскій епископъ Гервасій объявили это своимъ пасомымъ. Извѣстія о благопріятномъ поворотѣ дѣла православныхъ облетѣли Украину, и она опять воспрянула и устремилась возстановлять у себя православіе. Съ мая 1767 года одно за другимъ поступали къ Гервасію прошенія простить невольный грѣхъ отступленія въ унию, принять въ православіе, дать священника, и Гервасій удовлетворялъ этимъ прошеніямъ съ великимъ вниманіемъ и истинно-пастырскою любовью. Когда нѣкоторые поляки и униаты ободрились послѣ перепуга отъ вступленія русскихъ войскъ и стали снова преслѣдовать православныхъ, распуская при этомъ слухъ, и уже не въ первый разъ, что Россія отказывается отъ защиты православныхъ, то Гервасій 21 іюня 1767 года издалъ окружную грамоту, въ которой ободряетъ и утѣшаетъ православныхъ и поселяетъ въ нихъ надежду на лучшее будущее. 17 августа отъ всѣхъ жителей Украины составлено было полномочіе Мелхиседеку ходатайствовать за нихъ въ Варшавѣ. 15-го сентября жители Украины поступили еще рѣшительнѣе: составили манифестъ о своихъ бѣдствіяхъ за вѣру и о своемъ неодолимомъ желаніи быть православными, и представили его Гервасію для отсылки въ Варшаву Георгію Конисскому и внесенія въ актовыя книги. Здѣсь въ то время выработывался проектъ сеймоваго постановленія о диссидентахъ, которымъ предположено было латинскую вѣру попрежнему объявить господствующею въ Польшѣ и отступленіе отъ нея наказывать изгнаніемъ изъ отечества. Чтобы ослабить силу этого вреднаго и опаснаго постановленія, Георгій Конисскій разослалъ по западной Россіи приглашенія, чтобы до утвержденія этого сеймоваго постановленія трактатомъ съ Россіей православные прислали ему заявленія, кто гдѣ уже присоединился къ православію, или желаетъ, да не можетъ. Въ Украинѣ призывъ этотъ охватилъ все населеніе. Мелхиседекъ составлялъ и разослалъ образцы просьбъ о присоединеніи къ православію. Гервасій издалъ новое окружное посланіе, въ которомъ прославлялъ русскую императрицу Екатерину, какъ защитницу православія, и призывалъ народъ смѣло заявлять свое православіе. Въ самое короткое время, въ какихъ-нибудь два мѣсяца, съ конца ноября 1767 года и

Іоанникій Полонскій,
архієпископъ подольскій и брацлавскій.

но январь 1768 года собрано было здѣсь около 100 новыхъ заявленій о присоединеніи къ православію, съ которыми отправился въ Варшаву Мелхиседекъ. Извлеченія изъ заявленій православныхъ записаны были Георгіемъ въ варшавскія магистратскія книги, куда внесена также и жалоба Мелхиседека на испытанное имъ мученіе. То и другое поддержано было русскимъ посломъ у короля, въ польскомъ министерствѣ и на сеймѣ³³⁵). 13 февраля, 1768 года, подъ вліяніемъ русскаго посла Репнина, на польскомъ сеймѣ выработаны постановленія, коими католическая вѣра объявлялась господствующею въ Польшѣ; отступничество отъ нея должно было наказываться изгнаніемъ изъ отечества. Право иновѣрцевъ искать правды на римскихъ католикахъ (по дѣламъ отнятія храмовъ) ограничено 1717 годомъ, т. е. только дѣла съ этого времени можно было поднимать судебнымъ порядкомъ. Запрещалось называть иновѣрцевъ схизматиками или еретиками, а нужно было называть православныхъ неуніатами. Отмѣнялись всѣ законы, изданные противъ диссидентовъ, и имъ дозволялось свободно отправлять богослуженіе, строить церкви, заводить училища, присутствовать въ сенатѣ и участвовать въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденных отъ смѣшанныхъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери— въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ наполовину изъ католиковъ и наполовину изъ диссидентовъ. Съ Россіей положено заключить вѣчный миръ и предоставить русской императрицѣ право оберегать какъ диссидентовъ, такъ и самую Речь Посполитую³³⁶).

Когда трактатъ 1768 года былъ утвержденъ, русскія войска стали выходить изъ Польши. А между тѣмъ противъ этого трактата составлена была поляками въ томъ же 1768 году барская конфедерация (общество), имѣвшая въ виду низложить польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго и устранить русское вліяніе на Польшу. Главными дѣятелями этой конфедерации были каменецъ-подольскій католическій епископъ Адамъ Красинскій и староста Казиміръ Пулавскій съ тремя сыновьями и племянникомъ, которые тайно отъ короля и Репнина объѣхали почти всю Польшу и повсюду старались возбудить

пшяхту противъ Станислава Понятовскаго и Россіи ³³⁷). Вслѣдствіе этого опять начались страшныя преслѣдованія православнаго населенія, которое считалось виновникомъ постановленій послѣдняго сейма, сколько-нибудь облегчавшаго положеніе православнаго населенія въ Польшѣ. Въ свою очередь, гоненіе на православныхъ и барская конфедерація вызвали противодѣйствіе себѣ въ гайдамацкомъ возстаніи, извѣстномъ подъ именемъ коліивщины, гайдамацкаго бунта, уманской рѣзни. Главными предводителями гайдамаковъ были Желѣзнякъ и Гонта, провозгласившій себя воеводою брацлавскимъ. Составившіеся отряды стали совершать страшныя дѣла, истребляли до тла все польское, ксендзовское, жидовское. Особенно жестоко истреблено польское и жидовское населеніе въ г. Умани, отчего и самое возстаніе получило названіе уманской рѣзни. Возстаніе это распространялось съ необычайною быстротою ³³⁸) и въ значительной мѣрѣ коснулось и Брацлавщины. Гайдамацкіе загоны дѣйствовали близъ Гранова, Теплика, Дашева, Тульчина, Монастырища, Гайсина, Конелы, Божувки, Жидичина, Ладыжина. Города Брацлавъ, Винница, Могилевъ на Днѣстрѣ, Баръ, Жванецъ, Саврань, Немировъ и другіе пылали въ огнѣ и поливались кровью жидовъ и поляковъ ³³⁹). Одинъ изъ разсланныхъ Желѣзнякомъ и Гонтою гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ куреннаго атамана запорожскаго, сотника Шило, направился къ пограничному мѣстечку Балтъ, которое рѣчка Кодыма отдѣляла отъ татарскаго мѣстечка Галты, и покололъ здѣсь всѣхъ жидовъ, а затѣмъ, проживъ дня четыре спокойно, собралъ свое войско и вышелъ изъ Балты. Тогда турки въ Балтъ подняли крикъ и вмѣстѣ съ жидами перешли съ татарской стороны на польскую: одни пошли на гору въ погоню за гайдамаками, другіе начали бить православныхъ, сербовъ и русскихъ, грабить товары и зажгли предмѣстье. Шило, услышавъ, что турки и жида напали на православныхъ, возвратился, прогналъ неприятелей на татарскую сторону, перешелъ вслѣдъ за ними въ Галту и все здѣсь разорилъ и пограбилъ. На другой день битва возобновилась нападеніемъ турокъ, которые опять были прогнаны въ Галту. Послѣ этого гайдамаки помирились съ турками и много отдали имъ назадъ изъ пограбленнаго. Но какъ скоро Шило выступилъ въ другой разъ изъ Балты, турки и жида явились опять въ мѣстечкѣ, начали ругать христіанъ, многихъ пострѣляли и порубили, церкви ограбили. Вслѣдъ

за гайдамаками явились конфедераты, и православнымъ стало нелегче: каждый день поляки ревизовали христіанъ, били и убивали до смерти. По другимъ свѣдѣніямъ, тѣ же казаки дошли до ханской вотчины Дубоссаръ, потребовали отъ управляющаго выдачи конфедератовъ и, не получивъ удовлетворенія, сожгли Дубоссары, при чемъ погибло до 1800 татаръ, молдаванъ и турокъ ³⁴⁰).

Возстаніе гайдамацкое и барская конфедерація поставили польское правительство въ крайне тяжелое положеніе: оно растерялось и не знало, что дѣлать. Собравшись немного съ мыслями, оно обратилось за помощью къ Екатеринѣ II, которая, отозвавъ отъ своихъ мѣстъ въ Кіевъ представителей православія въ Украинѣ, Гервасія и Мелхиседека, приказала генералу Кречетникову подавить гайдамацкое возстаніе и уничтожить барскую конфедерацію. Исполняя приказанія императрицы, Кречетниковъ прежде всего двинулся на гайдамаковъ и въ короткое время покончилъ съ ними, причемъ передалъ участвовавшихъ въ возмущеніи польскихъ подданныхъ польскимъ властямъ. Желѣзнякъ былъ замученъ въ Варшавѣ, а надъ остальными гайдамаками былъ учрежденъ польскимъ правительствомъ военный судъ ³⁴¹). Въ Могилевѣ на Днѣстрѣ находилась главная квартира польскаго regimenta Ксаверія Браницкаго, къ которому въ лагерь и доставлены были предводители возстанія, оказавшіеся польскими подданными. Назначенный Браницкимъ военный судъ приговорилъ къ смерти и передалъ казни плѣнниковъ въ селѣ Сербяхъ, въ окрестностяхъ Могилева. По приговору суда, трупы казненныхъ были разсѣчены на части, которыя развѣшаны на висѣлицахъ, построенныхъ для этой цѣли у вѣзда въ различные города и мѣстечки Юго-Западнаго края ³⁴²).

Покончивъ съ гайдамаками, Кречетниковъ бросился на конфедератовъ. Онъ отправилъ подъ Староконстантиновъ генераль-маіора Подгоричани, который разбилъ около Хмельника значительный отрядъ конфедератовъ; полковникъ Вейсманъ загналъ за Днѣстръ конфедератовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Потоцкаго; самъ Кречетниковъ осадилъ Бердичевъ и взялъ его, а генераль-маіоръ Апраксинъ взялъ штурмомъ Баръ,—главное гнѣздо конфедераціи. Въ концѣ іюня 1768 года барскіе конфедераты были всѣ разсѣяны и бѣжали въ предѣлы Турціи. Но они успѣли поссорить Турцію съ Россіей, подъ тѣмъ предлогомъ, что извѣстный намъ отрядъ Шила, преслѣдуя конфедера-

товъ, напалъ на татарскія селенія Галту и Дубоссары, находившіяся подъ верховною властью Турціи, и заключили съ послѣднею, отъ имени Польши, оборонительный и наступательный союзъ, по которому Польша уступала Портѣ Кіевскую область, а сама отписывала себѣ отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію. Польша, въ благодарность за настоящія услуги, охотно уступаетъ Портѣ всѣхъ крестьянъ русской вѣры, преимущественно въ мѣстахъ, гдѣ начались бунты, даже всѣхъ диссидентовъ, ихъ женъ, дѣтей и все имущество, исключая начальниковъ бунта, которыхъ Речь Посполитая предоставляетъ себѣ судить и наказывать. Порта не будетъ запрещать своимъ подданнымъ селиться въ Украинѣ и Подоліи, не исключая и мусульманъ ³⁴³). Военныя дѣйствія начались самими конфедератами и прежде всего направлены были на Подолію. 25 февраля 1769 года немировскій сотникъ Андрей Письменный и 18 человекъ атамановъ, есауловъ и казаковъ изъ Немирова, Тульчина, Умани, Брацлава, Гранова, Ораторы, Прилукъ, Рыжанки, Дашева и другихъ мѣстъ занесли заявленіе въ городскія винницкія книги, что барскіе конфедераты, ушедши въ предѣлы Оттоманской Порты и соединившись съ турецкимъ и татарскимъ войскомъ, недавно воротились оттуда съ частью турецкаго и татарскаго войска, произвели опустошенія въ Крутомѣ, Чечельникѣ и Бершадѣ и насильно забирали казаковъ въ свою службу ³⁴⁴). Въ 1769 году турки успѣли даже захватить Каменецъ, хотя вскорѣ и должны были оставить его. Центръ войны все болѣе и болѣе удалялся отъ предѣловъ Подоліи ³⁴⁵).

Не смотря, однако, на войну съ Турціей, русское вліяніе не прекратилось совершенно въ Подоліи въ это время. Здѣсь устроены были провіантскіе магазины для продовольствія русскихъ войскъ, какъ напр. въ Ляховцахъ и Черномъ Островѣ ³⁴⁶), и оставались значительные русскіе отряды, оберегавшіе тылъ главной дѣйствующей русской арміи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали, при случаѣ, нѣкоторую помощь и мѣстному православному населенію въ борьбѣ его съ уніей и католичествомъ. Правда, по уничтоженіи гайдамацкихъ отрядовъ, осенью 1768 года стали появляться въ Украинѣ уніатскіе священники и подъ прикрытіемъ польскихъ военныхъ командъ подняли вновь гоненіе на православныхъ и отнимали у нихъ приходы, такъ что къ концу 1768 года они возвратили себѣ въ Украинѣ около 150 приходовъ. Но и право-

славные не оставались въ это время совершенно беззащитными. Передъ самымъ удаленіемъ отъ дѣлъ, въ августъ 1768 года, Гервасій и Мелхиседекъ назначили въ разныя мѣста Украины духовныхъ правителей и поручили имъ вѣдать духовныя дѣла. Эти духовные правители объѣзжали свои округи, отбирали у сельскихъ общинъ обязательства твердо хранить православіе, устроили дѣла приходовъ, записывали обиды, причиненныя православнымъ уніатами и поляками. Изъ числа этихъ правителей особенно выдвинулись правители Бѣлоцерковскаго округа Василиій Зражевскій и Конельскаго Симеонъ Переровскій. Въ началѣ 1770 года оба они заявили въ летичевскихъ гродскихъ книгахъ протестацію отъ имени всѣхъ украинскихъ православныхъ противъ гоненій отъ уніатовъ. Въ 1771 году русское оружіе покрылось славою въ борьбѣ съ турками, и въ этомъ же году назначенъ былъ въ Переяславъ, на мѣсто Гервасія Линцевскаго, новый епископъ, Іовъ Базилевичъ. Эти два событія сейчасъ-же вызвали въ Малороссіи русское и православное оживленіе. Духовные правители Украины Симеонъ Переровскій и Михайлъ Гуранда составили жалобу на имя императрицы Екатерины II, обратились съ нею къ преосвященному Іову и съ бумагой отъ него отправились въ Петербургъ въ качествѣ депутатовъ отъ православной Украины. Это было осенью 1771 года. Сущность ихъ просьбы состояла въ томъ, чтобы Іову дозволено было посвящать къ нимъ (украинцамъ) священниковъ и «прочія совершать духовныя дѣйствія по примѣру его антецессоровъ» (предшественниковъ), и чтобы русская императрица приказала русскимъ войскамъ защищать въ Украинѣ православныхъ. Синодъ, къ которому они обратились, препроводилъ ихъ дѣло въ иностранную коллегію, и Екатерина 7 ноября 1771 года дала имъ на-руки рескриптъ на имя Румянцева, предписывавшій ему защищать украинскихъ православныхъ, а Синодъ послалъ Іову указъ вѣдать, по примѣру прежнихъ переяславскихъ архіереевъ, духовныя дѣла Украины. Съ этимъ драгоценнымъ документомъ Переровскій и Гуранда отправились назадъ и поѣхали прежде всего къ Румянцеву, находившемуся въ Яссахъ. На пути туда они остановились въ Балтѣ, гдѣ Гуранда пропалъ безслѣдно, вѣроятно погибъ отъ поляковъ; но Переровскій остался цѣлъ, доставилъ Румянцеву рескриптъ и въ началѣ 1772 года явился въ Украину съ правомъ располагать русскою военною защитою. Въ мартъ мѣсяцъ уже посланы были распоряженія по

русскимъ командамъ, расположеннымъ въ Украинѣ, защищать православныхъ, но съ тѣмъ, «чтобъ они, вступаясь въ охраненіе гонимыхъ, не давали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ или чтобы посягать на обиду католиковъ и униатовъ». Съ своей стороны, переяславскій преосвященный Іовъ написалъ въ Украину «ко всему православному священству и народу увѣщаніе», состоявшее въ простомъ приглашеніи заявлять себя православными. Вслѣдствіе этого сотни церквей переходили къ православію. Духовные правители, особенно Переровскій и Зражевскій, стали объѣзжать Украину въ сопровожденіи русскихъ командъ изъ отрядовъ Вишнякова, Малова, Жеребцова, Тунцельмана и другихъ. Многіе униатскіе священники совершенно добровольно принимали православіе. Брацлавскій офиціалъ Заблоцкій доносилъ своему митрополиту Володковичу 4 января 1773 года, между прочимъ, слѣдующее: «нашъ клиръ, точно ослѣпленный, постоянно жметя къ духовнымъ правителямъ, увлеченный примѣромъ грановскаго благочиннаго, который собственноручно и добровольно записалъ себя и все благочиніе на подчиненіе переяславскому епископу. Благочинія Животовское, Уманское, Чечельницкое и Рашковское частью изъ страха, частью добровольно тамъ же утонули». Заявляли о желаніи принять православіе даже униатскіе священники изъ западной Подоліи. Униатскій священникъ города Хмельника, Подольскаго воеводства, Гавриилъ Стрельбицкій показывалъ о себѣ, что онъ, имѣя ревность къ православію и видя, что оно утверждается только въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ, рѣшился оставить тотъ приходъ и искать другаго, гдѣ православіе утверждается³⁴⁷). Униатскіе священники, не желавшіе принять православіе вмѣстѣ съ прихожанами, изгонялись изъ своихъ приходовъ и отсылаемы были въ Бердичевъ подъ арестъ, гдѣ ихъ собралось до 46 человекъ³⁴⁸). Послѣдствія всѣхъ этихъ мѣръ по отношенію къ униатамъ были весьма важны. Въ 1772 и 1773 годахъ православіе распространилось въ протопопіяхъ Уманской, Животовской, Кальницкой, Ямпольской, Комаргородской, Брацловской, Краснянской, Рашковской, Немировской, Брацлавской, Винницкой, Грановской, Чечельницкой и Бердичевской, такъ что во всей Украинѣ считалось въ это время 23 благочинія и 1902 православныя церкви. Кромѣ того, въ 1773 году въ тѣхъ же протопопіяхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ протопопій Павлоцкой и Погребищской, желали присоединиться къ право-

славію до 90 уніатскихъ священниковъ, коихъ прошенія объ этомъ отклонены были преосвященнымъ Іовомъ вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ ³⁴⁹).

По окончаніи русско-турецкой войны, послѣдовалъ въ 1772 году первый раздѣлъ Польши между сосѣдними державами Россіей, Пруссіей и Австріей, по которому Россія получила Бѣлоруссію, а Австрія— Галицію до рѣки Збруча. Остальная часть западной Подоліи и Брацлавское и Кіевское воеводства, за исключеніемъ Кіева, оставались подъ властію Польши. Раздѣлъ этотъ утвержденъ былъ на польскомъ сеймѣ 1773 года, которымъ утверждался также трактатъ 1768 года, но съ присовокупленіемъ, что по третьему, четвертому и пятому пунктамъ этого трактата о недозволеніи переходить изъ господствующаго римскаго вѣроисповѣданія обоихъ обрядовъ и объ изгнаніи изъ отечества нарушающихъ этотъ законъ послѣдуетъ особое постановленіе на слѣдующемъ сеймѣ. Арестованные уніатскіе священники были выпущены изъ бердичевского заключенія и стали возвращаться къ своимъ приходамъ, а преосвященный Іовъ пересталъ принимать просьбы о новыхъ присоединеніяхъ къ православію; но за то оживились уніатскія власти и усердно принялись возстановлять въ Украинѣ унію, на основаніи не отмѣннаго еще закона о господствѣ католичества и уніи въ Польшѣ и о воспрещеніи перехода изъ нихъ въ другую вѣру. Обманутые въ своихъ надеждахъ, русскіе жители западной Украины задумали было поправить рѣшеніе союзныхъ державъ, производившихъ первый раздѣлъ Польши, и въ 1773 году дали письменное полномочіе выборнымъ своимъ представителямъ отъ имени жителей воеводствъ Кіевского, Брацлавскаго, Подольскаго и Волыни просить Екатерину II, чтобы она потребовала у Польши отмѣны стѣснительныхъ ограниченій въ договорѣ 1768 года правъ свободы совѣсти, т. е. права переходить въ православіе: «буде же польскій главный судъ не позволитъ на желаніе ихъ учинить удовольствіе, то они (малороссы) своимъ вѣрющимъ листомъ дадутъ своимъ уполномоченнымъ право поддаться ихъ самодержавію російскому подъ вѣчное защищеніе и подданство». Но въ Кіевѣ, куда уполномоченные прежде всего отправились со своимъ полномочіемъ, русскія власти потребовали выбросить послѣднее условіе,—и уполномоченные отправились въ Петербургъ только съ просьбою о защитѣ ихъ правъ на спокойствіе совѣсти. Но и эта

Николаевская бывшая армянская, нынѣ православная церковь въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

просьба не могла имѣть непосредственныхъ результатовъ и вѣроятно отложена была до того времени, когда составятся дополнительные статьи къ трактату 1773 года по этому предмету. Дополненія эти сдѣланы были въ началѣ 1775 года, во время происходившаго тогда польскаго сейма. Постановлено было: обѣимъ сторонамъ, православной и униатской, оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ заста-нетъ это постановленіе, и наблюдать миръ и тишину; для разбора взаимныхъ ихъ жалобъ и для опредѣленія, на основаніи трактата

1768 года, и только съ этого времени, а не съ 1717 года, кому должны принадлежать спорныя церкви, назначить смѣшанную комиссію. Оба договарившіяся государства обязывались запретить своимъ войскамъ мѣшаться или подавать кому бы то ни было руку помощи по этимъ дѣламъ, и строго внушить своимъ подданнымъ, чтобы они ожидали въ спокойствіи рѣшеній смѣшанной комиссіи. Такимъ образомъ вопросъ о свободномъ переходѣ въ православіе все-таки не былъ рѣшенъ. Да и эти постановленія тогда же измѣнены были къ худшему вторымъ сепаратнымъ актомъ, въ которомъ, вмѣсто смѣшанной комиссіи, жалобы и спорныя дѣла между православными и уніатами предоставлено было разбирать королевскимъ судамъ, польскому и литовскому, и въ этихъ судахъ, въ случаѣ недостатка, могло быть и неравное число членовъ, латинянь и православныхъ. Въ томъ же второмъ сепаратномъ актѣ сдѣлано ограниченіе правъ диссидентовъ. Они исключались изъ сената и министерствъ польскаго и литовскаго; хоронить своихъ покойниковъ въ праздничные дни они могли только или до начала латинскаго богослуженія, или по окончаніи его; они подчинялись латинской іерархіи по дѣламъ о смѣшанныхъ бракахъ, т. е. по вопросамъ о разводѣ и о наслѣдствѣ.

Православные жители Украины приуныли отъ этого трактата, а уніаты и католики ободрились и стали возстановлять вездѣ унію ³⁵⁰). Въ 1775 году владѣлецъ Чечельника, Александръ Любомирскій, пріѣхавъ туда, арестовалъ приходскаго православнаго протоіерея, Луку Романовскаго, и православныя церкви передалъ уніатамъ. Комисаръ Чечельницкаго ключа, панъ Мрочковскій, отдалъ въ этомъ ключѣ всѣ церкви уніатамъ. Гайсинскій губернаторъ, панъ Фельштынскій, передалъ уніатамъ православныя церкви — Гайсинскую, Карбовицкую и Меленецкую. Винцентій Потоцкій 3 октября 1775 года запечаталъ въ Немировской протопопѣ всѣ православныя церкви, запретилъ православное богослуженіе, захватилъ въ свою пользу церковныя пасѣки и дѣлалъ православнымъ другія неприятности и притѣсненія, помогая брацлавскому уніатскому офиціалу Любинскому насаждать унію ³⁵¹). Въ 1776 году уніаты овладѣли въ Украинѣ 800 церквей, при чемъ замученъ былъ звѣрскимъ образомъ православный уманскій протопопъ Кириллъ Зельницкій. Православные жители Украины въ 1775 и 1776 годахъ записали свои жалобы въ винницкія книги. Кромѣ того, въ 1776

году они посылали чечельницкаго протопопа Луку Романовскаго и Илью Голоскевича съ жалобой къ королю и при содѣйствіи русскаго посла получили универсалъ, предписывавшій не нарушать правъ православныхъ. Но польскій полковникъ Ерличъ не дозволилъ обнародовать этого манифеста въ Бершади и подослалъ переодѣтыхъ людей, которые избили православныхъ священниковъ, намѣревавшихся объявить универсалъ, а уніатскій офиціалъ Любинскій отказался объявить его своему уніатскому духовенству. Православные обратились къ прежнимъ средствамъ,—стали посылать жалобы въ св. Синодъ. Русское правительство сдѣлало представленіе о томъ польскому королю и предписало вновь своимъ военачальникамъ въ Польшѣ защищать православныхъ. Но эта мѣра не принесла существенной пользы православію какъ вслѣдствіе происковъ новаго уніатскаго митрополита Льва Шептицкаго, такъ и потому, что главный начальникъ русскихъ военныхъ силъ въ Украинѣ, генералъ Ширковъ, женатый на полькѣ Ледуховской, не расположенъ былъ добросовѣстно поддерживать православныхъ противъ уніатовъ и католиковъ. Лишаемые церковью и священниками, православные опять стали держать у себя безприходныхъ священниковъ, и такъ какъ въ это положеніе не вездѣ становились изгнанные православные священники, то по прежнему стали выходить ставленники изъ народа и отпраплялись за рукоположеніемъ старою дорогою, въ Молдавію и Валахію ³⁵²). Въ дѣлахъ упоминаются слѣдующіе молдо-влахійскіе епископы, рукополагавшіе для Подолія ставленниковъ: Доснѣей, епископъ радоуцкій и хотѣнскій (1773 г.); Иннокентій гушскій (1773 г.); Амфилохій молдавскій, въ Дубоссарахъ (1774 и 1778 гг.); Кириллъ браяловскій и ренинскій (1774 и 1785 гг.); Іоакимъ, митрополитъ Проевлаву, Томарова, Хотѣня и всея Росіи ханской (1778 и 1780 гг.); Кириллъ, митрополитъ молдавскій (1780, 1793 и 1795 гг.); Іаковъ, митрополитъ молдавскій (1789, 1792, 1795 и 1796 гг.); Веніаминъ, епископъ гушскій (1791 г.); Парѣеній митрополитъ ренинскій (1793, 1794 и 1795 гг.); и Парѣеній, митрополитъ томаровскій и хотинскій (1795 г.) ³⁵³). Главный офиціалъ львовскаго уніатскаго епископа Примовичъ въ одномъ письмѣ отъ 1780 года жалуется, что множество священниковъ даже изъ уніатской среды рукоположилось въ Валахію, что ихъ въ пограничныхъ мѣстахъ Галиціи и Подолія по два и по три въ приходѣ, и, въ слу-

чаѣ какихъ либо смуть, они сейчасъ же пристануть къ народу. Въ 1778 году прибылъ изъ Молдавіи въ Могилевъ на Днѣстрѣ, вѣроятно по вызову тамошнихъ грековъ, греческій призренскій митрополитъ Евсевій, братъ молдавскаго господаря, взялъ Подолію въ свое епископское управленіе и утвердилъ свое мѣстопробываніе въ Немировѣ, откуда сталъ объѣзжать православные приходы, служилъ въ церквахъ, рукополагалъ священниковъ и діаконѡвъ и защищалъ православныхъ отъ униатовъ и католиковъ. Онъ пробылъ въ Подоліи до 1781 года и вытѣсненъ отсюда происками брацлавскаго униатскаго офиціала Любинскаго ³⁵⁴).

Появленіе митрополита Евсевія въ Подоліи во всякомъ случаѣ свидѣтельствовало о настоятельной нуждѣ православнаго населенія въ Польшѣ имѣть своего собственнаго епископа, котораго у нихъ не стало со времени присоединенія Бѣлоруссіи, съ Георгіемъ Конисскимъ, къ Россіи въ 1772 году, тѣмъ болѣе, что новый униатскій митрополитъ, Іасонъ Юноша-Смогоржевскій, переселился въ концѣ 1780 года въ Радомышль и началъ энергически дѣйствовать противъ православныхъ въ Украинѣ. Рѣчь о назначеніи особаго православнаго епископа въ Польшу заведена была еще послѣ перваго раздѣла Польши и русское правительство добивалось этого у Польши при заключеніи союзнаго договора въ 1775 году. Наконецъ 27 марта 1785 года, данъ былъ Синоду указъ объ учрежденіи православной епископіи въ Польшѣ. На эту каеэдру избранъ былъ слуцкій архимандритъ Викторъ Садковскій, съ наименованіемъ его епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ, викаріемъ или коадьюторомъ Кіевской митрополіи; мѣстопробываніемъ для него назначенъ былъ Слуцкій монастырь. Но это пазначеніе православнаго епископа для православныхъ подданныхъ Польши произвело взрывъ негодованія между униатами и католиками, между которыми въ 1786 году явился даже проэктъ объ уничтоженіи православія и русской народности въ Польшѣ. На первый разъ они добились только того, что 7 марта 1787 года Викторъ Садковскій принесъ въ Тульчинѣ королю присягу на вѣрность. Въ августѣ 1787 года преосвященный Викторъ сталъ объѣзжать свою украинскую паству и пробылъ въ ней до октября слѣдующаго года, т. е. слишкомъ годъ ³⁵⁵), невольно возбуждая въ мѣстномъ населеніи стремленіе къ поддержанію и возстановленію православія. Къ сожалѣнію, въ 1787 году началась война Россіи съ Турціей,

отвлечшая вниманіе русскаго правительства въ другую сторону. Этимъ и воспользовались поляки, чтобы подавить начавшееся въ пользу православія народное движеніе. Это движеніе они приняли и выдали за народный бунтъ противъ польскаго правительства и шляхты. Одно убійство шляхетскаго семейства Вылежинскихъ, совершенное злодѣями изъ-за денегъ, принято было поляками за починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Увѣривши себя, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, польскіе обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и приписали все это злокозненности Россіи, будто бы она разсылаетъ по польскимъ областямъ такъ называемыхъ маркитантовъ и офеней или коробейниковъ, которые разносили по южной Россіи мелочные товары и во время странствованій своихъ нерѣдко останавливались у русскихъ священниковъ. Польское правительство постановило принять рѣшительныя мѣры противъ воображаемаго бунта и столь же воображаемыхъ руководителей его, предписало всѣмъ выходцамъ изъ Россіи, торговцамъ и монахамъ, удалиться изъ предѣловъ Польши въ теченіи двухъ недѣль, приказало арестовать преосвященнаго Виктора, потребовало отъ народа всеобщей присяги на вѣрность Польшѣ и, возбудивъ этимъ требованіемъ недоразумѣнія и волненія въ народѣ, назначило особую комиссію для разслѣдованія мятежа и наказанія виновныхъ. Страхъ распространился по Украинѣ, Подоліи, Волыни и въ другихъ мѣстахъ. Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Хмельникѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и униатскими духовными, надъ русскими хлопами и російскими подданными ⁵⁶⁾. Въ Подоліи особенно оговаривали священниковъ и крестьянъ въ заговорѣ противъ поляковъ бродяги Кирило Пундикъ и Василій Добрійчукъ ⁵⁷⁾.

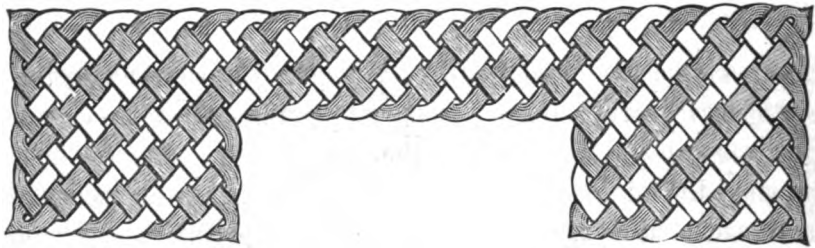
Не довольствуясь этимъ, поляки задумали, пока Россія связана войною съ Турціей, освободиться отъ русскаго вліянія и измѣнить свой образъ правленія, обезпеченный русскимъ правительствомъ. Въ началѣ 1788 года между прусскимъ правительствомъ и польскимъ начались переговоры, окончившіеся договоромъ, по которому польское правительство получало помощь отъ Пруссіи и обѣщалось ни въ чемъ не слушаться Россіи. Въ октябрѣ того же года открылся въ Варшавѣ сеймъ, который, утвердивъ этотъ договоръ, рѣшился, подъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей, прозвести въ своемъ государствѣ корен-

ныя преобразованія и съ этою цѣлю 3 мая 1791 года обнародовалъ актъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ акта «конституціи 3 мая». Въ силу этого акта въ Речи-Посполитой устанавливалось наследственное правленіе, объявлялась свобода вѣроисповѣданія, уничтожалось право «срывать» сеймы; всѣ состоянія становились равноправными передъ закономъ, мѣщанамъ открытъ былъ доступъ къ шляхетству и т. п. ³⁵⁸). Преобразование коснулось и православной церкви въ польско-литовскомъ государствѣ, для устройства которой созвана была въ Пинскѣ, 4-го мая 1791 года, конгрегація изъ разныхъ лицъ. Эта конгрегація выработала положенія новаго устройства православной церкви въ предѣлахъ Польши, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: объявлялась національная церковь въ Польшѣ, зависимая по духовнымъ дѣламъ отъ константинопольскаго патріарха, но не имѣющая права, даже и по духовнымъ дѣламъ, сноситься съ какою либо другою церковію. Высшая іерархія этой церкви должна была состоять изъ архіепископа и трехъ епископовъ, которые будутъ управлять, кромѣ консисторіи, посредствомъ національнаго собора, собирающагося при архіепископѣ, и конгрегаціи при епископахъ. До приведенія этого въ исполненіе устанавливалось особенное церковное управленіе надъ всѣми православными въ польско-литовскомъ государствѣ ³⁵⁹).

Вызывающій образъ дѣйствій поляковъ и отрицаніе ими русской гарантіи прежняго образа правленія не могли не оскорбить достоинства Россіи, которая, притомъ же, не безъ основанія видѣла въ конституціи 3-го мая дѣйствіе опасныхъ революціонныхъ французскихъ идей, и потому не могла не вооружиться противъ нея. Поводъ къ вмѣшательству подали сами поляки, изъ коихъ многіе остались недовольны «конституціей 3-го мая», тѣмъ болѣе, что она и объявлена была въ то время, когда не было на-лицо всѣхъ депутатовъ. Во главѣ недовольныхъ были Браницкій, Феликсъ Потоцкій и Ржевусскій. Подъ вліяніемъ Россіи, они составили торговицкую вооруженную конфедерацію, съ цѣлю уничтожить эту конституцію, и обратились за помощію къ русской императрицѣ. Екатерина II, заключивъ въ январѣ 1792 года миръ съ Турціей, вошла въ соглашеніе съ Пруссією и быстро заняла русскія области Польши, для окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи. Въ началѣ мая 1792 года двѣ русскія арміи, одна подъ начальствомъ Кречетникова, а другая — Игельстрома, вступили въ предѣлы Польскаго государства, о

чемъ русскій посолъ при варшавскомъ дворѣ, Булгаковъ, и заявилъ польскому правительству. Поляки двинули противъ русскихъ свои войска подъ начальствомъ двухъ лицъ—Понятовскаго, племянника короля, и Костюшки. Но такъ какъ польская армія была почти не дисциплинирована и плохо вооружена, то при встрѣчѣ съ русскими войсками постоянно терпѣла пораженія, и русскіе генералы такимъ образомъ скоро овладѣли Вильною, Гродною, Подоліей и Волынію, а 10-го августа 1793 года заняли и Варшаву ³⁶⁰). Что касается въ частности Подоліи, то главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь былъ, изъ арміи Кречетникова, генералъ Дерфельденъ, который, захвативъ польскую артиллерію въ Брацлавѣ, Красномъ и близъ Каменца-Подольскаго, обложилъ своими войсками этотъ послѣдній городъ и безъ всякаго кровопролитія принудилъ тамошній гарнизонъ, съ комендантомъ Злотницкимъ во главѣ, сдаться 21 апрѣля 1793 года ³⁶¹). Послѣ этого произошелъ второй раздѣлъ Польши между Россіей и Пруссіей. Россія взяла себѣ области Волинскую, Подольскую и Минскую, а Пруссія—Торнъ и Гданскъ съ ихъ округами ³⁶²).

Глава девятая.

Состояніе Подоліи со времени воссоединенія съ Россіей до польскаго мятежа 1831 года.

Административное, гражданское и церковное управленіе въ Подоліи при Екатеринѣ II; польское возстаніе подъ предводительствомъ Костюшки и его послѣдствія—третій раздѣлъ Польши, новое административное дѣленіе края, введеніе русскаго управленія и землевладѣнія, присоединеніе униатовъ къ православію; учрежденіе православной Подольской епархіи и сокращеніе католическихъ и униатскихъ епархій въ юго-западной Россіи; завершеніе воссоединенія униатовъ съ православною церковію въ Подоліи.—Два дѣятеля въ послѣдующей исторіи Подоліи - польско-католики и православно-русскій народъ и ихъ взаимоотношеніе въ разное время.—Павелъ I: возстановленіе польскаго управленія и суда; положеніе католической, униатской и православной церквей и приниженіе послѣдней мѣстными польско-католиками. Александръ I: возстановленіе польскаго управленія и дѣйствія польско-католиковъ къ поддержанію католичества и отчасти униіи и къ ослабленію православія въ Подоліи; совращенія въ католичество и унию; политическіе замыслы поляковъ и поднятіе польско-католическаго образованія; участіе поляковъ въ политическихъ смутахъ при Александрѣ I, польское повстаніе 1831 года и значеніе его, какъ поворотнаго пункта въ исторіи края.

ЕКАТЕРИНА II, поручая генералу Кречетникову занять земли, отходившія къ Россіи по второму раздѣлу Польши, вмѣстѣ съ тѣмъ предписала ему, отдѣливъ изъ этихъ земель смежные участки къ Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской и Екатеринославской губерніямъ, изъ остальныхъ затѣмъ составить вновь три губерніи Минскую, Изяславскую (Волинскую) и Брацлавскую. Генераль-губернаторомъ этихъ губерній опредѣленъ самъ Кречетниковъ, совмѣщавшій и должность главнокомандующаго, брацлавскимъ губернаторомъ назначенъ гене-

ралъ майоръ Берхманъ, а вице-губернаторомъ—надворный совѣтникъ, полякъ Грохольскій. Въ церковномъ отношеніи новообразованныя три губерніи составили особую православную епархію, на которую назначенъ былъ въ томъ же 1793 году, съ званіемъ архіепископа, бывший коадьюторъ Кіевской митрополіи, преосвященный Викторъ Садковскій ³⁶³), недавно выпущенный поляками изъ заточенія ³⁶⁴). Временнымъ мѣстопробываніемъ брацлавскаго губернатора и губернскаго правленія назначался городъ Винница ³⁶⁵), а преосвященный Викторъ имѣлъ резиденцію въ Слуцкомъ монастырѣ, Минской губерніи, откуда пріѣзжалъ въ Подолію только на короткое время. Такъ, въ 1795 году мы видимъ его въ Винницѣ ³⁶⁶). По отдаленности мѣстожительства преосвященнаго Виктора отъ Подоліи, мѣстные ставленики продолжали получать рукоположеніе въ Молдавію ³⁶⁷). Судопроизводство и административныя учрежденія въ край оставались пока прежніе. Въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ русское правительство прежде всего обратило свое вниманіе на поддержаніе въ нихъ порядка, мира, тишины, упроченіе гражданскихъ отношеній. Религіозный вопросъ, по видимому, остался въ сторонѣ. Преосвященный Викторъ не получилъ особыхъ инструкцій для управленія епархіей и отношеній своихъ къ униатамъ. Поэтому, когда явились къ нему два униатскихъ монаха и два священника съ заявленіемъ о желаніи ихъ присоединиться къ православію,—последніе съ приходами; то, наученный осторожности горькимъ опытомъ, преосвященный былъ въ недоумѣніи, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ. Опасаясь поступить несогласно съ видами правительства въ данную минуту, онъ выбралъ среднюю мѣру: присоединилъ къ православію монаховъ и священниковъ, а относительно присоединенія приходовъ обратился съ вопросомъ къ петербургскому митрополиту Гавріилу и просилъ разрѣшенія побывать въ Петербургѣ. Последовавшія затѣмъ событія ускорили разрѣшеніе затруднительнаго для преосвященнаго Виктора вопроса.

9 мая 1793 года скончался въ Межибожѣ генералъ-губернаторъ Кречетниковъ и на его мѣсто назначенъ былъ 18 іюня, того же года, для завѣдыванія гражданскою частію Тутолминъ, а вслѣдъ затѣмъ, когда еще не было приведено въ положительную извѣстность состояніе новоприсоединенныхъ областей, ихъ экономическое положеніе и матеріальныя средства, 6 апрѣля 1794 года вспыхнуло въ Варшавѣ возстаніе, во главѣ котораго сталъ извѣстный польскій генералъ и патриотъ Ко-

Кирилль Богословскій—Платоновъ,
архієпископъ подольскій и брацлавскій.

стюшко. Это событіе, взволновавшее всю бывшую Речь Посполитую польскую от края до края, не могло не отозваться и на обитателях вновь присоединенных провинцій, хотя фактическаго, дѣятельнаго участія они, за незначительными исключеніями, не могли принять въ послѣдующихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, а должны были ограничиться безмолвнымъ сочувствіемъ мятежному движенію своихъ привислинскихъ собратій. Быстро слѣдовавшія затѣмъ одно за другимъ событія, какъ-то битвы подъ Холмомъ и Маціевичами, плѣнъ Костюшки, штурмъ Праги и сдача Варшавы, а также достаточное количество расквартированныхъ въ губерніяхъ русскихъ отрядовъ и переходъ черезъ Подолію и Волинь войскъ подъ начальствомъ Суворова, спѣшившаго изъ Новороссіи на усиленіе русской арміи, сражавшейся въ Польшѣ, — все это предотвратило всякія попытки къ прямому мятежу и не дало времени расширяться волненію. Но тѣмъ не менѣе послѣдствія польскаго мятежа непосредственно коснулись и новоприсоединенныхъ къ Россіи областей и имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующую ихъ судьбу. Во первыхъ, послѣ подавленія польскаго возстанія, послѣдовалъ въ 1795 году третій раздѣлъ Польши, по которому Россіи досталась западная Волинь, съ уѣздами Владиміро-Волинскимъ и Ковельскимъ и западными частями уѣздовъ Луцкаго, Кременецкаго и Дубенскаго, а вслѣдствіе этого послѣдовало новое административное дѣленіе западной Украины на губерніи. Указомъ 1 мая 1795 года учреждались, кромѣ Волинской, губерніи Брацлавская и Подольская. Въ Брацлавской губерніи губернскимъ городомъ назначался городъ Брацлавъ, съ временнымъ помѣщеніемъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Винницѣ, а уѣздными городами — Литинъ, Хмельникъ, Сквиря, Гайсинъ, Тульчинъ, Ямполь, Могилевъ, Махновка, Липовець, Петигоры и Бершадь. Въ Подольской губерніи губернскимъ городомъ назначался Каменецъ-Подольскій, а уѣздными — Летичевъ, Кременецъ, Проскуровъ, Ушица, Вербовцы, Грудекъ, Зиньковъ, Старый Константиновъ, Базалія, Ямполь и Дубно ³⁶⁸). Въ обѣихъ губерніяхъ введено русское управленіе. Во вторыхъ, въ видахъ ослабленія матеріальныхъ средствъ къ мятежу и наказанія самихъ мятежниковъ, секвестрованы были имѣнія помѣщиковъ, не присягнувшихъ на подданство Россіи или обвинявшихся въ участіи въ возстаніи, и водворено русское землевладѣніе въ краѣ черезъ раздачу секвестрованныхъ старостинскихъ и подуховныхъ имѣній лицамъ русскаго происхожденія,

преимущественно отличившимся при покореніи Польши и содѣйствовавшимъ къ умиротворенію страны ³⁶⁹). Нѣкоторыя изъ секвестрованныхъ имѣній возвращены были самою Екатериною II ихъ прежнимъ владѣльцамъ, по принесеніи ими присяги на подданство Россіи, и въ числѣ ихъ Михаилу и Ѡадею Чацкимъ, двумъ сыновьямъ князя Адама Чарторыйскаго Адаму и Константину, графинѣ Замойской и др. Въ третьихъ, вспыхнувшее въ Польшѣ возстаніе 1794 года и кровавая варшавская рѣзня 6 апрѣля указали Екатеринѣ II, какъ большинство поляковъ относится къ послѣдовавшимъ политическимъ событіямъ и переменамъ въ бывшей Речи Посполитой, и какъ оно готово относиться въ будущемъ, и побудили ее съ большею рѣшительностію опереться на простой народъ въ новоприсоединенныхъ областяхъ. «Черный народъ, — говорится въ высочайшемъ указѣ 19 апрѣля 1794 года, — обитающій въ областяхъ нашихъ, а паче намъ единовѣрный, поляковъ господъ своихъ ненавидитъ, что самымъ дѣломъ доказано многими доселѣ происшествіями, а потому нетрудно будетъ имѣть оный въ свою пользу, ободряя покровительствомъ отъ единовѣрныхъ ему». Къ сожалѣнію, въ интересахъ общегосударственныхъ, императрица не рѣшилась поколебать и ослабить иго крѣпостнаго права, тяготѣвшее въ этомъ краѣ надъ русскимъ населеніемъ, которое большею частію продолжало оставаться до времени подъ властію польскихъ пановъ, въ свою очередь находившихся подъ исключительнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Императрица ограничилась только рѣшеніемъ религіознаго вопроса въ пользу мѣстнаго православнаго населенія и устройствомъ церковныхъ дѣлъ въ новоприсоединенныхъ областяхъ ³⁷⁰), хотя и этими дѣйствіями своими навсегда привязала мѣстное русское населеніе къ Россіи.

Еще въ манифестѣ о присоединеніи Юго-Западнаго края къ Россіи по второму раздѣлу Польши Екатерина II изъяснила, что конечную цѣль всѣхъ ея дѣйствій по отношенію къ этому краю составляетъ «избавленіе земли и градовъ нѣкогда Россіи принадлежавшихъ, единоплеменниками населенныхъ и созданныхъ и единую вѣру съ нами исповѣдующихъ, отъ соблазна и униженія, имъ угрожающихъ». Въ такомъ же духѣ составленъ былъ и высочайшій рескриптъ, въ отвѣтъ на представленія преосвященнаго Виктора, данный 22 апрѣля 1794 года на имя генераль-губернатора Тутолмина, съ приложеніемъ окружной гра-

моты отъ лица преосвященнаго Виктора, приглашавшей уніатовъ къ принятію православія. Въ этомъ рескриптѣ говорится положительно объ искорененіи уніа, объявляется, что воссоединеніе есть надежнѣйшее средство къ утвержденію народа въ единомысліи и спокойствіи, что противодѣйствіе воссоединенію со стороны латинянъ и уніатовъ будетъ принято за уголовное преступленіе, подлежащее суду и влекущее за собою секвестръ имѣнія. Въ этомъ же рескриптѣ предписывается Тутолмину не заводить по дѣламъ о воссоединеніи переписки съ уніатскимъ митрополитомъ Ростоцкимъ. Приложенная же къ рескрипту грамота преосвященнаго Виктора приглашала уніатское русское населеніе его епархіи къ возвращенію въ благочестіе, которому издревле предки ихъ, а нынѣ и сами послѣдовали, разъяренія при этомъ уніатамъ, что они не должны вѣрять угрозамъ и разглашеніямъ, будто страна эта опять возвратится подъ власть Польши, что никакая сила не въ состояніи будетъ оторвать ихъ отъ соединенія съ прочими вѣроподданными Екатерины II, и что императрица не допуститъ, чтобы присоединяющіеся къ благочестію подвергались за это какимъ либо обидамъ и угнетенію. Новымъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 16 мая того же года поручалось св. Синоду снабдить преосвященнаго Виктора способными къ апостольскому подвигу лицами и для сего избрать и послать къ нему одного архимандрита и потребное число благонадежныхъ священниковъ изъ другихъ епархій. Во исполненіе сего повелѣнія, св. Синодъ постановилъ назначить въ помощь Виктору первенствующаго члена Мннской духовной консисторіи, архимандрита Варлаама Шишацкаго, съ правами управляющаго дѣлами духовнаго вѣдомства по Изяславской и Брацлавской губерніямъ, и предписалъ сосѣднимъ епархіальнымъ преосвященнымъ избрать и послать къ преосвященному Виктору потребное число духовныхъ лицъ.

Грамота преосвященнаго Виктора обнародована была, повидимому, въ самое неудобное для нея время, въ разгаръ польскаго возстанія 1794 года, но тѣмъ не менѣе произвела могущественное дѣйствіе на уніатовъ. Уніатскіе приходы одинъ за другимъ, особенно на Подолии, начали заявлять о своемъ желаніи присоединиться къ благочестію и исповѣдывать вѣру своихъ предковъ. Содержаніе всѣхъ этихъ заявленій, которыхъ въ архивѣ мѣстной духовной консисторіи уцѣлѣло около 500, приблизительно почти одно и то же. Въ нихъ просители поясняли что уніат-

ство принято ихъ отцами или ими самими вслѣдствіе насилія со стороны поляковъ и увѣщанія уніатскихъ священниковъ; но теперь, при наступленіи вождѣннаго времени, когда, по слову монархини и пастырской грамоты, открылась свобода каждому возвратиться безболзненно на свой праотеческій православный обрядъ, они всеохотнѣйше, по первому призыву, присоединяются къ православію. 27 октября того же 1794 года преосвященный Викторъ доносилъ, что съ конца августа и до первыхъ чиселъ октября, т. е. въ теченіе съ небольшимъ одного мѣсяца, присоединилось къ православію 333,093 человекъ. Присоединившіеся составляли 721 приходъ, и съ ними присоединилось 463 священника³⁷¹). Въ это время, въ предѣлахъ Подоліи, обращены были въ православіе базилянскіе монастыри Сатановскій, Грановскій, Головчинскій и Коржовецкій³⁷²).

Не смотря на рескрипты Екатерины II, польско-католики и уніатскія власти старались всеми мѣрами задержать движеніе народа къ православію. Помѣщики поляки и упорствующие подъ ихъ вліяніемъ уніаты то жаловались на неправильное якобы занятіе немногими присоединившимся къ православію приходскихъ церквей, между тѣмъ какъ въ средѣ крестьянъ есть-де еще много уніатовъ, то прямо не отдавали крестьянамъ церквей на томъ основаніи, что онѣ построены ими самими на ихъ счетъ, то наконецъ прибѣгали къ угрозамъ и разнымъ насиліямъ, чтобы удержать крестьянъ отъ заявленія согласія на воссоединеніе съ православіемъ. Не говоря уже о множествѣ обидъ, мелкихъ притѣсненій и униженій, которыми помѣщики всегда могли преслѣдовать своихъ православныхъ крестьянъ и ихъ священника, они, считая себя полновластными собственниками числившейся за ними земли, въ томъ числѣ и церковной, въ порывѣ негодованія на священника за присоединеніе къ православію, отнимали у него весь церковный земельный надѣлъ или часть его и нѣкоторыя угодья. Такъ поступали, напримѣръ, въ Подоліи помѣщики Терлецкій, Тржетецкій, Ляпинскій, княгиня Четвертинская и др. Помѣщикамъ помогало иногда въ ихъ заботахъ о поддержаніи существованія уніи и бѣлое уніатское духовенство. Это были преимущественно священники, поставленные по презентамъ патроновъ-католиковъ, благодарные своимъ патронамъ за оказанныя имъ благодѣянія и дарованіе священническихъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ держали у себя уніатскихъ священниковъ и католическихъ ксендзовъ,

которые совершали въ униатской церкви богослуженіе съ явнымъ намѣреніемъ совращать новоприсоединившихся ³⁷³). Дерзость польскихъ пановъ и ксендзовъ доходила до того, что они совращали въ католичество не только униатовъ, но и воссоединенныхъ съ православною церковію священниковъ. Въ 1794 году священникъ Василій Томашевскій, принявъ православіе, вскорѣ отрекся отъ него и принялъ латинство, объясняя, что «онъ теперь имѣетъ больше чести и прибыли отъ пановъ и ксендзовъ, нежели отъ своего прихода, и надѣется, что они его и впредь не оставятъ», а совратившій и принявшій его къ себѣ доминиканскій настоятель въ Летичевѣ объяснялъ, что и онъ имѣетъ право обращаться къ своей вѣрѣ, подобно тому, какъ обращаютъ къ благочестію. Съ своей стороны, униатскія духовныя власти старались всеми мѣрами противодействовать присоединенію униатовъ къ православію, чтобы удержать ихъ подъ своею властію. Униатскій митрополитъ Феодосій Ростоцкій посылалъ своего коадьютора Булгака «въ Оранну и слободу Хочеву (Радомышльскаго уѣзда) уговаривать поселянъ, чтобъ они на благочестіе не приставали, и когда сіи на то не согласились, то они были Булгакомъ устрашаемы, что 7,000 поляковъ находятся въ Мозырѣ и оной городъ сожгли, что они сюда прійдутъ и ихъ такъ же побьютъ, какъ въ Мозырѣ побили схизматиковъ, и что ихъ поляковъ съ часу на часъ сюда ожидаютъ». При другомъ случаѣ Ростоцкій будто бы сказалъ одному новоприсоединенному къ православію: «пропали вы все съ душами и тѣлами; сами вы и дѣти ваши записались чорту» ³⁷⁴). Преосвященный Викторъ, замѣчая вредное влияніе сказаннаго митрополита на успѣхъ присоединенія униатовъ къ православію, доносилъ св. Синоду, что, по его мнѣнію, необходимо было бы удалить Ростоцкаго изъ Западнаго края. Вызванный въ Петербургъ, Ростоцкій предписывалъ оттуда подвѣдомственному духовенству, чтобы употреблены были всевозможныя мѣры къ замедленію присоединенія къ благочестію. Униатская консисторія, исполняя волю своего начальника, предписывала съ своей стороны униатскому духовенству препятствовать и медлить присоединеніемъ до возвращенія Ростоцкаго и убѣждать всехъ и каждого, что «все останется по прежнему» ³⁷⁵).

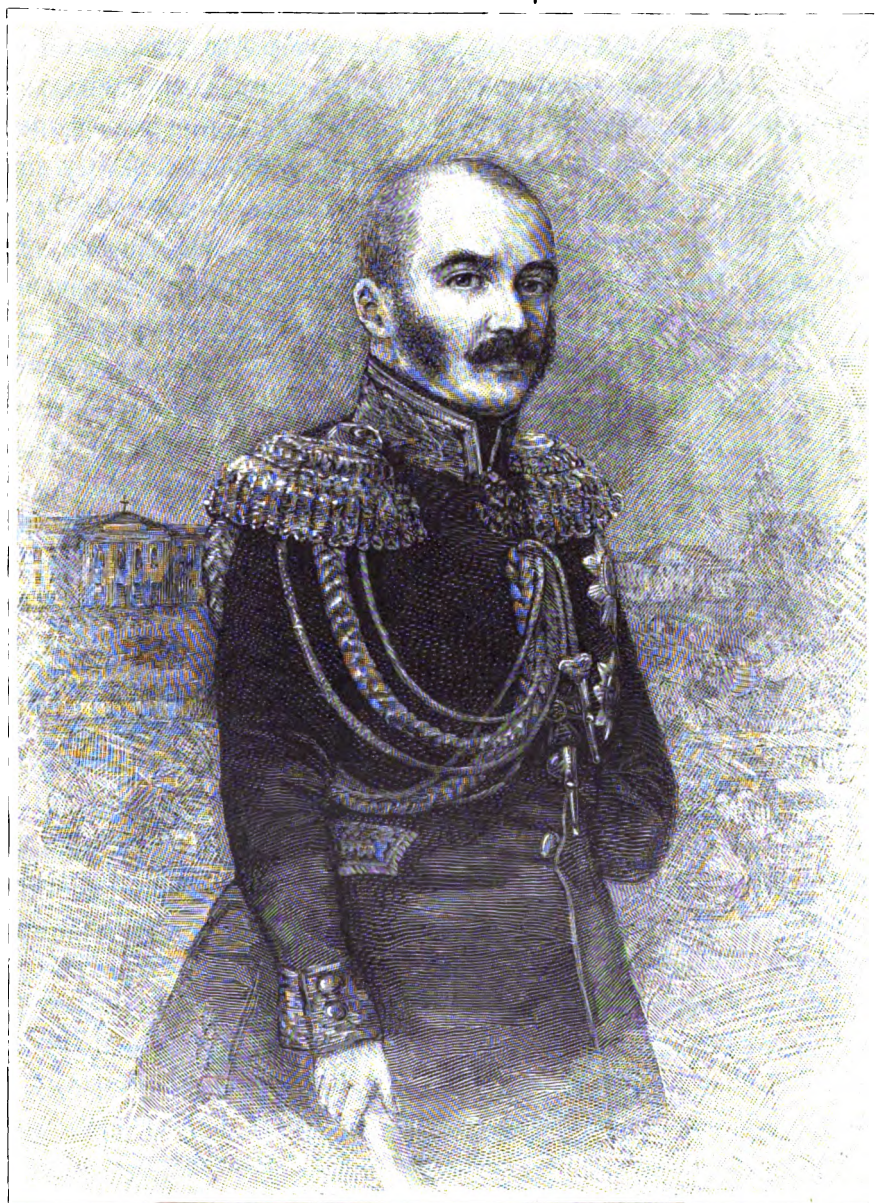
Такой порядокъ дѣлъ продолжался до конца 1794 года, пока не умирено было окончательно возстаніе Костюшки. 10 января 1795 года послѣдовалъ новый рескриптъ Екатерины II на имя генераль-губерна-

*

тора Тутолмина, съ строгимъ напоминаніемъ объ исполненіи указа касательно возсоединенія и отобранія имѣній за противодѣйствіе этому дѣлу и съ приказаніемъ предать суду виновныхъ въ этомъ помѣщиковъ Гвицицькихъ на Волини. Этимъ рескриптомъ предписывалось, между прочимъ, «чтобы обнародованіе грамоты архіепископа Виктора производилось впредь самимъ поселянамъ, и введеніе благочестія во всѣхъ ихъ обиталищахъ безъ всякаго духовныхъ и мірскихъ чиновниковъ римскаго и уніатскаго законоучастія и посредства; и дабы предавшіеся въ объятія нашей православной церкви отъ мести, притѣсненія и обидъ дѣятельно оберегаемы были, а обидчики и наглецы безъ наказанія не оставались, — то надлежитъ употреблять старанія и мѣры, чтобы при повсемѣстномъ сего исполненіи отвращаемы были пустые толки и вымышленія, яко разрушающіе спокойствіе жителей и въ благоустроенномъ правленіи нетерпимые, безопасность и защита дѣйствительно исполняемы были и чтобы никто изъ присоединившихся къ благочестію притѣсняемъ не былъ. Ибо мы, позволяя свободное и ни въ чемъ не ограниченное отправленіе вѣры римско-католической, желаемъ, чтобы и помѣщики сего исповѣданія никакъ не дерзали угнетать тѣхъ изъ подданныхъ, которые желаютъ обратиться къ прежнему ихъ греческому исповѣданію, и чтобы, по обращеніи ихъ къ благочестію, власти наши не только предохраняли ихъ отъ всякихъ притѣсненій и обидъ, но паче принимали о нихъ возможное попеченіе; ибо сіе обращеніе навящше сблизитъ ихъ съ Россіянами, и они нисколько не должны уже бояться, чтобы когда либо отъ нашей державы отторгнуты были. Равно слѣдуетъ вразумить помѣщиковъ, что изъясняемое ими сопротивленіе ихъ самихъ довести можетъ до несприятностей», и проч. ³⁷⁶). Послѣ этого рескрипта, дѣло возсоединенія уніатовъ въ Подоліи принимаетъ болѣе благопріятный поворотъ и начинаетъ быстро подвигаться впередъ. Изъ дѣлъ Подольской духовной консисторіи видно, что въ три года (1794—1796) въ одной Брацлавской губерніи присоединилось къ православію около 1.295,471 души обою пола съ 1442 церквами ³⁷⁷).

Послѣдствіемъ быстрыхъ успѣховъ православія въ западной Украинѣ насчетъ уніи и отчасти католичества были увеличеніе здѣсь числа православныхъ епархій и сокращеніе и ограниченіе епархій уніатскихъ и католическихъ.

12 апрѣля 1795 года послѣдовалъ высочайшій указъ св. Синоду

Кіевскій военный губернаторъ и генералъ-губернаторъ подольскій и
волинскій, генералъ-отъ-инфантеріи Д. Г. Биби́ковъ.

объ учрежденіи особой Брацлавской и Подольской православной епархіи для Подолія, съ оставленіемъ за преосвященнымъ Викторомъ Минской и Волынской губерній и назначеніемъ въ послѣднюю особаго викарія житомирскаго. Тѣмъ же указомъ повелѣвалось въ каждой изъ трехъ вновь присоединенныхъ губерній и въ области Каменецкой учредить по одному женскому монастырю, изъ лучшихъ униатскихъ монастырей, для помѣщенія въ нихъ архіерея, монашествующихъ лицъ и семинаріи³⁷⁸). На епископство Брацлавское назначенъ архимандритъ Московскаго Донскаго монастыря Іоанникій, а на житомирское викаріатство—помощникъ Виктора, архимандритъ Старчицкаго монастыря Варлаамъ. При этихъ назначеніяхъ имѣлось въ виду избрать людей, знающихъ страну, даже прямо обозначалось, что избранный знаетъ польскій языкъ. Варлаамъ былъ рукоположенъ въ Кіевѣ 3 мая, а Іоанникій въ Москвѣ 13-го мая³⁷⁹) и проѣздомъ черезъ Кіевъ пригласилъ съ собою въ епархію трехъ студентовъ Кіевской академіи Киселевскаго, Петра Валететія и Іоанникія Нагорскаго³⁸⁰). Для мѣстопробыванія преосвященнаго Іоанникія въ Каменцѣ назначены были зданія упраздненнаго францисканскаго кляштора, а для помѣщенія православныхъ монаховъ въ ноябрѣ 1795 года взятъ былъ на православіе базилианскій Троицкій монастырь въ Каменцѣ³⁸¹). Православный женскій монастырь существовалъ уже въ Могилевѣ; но, кромѣ того, въ Каменцѣ отведено помѣщеніе для православныхъ монахинь въ корпусѣ бывшей униатской семинаріи³⁸²). Но такъ какъ зданія Каменецкаго францисканскаго кляштора не были приготовлены для помѣщенія православнаго архіерея, то преосвященный Іоанникій временно поселился въ Шаргородскомъ поіезуитскомъ базилианскомъ монастырѣ, изъ котораго базилиане выведены были въ 1794 году, и пробылъ здѣсь до 1799 года, тогда какъ духовная консисторія все это время находилась въ Брацлавѣ³⁸³). Только въ 1799 году преосвященный Іоанникій переѣхалъ изъ Шаргорода въ Каменецъ, но долженъ былъ временно поселиться въ Троицкомъ Каменецкомъ монастырѣ, пока наконецъ не отстроены были, для епископскаго номѣщенія, зданія бывшаго францисканскаго кляштора³⁸⁴). Въ Шаргородскомъ же монастырѣ съ 1797 года помѣщалась учрежденная въ этомъ году православная духовная семинарія, переведенная въ 1806 году въ Каменецъ, послѣ чего въ Шаргородѣ учреждено было духовное училище³⁸⁵).

Вслѣдъ за образованіемъ особой православной Брацлавской и По-

дольской епархіи, послѣдовало сокращеніе католическихъ и униатскихъ епархій въ Юго-Западномъ краѣ, или—вѣрнѣе—возстановленіе ихъ въ новомъ видѣ. Въ 1793 году, при второмъ раздѣлѣ Польши, каменецкій католическій епископъ Красинскій и его коадьюторъ Дембовскій не хотѣли присягнуть Россіи и остались за границей, такъ что въ Юго-Западномъ краѣ оставался только одинъ католическій епископъ кievскій въ Житомирѣ. Для церковнаго управленія римско-католическаго населенія новоприсоединенныхъ областей, Екатерина II учредила въ 1795 году три епархій: Инфляндскую взамятъ прежней Виленской, Пинскую вмѣсто Луцкой и Кіевской, Летичевскую, вмѣсто Каменецкой, для губерній Подольской, Брацлавской и Вознесенской. Епископы этихъ епархій должны быть полными начальниками своихъ управленій, и отъ нихъ единственно должны были зависѣть монашескіе ордена ихъ епархій. Духовенству вмѣнено въ обязанность не подчиняться никакой власти, внѣ имперіи находящейся, призывъ заграничныхъ духовныхъ лицъ и пребываніе ихъ въ этихъ губерніяхъ были запрещены, а не присягнувшіе на подданство мѣстные духовные отрѣшались отъ должностей. Предположено было упразднить излишніе католическіе монастыри, не приносящіе пользы обществу. Летичевскимъ католическимъ епископомъ былъ назначенъ Михайль-Романъ Сѣраковскій³⁸⁶), принадлежавшій нѣкогда къ торговицкой конфедерации, о которомъ, поэтому, поляки отзываются неодобрительно³⁸⁷).

Подобныя распоряженія послѣдовали и относительно униатской іерархій въ новоприсоединенныхъ къ Россіи областяхъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши, униатскій митрополитъ Ростоцкій отказался приносить присягу русскому правительству, которое, тѣмъ не менѣе, отнеслось къ нему человѣколюбиво, назначивъ ему пенсію. Указомъ отъ 6 октября 1795 года, даннымъ на имя Туттолмина, императрица повелѣла: во первыхъ, остающіеся по губерніямъ въ униіи монастыри и церкви подчинить бѣлорусскому униатскому архіепископу, но съ тѣмъ, чтобы это подчиненіе было лишь временнымъ и не мѣшало дальнѣйшему воссоединенію; во вторыхъ, закрыть униатскую митрополичью кафедру и униатскія епископіи въ русскихъ областяхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи по второму и третьему раздѣламъ; униатскимъ іерархамъ предоставлено избрать мѣстопребываніе внѣ предѣловъ западной Россіи и на-

значены пенсії; пенсія назначалась и всѣмъ униатскимъ священникамъ, оставшимся безъ приходо́въ послѣ перехода ихъ прихожанъ въ православіе, въ количествѣ отъ 50 до 100 руб.; въ третьихъ, всѣ униатскіе монастыри, которые окажутся излишними и не занимаются дѣлами милосердія и воспитаніемъ юношества, по сношенію съ бѣлорусскимъ униатскимъ архіепископомъ Лисовскимъ, упразднить.

Правительство, очевидно, держалось прежней мысли уничтожить унию во всей западной Россіи и ослабить католичество. И это желаніе относительно униі исполнилось въ Подоліи въ самое короткое время и безъ особы́хъ затрудненій. Помѣщики не осмѣливались явно вредить православію и иногда даже прикрывали свою ненависть къ православной церкви и своекорыстныя цѣли мнимою благожелательностію къ ней. Такъ напримѣръ, помѣщикъ бывшаго Зеньковского уѣзда, Игнатій Дульскій, желая воспользоваться церковною землею, задумалъ соединить семь приходо́въ своего имѣнія въ одинъ, выстроить одну каменную церковь въ м. Шаровкѣ, а всѣ сельскія церкви закрыть и разобрать. Дульскій подговорилъ шаровскаго священника Іоакима Бпнѣцкаго помочь ему въ этомъ и приступилъ къ закрытію помянутыхъ приходо́въ, — сталъ выводить изъ нихъ священниковъ, разбирать церкви, свозить ихъ въ Шаровку и изъ этого матеріала началъ строить деревянную церковь вмѣсто обѣщанной каменной. «По такимъ обстоятельствамъ заключительно, -- писалъ преосвященный Іоанникій, — что онъ, Дульскій, подъ предлогомъ пользы церковной расположился принадлежачія къ онымъ разореннымъ церквамъ земли присвоить въ свои выгоды». 14 января 1796 года преосвященный Іоанникій доносилъ св. Синоду: «за помощію Божіею по Брацлавской губерніи церкви всѣ числомъ 1090 истекшаго 1795 года декабря въ послѣднихъ числахъ къ православію присоединеніемъ окончены»³⁸⁸). Кромѣ приходскихъ церквей обращены были къ православію базилианскіе монастыри Малѣевскій³⁸⁹), Немировскій³⁹⁰), Рожецкій, упраздненный по указу Брацлавской духовной консисторіи отъ 6-го іюля 1796 года³⁹¹). За базилианами остался только Барскій монастырь, содержавшій публичную школу. Не принявшіе православія и оставшіеся безмѣстными базилиане и нѣкоторые бѣлые униатскіе священники старались примкнуть къ польско-католикамъ. Письмомъ отъ 10 мая 1796 года къ лѣтчевскому католическому епископу Сѣраковскому униатскій архіепископъ Лисовскій позволялъ ему

принимать подъ свою власть священниковъ, какъ базилианскихъ, такъ и свѣтскихъ, и присовокуплялъ, что много уже базилианскихъ и свѣтскихъ священниковъ, по извѣстнымъ имъ причинамъ, добровольно перемѣнили обрядъ. Базилианинъ Сульжинскій насчитываетъ такихъ священниковъ до 100 человекъ. Изъ нихъ до 16-ти человекъ было базилианъ, которые совершали богослуженіе по латинскому обряду въ Бѣлиловкѣ, Шаргородѣ, Грановѣ, Михалполѣ, Умани, Мовчанахъ, Барѣ, близъ Каменца, у пановъ Гижицкихъ и проч. ³⁹²). Что же касается бѣлыхъ униатскихъ священниковъ, оставшихся безъ мѣста, то преосвященный Іоанникій старался кроткими мѣрами привлечь ихъ къ православію и за время отъ 1795 по 1798 годъ присоединилъ ихъ до 46 человекъ ³⁹³). Остальные, затѣмъ, униатскіе священники, оказавшіеся упорными или же недостойными православнаго священства, скитались по разнымъ мѣстамъ и служили въ католическихъ костелахъ и каплицахъ, завися отъ католическихъ настоятелей и властей, но не приняли предложенія перейти въ Литву и Бѣлоруссію на униатскіе приходы. Такихъ униатскихъ священниковъ до 1839 года насчитывалось въ Подоліи не свыше 38 человекъ ³⁹⁴).

Такимъ образомъ, въ Подоліи еще при Екатеринѣ II униа исчезла почти совершенно: послѣдователи ея въ подавляющемъ большинствѣ присоединились къ православію и только въ самой незначительной долѣ остались вѣрными ей, или же примкнули къ польскому католичеству. Поэтому въ послѣдующей исторіи Подоліи являются главнымъ образомъ два дѣятеля мѣстной исторической жизни: съ одной стороны польско-католики, съ другой — мѣстное русское православное населеніе. Первымъ принадлежали населенныя имѣнія, богатство, власть и образованіе, тогда какъ послѣднее продолжало томиться въ тяжелыхъ условіяхъ крѣпостнаго права и въ громадномъ большинствѣ случаевъ подчинено было первымъ. Опираясь на крѣпостное право, мѣстные польскіе помѣщики старались всячески принизить православіе и русскую народность, возвысить католичество и воскресить польскую народность и даже не разъ принимали участіе въ открытомъ мятежѣ противъ русскаго правительства съ цѣлю добиться возстановленія Польскаго государства въ прежнихъ его границахъ. Стремленіямъ польско-католиковъ невольно и безсознательно помогало иногда и само русское правительство вслѣдствіе довѣрчиваго и безразсуднаго гуманнаго отношенія своего

къ полякамъ, пока не разочаровалось въ нихъ польскими возстаніями. До перваго серьезнаго возстанія польскаго въ 1831 году поляки все болѣе и болѣе захватывали въ свои руки внутреннее самоуправленіе въ краѣ и власть надъ православнымъ русскимъ населеніемъ, тогда какъ послѣ этого возстанія начинается постепенный, хотя и медленный и съ перерывами, подъемъ русской народности и православія въ краѣ.

Сынъ и преемникъ Екатерины II Павелъ I мечталъ исправить мнѣшья неправды своей матери по отношенію къ западнымъ окраинамъ Россіи и дать имъ долю самостоятельнаго развитія. Вступивъ на престолъ, онъ освободилъ, по ходатайству польскаго графа Ильинскаго, 11,000 поляковъ, сосланныхъ за смуту 1794 года³⁹⁵), и сталъ возвращать имъ отобранныя у нихъ имѣнія, изъ которыхъ выводилъ русскихъ людей, вознаграждая ихъ имѣніями въ другихъ мѣстахъ имперіи. Такъ, онъ возвратилъ изъ ссылки участвовавшаго въ мятежѣ Игнатія Дзялынскаго, даровалъ прощеніе другому мятежнику шамбеляну Денискѣ и далъ ему въ вѣчное владѣніе села Гетмановку, Струтынку, Недѣлкову и Глубочекъ въ Балтскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, и проч.³⁹⁶). Затѣмъ, Павелъ I возстановилъ въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ литовско-польское внутреннее управление и судопроизводство. Въ мартѣ 1797 года явилось два указа, изъ которыхъ однимъ давалось польскому дворянству право избирать изъ своей среды на сеймикахъ губернатора и уѣздныхъ маршаловъ, т. е. предводителей дворянства, и другихъ чиновниковъ, а другимъ—избирать генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды. Вслѣдствіе этого, всѣ высшія и низшія мѣста въ администраціи и судѣ заняты были поляками³⁹⁷). Подъ этотъ строй возрѣнія императора Павла естественно подходили католики и униаты, какъ мѣстные жители. Имъ обѣщаны свобода и покровительство, тѣмъ болѣе, что Павелъ I вообще старался поддерживать папство и католичество, какъ оплотъ противъ разливавшегося въ западной Европѣ свободомыслія и невѣрія³⁹⁸). Въ 1798 году онъ назначилъ шесть католическихъ епархій въ юго-западной Россіи, причемъ возстановилъ и Каменецкую католическую епархію, съ присоединеніемъ къ ней Брацлавщины. Въ это время съ усердіемъ строились въ Подоліи новые костелы и каплицы и возобновлялись старые. Тогда какъ при Екатеринѣ II построены здѣсь только два новыхъ костела—въ Во-

роновицѣ въ 1793 году Грохольскимъ и въ Межировѣ въ 1794 году графомъ А. Орловскимъ и возобновленъ костель въ Залѣсцахъ,—въ непродолжительное царствованіе Павла I построено и возобновлено до семи костеловъ, кромѣ каплицъ и капличекъ. Такъ, въ 1796 году появился приходской костель въ м. Жванчикѣ, построенный подкоморіемъ подольскимъ Казиміромъ Литинскимъ, а сосѣдній съ Каменцемъ Зиньковецкій приходъ отданъ во власть каменецкихъ тринитаръ. Въ томъ же году заложень былъ въ деревнѣ Кумановцахъ, Литинскаго уѣзда, приходской костель шамбеляномъ Кумановскимъ; но постройка его шла слишкомъ медленно, потому что не было еще прихожанъ, которые бы позаботились объ окончаніи костела. Для рабочихъ существовала маленькая деревянная каплица. Въ 1797 году появилось еще два костела уже въ Брацлавщинѣ: въ Голованевскѣ деревянный приходской костель и въ Ладыжинѣ небольшая приходская каплица, построенная сенаторомъ Севериномъ Потоцкимъ. Въ 1799 году построенъ приходской костель въ м. Ялтушковѣ помѣщикомъ Казиміромъ Красовскимъ, а въ 1800 году основанъ въ деревнѣ Острожкѣ, Винницкаго уѣзда, приходской костель Старжинскимъ, оконченный его зятемъ Феликсомъ Бржозовскимъ. Кажется, около этого же времени появился и кладбищенскій костель въ Каменцѣ. Кромѣ того, построено было тогда очень много различныхъ каплицъ и капличекъ при различныхъ помѣщичьихъ дворахъ и фабрикахъ ³⁹⁹).

Милостями новаго императора надѣялись воспользоваться и отчасти воспользовались и униаты. Бывшій униатскій митрополитъ Ростоцкій, жившій въ Петербургѣ, привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Павла I восторженною рѣчью, въ которой называлъ себя возстановленнымъ въ своихъ правахъ униатскимъ митрополитомъ. Надежды эти подкрѣплялъ папскій нунцій Лятта, который на пути въ Петербургъ (1797 г.) собиралъ жалобы униатовъ на насильственное якобы обращеніе ихъ въ православіе и, по приѣздѣ въ Петербургъ, занялся упроченіемъ дѣла папы въ Россіи ⁴⁰⁰). Возбужденные рѣчью Ростоцкаго и надеждами на заступничество папы, нѣкоторые униатскіе священники съ частію своихъ прихожанъ, остававшихся въ униі, распечатывали взятыя у нихъ на православіе церкви, силою врывались въ нихъ и совершали богослуженіе. Имъ помогали духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, которые явнымъ образомъ притѣсняли священнослужителей право-

славной греко-россійской церкви, и не только тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгали от сей церкви людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ униатству. Такой образъ дѣйствій униатовъ раздражалъ новаго императора, который указомъ отъ 18 марта 1797 года строжайше воспретилъ на будущее время совращеніе православныхъ въ унию и ограничилъ права униатовъ, поставивъ ихъ въ зависимость отъ католиковъ. Правда, Павелъ I утвердилъ власть полоцкаго униатскаго архіепископа надъ бѣлорусскими униатами и возстановилъ униатскія епархіи Брестскую для униатовъ Минской и Литовской областей и Луцкую для униатовъ Малороссіи; но онъ не далъ униатамъ ни митрополита, ни самостоятельнаго управленія и не остановилъ предположеннаго прежде сокращенія базилианскихъ монастырей. Учредивъ въ 1797 году особый департаментъ юстицъ-коллегіи для римско-католическаго и униатскаго исповѣданій вмѣстѣ, Павелъ I указомъ 29 января 1798 года назначилъ предсѣдателемъ этого департамента могилевскаго католическаго архіепископа Станислава Богушъ-Сестренцевича, но не дозволилъ униатскимъ епархіямъ имѣть своихъ представителей или членовъ въ этомъ департаментѣ. 3 ноября 1798 года обнародованъ былъ регламентъ или уставъ для католическаго духовенства обою обряда, и униатскіе монахи-базилиане какъ бы признаны были латинскимъ монашескимъ сословіемъ. Въ послѣдствіи времени, когда бывший униатскій митрополитъ Ростоцкій сдѣлалъ представленіе императору о назначеніи униатскихъ представителей въ римско-католическую коллегію, Павелъ I отвѣчалъ: «униаты, такъ какъ они присоединены или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ (въ римско-католической коллегіи) не могутъ имѣть». Когда съ ноября 1800 года Сестренцевичъ удаленъ былъ отъ предсѣдательства въ римско-католической коллегіи и на его мѣсто назначенъ викарій его Бениславскій, то составлено и обнародовано было 11 декабря 1800 года новое положеніе объ управленіи дѣлами латинской церкви, на основаніи котораго базилиане не только освободились отъ всякой подчиненности своимъ епархіальнымъ епископамъ, но даже получили отъ епископа Бениславскаго, хотя и на самое непродолжительное время, дозволеніе созвать генеральный съѣздъ и избрать генерала ордена ⁴⁰¹).

Православіе, хотя и считалось господствующею религіею въ имперіи, однако не пользовалось естественными правами своими въ краѣ, гдѣ

Председатель кievской комиссiи для разбора древнихъ актовъ
М. В. Юзефовичъ.

сила и власть находились въ рукахъ поляковъ. Получивъ въ свои руки администрацію и судъ и достигнувъ возстановленія своей католической іерархіи, поляки не преминули воспользоваться всѣмъ этимъ для униженія православія и русской народности и возвышенія польскаго католичества. Въ 1796 году одинъ изъ студентовъ Кіевской академіи, отправившійся вмѣстѣ съ преосвященнымъ Іоанникіемъ въ Подолію, поступилъ въ священники на приходъ въ Брацлавскомъ намѣстничествѣ и въ томъ же году просилъ преосвященнаго Іоанникія отнестись къ губернатору Берхману, «чтобы отданы были хуторъ, грунты и домъ, которыми владѣлъ униатскій священникъ, и предписано было указомъ правильно принадлежащее возвратить безъ замедленія могилевскому земскому исправнику, и отданы грунты, кромѣ дома, но суррогатъ не допустилъ (православнаго священника) владѣть ими». Такъ какъ Брацлавское намѣстническое правленіе медлило исполненіемъ этого законнаго требованія, то въ слѣдующемъ 1797 году преосвященный Іоанникій представилъ дѣло прямо генераль-губернатору Беклешову, который «далъ предложеніе разсмотрѣть и удовлетворить губернскому уже Подольскому правленію немедленно, и чѣмъ униатскіе попы до присоединенія пользовались, отдать церкви непремѣнно». Между тѣмъ повѣтовый земскій судъ предложилъ православному священнику позывъ, наложилъ на него пеню или штрафъ и строго предписалъ, чтобы онъ суррогату въ грунтахъ не мѣшалъ. Губернское правленіе строго запретило повѣтовому суду входить въ разбирательство этого дѣла о грунтахъ и отмѣнило наложенную на священника пеню, но не сдѣлало никакихъ распоряженій относительно самыхъ грунтовъ, которые по прежнему оставались въ рукахъ суррогата. Вслѣдствіе этого преосвященный Іоанникій въ 1798 году обратился къ военному губернатору Гудовичу съ просьбой, дабы отданы были церкви принадлежащія ей угодья. На этотъ разъ, по распоряженію Гудовича, губернское правленіе предписало Ямпольскому нижнему суду отдать во владѣніе православнаго священника означенные грунты. Но въ 1800 году то же губернское правленіе, въ смѣну своихъ постановленій, предписало Ямпольскому нижнему суду церковныя земли отдать обратно суррогату, взявъ которыхъ помѣщица княгиня Любомирская отвела для православнаго священника неудобную землю ⁴⁰²). Въ другихъ же случаяхъ польскіе помѣшники еще безнаказаннѣе и безцеремоннѣе притѣсняли священниковъ и православный народъ. Православ-

ныя духовныя правленія Могилевское, Ольгопольское и Балтское весьма часто жаловались на обиды, притѣсненія и угнетенія, дѣлаемыя священникамъ помѣщиками и поссессорами; изъ другихъ мѣстъ доносили, что поссессоръ наказалъ священника плетью среди большой дороги, а помѣщикъ напалъ на домъ священника и билъ его здѣсь же. Тамъ уніатскіе священники, при содѣйствіи помѣщиковъ, возмущаютъ народъ противъ православныхъ священниковъ и привлекаютъ его на свою сторону, а въ другомъ мѣстѣ, при помощи помѣщика же, отнимаютъ православную церковь и обращаютъ ее въ уніатскую. Въ это время различными способами въ одномъ только Грудецкомъ уѣздѣ совращено было въ католичество 114 душъ обоого пола ⁴⁰³). Въ самомъ Каменцѣ базиліанинъ Юсіфъ Банульскій, совершая въ кармелитскомъ костелѣ богослуженіе по уніатскому обряду, успѣлъ совратить въ унію почти весь Петропавловскій приходъ въ этомъ городѣ ⁴⁰⁴).

Подобныя мѣры къ поддержанію католичества и отчасти уніи и къ ослабленію православія въ Подоліи принимались поляками и въ царствованіе Алексѣандра I, возстановившаго польское управленіе въ западной Россіи почти во всей его полнотѣ. Въ это царствованіе появилось въ Подоліи не менѣе 20 католическихъ костеловъ ⁴⁰⁵), число коихъ не вызывалось настоятельною надобностію мѣстнаго католическаго населенія и рассчитано было на пропаганду католичества среди мѣстнаго русскаго населенія. Средства къ тому были самыя разнообразныя и прежде всего помѣщичья власть. Помѣщики католики понуждали крестьянъ работать въ дни праздничные. Православные не имѣли даже времени по надлежащему исполнить христіанскаго долга во время великаго поста. Обыкновенно крестьянинъ употреблялъ для сего одинъ день, съ вечера исповѣдывался, а наутро причащался св. таинъ и опять слѣшилъ къ работамъ. Помѣщики не увольняли отъ работъ своихъ церковныхъ старость, въ противоположность высочайше утвержденному положенію о старостахъ, да и не позволяли быть старостами тѣмъ, которыхъ выбирали священнослужители и прихожане. Особенно трудно было имѣть хорошихъ старость тамъ, гдѣ было нѣсколько разныхъ помѣщиковъ. Крестьяне не могли, безъ согласія помѣщика, вполнѣ свободно распоряжаться своею собственностію, почему, при нежеланіи владѣльца, чтобы церковь была построена или исправлена, онъ всегда могъ найти благовидный предлогъ прямо или косвенно вредить ихъ добрымъ начи-

наніямъ въ этомъ отношеніи. Въ селѣ Громацеомъ, Балтскаго уѣзда, мѣстный староста Николай Вогута, построившій на свой счетъ церковь, не освобождался владѣльцемъ отъ работъ на барщинѣ. Во многихъ селеніяхъ помѣщиками построены были корчмы вблизи церкви, такъ что шумъ и крики изъ нихъ доходили до церкви и мѣшали богослуженію. Въ иныхъ селеніяхъ церкви сгорѣли, и крестьяне довольствовались часовнями. Случалось и такъ, что они заготавливали матеріаль для постройки церкви, а помѣщикъ забиралъ его и обращалъ въ свою пользу. Въ Каменецкомъ уѣздѣ въ селѣ Савинцахъ и приселкѣ Соколовкѣ церкви, по всѣмъ правамъ принадлежавшія православнымъ, присвоены были католиками, а въ селѣ Гремячкѣ, Летичевскаго уѣзда, бискупъ Цшкевичъ построилъ православнымъ деревянную церковь, а каменную обратилъ въ костелъ. Въ селѣ Севериновкѣ, Литинскаго уѣзда, церковь оказалась въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ села, безъ призрѣнія: помѣщикъ Орловскій перенесъ два селенія на другое мѣсто, а церковь не призналъ нужнымъ перенести, не построивъ также и новой церкви ⁴⁰⁶). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне принуждаемы были платить десятину въ пользу ксендзовъ, а нѣкоторые помѣщики католики брали десятину отъ пчель священническихъ и церковныхъ. Эту десятину должны были платить даже русскіе православные помѣщики со своихъ крестьянъ. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 30 іюня 1825 года предписано было Подольской казенной палатѣ десятину отъ православныхъ обратить въ пользу православнаго духовенства; но каменецкій католическій епископъ Мацкевичъ рѣшительно воспротивился этому распоряженію ⁴⁰⁷). Нѣкоторые причетники принуждались помѣщиками платить не только десятину, но и чиншъ. Сами священники, чувствуя свою зависимость отъ помѣщика, должны были или раболѣпствовать передъ ними, или обращать на себя ихъ негодованіе. Иные помѣщики хотѣли, напримеръ, чтобы священники являлись къ нимъ каждый праздникъ, являвшихся заставляли нѣсколько часовъ стоять у себя въ передней и т. п., не дѣлавшихъ же того разнымъ образомъ притѣсняли. Это особенно бывало въ имѣніяхъ графа Дульскаго. Другіе помѣщики не дозволяютъ священникамъ брать для дома водки въ другихъ мѣстахъ, кромѣ помѣщичьихъ корчемъ, что дѣлалось у графа Пржездецкаго, губернскаго предводителя дворянства. Въ селѣ Матвійковцахъ, Проскуровскаго уѣзда, помѣщикъ Стрѣлковскій забралъ у священниковъ лошадей и отослалъ

ихъ въ судъ за то, что онѣ ходили по сѣнокосу помѣщика. Весьма большія затрудненія встрѣчали священники въ обработываніи церковной земли, потому что у другихъ помѣщиковъ нанимать работниковъ запрещалось, а прихожане всегда заняты были работами у своихъ помѣщиковъ. Были примѣры, что помѣщики безъ всякаго права отнимали у духовныхъ лицъ часть благопріобрѣтеннаго ими стяжанія, напр. извѣстное число пней пчель. Но затруднительнѣе всего было рѣшеніе вопроса о церковныхъ земляхъ и пользованіи ими. Во время воссоединенія края съ Россіей, всѣ почти сельскія церкви въ достаточной мѣрѣ обеспечены были земельными надѣлами; но съ того времени дѣло пошло обратно. Помѣщики, пользуясь неопредѣленнымъ положеніемъ, въ какое поставлено было воссоединившееся духовенство по отношенію къ вотчинникамъ имѣній католикамъ, а равно предоставленными имъ обширными правами по управленію краемъ, задались мыслию отнять значительную часть наданныхъ церквамъ земель и угодій, поотнимать эрекции, какъ доказательство принадлежности церквамъ земельныхъ участковъ, замѣнить лучшія угодья худшими, вообще всячески запутать и затемнить это дѣло. Въ 1817 году, по высочайшему повелѣнію, учреждены были губернская и уѣздная комиссіи для разбора дѣлъ о спорныхъ церковныхъ земляхъ; но такъ какъ большинство членовъ этихъ комиссій состояло изъ польскихъ помѣщиковъ, то онѣ мало приносили пользы православнымъ церквамъ и всячески тормозили поступающія къ нимъ дѣла. Въ мѣстечкѣ Ивангородѣ священникъ 17 лѣтъ велъ дѣло объ отторгнутомъ отъ церкви хуторѣ и подалъ 113 прошеній, утруждалъ даже государя императора и государя цесаревича и получилъ желаемое, но мѣстное начальство не приводило распоряженія въ исполненіе. Судомъ велѣно было возвратитъ церкви хуторъ до окончательнаго рѣшенія дѣла, но мѣстный помѣщикъ Собанскій упросилъ начальство, чтобы хуторъ лучше оставался у него, потому что-де онъ всегда въ состояніи будетъ удовлетворить церковь ⁴⁰⁸).

Опираясь на власть помѣщиковъ и польскую администрацію и судъ, и католическое духовенство старалось совращать въ свою вѣру мѣстное русское населеніе. Ксендзы внушали народу, что бѣдственное положеніе его зависитъ отъ того, что онъ остается въ православіи, и что ему будетъ гораздо лучше, если онъ по вѣрѣ пристанетъ къ своимъ панамъ. Этимъ способомъ окатоличено было много народу. Такъ напри-

мѣръ, въ селѣ Радовцахъ, Литинскаго уѣзда, совращено изъ православія въ унию и католичество болѣе 30 человекъ и, чтобы выдѣлить ихъ отъ православныхъ, почти всѣ они произведены въ импровизированные дворяне съ фамиліями Радзѣвскихъ, Галецкихъ и проч. ⁴⁰⁹). Обыкновенно же совращенія совершались посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Въ 1830 году въ одномъ только Каменецкомъ уѣздѣ совращено было изъ православія въ католичество до 190 душъ, а именно—въ самомъ Каменцѣ, предградіи его Польскихъ Фольваркахъ и Зиньковцахъ, въ мѣстечкахъ Грудѣ, Шатавѣ, Лянцкорунѣ, Збрижѣ, Купинѣ, селеніяхъ Летавѣ, Пудловцахъ, Долѣскѣ, слободѣ Выхтецкой, Мушѣ, Лысогоркѣ, Залѣсахъ, Лыжковцахъ, Красноставцахъ, Гуковѣ, Баговицѣ, Фурмановкѣ и Кочубіевѣ. «Бромъ же сего Каменецкаго уѣзда,—говорится въ дѣлѣ консисторіи,—и по другимъ уѣздамъ происходило такое совращеніе, какъ-то: по Балтскому приселка Богачевки римскаго обряда Ивана Гриневича четырехъ сыновей, крещенныхъ по желанію его жены православными священниками въ греко-россійское исповѣданіе, мѣстечка Криваго-Озера ксендзомъ Лукашевичемъ въ 1822 году обращены оныя на латинскій обрядъ, съ дополненіемъ по латинскому обряду крещенія и съ угрозами при томъ родителямъ, что если они оставятъ дѣтей въ греко-россійскомъ исповѣданіи, то сіи послѣднія могутъ быть высланы на поселеніе; Каменецкаго же уѣзда села Залѣсецъ ксендзъ Кобушевскій въ 1823 году, кромѣ совращенія многихъ лицъ въ латинство, произносилъ еще на православныя церкви хулительныя слова, говоря, что лучше войти въ хлѣвъ между свиней и молиться Богу, нежели въ какую нибудь греко-россійскую церковь, о чемъ произведенное слѣдственное дѣло римско-католическою консисторіею 1827 года февраля 10 подведено подъ всемилостивѣйшій манифестъ...; по Литинскому уѣзду до 41 души; по Ушицкому до 10 душъ; по Летичевскому уѣзду до 135 душъ; по Проскуровскому мужскаго 128, а женскаго 138 душъ,—о чемъ хотя наряжены слѣдственныя комисіи, но, по несодѣйствію гражданскихъ чиновниковъ, по явной поблажкѣ ксендзамъ, какъ будто для закрытія ихъ вины отъ епископа Мацкевича, воспрещено здѣшной римской консисторіи входить въ распоряженія по требованіямъ сей консисторіи насчетъ командированія по симъ дѣламъ духовныхъ депутатовъ... Сверхъ же сего, бывшій подольскій гражданскій губернаторъ и кавалеръ графъ Грохольскій, содера самъ латинскій обрядъ, соглашаясь съ здѣш-

нимъ римско-католическихъ церквей епископомъ и кавалеромъ Боргіа-шомъ Мацеевичемъ, дѣлалъ таковымъ совращеннымъ лицамъ, подъ разными, при продолжительномъ производствѣ сихъ дѣлъ, предложениями, поблажку и даже наводилъ слѣдствіе надъ консисторією чрезъ губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Рыхарда о чинимыхъ будто бы сею консисторією прижимкахъ при дѣлаемомъ увѣщаніи совращеннымъ лицамъ, отъ чего будто бы жена грудецкаго жителя Внуковскаго, будучи беременною, уронила неживое дитя, по поводу чего и прочія женскаго пола лица отказывались отъ явки въ консисторію подъ предлогомъ беременности» ⁴¹⁰).

Въ царствованіе Александра I подняли голову и уніаты въ Подоліи. Остававшійся въ Каменцѣ базилианинъ Банульскій, «при посредствѣ своей партіи, успѣлъ достигнуть того, что въ 1805 году главный каменецъ-подольскій судъ нашелъ пребываніе православныхъ монаховъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ противозаконнымъ, на удаленіе базилианъ посмотрѣлъ, какъ на насиліе, и присудилъ опять возвратить этотъ монастырь базилианамъ». Требования суда были такъ настоятельны, что только департаментъ Сената, къ которому обратился преосвященный Іоанникій, положилъ конецъ пререканіямъ, указавъ на превышеніе судомъ власти и вмѣшательство въ дѣла, которыя подлежатъ другому вѣдомству ⁴¹¹). Но при преемникахъ преосвященнаго Іоанникія Антоніѣ и Ксенофонтѣ уніаты успѣли прочно утвердиться въ Каменцѣ и начали совращать православныхъ въ унію. Въ 1822 году каедральный каменецкій протоіерей донесъ преосвященному Ксенофонту, что 4 мая этого года уніаты «церемоніальнымъ» крестнымъ ходомъ перенесли икону св. Николая изъ кармелитскаго костела въ каплицу, находящуюся вблизи каедральнаго собора, обратили эту каплицу, неизвѣстно по какому праву и съ чьего разрѣшенія, въ уніатскую церковь, назначили храмовымъ праздникомъ ея день св. Николая и совершаютъ въ ней богослуженіе не только въ воскресные и праздничные дни, но и по четвергамъ, вопреки существующимъ постановленіямъ, коими не только уніатамъ, но и католикамъ воспрещено было устроить новые церкви и костелы безъ сношенія съ православнымъ епископомъ. Священствовалъ въ этой каплицѣ австрійскій выходецъ Дандилькевичъ, который вмѣстѣ съ другими уніатскими священниками 9 мая, при огромномъ стеченіи народа, совершалъ соборнѣ литур-

*

гію и отправляя акаѳисты. При этомъ оказалось, что въ Каменцѣ совращено изъ православія въ унию до 26 человекъ. О дѣйствіяхъ каменецкихъ униатовъ преосвященный Бсенофонтъ донесъ непосредственно министру духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну, и, съ его еогласія, вошелъ въ переписку по этому дѣлу съ Подольскимъ губернскимъ правленіемъ и луцкимъ униатскимъ епископомъ Іаковомъ Мартушевичемъ ⁴¹²). Тѣмъ не менѣе униатская Николаевская церковь и приходъ въ Каменцѣ продолжали существовать до общаго воссоединенія униатовъ съ православною церковію въ 1839 году ⁴¹³). Къ 1830 году число униатовъ въ Каменцѣ и его приселкахъ увеличилось до 600 ⁴¹⁴), а число совратившихся въ католичество возрасло до 1500 человекъ ⁴¹⁵).

Кромѣ религіозной пропаганды, въ царствованіе Александра I предпринимались поляками и особья, спеціальныя мѣры къ поднятію польской народности въ краѣ и возстановленію политической самостоятельности Польши. Мѣры эти главнѣйшимъ образомъ состояли въ поднятіи и оживленіи образованія мѣстнаго юношества въ польскомъ духѣ и въ ополяченіи русскаго населенія въ юго-западной Россіи. Главными проводниками этихъ мѣръ были извѣстные уже намъ князь Адамъ Чарторыйскій и Ѡаддей Чацкій, которымъ Великая Екатерина, по своему милосердію, возвратила секвестрованные у нихъ имѣнія. Когда въ 1803 году учреждено было въ Россіи особое министерство народнаго просвѣщенія и затѣмъ образовано шесть учебныхъ округовъ, то Чарторыйскій, будучи приближеннымъ къ государю лицомъ, выпросилъ себѣ званіе попечителя Виленскаго учебнаго округа и въ этомъ званіи учредилъ Виленскій польскій университетъ, съ главной семинаріей при немъ для латинскаго и униатскаго духовенства, не скрывая, что это просвѣщеніе должно служить у него средствомъ для ополяченія русскаго населенія края, утвержденія польской народности и распространенія впослѣдствіи предѣловъ Польши, которая, по его мечтамъ, должна была заключать въ себѣ не только польскія области, но и Литву, Бѣлоруссію и даже значительную часть Малороссіи съ Кіевомъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ Чарторыйскаго въ ополяченіи края былъ Ѡаддей Чацкій, назначенный «главнымъ визитаторомъ училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній». Къ дѣлу народнаго образованія въ польскомъ духѣ Чацкій хотѣлъ привлечь какъ мѣстное дворянство,

Подольскій архієпископъ Арсеній,
впослѣдствіи митрополитъ кієвскій и галицкій.

такъ и католическое и униатское духовенство, особенно базилианъ, и на собранныя пожертвованія основалъ или преобразовалъ въ краѣ нѣсколько повѣтовыхъ школъ или гимназій и учредилъ 126 приходскихъ училищъ, увѣнчавъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи основаніемъ Бременскаго лица ⁴¹⁶).

До 1803 года въ Подоліи были слѣдующія публичныя школы: поіезуитскія въ Винницѣ и Каменцѣ, базилианская въ Барѣ и школа въ Немировѣ, основанная Викентіемъ Потоцкимъ ⁴¹⁷). На содержаніе и улучшеніе этихъ школъ собственно и собирались пожертвованія отъ дворянъ. Кромѣ того, 3 марта 1804 года, Чацкій устроилъ въ Каменцѣ съѣздъ бѣлаго и монашествующаго католическаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ каменецкаго католическаго епископа Дембовскаго, гдѣ, въ собраніи капитула и въ присутствіи Чацкаго, духовенство обѣщало десятину отъ всѣхъ церковныхъ доходовъ въ пользу приходскихъ школъ. При этомъ духовенство сдѣлало и нѣкоторыя постановленія, касавшіяся вообще учебной части въ Подольской епархіи. Монахи тоже дали обѣщаніе заняться воспитаніемъ юношества и выразили желаніе основать приходскія школы при монастыряхъ. Доминикане обязались содержать школы въ Летичевѣ, Тывровѣ, Мурафѣ, Тульчинѣ, гдѣ обязывались содержать трехклассную повѣтовую школу, въ Соколыцѣ, Солобковцахъ и Шаравѣ. Ту же самую обязанность взяли на себя браиловскіе тринитары, купинскіе кармелиты, ярмолинскіе и яновскіе бернардины. Чацкій написалъ проэктъ для приходскихъ школъ, который и былъ утвержденъ правительствомъ 31 августа 1807 года. Всѣ приходскія школы какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, отданы были въ непосредственное распоряженіе помѣщиковъ, изъ которыхъ всякій имѣлъ право основывать школы, гдѣ угодно въ своихъ имѣніяхъ. Русское правительство, по просьбѣ Чацкаго, назначило награды тѣмъ лицамъ католическаго духовенства, которыя постараются открыть школы въ своихъ приходахъ. Однако, на первый разъ обѣщанія духовенства и помѣщиковъ по большей части не были исполнены: школы тогда почти не были основаны; духовенство отказывалось платить десятину или же платило ее слишкомъ несправно. Изъ монаховъ одни только летичевскіе доминикане и ярмолинскіе бернардины основали при своихъ монастыряхъ школы, а прочіе наотрѣзъ отказывались отъ исполненія даннаго обѣщанія. Гораздо успѣшнѣе пошли дѣла при преимнѣ Дембов-

скаго, каменецкомъ католическомъ епископѣ Мацкевичѣ, который, однако же, имѣлъ въ виду преимущественно церковно-клерикальные интересы и потому значительно расходился со взглядами и стремлениями Чацкаго. 2 августа 1811 года утвержденъ былъ новый уставъ для приходскихъ школъ, написанный самимъ Мацкевичемъ. Главное правило этого устава гласило, что верховное начальство надъ приходскими школами принадлежитъ самому епископу, уступающему свою власть деканамъ и приходскому духовенству, которые собственно и суть главные фундаторы приходскихъ школъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы по истеченіи полугодія духовенство репортовало о состояніи школъ деканамъ, а деканы епископу и начальствамъ ближайшихъ повѣтовыхъ школъ. Но духовенство не слишкомъ спѣшило исполнить свое обѣщаніе насчетъ десятаго гроша въ пользу приходскихъ школъ. Поэтому Мацкевичъ въ 1817 году собралъ духовенство въ Каменецъ, гдѣ оно снова подтвердило свое обѣщаніе насчетъ десятаго гроша и обязалось завести школы при каждомъ приходскомъ костелѣ. Мацкевичъ опять взялъ на себя обязательство руководить ввѣренное ему духовенство и не только составилъ правила, по которымъ пробощи должны были вести свой надзоръ за приходскими школами, но въ своихъ настырскихъ посланіяхъ старался очертить и обязанности учителей и программу наукъ. Въ силу этой инструкціи, приходскій ксендзъ, при костелѣ котораго была школа, долженъ былъ имѣть за ней ближайшій надзоръ. Онъ принималъ учителя и выдавалъ ему жалованье, наблюдалъ за его преподаваніемъ и нравственностью и, въ случаѣ неисправности, имѣлъ право уволить учителя. Составленная Мацкевичемъ программа наукъ обнимала слѣдующіе предметы: катехизисъ или вообще законъ Божій, чтеніе и письмо по-польски и по-русски, начала ариѳметики, правила нравственности и общественнаго поведенія, краткій очеркъ исторіи ветхаго и новаго за-вѣта и латинскій языкъ настолько, чтобы каждый воспитанникъ могъ понимать костельную службу и могъ прислуживать ксендзу при совершеніи миссы и церковныхъ требъ въ костелѣ. Но, не смотря на старанія Мацкевича, основаніе школъ въ его епархіи подвигалось очень медленно. Въ 1820 году директоръ подольскихъ училищъ, ксендзъ Мацѣвскій, ревизовалъ всѣ школы въ уѣздахъ Летичевскомъ, Проскуровскомъ, Каменецкомъ, Ушицкомъ, Литинскомъ, части Могилевскаго, въ Винницкомъ и Брацлавскомъ, и оказалось, что во многихъ мѣстахъ, частію по

неимѣнію преподавателей; частію по недостатку помѣщеній для школъ, особенно при кляшторахъ, или совершенно не существовало приходскихъ школъ, или если и существовали, то не заслуживали никакого вниманія. Только въ немногихъ мѣстахъ, особенно при костелахъ въ повѣтахъ Каменецкомъ и Проскуровскомъ, были приходскія школы, и духовенство усердно занималось воспитаніемъ народа. Особенно хороши были школы въ Грудкѣ, Сатановѣ, Тарнорудѣ, Проскуровѣ, Ярмолницѣхъ, Дунаевцахъ и Зиньковѣ. Въ 1822 году всѣхъ школъ въ Каменецкой епархіи было 44, учащихся было до 900 человекъ ⁴¹⁸).

Къ дѣлу народнаго образованія въ польскомъ духѣ привлечены были и базилиане, которые учредили при своихъ монастыряхъ нѣсколько приходскихъ училищъ. Въ Подоліи, кромѣ Барскаго монастыря, содержавшаго публичную школу, базилиане оставались еще въ Малѣевцахъ, гдѣ, по обращеніи ихъ церкви въ православіе, содержали приходскую школу. Но они скомпрометировали себя тѣмъ, что старались разными внушеніями совращать православныхъ въ унию. Вслѣдствіе сего, по представленію преосвященнаго Іоанникія, въ 1810 году высочайше повелѣно было малѣевскихъ базилианъ присоединить къ другимъ монастырямъ ихъ исповѣданія ⁴¹⁹).

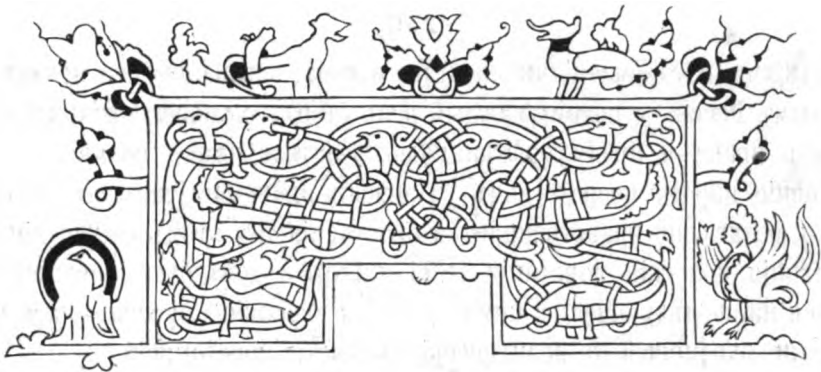
Наиболѣе важное, руководящее значеніе въ этомъ польскомъ образованіи имѣли повѣтвыя школы и гимназіи, которыхъ къ концу царствованія Александра I въ Подоліи было пять, а именно: въ Винницѣ, преобразованная въ 1814 году въ гимназію, Барская базилианская, Каменецкая; Немировская и Межибожская, основанная въ 1819 году Адамомъ Чарторыйскимъ ⁴²⁰). По смерти Чацкого († 1813 г.); и эти школы въ значительной мѣрѣ подчинились вліянію католическаго духовенства. Въ 1814 году вызванъ былъ въ Винницу, въ директоры гимназіи, піаръ Михайлъ Мацѣвскій. Сдѣлавшись директоромъ подольскихъ училищъ, онъ покровительствовалъ ксендзамъ и особенно своимъ братьямъ піарамъ, которые, пользуясь его покровительствомъ, наводнили собою всѣ школы въ Подоліи. Директоромъ каменецкой школы въ это время былъ каноникъ Лаврентій Марчинскій ⁴²¹).

Въ связи съ этимъ польско-католическимъ образованіемъ стоятъ и политическія смуты въ краѣ, производимыя поляками съ цѣлію возстановленія Польши и присоединенія къ ней Подоліи. Когда, послѣ тильзитскаго мира, Наполеонъ I учредилъ въ 1807 году герцогство Варшав-

ское, то поляки сотнями, явно и тайно, устремились въ Варшаву и въѣхали, что Наполеонъ I воскреситъ Польшу и присоединитъ къ ней западно-русскія области и въ числѣ ихъ Подолію ⁴²²). Даже католическіе монахи на Подоліи стали вмѣшиваться въ политическія дѣла, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ были сосланы правительствомъ на поселеніе, во время смутъ въ западныхъ губерніяхъ, лѣтомъ 1811 года: они были осуждены какъ зачинщики, какъ предводители, какъ коноводы злоумышленниковъ, и эти-то коноводы, обыкновенно покровительствуемые польскими чиновниками, уходили изъ ссылки и получали у епископовъ подложные паспорта, гнѣздились въ монастыряхъ, пользовались даже у поляковъ особеннымъ уваженіемъ, какъ мученики за свое отечество, и усердно приготавливали умы къ новымъ возстаніямъ ⁴²³). Когда Наполеонъ I въ 1812 году наступалъ на Россію со своими полчищами, то многіе изъ мѣстныхъ поляковъ перебѣжали къ нему, а другіе, оставаясь на мѣстѣ, всѣми мѣрами старались вредить русскому правительству и русскимъ войскамъ. Когда въ 1814 году пронесся слухъ о намѣреніи Александра I возстановить царство Польское, то подольскіе поляки почти увѣрены были, что и они присоединены будутъ къ этому царству. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, поляки образовали масонскія ложи и тайныя общества, имѣвшія цѣлію приготовить возстаніе противъ Россіи и для этого вошедшія въ сношенія съ русскими заговорщиками, извѣстными впослѣдствіи подъ названіемъ декабристовъ, гнѣздо которыхъ находилось въ то время въ м. Тульчинѣ. Съ открытіемъ заговора послѣднихъ, сдѣлалось извѣстнымъ русскому правительству и существованіе многихъ польскихъ тайныхъ обществъ, которыя поэтому должны были на время прекратить или ослабить свою дѣятельность ⁴²⁴), но продолжали существовать и послѣ 1825 года и, вмѣстѣ съ учебными заведеніями и римско-католическимъ духовенствомъ, подготовили первое возстаніе поляковъ противъ Россіи въ 1831 году. Одно изъ такихъ обществъ обнаружено было въ 1830 году среди учениковъ Винницкой гимназіи. Въ возстаніи 1831 года участвовали польскіе паны и шляхта, римско-католическое духовенство и учащаяся молодежь. Польскіе мятежники, подъ предводительствомъ ксендзовъ, изливали свою месть и на православныхъ священниковъ, мучили ихъ не меньше, чѣмъ во времена Речи-Посполитой, грабили дома священниковъ, ругались надъ св. дарами, плевали на церковные образа,

топтали ногами церковную утварь и отдавали ее жидамъ ⁴²³). Но самое это возстаніе, съ его дикими проявленіями, послужило для русскаго правительства поворотнымъ пунктомъ въ его отношеніяхъ къ пришлому польско-католическому элементу и къ коренному православному русскому населенію въ юго-западной Россіи и въ частности въ Подоліи.

Глава десятая.

Состояніе Подоли со времени польскаго мятежа 1831 года до новѣйшаго времени.

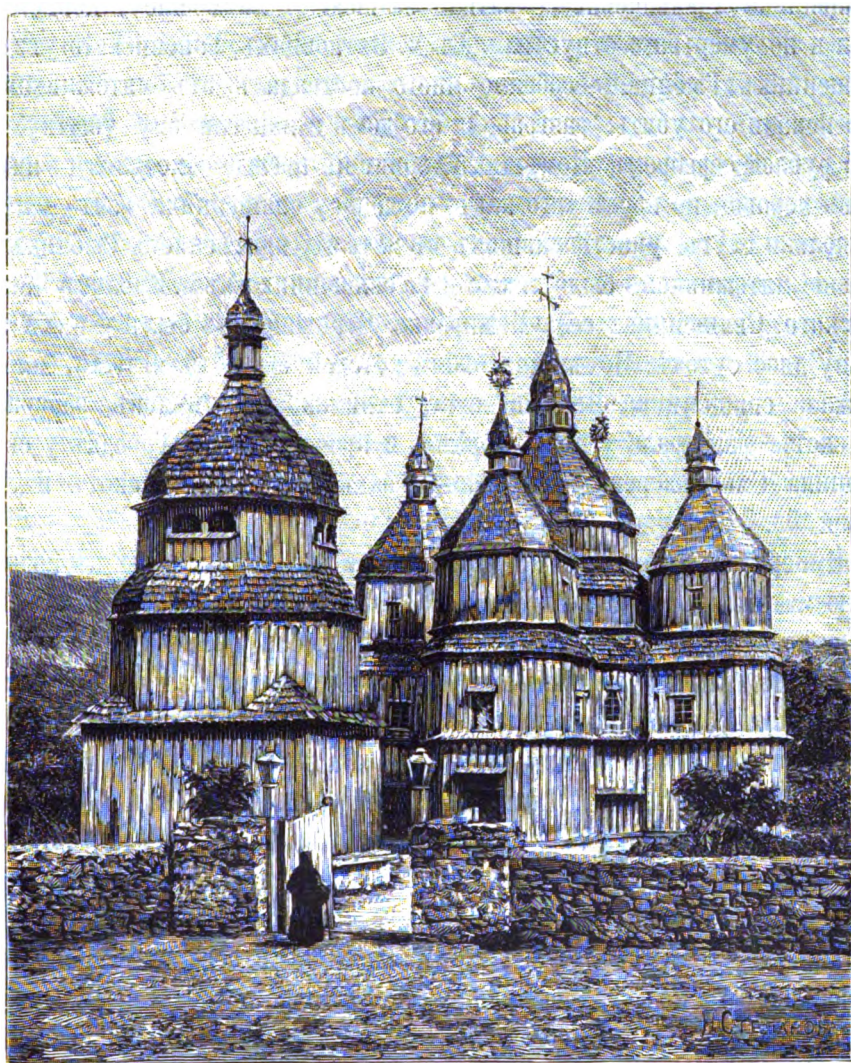
Вліяніе польскихъ возстаній на развитіе русскаго дѣла въ краѣ. — Польское повстаніе 1830 — 1831 гг., отраженіе его въ Подоли и преслѣдованіе поляками русскаго духовенства. — Мѣры къ подавленію мятежа, предотвращенію его на будущее время и поднятію русской народности и православія въ краѣ; секвестръ польскихъ имѣній, сокращеніе числа кляшторовъ, преобразование учебныхъ заведеній, постройка и обновленіе православныхъ храмовъ; ревизія Подольской епархіи протоіереемъ Скворцовымъ; преосвященный подольскій Кирилль Богословскій-Платоновъ; правительственныя мѣры къ поднятію русской народности и ослабленію польскаго католичества въ краѣ; облегченіе участи крестьянъ, принадлежавшихъ католическому духовенству; дѣятельность генераль-губернатора Бибикова и преосвященнаго Арсенія Москвина. — Новыя затѣи поляковъ въ крымскую войну. — Побужденія поляковъ къ возстанію; общій ходъ польскаго повстанія и отраженіе его въ Подоли; прекращеніе мятежа. — Мѣры къ ослабленію польско-католическаго элемента и поднятію русскаго: ускореніе освобожденія крестьянъ и устройство ихъ быта, усиленіе русскаго землевладѣнія, сокращеніе числа католическихъ монастырей и закрытіе Подольской католической епархіи, учрежденіе викариата, постройка и обновленіе церковей, улучшеніе содержанія православнаго духовенства, при содѣйствіи генераль-губернатора Безака; дѣятельность подольскаго преосвященнаго Леонтія; характеръ дѣятельности послѣдующихъ генераль-губернаторовъ и особенно Дренгельна. — Количество населенія Подоли по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ; необходимость поддержанія мѣстнаго русскаго населенія и защиты его отъ эксплуатаціи иноплемениковъ и иновѣрцевъ.

ОЗСТАНІЯ поляковъ противъ русскаго правительства, имѣвшія цѣлю возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года, обыкновенно имѣли противоположныя этой цѣли послѣдствія. Каждый разъ, когда возникало польское повстаніе, русское правительство болѣе и болѣе убѣждалось въ томъ, что притязанія польской шляхты на политическую самостоятельность и на полное господство въ русскихъ областяхъ бывшей Польши идутъ въ разрѣзъ съ со-

чувствіями и стремленіями простаго народа, остававшагося неизмѣнно вѣрнымъ Россіи, и потому каждый разъ старалось пезвозможности ограничить права и преимущества польско-католиковъ и поднять благосостояніе народа посредствомъ уллученія экономическаго его положенія и религіозно-нравственнаго его состоянія. Въ этомъ отношеніи два послѣднія польскія повстанія 1831 и 1863 годовъ благопріятно отразились на послѣдующей за ними судьбѣ и кореннаго русскаго населенія Подоліи, входившей въ политическіе разсчеты повстанцевъ.

Первое польское повстаніе 1830—1831 гг., подготавливавшееся исподоволь въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, явно обнаружилось и вспыхнуло при такомъ государѣ, который и по чувству русскаго патриотизма и по личному своему характеру менѣе всего расположенъ былъ допускать какія бы то ни было революціонныя и сепаративныя движенія, особенно въ предѣлахъ его собственнаго Россійскаго государства. Это возстаніе началось 17 ноября 1830 года въ Варшавѣ и отсюда распространилось по всему царству Польскому и затѣмъ перешло и въ русскія области, бывшія нѣкогда подъ властію Польши, но поддерживаемо было здѣсь сравнительно немногочисленною мѣстною польскою шляхтою ⁴²⁶). Въ Подоліи образовались только незначительныя шайки повстанцевъ, которыя не успѣли сплотиться и соединиться съ предводителемъ польскихъ мятежниковъ Дверницкимъ, дважды покушавшимся проникнуть въ Подолію, но отгѣсненнымъ русскими войсками въ Австрію ⁴²⁷). Въ шайки поступали и воспитанники мѣстныхъ гимназій и повѣтовыхъ школъ, какъ напримѣръ это извѣстно о воспитанникахъ Барской базилианской школы ⁴²⁸), Винницкой гимназій ⁴²⁹) и др. Въ мятежѣ участвовали и католическіе монастыри, которые служили притономъ для мятежниковъ и складомъ для ихъ оружія; монахи бунтовали народъ, говорили возмутительныя проповѣди, поступали сами въ ряды повстанцевъ. Появлявшіеся повстанцы почти повсемѣстно, гдѣ успѣли побывать, съ озлобленіемъ набрасывались на православныхъ священниковъ, въ которыхъ видѣли своихъ враговъ и обличителей нечистыхъ дѣлъ ⁴³⁰). Когда шайки были разсѣяны и возстаніе усмирено, помѣщики стали гнать и преслѣдовать тѣхъ же священниковъ, уличавшихъ многихъ изъ нихъ въ прямомъ участіи въ мятежѣ и вообще дававшихъ при слѣдствіяхъ показанія, не вполне благопріятныя для участниковъ въ бывшихъ волненіяхъ. Такъ, въ Брацлавскомъ уѣздѣ было довольно свя-

Церковь въ м. Ярышевѣ, Могилевскаго уѣзда.

щенниковъ, которые пострадали отъ мятежниковъ. Села Сокольца священникъ Міановскій за то, что донесъ на мятежниковъ, былъ схваченъ маршаломъ Жабокрицкимъ, брошенъ въ каменный погребъ и потомъ содержался подъ арестомъ недѣли три. Села Рогозны священникъ Пясецкій потерпѣлъ подобныя оскорбленія, какъ и Міановскій. Села Рубани

священника Чернышевича схватили за шею съ намѣреніемъ повѣсить, били и полумертваго отпустили. Въ м. Зятковцахъ, Гайсинскаго уѣзда, священникъ Рыбицкій особенно много пострадалъ отъ мятежниковъ. Они искали его убить, разграбили его домъ и нанесли ему убытку на 175 рублей серебромъ. Помѣщикъ Хлопицкій прежде обходился съ нимъ очень хорошо; но послѣ того какъ, по доносу священника, взято у него нѣсколько слугъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, притѣсняетъ Рыбицкаго. Гоненіе мятежниковъ было также и на священника въ м. Кубличѣ Маньковскаго. Священникъ села Межировки Чернышевичъ былъ у нихъ въ плѣну двое сутокъ. Помѣщица, сынъ которой былъ въ мятежѣ, много обижала священника Чернышевича, отнимала работниковъ, забирала его скоть, разбирала у него огорожу, и проч. Въ селѣ Городкѣ у священника Смогоржевскаго мятежники захватили рабочій скоть и лошадей ⁴³¹).

Императоръ Николай I предпринялъ рѣшительныя мѣры къ подавленію мятежа и предотвращенію его на будущее время, а также и къ поднятію русской народности въ краѣ. Такъ, онъ повелѣлъ секвестровать въ Подольской губерніи имѣнія коноводовъ возстанія, Адама Чарторыйскаго, Вацлава Ржевускаго и другихъ, какъ-то: Ладыжинъ, Межибожь, Межировъ, Грановъ, Зиньковъ, Савранъ и др., обративъ ихъ въ военныя поселенія ⁴³²). Такъ какъ разслѣдованіемъ дѣзвано было, что католическое духовенство въ послѣднемъ возстаніи принимало самое дѣятельное участіе, то въ 1832 году послѣдовало распоряженіе русскаго правительства закрыть излишніе католическіе монастыри въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ, несоотвѣтствовавшіе своему назначенію какъ по незначительному числу монаховъ, такъ и по недостатку средствъ для существованія ⁴³³). Въ силу этого распоряженія, въ 1833 году упразднены были въ Подоліи слѣдующіе католическіе монастыри: доминиканскіе въ Каменцѣ, Смотричѣ, Шаровкѣ, Летичевѣ, Винницѣ, Барѣ, Тульчинѣ, Сокольцѣ, Солобковцахъ и Тывровѣ; доминиканскій женскій въ Каменцѣ; францисканскіе въ Каменцѣ, Барѣ, Комаргородѣ и Воньковцахъ; кармелитскій въ Купинѣ; тринитарскій въ Браиловѣ; бернардинскіе въ Яновѣ, Ярмолинцахъ, Дунаевцахъ, Кунѣ и Збрижѣ ⁴³⁴). Костелы упраздненныхъ монастырей обращены были въ приходскіе, а иногда и въ православныя церкви, какъ напримѣръ въ Воньковцахъ ⁴³⁵). Оставлены неприкосновенными, въ качествѣ штат-

ныхъ, или же временно, съ тѣмъ, чтобы постепенно закрывать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ число монашествующихъ будетъ менѣе 8, монастыри: кармелитскій и тринитарскій въ Каменцѣ, капуцинскій и бернардинскій въ Винницѣ, доминиканскій въ Морафѣ, доминиканскій женскій и монастырь визитокъ въ Каменцѣ и монастыри сестеръ милосердія въ Грудкѣ и Тепликѣ. Изъ нихъ въ послѣдствіи закрыты тринитарскій въ Каменцѣ до 1842 г. и доминиканскій въ Морафѣ въ 1850 году ⁴³⁶). Не оставлены безъ вниманія и учебныя заведенія, изъ которыхъ вышла значительная часть мятежниковъ. Закрыты были Виленскій университетъ и Кременецкій лицей, а остальные учебныя заведенія Юго-Западнаго края подчинены были Харьковскому учебному округу, до образованія округа Кіевского. Осенью 1831 года попечитель Харьковскаго учебнаго округа Филатьевъ и два профессора Харьковскаго университета, Кронебергъ и Архангельскій, отправились въ Кіевскую, Подольскую и Волынскую губерніи, закрыли всѣ существовавшіе въ нихъ училища, ознакомились съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрали мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на новыхъ началахъ, такъ, чтобы онѣ удовлетворяли требованіямъ правительства ⁴³⁷). Въ это время закрыта была Барская базилианская школа, на мѣсто которой около 1846 года перенесено было Приворотское духовное училище, переведенное въ 1860 году въ Каменецъ ⁴³⁸); въ концѣ 1832 и въ 1833 годахъ открыты гимназіи Винницкая, переведенная въ 1847 году въ м. Бѣлую Церковь, Кіевской губерніи, и Каменецкая, и дворянскія училища въ Межибожѣ и Немировѣ, изъ коихъ послѣднее преобразовано было въ 1838 году въ гимназію ⁴³⁹). вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ начальниками были непременно русскіе; увеличено число недѣльныхъ уроковъ по русскому языку и самый преподаватель этого предмета переименованъ изъ младшихъ учителей въ старшіе; сдѣлано было распоряженіе относительно преподаванія исторіи и статистики на русскомъ языкѣ ⁴⁴⁰). Въ видахъ возвышенія православія въ краѣ, государь императоръ еще въ 1831 году далъ кіевскому генералъ-губернатору слѣдующее повелѣніе: «разстроенное состояніе, въ коемъ находится большая часть греко-россійскихъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, обратило мое особенное вниманіе. Признавая оное несоотвѣтствующимъ никакому приличію, тогда какъ главное населеніе нѣкоторыхъ губерній сихъ принадлежитъ господ-

ствующей вѣрѣ, и какъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ существуютъ огромные храмы римско-католическіе и развалины церквей, я предположилъ принять рѣшительныя мѣры къ приведенію сихъ послѣднихъ въ приличное благолѣпіе. Вслѣдствіе сего я повелѣлъ министру финансовъ нынѣ же приступить къ сооруженію въ имѣніяхъ казенныхъ каменныхъ церквей греко-россійскаго исповѣданія на иждивеніе государственнаго казначейства; но дабы цѣль и справедливыя ожиданія мои были достигнуты въ полной мѣрѣ, то поручаю вамъ, во-первыхъ, пригласить отъ имени моего всѣхъ русскихъ помѣщиковъ въ вѣренныя вамъ губерніяхъ, православную вѣру исповѣдующихъ, послѣдовать моему примѣру, и во вторыхъ обратиться о томъ же къ владѣльцамъ иныхъ исповѣданій. Я не сомнѣваюсь, что всѣ благомыслящіе помѣщики будутъ содѣйствовать мнѣ въ семъ предназначеніи, стараться будутъ въ имѣніяхъ своихъ, гдѣ есть крестьяне греко-россійской вѣры, созидать новыя каменные церкви, исправлять пришедшія въ ветхость старыя. О томъ, кому сдѣлано будетъ отъ васъ приглашеніе и какія получите свѣдѣнія о распоряженіи со стороны помѣщиковъ, не оставьте доносить мнѣ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ» ⁴⁴¹). До 1845 года заботы о возстановленіи церквей въ казенныхъ имѣніяхъ лежали на св. Синодѣ, коему оказывало содѣйствіе главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій. Въ распоряженіе Синода отпускалось именно для этой цѣли ежегодно по 150,000 рублей ассигнаціями, и сверхъ того нѣкоторыя издержки производились изъ капиталовъ духовнаго вѣдомства. Въ 1845 году это дѣло возложено было на министерство государственныхъ имуществъ, которое въ слѣдующія 13 лѣтъ израсходовало на этотъ предметъ около 1.250,000 руб. серебр., среднимъ числомъ около 2,000 р. на церковь ⁴⁴²). Съ другой стороны, по словамъ преосвященнаго подольскаго Кирилла, — и «во многихъ помѣщикахъ оказывается усердіе къ храмамъ Божиимъ, и таковыхъ болѣе, нежели тѣхъ, кои при всѣхъ мѣрахъ мѣстнаго начальства небрегутъ о церквахъ, въ ихъ имѣніи состоящихъ». Съ 1832 и до 1838 года въ Подоліи окончено строеніемъ каменныхъ церквей 41 и починено и приведено въ надлежащее благолѣпіе 769, кромѣ церквей въ казенныхъ имѣніяхъ ⁴⁴³). Въ это же время возвращена отъ католиковъ православнымъ церковь въ селѣ Соколовкѣ и благоустроена пробощемъ церковь въ селѣ Гремячкѣ ⁴⁴⁴).

Въ тѣхъ же видахъ поднятія православія въ Подоліи, 4 февраля 1831 года послѣдовалъ, на имя подольскаго архіепископа Ксенофонта, указъ св. Синода, которымъ извѣщалось о томъ, что, на основаніи высочайшаго повелѣнія, командированы, для обзора церквей и приходоу, въ Волинскую епархію протоіерей Архангельскаго собора Василій Кутневичъ, а въ Подольскую—профессоръ философскихъ наукъ въ Кіевской духовной академіи, протоіерей Іоаннъ Мих. Скворцовъ. Этимъ лицамъ предписано было, по прибытіи на мѣсто, явиться къ епархіальнымъ архіереямъ, для полученія отъ нихъ подробныхъ вѣдомостей о всѣхъ церквахъ въ подвѣдомственныхъ имъ епархіяхъ. Протоіерей Скворцовъ, начавъ ревизію весною 1831 года, объѣхалъ по очереди всѣ приходы каждаго уѣзда, стараясь приблизительно опредѣлить матеріальныя средства церквей и причтоу, а равно ознакомиться съ составомъ духовенства, и въ теченіи года обозрѣлъ всю Подольскую епархію, доставляя свои замѣчанія по каждому уѣзду мѣстному преосвященному для свѣдѣнія, соотвѣтственныхъ замѣчаній и, гдѣ нужно, распоряженій. Замѣчанія эти—двоякаго рода: одни общія, касающіяся совращеній православныхъ въ католичество, угнетенія крестьянъ работами на помѣщика и нарядами въ дни праздничные и въ дни говѣнія, стѣсненія и нарушенія помѣщиками права выбора церковныхъ старостъ, зависимости священниковъ отъ мѣстныхъ помѣщиковъ и слѣдовъ униатства какъ въ самихъ священникахъ и прихожанахъ, такъ и во внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ храмовъ, въ церковной утвари и богослужебныхъ книгахъ; другія—частныя замѣчанія относительно состоянія церквей и причтоу и образованности духовенства. Въ тѣхъ и другихъ замѣчаніяхъ протоіерей Скворцовъ изобразилъ то угнетенное положеніе православія въ Подоліи, какое исторически сложилось въ царствованія Павла I и Александра I и продолжало существовать и въ первые годы царствованія Николая I, и которое отчасти описано нами выше съ его словъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ нѣкоторыя мѣры къ поднятію православія. Такъ наприм., для уничтоженія слѣдовъ униі въ народѣ, протоіерей Скворцовъ находилъ лучшимъ средствомъ то, чтобы священники предъ литургіею или послѣ оной всегда прочитывали вслухъ и заставляли за собою говорить и прихожанъ символъ вѣры, молитву Господню и десятословіе по нашему катихизису, объясняя при томъ кратко слова невразумительныя. Православные храмы оказывались

большую частью деревянные и иногда столь ветхія и неблагообразныя, что нужно было ихъ запечатать, а приходы ихъ присоединить къ другимъ приходамъ; этимъ устранялись отчасти и другіе недостатки церквей, а именно отсутствіе сторожей при церквахъ, недостатокъ въ богослужебныхъ книгахъ, и проч. ⁴⁴⁵). Изъ 1839 церквей, существовавшихъ въ наличности, протоіерей Скворцовъ предполагалъ оставить только 1065 церквей, упразднивъ остальные 774 ⁴⁴⁶). Указывая на то, что въ этомъ краѣ права церкви не имѣютъ свойственной имъ непоколебимости, завися отъ произвола помѣщиковъ, протоіерей Скворцовъ находилъ нужнымъ надѣлать церкви законнымъ количествомъ земли, дать нѣкоторымъ причтамъ вспоможеніе отъ казны и обезпечить ихъ церковными домами. Для поднятія уровня образованія православнаго духовенства, коего седьмая часть только была изъ окончившихъ курсъ семинаріи, а третья—изъ необучавшихся въ школахъ, рекомендовалось усилить образовательный цензъ для кандидатовъ во священство и раздавать образованнымъ священникамъ приходы соотвѣтственно ихъ степени образованія и опасности вреднаго вліянія на православныхъ со стороны католичества ⁴⁴⁷).

Замѣчанія эти прежде всего представлены были мѣстному преосвященному Ксенофону для заключеній и соотвѣтственныхъ распоряженій. Но преосвященный Ксенофонтъ былъ въ это время уже старъ и дряхлъ и потому въ 1832 году уволенъ, по прошенію, на покой, а на его мѣсто назначенъ былъ одинъ изъ выдающихся архіереевъ того времени Кириллъ Богословскій-Платоновъ, докторъ богословія. Назначеніе это, по словамъ синодальнаго оберъ-прокурора Мещерскаго, основано было на объявленной ему высочайшей волѣ, чтобы епархіи, возвращенныя отъ Польши, имѣли архипастырей, отличающихся просвѣщеніемъ, дѣятельностью и кротостью ⁴⁴⁸). Преосвященный Кириллъ, рассмотрѣвъ замѣчанія протоіерея Скворцова, по нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣлалъ свои домашнія распоряженія, на основаніи существовавшихъ тогда узаконеній, а о другихъ сдѣлалъ, со своимъ соображеніемъ, особыя представленія св. Синоду. Такъ наприм., онъ завелъ обширную переписку какъ о прежде совратившихся въ католичество, такъ и о дѣтяхъ, послѣ 1832 года ненадлежаще окрещенныхъ, и о бракосочетаніяхъ, совершенныхъ ненадлежаще въ костелахъ, послѣдствіемъ чего было не только прекращеніе новыхъ

Церковь св. великомученика Димитрія въ селѣ Сѣнной, Балтскаго уѣзда: 1) до 1890 года; 2) въ настоящее время.

*

совращеній, но и обращеніе совращенныхъ и даже иновѣрцевъ къ православію. Изъ совращенныхъ въ католичество до 1832 года 1500 душъ къ 1838 году обратилось къ православію до 150 душъ въ уѣздахъ Литинскомъ, Ушицкомъ и частью Летичевскомъ, а изъ католиковъ и евреевъ—до 1325 душъ. Заведены были переписка и судебные иски относительно отвлеченія крестьянъ въ дни праздничные и воскресные отъ богослуженія и въ великій постъ отъ говѣнія работами и нарядами, также относительно нарушенія помѣщиками эрекціонныхъ правъ церквей, воспрещенія корчемъ близъ церквей и корчемства во время православнаго богослуженія. Мѣры эти имѣли значительный успѣхъ ⁴⁴⁹). Но преосвященный Кириллъ не согласился съ мнѣніемъ протоіерея Скворцова объ упраздненіи 774 церквей. Принимая во вниманіе, что предназначены къ упраздненію нѣкоторыя церкви въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ находились костелы, и что высочайшимъ указомъ предписывалось построить каменные церкви въ селахъ казенныхъ и заботиться вообще объ умноженіи церквей въ Подольской епархіи, онъ находилъ нужнымъ оставить не 1065, а 1120 или 1130 церквей ⁴⁵⁰). Заведена была переписка относительно прекращенія пчельной десятины съ православныхъ, свободнаго выбора прихожанами церковныхъ старость и освобожденія ихъ отъ барщины; сдѣлано распоряженіе о замѣнѣ униатскихъ богослужебныхъ книгъ православными, и проч. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда необходимыя мѣры выходили изъ круга полномочій и средствъ мѣстнаго епископа, преосвященный Кириллъ обращался за помощью къ св. Синоду или просилъ его ходатайства передъ верховною властію. Для этой цѣли св. Синодомъ, съ высочайшаго соизволенія, назначена была особая коммиссія, имѣвшая своею задачею обсужденіе законодательныхъ мѣръ, которыя нужно было принять и сообразить съ правилами и удобствами государственнаго управления. Вслѣдствіе сего, послѣдовали слѣдующія особыя мѣры и распоряженія. Въ августѣ 1832 года вышло узаконеніе о томъ, чтобы отъ смѣшанныхъ браковъ дѣти были православныя. Въ 1834 году сдѣлано было весьма строгое подтвержденіе католическому духовенству о несовращеніи православныхъ, а православнымъ священникамъ подтверждено стараться силою увѣщанія и убѣжденія возвращать совращенныхъ на лоно церкви. Въ томъ же году упразднены были коммиссія, открытая въ Подольской губерніи для разбора дѣлъ о церковныхъ земляхъ, которыя отнесе-

ны подъ одно уложеніе съ государственными землями. Для надѣленія церковей богослужебными книгами православной печати, св. Синодъ положилъ отдѣлить изъ типографскихъ доходовъ 10.000 руб., чтобы на эти деньги произвести бесплатную раздачу книгъ бѣднѣйшимъ церквамъ Подольской епархіи. Подтвержденъ былъ законъ 1825 года о невзиманіи десятины съ православныхъ въ пользу ксендзовъ. Въ 1836 году Сенатъ, по одному частному дѣлу, возбужденному духовною властью о пчельной десятинѣ съ православнаго духовенства, признавалъ ее справедливою только въ тѣхъ случаяхъ, когда пчельникъ стоитъ на помѣщичьей землѣ ⁴⁵¹). Въ томъ же 1836 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы бѣлое и монашествующее латинское духовенство въ западныхъ губерніяхъ, въ домахъ, церквахъ и монастыряхъ своихъ не имѣло въ услуженіи людей православнаго исповѣданія ⁴⁵²). Преосвященный Кириллъ ходатайствовалъ, чтобы для нѣкоторыхъ бѣдныхъ приходовъ, которыхъ, по какимъ либо мѣстнымъ обстоятельствамъ, нельзя было упразднить, назначить вспомошествованіе отъ казны. Сумма, необходимая для этого, должна простираться до 81,000 руб., полагая на каждый бѣдный приходъ отъ 300 до 500 рублей. Св. Синодъ нашелъ нужнымъ назначить только 24,300 руб. изъ положенныхъ на сей предметъ именнымъ высочайшимъ указомъ 6 декабря 1829 года денегъ въ суммѣ 500,000 рублей ⁴⁵³). Наконецъ, преосвященный Кириллъ поднялъ возникшее въ 1822 году дѣло о самовольномъ обращеніи Каменецкой армянской каплицы въ униатскую церковь св. Николая, потребовалъ именнаго списка всѣхъ каменецкихъ униатовъ, которыхъ оказалось 537 душъ обоего пола ⁴⁵⁴), и достигъ того, что униатскіе священники въ другихъ мѣстахъ Подольской епархіи, большею частью безмѣстные и находившіе пріютъ у польскихъ помѣщиковъ, были отстранены отъ исправленія должностей ксендзовъ при римско-католическихъ костелахъ ⁴⁵⁵). Въ 1839 году, во время всеобщаго воссоединенія униатовъ съ православною церковію, преосвященный Кириллъ далъ предписаніе консисторіи «представить вѣдомость съ указаніемъ, сколько въ какомъ повѣтѣ находится униатскихъ церковей или каплицъ, священниковъ и прихожанъ разныхъ сословій, которые исповѣдуютъ греко-униатскую вѣру». Всѣмъ униатамъ, приведеннымъ въ извѣстность, весьма впрочемъ немногочисленнымъ въ Подоліи, объявлена была высочайшая воля, желавшая видѣть ихъ воссоединенными съ православною церковію, и

сдѣлано соотвѣтственное увѣщаніе. Упорствовавшихъ было весьма немного: всѣ почти уніаты воссоединились съ православною церковію или въ томъ же 1839 году, или въ началѣ 1840 года. Въ это же время воссоединены были съ православіемъ Барскій базилянскій монастырь и Каменецкая Николаевская церковь ⁴⁵⁶).

При жизни преосвященнаго Кирилла оставался пока нерѣшеннымъ поднятый имъ и переданный въ особую высочайше утвержденную комиссію вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ всѣхъ работъ и нарядовъ въ воскресные и праздничные дни и о возможности священникамъ имѣть за плату прислугу изъ прихожанъ ⁴⁵⁷), — вопросъ весьма щекотливый и затруднительный по непосредственному своему отношенію къ господствовавшему тогда во всей Россіи крѣпостному праву. А между тѣмъ это право особенно тягостно было для юго-западныхъ крестьянъ, находившихся подъ властью иновѣрныхъ помѣщиковъ, враждебно къ нимъ относившихся. Польско-католическіе духовные и свѣтскіе помѣщики безнаказанно преслѣдовали и угнетали крестьянъ, а крестьяне вынуждены были бѣгать отъ своихъ помѣщиковъ. Грабежи и разбои не прекращались. Въ это же время прославился своими похождениями въ Подоліи Кармелюкъ, родомъ изъ села Каричинецъ, Летичевского уѣзда, прослывшій у поляковъ за разбойника, котораго, однакоже, народъ считалъ и доселѣ считаетъ за своего благодѣтеля. Онъ выступилъ на сцену около 1836 года. Присмотрѣвшись хорошо къ поступкамъ помѣщиковъ и жидовъ, онъ грабилъ только тѣхъ изъ нихъ, которые отличались жестокостями въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, а награбленное щедро раздавалъ бѣднымъ. Поляки сдѣлали изъ него какого-то государственнаго преступника и, вмѣстѣ съ полицейскими чиновниками изъ поляковъ-же, преслѣдовали его всюду. Наконецъ, одинъ шляхтичъ, выслѣдивъ, гдѣ скрывается Кармелюкъ, настигъ его въ деревнѣ Каричинцахъ, въ крестьянской хатѣ, и двойнымъ выстрѣломъ изъ ружья уложилъ его на мѣстѣ. Кармелюкъ погребенъ былъ надъ дорогой, на пути изъ Литина въ Летичевъ.

Въ виду исключительнаго положенія южно-русскихъ крестьянъ подъ тяжелымъ игомъ польско-католическихъ помѣщиковъ, русское правительство рѣшилось нѣсколько облегчить участь первыхъ, къ чему подали поводъ римско-католическіе духовные, дозволявшіе себѣ жестокое обращеніе со своимъ крестьянами и обремененіе ихъ непосильными работами.

Въ 1839 году кievскій, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что въ подвѣдомственныхъ ему губерніяхъ «римско-католическіе духовные жестоко обращаются со своими крестьянами и служителями, наказывая ихъ безъ пощады тѣлесно и изнуряя заключеніемъ, голодомъ и другими истязаніями, и что такіе примѣры жестокости производятъ самое дурное вліяніе на крестьянъ, принимающихъ сіи наказанія въ видѣ преслѣдованія за православную вѣру». Вслѣдствіе донесенія генераль-губернатора, было постановлено: «строго воспретить владѣющимъ фундушевыми населенными имѣніями членамъ римско-католическаго бѣлаго и монашествующаго духовенства какъ самимъ, такъ чрезъ подвластныхъ своихъ, подвергать впредь крестьянъ и служителей ввѣренныхъ имъ церквей и монастырей не только тѣлесному, но и всякому иному близкому къ сему и вообще истязательному наказанію, каковы, на примѣръ, заключенія, колодки, рогатки, изнуренія уменьшеною пищею и тому подобное; въ случаѣ же проступковъ (крестьянъ), предоставитъ имъ (ксендзамъ) дѣйствовать на нихъ по долгу своего званія убѣжденіями и кроткими вразумленіями, а при упорномъ неповиновеніи со стороны крестьянъ и при педѣйствительности наставленій, обращаться для исправленія ихъ и законнаго взысканія къ мѣстнымъ земскимъ и городскимъ полицейскимъ управленіямъ». За нарушение этого постановленія назначены соотвѣтствующія взысканія и подтверждено высочайшее повелѣніе 1836 года, «чтобы бѣлое и монашествующее латинское духовенство въ западныхъ губерніяхъ, въ домахъ, церквахъ и монастыряхъ своихъ не имѣло въ услуженіи людей православнаго исповѣданія» Съ этого времени духовные помѣщики старались отдавать свои имѣнія въ аренду мелкимъ шляхтичамъ и жидамъ, пока наконецъ они не были отобраны въ казну⁴⁵⁸). Указомъ 17 декабря 1841 года церковныя и монастырскія имѣнія были взяты въ казенное управленіе, такъ какъ они населены были почти исключительно лицами православнаго исповѣданія и слѣдовательно не могли находиться въ управленіи ксендзовъ и монаховъ. Для католическихъ монастырей утверждены были штаты, при чемъ наличное количество ихъ было значительно сокращено⁴⁵⁹). Но это случилось уже по смерти преосвященнаго Кирилла. Вызванный въ 1840 году въ С.-Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ, епископъ Кириллъ скончался здѣсь 28 марта 1841 года⁴⁶⁰), имѣвъ утѣшеніе видѣть на должности

кіевскаго, волинскаго и подольскаго генераль-губернатора такого умнаго и энергически дѣятельнаго русскаго патріота, какимъ былъ Д. Г. Бибииковъ.

Генераль - губернаторъ Д. Г. Бибииковъ управлялъ Юго-Западнымъ краемъ въ теченіи 14 лѣтъ (1838—1852 г.) и оставилъ глубокіе слѣды во всѣхъ отрасляхъ политическаго и общественнаго строя. При немъ доведены были до конца тѣ мѣропріятія, какія вызваны были польскимъ повстаніемъ 1831 года, и предприняты новыя. Вслѣдъ за ограниченіемъ произвола римско - католическихъ духовныхъ помѣщиковъ надъ крестьянами, по мысли Бибиикова, введены были въ Юго-Западномъ краѣ такъ называемыя инвентарныя правила, которыми ограничивался произволъ и гнетъ помѣщиковъ надъ крестьянами, расширялись права послѣднихъ и вообще регулировались крестьянскій трудъ и взаимныя отношенія между крестьянами и помѣщиками: крестьяне обязывались работать на своего помѣщика не болѣе трехъ дней въ недѣлю ⁴⁶¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ улучшено было положеніе православнаго духовенства и православныхъ церквей въ краѣ. Высочайше утвержденными положеніями 20 іюля 1842 года православному сельскому духовенству въ юго-западныхъ епархіяхъ опредѣлены постоянные оклады жалованья, количество котораго зависѣло отъ количества церковныхъ земель и численности прихожанъ. Въ то же время благосостояніе сельскихъ священниковъ обезпечено было введеніемъ въ дѣйствіе высочайше утвержденныхъ проэктвъ, въ силу которыхъ прихожане обязаны были обрабатывать для приходскихъ священниковъ опредѣленное количество земли церковной (10 десятинъ) и при поступленіи ихъ на приходъ помогать имъ и прочимъ служителямъ церкви хлѣбомъ и деньгами, а ностройку церковныхъ домовъ и всѣхъ службъ, со всѣмъ ихъ ремонтомъ, вѣлно отнести на обязанность прихожанъ и владѣльцевъ, которые обязывались выдавать лѣсной матеріалъ для церковныхъ строеній ⁴⁶²). Въ 1848 году генераль-губернаторъ Бибииковъ сдѣлалъ правительству заявленіе объ упадкѣ православныхъ храмовъ въ краѣ и предлагалъ принять энергическія мѣры для побужденія помѣщиковъ къ исполненію высочайшей воли. Вслѣдствіе этого, въ 1851 году послѣдовало новое высочайшее повелѣніе, съ угрозой обратиться костелы въ православныя церкви тамъ, гдѣ владѣльцы не соглашались строить церквей ⁴⁶³). Особенную же услугу оказали Бибииковъ краю предотвращеніемъ въ немъ новой польской

Кіевскій, подольскій и волинскій генераль-губернаторъ,
генераль-отъ-артиллеріи А. П. Безакъ.

смуты. Въ 1846 году, подъ вліяніемъ польской эмиграціи, въ Галиціи и Познани предпринята была поляками революціонная попытка къ возстанію противъ Австріи и Пруссіи, долженствовавшему, по расчету поляковъ, распространиться и на русскія области ⁴⁶⁴). Это революціонное движеніе отразилось и въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ, по словамъ самого Бибикова, въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ образовались демократическія общества, которыя всѣ стремились къ одному, чтобы уничтожить законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества ⁴⁶⁵). Въ 1846 и 1847 годахъ въ Юго-Западномъ краѣ Россіи бродили какіе-то темные слухи съ одной стороны о приготовленіяхъ польской шляхты къ новому мятежу, а съ другой — о подготавливавшейся народомъ коливщинѣ или рѣзнѣ поляковъ и евреевъ ⁴⁶⁶). Но твердая рука Бибикова съумѣла удержать въ краѣ общественный порядокъ. Изъ другихъ дѣяній генераль-губернатора Бибикова, увѣковѣчившихъ въ краѣ память этого замѣчательнаго администратора, были слѣдующія: исключеніе изъ дворянскаго сословія 81,000 лицъ, не имѣвшихъ права оставаться въ немъ и составлявшихъ истинное бремя для края и всегдашній горючій политическій элементъ; уничтоженіе отдѣленій польскаго банка и учрежденіе кievской коммерческой конторы государственнаго банка; ограниченіе правъ и мѣста осѣдлости евреевъ; отмѣна искаженнаго саксонскимъ правомъ и другими болѣе сродными примѣсами Литовскаго Статута и введеніе русскаго законодательства; поднятіе и усиленіе въ краѣ образованія посредствомъ возстановленія Киевскаго университета, временно закрытаго, котораго открытіе онъ принялъ на свою личную отвѣтственность, учрежденія института благородныхъ дѣвицъ въ Киевѣ и многихъ среднихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній въ краѣ; наконецъ учрежденіе центрального архива, этого драгоценнаго и богатѣйшаго хранилища историческихъ памятниковъ, и особой при генераль-губернаторѣ комиссіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ названіемъ временной, существуетъ и доселѣ и оказала неоцѣненные услуги для мѣстной исторіи ⁴⁶⁷), въ особенности за время нахождения ея подъ предѣтельствомъ извѣстнаго дѣятеля М. В. Юзефовича ⁴⁶⁸).

Большую часть времени генераль-губернаторства Бибикова занималъ подольскую архіерейскую кафедру непосредственный преемникъ архіепископа Кирилла, преосвященный Арсеній Москвинъ (1841 — 1848 гг.),

впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, отличавшійся мужественнымъ характеромъ, настойчивостію и административнымъ тактомъ. По поводу введенія въ Юго-Западномъ краѣ инвентарей, являлось много недоразумѣній и вопросовъ, за разъясненіемъ которыхъ крестьяне обращались къ священникамъ. При такихъ условіяхъ, нерѣдко случались у священниковъ столкновенія съ помѣщиками. Послѣдніе обвиняли священниковъ въ подстрекательствѣ народа къ бунтамъ, и жалобы на духовенство сыпались со всѣхъ сторонъ какъ къ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, такъ и къ генераль-губернатору Бибикову. Послѣдній, не зная, конечно, въ чемъ дѣло, иногда требовалъ удаленія священниковъ отъ мѣстъ. Но преосвященный Арсеній, пользуясь довѣріемъ самого Бибикова, умѣлъ отстаивать свое духовенство отъ несправедливыхъ обвиненій и преслѣдованій со стороны польско-католическихъ помѣщиковъ. При этомъ архипастырѣ подвинулось впередъ и дѣло возвращенія въ православіе совращенныхъ изъ него въ католичество и даже обращенія самихъ католиковъ къ православію. Такъ напримѣръ, по дѣлу объ 11-ти католикахъ, которые, вступивъ въ бракъ съ православными дѣвцами и обязавшись подпиской воспитывать дѣтей въ православіи, окрестили дѣтей мужескаго пола въ латинство, преосвященный Арсеній вступилъ въ борьбу даже съ мѣстнымъ губернаторомъ и, не смотря на всѣ интриги и препятствія, довелъ это дѣло до благопріятнаго православію конца. Въ первые только два года управленія преосвященнаго Арсенія Подольской епархіей присоединилось къ православію изъ католичества не менѣе 270 душъ ⁴⁶⁹).

Послѣ оставленія Бибиковымъ генераль-губернаторской должности, дѣло поднятія русской народности и православія въ краѣ временно приостановилось, если только не двинулось еще назадъ. Крымская война 1853—1855 годовъ съ одной стороны отвлекла вниманіе русскаго правительства отъ дѣлъ внутренней политики, а съ другою — возбудила надежды поляковъ на тогдашнихъ враговъ Россіи французовъ, которые, по ихъ соображеніямъ, должны были занять области бывшей Польши и тѣмъ содѣйствовать наденію въ нихъ русскаго правительства и возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 года ⁴⁷⁰). Съ возшествіемъ на всероссійскій престолъ Александра II, явились для поляковъ новыя побужденія возобновить попытку къ возстановленію Польши и отторженію отъ Россіи западно-русскихъ областей. Побужденія эти заключались

какъ въ направленіи внутренней политики новаго императора, такъ и въ стороннемъ подстрекательствѣ.

Важнѣйшимъ подвигомъ царствованія императора Александра II было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которое было задумано имъ еще въ первые годы его царствованія. При этомъ новый государь обратилъ особенное вниманіе на западно-русскія области, бывшія нѣкогда подъ владычествомъ Польши: въ 1858 году, по высочайшему повелѣнію, польскіе помѣщики были устранены отъ непосредственнаго участія въ устройствѣ въ ихъ помѣстьяхъ православныхъ церквей и былъ образованъ особый церковно-строительный капиталъ съ возмѣщеніемъ его впослѣдствіи съ тѣхъ имѣній, гдѣ будутъ сооружены церкви; ближайшее же завѣдываніе церковно-строительнымъ дѣломъ было возложено на П. Н. Батюшкова, которымъ предварительно были собраны точныя свѣдѣнія о народонаселеніи Западнаго края, изданныя въ особомъ «Атласѣ народонаселенія Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ»⁴⁷¹). Поляки увидѣли, что, съ предполагаемымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ возвышеніемъ ихъ благосостоянія, помѣщики утрачиваютъ свое вліяніе и власть, и потому попытались съ своей стороны привлечь къ себѣ простой народъ польскимъ образованіемъ и дарованіемъ крестьянамъ своеобразной свободы изъ своихъ рукъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ юго-западныхъ губерніяхъ составилось общество учебнаго пособія польскому народу. Оно имѣло свой уставъ и свой комитетъ въ Кіевѣ, состоящій изъ 12-ти членовъ, изъ коихъ 5 избирались ежегодно отъ университетской корпорации, а остальные — черезъ каждые три года отъ другихъ сословій. Комитетъ этотъ учреждалъ въ Юго-Западномъ краѣ тайныя народныя школы съ польскими учителями и преподаваніемъ, между прочимъ, и въ Подольской губерніи. Въ сельскихъ школахъ въ Ладыжинѣ, Багвѣ, Тетіевѣ и Ямполѣ учениковъ ежедневно водили въ костель къ литургіи; затѣмъ, утромъ и по полудни преподавались имъ всѣ предметы не иначе, какъ на польскомъ языкѣ; въ исторіи, литературѣ, географіи исключительно обращалось вниманіе на то, что относилось къ сельскому хозяйству, законамъ, обычаямъ и нынѣшнему положенію польской земли, словомъ на всѣ такъ названныя польскіе предметы. Обученіе русскому языку ограничивалось только тѣмъ, чтобы ученики могли только понимать этотъ языкъ; болѣе спеціальное обученіе предоставлялось южно-

Высокопреосвященный Леонтій,
бывшій архієпископъ подольскій, нынѣ холмскій и варшавскій,
членъ Святѣйшаго Синода.

русскому языку, но съ тѣмъ, чтобы азбука для него была употребляема польская. Для географіи и исторіи Польши были употребляемы писанные учебники, или же такія книги, какъ «Извлеченіе изъ географіи польской», о которой цензурный комитетъ отзывался, что она составлена для доказательства мнимой принадлежности Западнаго края Россіи къ Польшѣ. Въ Ямпольской школь предполагалось давать избраннымъ изъ другихъ школь ученикамъ высшее воспитаніе, такъ чтобы они могли обходиться безъ гимназическаго ученія, съ цѣлю приготовленія ихъ въ сельскіе учителя и съ тѣмъ, чтобы они обязались подчиниться потомъ распоряженіямъ школьных попечителей⁴²²). Въмѣстѣ съ тѣмъ, польскіе помѣщики юго-западныхъ губерній, желая предупредить русское правительство въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, успѣли къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ и хотѣли разрѣшить этотъ жизненный для Россіи вопросъ такъ, чтобы русскій народъ, населяющій эти губерніи, не ускользнулъ изъ-подъ ихъ власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ не разрушилась бы ихъ желанная мечта о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года. Но ихъ предположенія о личномъ только освобожденіи, съ сохраненіемъ въ сельскихъ обществахъ суда и управленія въ рукахъ помѣщиковъ, — какъ это было въ царствѣ Польскомъ, не были приняты правительствомъ, и тѣмъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ стремленію ополчиться и обратитъ въ латинство русскихъ крестьянъ этихъ губерній. Постоянный поземельный надѣлъ съ правомъ выкупа и самоуправленіе въ широкыхъ размѣрахъ, дарованное положеніемъ 19 февраля 1861 года крестьянамъ имперіи, заставили обратитъ вниманіе поляковъ на то, что правительство рано или поздно, но на тѣхъ же основаніяхъ, принуждено будетъ разрѣшить его и въ отношеніи къ царству Польскому. «Аристократическая партія рѣшилась во что бы то ни стало воспротивиться осуществленію реформы, необходимымъ послѣдствіемъ которой было бы уничтоженіе привилегій феодальной власти. Разорвавъ всякую связь съ прошедшимъ и отступивъ отъ своихъ принциповъ, она заключила союзъ съ космополитическою революціонною партіею въ Польшѣ, которая была уже на-сторожѣ. Постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права было обнародовано въ Петербургѣ 19 февраля 1861 года, а 24 февраля того же года земледѣльческое общество, собравшись въ Варшавѣ и придавъ себѣ значеніе учредительнаго собранія, утвердило мѣры, предложенныя Мѣрославскимъ, который, спустя 8 дней послѣ того, пи-

салъ изъ Парижа, что эти мѣры должны послужить точкой исхода для народнаго возстанія» ⁴⁷³).

Но поляки, поднимая возстаніе, не могли рассчитывать на однѣ собственныя силы и больше всего надѣялись на стороннюю помощь. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ между мелкими итальянскими государствами обнаружилось стремленіе къ объединенію въ одно политическое тѣло. Благодаря помощи Наполеона III, стремленіе это отчасти дѣйствительно осуществилось въ 1859 году, но при этомъ, какъ извѣстно, Австрія поплатилась Ломбардіею. Этимъ примѣромъ увлеклись, между прочимъ, и поляки: они рѣшились поднять возстаніе противъ Россіи, рассчитывая при этомъ на содѣйствіе того же Наполеона III, который помогъ ломбардцамъ и итальянскому королю Виктору-Эммануилу и который въ это время уже начиналъ играть первенствующую роль въ европейской дипломатіи ⁴⁷⁴). И дѣйствительно, когда подготовлялось и началось возстаніе, — мнѣніе и сочувствіе западной Европы было на сторонѣ поляковъ. Журналы всѣхъ странъ и всѣхъ направленій были полны заявленіями сочувствія къ Польшѣ и соперничали въ краснорѣчьи, чтобы доказать Европѣ ея обязанность идти на помощь полякамъ. Въ Туринѣ, Стокгольмѣ, Мадридѣ, Лондонѣ устраивались митинги въ пользу поляковъ; вездѣ открывались подписки на польское дѣло. Адресы, представленные правительствамъ Франціи, Англіи и Италіи, требовали войны съ Россіей, и во французскомъ сенатѣ раздавались голоса, призывавшіе къ оружію. Весь этотъ воинственный шумъ о войнѣ за освобожденіе Польши дѣйствительно могъ ободрить революціонное польское правительство къ настойчивости. Оно имѣло основаніе вѣрить въ возможность скораго ополченія всей Европы, тѣмъ болѣе, что кабинеты парижскій, лондонскій и вѣнскій своими апрѣльскими нотами положили начало исполненію проектированнаго вмѣшательства, о которомъ толковали всѣ журналы. Съ другой стороны, событія въ Россіи и особенно отношеніе къ полякамъ русской либеральной журналистики могли только усилить увѣренность революціоннаго правительства въ томъ, что оно найдетъ союзниковъ даже и въ непріятельскомъ лагерѣ ⁴⁷⁵).

Возстаніе началось въ Варшавѣ и въ первый разъ обнаружилось 19 февраля 1861 года. Главныя представители польской народности въ Варшавѣ, съ разрѣшенія намѣстника царства Польскаго, князя Горчакова, составили и подали императору адресъ, съ изложеніемъ въ немъ

своихъ желаній востановить въ царствѣ Польскомъ національное правленіе и даровать нѣкоторыя вольности дворянству. Адресъ императоромъ былъ принятъ, и въ отвѣтъ на него 26 мая изданъ былъ указъ, въ которомъ оповѣщалось, что въ непродолжительномъ времени при варшавскомъ намѣстничествѣ будетъ устроено особое отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, а также польскій государственный совѣтъ и выборные окружные и муниципальные совѣты. Но этого рода уступки русскаго правительства не только не удовлетворили поляковъ, а еще болѣе сдѣлали ихъ требовательными. Волненія возобновились еще съ большою силою и охватили все бывшее царство Польское. Въ половинѣ сентября варшавское дворянство, подъ вліяніемъ графа Замойскаго, представило новому намѣстнику, великому князю Константину Николаевичу, адресъ, въ которомъ оно категорически и даже дерзко заявляло, что до тѣхъ поръ будетъ дѣйствовать противъ русскаго правительства, пока оно не соединитъ съ царствомъ Польскимъ все оторванныя отъ него области—Литву, Бѣлоруссію, Волинь, Подолію и Малороссію, и не отдастъ ихъ въ управленіе самимъ полякамъ ⁴⁷⁶). Съ своей стороны и подольское польское дворянство вмѣстѣ съ ксендзами въ своемъ адресѣ на высочайшее имя о присоединеніи Подоліи къ царству Польскому заявляло, что Подолія издревле-де соединена съ католичествомъ и полонизмомъ и что-де еще въ XV вѣкѣ жители ея толпами присоединялись къ католичеству и перенимали польскую цивилизацію ⁴⁷⁷). Каменецъ-подольскіе польско-католики такъ были увѣрены въ уснѣхъ своихъ замысловъ, что носпѣшили вырѣзать на мраморномъ турецкомъ проповѣдническомъ амвонѣ въ каменецкомъ по-доминиканскомъ костелѣ 1862-й годъ, наряду съ годами вступленія турокъ въ Каменецъ въ 1672 году и выступленія ихъ оттуда въ 1699 году,—какъ годъ предполагавшагося ими изгнанія москалей изъ Каменца и Подоліи ⁴⁷⁸). Но возрастающая дерзость польско-католиковъ имѣла со-всѣмъ не тѣ послѣдствія, на какія они рассчитывали. Покойный государь императоръ Александръ II, убѣдившись въ ненасытности вождѣленій польско-католиковъ, рѣшился, наконецъ, положить предѣлъ ихъ притязаніямъ и опереться на простой народъ, всегда питавшій сочувствіе къ русскому правительству. Польское возстаніе было подавлено вооруженною силою и къ зимѣ 1863 года было совершенно усмирено; а на заступничество западныхъ державъ за Польшу и на все ихъ требо-

ванія русскій государственный канцлеръ Горчаковъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, твердо заявивъ, что русскій императоръ ни подъ какимъ видомъ не допуститъ ничего вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Этимъ и кончилось участіе западной Европы въ польской смутѣ ⁴⁷⁹).

По прекращеніи мятежа, два сословія должны были прежде всего обратить на себя вниманіе русскаго правительства по причинамъ, совершенно противоположнымъ: крестьяне, оставшіеся вѣрными и преданными Россіи, постоянно угнетаемые панамъ и не принимавшіе добровольнаго участія въ мятежѣ, и польскіе помѣщики съ латино-польскимъ духовенствомъ, какъ главные двигатели мятежа ⁴⁸⁰). Крестьянское дѣло въ Подоліи, какъ и въ другихъ юго-западныхъ губерніяхъ, попавъ сначала въ руки мѣстныхъ дворянъ, шло къ цѣлямъ, прямо противоположнымъ тому, что правительство имѣло въ виду. Польскій мятежъ разъяснилъ дѣло. 30 іюля 1863 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ Правительствующаго Сената о мѣрахъ къ ускоренію въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской прекращенія обязательныхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ временно-обязанными крестьянами посредствомъ выкупа послѣдними земельныхъ ихъ надѣловъ по распоряженію правительства. Этимъ указомъ прекращались съ 1 сентября 1863 года всѣ обязательныя отношенія между мѣстными помѣщиками и крестьянами и опредѣлялся размѣръ выкупныхъ платежей. Составъ мировыхъ учреждений былъ измѣненъ привлеченіемъ въ него лицъ русскаго происхожденія ⁴⁸¹). Новый кіевскій, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ А. П. Безакъ дѣятельно занялся разработкою подробностей крестьянской реформы и примѣненіемъ ея на практикѣ и для этого каждый годъ совершалъ поѣздки по ввѣренному ему краю. Въ 1865 году онъ ревизовалъ всѣ безъ исключенія присутственныя мѣста и знакомился съ личностями и потребностями края вообще. Въ 1866 г. цѣль поѣздки была болѣе специальная: надо было двинуть къ окончательному разрѣшенію крестьянское дѣло или — лучше сказать — выкупное дѣло, войти во всѣ подробности и разрѣшить возникшія на мѣстѣ недоразумѣнія. Въ 1867 году, при меньшихъ заботахъ по выкупнымъ дѣламъ, представилась возможность обратить большее вниманіе на крестьянское управленіе. Была предпринята общая ревзія волостей, подробно разсмотрѣны существовавшіе порядки, обращено вниманіе на

подолія.

отчетность въ сборахъ и платежахъ, на мірскіе капиталы и хлѣбные запасы, на недоимки и причины ихъ накопленія. Въ поѣздку 1868 года обращено вниманіе на изученіе экономическаго состоянія и хозяйственныхъ нуждъ края и собирались свѣдѣнія объ однодворцахъ, перечисляемыхъ въ крестьяне, о владѣльческихъ городахъ ⁴⁸²) и проч. Указомъ 10 декабря 1865 года даны особенныя льготы русскимъ людямъ по приобрѣтенію земли въ западной Россіи и тѣмъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему увеличенію въ этой странѣ польскаго землевладѣнія и начало образованію русскаго землевладѣльческаго образованнаго класса ⁴⁸³). Въ Подольской губерніи въ первый же годъ куплено было русскими имѣніи на 785,000 руб., да казенныхъ имѣній находилось до 55,000 десятинъ земли. Закрыты были существовавшіе польскіе пансіоны и воспрещено тайное преподаваніе, а для воспитанія дѣвицъ въ русскомъ духѣ учреждена была въ Каменцѣ женская гимназія. Предписано было вести преподаваніе римско-католическаго закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго округа на русскомъ языкѣ, по руководствамъ, принятымъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа ⁴⁸⁴).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, положено было начало и ограниченію вліянія польскаго католичества въ Подоліи. По отдѣленіи въ 1849 году Бессарабіи въ особую отъ Каменецкой Тираспольскую католическую епархію, въ Каменецкой католической епархіи въ 1860 году, т. е. передъ самымъ польскимъ повстаніемъ, находилось 11 деканатовъ или благочиній, а въ нихъ приходскихъ костеловъ 99, филиальныхъ или приписныхъ 2 и каплицъ частныхъ и общественныхъ 61, всего 162 зданія ⁴⁸⁵). Католиковъ въ это время въ Подоліи было 218,919 душъ обоюго пола, тогда какъ въ 1863 году, во время повстанія, ихъ убыло на 14,005 душъ, по преимуществу или исключительно мужскаго пола, по всей вѣроятности ушедшихъ въ повстаніе. Римско-католическому духовенству назначено отъ казны жалованье ⁴⁸⁶), хотя оно пользовалось пособіемъ отъ своихъ прихожанъ, по большей части богатыхъ помѣщиковъ, какъ отдѣльно за всякую церковную потребу, такъ и постоянно десятою частію различныхъ произведеній, равно сѣнокосомъ, домостроительствами и проч. Однимъ словомъ, въ матеріальномъ отношеніи католическое духовенство стояло несравненно выше православнаго духовенства, которое нерѣдко получало жалованье не болѣе костельнаго органиста ⁴⁸⁷). Послѣ польскаго повстанія 1861—1863 гг., сокращено было въ 1864 году число католи-

**Київскій, подольскій и волинскій генераль-губернаторъ,
генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи А. Р. Дрентельнъ.**

ческихъ монастырей въ Подоліи. Такъ, упразднены были кармелитскій кляшторъ въ Каменцѣ, съ обращеніемъ и перестройкою его костела въ православный кафедральный соборъ, монастырь визитокъ въ Каменцѣ, общины сестеръ милосердія въ Грудкѣ и Тепликѣ и др., а католическіе монахи или переведены въ волинскіе монастыри, или временно размѣщены по приходамъ. Наконецъ, въ 1866 году закрыта была и самая Каменецкая епархія. Въ высочайшемъ указѣ 5 іюня 1866 г. по этому предмету изображено: «признавъ полезнымъ Каменецкую римско-католическую епархію упразднить, всемилостивѣйше увольняемъ епископа Фіалковскаго отъ должности начальника епархіи, повелѣвая принадлежачія къ Каменецкой римско-католической епархіи церкви присоединить къ вѣдомству епархіи Луцко-Житомирской». Католическая семинарія, капитула и консисторія въ Каменцѣ были упразднены ⁴⁸⁸). Къ 1877 году въ Подольской губерніи было 10 деканатовъ, 97 костеловъ, 1 кляшторъ капуциновъ въ Винницѣ, ксендзовъ свѣтскихъ 110, монаховъ 10, католиковъ обоего пола 211,959 душъ ⁴⁸⁹).

Одновременно съ упраздненіемъ особой Каменецкой католической епархіи, учреждено было православное викаріатство въ Каменцѣ, съ наименованіемъ викарія епископомъ балтскимъ, которому назначено помѣщеніе въ Каменецкомъ Троицкомъ монастырѣ. Въ 1864 году въ Подольской православной епархіи числилось каменныхъ церквей 377, деревянныхъ 1014, общественныхъ часовенъ 18, кладбищенскихъ 9, монастырей 10, членовъ причта 9171, монаховъ 161, монахинь 125, исповѣдниковъ восточнаго обряда 1,418,396 душъ обоего пола ⁴⁹⁰). Въ 1863 году церковно-строительная дѣятельность П. Н. Батюшкова перенесена была и на Подольскую губернію. Изъ 112 осматрѣнныхъ здѣсь въ 1863 году храмовъ 17 предназначено къ упраздненію, 4 къ возобновленію на счетъ помѣщиковъ, три прочныя къ оставленію безъ ремонта; затѣмъ изъ остальныхъ назначено строить новыхъ 25 каменныхъ и 5 деревянныхъ и возобновить 15 каменныхъ и 44 деревянныхъ. Составлена смѣта на сооруженіе Каменецъ-Подольскаго кафедральнаго собора. Въ Подольскую губернію командированъ былъ для постройки церквей капитанъ де-Ливронъ ⁴⁹¹). Въ 1865 году кievскій, подольскій и волинскій генералъ-губернаторъ Безакъ, заботясь объ усиленіи содержанія православнаго духовенства въ Юго-Западномъ краѣ, впредь до разрѣшенія вопроса объ улучшеніи быта духовенства вообще, испросилъ, чрезъ комитетъ

министровъ, высочайшее государя императора соизволеніе на предоставленіе въ распоряженіе его по 200,000 руб. въ годъ изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній для оказанія временнаго пособія дѣйствительно въ ономъ нуждающимся лицамъ православнаго духовенства. Изъ этой суммы назначено на Подольскую губернію до 65,000 рублей серебромъ ⁴⁹²). Къ концу шестидесятихъ годовъ сельскимъ священникамъ Юго-Западнаго края назначено по 300, а городскимъ по 400 руб. въ годъ жалованья ⁴⁹³). Нравственный подъемъ мѣстнаго православнаго духовенства выразился прежде всего въ открытіи 1 октября 1863 года въ Каменцѣ Іоанно-Предтеченскаго братства, которое первоначально имѣло своею задачею поддержаніе и благолѣпіе мѣстнаго кафедральнаго собора и благоустройство кладбища и кладбищенской церкви, а въ послѣдствіи времени, расширивъ кругъ своей дѣятельности, открыло три братскихъ пріюта для обученія малолѣтнихъ дѣтей русской грамотѣ и закону Божію, а именно въ Каменцѣ, на Русскихъ Фольваркахъ и на Польскихъ Фольваркахъ ⁴⁹⁴).

Въ силу правила, чтобы епархіи, возвращенныя отъ Польши, имѣли архипастырей, отличающихся просвѣщеніемъ, дѣятельностью и кротостью, на православную Подольскую епископскую кафедру назначень былъ въ 1863 году одинъ изъ выдающихся архипастырей, преосвященный Леонтій, нынѣ членъ св. Синода, архіепископъ холмско-варшавскій, 11-ть лѣтъ бодро и мужественно стоявшій на стражѣ православія и русской народности въ Подоліи. Прибывъ на Подольскую епархію, онъ обратилъ особенное вниманіе свое на подавленіе здѣсь католичества и польскаго духа и на возвышеніе и укрѣпленіе православія и русской народности. При немъ во всей епархіи построены или обновлены церкви на средства прихожанъ. Это благоустройство храмовъ совершилось по указанію высокопреосвященнаго Леонтія и свидѣтельствуетъ о томъ вліяніи, какимъ онъ пользовался въ Подольской епархіи ⁴⁹⁵). Во всей губерніи заведены были, при содѣйствіи этого архипастыря и мѣстнаго духовенства, народныя и сельскія школы, которыя мѣстный губернаторъ въ маѣ 1865 года нашель въ весьма удовлетворительномъ состояніи ⁴⁹⁶). Въ то же время преосвященный Леонтій заботился о поднятіи уровня образованія дочерей мѣстнаго духовенства въ духѣ православія и русской народности. До того времени существовало въ Подольской епархіи одно только училище дѣвиць духовнаго званія въ Тульчинѣ, которому начало положено

было въ 1854 году, по почину подольскаго уроженца, петербургскаго протоіерея Василя Гречулевича, впоследствии Виталія, епископа могилевскаго ⁴⁹⁷). Не довольствуясь этимъ, преосвященный Леонтіѣ основалъ въ 1864 году, въ бывшемъ Каменецкомъ католическомъ женскомъ монастырѣ визитокъ другое училище для воспитанія дочерей мѣстнаго духовенства въ духѣ православія и русской народности. Для возвышенія духовнаго просвѣщенія въ духѣ православной вѣры, архипастыръ принималъ и другія мѣры. Такъ, при немъ построено было новое зданіе для Подольской духовной семинаріи съ общежитіемъ для своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи. При преосвященномъ Леонтіѣ совершилось въ Подольской епархіи преобразование мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, при чемъ онъ обращалъ особенное вниманіе на семинарію, какъ заведеніе, воспитывающее сельскихъ пастырей, хранителей православной русской идеи. Ему же обязано своимъ существованіемъ и находящееся въ Каменцѣ ремесленное училище, изъ котораго выходятъ въ простой народъ воспитанные въ духѣ православія и русской народности ремесленники ⁴⁹⁸).

Послѣдующая исторія Подолія представляетъ изъ себя дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе тѣхъ началъ, какіе вызваны польскимъ повстаніемъ 1861—1863 годовъ и положены въ основу ея жизни. Нѣкоторые изъ вопросовъ, вызванныхъ и поставленныхъ на очередь тогдашними обстоятельствами, и доселѣ не получили еще окончательнаго разрѣшенія, какъ напримѣръ вопросы о водвореніи русскаго землевладѣнія въ краѣ и ограниченія правъ поляковъ на пріобрѣтеніе земельныхъ имуществъ, о выкупѣ владѣльческихъ городовъ, о поднятіи народнаго благосостоянія и образованія и проч. И заслуга для русскаго дѣла послѣдующихъ за Безакомъ генераль-губернаторовъ и другихъ начальственныхъ въ краѣ лицъ можетъ быть опредѣляема и оцѣниваема настолько, насколько они остаются вѣрными началамъ внутренней русской политики 1860-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи немаловажную услугу оказалъ русскому дѣлу бывший кievскій, подольскій и волыньскій генераль-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ, который неуклонно преслѣдовалъ всякую незаконную передачу польскихъ земельныхъ имѣній въ руки поляковъ же и заботился объ усиленіи русскаго землевладѣнія во ввѣренномъ ему краѣ. Его заботамъ въ значительной мѣрѣ нужно приписать то, что въ настоящее время въ Подольской губерніи полякамъ принадлежитъ 968,000

десятинь земли или 56% всей владѣльческой земли, тогда какъ остальные 44% ея уже изъяты въ разное время изъ польскаго владѣнія ⁴⁹⁹). Изъ новѣйшихъ учреждений въ губерніи заслуживаетъ упоминанія Подольское епархіальное церковное древнехранилище при кафедральномъ соборѣ ⁵⁰⁰), въ которое начинаютъ собираться памятники мѣстной православной старины.

Въ настоящее время общее состояніе Подольской губерніи представляется въ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ. Къ 1 января 1888 года число жителей Подольской губерніи простиралось до 2.470,142 душъ обоюго пола, въ томъ числѣ 1.231,706 мужскаго пола и 1.238,436 женскаго. Католиковъ насчитывается отъ 200,000 до 240,000 и въ ихъ числѣ поляковъ, по разнымъ исчисленіямъ, отъ 43,000 до 80,000 душъ; евреевъ 325,907; молдаванъ 22,006; мазуровъ 7,322; нѣмцевъ 2,864; чеховъ 244; татаръ, армянъ, турокъ, грековъ, болгаръ, французовъ и англичанъ 257. Церквей и монастырей православныхъ 1,638, изъ коихъ 589 каменныхъ и 1,049 деревянныхъ. Приходовъ католическихъ самостоятельныхъ 97 и приписныхъ 6, съ 136 костелами и каплицами, распределенными между десятью деканатами. Католиковъ больше въ западныхъ деканатахъ, чѣмъ въ восточныхъ: въ каменецкомъ деканатѣ около 34,000 католиковъ съ 14-ю костелами; въ проскуровскомъ около 32,000 съ 12-ю костелами; въ ушицкомъ около 29,000 съ 15-ю костелами; въ брацлавскомъ, обнимающемъ два большихъ уѣзда Брацлавскій и Гайсинскій, всего около 13,000 католиковъ съ 9-ю костелами; а въ балтскомъ деканатѣ на населеніе около 550,000 всего около 18,000 католиковъ съ 9-ю костелами. Церквей и монастырей другихъ христіанскихъ исповѣданій, кромѣ православнаго и католическаго, 12, изъ коихъ 3 каменныхъ и 9 деревянныхъ; еврейскихъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ 518, изъ коихъ 200 каменныхъ и 318 деревянныхъ ⁵⁰¹).

Такимъ образомъ перевѣсъ численности остается на сторонѣ кореннаго русскаго православнаго населенія Подолія, опредѣляющаго собою общій основной характеръ страны, какъ органической части Россійской имперіи. Но это населеніе, въ общемъ своемъ составѣ, недавно только вышло изъ-подъ ига крѣпостнаго права и не успѣло еще окрѣпнуть и повести самостоятельную, сознательную жизнь. А между тѣмъ пришлые, чужеродные элементы населенія, не смотря на сравнительную немногочисленность свою, имѣютъ на своей сторонѣ перевѣсъ богатства,

вліянія, образованія, промышленности и торговли и потому естественно не могут не эксплуатировать простой народъ въ свою пользу. При томъ же эти пришлые чужеродные элементы нерѣдко отличаются своею племенною и вѣроисповѣдною исключительностію, въ силу которой иногда высокоомѣрно и враждебно относятся какъ къ мѣстному коренному русскому населенію, такъ и ко всей Россіи, какъ напримѣръ мѣстные поляки или ополяченные русскіе. Поэтому дальнѣйшая задача русскаго правительства и общества по отношенію къ Подоліи, какъ и ко всему Юго-Западному краю Россіи, должна состоять въ томъ, чтобы съ одной стороны поднять благосостояніе и образованіе мѣстнаго русскаго населенія и защитить его отъ эксплуатаціи пришлыхъ, чуждыхъ элементовъ, а съ другой—и самые эти элементы, по возможности, сдѣлать менѣе вредными для простаго народа и смягчить ихъ племенную и вѣроисповѣдную исключительность подчиненіемъ общимъ началамъ русской жизни, по возможности, безъ всякихъ изъятій, такъ чтобы еврей и полякъ не считали себя только евреемъ, подчиненнымъ своему кагалу, или полякомъ, мечтающимъ о возстановленіи бывшей Польши и слушающимся одного только папы, а евреемъ русскимъ, полякомъ русскимъ, вѣрноподаннымъ русскаго государя. Необходимо обязательное употребленіе русскаго языка, какъ языка государственнаго, не только въ дѣлопроизводствѣ и судопроизводствѣ, но и въ школьномъ обученіи, въ преподаваніи католическаго закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ католическомъ дополнительномъ богослуженіи, проповѣдяхъ и во всѣхъ публичныхъ, общественныхъ мѣстахъ, учрежденіяхъ и собраніяхъ. Настойчивое, неуклонное проведеніе русскіхъ принциповъ въ публичную, общественную жизнь края рано или поздно должно убѣдить самыхъ непримиримыхъ изъ инородцевъ и иновѣрцевъ въ невозможности для нихъ на будущее время племенной и вѣроисповѣдной исключительности и политическаго сепаратизма.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года“, *Н. Молчановскаго*, Кіевъ, 1885 г., стр. 95.
- 2) „Synowie Gedymina“, *Kaz. Stadnickiego*, Lwow, 1849 г., т. I, 38; см. „Подольскія Епарх. Вѣдомости“, 1875 г., № 4, стр. 129.
- 3) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 12 и 13.
- 4) „Исторія Россіи“, *С. Соловьева*, т. I, стр. 43—45; „Очерки русской исторической географіи“, *Н. Барсова*, 1885 г., стр. 93 и 95.
- 5) „Очерки русской исторической географіи“, *Н. Барсова*, 1885 г., стр. 128, 129, 140 и 145.
- 6) Тамъ же, стр. 116, 117, 119, 286 и 287.
- 7) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. I, примѣч. 110, стр. 342; „Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи“, вып. I, Каменецъ-Подольскъ, 1876—1877 г., стр. 12, 213 и 214.
- 8) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Н. Молчановскаго*, стр. 17—19, 23 и 26.
- 9) „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Влашской“, *Е. Голубинскаго*, Москва, 1871 г., стр. 3, 333 и 334; подробности см. „Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка“, *К. Я. Грота*, С.-Петербургъ, 1881 г., стр. 233 и др.—О происхожденіи названія „Русь“ отъ готовъ см. рефератъ *А. Будиловича* въ „Журналѣ Министер. Народ. Просвѣщ.“, май, 1890 г., „Современная Лѣтопись“, стр. 25 и сл.
- 10) „Образованіе втораго Болгарскаго царства“, *Ө. Успенскаго*, Одесса, 1879 г., стр. 75—81.
- 11) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. I, стр. 91.
- 12) „Русь и Византія въ X вѣкѣ“, *Ө. Успенскаго*, Одесса, 1888 г., стр. 12.
- 13) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. I, стр. 91, 92, 94, 103, 104, 107 и 108.
- 14) „Русь и Византія въ X вѣкѣ“, *Успенскаго*, 1888 г., стр. 7.
- 15) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. I, стр. 299 и 105.
- 16) „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“, *Макарія*, С.-Петербургъ, 1846 г., стр. 161.
- 17) „Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка“, *К. Грота*, стр. 277 и 278.
- 18) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 18—20 и 29. О значеніи слова „толковины“ см. рефератъ *В. И. Григоровича* въ „Трудахъ III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ“, т. II, стр. 49 и сл.
- 19) „Очерки русской исторической географіи“, *Барсова*, стр. 112—114.
- 20) „Труды III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ“, т. II, стр. 70, 71, 75, 76, 93—95.

- 21) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. I, стр. 194, 195, 227; „Волынъ“, изд. *П. Н. Батюшкова*, С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 10.
- 22) „Русская Исторія“, *К. Бестужева-Рюмина*, т. I, стр. 183 и сл.
- 23) „Очерки русской исторической географіи“, *Барсова*, стр. 113 и 114; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 79—81.
- 24) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, изд. 1879 г., т. II, стр. 271, 275 и 276; „Историческія пѣсни малорускаго народа, съ объясненіями *Вл. Антоновича* и *М. Драгоманова*“, Кіевъ, 1874 г., стр. 37.
- 25) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. II, стр. 276 и 286; „Волынъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 43.
- 26) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 49.
- 27) „Образованіе втораго Болгарскаго царства“, *Успенскаго*, 1879 г., стр. 208, 635—38; „Пѣсни о князѣ Романѣ“, *И. Н. Жданова*, въ „Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія“, апрѣль, 1890 г., стр. 276; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 83.
- 28) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. II, стр. 292, 343 и слѣд.
- 29) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 84, 90, 91, 95—97.
- 30) „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“, *Н. П. Дашкевича*, въ „Трудахъ III археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1874 г.“, т. II; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 121—128; „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ“, *Н. Дашкевича*, въ „Кіев. Университ. Изв.“, іюнь, 1884 г.; „Волынъ“, изд. *Батюшкова*, примѣч. 20. О Болоховѣ и Болоховскомъ монастырѣ см. „Шематизмъ провинціи Св. Спасителя чина Св. Василія Великаго въ Галиціи“, Львовъ, 1867 г., стр. 137.
- 31) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. III, изд. 1879 г., стр. 167.
- 32) „Волынъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 44 и 46.
- 33) „Браткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской“, *Голубинскаго*, стр. 335.
- 34) „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“, *Дашкевича*, въ „Трудахъ III археологич. съѣзда въ Кіевѣ“, т. II, стр. 103.
- 35) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. III, стр. 201 и 202.
- 36) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 144 и 153.
- 37) „Болоховская земля“, *Дашкевича*, стр. 103.
- 38) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 148; „Путевые очерки Подолія“, *К. М.*, въ „Кіевской Старинѣ“, окт., 1884 г., стр. 270.
- 39) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. III, стр. 207 и 208.
- 40) „Монографіи“, *В. Б. Антоновича*, Кіевъ, 1885 г., стр. 124 и 125.
- 41) „Образованіе втораго Болгарскаго царства“, *Успенскаго*, стр. 85 и 86; „Черноморье“, *Ф. Бруна*, Одесса, 1880 г., ч. II, стр. 227.
- 42) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 124 и 125; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 156—166; „Болоховская земля“, *Дашкевича*, стр. 104; „Смѣна народностей въ южной Руси“, *Ир. Житецкаго*, въ „Кіевской Старинѣ“, ноябрь, 1884 г., стр. 377.
- 43) „Бѣлоруссія и Литва“, изд. *П. Н. Батюшкова*, С.-Петербургъ, 1890 г., стр. 63, 75 и др.
- 44) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. III, стр. 245—247 и 287.
- 45) „Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе“, *Н. Филевича*, въ „Журн. Министер. Народн. Просвѣщенія“, ноябрь, 1889 г., стр. 135, 136, 175, 176, 180—183, и декабрь того же года, стр. 285—295. Исслѣдованіе это

вышло и особой книгой. См. „Холмская Русь“, изд. *П. Н. Батюшкова*, С.-Петербургъ 1887 г., стр. 22; „Волинь“, изд. *его же*, стр. 52.

46) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 125, 126, 129, 130.

47) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 184.

48) На картѣ 1686 года и на позднѣйшихъ Kogszowa значитса на сѣверо-западной сторонѣ Днѣстровскаго лимана, близъ нынѣшняго села Паланки, а на картахъ XVIII в. на мѣстѣ Коржева значитса Korszall: См. „Analele Academiei Romane“, Seria II. tomulu II, Bucuresci, 1881 г. Около с. Паланки есть остатки большаго каменнаго укрѣпленія. См. „Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, т. II, 1848 г., стр. 809.

49) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 126.

50) Путешествіе *Грееня*, съ изслѣдованіемъ *Я. И. Горожанскаго*, издано въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, 1884 г., № 4, и 1885 г., № 1. Опредѣленіе личности Грееня и времени его путешествія см. „Три статьи къ русскому палестиновѣднiю“, архим. *Леонида*, въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“, т. VI, вып. I, Спб., 1889 г.

51) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 131 и 132; см. „Synowie Gedymina“, *K. Stadnickiego*, Lwow, 1849 г., т. I, стр. 50; „Zameczki Podolskie na kresach multanskich“, *D-ra Antoni I.*, Warszawa, 1880 г., т. I, стр. 2.

52) Рукоп. Сборникъ Почаевской лавры XVI в., въ библиотекѣ Кіевской дух. академіи, № 116, л. 456.

53) „Историч. Вѣстникъ“, декабрь, 1889 года; „Историческій очеркъ угро-русскаго народа и угро-русской церкви“, *Θ.*, въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“, 1889 г., № 52, стр. 1199; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 222.

54) См. карту Молдавіи и Валахіи *Герарда Меркатора* въ „Geographia“ *Blaviana*, 1662 г., т. II.

55) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 6, 170—173.

56) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 128.

57) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 195, 200—206 и 219.

58) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. I. т. VII, стр. 103; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, *А. С. Петрушевскаго*, Львовъ, 1874 г., стр. 618.

59) „Историческій очеркъ угро-русскаго народа и угро-русской церкви“, *Θ.*, въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“, 1889 г., № 52, стр. 1199 и 1200.

60) „Synowie Gedymina“, *Stadnickiego*, т. I, стр. 71 и 72. На древнихъ картахъ XVI в. Brastavia или Broskavia значитса въ верховьяхъ одного изъ правыхъ притоковъ р. Серета, и Proslaviza на правомъ берегу устьевъ Дуная. См. „Geographia“ *Blaviana*, 1662 г., т. II, и карту Романіи съ сосѣдними странами въ „Theatrum orbis. Abrah. Ortelii Antverpiani“, 1570.

61) „Synowie Gedymina“, *Stadnickiego*, т. I, стр. 78—81; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 224, 225, 232 и 233.

62) „Историческій очеркъ угро-русскаго народа и угро-русской церкви“ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“, 1889 г., № 52, стр. 1200.

63) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 236, 239—241.

64) „Podole, Wolyń, Ukraina“, *A. Przegdzieskiego*, Wilno, 1841, т. I, стр. 34.

65) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 248—277.

66) Тамъ же, стр. 278, 292—296; „Zameczki Podolskie na kresach multanskich“, *D-ra Antoni I.*, т. I, стр. 70; „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, *В. Б. Антоновича*, въ „Кіевской Старинѣ“, январь, 1882 г., стр. 26.

67) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 278—281, 340 и 341.

68) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. IV, стр. 103 и сл.

- 69) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 350—378; см. „Synowie Gedymina“, *Stadnickiego*, t. I, oddział v.
- 70) „Волынѣ“, изд. *П. Н. Батюшкова*, стр. 88.
- 71) Тамъ же, стр. 91; „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 378 и 379; „Zameczki Podolskie“, *D-ra Antonj I.*, т. I, стр. 78.
- 72) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 12—17 и 37; „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, *Антоновича*, въ „Кіевской Старинѣ“, январь, 1882 г., стр. 26, 27 и 36; „Кіевская Старина“, январь, 1889 г., стр. 121.
- 73) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 379.
- 74) „Synowie Gedymina“, *Stadnickiego*, т. I, стр. LXVIII; „Черноморье“, *Ф. Вруна*, ч. I, Одесса, 1879 г., стр. 235.
- 75) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 379 и 380.
- 76) „Памятники русской старины въ западн. губерніяхъ“, изд. *П. Н. Батюшкова*, С.-Петербургъ, 1885 г., т. VIII, стр. 163, 166—168.
- 77) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VII, т. I, Кіевъ, 1886 г., предисловіе, стр. 2—4, 6—8.
- 78) Кромѣ Яблоновскаго, такіе взгляды высказываетъ и *D-r Antonj I.* въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія „Zameczki Podolskie“.
- 79) „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, *М. Владимірскаго-Буданова*, въ „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“, сент., 1868 г., стр. 743 и 744.
- 80) „На Днѣстровскомъ побережьи“, *К. Мельникъ*, въ „Кіевской Старинѣ“, августъ, 1887 г., стр. 639 и сл.
- 81) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 24, стр. 547—549.
- 82) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1888 г., стр. 2066; „Волынѣ“, изд. *Батюшкова*, 1888 г., стр. 15.
- 83) „Моравія и Мадыары съ половины IX до начала X вѣка“, *К. Я. Грота*, С.-Петербургъ, 1881 г., стр. 94 и др.
- 84) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 8.
- 85) „Подольск. Епарх. Вѣдомости“, 1887 г., № 26; „Кіевское Слово“, 1890 г., 15 февраля, № 889.
- 86) „Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie gubernii Podolskiej...“, *Х. Wawrzynca Marcynskiego*, т. I, Wilno, 1820 г., стр. 268—271; „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przedzieckiego*, т. III, стр. 81; „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. III, стр. 954; „Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи“, выпускъ I, предисл., стр. VI. Здѣсь находился чудотворный образъ Богоматери, почитаемый окрестнымъ населеніемъ, и особенно молдаванами изъ-за Днѣстра.
- 87) „О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ Подольской губерніи“, *В. Б Антоновича*, въ I томѣ „Трудовъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ“, Одесса, 1886 г., стр. 101.
- 88) „Кіевская Старина“, мартъ, 1885 г., стр. 480—483 и 489. См. о Лядавскомъ „Opisanie Gubernii Podolskiej“, *Марчинскаго*, т. II, стр. 250—251; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1868 г., № 15, стр. 69, и 1888 г., № 47.
- 89) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1886 г., № 51, стр. 1069.
- 90) „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przedzieckiego*, т. I, стр. 123 и сл.; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1875 г. № 4, стр. 146; „Кіевская Старина“, май, 1884, стр. 20; „Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ“, т. I, стр. 88—92.
- 91) „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przedzieckiego*, т. II, стр. 69 и 70.
- 92) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., стр. 828.
- 93) Сообщено смотрителемъ Каменецъ-Подольскаго духовнаго училища *Н. П. Яворовскимъ*.

- 94) „Бакота, древняя столица Поннзья“, *Е. Стциискаго*, Каменецъ-Подольскъ, 1889 г., стр. 11.
- 95) О Зарубскомъ монастырѣ см. „Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ древнерусской письменности“, *Изв. Изв. Срезневскаго*.
- 96) „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, *Н. Петрова*, въ „Трудахъ Киев. дух. Академіи“, февраль, 1871 г., стр. 354.
- 97) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1888 г., № 47.
- 98) Тамъ же, 1887 г., стр. 828.
- 99) „О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра“, *Антоновича*, въ „Трудахъ VI археологич. съѣзда въ Одессѣ“, т. I, стр. 110.
- 100) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. II, стр. 11 и 12, и т. III, стр. 210.
- 101) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 18.
- 102) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. III, стр. 21; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *М. Симашикевича*, Каменецъ-Подольскъ, 1872 г., стр. 3.
- 103) „Борьба Польши и Литвы - Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе“, *Филевича*, въ „Журн. Мни. Народ. Просвѣщ.“, февраль, 1890 г., стр. 276.
- 104) „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, *Антоновича*, въ „Кіевской Старинѣ“, январь, 1882 г., стр. 7—9; „Смѣна народностей въ южной Русѣ“, *Житецкаго*, тамъ же, сент., 1884 г., стр. 14—16.
- 105) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 58.
- 106) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. I, т. VII, стр. 103; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, *Петрушевича*, Львовъ, 1874 г., стр. 618.
- 107) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., стр. 469.
- 108) См. эту грамоту у Пшездецкаго, т. I, стр. 119—121, и въ приложеніи. Здѣсь обозначенъ день Алексія челоуѣка Божія 17 марта.
- 109) „Историческій очеркъ угро-русскаго народа и угро-русской церкви“, *Ф.*, въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“, 1889 г., № 52.
- 110) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., стр. 28, и 1889 г., стр. 469.
- 111) По польско-католическимъ извѣстіямъ, Юрій Коріатовичъ будто бы основалъ въ Каменцѣ Петропавловскій костель, который въ дѣйствительности построенъ бискупомъ Матеемъ II въ концѣ XV в. См. „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*, стр. 17 и 71. Не построена ли Юріемъ Коріатовичемъ Петропавловская церковь, существовавшая въ Каменцѣ уже въ XVI вѣкѣ? См. о сей церкви ниже, примѣч. 114.
- 112) „Zródła Dziejowe“, tom XIX, *A. Jablonowskiego*, Warszawa, 1889 г., стр. 51, 69, 83.
- 113) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., стр. 828.
- 114) „Отчетъ Трифона Коробейникова въ розданной царской милостыни“, въ 27 выпускѣ „Православнаго Палестинскаго Сборника“, 1888 г., стр. 89.
- 115) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*, стр. 482.
- 116) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 31.
- 117) По словамъ протоіерея *И. М. Скворцова*, ревизовавшаго Подольскую епархію въ 1830 и 1831 гг., при Зицьковской церкви былъ памятникъ Фабиану Котовичу, заложенный потомъ въ церковное крыльцо.
- 118) „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przedzieckiego*, 1841 г., т. II, стр. 34.
- 119) „Описание рукописей церковно-археологич. музея при Кіевской духовной академіи“, *Н. И. Петрова*, вып. III, Кіевъ, 1879 г., стр. 544 и 545.
- 120) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., № 44.
- 121) „Извѣстія церковно-археологич. Общества при Кіевской дух. академіи“ за 1878 г., Кіевъ, 1879 г., стр. 43.

- 122) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1868 г., №№ 18 и 21, и 1883 г., № 9.
- 123) Тамъ же, 1873 г., № 10, стр. 345.
- 124) „Кіевская Старина“, май, 1884 г., стр. 10.
- 125) „Подольск. Епарх. Вѣдомости“, 1869 г., № 12, стр. 539, и 1889 г., № 21, стр. 458.
- 126) Тамъ же, 1889 г., стр. 52.
- 127) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. III, стр. 18.
- 128) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., стр. 759.
- 129) Тамъ же, 1876 г., № 3, стр. 81; „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. I, т. IV, стр. 404.
- 130) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года“, *Молчановскаго*, стр. 314; „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. III, стр. 1431.
- 131) Въ 1553 г. Сигизмундъ II Августъ далъ consensus aedificandi Sinagogam ritus graeci nobilibus Basilio (Blasio), Macaro, Marko (et Havrilo) Snitowski vel ecclesiam..., quam *monaster* vocant, inter oppidum Laticzow et villam ipsorum haereditariam Snytowka... in loco, ubi prius fuit extracta, sed per Tartaros devastata Datum Crakovieae in conventione regni generali. (Сообщено *Н. И. Яворовскимъ*). Этотъ монастырь упоминается у Ерлича подъ 1654 годомъ.
- 132) „Шематизмъ провинціи Св. Спасителя чина Св. Василія Великаго въ Галиціи“, Львовъ, 1867 г., стр. 116.
- 133) „Труды Комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. I, Каменецъ-Подольскъ, 1876—1877 гг., стр. 225 и 226; „Zamezcki Podolskie“, т. III, стр. 8.
- 134) „Шематизмъ“, Львовъ, 1867 г., стр. 107; „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. V, т. I, стр. 585 и 586.
- 135) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., № 21, стр. 694.
- 136) „Шематизмъ“, Львовъ, 1867 г., стр. 102; „Zamezcki Podolskie“, т. III, стр. 102; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., № 36, 37.
- 137) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1868 г., № 22.
- 138) „Борьба Польши и Литвы - Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе“, *Филевича*, въ „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“, февраль, 1890 г., стр. 267, 268, 281, 282, 283 и 285; „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. V, стр. 290, и т. VI, стр. 36.
- 139) Журналъ „Странникъ“, октябрь, 1889 г., стр. 211. См. о Бранловской кормчей XV в. въ изслѣдованіи Розенкамфа о кормчей, изд. 2, стр. 7 и 8.
- 140) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 270.
- 141) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 313, 314; „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, *Антоновича*, въ „Кіевской Старинѣ“, январь, 1882 г., стр. 28—31; „Очерки изъ исторіи литовскаго права“, *Владимірскаго-Буданова*, Кіевъ, 1890 г., вып. I.
- 142) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 314 и 318.
- 143) „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 1431.
- 144) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 318—322.
- 145) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. I, предисловіе, стр. 64, 67 и 70.
- 146) „На Днѣстровскомъ Побережьи“, *Мельника*, въ „Кіевской Старинѣ“, августъ, 1887 г., стр. 639 и 640; „Побожье въ XVII и XVIII вв.“, *д-ра Антонія I*, тамъ же, сентябрь, 1890 г., стр. 457.
- 147) „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, *Владимірскаго-Буданова*, въ „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“, сент., 1868 г., стр. 757, 758.
- 148) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 142, 143, 144.
- 149) „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XV по XVI столѣтіе“, *Антоновича*, въ

„Кіевской Старинѣ“, янв., 1882 г., стр. 32 и 34; „Смѣна народностей въ южной Руси“, *Житецкаго*, тамъ же, сент., 1884 г., стр. 10.

150) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 212 и 217.

151) По нашему личному наблюденію, она представляетъ большое сходство съ Смоленскою иконою Богородицы.

152) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 230 и 231; „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 269.

153) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 266 и 267; „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 345.

154) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 341—343; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 15 и сл., 58—61; „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Волинское наслѣдіе“, *Филевича*, въ „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“, февр., 1890 г., стр. 302.

155) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 384—387; „Materiały archiwalne wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku“, *A. Prochaska*, Lwow, 1890, стр. 70 и 71.

156) Тамъ же, стр. 382; „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przegdzieskiego*, Wilno, 1841 г., т. I, стр. 127.

157) „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, по указателю къ этому тому; „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 165.

158) „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, *Владимірскаго-Буданова*, въ „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“ 1868 г., сентябрь, стр. 799—801, ноябрь, стр. 520, 521 и др.; „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. V, т. I, предисловіе *В. Антоновича*; „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przegdzieskiego*, т. I, стр. 154—156, 161 и 162.

159) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VI, т. II, предисловіе, стр. 5, 8 и слѣд.; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 24.

160) „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“, *Молчановскаго*, стр. 340 и 345; „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *И. Чистовича*, т. I, стр. 178.

161) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. VI, стр. 36, и т. IX, стр. 22, 131, 203, 205, 216, 217, 237, 239—243, 248, 379 и 380, и т. X, стр. 248; „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“, февр., 1890 г., стр. 283 и 285; „Акты Зап. Рос.“, т. III, № 146.

162) „Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ“, 1886 г., т. I, стр. 91 и 92.

163) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1867 г., № 4, стр. 111—113.

164) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. IX, стр. 30 и 31.

165) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 72 и 73.

166) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. I, предисловіе, *Владимірскаго-Буданова*, стр. 8 и 9.

167) Люблинскій съѣздъ 1569 г., *И. И. Малышевскаго*, въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, изд. *П. Н. Батюшкова*, вып. VIII, стр. 167, 168, 188 и 189.

168) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. IX, стр. 402; „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 1336—1337.

169) „Грановщина“, *В. Б. Антоновича*, въ „Кіевской Старинѣ“, январь—мартъ 1888 г., стр. 79 и 80; окт. 1889 г., стр. 104.

170) „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przegdzieskiego*, т. II, стр. 96 и сл.

171) „Старая Брацлавщина и ея люди“, *Ц. Г. Неймана*, въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь, 1889 г., стр. 105.

172) „Кіевская Старина“, августъ, 1890 г., стр. 266.

173) „Старая Брацлавщина и ея люди“, *Неймана*, въ „Кіевской Старинѣ“, октябрь, 1889 г., стр. 103 и сл.

174) Кляшторы: францисканскій Каменецкій, доминиканскіе Каменецкій, Смо-

тричскій и Червоногородскій (въ Галиціи) при Коріатовичахъ; бенедиктинскій въ м. Яловцѣ въ Галиціи, 1477 года. Костелы: каедральный въ Каменцѣ, въ Чернокозничкахъ—при Коріатовичахъ; въ Зиньковѣ 1450 г., Орининѣ, 1474 г.; пять костеловъ—Св. Креста, Петропавловскій, Св. Станислава, Св. Дѣвы и Св. Екатерины въ Каменцѣ, между 1472—1492 гг.; въ Городкѣ 1496—1500 гг.; въ Брацлавѣ до 1518 г., Межибожѣ 1546 г., Тиннѣ около того же времени. См. „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, 1872 г., стр. 17, 26, 53, 63, 71, 73, 77, 78, 90—93 и прилож. стр. 507; „Opisanie gubernii Podolskiej“, *Марчинскаго*, т. I, стр. 208, 333, 341, 600; т. II, стр. 54 и др.; „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 967, 972, 1004 и 1030; „Ordo divini officii ad usum diocesis Luceoriensis et Żytomiriensis“, на 1876 г., въ Варшавѣ, стр. 45.

175) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, 1872 г., стр. 117, 118, и 120; „Zameczki Podolskie“, т. III, стр. 51 и сл.

176) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 97, 100, 103, 124—128, 131, 148, 149, 192, 210, 367, 468—472, 507 и 508; „Opisanie gubernii Podolskiej“, *Марчинскаго*, т. I, стр. 293, 325; т. II, стр. 245 и 289; „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 1002, 1005, 1029, 1055; „Ordo“ на 1876 г., стр. 47—50, 55 и 58.

177) Эти кляшторы и костелы суть слѣдующіе: костель въ Хмельницѣ въ 1609 г.; доминиканскій женскій кляшторъ пресв. Богородицы въ Каменцѣ въ 1611 г.; доминиканскіе костелы въ м. Тырвовѣ, въ м. Мурафѣ около 1612 г.—Ядвигой Бѣлжецкой; костель въ Мукаровѣ въ 1613 г.; доминиканскій кляшторъ въ Яцкополѣ около 1620 г.; кармелитскіе въ Каменцѣ въ 1623 г.—Екатериной Цеклинской, и въ Воньковцахъ—Софіей Тышкевичъ; доминиканскій въ Черленковѣ до 1624 г., переведенный въ 1630 г. въ Винницу; костель въ Черчи—бискупомъ П. Пясецкимъ, въ Копаи городѣ въ 1635 г.—Мясковскимъ; доминиканскій въ Нестерварѣ (Тулчинѣ) около 1636 г.—винницкимъ старостой Адамомъ Калиновскимъ; костель въ Дунаевцахъ до 1639 г.—Конечпольскимъ; доминиканскій въ м. Пилявѣ около 1640 г.; бернардинскій въ Гусятинѣ около 1640 г.—Мартиномъ Калиновскимъ; въ Чернівцахъ—Конечпольскимъ и въ Старой-Сенявѣ въ 1640 г.; въ Тарнорудѣ—Сенявскимъ въ 1643 г.; въ г. Залѣсахъ въ 1648 г.—Залѣскимъ; костель въ Сатановѣ; кармелитскій кляшторъ въ 1654 г. и францисканскій въ 1662 г. въ Барѣ; бонифратрскій въ Каменцѣ въ 1667 г.—Гавриломъ Сальвицикимъ; бернардинскій въ Гусятинѣ въ 1685 г.—Потоцкимъ; тринитарскій въ Каменцѣ въ 1699 году, имѣвшій задачей выкупъ плѣнныхъ. См. „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 131, 132, 196—198, 210, 216, 220, 221, 224, 225, 232, 279 и 508; „Opisanie gubernii Podolskiej“, *Марчинскаго*, т. I, стр. 259, т. II, стр. 244, 283; т. III, стр. 109; „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 1050 и 1371; „Ordo“ на 1876 г., стр. 45, 47, 49, 54, 56, 57; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 142, 161, 281, 291; т. III, стр. 147; „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. I, стр. 218.

178) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 47, 227—229 и 232.

179) „Кіевская Старина“, январь—мартъ 1888 г., стр. 77.

180) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. X, стр. 66; Римское католичество и его ерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 235 и 236.

181) „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, по указателю; св. „Zameczki Podolskie“, т. III, въ разныхъ мѣстахъ.

182) „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 158, 160, 164 и др.; „Вольвь“, изд. *Батюшкова*, 1888 г., стр. 118.

- 183) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 237 и 238.
- 184) „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 278. О началѣ и развитіи права патронатства см. „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. IV, стр. 5 и слѣд.
- 185) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 234 и 235.
- 186) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. IV, стр. 14.
- 187) „Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ“, изд. *Батюшкова*, вып. VIII, стр. 196; „Волянъ“, изд. *его же*, стр. 120, 127 и 128.
- 188) Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 114 и 115; „Акты“ Зап. Россіи“, т. III, № 146.
- 189) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., № 43.
- 190) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 195.
- 191) „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 1024.
- 192) „Шематизмъ“ на 1867 г., стр. 116.
- 193) „Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. III. Каменецкая Св. Іоанно-Предтеченская церковь (Старый Соборъ)“, *свящ. Е. Стцинскаго*, Каменецъ-Подольскъ, 1890 г., стр. 20, 21 и др. Мы, впрочемъ, не убѣждаемся доводами автора, будтобы Василій Ласовецкій построилъ въ XVI вѣкѣ Каменецкую Предтеченскую церковь: онъ могъ называться фундаторомъ ея лишь потому, что далъ ей фундушъ, состоявшій изъ усадьбы.
- 194) „Starożytna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II, стр. 1010 и 1056; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 202.
- 195) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 129 и 130.
- 196) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, *Петрушевича*, Львовъ, 1874 г., стр. 399.
- 197) „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 283.
- 198) „Шематизмъ“ на 1867 г., стр. 102, 105 и 106; „Исторія русской церкви“, *Филарета*, т. IV, стр. 313.
- 199) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 54, 289, 290 и 473.
- 200) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XI, стр. 43 и 44.
- 201) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. XI, стр. 423, 432, 445 и 446.
- 202) „Труды комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи“, вып. IV, 1889 г., стр. 192 и 193.
- 203) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 492.
- 204) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 166.
- 205) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 87 и 574.
- 206) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. III, стр. 8.
- 207) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 618 и 686.
- 208) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., № 41.
- 209) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 39 и др.
- 210) „Памятная книжка Подольской губерніи на 1859 годъ“, стр. 10; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., № 44, и 1883 г., № 11.
- 211) „Древнѣйшія церкви въ Подоліи. III. Каменецкая Св. Іоанно-Предтеченская церковь“, *свящ. Е. Стцинскаго*, 1890 г., стр. 18.
- 212) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 618.

213) „Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать помѣщаемое ниже посланіе епископа Іеремиі Тиссаровскаго, 1618 г., къ шаргородскимъ мѣщанамъ по церковнымъ дѣламъ. Кромѣ того, въ патриаршей грамотѣ 1644 г., помѣщенной въ приготовляемомъ къ издавію *С. Т. Голубевымъ* II томѣ его исслѣдованія „Петръ Могила“ упоминается братство города тоѣ Шаргород. Думаемъ, что это названіе города наиболѣе соответствуетъ Шаргороду.

214) „Zamezki Podolskie“, т. III, стр. 222.

215) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 года.“, *Петрушевича*, стр. 90. По составленіи текста книги, вышли въ свѣтъ „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“, *С. Голубева*, вып. 1, Кіевъ, 1891 г., гдѣ приводится грамота кіевского митрополита Іова Борецкаго отъ 9 ноября 1626 г. на учрежденіе въ г. Немировѣ братства при храмѣ Воскресенія, упоминающая также о братствѣ Винницкомъ, какъ уже существовавшемъ въ то время (стр. 76—78).

216) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. IX, 216, 217, 237—248.

217) „Монографія“, *Антоновича*, т. I, стр. 346; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1883 г., № 1, и 1886 г., № 51.

218) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., № 44.

219) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. VI, стр. 339.

220) „Православный Палестинскій Сборникъ“, 27-й выпускъ, стр. 89.

221) „Обзоръ русской дух. литературы“, *Филарета*, над. 3-е, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 167, 219 и сл.; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. IX, стр. 385; „Истор. русской церкви“, *Макарія*, т. X, стр. 194, и т. XI, стр. 222—227.

222) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 32.

223) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. X, стр. 464.

224) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., №№ 45 и 46.

225) Подлинникъ, писанный польскими буквами, съ датой наоборотъ 30 сентября 1681 (т. е., вѣроятно, тысяча шестьсотъ восемнадцатого) года, хранился въ бібліотекѣ Каменецъ-Подольской дух. семинаріи; въ русской транскрипціи сообщень *И. Янушевскимъ*.

226) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. XI, стр. 424. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о семъ явились, уже по напечатаніи текста нашей книги, въ „Матеріалахъ для исторіи западно-русской церкви“, *С. Голубева*, вып. 1, стр. 67—70.

227) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 90.

228) „Исторія русской церкви“, *Макарія*, т. XI, стр. 371.

229) Бакотинскій, существовавшій, какъ мы видѣли, еще при Коріатовичахъ, присоединень къ Добрянскому въ Галиціи лишь въ 1744 г. См. „Шематизмъ провинціи Св. Спасителя“... на 1867 г., стр. 135.

230) Существовалъ въ 1648 г. См. „Подольск. Епар. Вѣд.“, 1863 г., № 18, стр. 727, и 1875 г., № 12, стр. 362.

231) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. I, стр. 225 и 226.

232) Коржовецкій, основанный княземъ Корибутомъ-Вороневскимъ, приписанъ къ Сатановскому монастырю въ 1745 году. См. „Шематизмъ“ на 1867 г., стр. 116; „Труды Кіев. дух. академіи“, февраль, 1871 г., стр. 353.

233) Лядавскій, упоминаемый нами раньше, какъ одинъ изъ древѣйшихъ, приписанъ къ Шаргородскому въ 1745 г. См. „Труды Кіев. дух. акад.“, февр., 1871 г., стр. 354.

234) „Подольск. Еп. Вѣдом.“, 1875 г., № 17, стр. 503. Въ 1745 г. приписанъ къ Каменецкому кафедральному. См. „Труды Кіев. дух. акад.“, февр., 1871 г., стр. 353.

235) О Сатановскомъ см. выше, примѣч. 217. Снитовскій же, повидимому,

въ качествѣ приходской церкви, упоминается въ 1654 г. См. „Сводная лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 537.

236) „Подольск. Еп. Вѣд.“, 1873 г., № 10, стр. 345, и 1875 г., № 20, стр. 585.

237) О Бершадскомъ и Винницкомъ см. выше въ этой главѣ. Головчинскій же, основанный раньше 1555 г., присоединенъ къ Барскому въ 1744 году. См. „Шематизмъ“ на 1867 годъ, стр. 107.

238) Существовавшій еще въ XVI в. Голодьковскій монастырь упоминается и въ 1738 году. См. „Подольск. Епарх. Вѣд.“, 1869 г., № 12, стр. 539, и 1889 г., № 21, стр. 458.

239) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., № 21, стр. 694 Вѣроятно, разрушенъ турками въ концѣ XVII в. вмѣстѣ съ Ладыжиномъ.

240) „Подольск. Епарх. Вѣд.“, 1876 г., № 3, стр. 81.

241) Тамъ же, 1868 г., № 22.

242) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 153, 161, 165, 167, 305, 316, 317, 503, 504, 514, 525, 550, 551; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1886 г., № 22; „Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы, *Л. М. Стрובה*“, изд. *А. Ф. Бычковымъ*, С.-Петербургъ, 1882 г., стр. 72 и 73.

243) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 27, стр. 630—632.

244) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 195 201, 243, 262, 367 и 390; „Труды комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи“, вып. III, стр. 11 и 15.

245) „Богданъ Хмельницкій“, *Н. И. Костомарова*, С. Петербургъ, 1884 г., т. I, стр. 5—9 и 21; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. VII, стр. 31 и 32; „Иванъ Подкова“, *Любовича*, въ „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1878 г., № 18 и 19.

246) „Богданъ Хмельницкій“, *Костомарова*, т. I, стр. 23—26, 41—43, 54, 58, 59, 61, 62, 64—70, 302, 318, 319, 321—327, 329, 332, 333, 339, 340, 364 и 365; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. X, стр. 207, 209 и 212; „Кіевская Старина“, январь, 1883 г., стр. 181—183; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*, стр. 235; „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, т. I, стр. 219.

247) „Богданъ Хмельницкій“, *Костомарова*, т. II, стр. 88, 89, 91, 93, 94, 166, 169—172; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. X, стр. 226 и 227; „Труды комитета для историко-стат. описанія Подольской епархіи“, т. I, стр. 219.

248) „Богданъ Хмельницкій“, *Костомарова*, т. II, стр. 201—203, 219 и 220. О населенности этихъ полковъ въ 1654 году см. „Кіев. Старину“, июль, 1888 г., стр. 97 и 98.

249) „Богданъ Хмельницкій“, *Костомарова*, т. II, стр. 216—218, 230, 231, 251, 252, 280—285, 288—298, 300, 305—309, 311, 400, 402, 403, 435—437; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. X, стр. 257.

250) „Богданъ Хмельницкій“, *Костомарова*, т. III, стр. 1—6, 10, 12, 16, 19, 32—34, 43, 44, 51, 60, 70, 71, 75, 76, 83, 89—95, 98—103 и сл., 117, 118, 120, 121, 129, 130, 153, 154, 158—161, 176, 181—183, 186—197, 199, 202, 212, 213, 220, 221, 231, 234, 238, 241, 242, 249, 266, 267, 269—271, 281; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. X, стр. 268, 269, 280, 331, 379 и слѣд.; „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, т. III, стр. 221.

251) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XI, стр. 37, 38, 111—113, 129 и 133; „Гетманство Выговскаго“, *Н. И. Костомарова*, С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 59, 69 и сл.; „Zameczki Podolskie“, т. III, стр. 147 и 206; Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 560; „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 666; „Историч. дѣятели Юго-Зап. Россіи“, *Антоновича* и *В. А. Беца*, вып. 1, Кіевъ, 1883 г., стр. 26, 36, 50 и слѣд.

- 252) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XI, стр. 156—158 и 164; „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 667.
- 253) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XI, стр. 177 и 178; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 583; „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 667; „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, т. III, стр. 5.
- 254) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XI, стр. 211—213 и 218.
- 255) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 590 и 591.
- 256) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XII, стр. 31—35, 38 и 55.
- 257) „Волинь“, изд. *Батюшкова*, стр. 184.
- 258) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XII, стр. 82, 84 и 88; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 607; „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 667 и 668.
- 259) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 591, 612, 613 и 616; „Zameczki Podolskie“, т. III, стр. 149, 150 и 206; „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 668 и 669; „Историческіе дѣятели Юго-Зап. Россіи“, *Антоновича* и *Беца*, вып. I, стр. 70—81.
- 260) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XII, стр. 124—127 и 131; „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przegdzieskiego*, т. I, стр. 171—180; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 117—120.
- 261) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 142—151; т. III; стр. 106; „Кіевская Старина“, декабрь 1885 г., стр. 654.
- 262) „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 654—656.
- 263) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XII, стр. 78, 79 и 133.
- 264) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 154 и 155, т. III, стр. 155; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 627.
- 265) „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 671, и августъ 1887 г., стр. 655.
- 266) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XII, стр. 149—151, 162—164, 247; „Podole, Wolyń, Ukraina“, *Przegdzieskiego*, т. II, стр. 14; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 156; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 627 и 637; „Труды комитета для историко-статистич. описанія „Подольской епархіи“, т. III, стр. 5; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 27.
- 267) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIII, стр. 249 и 255.
- 268) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 640; „Историч. дѣятели Юго-Зап. Руси“, *Антоновича* и *Беца*, вып. 1, стр. 33.
- 269) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIII, стр. 270 и 271.
- 270) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 640; „Кіевская Старина“, май 1885 г., стр. 27—29, и августъ, 1887 г., стр. 657.
- 271) „Волинь“, изд. *Батюшкова*, 1888 г., стр. 188; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 156, 157 и 161, т. III, стр. 64. „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 655, 656 и 658; „Zameczki Podolskie“, т. III, стр. 208 и 209; „Кіевская Старина“, май, 1885 г., стр. 27—29, декабрь, 1885 г., стр. 671, и августъ, 1887 г., стр. 658.
- 272) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIV, стр. 14 и 15; „Историч. дѣятели Юго-Зап. Россіи“, *Антоновича* и *Беца*, вып. I, стр. 33 и 34; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 159 и 160.
- 273) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, *Петрушевича*, стр. 659.
- 274) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIV, стр. 15, 36 п 53.
- 275) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 162 и 163.
- 276) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIV, стр. 52, 53 и 57.
- 277) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 163—166.
- 278) „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 658 и 659.
- 279) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIV, стр. 160.

- 280) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 г.“, стр. 668, 670 и 671; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 168, т. III, стр. 37 и слѣд.
- 281) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 168—170.
- 282) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XIV, стр. 209 и слѣд., 302 и 303; „Чтенія по исторіи западной Россіи“, *Колловича*, С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 264.
- 283) „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. III, т. 3, предисловіе, стр. 1.
- 284) „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 657—659; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 238.
- 285) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 312—314.
- 286) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XV, стр. 17, 18, 23, 37—41, 160, 176, 177, 301; „Послѣднія времена казачества“, *В. В. Антоновича*; „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 659—667; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 201, 210, 211.
- 287) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XVI, стр. 41, 42, 62, 69, 77, 79, 85, 91 и 101; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 184; „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 667 и 668.
- 288) „Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій“, *А. Гиларевскаго*, въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, апрѣль, 1889 года.
- 289) „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 180, 184 и слѣд.; „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 668.
- 290) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VI, т. 2, предисловіе, стр. 47, 48, 52 и 53.
- 291) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. IV, стр. 37 и 38.
- 292) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 354.
- 293) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. III, стр. 43 и сл., и вып. IV, стр. 17, 25 и 37.
- 294) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Колловича*, С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 6.
- 295) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. II, стр. 92.
- 296) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 209 и 210; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.“, *Петрушевича*, стр. 112.
- 297) „Исторія воссоединенія униатовъ старыхъ временъ“, *Колловича*, стр. 6 и 8; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.“, *Петрушевича*, стр. 152 и 175.
- 298) „Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василія Великаго въ Галиціи“, на 1867 годъ, стр. 260--264; „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.“, *Петрушевича*, стр. 60—63.
- 299) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 112.
- 300) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 346.
- 301) „Подольскія Епарх. Вѣдом.“, 1875 г., № 17, стр. 503 и слѣд.; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 236, 237.
- 302) „Подольскія Епарх. Вѣдом.“, 1874 г., № 8, стр. 187 и слѣд.
- 303) „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *Чистовича*, С.-Петербургъ, 1884 г., ч. II, стр. 304; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 237; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 303 и 304.
- 304) „Шематизмъ провинціи св. Спасителя..... на 1867 г.“, стр. 112; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 237.
- 305) „Шематизмъ провинціи св. Спасителя... на 1867 г.“, стр. 102, 112 и слѣд.; „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, *Петрова*, въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“, февраль, 1871 г., стр. 352--354; „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. 3, стр. 181.

- 306) „Подольскія Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 21, стр. 458.
- 307) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. 3, стр. 181.
- 308) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., № 23, стр. 759.
- 309) Тамъ же, № 4, стр. 135, и 1889 г., № 31.
- 310) „Шематизмъ провинціи св. Спасителя.. на 1867 годъ“, стр. 135.
- 311) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“; вып. 3, стр. 96.
- 312) О Машковскомъ см. „Шематизмъ“ на 1867 г., стр. 120; о Рошковскомъ и Шелеховскомъ сообщено свящ. *Е. I. Стцинскимъ*.
- 313) „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *Чистовича*, ч. II, стр. 355 и 383.
- 314) „Краткія свѣдѣнія о положеніи базилианскаго ордена“, въ „Трудахъ Кіев. духн. акад.“ окт., 1868 г., стр. 113; см. „Труды Кіев. дух. акад.“, февр., 1872 г., стр. 234.
- 315) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 372.
- 316) „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 237—242.
- 317) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. III, стр. 43 и слѣд.
- 318) „Монографіи“, *Антоновича*, т. I, стр. 336—341.
- 319) „Волянъ“, над. *Батюшкова*, стр. 222.
- 320) „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 г.“, *Петрушевича*, стр. 188, 194, 198 и 199; „Исторія воссодиненія униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 6 и 7; „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *Чистовича*, ч. II, стр. 382—385.
- 321) Вотъ перечень извѣстныхъ намъ костеловъ и кляшторовъ за это время: армянскій св. Григорія въ Каменцѣ 1708 г.; доминиканскій женскій кляшторъ въ Каменцѣ 1713 г.; костель въ Старой Сенявѣ, основанный въ 1716 году Адамомъ Сенявскимъ; костель въ Тлустомъ, освященный въ 1717 г.; костель въ Зиньковцахъ, каплица въ Вербовцѣ—М. Подчаскимъ; костелы: въ Деражнѣ—Любомирскимъ, Тарнорудѣ въ 1719 г., въ Каменцѣ, Пłosкинровѣ (Шроскурровѣ) и Черномъ Островѣ въ 1720 году; въ с. Михалковцахъ—Вржещами въ 1720 г.; въ Грановѣ—Адамомъ Сенявскимъ въ 1723 г.; доминиканскіе кляшторы въ Соколицѣ—С. Гумецкимъ въ 1723 г., въ Солобковцахъ въ 1729 г.—Гумецкимъ; новый тринитарскій костель въ Брацлавѣ въ 1730 г.; костелы: въ Улановѣ—Иосифомъ Чесновскимъ въ 1731 г.; въ Залѣсцахъ, Китай-городѣ, Вербовцѣ, Михалполѣ, Фульштинѣ и Скалѣ при бискупѣ Говіѣ, 1722—1732 г.г.; въ Жванцѣ—королевой въ 1740 г.; тринитарскій кляшторъ въ Браиловѣ—Францискомъ Потоцкимъ въ 1740 или 1744 г.; костелы въ Озарянцахъ—Дѣдушицкимъ въ 1741 г.; въ Могилевѣ армянскій въ 1742 или 1743 г.; кляшторы: капуцинскій въ Збрижѣ—Адамомъ Тарю въ 1744 г., капуцинскій въ Винницѣ—Калиновскимъ около 1745 г.; францисканскій въ Комаргородѣ—княземъ Янушемъ Четвертинскимъ въ 1746 г.; кармелитскій въ Воньковцахъ около 1746 г.; кармелитскій со школою въ Купинѣ—Александромъ Стадницкимъ въ 1747 г.; костелы въ Красномъ—княземъ Иосифомъ Любомирскимъ въ 1747 г., въ Кумановѣ—Францискомъ Стадницкимъ въ 1750 г., въ Тарнорудѣ—Чарторыйскими и Любомирскими въ 1750 г.; въ Литинѣ, въ Томашполѣ—Свидзинскимъ; въ Тиннѣ каменный—Тересой изъ Поцѣвѣвъ Гумецкой; въ Ямполѣ—Екатериною Орловскою около половины XVIII вѣка; капуцинскій въ Дунаевцахъ въ 1751 г., кляшторъ или госпиталь сестеръ милосердія въ Городкѣ—Яномъ Замоискимъ въ 1754 г.; бернардинскій въ Яновѣ—Саломеей Холеневскою въ 1754 г., кармелитскій въ Барѣ—Любомирскими въ 1759 г., бернардинскій въ Яромлиницахъ—Павломъ Старжинскимъ въ 1761 г.; костелы—новый въ Фульштынѣ—Маріанною Калиновскою въ 1763 г.; въ Лучинцѣ—Мих.

Ржевусскимъ въ 1764 г., армяно-католическій въ Каменцѣ въ 1767 г., въ Николаевѣ—Августомъ Чарторыйскимъ въ 1770 г., капуцинскій въ Кунѣ—Ярошинскими въ 1773 году; костелы—въ Ярышевѣ—Доминикомъ Колоковскимъ въ 1773 г.; въ Пинювѣ—Антоніемъ Любомирскимъ и въ Снитковѣ въ 1774 г.; новый костель въ Китай-городѣ—Доминикомъ Кроковскимъ въ 1775 г., въ Ворошиловкѣ—Бонковскимъ въ 1776 г., Францисканскій въ Воньковцахъ въ 1780 г., въ Мястеовкѣ—Бѣльскимъ въ 1783 г., въ Чечельниѣ—Іосифомъ Любомирскимъ и въ Рашковѣ—Андреемъ Христофовичемъ въ 1786 г., францисканскій въ Городкѣ въ 1787 г., въ Новомъ Константиновѣ—Ржевусскимъ въ 1788 г., въ Кутковдахъ—Кидкимъ и въ Маньковцахъ—Домб-скимъ въ 1789 г., капуцинскій въ Дунаевцахъ—Потоцкимъ въ 1790 г., костель въ Миньковцахъ въ 1790 г., бернардинскій въ Ярмолинцахъ—Орловскимъ въ 1791 г.; новый костель въ Фульштынѣ—бискупомъ А. Красинскимъ въ 1791 г., костель въ Вороновицѣ—Михиломъ Грохольскимъ въ 1793 году. См. „Opisanie gubernii Podolskiej“, *Marczyński*; „Staryutna Polska“, *Балинскаго* и *Липинскаго*, т. II; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*; „Ordo divini officii“ на 1876 годъ; „Podole, Wolyń, Ukraina, *Przedzieckiego*, т. II, стр. 21 и 35; „Zameczki Podolskie“, т. II и III; „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 674.

322) „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“, *П. Д. Браницева*, Вильно, 1889 г., стр. 542 и 543.

323) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. VII, т. II, предисловіе стр. 32 -- 35; „Zameczki Podolskie“, т. I, стр. 183, 184.

324) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 7 и др.; „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 215, 216 и 218; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., №№ 20—22.

325) См. указъ св. Синода отъ 16 іюля 1739 года въ дѣлахъ Батуринской протопопії,—рукопись церковно-археологич. музея при Кіевской дух. академіи, по каталогу № 650.

326) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 7.

327) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. III, предисловіе, стр. 6, 7, 11, 17.

328) „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *Чистовича*, ч. II, стр. 63.

329) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. III, предисловіе, стр. 100—108; „Кіевская Старина“, августъ, 1887 г., стр. 669, 671 и 672, ноябрь, 1890 г., стр. 311 и 312.

330) „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *Чистовича*, ч. II, стр. 64.

331) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. III, предисловіе, стр. 108—110.

332) „Zameczki Podolskie“, т. III, стр. 279.

333) „Архивъ Юго-Зап. Россіи“, ч. III, т. III, предисловіе, стр. 111 — 113, 116, 120—128, 27, 96 и 97.

334) „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, *Чистовича*, ч. II, стр. 51, 52, 63 и 64.

335) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 11, 16—18, 24—32, 34, 37—47, 51, 52—55, 59, 60, 67, 68, 70, 74—85.

336) Тамъ же, стр. 72 и 73; „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XXVII, стр. 253 и 254; „Монографіи Антоновича“, т. I, стр. 334.

337) „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“, *Браницева*, стр. 563; „Zameczki Podolskie“, т. III, стр. 175 и слѣд.

338) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XXVII, стр. 295—300; „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 225.

- 339) „Кіевская Старина“, апрѣль, 1890 г., стр. 52; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*, стр. 275.
- 340) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XXVII, стр. 290, 299 и 300. Шило спокойно возвратился въ Сѣчь и сдѣлалъ для Сѣчевой церкви икону Господа Вседержителя, нынѣ находящуюся въ Кіевскомъ церковно-археологич. музеѣ.
- 341) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“; *Кояловича*, стр. 104; „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 554.
- 342) „Кіевская Старина“, декабрь, 1885 г., стр. 673 и 674, и августъ, 1887 г., стр. 673.
- 343) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XXVII, стр. 278 — 283, 290, и т. XXVIII, стр. 55; см. „Zamezki Podolskie“, т. III, стр. 20, 21, 181 и сл., 186.
- 344) „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, *Петрова*, въ „Трудахъ Кіев. дух. академіи“, февраль, 1872 г., стр. 175 и 176.
- 345) „Исторія Россіи“, *Соловьева*, т. XXVIII, стр. 23 и слѣд.
- 346) „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена“, *Петрова*, въ „Трудахъ Кіев. дух. акад.“, февраль, 1872 г., стр. 176.
- 347) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 104—106, 108—111, 139, 141, 146 и 147.
- 348) „Кіевская Епарх. Вѣдом.“, 1867 г., стр. 708.
- 349) „Движеніе униатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіѣ и Іовѣ“, *С. Лобатынскаго*, въ „Подольскихъ Епарх. Вѣдом.“ за 1889 годъ и особой брошюрой; „Истор. воссоедин. униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 146.
- 350) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 153, 158—161, 163, 166 и 167.
- 351) „Труды комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. IV, стр. 38.
- 352) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 168—170.
- 353) Извлечено изъ архива дух. консисторіи *Н. И. Яворскимъ*.
- 354) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 171 — 179; „Труды Комитета для историко-статистич. описанія Подольской епархіи“, вып. III, стр. 83.
- 355) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 215 и сл., 280, 283, 291, 314, 323; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*, стр. 377.
- 356) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 228.
- 357) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашикевича*, стр. 385.
- 358) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 575.
- 359) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 344 и 346.
- 360) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 575 и 576.
- 361) „Матеріалы для исторіи Подольской губерніи (1792—1796 г.), вып. I, Каменецъ-Подольскъ, 1885 г., стр. 5, 9, 11 и 152.
- 362) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 576.
- 363) „Матеріалы для исторіи Подольской губерніи, 1792—1796 г.“, вып. I., Каменецъ-Подольскъ, 1885 г., стр. 17 и 19.
- 364) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 361.
- 365) „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 281.

366) „Исторія воссоединенія западно-руськихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Колловича*, стр. 367.

367) Извлечено изъ архива Подольской дух. консисторіи *В. Лосицкимъ* въ рукописномъ кандидатскомъ сочиненіи его „Подольскіе архіереи со времени учрежденія епархіи Подольской и Брацлавской (въ 1795 г.)“, 1887 года.

368) „Матеріалы для исторіи Подольской губерніи“, вып. I, стр. 27, 96, 97, 5, 288, 141, 142, 180, 188, 192, 197 и 198; см. „Opisanie Podolskiew gubernii“, *Марчинскаю*, т. I, стр. 185 и 186. Впослѣдствіи времени это административное дѣленіе края измѣнялось нѣсколько разъ. Павелъ I, указомъ 12 декабря 1796 года, повелѣлъ изъ бывшей польской Украины, Волини и Подолін, за отдѣленіемъ достаточнаго количества душъ и окружности для Кіевской губерніи, образовать двѣ губерніи—Волинскую и Подольскую. По штату, изданному 31 декабря того же года, Подольская губернія составлена изъ 12-ти повѣтовъ или уѣздовъ; Каменецъ-Подольскъ оставленъ былъ въ ней губернскимъ городомъ. Въ 1797 году, 29 августа, при назначеніи границъ губерніямъ Малороссійской, Волинской и Подольской, къ послѣдней, къ оставшимся уѣздамъ Каменецкому, Ушицкому, Вербовецкому, Гродецкому, Зиньковскому, Летичевскому и Проскуровскому присоединены: отъ упраздненнаго Вознесенскаго намѣстничества уѣздъ Ольгопольскій (Чечельницкій) и части уѣздовъ Богояпольскаго, Тираспольскаго и Еленскаго (Балтскаго), и отъ бывшаго Брацлавскаго намѣстничества округи или уѣзды Брацлавскій, Винницейскій, Литинскій, Хмельницкій, Гайсинскій, Тульчинскій, Ямпольскій, Могилевскій и Бершадскій. Наконецъ, 19 іюня 1804 года, изданъ новый и послѣдній штатъ Подольской губерніи съ нынѣшними 12-ю повѣтами или уѣздами. См. *Марчинскаю*, т. I, стр. 140.

369) Въ равное время, между 1793 и 1795 годами, въ Подольской и Брацлавской губерніяхъ отданы были населенныя имѣнія слѣдующимъ лицамъ: генераль-майору Ираклію Моркову — староство Сальницкое, села Кукавка, Олчедаевъ и Пеньковка; графу Безбородку — староство Хмельницкое; дѣйствительному тайному совѣтнику Стрѣкалову — староства Куцкое и Ласковицкое; тайному совѣтнику Моркову — староства Каменецкое и Летичевское; статскому совѣтнику Дмитрію Трошинскому — староства Вербовецкое и Хрептивское; коллежскому совѣтнику Андрею Алгести — староство Литицкое; племянникамъ князя Потемкина-Таврическаго, графинѣ Александрѣ Браницкой и графинѣ Екатеринѣ Скавронской, за услуги дяди ихъ, — фольваркъ Пилевскій съ деревнями, староство Скальское и принадлежавшія каменецкому бискупу и его капитулѣ имѣнія — села Чернокозинцы, Зиньковцы, Шустовцы, Ниверка, Безносковцы, мѣстечко Черче, село Нѣгинь, часть села Милявецъ, села Хропотово, Степановка, Демковцы и Почапинцы; графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому — село Серебринецъ съ деревнями; графу И. Е. Ферзену — староство Просятковское; волинскому губернатору Шереметеву — староства Ушицкое и Теремецкое или Бакотское; брацлавскому губернатору Берхману — староство Маркушевское; надворному совѣтнику Карлу Лангу — Голенищевское староство, надъ Збручемъ; коллежскому ассесору Филипу Четверикову — староство Цытковское; секунд-майору Степану Качерину — староство Горчичанское; коллежскому совѣтнику Петру Обрѣскову — мѣстечко Ожиговцы съ деревнями; подполковнику Андрею Ставискому — староства Бакотское и Семаковское; графу Эстергази — староство Таборовское, села Лука, Маяновъ, часть села Витавы, село Загорцы и часть села Михайловки и село Нишовцы, и проч.

370) „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 142, 156—158, 180, 184, 185, 188, 209, 215, 216, 268, 269, 234, 262, 97, 90.

371) Тамъ же, стр. 90, 97—99, 238, 239; „Исторія воссоединенія западно-руськихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Колловича*, стр. 353, 358, 359, 361.

- 372) „Краткія свѣдѣнія о положеніи базилианскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи съ 1772 до 1811 года“, въ „Трудахъ Кіев. дух. академіи“, іюль, 1868 г., стр. 164.
- 373) „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 102—105; „Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи“, вып. IV, стр. 39.
- 374) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 240 и 242.
- 375) „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 105; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., стр. 512 и 513.
- 376) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 244; „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, *А. Н. Попова*, С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 71—73.
- 377) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., № 5, и 1885 г., № 9.
- 378) „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 136 и 137.
- 379) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 369 и 370.
- 380) Извлечено *В. Лосицимъ* изъ дѣла Подольской дух. консисторіи 1834 г. о поступленіи магистра Гадзинскаго во священникъ.
- 381) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1873, № 16, и 1885 г., № 22.
- 382) Тамъ же, 1873 г., № 5, стр. 183 и 186.
- 383) Тамъ же, 1873 г., № 6, и 1885 г., № 22; „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 370.
- 384) „Краткія свѣдѣнія о положеніи базилианскаго ордена“, въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“, октябрь, 1868 г., стр. 116 и 117; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1885 г., № 22.
- 385) „Историческія свѣдѣнія о Подольской дух. семинаріи“, *Синицкаго*, Каменецъ-Подольскъ, 1866 года.
- 386) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 392; „Римскій католицизмъ въ Россіи“, *графа Д. А. Толстаго*, т. II, стр. 44 и 45.
- 387) „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 182 и слѣд.
- 388) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 371 и 372; „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 115, 116, 138—140.
- 389) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1875 г., № 17, стр. 503.
- 390) Тамъ же, 1885 г., № 9, стр. 162.
- 391) Тамъ же, 1873 г., № 4, и 1889 г., № 31.
- 392) „Краткія свѣдѣнія о положеніи базилианскаго ордена“, въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“, 1868 г., іюль, стр. 167, и октябрь, стр. 137; „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, *Петрова*, тамъ же, февраль, 1872 г., стр. 265.
- 393) Извлечено изъ архива Подольской дух. консисторіи *В. Лосицимъ*.
- 394) „Униатское духовенство въ Подольской епархіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія“, *Дложевскаго*, въ „Подольск. Епарх. вѣдом.“, 1889 г., № 22.
- 395) „Свѣдѣнія о костелахъ и вѣрѣ римско-католической въ Русскомъ государствѣ“, каноника *Шантыря*, въ русскомъ переводѣ въ рукописи, принадлежащей жптелю г. Кіева *П. Соломкѣ*.
- 396) „Матеріалы для исторіи Подольской губ.“, вып. I, стр. 214 и 230.
- 397) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 398.
- 398) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 393.
- 399) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 394, 396—398 и 510; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 137.

400) „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“, *Кояловича*, стр. 393.

401) „Краткія свѣдѣнія о положеніи базилианскаго ордена“, въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“, октябрь, 1868 г., стр. 105—107; „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 247, 248, 251, 252.

402) Извлечено *В. Лосицкимъ* изъ дѣла Подольской дух. консисторіи 1834 года 12 октября, по поводу просьбы магистра Гадзинскаго сдѣлать его священникомъ.

403) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 398 и 399.

404) Извлечено *В. Лосицкимъ* изъ дѣла Подольской дух. консисторіи 1832 года, 17 мая, № 1246.

405) Таковы костелы: въ *Саврани*, построенный 1803 г. графомъ *Салтыковымъ*, въ *Дзыговкѣ* въ 1804 г. — *Винцентіемъ Ярошинскимъ*; въ *Сказинцахъ* въ 1806 году — *Францискомъ Марковскимъ*; въ *Ободовѣ* въ 1808 г. — *Любомирскимъ*; въ *Рыбницѣ* въ 1809 г. — *Кожуховскимъ*; въ *Копіевѣ* въ томъ же году — *Потоцкимъ*, на мѣсто сгорѣвшаго; въ *Супруньковцахъ* въ томъ же году — *Шидловскимъ*; въ *Новой Ушицѣ* начатый въ томъ же году, благодаря богатымъ пожертвованіямъ *Анны Витославской*; въ *Дунаевцахъ*, обновленный въ 1810 г. г-жею *Олиногорскою*; въ *Копайгородѣ*, начатый въ 1814 г. — *Судатыцкимъ*; въ *Завалійкахъ* въ 1815 г. — *Каспромъ Братковскимъ*; въ *Кривомъ Озерѣ* въ 1819 г. — *Станиславомъ Шалайскимъ*; въ *Проскуровѣ*, *Черномъ Островѣ* и *Ямполѣ* въ 1820 г.; въ *Стругѣ*, *Кожуховѣ*, *Нижней Крапивнѣ*, *Сѣдлинцахъ* и *Жашковцахъ* около 1820 г. и въ *Замѣховѣ* въ 1821 году. См. „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 407, 408, 412, 413, 510 и 511.

406) „О ревизіи протоіереемъ *Скворцовымъ* Подольской епархіи въ 1831 году“, статья *Н. С. Гоюцкаго*, приготовленная для печати и обязательно предложенная намъ авторомъ для пользованія. Нынѣ напечатана въ „Под. Еп. Вѣд.“ за 1890 годъ.

407) Извлечено *В. Лосицкимъ* изъ дѣла Подольской дух. консисторіи въ связи за сентябрь 1828 года.

408) „О ревизіи протоіереемъ *Скворцовымъ* Подольской епархіи въ 1831 году“, *Гоюцкаго*.

409) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 427.

410) „О ревизіи протоіереемъ *Скворцовымъ* Подольской епархіи въ 1831 году“, *Гоюцкаго*.

411) Извлечено *В. Лосицкимъ* изъ архива Подольской духовной консисторіи.

412) Извлечено имъ же изъ дѣла Подольской дух. консисторіи 17 мая 1822 года по репорту каедральнаго протоіерея *Предтеченскаго* собора объ открытіи униатами близъ сего собора въ армянской каплицѣ богослуженія, съ оглашеніемъ сей каплицы униатскою церковію.

413) „Каменецкій униатскій приходъ въ Подольской епархіи до окончательнаго воссоединенія униатовъ съ православными“, *Дюжевскаго*, въ „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 20.

414) См. указанный въ примѣчаніи 411-мъ источникъ.

415) „О ревизіи протоіереемъ *Скворцовымъ* Подольской епархіи въ 1831 году“, *Гоюцкаго*.

416) „Волянъ“, изд. *Батюшкова*, стр. 257—261.

417) „Opisanie Gubernii Podolskieu“, *Марчинскаго*, т. II, стр. 15 и 47.

418) Тамъ же, т. II, стр. 67—75; „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 406, 407, 417—420.

- 419) „Краткія свѣдѣнія о положеніи базилианскаго ордена“, въ „Трудахъ Кіев. дух. академіи“, ноябрь, 1863 г., стр. 255 и 296.
- 420) „Opisanie Gubernii Podolsk eju“, *Марчинскій*, т. II, стр. 28, 51 и сл.; „Свѣдѣнія о костелахъ и вѣрѣ римско-католической въ Русскомъ государствѣ“, каноника *Шантыря*.
- 421) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 420 и 421.
- 422) „Волынъ“, изд. *Батушкоза*, стр. 256.
- 423) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 420 и 421.
- 424) „Волынъ“, изд. *Батушкова*, стр. 257; „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“, *Брянцева*, стр. 599, 600, 610—612.
- 425) „Римское католичество и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 436. „Кіевская Старина“, октябрь, 1890 г., стр. 171.
- 426) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 613.
- 427) „Волынъ“, изд. *Батушкова*, стр. 275 и 276.
- 428) „Подольскія Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., № 36 и 37.
- 429) „Кіевская Старина“, октябрь, 1890 г., стр. 171.
- 430) „Римскій католицизмъ и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 438.
- 431) „О ревизіи протоіереемъ Скворцовымъ Подольской епархіи въ 1831 году“. *Голоцкаго*.
- 432) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1862 г., № 16 и 21; „Матеріалы для исторіи Подольской губерніи (1792—1796 гг.)“, выпускъ I, стр. 211 и 234; см. о военныхъ поселеніяхъ статью *Карцева* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, мартъ и апрѣль 1890 года.
- 433) „Послѣдняя судьба панской полтинки въ Россіи, 1845—1867 гг.“, *Попова*, стр. 97.
- 434) „Zamezki Podolskie“, т. II, стр. 252, 265, 272, 273, 276, 280, 281, 295, 300, 302 и 303.
- 435) Извлечено *В. Лосицимъ* изъ архива Подольской дух. консисторіи.
- 436) „Zamezki Podolskie“, т. II, стр. 252, 273, 300 и 302.
- 437) „Волынъ“, изд. *Батушкова*, стр. 276; „Записки“ *Сбитнева* въ „Кіевской Старинѣ“, февраль, 1887 г., стр. 295.
- 438) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1887 г., № 36 и 37.
- 439) „Записки“ *Сбитнева*, въ „Кіевской Старинѣ“, февр., 1887 г., стр. 310, мартъ, стр. 441, и май, стр. 70. См. „Кіев. Старина“, июнь, 1884 г., стр. 323, и декабрь 1888 г.; „Извѣстія и Замѣтки“, стр. 104.
- 440) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 617 и 618.
- 441) „Жизнеописаніе преосвященнаго Кирилла, архієпископа подольскаго“, въ „Подольскихъ Епарх. Вѣдом.“, 1864 г., № 1, стр. 16 и 17.
- 442) „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“, *Говорскаго*, годъ IV, кн. I, отд. 4, стр. 95 и 96, и кн. II, отд. 4, стр. 216, 217 и 222.
- 443) Извлечено *В. Лосицимъ* изъ репорта преосвящ. Кирилла св. Синоду отъ 30 дек. 1837 г., за № 12,067, въ архивѣ Подольской дух. консисторіи.
- 444) Извлечено имъ же и оттуда же, изъ дѣлъ 13 мая и 11 октября 1832 года.
- 445) „О ревизіи протоіереемъ Скворцовымъ Подольской епархіи въ 1831 году“. *Голоцкаго*.
- 446) Извлечено *В. Лосицимъ* изъ архива Подольской дух. консисторіи.
- 447) „О ревизіи протоіереемъ Скворцовымъ Подольской епархіи въ 1831 году“, *Голоцкаго*.
- 448) Журналъ „Странникъ“, прот. *В. Гречуевича*, февр., 1863 года.

- 449) Извлечено *В. Лосицкимъ* изъ репорта преосвящ. Кирилла св. Синоду отъ 30 декабря 1837 года, за № 12,067.
- 450) Извлечено имъ же изъ архива Подольской дух. консисторіи.
- 451) Извлечено имъ же изъ репортовъ преосвящ. Кирилла св. Синоду 1832 года и 30 декабря 1837 года.
- 452) „Римскій католицизмъ и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 440.
- 453) „Жизнеописаніе преосвящ. Кирилла, архіепископа подольскаго“, въ „Подольскихъ Епарх. Вѣдом.“ за 1863 и 1864 годы.
- 454) Извлечено *В. Лосицкимъ* изъ дѣла Подольской дух. консисторіи 17 мая 1832 г., за № 1,246.
- 455) Извлечено имъ же изъ репорта преосвящ. Кирилла св. Синоду отъ 30 декабря 1837 года, за № 12,067.
- 456) Извлечено имъ же изъ архива дух. консисторіи; см. „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 233.
- 457) Репортъ преосвящ. Кирилла св. Синоду отъ 30 декабря 1837 г., за № 12,067.
- 458) „Римскій католицизмъ и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 439—441; см. о Кармелювъ „Кіевск. Старина“, мартъ, 1886 г., стр. 495 и слѣд.
- 459) „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, *Попова*, стр. 97.
- 460) „Жизнеописаніе преосвящ. Кирилла, архіепископа Подольскаго“, въ „Подольск. Епарх. Вѣдом.“ за 1864 годъ
- 461) „Кіевская Старина“, 1882 г., июнь, стр. 534, и июль, стр. 64 и 65.
- 462) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ II, сент. 1863 г., отд. 4, стр. 215.
- 463) Тамъ же, годъ IV, кн. II, отд. 4, стр. 216, 217 и 222; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1864 г., № 1, стр. 17 и 18.
- 464) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ IV, кн. 1, отд. 2, стр. 2 и слѣд., и кн. II, отд. 2, стр. 81 и слѣд.
- 465) „Кіевская Старина“, июнь, 1882 г., стр. 532.
- 466) „Историч. Вѣстникъ“, сентябрь, 1885 г., стр. 541 и слѣд
- 467) „Кіевская Старина“ за 1882 годъ, июнь, стр. 530—535, и июль, стр. 64 и 65.
- 468) Указаніе въ текстѣ на дѣятельность М. В. Юзефовича принадлежитъ издателю настоящей книги.
- 469) Свѣдѣнія о преосвящ. Арсеніѣ извлечены *В. Лосицкимъ* изъ архива Подольской дух. консисторіи.
- 470) „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, *Попова*, стр. 176.
- 471) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ IV, кн. II, отд. 4, стр. 225; „Волянь“, изд. *Батюшкова*, стр. 367.
- 472) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ III, кн. XI, отд. 4, стр. 250 и 253.
- 473) „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, *Попова*, стр. 219 и 220
- 474) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 633.
- 475) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ II, сентябрь, 1863 г., отд. 4, стр. 258 и 259.
- 476) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 634.
- 477) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, 1862 г., кн. VI; „Римскій католицизмъ и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 452.
- 478) См. путевыя замѣтки *М. И. Городецкаго* въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, декабрь, 1890 года.
- 479) „Исторія Литовскаго государства“, *Брянцева*, стр. 637.
- 480) „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, *Попова*, стр. 219.
- 481) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ II, июль, 1863 г., отд. 4, стр. 67—69; годъ IV, кн. III, отд. 4, стр. 233.
- 482) Тамъ же, годъ VI, кн. V, отд. 4, стр. 169.

- 483) „Чтенія по исторіи западной Россіи“, *Кояловича*, 4-е изданіе. С.-Петербургъ, 1884 г., стр. 329.
- 484) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ IV, кн. III, отд. 4, стр. 288, 299 и 323
- 485) „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 138 и 139.
- 486) Жалованье отъ казны римско-католическимъ ксендзамъ было назначено по классамъ, на которые дѣлились: приходы, именно отъ 230 до 600 руб. сер. въ годъ; органистъ получалъ обыкновенно до 50 руб., сакристанъ (ризничій)—30 р., звонарь—около 25 руб. серебромъ въ годъ.
- 487) „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края по исповѣданіямъ“, *Батюшкова* и *Риттиха*, С.-Петербургъ, 2-е над., 1864 г.; Римскій католицизмъ и его іерархія въ Подоліи, *Симашкевича*, стр. 450, 451 и 528; „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, окт. 1864 г., отд. 4 стр. 31—33, и 1869 г., кн. XII, отд. 3, стр. 36, годъ IV, кн. III, отд. 4, стр. 286.
- 488) „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 193, 265, 294, 302 и 303; „Римскій католицизмъ и его іерархія въ Подоліи“, *Симашкевича*, стр. 451.
- 489) „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 198.
- 490) Тамъ же, стр. 233 и 334.
- 491) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ IV, кн. I, отд. 4, стр. 76, и кн. II, отд. 4, стр. 227 и 232.
- 492) Тамъ же, годъ III, кн. X, отд. 4, стр. 138.
- 493) Тамъ же, годъ VI, кн. XII, отд. 3, стр. 37 и 38.
- 494) Тамъ же, годъ III, кн. X, отд. 4, стр. 141 и сл.; „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1865 г., № 1, и 1874 г., № 19; „Zameczki Podolskie“, т. II, стр. 234 и 235.
- 495) „Какія лица въ Подольской епархіи оказали особенныя услуги церкви и отечеству въ теченіи 900 лѣтъ“, *Шиповича*, въ „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1888 г., № 47.
- 496) „Вѣстникъ“, *Говорскаго*, годъ III, кн. XI, отд. 4, стр. 217 и сл.
- 497) „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 41.
- 498) „Какія лица въ Подольской епархіи оказали особенныя заслуги отечеству и церкви въ теченіи 900 лѣтъ“, *Шиповича*, въ „Подольск. Епарх. Вѣдом.“, 1888 г., № 47, и „Воспоминаніе о высокопреосвященномъ Леонтіѣ, архіепископѣ холмско-варшавскомъ, въ Подольскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства“, свящ. *Ил. Лебедева*, тамъ же, 1890 г., № 7.
- 499) Газета „Кіевское Слово“, 12 января 1891 г., № 1146.
- 500) „Проектъ устройства въ г. Каменецѣ Подольскаго епархіальнаго церковнаго древнехранилища“, свящ. *Е. Стинскаго*, въ „Подольск. Епарх. Вѣдом.“ за 1890 г. и особымъ оттискомъ.
- 501) „Подольская губернія, опытъ географическо-статистическаго описанія“, *В. К. Гульдмана*, Каменецъ-Подольскъ, 1889 г., стр. 79, 91—95 и 260; „Кіевская Старина“, июнь, 1888 г., отдѣлъ критики, стр. 63, и январь, 1890 г., стр. 161.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ КНИГѢ «Подолія».

А. Священныя изображенія.

1. Икона Спасителя въ м. Сатановѣ, изсѣченная турками.

(Стр. 141).

Въ Проскуровскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Австріей, при рѣкѣ Збручѣ, расположено мѣстечко Сатановѣ,—одно изъ древнѣйшихъ поселеній Подоліи. Прежде это было богатое мѣстечко, производившее обширную заграничную Торговлю, но частыя вторженія турокъ и татаръ и война съ казаками привели его въ разореніе. Особенно памятно опустошеніе, произведенное турками 22 апрѣля 1676 г., когда имъ принадлежала часть Подоліи. Сыны ислама напали на мѣстечко, разграбили дома и церкви и сожгли его; при этомъ была поругана ими икона Спасителя, которую они изсѣкли мечемъ въ трехъ мѣстахъ: на очахъ Спасителя, на устахъ и на груди.

Этотъ драгоценный памятникъ подольской старины сохранился до нашего времени и находится теперь въ Сатановской Георгіевской церкви.

Икона писана на деревѣ и имѣетъ 1½ арш. длины и 1¼ арш. ширины. Живопись сохранилась отчетливо и только по бокамъ показались трещины въ краскѣ. Спаситель изображенъ въ поясѣ. Правая рука сложена для благословенія, а въ лѣвой представлено открытое евангеліе съ словами: «Азъ есмь свѣтъ миру». На иконѣ сдѣланы двѣ надписи: вверху—«Образъ Спасителя отъ турковъ изсѣченный, АХС (1676) року апрѣля 22 (22) дня. Поновленъ року 1774». Поновленъ року 1849»; внизу:

«О что се луна на солнце встати желаетъ?

Ово, едали нами тма обладаетъ?

Не возноси луно рогъ, жестоко бо прати

Противо рожну, свѣтъ нашъ сотреть супостаты».

Мѣстное населеніе относится къ иконѣ съ большимъ благоговѣніемъ и признаетъ ее драгоценною святынею храма.

Церковь, въ которой находится икона Спасителя, построена въ прошломъ столѣтіи и освящена во имя св. великомученика Георгія, въ память

того, что изсѣченіе иконы турками происходило наканунѣ праздника этого святаго.

Въ мѣстечкѣ Сатановѣ, принадлежавшемъ въ началѣ XVIII вѣка коронному гетману Адаму-Николаю Сенявскому, долгое время сохранялась мазанка, въ которой, по преданію, останавливался Петръ Великій. Домикъ этотъ, нынѣ уже не существующій, изображенъ въ настоящемъ изданіи на стр. 147.

(Упоминается на стр. 143).

2. Барская икона Божіей Матери.

(Стр. 105).

Барская икона Божіей Матери находится въ общежительномъ женскомъ монастырѣ заштатнаго города Бара, Могилевскаго уѣзда, Подольской губерніи.

Городъ Баръ, прежде называвшійся Ровомъ по имени протекающей здѣсь рѣки, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ поселеній Подоліи и по политическому и торговому значенію своему нѣкогда былъ «стѣной Подоліи». Татары неоднократно подвергали его разоренію и опустошенію, но стараніями мѣстныхъ жителей городъ каждый разъ возникалъ снова. Когда Подолія находилась во владѣніи Польши, король Сигизмундъ III подарилъ г. Ровъ женѣ своей, Бонѣ Сфорца, которая возобновила городъ отъ послѣдняго татарскаго разоренія, украсила его замками и дворцами и переименовала его въ Баръ въ честь итальянскаго города Бара, откуда она была родомъ. Въ то же время Бона сдѣлала его доступнымъ для людей всѣхъ націй, разрѣшивъ имъ свободно исповѣдывать свою вѣру.

Къ этому именно времени относятъ основаніе въ Барѣ православнаго монастыря, который былъ тогда мужскимъ.

Не долго, однако, православные жители Бара пользовались свободой исповѣданія, дарованной вѣротерпимой польской королевой. Въ 1616 году староста барскій, бывший вмѣстѣ съ тѣмъ воеводой кіевскимъ, Станиславъ Жолкевскій, съ разрѣшенія короля, основалъ въ Барѣ іезуитскую коллегію, и съ тѣхъ поръ возникли со стороны католиковъ жестокія гоненія на мѣстныхъ православныхъ жителей. Послѣдніе выступили въ защиту своей вѣры; но поляки, усмиривъ возставшихъ, отдали православныхъ монаховъ въ руки жидовъ, которые разрушили монастырь до основанія. Въ защиту города выступили казаки, отмстившіе полякамъ и жидамъ съ тою жестокостію, какая была обычна въ то время. Затѣмъ Баръ переходилъ къ туркамъ (1672 г.), къ полякамъ (1674 г.), къ великоруссамъ (того же 1674 г.), опять къ туркамъ (1676 г.) и снова къ полякамъ (1684 г.).

Въ 1768 году каменецкій латинскій епископъ Адамъ Красинскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми магнатами, составилъ въ Барѣ извѣстную барскую конфедерацію (сообщество), которая стремилась къ низложенію короля Стани-

слава-Августа Понятовскаго и устраненію вліянія Россіи на Польшу. Это сообщество, въ связи съ угнетеніемъ православныхъ, вызвало гайдамацкое движеніе, извѣстное подъ названіемъ колівщини.

Въ 1773 году, на развалинахъ прежняго Бара, возникъ новый Баръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новое зданіе для іезуитской коллегіи. Зданіе это въ 1787 году, по изгнаніи іезуитовъ изъ Польши, перешло къ униатскимъ монахамъ - базилианамъ, которые устроили въ немъ монастырь, просуществовавшій и послѣ присоединенія въ 1793 году Подолія къ Россіи, до времени общаго воссоединенія униатовъ съ православною церковію.

Базилианскій монастырь въ 1837 году былъ переданъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства вмѣстѣ съ древнею иконою Божіей Матери, именуемою Барскою. Тогда же здѣсь былъ открытъ женскій общежительный монастырь.

Барская икона почитается всѣмъ мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ и признается чудотворною. Она помѣщается въ запрестольной нишѣ; высота ея 1 арш. 12 верш., а ширина 1 арш. 3 вершка.

Въ честь иконы составлено слѣдующее молитвословіе:

«Прійдите, людіе россійстїи, преславно и православно ублажимъ преблагословенную, пречистую Марію Дѣву, въ Барѣ градѣ благодать свою издревле выну явившую; православные люди земли Подольскія отъ агарянъ и сарацинъ свободившую, православную вѣру въ плѣненіи латинстѣмъ сохранившую. Къ кому убо прибѣгнемъ, аще не къ Тебѣ, Владычицѣ; кому принесемъ слезы и воздыханія, аще не къ Тебѣ, пресвятая Богородице,—не имамы бо инья помощи, не имамы бо инья надежды, развѣ тебѣ. Небесная Царице! Дѣво Пречистая, глѣствице къ небеси, святое вмѣстилище Слова Божія, прибѣжище вѣрнымъ и избавленіе, достоянію Твоему помощь и защищеніе, скорбящимъ подательнице вѣчнаго радованія, иноковъ богомудрыхъ возведеніе къ горнему царствію! Ты бо, яко имущая державу непобѣдимую, злую дерзость латинскую отмстила еси, іезуитское и унитское неправовѣріе въ вѣру православную обратила еси, вѣрою Имя Твое всехвальное призвавшихъ отцевъ нашихъ спасла еси и покрыла ихъ святымъ Твоимъ омофоромъ,—не отврати и нынѣ рабы Твоя тщи, Тя бо едину надежду имамы; избави люди Твоя присно, и Баръ градъ, и обитель, юже избрала еси Себѣ мѣстомъ проявленія благодати Твоея, и землю Подольскую и вся православные христіаны отъ искушеній, отъ пагубныхъ душевредныхъ ученій, отъ невѣрія, развращенія и погибели вѣчныя и отъ всякаго лютаго обстоянія и навѣтовъ враговъ церкви Твоея православныя, и до нынѣ тайно и неустанно сѣющихъ скверныя и близныя плевелы на доброй, отъ вѣка православной нивѣ Подольской,—аще бо не Ты предстояла молящи, кто бы избавилъ вѣру отцевъ нашихъ отъ толикихъ бѣдъ, кто бы и насъ сохранилъ до нынѣ свободны? Мы же преблагому Твоему заступленію о насъ радующеся, избавившеся отъ злыхъ, благодарственная да воспісуетъ Ти и да зовемъ Ти: радуйся, Невѣсто неневѣстная!»

Б. Портреты и изображенія историческихъ лицъ.

3. Великій князь литовскій Витовтъ или Витольдъ, во св. крещеніи Александръ.

(Стр. 41).

Изображеніе князя Витовта заимствовано изъ «Витебской Старины» (т. IV, 1885 г.), гдѣ оно было воспроизведено изъ изданія «Sarmatiae Europaeae descriptio... Alexandri Gwagnini» (Cracoviae, 1578).

Сынъ князя трокскаго Кейстута и племянникъ великаго князя литовскаго Ольгерда Гедеминовича, Витовтъ былъ женатъ на сестрѣ тверскаго князя Іоанна Михайловича, Маріи; будучи также тестемъ великаго князя московскаго Василя Димитріевича, Витовтъ пользовался сочувствіемъ и поддержкою со стороны русскихъ князей; но когда онъ, послѣ тяжелой борьбы съ Ягайломъ, достигъ великокняжескаго престола, то началъ расширять свои владѣнія на счетъ Руси и завоевалъ русскія земли отъ Пскова до Галиціи и до береговъ Оки, Сулы и Днѣпра. Дальнѣйшимъ расширеніямъ его владѣній положило предѣлъ пораженіе, понесенное Витовтомъ отъ татаръ въ 1399 году на р. Ворсклѣ. Въ этой битвѣ погибъ и обладатель западной Подоліи, Спытко изъ Мельштына, воевавшій противъ татаръ вмѣстѣ съ Витовтомъ. Въ 1404 году онъ вмѣстѣ съ Ягайломъ рѣшилъ занять Подолію, находившуюся въ рукахъ Свидригайлы, подступилъ къ Каменцу и послѣ бомбардированія его вступилъ въ замокъ. Здѣсь Витовтъ возобновилъ свою присягу на вѣрность Ягайлу и Польшѣ. Вскорѣ Витовтъ предъявилъ свои права на всю Подолію — восточную и западную. Послѣ переговоровъ съ королемъ, Витовтъ получилъ въ 1410 году отъ Ягайла всѣ тѣ города Подоліи, которые находились во владѣніи Спытка, именно Каменецъ, Смотричъ, Червоногородъ, Скалу, Бакоту и др., выплативъ за то Ягайлу 40,000 копѣ грошей.

Во время княженія Витовта Подолія окрѣпла и заселилась. Въ защиту этой области отъ нашествія татаръ, князь строилъ крѣпости и колонизовалъ пустынные мѣста. Онъ соорудилъ укрѣпленный замокъ въ устьяхъ Днѣстра, противъ Бѣлгорода (нынѣ Аккерманъ), возвелъ на берегу Чернаго моря крѣпость Дашевъ (нынѣ Очаковъ), устроилъ гавань на татарской станицѣ Хаджибей (нынѣ Одесса) и возвелъ на Днѣстрѣ крѣпость Тягинь (нынѣ Бендеры). По Днѣпру онъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ и основалъ Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ и проч.

Такъ много потрудившійся на пользу Подольской земли, могущественный князь литовскій Витовтъ, послѣ городельскаго договора 1413 г. съ польскимъ королемъ, принялъ окончательную сторону латинства, предоставивъ католикамъ, въ силу договора 1413 г., такія льготы, которыя клонились къ ущербу для православной церкви. Впрочемъ, онъ предоставилъ православнымъ оставаться подъ властію кievскаго митрополита и издалъ грамоту, под-

твердившую всѣ постановленія собора православнаго литовско-русскаго духовенства 1415 года, которымъ установлена независимость православной церкви подъ властію кievскаго митрополита и верховнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха.

Витовтъ скончался въ 1430 году, не успѣвъ осуществить своего желанія—замѣнить великокняжескую корону королевскою.

4. Молдавскій господарь Іеремія Могила, основатель города Могилева на Днѣстрѣ.

(Стр. 75).

На бывшій въ Кіевѣ въ 1874 году археологическій съездъ были доставлены отъ Черновицкой духовной консисторіи, изъ монастыря Сучевиць, основаннаго въ 1581 году Іереміей и Симеономъ Могилами, изображенія основателей этой обители, вышитыя по красному бархату золотомъ и серебромъ.

Одно изъ этихъ изображеній, именно Іереміи Могила, воспроизведено въ настоящемъ изданіи.

Іеремія Могила представленъ во весь ростъ, въ богатомъ одѣяніи, въ мѣховой, украшенной султаномъ, шапкѣ. По бокамъ его вышиты деревья и цвѣты. Въ правомъ углу представлена церковь съ двумя куполами и колокольней, а надъ нею надпись:

«Ититор Іѡ Іереміа Могила ксєвода».

Въ лѣвомъ углу вышита богато украшенная корона, а подъ ней гербъ Молдавіи.

Вокругъ изображенія славянскою вязью вышита слѣдующая надпись:

«Бл҃гочтнвыи и хр҃толюбнвыи Іѡ Іереміа Могила ксєвода Бж҃іею млтїю гспрь земли Молдавской десѣт лѣт и десѣт мцз и днє дї сж҃отрахом Бж҃іем гсвока (государствова) и земли сѣсей от всѣхдѣ добрз оустроми мирь кззастом же и образомъ снми кз Г҃ѣмъ кз мирѣ от гсва (господарства) и от жизни прѣстави кз въ лѣто зрѣдї мц іѡнїа л днє».

На молдавскій тронъ Іеремія Могила былъ возведенъ въ 1600 году при особенномъ содѣйствіи польскихъ магнатовъ Яна и Стефана Потоцкихъ, силою польскихъ и казацкихъ войскъ. Расположенный за то къ полякамъ, Іеремія выдалъ четырехъ своихъ дочерей за богатыхъ польскихъ пановъ и одну изъ нихъ, Марію, за Стефана Потоцкаго, старосту брацлавскаго. Въ приданое за нею, въ числѣ огромныхъ богатствъ, былъ данъ основанный Іереміей Могилой, при впаденіи рѣки Немы въ Днѣстръ, городъ, который и названъ по имени основателей городомъ Могилловъ.

5. Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

(Стр. 99).

Портретъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго находится въ Киевской духовной академіи.

Петръ Конашевичъ-Сагайдачный происходитъ изъ дворянъ Червоной Руси. Добавленіе «Конашевичъ» составляетъ собственно отчество Сагайдачнаго, такъ какъ отецъ его назывался Конономъ, по тогдашнему произношенію Конашемъ. Воспитаніе Петръ Сагайдачный получилъ на Волыни, въ училищѣ князя Острожскаго. Въ молодости онъ вступилъ въ ряды запорожскаго войска и очень скоро выказалъ воинскія способности, храбрость и умственные дарованія. Впервые онъ отличился въ 1605 году, при взятіи запорожцами турецкой крѣпости Варны. Въ слѣдующемъ затѣмъ году Сагайдачный дѣлается предводителемъ запорожскихъ казаковъ и, послѣ цѣлаго ряда подвиговъ въ битвахъ съ турками и татарами въ теченіи 1608—1618 гг., приобрѣтаетъ извѣстность по всей южной Руси. Когда польскій королевичъ Владиславъ, подступивъ въ 1618 году къ Москвѣ, былъ покинутъ въ чужой странѣ своею арміею, польское правительство обратилось за помощью къ запорожскому войску. Сагайдачный согласился выручить Владислава, вступилъ въ предѣлы Московскаго царства съ 20.000 казаковъ, занялъ города Ливны и Елецъ (нынѣ Орловской губерніи) и спасъ польскаго королевича отъ неминуемой гибели, а самъ отправился затѣмъ въ Киевъ и съ титуломъ гетмана вступилъ въ управленіе Украины.

Создавая свою силу, гетманъ Сагайдачный выступилъ послѣ того въ защиту православной вѣры, поработенной на Украинѣ унией: въ бытность въ Киевѣ въ 1620 году іерусалимскаго патріарха Теофана, онъ упростило его посвятить для Кіева митрополита, а для пяти православныхъ епархій, занятыхъ униатами, особыхъ епископовъ и тѣмъ возстановилъ южно-русскую православную іерархію.

Въ томъ же году Сагайдачный, желая приобрести довѣріе Московскаго государства, отправилъ къ царю Михаилу Оедоровичу посломъ атамана Петра Одицца; но посолъ не былъ принятъ царемъ.

Между тѣмъ турки, неоднократно нападавшіе на польскія владѣнія, рѣшили опустошить страну и заселить ее мусульманами. Съ этою цѣлью, въ 1620 году, въ соединеніи съ крымскими татарами, они вступили въ предѣлы Подолія съ огромной арміею подъ начальствомъ султана Османа и остановились на берегу Днѣстра. Поляки съ своимъ немногочисленнымъ войскомъ не могли отразить полчища мусульманъ и обратились за помощью къ Сагайдачному. Заручившись обѣщаніемъ поляковъ признать власть запорожскаго гетмана на Украинѣ, Сагайдачный двинулся съ 40.000 войскомъ и много содѣйствовалъ пораженію мусульманъ подъ Хотиномъ.

Вскорѣ Владиславъ вступилъ на польскій престолъ. Чувствуя свое воинское безсиліе, онъ обязался передъ турками прекратить набѣги казаковъ.

Тогда Сагайдачный, удручаемый болѣзнями отъ ранъ, сложилъ съ себя гетманское званіе и поселился въ Кіевѣ и здѣсь скончался 10 апрѣля 1622 г. Воинскія доблести Сагайдачнаго до сихъ поръ превозносятся въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Онъ былъ ревностнымъ защитникомъ Кіево-Богоявленскаго братства, вписался въ него со всѣмъ запорожскимъ войскомъ и пожертвовалъ большія суммы на обновленіе братскаго монастыря и школы. Въ монастырѣ этомъ до сихъ поръ хранится большой ручной серебряный крестъ съ записью отъ гетмана Сагайдачнаго.

6. Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Портретъ митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго воспроизведенъ изъ изданія П. П. Бекетова «Изображенія людей знаменитыхъ», Москва, 1844 г.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, называвшійся также Шуляницкимъ, будучи настоятелемъ Лещинскаго монастыря въ санѣ архимандрита, въ 1661 году хиротонисанъ въ епископа мстиславскаго, а въ 1663 году избранъ русскимъ духовенствомъ въ кіевскіе митрополиты. Въ этомъ санѣ Іосифа не признали, однако, ни гетманъ правобережной Украины Павелъ Тетеря, ни польское правительство; послѣднее запретило даже признавать его пастыремъ въ предѣлахъ польской короны и выдало привилегію на Кіевскую митрополию перемышльскому епископу Антоію Винницкому. Оклеветанный затѣмъ Тетерею въ возмущеніи, совмѣстно съ бывшимъ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, казаковъ, Тукальскій былъ схваченъ въ іюлѣ 1664 г. польскимъ гетманомъ Чарнецкимъ и вмѣстѣ съ Хмельницкимъ заточенъ въ городѣ польской Пруссіи Маріенбургѣ. По подгаецкому договору Іосифъ въ 1667 году былъ освобожденъ изъ заключенія. Возвращаясь на родину, Тукальскій остановился въ Вильнѣ и здѣсь снова навлекъ на себя гнѣвъ поляковъ. Въ то время черезъ Вильну проносили, по пути въ Полоцкъ, мнимыя мощи Іосифата Кунцевича; для большаго чествованія униатскаго изувѣра приказано было звонить въ православномъ Свято-Духовскомъ монастырѣ; но Іосифъ запретилъ звонить, и за это поляки хотѣли снова арестовать его. Іосифъ узналъ, однако, о томъ своевременно, тайно выѣхалъ изъ Вильны и отправился въ Могилевъ, гдѣ прожилъ всю зиму. Отсюда, весною 1668 года, онъ переселился въ стольный городъ малороссійскихъ гетмановъ Чигиринъ и здѣсь остался при гетманѣ Дорошенкѣ. По просьбѣ послѣдняго, цареградскій патриархъ Меодій утвердилъ Іосифа 6 марта 1668 г. въ санѣ кіевского митрополита и назначилъ его своимъ экзархомъ въ коронѣ Польской и княжествѣ Литовскомъ. Утвердившись такимъ образомъ на правой сторонѣ Украины, митрополитъ Тукальскій разослалъ окружное посланіе подвѣдомому ему духовенству, приказывая ему, подъ угрозой анаемы, не слушать Антоію Винницкаго, какъ не получившаго утвержденія въ митрополичьемъ санѣ отъ

патріарха, а затѣмъ началъ хлопотать о распространѣніи своей власти надъ лѣвобережной Украиной и въ Кіевѣ, куда не допускало его московское правительство,—подобно тому, какъ и гетманъ Дорошенко желалъ распространить свою власть на всю Украину, чему также препятствовала Москва. Съ этою цѣлью Тукальскій пошелъ въ переговоры съ гетманомъ Брюховецкимъ, уговаривая его отложиться отъ московскаго царя и обѣщая ему согласіе Дорошенки на уступку ему своей власти. Брюховецкій поддался этимъ обѣщаніямъ и началъ избивать московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, но самъ пострадалъ отъ казаковъ Дорошенки, которые убили его 7 іюня 1668 г. Недостигъ расширенія своей власти и Іосифъ Тукальскій, оставшись митрополитомъ правобережной Украины. Изъ Чигирина онъ переселился въ мѣстечко Стоекъ или Стойки, подаренное ему гетманомъ Дорошенко, и здѣсь скончался въ 1676 году. Погребенъ онъ въ Мгарскомъ Лубенскомъ монастырѣ, въ Преображенской церквѣ.

Въ «Кіевскомъ мѣсяцесловѣ» на 1797 годъ, въ браткомъ перечнѣ кіевскихъ іерарховъ, сказано, что тѣло Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго «донныѣ остается нетлѣннымъ».

7. Аѳанасій Шептицкій, уніатскій епископъ галицкій и каменецъ-подольскій, впоследствии митрополитъ.

(Стр. 159).

Портретъ Аѳанасія Шептицкаго воспроизведенъ съ живописнаго изображенія, находящагося въ виленскомъ архіерейскомъ домѣ.

Сынъ мечника бѣльскаго Александра Шептицкаго, уроженца Перемышльской епархіи, Аѳанасій Шептицкій былъ уніевскимъ архимандритомъ въ то время, когда былъ призванъ къ высшему служенію русской уніатской церкви. Какъ коадьюторъ своего дяди Варлаама Шептицкаго, львовскаго уніатскаго епископа, Аѳанасій, послѣ смерти послѣдняго, былъ избранъ въ 1715 году на Львовскую епископскую кафедру собраніемъ духовенства, братчиковъ и шляхты, происходившимъ подъ предсѣдательствомъ уніатскаго митрополита Льва Кишки. Это были уже послѣдніе выборы духовенствомъ и народомъ епископа, а затѣмъ право это было уничтожено.

Львовская епископія тогда распространяла свою власть и на Подолію или собственно на Брацлавщину. Не всѣ православные приходы этого края считались тогда уніатскими, а притомъ унія того времени ничѣмъ не отличалась отъ православія, кромѣ признанія главенства римскаго папы. Новый епископъ задался цѣлью искоренить православіе и распространить унію на всѣ приходы. Дѣйствовалъ онъ въ этомъ дѣлѣ не путемъ убѣжденій и поученій, а силою власти. По словамъ священника села Кумеекъ, по повелѣнію Шептицкаго, со всей Украины созывались священники въ Уніевъ, и тамъ ихъ «ухищренно старались отъ благочестія приклонить на унію». Но вотъ появляются постановленія замостьскаго собора 1720 года, сближающія

русскую униатскую церковь съ римскою въ догматахъ и искажающія восточную обрядность до неузнаваемости. На этомъ соборѣ участвовали и епископъ Аѳанасій Шептицкій, который съ энергіей, достойной лучшей участи, началъ приводить въ дѣйствіе опредѣленія пресловутаго собора, т. е. окатоличивать русскую церковь своей епархіи. Латинскія нововведенія вызвали ропотъ и недовольство какъ среди духовенства, такъ и народа; но Шептицкій не задумывался и насильно вводилъ новые церковные порядки. Особенно возставало противъ искаженій русской вѣры и обрядности львовское братство, которое, въ видахъ охраненія правильности богослуженія, издало требникъ Петра Могилы. Шептицкій нашелъ его «схизматическимъ» и донесъ въ Римъ, откуда послѣдовало распоряженіе о пересмотрѣ и исправленіи униатскихъ богослужебныхъ книгъ, издаваемыхъ львовскимъ братствомъ. Хотя для этого была назначена особая коммиссія, но дѣло въ сущности осталось въ рукахъ Шептицкаго, который и началъ искажать книги съ такимъ усердіемъ, что не оставлялъ въ нихъ ничего, что напоминало православіе.

Такимъ образомъ дѣятельность Аѳанасія Шептицкаго выразилась, главнымъ образомъ, въ распространеніи униі путемъ насильственного подчиненія православныхъ приходоѡ своей власти и вмѣстѣ съ тѣмъ главенству папы и искаженія русской вѣры и восточной обрядности до полнаго почти сліянія униі съ католичествомъ. Печальная участь для русскаго епископа, уроженца Галицкой земли!

Послѣ смерти Льва Кишки, скончавшагося 19 октября 1728 г., Аѳанасій Шептицкій былъ назначенъ митрополитомъ и въ этомъ санѣ умеръ 11 декабря 1745 года.

8. Униатскій митрополитъ Ѳеодосій Ростоцкій.

(Стр. 181).

Портретъ Ѳеодосія Ростоцкаго снятъ съ живописнаго изображенія, находящагося въ холмскомъ архіерейскомъ домѣ.

Митрополитъ Ростоцкій происходилъ изъ свѣтскаго званія, такъ какъ отецъ его занималъ должность городского судьи. Еще въ молодыхъ годахъ Ѳеодосій поступилъ въ одинъ изъ базилианскихъ монастырей, откуда отправился въ Римъ и тамъ окончилъ курсъ богословскихъ наукъ. Въ 1754 году онъ возвратился на родину и занимался преподаваніемъ философіи и богословія. Съ 1776 по 1784 годъ онъ по избранію отправлялъ должность провинціала; 12 іюля 1784 г. получилъ номинацію (нареченіе) въ холмскіе епископы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ коадьюторы митрополита Іасона Юндши-Смогоржевскаго, но въ санъ епископа былъ посвященъ лишь въ слѣдующемъ году, 19 іюня. Послѣ кончины Смогоржевскаго въ 1788 году, Ростоцкій былъ возведенъ въ санъ митрополита, продолжая управлять и Холмскою епархіею. Когда же холмскимъ епископомъ былъ назначенъ въ 1790 году

Порфирій Важинскій, Ростоцкій остался почти при одномъ титулѣ уніатскаго митрополита. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ добивался предъ сеймомъ кресла въ польскомъ сенатѣ; онъ дождался этой привилегіи, изданной сеймомъ 29 іюня 1790 г., но мѣсто въ сенатѣ изъ девяти уніатскихъ епископовъ дано только одному, и притомъ самое низшее—восемнадцатое, послѣ мѣста, занимаемаго послѣднимъ латинскимъ епископомъ. Это сдѣлано, какъ сказано въ конституціи, «для оказанія благосклонности къ русскому обряду, соединенному священными узами съ римскимъ костеломъ, и вмѣстѣ съ цѣлью показать вниманіе къ духовенству того же обряда, отличающемуся непоколебимою вѣрностью королю и отечеству». Засѣдая въ сенатѣ, Ростоцкій защищалъ уніатскую церковь и представилъ даже сейму проектъ преобразования уніатской іерархіи, но ему удалось настоять лишь на учрежденіи полоцкой суффраганіи, разрѣшенной въ 1785 г., а открытой только 10 лѣтъ спустя послѣ того.

Какъ уніатскій митрополитъ, Ростоцкій распространялъ свою духовную власть и на Подолію. По присоединеніи русскихъ областей къ Россіи, Ростоцкій, какъ сторонникъ латинскаго направленія, не могъ оставаться съ властію митрополита. Отозванный въ 1795 году въ Петербургъ, онъ вскорѣ былъ замѣненъ Иракліемъ Лисовскимъ.

При вступленіи на всероссійскій престолъ Павла I, Ростоцкій привѣтствовалъ императора восторженною рѣчью, которая, вмѣстѣ съ слухами о предстоящемъ расширеніи правъ католиковъ и уніатовъ, вызвала въ уніатскихъ мѣстностяхъ несбыточныя ожиданія и послужила даже поводомъ къ беспорядкамъ, притѣсненію католиками воссоединившихся съ православіемъ уніатовъ и совращенію ихъ въ унію. Повелѣніе императора положило предѣлъ такому безчинству.

Съ тѣхъ поръ Оеодосій Ростоцкій утратилъ свое вліяніе на уніатскую церковь и скончался въ Петербургѣ 25 января 1805 года, 80-ти лѣтъ отъ роду.

9. Іоанникій Полонскій, архіепископъ подольскій и брацлавскій.

(Стр. 189).

Архіепископъ Іоанникій родился въ 1742 году въ хуторѣ, близъ мѣстечка Полоннаго, Волинской губерніи, отъ котораго происходитъ его фамилія Полонскій. Отецъ его Никифоръ былъ богатымъ крестьяниномъ-мельникомъ, по фамиліи Беркутъ. Когда Іоанникію было 10 лѣтъ, напавшіе татары убили его отца и мать и сожгли ихъ домъ, но Іоанникій и сестра его Евдокія спаслись отъ меча и огня, спрятавшись въ бурьянѣ. Мальчикъ остался на попеченіи дяди, который, замѣтивъ въ племянникѣ охоту къ грамотѣ, отдалъ его въ ученіе къ приходскому дьячку. Впослѣдствіи Іоанникій поступилъ въ Кіевскую духовную академію, по окончаніи которой былъ опредѣленъ учителемъ Смоленской духовной семинаріи. Какъ способный препода-

даватель, онъ былъ приглашенъ законоучителемъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ въ Петербургѣ. Вѣроятно въ это время онъ былъ іеромонахомъ, потому что вскорѣ былъ возведенъ, за успѣшное преподаваніе своего предмета, въ санъ архимандрита. Затѣмъ онъ былъ назначенъ настоятелемъ Константино-Еленинскаго монастыря въ г. Владимірѣ, а въ 1779 году — ректоромъ новооткрытой въ г. Тамбовѣ духовной семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятелемъ Казанскаго Нижне-Ломовскаго монастыря, прежде Тамбовской, нынѣ Пензенской губерніи. Въ январѣ 1790 г. переведенъ настоятелемъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, съ опредѣленіемъ въ должность первенствующаго члена Нижегородской консисторіи. Послѣ того былъ членомъ синодальной конторы въ Москвѣ и настоятелемъ Донскаго ставропигіальнаго монастыря

Съ открытіемъ для Подоліи, 12 апрѣля 1795 г., самостоятельной православной епархіи, архимандритъ Іоанникій былъ возведенъ въ санъ епископа брацлавскаго и подольскаго. Выборъ палъ на него, какъ на уроженца южной Руси, знающаго притомъ польскій языкъ.

За неимѣніемъ въ Каменецъ-Подольскѣ соотвѣстственнаго помѣщенія, епископъ поселился въ мѣстечкѣ Шаргородѣ, Могилевскаго уѣзда, въ мужскомъ первоклассномъ монастырѣ, бывшемъ базилианскомъ.

Въ то время большинство униатовъ Юго-Западнаго края обратилось уже въ православіе, но не мало оставалось еще приходовъ въ униі. Епископу предстояло возстановить древнее благочестіе въ такихъ приходохъ. Задача была не изъ легкихъ. Вся администрація, начиная съ губернатора, состояла изъ поляковъ, которые поддерживали унию и католицизмъ; многочисленное латинское духовенство открыто вело пропаганду и своими интригами и разными происками смущало совѣсть насильно вовлеченнаго въ унию и не вполнѣ отставшаго отъ нея русскаго народа; крестьяне находились въ крѣпостной зависимости у пановъ-католиковъ. При этихъ условіяхъ епископъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе своимъ миссіонерскимъ подвигамъ, но, сознавая свой долгъ, дѣйствовалъ твердо и настойчиво и достигъ благожелательныхъ результатовъ. Путемъ личныхъ объясненій и настояній Іоанникій обратилъ въ православіе всѣ оставшіеся въ униі приходы.

Такимъ образомъ окончательное искорененіе униі на Подоліи обязано трудамъ и энергіи перваго каменецъ-подольскаго епископа.

Устраивая епархію, Іоанникій открылъ въ 1797 году въ Шаргородѣ духовную семинарію, которая въ 1806 году была переведена въ Каменецъ-Подольскъ, и обогатилъ семинарскую бібліотеку пожертвованіемъ книгъ свято-отеческой литературы. На собственные средства онъ учредилъ приходское училище въ Приворотѣ, загородномъ архіерейскомъ домѣ близъ Каменца. Пожертвовалъ 5,000 р. ассигн. на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Въ уѣздныхъ городахъ открылъ духовныя правленія и установилъ благочинненскіе округа, составивъ особую инструкцію для благочинныхъ.

Въ 1799 году Іоанникій переселился въ Каменецъ-Подольскъ во вре-

менное помѣщеніе въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, а потомъ въ особо назначенное для сего зданіе бывшаго францисканскаго монастыря.

15 сентября 1801 г. Іоанникій возведенъ въ санъ архіепископа и въ этомъ санѣ скончался 7 февраля 1819 г., 77 лѣтъ отъ роду. Погребенъ въ Каменецкой Іоанно-Предтеченской церкви, бывшей тогда кафедральнымъ соборомъ, на правомъ клиросѣ, гдѣ установлена металлическая доска съ изображеніемъ принадлежностей архіерейскаго сана и краткою біографіею почившаго.

10. Кирилль Богословскій-Платоновъ, архіепископъ подольскій и брацлавскій.

(Стр. 206).

Гравюра воспроизведена съ живописнаго портрета, находящагося въ Каменецъ-Подольскомъ древнехранилищѣ.

Архіепископъ Кирилль, въ мѣрѣ Константинъ, родился 14 мая 1788 г. въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ Троице-Сергіевой лавры. Отецъ его, Лукіанъ Яковлевичъ, былъ священникомъ въ томъ же селѣ и носилъ фамилію Воздвиженскій; но сынъ его, Константинъ, при поступленіи въ духовную семинарію при Троицкой лаврѣ, былъ названъ Богословскимъ въ честь храмоваго праздника въ с. Могильцахъ, куда былъ переведенъ въ 1789 году его отецъ. Впослѣдствіи фамилія его еще разъ была измѣнена. Въ 1806 году, послѣ смерти отца, Константинъ Богословскій остался круглымъ сиротой и, какъ лучшій ученикъ, принятъ былъ московскимъ митрополитомъ Платономъ въ число своихъ воспитанниковъ и при этомъ названъ Платоновымъ. Въ 1809 году Константинъ Богословскій-Платоновъ поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, по окончаніи которой въ 1814 году, со степенью магистра, былъ оставленъ при академіи бакалавромъ, въ томъ же году, 28 августа, постриженъ въ монахи съ именемъ Кирилла, а 4 сентября рукоположенъ въ іеромонахи. Въ 1817 году опредѣленъ ректоромъ Полтавской духовной семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ назначеніемъ настоятелемъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря. Въ это время Кирилль, ведя строго благочестивую жизнь, трудился надъ составленіемъ объясненій священнаго писанія и за истолковательный опытъ посланія къ евреямъ получилъ въ 1822 году степень доктора богословія. 28 сентября 1824 г. возведенъ въ санъ епископа дмитровскаго, викарія Московской епархіи, а 26 марта 1827 г. назначенъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ.

Вятская епархія, населенная инородцами-язычниками, вызвала обширную дѣятельность со стороны новаго епископа. Кирилль ревностно подвизался въ проповѣданіи евангелія и оживлялъ труды епархіальныхъ миссіонеровъ, а своимъ примѣрнымъ образомъ жизни и наставленіями повліялъ на нравственность духовенства.

Въ 1832 году, 24 января, Кирилль былъ призванъ къ управленію болѣе трудною и отвѣтственною епархіею. Возведенный въ санъ архіепископа подольскаго и брацлавскаго, онъ засталъ епархію въ состояніи крайняго разстройства. Предшественникъ его, епископъ Ксенофонтъ (Троепольскій), по старости лѣтъ и крайне болѣзненному состоянію своему, нѣсколько уже лѣтъ ни во что не вникалъ и оставилъ дѣла въ полномъ застоѣ. Къ тому же край, потрясенный недавнимъ мятежемъ, находился еще не въ спокойномъ состояніи. Православные священники были принижены бѣдностью и зависимою отъ польскихъ помѣщиковъ, а крестьяне, въ силу крѣпостнаго права, всецѣло находились въ рукахъ послѣднихъ. Ксендзы пользовались всею этимъ, не стѣснялись совращать ихъ въ католицизмъ и порицали православную церковь. Въ воссоединенныхъ изъ униі приходохъ царилъ беспорядокъ. Въ церквахъ этихъ приходовъ были иконы католическихъ святыхъ, боковые латинскіе престолы, монстранціи; младенцевъ крестили чрезъ обливаніе; таинство евхаристіи совершалось на бѣломъ винѣ и т. д. Многіе приходы православные оставались незамѣщенными, а кандидаты въ священники пѣлыми годами ожидали посвященія. Самая кафедра православнаго епископа не имѣла должной вѣшной высоты и значенія, и жители Каменецъ-Подольска давно уже не имѣли утѣшенія присутствовать при архіерейскомъ богослуженіи.

Такое нестроеніе было устранено, и епархіа приведена мудрымъ епископомъ въ должный порядокъ. Возвысивъ значеніе православнаго священника и замѣстивъ вакантные приходы достойными кандидатами, онъ успокоилъ умы паствы и возродилъ въ народѣ чувства вѣрности и преданности престолу и отечеству. Орудіемъ его въ томъ были смиренное слово, кроткое, но убѣдительное назиданіе. Для всѣхъ и всегда онъ былъ доступенъ, всѣхъ встрѣчалъ и провожалъ съ привѣтливою улыбкой на устахъ, служившей отраженіемъ его любвеобильной души и мягкосердія. Доброта и милосердіе свѣтились въ его кроткихъ очахъ, выражались во всемъ его обликѣ, слышались въ мягкомъ, симпатичномъ голосѣ его. Все это, вмѣстѣ съ благодушнымъ характеромъ, возвышеннымъ умомъ, необычайнымъ тактомъ и извѣстнымъ тономъ чловѣка лучшаго общества, привлекало къ нему людей всѣхъ состояній, безъ различія исповѣданій. Въ Вяткѣ Кирилль особенно много выказалъ дѣлъ милосердія, и тамъ говорили: «Кирилль милости творилъ». Въ Каменецъ-Подольскѣ онъ устранялъ споры и раздоры среди духовенства и паствы, и здѣсь онъ оставилъ память въ выраженіи «Кирилль всѣхъ мирилъ». Скромный въ своей жизни, иночески воздержный, нелюбостыжательный, часто нуждавшійся въ деньгахъ и не знавшій иногда на что купить себѣ новую рясу, Кирилль соблюдалъ, однако, величественную важность при богослуженіи. Дома онъ былъ постникъ и смиренный инокъ; въ храмѣ—величественный представитель господствующей православной церкви. Богослуженіе онъ совершалъ съ такою торжественностію, что католическіе патеры спѣшили въ соборъ послушать церковное пѣніе искусныхъ пѣвчихъ и насладиться краснорѣчивыми проповѣдями Кирилла, часто порицавшаго съ амвона заблужде-

нія католическаго вѣроученія, а латинскій каменецкій бискупъ нерѣдко приглашалъ къ себѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, чтобы послушать какую нибудь новую херувимскую пѣснь. Помѣщики-католики любили и уважали Кирилла и другъ передъ другомъ старались устроить ему пріемъ какъ можно блистательнѣе, а жены ихъ не разъ лобызали десницу православнаго архіерея и просили его благословенія для себя и своихъ дѣтей. Нужно замѣтить, что Кириллъ никогда не говорилъ по-польски и всегда держалъ себя какъ слѣдовало православному іерарху. Такое сближеніе Кирилла съ поляками-помѣщиками приносило несомнѣнную пользу православію: многіе изъ нихъ, по указанію епископа, оказывали помощь приходскимъ священникамъ и церквямъ, а нѣкоторые помѣщики принимали на себя даже обязанности церковнаго старосты.

Вообще преосвященный Кириллъ много потрудился на пользу православія и былъ выдающимся іерархомъ. При немъ возвратились къ православію нѣкоторые изъ соvrащенныхъ въ католицизмъ и даже католики переходили въ нашу вѣру. Имъ возбуждены были вопросы объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ отъ работъ на помѣщика въ воскресные и праздничные дни, о прекращеніи такъ называемой пчельной десятины съ православныхъ, объ устраненіи корчемъ, расположенныхъ близъ церквей, и о прекращеніи корчемства во время православнаго богослуженія.

Неустанные труды, сопряженные съ разъѣздами по епархіи, постоянныя бдѣнія съ строгимъ постомъ разстроили слабое здоровье архіепископа Кирилла. Онъ обратился къ мѣстнымъ врачамъ, но они не только не принесли пользы больному, но еще усилили недугъ. Между тѣмъ изъ Петербурга былъ полученъ вызовъ его къ присутствованію въ св. Синодѣ. Кириллъ отправился въ Петербургъ и тамъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ, именно 28 марта 1841 г., скончался. Погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ Феодоровой церкви за правымъ клирѣсомъ.

11. Кіевскій военный губернаторъ и генераль-губернаторъ подольскій и волынскій, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи Д. Г. Бибииковъ.

(Стр. 213).

Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ происходитъ изъ древняго рода, получившаго начало отъ Феодора Бибика, правнука Жидимира, родственника хановъ Синей орды, вышедшаго около 1300 года изъ своей родины къ князю Михаилу Ярославичу. Внуку генераль-аншефа Александра Ильича Бибиикова, знаменитаго дипломата, администратора и военачальника, Дмитрій Гавриловичъ родился въ 1792 году и въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ на службу въ милицію московскаго войска. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1808 году, онъ перешелъ въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ штурмѣ Журжи. Въ отечественную войну 1812 года онъ принималъ во многихъ сраженіяхъ дѣятельное участіе; подъ Бородинымъ лишился лѣвой руки

и, получивъ орденъ св. Георгія 4 ст., вынужденъ былъ оставить службу. Въ 1819 году, переименованный въ чинъ коллежскаго совѣтника, онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ сперва во Владиміръ, а потомъ въ Саратовъ и Москву. Въ 1825 году получилъ должность директора департамента внѣшней торговли и члена мануфактурнаго совѣта. Произведенный въ 1828 году въ тайные совѣтники, Бибиковъ въ 1835 году былъ причисленъ къ министерству финансовъ. Въ 1838 году переименованъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ кievскимъ военнымъ губернаторомъ и генераль-губернаторомъ подольскимъ и волынскимъ.

Высоко цѣнимый императоромъ Николаемъ I, Д. Г. Бибиковъ вступилъ въ управленіе Юго-Западнымъ краемъ семь лѣтъ спустя послѣ польскаго мятежа 1831 года. Возстаніе, казалось, было подавлено, въ дѣйствительности же «будованье оѣчизны» не прекращалось. Польскіе эмигранты, продолжая разносить по Европѣ возмутительныя клеветы на Россію, на «московское варварство», высылали въ наши западныя губерніи эмиссаровъ, которые распространяли революціонныя сочиненія, собирали «офяры» и возбуждали населеніе противъ законнаго правительства. Дѣятельными пособниками эмиссаровъ являлись мѣстные ксендзы, женщины и учащая молодежь. Въ то же время организовались разныя тайныя политическіе общества и союзы. Ненормальное положеніе нашихъ западныхъ окраинъ усиливалось еще тѣмъ, что сельское населеніе, — русское и православное, — находилось въ закрѣпощеніи у польскихъ пановъ. Крѣпостное право, тягостное само по себѣ, оказывалось въ этомъ случаѣ чѣмъ-то чудовищнымъ. Помимо ненависти пановъ къ русскимъ православнымъ крестьянамъ, въ нихъ появилось чувство мести къ послѣднимъ за оказанное ими противодѣйствіе возстанію и за приверженность ихъ престолу и отечеству. Послѣ 1831 года паницина произвольно была увеличена панами до того, что крестьянамъ не оставалось ни одного дня въ недѣлю на обработку собственныхъ полей, при этомъ они подвергались жестокимъ наказаніямъ: плетью, заковываніемъ въ кандалы, битьемъ головы и т. п. Безчеловѣчной жестокости пановъ надъ крестьянами, казалось, не было конца и предѣла. Предводители дворянства избирались изъ поляковъ и конечно не отъ нихъ могъ ожидать православный народъ защиты и справедливости. Особенно тягостно было положеніе крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости у латинскаго духовенства. До 1841 года католическіе приходы и монастыри въ Юго-Западномъ краѣ владѣли болѣе 40.000 душами крестьянъ, которые, за исключеніемъ 5.000 совращенныхъ въ католицизмъ, всѣ были православныя. Слѣдуя примѣру пановъ, ихъ управляющихъ и арендаторовъ, ксендзы и монахи подвергали крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ и, пользуясь своею властью, соврачали ихъ въ латинство. По богатству и вліянію своему стоявшее на одномъ уровнѣ съ панами, латинское духовенство замѣтно возвышалось надъ мѣстнымъ обездоленнымъ православнымъ духовенствомъ. Въ силу преобладающаго значенія своего, ксендзы безбоязненно, при всякомъ случаѣ — въ школахъ, въ костелѣ, въ юбилейныхъ

процессіяхъ,—превозносили величіе римской церкви, порицали православіе, возмущали народъ противъ правительства и вселяли надежду на возстановленіе Польши. Ксендзовскія внушенія въ особенности возбуждали юношество, вселяя въ него противуправительственныя стремленія. Все это оставалось безнаказаннымъ, такъ какъ административно-полицейская власть находилась въ ненадежныхъ рукахъ чиновниковъ польскаго происхожденія.

Вотъ въ какомъ положеніи находился Юго-Западный край, когда генераль Бибииковъ вступилъ въ должность генераль-губернатора.

Опытный администраторъ и истинно русскій человѣкъ, Д. Г. Бибииковъ умѣло и твердо принялся за оздоровленіе края. Основною задачею своею положилъ онъ искорененіе польскихъ революціонныхъ стремленій, ослабленіе польскаго вліянія, возвышеніе многочисленнаго, но подавленнаго и безправнаго русско-православнаго элемента и завершеніе сліянія искони русскаго Юго-Западнаго края съ Имперіею.

Назначенная Бибииковымъ слѣдственная коммиссія открыла политическіе заговоры и мѣстныя подпольныя интриги. Главные агитаторы были посланы въ восточныя губерніи, а студенты и профессора Кіевскаго университета размѣщены по другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи. И по внѣшнему, и по внутреннему своему состоянію край успокоился, и лишь подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1840 года появились-было признаки прежняго мятежнаго духа, но энергическими мѣрами со стороны генераль-губернатора искра польскаго революціоннаго движенія была погашена и спокойствіе въ краѣ болѣе не нарушалось во все время управленія имъ Бибииковымъ.

На очищенной такимъ образомъ почвѣ Д. Г. Бибииковъ приступилъ къ кореннымъ преобразованіямъ края на началахъ, которыя отвѣчали историческому значенію южно-русской области. Прежде всего имъ былъ составленъ проектъ объ устраниніи католическаго духовенства отъ непосредственнаго управленія населенными имѣніями; утвержденный государемъ, проектъ этотъ получилъ осуществленіе не сразу: въ 1842 году были приняты имѣнія отъ католическихъ монастырей, а въ 1844 году—отъ бѣлаго латинскаго духовенства; имѣнія эти были переданы въ управленіе министерства государственныхъ имуществъ, а доходы съ нихъ выдавались духовенству; впослѣдствіи, въ видахъ равномѣрнаго распредѣленія доходовъ между монастырями и приходами, имѣнія духовенства обращены въ казну, которая начала выплачивать ксендзамъ и монахамъ содержаніе по особо установленнымъ штатамъ, въ размѣрѣ, отвѣчающемъ прежнимъ доходамъ съ имѣній. Освободивъ этимъ путемъ русскихъ крестьянъ отъ зависимости къ иновѣрному духовенству, Бибииковъ обратилъ вниманіе на крестьянъ казенныхъ имѣній, состоящихъ въ арендѣ у поляковъ, которые злоупотребляли правомъ пользованія барщиной наравнѣ съ помѣщиками и духовенствомъ. По ходатайству генераль-губернатора, казенные крестьяне въ 1844 году были обращены на оброкъ. Насколько эта мѣра была благожелательна и плодотворна, доказательствомъ

можетъ служить то, что по обнародованіи правительственнаго о томъ распоряженія, крестьяне звонили въ церковные колокола, какъ въ великъ день, дѣлали пожертвованія въ храмы и т. п., а въ одномъ имѣніи крестьяне-католики выразили свою благодарность принятіемъ православія. Оказалось въ послѣдствіи, что установленіе вмѣсто барщины оброка возвысило благосостояніе крестьянъ и увеличило доходы казны съ имѣній этой категоріи. Одновременно съ тѣмъ генераль-губернаторъ былъ озабоченъ разрѣшеніемъ вопроса о крестьянахъ частныхъ имѣній. Въ видахъ улучшенія ихъ положенія, Бибиковымъ были составлены такъ называемые инвентари, которые опредѣлительно устанавливали повинности крестьянъ и права помѣщиковъ на крѣпостной трудъ. Утвержденные 26 мая 1847 г., не смотря на сильныя польскія интриги въ Петербургѣ, инвентари ограничили своеволие и произволъ пановъ въ пользованіи барщиной и тѣмъ ослабили ихъ вліяніе на сельское населеніе. Д. Г. Бибиковъ предполагалъ идти дальше. Онъ хотѣлъ принять мѣры къ усиленію русскаго крупнаго землевладѣнія въ краѣ посредствомъ установленія маіоратовъ, но этотъ проекутъ не получилъ осуществленія. Впрочемъ если Бибикову не удалось такимъ путемъ увеличить число русскихъ дворянъ въ краѣ, то онъ сократилъ число дворянъ польскихъ. Многочисленная мелкая шляхта сомнительнаго происхожденія, безъ документовъ о своемъ дворянствѣ или съ фальшивыми дворянскими дипломами, фабриковавшимися въ Бердичевѣ, наполняла села и деревни, ничѣмъ не отличаясь отъ крестьянъ и часто находясь на службѣ у помѣщиковъ кучерами, поварами, лакеями. Свободная отъ личныхъ повинностей предъ государствомъ и всегда готовая къ услугамъ пановъ, шляхта представляла собою пригодный матеріалъ для польскаго революціоннаго дѣла. Генераль-губернаторъ, испросивъ разрѣшеніе на пересмотръ правъ шляхты на дворянское достоинство, образовалъ для сего особую комиссію, которая исключила 81.000 шляхтичей изъ дворянскихъ списковъ, вслѣдствіе чего всѣ они были обращены въ податное состояніе.

Дальнѣйшая дѣятельность Д. Г. Бибикова по преобразованію края состояла въ уменьшеніи числа римско-католическихъ семинарій, съ введеніемъ въ оставшихся семинаріяхъ преподаванія предметовъ на русскомъ языкѣ: въ возстановленіи въ Кіевѣ университета, учрежденіи института благородныхъ дѣвицъ, многихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній военнаго и гражданскаго вѣдомствъ; въ установленіи строгаго надзора за существующими средними учебными заведеніями и народными школами; въ воспрещеніи имѣть при костелахъ такъ называемыя конфессіональныя школы, служившія разсадниками вредныхъ политическихъ тенденцій; въ обезпеченіи православнаго духовенства назначеніемъ ему жалованья и надѣленіемъ причтовъ землею; въ уничтоженіи дѣйствія Литовскаго Статута, искаженнаго польскимъ законодательствомъ; въ закрытіи дѣйствовавшихъ въ краѣ отдѣленій польскаго банка и учрежденіи въ Кіевѣ конторы государственнаго банка; въ введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство всѣхъ учреждений, не исключая и като-

лическихъ консисторій; въ замѣнѣ польскихъ чиновниковъ русскими; въ уничтоженіи еврейскихъ кагаловъ; въ запрещеніи евреямъ носить древне-іудейскую одежду и проч. Историческая наука обязана Д. Г. Бибикову учрежденіемъ въ Кіевѣ въ 1843 году комиссіи для разбора древнихъ актовъ, хранящихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній, и въ 1851 году—центрального архива для хранения актовыхъ книгъ этихъ губерній.

Значеніе заслугъ Д. Г. Бибикова передъ Юго-Западнымъ краемъ и передъ всѣмъ государствомъ достаточно опредѣляется всѣмъ тѣмъ, что въ краткихъ чертахъ здѣсь изложено. Эти заслуги оцѣнены были въ Божѣ почившимъ императоромъ Николаемъ I: въ 1843 году Дмитрій Гавриловичъ получилъ званіе генераль-адъютанта и произведенъ въ чинъ генераль-отъ-инфантеріи, а въ 1848 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта, съ оставленіемъ въ должности кіевскаго генераль-губернатора.

Въ 1852 году генераль-адъютантъ Бибиковъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ февралѣ 1855 года онъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ проживалъ въ кругу своей семьи. 22 февраля 1870 года Дмитрій Гавриловичъ скончался.

12. Предсѣдатель кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ М. В. Юзефовичъ.

(Стр. 221).

М. В. Юзефовичъ родился 13 іюня 1802 года, въ селѣ Сотниковкѣ, Пятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ имѣніи, которое, современи его заселенія, въ концѣ XVII вѣка и до настоящаго дня, никогда не выходило изъ его рода. Отецъ его, по окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ и женитьбѣ въ Москвѣ на Варварѣ Николаевнѣ Волковой, постоянно проживалъ въ этомъ имѣніи.

Получивъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, одномъ изъ лучшихъ въ то время учебно-воспитательныхъ заведеній, Михаилъ Владиміровичъ поступилъ на службу въ Чугуевскій уланскій полкъ, въ дивизію своего дяди Д. М. Юзефовича, человека умнаго и образованнаго, вліяніе котораго несомнѣнно отразилось на умственномъ развитіи племянника. Вскорѣ послѣ кончины дяди, которая была тяжелымъ ударомъ для М. В., вспыхнула война съ Персією. Дивизія, въ которой онъ служилъ, получила назначеніе на театръ военныхъ дѣйствій и Юзефовичъ съ увлеченіемъ отправился туда, куда манило его и обаятельное имя Ермолова и Кавказъ, только-что воспѣтый Пушкинымъ. Съ 1826 до конца 1829 года, онъ безотлучно находился въ дѣйствующей арміи, сперва въ персидскую, а потомъ и въ турецкую кампанію, въ качествѣ адъютанта Н. Н. Раевского, съ которымъ былъ связанъ тѣсною дружбою. Въ это-же время онъ познакомился съ Грибоѣдовымъ, Денисомъ Давыдовымъ и Львомъ

Пушкинымъ, дружба съ которымъ не прерывалась до самой его смерти. Однимъ изъ эпизодовъ этого времени, оставившимъ особенно глубокій слѣдъ въ памяти Юзефовича, былъ прѣздъ А. С. Пушкина, заранѣе возвѣщенный письмомъ къ Раевскому. Нечего и говорить о томъ лихорадочномъ нетерпѣніи, съ которымъ ожидалъ онъ осуществленія своего давнишняго завѣтнаго желанія познакомиться съ гениальнымъ поэтомъ. Во все продолженіе пребыванія Пушкина при арміи, Юзефовичъ ежедневно видѣлся съ нимъ; продолжительныя, оживленныя бесѣды, центромъ и душою которыхъ былъ А. С. Пушкинъ, служили предметомъ любимѣйшихъ воспоминаній Михаила Владиміровича, съ увлеченіемъ переносившагося мыслью къ тѣнямъ прошлаго. Объ Юзефовичѣ упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ». Во время турецкой компаніи, 13 августа 1828 г., будучи посланъ для обозрѣнія непріятельскихъ засадъ близъ крѣпости Ахалцыха, Юзефовичъ былъ раненъ пулею въ правую ногу выше колѣна. Пуля изъ раны никогда извлечена не была и еще долго послѣ раненія причиняла ему большія страданія. Онъ проносилъ ее въ себѣ болѣе 60 лѣтъ.

По окончаніи кампаніи, начались военныя передвиженія къ польской границѣ, длившіяся цѣлый годъ и тяжелыя преимущественно тѣмъ, что, въ концѣ концовъ, его часть такъ и не приняла участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ 1836 году Юзефовичъ женился на Аннѣ Максимовнѣ Гудимъ-Левковичъ и, покинувъ службу, четыре года прожилъ въ своемъ Полтавскомъ помѣстьѣ, посвятивъ себя приведенію въ порядокъ своихъ имущественныхъ дѣлъ. Но энергическая его натура требовала большаго простора и дѣятельности. Въ 1840 году онъ съ радостью принялъ предложенную ему должность сперва инспектора казенныхъ училищъ, а вскорѣ затѣмъ и помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа. На этомъ поприщѣ имя его тѣсно связано съ дѣятельностью энергическаго и стойкаго ревнителя русскихъ интересовъ въ краѣ — Д. Г. Бибикова. Дмитрій Гавриловичъ, съ проницательностью, свойственною государственнымъ умамъ, понялъ истинныя задачи русской политики въ краѣ, гдѣ еще недавно господствовали польскіе законы, гдѣ судъ чинился на польскомъ языкѣ, а во многихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и переписка велась по-польски. Большинство служащихъ были поляки, въ составѣ учебнаго персонала также преобладалъ польскій элементъ. Крестьяне были въ полномъ порабощеніи у польскихъ помѣщиковъ, и даже въ случаяхъ вопіющихъ злоупотребленій помѣщицьею властью не находили защиты со стороны полиціи, также, въ большинствѣ, состоявшей изъ поляковъ. Многія изъ мѣропріятій, проведенныхъ Бибиковымъ, оставили глубокіе слѣды. Его инвентари ограничили помѣщичій произволъ въ краѣ, гдѣ крѣпостное право, вслѣдствіе національной и религіозной розни, существовавшей между помѣщиками и крестьянами, носило гораздо болѣе суровый характеръ, чѣмъ въ остальной Россіи. Вся административная его система отличалась стройностью, твердостью и отсутствіемъ колебаній. Въ учебномъ

дѣлѣ преобладала та-же разумная твердость. Но хотя розги признавались однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ исправленію, за то исключенія нерадивыхъ или порочныхъ воспитанниковъ практиковались только въ самыхъ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ, когда всѣ остальные мѣры были уже исчерпаны безъ успѣха и когда сообщество порочнаго воспитанника грозило нравственною порчею его товарищамъ. Особенное вниманіе было постоянно обращено на воспитательную часть въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1840 году началось устройство при гимназіяхъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній общихъ ученическихъ квартиръ. До того времени существовали только такъ называемые благородные пансіоны, доступъ въ которые, вслѣдствіе дороговизны содержанія, былъ для многихъ затруднителенъ. Общія квартиры подраздѣлены были на нѣсколько разрядовъ, сообразно съ средствами воспитанниковъ, отъ 45 до 200 р. въ годъ, причемъ въ каждомъ разрядѣ приблизительно одинъ изъ 12 учениковъ освобождался отъ платы. Все лѣто было посвящено устройству и приспособленію квартиръ и уже въ началѣ учебнаго года, въ пяти гимназіяхъ, гдѣ онѣ первоначально были устроены, на 1748 учениковъ помѣщалось въ общихъ квартирахъ 981 человекъ, изъ коихъ содержалось безплатно 86 воспитанниковъ. Наблюденіемъ за устройствомъ и развитіемъ общихъ квартиръ особенно ревностно занимался М. В. Юзефовичъ, близко знавшій весь педагогическій персоналъ и, при частыхъ обзорѣніяхъ учебныхъ заведеній, входившій во всѣ мелочи быта воспитанниковъ. Значеніе этихъ интернатовъ, съ самаго начала, было оцѣнено тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ. Вотъ, что онъ говоритъ о нихъ во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1840 годъ: «благодѣтельный опытъ, начатый по Кіевскому учебному округу учрежденіемъ квартиръ для вольныхъ, безпріютныхъ учениковъ, воспріялъ благополучное начало. Существо сего дѣла принадлежитъ, можетъ быть, къ важнѣйшимъ предпріятіямъ министерства въ прошломъ году... Мѣра сія, при дѣятельномъ участіи кіевскаго военнаго губернатора, увѣнчалась успѣхомъ свыше всякаго чаянія, какъ я удостоверился личнымъ осмотромъ новыхъ пріютовъ обучающагося юношества, найдя ихъ въ отличномъ во всѣхъ частяхъ порядкѣ».

Пріязненные отношенія Д. Г. Бибикова къ Юзефовичу сохранились до самой кончины Бибикова. Для истинно дружеской переписки съ М. В. Бибиковъ находилъ время и въ періодъ своей министерской дѣятельности и въ наступившій вскорѣ періодъ опалы, когда, постоянно почти проживая въ Дрезденѣ, онъ не переставалъ съ живымъ и напряженнымъ интересомъ, безъ малѣйшаго отгѣнка озлобленія, слѣдить за совершавшимися, одна за другою, крупными реформами.

Служебныя занятія не мѣшали М. В. Юзефовичу интересоваться всѣмъ тѣмъ, что имѣло отношеніе къ изученію роднаго, искони русскаго края, такъ много выстрадавшаго въ борьбѣ за свою самобытность. При тепломъ и дѣятельномъ участіи Ю. О. Самарина, по мысли и программѣ Д. П. Жу-

равскаго, образована была въ 1851 году комиссія для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, предсѣдательство въ которой принялъ на себя Юзефовичъ. Дѣятельное участіе въ занятіяхъ ея принимали, между прочимъ, Н. Х. Бунге и В. В. Тарновскій. Къ сожалѣнію, болѣзнь вскорѣ помѣшала Журавскому продолжать свои плодотворныя занятія въ комиссіи, ученые труды которой пользуются почетною извѣстностью.

Въ 1856 году Юзефовичъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ, не связанный болѣе служебными занятіями, онъ съ увлеченіемъ предался дѣлу, которое не покидалъ до самой своей смерти. Въ 1857 году онъ занялъ мѣсто предсѣдателя кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Комиссія эта учреждена въ 1843 году. Въ теченіе первыхъ лѣтъ ея существованія, она преимущественно занята была открытіемъ и приведеніемъ въ извѣстность историческихъ матеріаловъ, подлежащихъ ея разработкѣ. Памятникомъ этого періода ея дѣятельности служить учрежденный по ея инициативѣ Кіевскій центральный архивъ, въ которомъ хранятся свыше 6,000 древнихъ актовыхъ книгъ и около полумилліона отдѣльных документовъ, относящихся къ XVI — XVIII стол. Въ этотъ-же періодъ изданы были 4 тома «Памятниковъ», двѣ малороссійскія лѣтописи (Величка и Граблики) и «жизнь князя Курбскаго на Волыни *). Какъ ни драгоценны сами по себѣ эти изданія по важности и разнообразію заключающихся въ нихъ историческихъ матеріаловъ, но одно уже разнообразіе ихъ содержанія свидѣтельствовало о недостаткѣ единства и системы въ трудахъ комиссіи, объ отсутствіи строго выработаннаго плана въ выборѣ и расположеніи матеріаловъ, которые притомъ издавались большею частью въ сыромъ, необработанномъ видѣ и нерѣдко безъ должной критики.

Со времени назначенія предсѣдателемъ комиссіи М. В. Юзефовича открывается новый и болѣе плодотворный періодъ дѣятельности этого полезнѣйшаго учрежденія. Первой заботой новаго предсѣдателя было выработать опредѣленную программу для ея изданій. Ознакомившись ближе съ содержаніемъ актовъ, хранящихся въ центральномъ архивѣ, комиссія убѣдилась, что они заключаютъ неисчерпаемое богатство историческихъ данныхъ, для объясненія различныхъ сторонъ прошлой жизни юго-западной Руси: политической, религіозной, экономической, бытовой, юридической и многихъ другихъ. Сообразно съ этимъ признано было полезнымъ радикально измѣнить прежній порядокъ изданія историческихъ матеріаловъ, подчинивъ ихъ извѣстному систематическому плану, такъ, чтобы отнынѣ каждое новое изданіе представляло собою не случайный сборникъ документовъ, относящихся къ различнымъ предметамъ, но было бы посвящено объясненію одной какой-либо стороны прошедшей жизни изучаемаго края. Съ этою цѣлью главнымъ редакторомъ комиссіи, проф. Н. Д. Иванішевымъ, составленъ былъ въ 1858 г.

*) Не упоминаемъ о специально-археологическомъ изданіи комиссіи «Древности» (три тетради съ рисунками), 1846 г.

подробный планъ, по которому всѣ, подлежащіе разбору комиссіи историческіе матеріалы были раздѣлены, по ихъ содержанию, на слѣдующіе отдѣлы:

I. Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ юго-западной Россіи, включая сюда исторію православныхъ церквей, монастырей, церковныхъ братствъ и учрежденныхъ ими училищъ и госпиталей.

II. Акты объ устройствѣ селеній, куда преимущественно относятся инвентари, раздѣльные акты и арендныя условія; въ нихъ изображается сельская администрація, распределение поземельной собственности, организація земледѣльческаго труда и отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ.

III. Акты объ устройствѣ городовъ и ихъ экономическомъ состояніи.

IV. Дѣла судебныя: акты судовъ королевскихъ, городскихъ, помѣщичьихъ и въ особенности судебныя акты сельскихъ общинъ, сохранившихъ до позднѣйшаго времени слѣды древней автономіи, имѣвшихъ свои народныя собранія, свои суды и свою особую систему обычнаго права.

V. Акты государственно-экономическіе, касающіеся сбора податей и пошлинъ, монетныхъ уставовъ и разныхъ торговыхъ постановленій.

VI. Постановленія провинціальныхъ сеймовъ и инструкціи посламъ, отправлявшимся на генеральныя сеймы. Эти акты важны тѣмъ, что въ нихъ яснѣе всего выражается духъ, настроеніе и общественныя нужды каждаго воеводства.

VII. Акты, изображающіе политическія событія въ Польшѣ и юго-западной Россіи, преимущественно войны казацкія.

VIII. Матеріалы для исторіи княжескихъ и дворянскихъ родовъ юго-западной Россіи.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ долженъ составлять особую часть изданія подъ общимъ заглавіемъ «Архива юго-западной Россіи»; каждая часть можетъ заключать въ себѣ одинъ или нѣсколько томовъ, смотря по количеству матеріаловъ. Въ началѣ каждаго тома должно быть представлено подробное изложеніе и разработка тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ изданныхъ актахъ.

Съ тѣхъ поръ и по настоящее время, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, комиссія руководствуется въ своей ученой дѣятельности этимъ планомъ, допустивъ въ немъ лишь незначительныя измѣненія, оказавшіяся необходимыми при его практическомъ осуществленіи; измѣненія эти касаются, главнымъ образомъ, порядка и расположенія частей и включенія новыхъ отдѣловъ, которые не могли быть предусмотрѣны 30 лѣтъ назадъ.

Чтобы оцѣнить по достоинству результаты ученой дѣятельности комиссіи, надо принять во вниманіе, что всѣ ея работы исполнены при самыхъ скромныхъ средствахъ. До 1867 г., на содержаніе комиссіи отпускаемо было изъ казны всего 1,428 р. 55 к. въ годъ. Съ самаго начала своего предсѣдательства Юзефовичъ обратилъ вниманіе высшей власти на крайнюю недостаточность средствъ комиссіи и только благодаря его энергіи и настойчивымъ ходатайствамъ, бюджетъ ея былъ увеличенъ до 6,000 р. Другая, еще болѣе важная

заслуга его заключалась въ умѣнн избрать и привлечь къ участию въ работахъ комиссіи способныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ Это было и есть дѣло далеко не легкое въ провинціальномъ городѣ, особенно при ничтожной платѣ за трудъ, какую могла предложить комиссія. Особенно удачнымъ оказался выборъ въ 1863 году главнаго редактора комиссіи въ лицѣ молодаго въ то время кандидата историческихъ наукъ В. Б. Антоновича, нынѣ заслуженнаго профессора университета св. Владиміра, пріобрѣвшаго всеобщую извѣстность своими учеными трудами. Въ высшей степени полезными сотрудниками М. В. были также профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ и О. И. Левицкій, оба пользовавшіеся особеннымъ его расположеніемъ.

М. В. Юзефовичъ всею душою былъ преданъ своему дѣлу и любилъ свою комиссію, съ которою, такъ сказать, сроднился во время 32 лѣтняго въ ней предсѣдательства. Еще вечеромъ, наканунѣ кончины, при наступившемъ уже окончательномъ упадкѣ физическихъ силъ, онъ оживленно бесѣдовалъ съ О. И. Левицкимъ о готовившихся къ печати изданіяхъ комиссіи. Одною изъ послѣднихъ радостей въ жизни его было открытіе въ 1888 г. памятника Богдану Хмельницкому. Первоначальная мысль о созданіи достойнаго монумента этому знаменитому историческому дѣятелю принадлежитъ М. А. Максимовичу. М. В. Юзефовичъ съ жаромъ ею увлекся и приложилъ всѣ свои силы и энергію къ собранію необходимыхъ средствъ и къ осуществленію задуманнаго предпріятія. Не смотря на свои преклонныя лѣта и на ослабленіе силъ, все болѣе и болѣе ощущавшееся имъ въ послѣдніе годы жизни, его энергіи и настойчивости удалось отстоять подобающее для памятника мѣсто на Софійской площади, откуда хотѣли его вытѣснить на Бессарабскую площадь, занятую толкучимъ рынкомъ и совершенно лишнюю всякаго историческаго значенія.

М. В. Юзефовичъ много писалъ въ мѣстномъ органѣ печати — «Кіевлянинѣ», равно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Днѣ», въ «Le Nord» и издалъ не мало отдѣльныхъ брошюръ, большею частью касавшихся жизни и интересовъ Юго-Западнаго края. Особенно любопытна была, въ началѣ 60-хъ годовъ, его полемика въ «Днѣ» съ М. А. Грабовскимъ, однимъ изъ талантливыхъ и убѣжденныхъ борцевъ за польское дѣло. Не смотря на коренное разномысліе, они относились другъ къ другу съ взаимнымъ уваженіемъ. Грабовскій не разъ дѣлалъ упрекъ ревнителямъ русскаго дѣла въ томъ, что они борются съ поляками неравнымъ оружіемъ; М. В. нѣсколько разъ вызывалъ его на печатную исповѣдь, но всякій разъ получалъ въ отвѣтъ, что это трудъ напрасный, такъ какъ все равно цензура не пропуститъ. Послѣ долгихъ убѣжденій, Грабовскій написалъ, наконецъ, исповѣдь, но, по содержанію ея, былъ увѣренъ, что ее не пропуститъ цензура. Юзефовичъ, съ согласія Грабовскаго, принялся хлопотать о разрѣшеніи статьи. Онъ указывалъ, съ одной стороны, на затруднительность полемики съ поляками, если имъ запрещено будетъ высказываться, съ другой — на слабость ихъ доводовъ въ защиту

польскихъ притязаній на Западный край,—слабость, которая не можетъ не проявиться съ особенною яркостью при свободномъ обсужденіи вопроса. Статья была дозволена и, къ удивленію Грабовскаго, появилась безъ всякихъ измѣненій въ «Днѣ».

Михаилъ Владиміровичъ прожилъ безвыѣздно въ Кіевѣ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ. Домъ его былъ радушинымъ и гостепріимнымъ центромъ, гдѣ чередовались цѣлыя поколѣнія кіевлянъ. Его вечернія собранія по пятницамъ почти полвѣка съ интересомъ посѣщались и мѣстными жителями и пріѣзжими, и кіевское общество нѣсколько разъ удостоивало его единодушныхъ и трогательныхъ выраженій сочувствія. Не было ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго человѣка, который, бывая въ Кіевѣ, съ нимъ бы не познакомился. Въ числѣ другихъ, нельзя не упомянуть о Бальзакѣ, не разъ посѣщавшемъ Кіевъ и отъ котораго сохранилось нѣсколько писемъ къ Юзефовичу.

Переживъ цѣлыя поколѣнія друзей и сверстниковъ, а въ послѣдніе годы почти окончательно потерявъ слухъ, что, при его общительности, было для него очень тяжело, Михаилъ Владиміровичъ до конца жизни сохранилъ ясность и свѣжесть умственныхъ силъ. Съ начала 1889 года онъ сталъ тихо угасать и 21 мая спокойно, безболѣзненно окончилъ свой жизненный путь, напутствуемый искреннимъ сожалѣніемъ всѣхъ близко знавшихъ его людей.

13. Подольскій архіепископъ Арсеній, впоследствии митрополитъ кіевскій и галицкій.

Стр. (229).

Митрополитъ Арсеній, въ мірѣ Федоръ Павловичъ Москвинъ, родился въ 1795 году въ селѣ Воронѣ, Костромскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ діакономъ. Иноческій санъ онъ принялъ въ 1821 году, когда былъ еще студентомъ С.-Петербургской духовной академіи. Окончивъ въ 1823 г. академическій курсъ со степенью магистра, онъ былъ оставленъ въ академіи бакалавромъ богословскихъ наукъ. Въ 1825 году назначенъ ректоромъ Могилевской духовной семинаріи; въ 1826 году возведенъ въ санъ архимандрита. Затѣмъ онъ былъ ректоромъ духовныхъ семинарій Орловской, Рязанской и Тверской. 24 апрѣля 1832 г. архимандритъ Арсеній былъ рукоположенъ въ санъ епископа тамбовскаго и шацкаго, 5 апрѣля 1841 г. возведенъ въ санъ архіепископа подольскаго и брацлавскаго, а 6 ноября 1848 г. назначенъ архіепископомъ варшавскимъ и управляющимъ Волынской епархіею и Почаевскія Успенскія лавры священно-архимандритомъ. 1 іюля 1860 года определенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и въ этомъ санѣ скончался 26 апрѣля 1876 г.

За ученые труды митрополитъ Арсеній былъ избранъ почетнымъ членомъ духовныхъ академій Кіевской и Московской, а также медико-хирурги-

ческой академіи, императорской публичной бібліотеки, С.-Петербургскихъ университета и археологическаго общества.

Послѣ учрежденія въ 1795 году Подольской православной епархіи, преосвященный Арсеній былъ пятимъ, по времени, епископомъ подольскимъ. Подольская епархіа того времени, подъ разумнымъ управленіемъ высоко даровитаго и тактичнаго архипастыря Кирилла Богословскаго-Платонова, находилась въ болѣе благоустроенномъ положеніи, но многіе изъ его предначертаній ожидали своего осуществленія и православіе все еще нуждалось тамъ въ опорѣ и попеченіи. Въ числѣ очередныхъ дѣлъ на первомъ планѣ было возвращеніе въ лоно православной церкви совращенныхъ въ католицизмъ. Въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ архіепископу Арсенію приходилось сталкиваться съ интригами и различными препятствіями и вести иногда борьбу съ мѣстной губернской администраціей; но при своемъ мужественномъ характерѣ и настойчивости архипастырь выходилъ изъ борьбы съ честью для себя и съ пользою для православной церкви. Многіе изъ совращенныхъ были возвращены православію, которое принимали даже католики. Немало затрудненій встрѣчалъ архіепископъ въ отношеніяхъ польскихъ помѣщиковъ къ православнымъ сельскимъ священникамъ, на которыхъ ввоздвигались обвиненія въ неправильномъ будто-бы разьясненіи крестьянамъ ихъ обязанностей къ помѣщикамъ по инвентарнымъ правиламъ и въ возбужденіи крестьянъ противъ помѣщиковъ. Обвиненія оказывались неосновательными, и ни въ чемъ неповинные священники, стараніемъ и настойчивостью достойнаго архипастыря, получали оправданіе.

Семилѣтнее слишкомъ управленіе архіепископомъ Арсеніемъ Подольскою епархіею, гдѣ интересы православія сталкивались съ римскимъ католичествомъ и присущимъ ему прозелитизмомъ, дали Арсенію надлежащую подготовку для достойной дѣятельности въ двухъ другихъ епархіяхъ—Волинской и Варшавской, состоявшихъ въ одновременномъ его управленіи около 12 лѣтъ, до назначенія его кievскимъ митрополитомъ.

14. Кіевскій, подольскій и волинскій генералъ губернаторъ, генералъ отъ-артиллеріи А. П. Безакъ.

(Стр. 249).

Александръ Павловичъ Безакъ родился въ 1780 г. По окончаніи курса наукъ въ Царско-Сельскомъ лицей, онъ началъ службу по военному вѣдомству. Поступивъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ 1-ю артиллерійскую бригаду, онъ скоро выказалъ способности и усердіе и черезъ семь лѣтъ былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ русско-турецкую войну 1828 года и при усмиреніи польскаго возстанія 1831 года— въ битвахъ при Гроховѣ, Остроленкѣ и Варшавѣ. Молодой штабъ-офицеръ обратилъ на себя вниманіе начальства, и при окончаніи послѣдней кампаніи былъ назначенъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. Въ 1848 году онъ

перешелъ на должность начальника штаба при управленіи генераль-фельдцейхмейстера. Въ 1856 году Безакъ былъ опредѣленъ командиромъ 5-го корпуса. Въ 1858 году пожалованъ чиномъ генераль-отъ-артиллеріи.

Вскорѣ А. П. Безаку пришлось разстаться съ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, которому съ юныхъ лѣтъ онъ посвящалъ свои труды и способности: въ 1860 году онъ назначенъ командующимъ Оренбургскимъ отдѣльнымъ корпусомъ и оренбургскимъ и самарскимъ генераль-губернаторомъ. И на этомъ посту Безакъ выказалъ способности, какъ администраторъ. Подъ его высшимъ надзоромъ введена крестьянская реформа и упразднено башкирское войско; ему пришлось устанавливать наши отношенія къ ханствамъ Средней Азіи и правильность отпускной торговли караванами; подъ его же руководствомъ генераль М. Г. Черняевъ выступилъ въ походъ къ Туркестану. Щедро одаренный природой, но своеобразный и неустроенный Оренбургскій край, подъ управленіемъ дѣятельнаго администратора, скоро могъ бы получить правильное устройство; но А. П. Безаку былъ ввѣренъ болѣе важный край. Въ 1865 году, послѣ кончины генерала Н. Н. Анненкова, онъ былъ назначенъ командующимъ войсками Кіевскаго военного округа и кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генераль-губернаторомъ.

Четырнадцатилѣтнее управленіе Кіевскимъ краемъ со стороны генераль-адъютанта Д. Г. Бибикова (1838—1852 г.) ознаменовалось многими реформами, клонившимися къ ослабленію польско-католическихъ элементовъ и возстановленію русско-православныхъ началъ въ искони русской области; но прочныя и всестороннія преобразованія того времени были нѣсколько поколеблены или отчасти ослаблены послѣдовавшимъ затѣмъ управленіемъ, главнымъ же образомъ польскимъ возстаніемъ 1863 года. Извѣстно, что поляки ни въ чемъ не исправляются и ничего не забываютъ. Подъ влияніемъ твердой, послѣдовательной власти они притихаютъ и успокоиваются. Малѣйшее послабленіе или даже снисхожденіе возраждаетъ въ нихъ несбыточныя надежды и окрыляетъ ихъ стремленія къ возстановленію политической самостоятельности. Пресловутая граница Польши «отъ можа до можа» (отъ моря до моря) едва ли когда либо вытравится изъ польскихъ головъ, отуманенныхъ былымъ, канувшимъ въ вѣчность величіемъ ихъ отечества. Послѣдствія возстанія 1831 года ни чему ихъ не научили. Явился новый безумный мятежъ 1863 года, и его проявленіе не могло дать имъ лучшаго результата. Новому генераль-губернатору пришлось возстановлять и укрѣплять все то, что было нарушено изъ прежнихъ реформъ и, по обстоятельствамъ времени, идти даже дальше.

При вступленіи А. П. Безака въ должность кіевскаго генераль-губернатора, крестьяне Юго-Западнаго края юридически считались освобожденными отъ крѣпостной зависимости и упроченными въ земельномъ ихъ надѣлѣ; въ дѣйствительности же крестьянская реформа къ этому времени едва сдѣлала первые шаги и тормозилась со всѣхъ сторонъ. Генераль-губернаторъ, замѣнивъ составъ крестьянскихъ дѣятелей вполне благонадежными лицами и

увеличивъ число мировыхъ посредниковъ, принявъ энергичныя мѣры къ безотлагательному окончанію составленія грамотъ и выкупныхъ актовъ, а для скорѣйшаго отвода крестьянамъ земельныхъ надѣловъ пригласилъ особыхъ землеѣровъ; этимъ важнымъ дѣломъ А. П. Безакъ такъ интересовался, что, совершая поѣздки по вѣренному ему краю, лично руководилъ мировыхъ посредниковъ и зорко слѣдилъ за успѣшнымъ ходомъ работъ. Результатъ былъ весьма утѣшительный: къ 1 января 1870 г. вся выкупная операція была окончена и въ рукахъ крестьянъ находилось 4 милліона десятинъ земли.

Другою важною отраслью, озабочивавшею А. П. Безака, была замѣна польскихъ помѣщиковъ русскими. По его почину изданъ законъ 1865 г., который обязывалъ поляковъ - помѣщиковъ Юго-Западнаго края продавать свои имѣнія не иначе, какъ дворянамъ русскаго происхожденія. Придавъ этой мѣрѣ, отвѣчающей историческому значенію края, жизненное значеніе, Безакъ достигъ того, что за время его генераль-губернаторства крупное русское землевладѣніе увеличилось на 40%.

Не менѣе важнымъ дѣломъ было ослабленіе вліянія и значенія римско-католическаго духовенства. Мятежъ 1863 года достаточно выяснилъ, какія преслѣдуются цѣли въ дѣятельности ксендзовъ и монаховъ различныхъ латинскихъ орденовъ. Обнаруживъ политическую ихъ неблагонадежность, генераль-губернаторъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе на чрезмѣрную многочисленность католическихъ монастырей, костеловъ и каплицъ, неотвѣчающую дѣйствительной въ нихъ потребности для послѣдователей римско-католической вѣры, и по его представленію излишніе костелы и монастыри были закрыты, а въ 1866 г. упразднена Каменецкая латинская епископія. Одновременно съ тѣмъ онъ принималъ мѣры къ возвышенію православія сооруженіемъ новыхъ храмовъ и улучшеніемъ положенія духовенства. Когда же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были командированы въ Юго-Западный край штабъ-офицеры генеральнаго штаба для осмотра въ помѣщичьихъ имѣніяхъ православныхъ церквей, съ цѣлью ихъ реставраціи или постройки новыхъ генераломъ Безакомъ была составлена цѣлая программа исполненія этого дѣла, осуществленная вполнѣ удовлетворительно и согласно съ потребностями приходоу.

Не было упущено изъ виду генераломъ Безакомъ и народное образованіе. Польскіе пансіоны закрыты, тайное преподаваніе съ политическимъ отбѣнкомъ прекращено; въ Каменецъ-Подольскѣ учреждена гимназія на русскихъ началахъ, открыто въ краѣ нѣсколько прогимназій и увеличено число сельскихъ школъ.

Изъ другихъ мѣръ преобразованія края въ описываемое время слѣдуетъ упомянуть объ уничтоженіи въ городахъ и мѣстечкахъ исключительнаго права продажи спиртныхъ напитковъ, извѣстнаго подъ названіемъ пропинаціи; объ открытіи кредитныхъ учрежденій, послужившихъ развитію экономическаго положенія въ краѣ и усиленію сахарнаго производства; объ улуч-

шеніи тюремъ и богоугодныхъ заведеній; объ увеличеніи числа русскихъ чиновниковъ съ надлежащимъ ихъ обезпеченіемъ. Генералу же Безаку Кіевъ обязанъ соединеніемъ его желѣзной дорогой съ Москвою и Одессой и проведеніемъ желѣзнодорожной вѣтви до Австрійской границы.

Неустанная и разносторонняя дѣятельность по управленію Оренбургскимъ краемъ и Юго-Западными губерніями сильно отразилась на здоровьѣ А. П. Безака. Больнымъ онъ пріѣхалъ въ концѣ 1869 года въ Петербургъ по дѣламъ службы и здѣсь, 30 декабря того же года, скончался, не успѣвъ осуществить тѣхъ предположеній, которыя были имъ начаты или задуманы въ цѣляхъ улучшенія положенія древней южно-русской области. Тѣло его было перевезено въ Кіевъ и тамъ погребено въ Печерской лаврѣ

15. Высокопреосвященный Леонтій, бывшій архіепископъ подольскій, нынѣ холмскій и варшавскій, членъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

(Стр. 253).

Высокопреосвященный Леонтій занимаетъ самое видное мѣсто въ исторіи развитія и укрѣпленія русско-православныхъ началъ въ Подоліи.

Сынъ священника Воронежской епархіи, высокопреосвященный Леонтій родился 22 января 1822 г. и въ мѣръ носилъ имя Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій. Образование онъ получилъ въ Воронежской духовной семинаріи, а потомъ въ С.-Петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1847 году въ числѣ первыхъ магистровъ богословія; въ томъ же году онъ принялъ иночество съ именемъ Леонтія. Посвятивъ затѣмъ свои труды воспитанію и образованію духовнаго юношества, онъ послѣдовательно, въ теченіи времени болѣе 12-ти лѣтъ, занималъ должности: профессора С.-Петербургской духовной семинаріи, инспектора Кіевской духовной академіи и ректора духовныхъ семинарій: Владимірской, Новгородской и С.-Петербургской. 15 февраля 1853 г. возведенъ въ санъ архимандрита, а 5 марта 1856 г. высочайше повелѣно ему быть викаріемъ С.-Петербургской епархіи, съ рукоположеніемъ въ санъ епископа ревельскаго. Съ 18 іюня по 13 августа 1860 г. управлялъ С.-Петербургскою епархіею и Александро-Невскою лаврою. Въ 1861 году совершилъ поѣздку въ Парижъ съ цѣлью освященія сооруженной тамъ православной церкви. 20 декабря 1863 г. назначенъ на самостоятельную кафедру Подольской епархіи, а 9 лѣтъ спустя послѣ того, именно 8 апрѣля 1873 г., возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1874 году, 25 октября, переведенъ на Херсонскую кафедру, но послѣ годичнаго пребыванія въ Одессѣ, 16 ноября 1875 г., призванъ на одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ кафедръ русской церкви, на Холмско-Варшавскую епархію, которую достойно управляетъ до настоящаго времени. Въ день коронованія благополучно царствующаго императора Александра Александровича, 15 мая

1883 г., высокопреосвященный Леонтій пожалованъ званіемъ члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

При вступленіи въ управленіе Подольскою епархіей, высокопреосвященный Леонтій засталъ ее въ большомъ разстройствѣ. Но полный силъ, энергіи и жажды труда на пользу церкви, архипастырь съ ревностію и настойчивостію приступилъ къ преобразованіямъ, имѣвшимъ цѣлью возвышеніе и укрѣпленіе православія и русской народности. Съ особенною любовью онъ посвятилъ свои труды дѣлу возрожденія духовно-учебныхъ заведеній. Для духовной семинаріи быстро было воздвигнуто новое зданіе со всѣми удобствами и съ обширною домовою церковью, а вслѣдъ затѣмъ на изысканныя имъ мѣстныя средства было устроено и зданіе для общежитія своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи, вынужденныхъ до того времени нанимать квартиры у евреевъ и поляковъ. Не были забыты архипастыремъ и наставники семинаріи: скудные оклады ихъ были увеличены, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышено и нравственное ихъ значеніе въ мѣстномъ обществѣ. Для приготовленія будущимъ пастырямъ церкви женъ, воспитанныхъ въ русскомъ православномъ направленіи, архипастырь открылъ въ Каменецъ-Подольскѣ епархіальное женское училище и съ тою же цѣлью и въ томъ же духѣ преобразовалъ Тульчинское женское училище.

Огромную услугу высокопреосвященный Леонтій оказалъ и дѣлу народнаго образованія. До поступленія его на Подольскую кафедру въ Подоліи почти совсѣмъ не было сельскихъ школъ съ православно-русскимъ направленіемъ. Онъ первый создалъ тамъ народную церковно-приходскую школу на началѣхъ православной вѣры и русской народности,—и въ короткое время всю епархію покрылъ этими школами, въ которыхъ общее число учащихся доходило до 20.000.

Заботливаго попечителя и опытнаго руководителя встрѣтило въ высокопреосвященномъ Леонтѣи и подольское духовенство. До конца прошлаго столѣтія (1795 г.) подольская паства была униатскою. Не смотря на давность воссоединенія и на труды прежнихъ подольскихъ владыкъ, слѣды униатства оставались въ религіозной, общественной и частной жизни духовенства: во многихъ храмахъ употреблялись латинскія принадлежности, крещеніе младенцевъ совершалось по католическому обряду чрезъ обливаніе, священники въ семьѣ и обществѣ говорили по-польски и носили ксендзовскіе плащи и фуражки, и т. п. Всѣ эти ненормальныя явленія были устранены архипастыремъ Леонтеемъ при частыхъ объѣздахъ приходовъ и во время личныхъ объясненій съ духовенствомъ. Для ознакомленія духовенства съ духовною литературою владыка устроилъ приходскія и окружныя церковныя библіотеки, а въ научныхъ цѣляхъ установилъ при церквяхъ лѣтописи выдающимся событіямъ приходской жизни. Самъ будучи ревностнымъ проповѣдникомъ, архипастырь требовалъ того же и отъ священниковъ, вслѣдствіе чего проповѣдь Слова Божія возвысилась въ епархіи до подобающаго ей значенія. Въ видахъ сдѣлшаго обезпеченія матеріальныхъ средствъ духовенства, его

вдовъ и сиротъ, учреждена имъ въ 1871 году эмеритальная касса, преобразовано епархіальное училище для бѣдныхъ духовнаго званія и открыты при монастыряхъ школы для причетническихъ сиротъ. И касса, и попечительство владѣютъ нынѣ значительными капиталами,

Благотворная дѣятельность архіепископа Леонтія по Подольской епархіи выразилась и въ другомъ отношеніи. Имъ основано 12 церковныхъ братствъ и почти при всѣхъ церквахъ приходскія попечительства. Въ сложности тѣхъ и другія ежегодно располагали сотнями тысячъ рублей, а пожертвованій на нужды церкви, въ періодъ управленія его епархіей, поступило до 2 милліоновъ рублей.

Владыкъ Леонтію обязанъ своимъ основаніемъ и епархіальный историко-статистическій комитетъ, учрежденный въ 1865 году при Подольской архіерейской кафедрѣ.

Заботясь такимъ образомъ о благосостояніи Подольской епархіи, мужественно стоя на стражѣ православія, высокопреосвященный Леонтій зорко слѣдилъ за дѣятельностію польско-католиковъ и принималъ мѣры къ огражденію православныхъ отъ латинскаго прозелитизма. По его настоянію упразднена Каменецкая латинская епископія съ римско-католическою семинаріей и закрыты нѣкоторые костелы въ епархіи, какъ излишніе и вредные православію. Зданіе одного изъ такихъ костеловъ, стараніями владыки, обращено въ величественный кафедральный православный соборъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери.

Живая и многополезная дѣятельность архіепископа Леонтія по Подольской епархіи памятна тамъ до настоящаго времени: по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія сохранились прочные слѣды, какъ результатъ такой дѣятельности мудраго и энергичнаго архипастыря.

Управленіе архіепископомъ Леонтіемъ Херсонскою епархіей продолжалось всего одинъ годъ; но и за этотъ короткій промежутокъ времени онъ оставилъ по себѣ благодарную память въ Одессѣ.

Призванный затѣмъ на болѣе трудный постъ—Холмско-Варшавскую кафедру, находящуюся въ центрѣ враждебнаго православію католичества, высокопреосвященный Леонтій явилъ себя достойнымъ ея представителемъ. Холмско-Варшавская епархія, состоящая изъ десяти губерній, по большей части слагается изъ приходовъ, возсоединенныхъ съ православіемъ изъ уни въ 1875 году. Нужно было укрѣпить новообращенныхъ, указать источникъ истины и спасенія нетвердымъ и колеблющимся, устранить въ духовенствѣ недостатокъ единенія и единомыслія по вопросамъ епархіальной жизни, возстановить правильность восточнаго богослуженія, устроить на правильныхъ началахъ духовно-учебную часть, и т. п. Во всемъ этомъ владыка проявилъ энергическую дѣятельность и достигъ большихъ успѣховъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и въ тѣхъ же цѣляхъ архипастырь варшавскій учредилъ въ Лѣснѣ—центрѣ католической пропаганды—женскій монастырь съ училищемъ и пріютомъ для дѣвочекъ, возстановилъ издревле существовавшіе въ г.г. Холмѣ и Замостѣ

православныя братства и установилъ при многихъ приходахъ православныя попечительства.

Высокопреосвященный Леонтій состоитъ почетнымъ членомъ духовныхъ академій: С.-Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской, почетнымъ членомъ Императорскаго Общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ, такого же Общества въ Одессѣ, Общества любителей духовнаго просвѣщенія, Одесскаго Общества изящныхъ искусствъ, Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, славянскихъ благотворительныхъ Обществъ С.-Петербургскаго, Кіевскаго и Одесскаго и многихъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій.

16. Кіевскій, подольскій и волинскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи А. Р. Дрентельнъ.

(Стр. 259).

Александръ Романовичъ Дрентельнъ происходитъ изъ дворянъ Кіевской губерніи. Онъ родился въ 1820 году и, по окончаніи курса наукъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, поступилъ на службу 16 марта 1838 г. въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ. Съ 1854 года онъ командовалъ запасной бригадой 12 пѣхотной дивизіи, а съ 1856 г.—самогитскимъ гренадерскимъ эрцъ-герцога Франца-Карла полкомъ. Въ 1859 году назначенъ командиромъ измайловскаго полка и вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1862 году ему ввѣрено командованіе 1 гвардейской пѣхотной дивизіей; въ слѣдующемъ же году, оставаясь въ той же должности, отправился съ дивизіею въ Вильну, при чемъ былъ зачисленъ въ свиту его величества. Во всѣхъ этихъ должностяхъ А. Р. Дрентельнъ выказалъ неутомимую энергію, усердіе къ службѣ и полное знаніе воинскаго дѣла, вмѣстѣ съ отеческою заботливостію о подчиненныхъ, безъ малѣйшей, однако, уступки строгимъ условіямъ военной дисциплины.

Съ 1865 года Дрентельнъ принимаетъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи серьезныхъ вопросовъ высшаго военнаго управленія сначала въ спеціальному, а съ 1867 года въ главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ. Труды его въ этомъ дѣлѣ были оцѣнены монаршею милостію: помимо орденовъ, онъ былъ пожалованъ въ 1865 г. чиномъ генераль-лейтенанта, а въ 1867 г.—званіемъ генераль-адъютанта. Въ 1872 году онъ назначенъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа. Когда возникла русско-турецкая война, Дрентельнъ получилъ назначеніе въ должность начальника военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи и командующаго войсками, въ тылу арміи находящимися. Неся на себѣ отвѣтственность за безпрепятственныя сообщенія арміи съ имперіею, и за своевременную доставку и снаряженія, онъ выказалъ безукоризненную честность и особенную распорядительность.

Въ 1878 году Дрентельнъ произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи и

тогда же назначенъ шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія, членомъ кавказскаго комитета и комитета по дѣламъ царства Польскаго. Въ 1880 году, по собственному желанію, онъ былъ уволенъ отъ этихъ должностей, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ назначеніе на постъ временнаго одесскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Одесскаго военного округа, 13 января 1881 г. назначенъ кіевскимъ, подольскимъ и волинскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Кіевскаго военного округа, при чемъ вскорѣ послѣ того его управленію были временно ввѣрены губерніи Черниговская и Полтавская.

По случаю исполнившагося въ 1888 году 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ, Дрентельнъ былъ пожалованъ высшимъ знакомъ отличія—орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ удостоенъ милостивымъ рескриптомъ.

Но этотъ юбилейный годъ былъ послѣднимъ годомъ жизни Александра Романовича.

Въ тотъ день, когда въ Кіевѣ торжественно праздновалось (15 іюля 1888 г.) 900-лѣтіе крещенія Руси, въ тотъ часъ, когда въ древнемъ Кіево-Софійскомъ соборѣ съ необычайнымъ величіемъ совершалась сонмомъ все-славянскихъ іерарховъ божественная литургія,—въ этотъ моментъ Александръ Романовичъ былъ сраженъ смертію. Послѣ литургіи былъ назначенъ крестный ходъ изъ Софійскаго монастыря къ Днѣпру и на пути были разставлены войска. Совершая объѣздъ, Дрентельнъ поднялся на гору и, едва успѣвъ поздороваться съ 3-мъ Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ, у фронта полка, внезапно упалъ съ лошади и тутъ же скончался, пораженный апоплексическимъ ударомъ.

Управленіе А. Р. Дрентельномъ Кіевомъ, Подолією и Волинью принесло огромную пользу этой издревле русской области. Прежде всего имъ были приняты энергическія мѣры къ упроченію въ краѣ крупнаго русскаго землевладѣнія и устраненію разныхъ обходовъ существовавшаго по этому предмету закона 10 декабря 1865 г. со стороны поляковъ, евреевъ и иностранцевъ. По связи съ этимъ вопросомъ поземельнаго кредита, онъ испросилъ распоряженіе объ отстраненіи польско-еврейскаго элемента отъ участія въ дѣлахъ Кіевскаго земельного банка. Въ цѣляхъ охраненія и укрѣпленія русскаго землевладѣнія въ краѣ, онъ обратилъ серьезное вниманіе на усиленный наплывъ въ Волинь и Подолію крайне сомнительныхъ въ политическомъ отношеніи приграничныхъ иностранныхъ обывателей, которые не признавали себя даже обязанными подчиняться мѣстнымъ законамъ и властямъ; разработанный по этому вопросу матеріалъ вызвалъ учрежденіе въ 1885 году особой комиссія въ Петербургѣ, труды которой и послужили основаніемъ къ изданію двухъ законоположеній: 1) высочайшаго указа 14 марта 1887 г., имѣющаго цѣлью, путемъ ограниченія иностраннаго владѣнія и пользованія недвижимою собственностью въ западной половѣ Россіи, упрочить здѣсь рус-

ское землевладѣніе и достигнуть большаго сближенія западныхъ окраинъ съ прочими частями государства, и 2) высочайшаго повелѣнія 15 іюня 1888 г. объ устройствѣ быта иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся до этого времени въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской.

За этими важнѣйшими актами послѣдоваль рядъ другихъ мѣропріятій или въ видѣ личныхъ распоряженій генераль-губернатора, или, по его непосредственному почину, съ утверженія высшей власти, именно: подчиненіе протестантскихъ школъ въ краѣ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія; упорядоченіе чешскихъ населеній на Волыни въ отношеніи землевладѣнія и религіозной жизни чеховъ; улучшеніе земельного быта поселянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ чиншевиковъ и вольныхъ людей; уменьшеніе вреднаго вліянія на мѣстное населеніе евреевъ, ослабленіе ихъ господства надъ христіанами, ихъ хищничества и изворотливыхъ ухищреній къ обходу закона; улучшеніе путей сообщенія въ краѣ; переустройство сельской врачебной части; обезпеченіе богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій, установленіе болѣе строгаго надзора за римско-католическимъ духовенствомъ съ цѣлью ослабленія латинскаго прозелитизма; содѣйствіе въ развитіи церковно-приходскихъ православныхъ школъ; улучшеніе помѣщеній для православныхъ причтовъ; ослабленіе штунды, и проч.

Всѣхъ отраслей гражданскаго управленія краемъ, въ отношеніи къ которымъ генераль-адъютантъ Дрентельнъ проявилъ свою полезную дѣятельность, перечислить затруднительно. Достаточно сказать, что ни одна изъ этихъ отраслей не была имъ забыта. И вся его дѣятельность, всѣ его заботы и труды стремились къ достиженію благосостоянія ввѣреннаго ему края, къ возвышенію и упроченію въ немъ православія и русскихъ элементовъ.

Въ такомъ послѣдовательномъ и неуклонномъ направленіи генераль-адъютантъ Дрентельнъ дѣйствовалъ бы и дальше на пользу престола и отечества, если бы такъ неожиданно и несвоевременно смерть не сразила этого истинно русскаго человѣка и выдающагося государственнаго дѣятеля.

В. Виды мѣстностей и зданій.

17 и 18. Общій видъ города Каменецъ-Подольска во второй половинѣ XVII вѣка и въ настоящее время.

(Двѣ гравюры на стр. 14 и 17).

Древній общій видъ города Каменецъ-Подольска, составленный около 1672 года, въ видѣ перспективнаго плана, жителемъ этого города Киприаномъ Томашевичемъ, издавъ тогда же краковскимъ римско-католическимъ епископомъ Андреемъ Тжебицкимъ, который, предъ вступленіемъ въ 1672 году турокъ въ Каменецъ-Подольскъ, послалъ въ защиту города полкъ изъ 500 воиновъ, снаряженныхъ имъ на собственные средства. Планъ Томашевича имѣетъ важное значеніе для топографіи Каменца XVII вѣка, въ особенности для опредѣленія мѣстоположенія бывшихъ здѣсь въ то время православныхъ церквей; существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ опредѣляется только этимъ планомъ.

Въ лѣвомъ верхнемъ углу плана изображенъ гербъ Подольскаго воеводства: солнце въ лучахъ съ надписью: «*Palatinatus Podoliae arma*» (Оплоть Подольскаго воеводства). Гербъ окруженъ тремя изображеніями, заимствованными изъ печатей трехъ каменецкихъ ратушъ или магистратовъ. Направо печать русскаго магистрата, съ изображеніемъ православнаго святителя, какъ кажется, св. Николая чудотворца, съ надписью вокругъ него: «права русскаго Каменца-Подол.». Въ лѣвой сторонѣ печать польскаго магистрата, съ изображеніемъ св. Георгія на конѣ и съ надписью вокругъ: «*civitatis Camenecen. in Podolia*» (города Каменца въ Подоліи). Внизу печать армянскаго магистрата, съ изображеніемъ овна и армянскою надписью.

Въ правомъ нижнемъ углу плана изображенъ гербъ въ видѣ лебедя и подъ нимъ латинская надпись: «Когда Каменцу угрожала величайшая опасность, приходитъ на помощь тжебиціанскій лебедь, укрѣпляетъ крѣпкія стѣны своими первосвященническими знаменами, и божественное дѣло ведется священнымъ Марсомъ; о, если бы у всѣхъ былъ такой храбрый духъ, то Каменецъ не страдалъ бы въ неволѣ. Пресвѣтлѣйшему, великому и достопочтеннѣйшему господину Андрею Тжебицкому, по благодати Божіей и апостольскаго престола, епископу краковскому, князю сѣверскому, великому господину и почтеннѣйшему благодѣтелю нияжайшій Киприанъ Томашевичъ ССDDD составилъ сіе съ привиллегіей священнаго королевскаго величества въ XVI лѣтъ».

Въ лѣвомъ нижнемъ углу находится латинская надпись слѣдующаго содержания: «Каменецъ, городъ Подоліи, чутнымъ искусствомъ природы стоящій на высокой скалѣ, на подобіе горы, отдѣленной глубокой, но пріятной долиной и рѣкой, и окруженный отовсюду неприступными утесами; построенъ Константиномъ и Георгіемъ Коріатовичами, князьями подольскими, почти за 300 лѣтъ; по смерти ихъ присоединенъ къ Польскому государству; съ самаго начала былъ населенъ русскими, затѣмъ поляками и нѣмцами (герман-

цами) и наконецъ армянами. Такое разнообразіе въ нравахъ и языкѣ жителей поселило въ князьяхъ недовѣрчивость, и они, опасаясь, чтобы жители, полагаясь на природное укрѣпленіе города, не взбунтовались, построили на противоположной сторонѣ онаго, въ предосторожность отъ очевидной опасности, два замка—старый и новый. Но эти замки, не имѣя достаточнаго гарнизона, не могли противостоятъ силѣ турокъ и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ городомъ, сдались, и турки вошли (въ городъ) 29 августа 1672 года.

Подъ этою надписью изложено слѣдующее объясненіе знаковъ, приводимое здѣсь въ русскомъ переводѣ, любезно исполненномъ для настоящаго изданія священникомъ отцемъ Е. І. Сѣцинскимъ:

А. Замокъ новый.

В. Замокъ старый.

С. Городское укрѣпленіе.

Д. Ворота польскія.

Е. Ворота русскія.

Ф. Ратуша и рынокъ польскій.

Г. Ратуша и рынокъ армянскій.

Н. Кафедральный костель свв. ап. Петра и Павла, нынѣ мечеть султана, въ которую онъ имѣлъ торжественный въѣздъ 3 сентября.

К. Костель св. Николая, монастыря отцевъ проповѣдниковъ (доминиканъ), нынѣ мечеть султана.

Л. Монастырь отцевъ францисканъ.

М. Коллегія отцевъ іезуитовъ, нынѣ султанская конюшня.

Н. Монастырь отцевъ кармелитовъ босыхъ.

О. Костель св. Екатерины съ больницей, нынѣ конюшня.

Р. Костель св. Михаила монастыря доминиканокъ, нынѣ казармы янычаровъ, содержащихъ караулъ при русскихъ воротахъ.

Q. Больница св. Лазаря.

В. Церковь свв. Петра и Павла, прежде русская, а нынѣ отданная католикамъ для отправленія ихъ богослуженія.

С. Костель св. Станислава въ старомъ замкѣ, нынѣ мечеть.

С. Армянская церковь св. Николая.

Т. Армянская церковь пресв. Дѣвы Маріи.

У. Домъ, назначенный армянамъ для отправленія ихъ богослуженія.

Х. Церковь русская пресв. Троицы, нынѣ мечеть Мустафы-паши, султанова секретаря.

У. Церковь русская св. Іоанна, нынѣ мечеть верховнаго визиря.

Z. Церковь русская Вознесенія Господня.

2. Церковь русская св. Николая (№ 1-го нѣтъ).

3. Церковь русская пресв. Дѣвы Маріи.

4. Церковь русская св. Архангела Михаила.

5. Церковь русская Спасителя, въ долинь.

6. Церковь русская св. Онуфрія, въ долинь.

подоля.

7. Церковь русская Рождества Христова, въ долиѣ.
 8. Церковь русская св. Креста на Карвасаряхъ.
 9. Сгорѣвшая церковь св. Георгія, нынѣ только пустое мѣсто.
 10. Мельница польская (№ 11-го нѣтъ).
 12. Мельница русская.
 13. Мельница армянская.
 14. Мельница для дѣланія пороха, попросту пороховня.
 15. Пивоварня.
 16. Баня.
 17. Башня огромной величины короля Стефана, называемая *сенагиум* (зубчатою).
 18. Башня на углу стараго замка, разрушенная турками подожженнымъ порохомъ и вскорѣ возобновленная.
 19. Остатки башни, разрушенной порохомъ, въ ней хранившимся и нечаянно зажженнымъ продавцами овощей, жившими въ старомъ замкѣ во время грабежа; при этомъ случаѣ погибло народа и воиновъ болѣе 600 человекъ; это случилось наканунѣ вторженія турокъ, по закатѣ солнца.
 20. Самая высокая возвышенность скалы, окружающей гору, на которой стоитъ городъ.
 21. Крутизна противоположной скалы, возвышающейся надъ долиной и окружающей городъ отъ однихъ воротъ до другихъ.
 22. Обрывы скалы, исправленные искусственно.
 23. Мостъ, соединяющій городъ съ старымъ замкомъ.
 24. Каналь подъ мостомъ крѣпостнымъ, соединяющій рѣку съ обоихъ концовъ.
 25. Входъ турокъ въ ровъ новаго замка, попросту называемый *сеп-гаскара*.
- ⬆. Направленіе вырытыхъ турками подземныхъ подходовъ къ новому замку».

Видъ Каменецъ-Подольска 1672 г. въ оригиналѣ представляетъ собою величину въ $16\frac{1}{2} \times 12$ дюймовъ. Приложенная къ настоящему изданію ксилографическая копія съ него, уменьшенная сообразно размѣру книги, воспроизведена съ совершенною точностію по фотографическому снимку.

По плану 1672 года можно судить о характерной топографіи Каменецъ-Подольска. Расположенный на скалѣ, городъ имѣетъ форму эллипсиса въ сѣверо-западномъ направленіи и представляетъ собою родъ острова, обрамленнаго почти со всѣхъ сторонъ (кромѣ юго-западной) тонкой лентой рѣки Смолитча, имѣющей глубокое русло, но обыкновенно не изобилующей водой, за исключеніемъ весенняго времени, когда вода поднимается до значительной высоты и грозитъ опасностію прибрежнымъ жителямъ. Городъ-островъ съ своими естественными и искусственными укрѣпленіями, — прибрежными каменистыми скалами, насыпями и крѣпостями, — былъ въ свое время мощною твердыней, пережившей на своемъ вѣку цѣлый рядъ кровавыхъ битвъ.

Въ настоящее время Каменецъ-Подольскъ — губернской городъ Подольской губернии. Многовѣковое иноземное и иновѣрное владычество оставило въ городѣ многіе памятники, сохраняющіеся въ большей или меньшей цѣлости до сихъ поръ. Важнѣйшіе изъ нихъ вошли въ настоящее изданіе отдѣльными гравюрами, съ особыми къ нимъ описаніями. Эти остатки минувшей старины въ видѣ крѣпостныхъ стѣнъ, башенъ, церквей, костеловъ и т. п., возвышающихся на скалистыхъ берегахъ р. Смотрича, вмѣстѣ съ садами и скверами, представляютъ собою въ общемъ очаровательную картину.

19—21. Каменецъ-Подольская крѣпость: общій видъ, польскія ворота и русскія ворота.

(Три гравюры на стр. 23, 29 и 35).

Изъ приложеннаго къ настоящему изданію перспективнаго плана г. Каменецъ-Подольска, составленнаго около 1672 г. Кирианомъ Томашевичемъ, видно, что городъ этотъ представлялъ собою островъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженный рѣкою Смотричемъ; за рѣкою были предмѣстья: къ западу — «Польскіе Фольварки» и къ югу — «Русскіе Фольварки». Въ древности, впрочемъ, предмѣстья назывались не нѣмецкимъ именемъ «фольваркъ», а русскимъ «гумниско», по преобладающей дѣятельности ихъ жителей, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ и имѣвшихъ здѣсь склады хлѣба.

Въ городъ можно было проникнуть только двумя путями, идущими черезъ эти фольварки; а такъ какъ городъ представлялъ собою твердыню, укрѣпленную скалами и бастионами, то и ведущіе къ нему пути были ограждены крѣпостными сооруженіями, называвшимися польскими или ляцкими воротами и русскими воротами, изображенными на страницахъ этой книги въ двухъ гравюрахъ.

Вотъ свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ древности, излагаемая здѣсь по матеріаламъ, обязательно доставленнымъ однимъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. И. Яворскимъ.

Польскія или ляцкія ворота, нынѣ уже не существующія, находились на сѣверо-западномъ склонѣ, гдѣ теперь находится такъ назыв. старый мостъ, и своими укрѣпленіями занимали всю прибрежную низменность, отъ одного берега до другого, соединяясь надъ рѣкою особымъ ходомъ или каменнымъ мостомъ. Собственно ворота были устроены въ каменной стѣнѣ, соединявшейся съ тремя бастионами; бастионы эти находились на городскомъ берегу; одинъ изъ нихъ висѣлъ надъ самымъ русломъ рѣки и изъ него былъ устроенъ ходъ на противоположный берегъ черезъ каменное сооруженіе въ родѣ моста; другіе два бастиона находились на вѣшнемъ берегу и соединялись между собою стѣной. Ходъ или мостъ черезъ рѣку былъ устроенъ въ видѣ галлерей, шедшей черезъ каменный устой и промежуточные арки. Сохранилось преданіе, что по среднѣй этой галлерей, надъ самымъ устоемъ, существовала часовня или церковь, впоследствии обрушившаяся; на этомъ мѣстѣ

образовался водоворотъ (по мѣстному названію к р у ч а), въ неизмѣримой глубинѣ котораго и теперь гибнутъ неосторожныя. Предполагаютъ, что подъ ходомъ-галлерей въ древности существовалъ подземный ходъ, который и былъ причиной обвала; но основательнѣе думать, что глубокая рывина и водоворотъ образовались отъ быстрого теченія стѣсненной въ этомъ мѣстѣ рѣки.

Польскія ворота существовали еще въ шестидесятыхъ годахъ. Въ то время на нихъ съ внѣшней стороны висѣла икона св. Анны съ лампадой, а на стѣнѣ были вырѣзаны года 1805, 1806, 1829 и 1865, обозначавшіе высоту, до которой вода доходила при весеннемъ разливѣ рѣки. Впослѣдствіи отъ разлива рѣки и плохого ремонта, ворота начали приходить въ постепенное разрушеніе и затрудняли свободный доступъ къ городу, а потому въ 60-хъ же годахъ были разобраны. На мѣстѣ ихъ къ нашему времени сохранились на одной сторонѣ остатки стѣны, около которой поднимается лѣстница, ведущая въ городъ, а на другой сторонѣ, надъ обрывомъ рѣки, едва держится кусокъ башни, соединявшей нѣкогда, посредствомъ галлерей, городъ съ фольваркомъ. Отъ мѣста, гдѣ были ворота, идетъ подъемъ въ городъ,—это старая главная дорога, защищаемая отъ стороны рѣки толстою каменною стѣной. На половинѣ этого подъема, по обѣимъ сторонамъ дороги, тамъ, гдѣ были прежде ворота и укрѣпленіе, стоитъ два массивныхъ столба, изъ которыхъ на одномъ укрѣплены бывшіе на прежнихъ сооруженіяхъ плита съ надписью «PAL POD» (Palatinatus Podoliae—воеводство Подольское) и гербъ Подоли—сіяющее солнце; на другомъ изображенъ гербъ Россійской имперіи и 1832—годъ установки столбовъ. Подъемъ или дорога заканчивается такъ называемыми вѣтряными воротами, носящими еще названіе воротъ Стефана Баторія по близкому расположенію ихъ къ башнѣ, сооруженной этимъ королемъ въ 1585 году. На этихъ воротахъ, съ лицевой стороны, обращенной къ городу, укрѣплена бѣлая каменная доска, съ слѣдующею надписью:

A. D. 1585.

Per Steph. Bathory R. P.

conditum,

Stanislao Augusto

Regnante Polonis

Restauratum et auctum

A. D. 1785.

То есть: «Лѣта Господня 1585. Стефанъ Баторій, король польскій, построилъ, Станиславъ Августъ, король польскій, возстановилъ и увеличилъ лѣта Господня 1785».

Русскія ворота, находящіяся на юго-западной сторонѣ Каменецъ-Подольска, отдѣляли городъ отъ мѣстечка Карвасаръ, составлявшаго нѣкогда общій маіоратъ князей Голицыныхъ и Хилковыхъ и графовъ Марковыхъ, и иногда назывались Карвасарскими воротами. Ворота стояли на берегу

р. Смотрича и, прислоняясь двумя башнями къ обрыву горедской скалы, простирались до противоположнаго берега и въ пѣломъ входили въ общую цѣпь окружающихъ городъ стѣнъ и укрѣпленій. Въ древности ворота, въ случаѣ надобности, закрывались дубовой бревенчатой рѣшеткой, опускавшеюся посредствомъ блоковъ изъ простѣнковъ башни. Остатки этого механизма сохранились до настоящаго времени.

Надъ входомъ въ укрѣпленіе, соединяющее надворотную башню съ другою, находящеюся у рѣки, на черной каменной доскѣ, выпуклыми буквами, изображено:

«*Haec porta impensis regiae maestatis Vigilantium crecta. 1717*», т. е.—эти ворота воздвигнуты иждивеніемъ стражей (т. е. комендантовъ) королевскаго величества, 1717 г.

Подъ надписью, внизу, въ стѣнѣ укрѣплены рельефныя изображенія изъ камня: головы какого-то животнаго (похожаго на волка), держащаго въ зубахъ саламандру, и Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія. Значеніе первой эмблемы не извѣстно; послѣдній же барельефъ представляетъ собою древній польскій гербъ Каменецъ-Подольска.

На другой сторонѣ воротъ отъ Карвасаръ, поверхъ арки, изображенъ на бѣлой каменной плитѣ рельефомъ одноглавый орелъ подъ большой королевской короной, держащій въ одной ногѣ мечъ, а въ другой скипетръ; на груди его въ щитѣ помѣщенъ шифръ изъ связанныхъ между собою инициаловъ: S. A. R. P. (Станиславъ-Августъ, король польскій), а подъ гербомъ вычеканено: A. D. 1770 (лѣта Господня 1770).

22. Церковь Покрова пресвятыя Богородицы въ селѣ Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда.

(Стр. 46).

Небольшое село Бакота, Ушицкаго уѣзда, расположенное на берегу р. Днѣстра, въ древности было столицей Понизья или Подоли. Нѣкогда здѣсь были укрѣпленный замокъ и православный мужской монастырь, отъ котораго къ настоящему времени сохранились лишь пещерныя келліи. По народному преданію, Бакотскій монастырь существовалъ уже во время жизни преподобныхъ Антонія и Θεодосія, кіево-печерскихъ угодниковъ.

Лѣтописныя сказанія о Бакотѣ восходятъ къ 1240 году, когда Понизье принадлежало галицко-русскимъ князьямъ. Во время татарскаго нашествія галицкій бояринъ Доброславъ Судычъ, пользуясь отсутствіемъ князя Данила Романовича, завладѣлъ Понизьемъ и центральнымъ его пунктомъ—Бакотой; но, возвратившійся съ битвы противъ татаръ, князь возстановилъ свою власть на Понизьи и посадилъ въ Бакоту своего стольника, Якова Марковича, а хранителю печати Кириллу поручилъ умиротворить Понизье. Кажется этотъ Кириллъ впоследствии былъ кіевскимъ митрополитомъ (1243—1280 г.г.) и оставилъ по себѣ добрую память трудами по церковному благо-

устройству. Въ 1255 г. татары захватили Понизье и назначили правителемъ страны предавагося имъ бакотскаго княжескаго намѣстника Милѣя. На короткое время князь Даниилъ возстановилъ свою власть надъ Понизьемъ, простилъ Милѣя и даже снова отдалъ ему въ управленіе Бакоту; но Милѣй, при вторичномъ нападеніи татаръ, измѣнилъ князю и опять предался татарамъ. Съ тѣхъ поръ татары владѣли Понизьемъ цѣлое столѣтіе, образовавъ изъ него обширный улусъ, управлявшійся ордынскими темниками.

Послѣ разгрома татаръ при Синихъ-водахъ въ 1362 году, Подоля перешла къ литовцамъ и была отдана Ольгердомъ во владѣніе племянникамъ своимъ, братьямъ Константину и Феодору Коріатовичамъ, которые обстроили и укрѣпили Бакоту. Въ то время въ бакотскихъ скалахъ были уже «черницы», т. е. тамъ тогда уже существовалъ монастырь. О дальнѣйшей судьбѣ скальной Бакотской обители свѣдѣній не сохранилось, кромѣ того, что въ 1745 году онъ былъ упраздненъ уніатами, а самая Бакота, съ переходомъ Понизья къ литовскимъ князьямъ, утрачиваетъ свое первенствующее значеніе и съ теченіемъ времени на страницахъ исторіи все рѣже и рѣже начинаетъ упоминаться ея названіе.

Въ 1388 году Бакота была отдана Коріатовичами слугѣ ихъ Немирѣ. Въ 1400 году она составляла особую волость. Во время борьбы Польши съ Литвой, въ 1431 году, Бакотскій замокъ былъ разрушенъ, и къ нашему времени не сохранилось никакихъ слѣдовъ его существованія. Съ переходомъ Понизья или Подоли къ Польшѣ (1434 г.), Бакота была присоединена къ королевскимъ имѣніямъ и составила отдѣльное староство.

Первенствовавшая нѣкогда въ Понизьѣ, Бакота теперь имѣетъ видъ убогой деревни съ убогою церковью. Деревянная ветхая церковь въ честь Покрова пресвятыя Богородицы сооружена около 1737 года, т. е. во время существованія на Подоліи уніи. Не смотря на свои небольшіе размѣры и свое внѣшнее и внутреннее убожество, храмъ этотъ имѣетъ значеніе по характерности архитектуры. Это—отживающій типъ трехкупольныхъ церквей, нѣкогда созидавшихся на Волыни, въ Подоліи и Галиціи. Бѣдность немногочисленныхъ прихожанъ Бакоты не позволяетъ соорудить болѣе солидный храмъ, какого заслуживала бы древняя столица Понизья; въ прежнее же время, какъ видно изъ визитацій 1748 и 1759 г.г., бѣдность прихода доходила до того, что въ храмѣ не доставало многихъ принадлежностей богослуженія, а священныя одежды и богослужебныя книги вовсе отсутствовали въ церкви и замѣнялись лично принадлежащими священнику.

(Упоминается на стр. 18, 22, 24, 25, 32, 33, 36, 38, 56 и 65).

23. Лядавскій скальный монастырь.

(Стр. 57).

При селѣ Лядавѣ, Могилевскаго уѣзда, на высокомъ берегу Днѣстра, сохранились остатки древняго монастыря и церкви во имя Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Церковь, ризница при ней, погребъ и келліи

высѣчены въ известковой скалѣ, отчего и монастырь назывался «скальнымъ». О времени основанія этого монастыря достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. По мѣстному же преданію, преподобный Антоній Печерскій, слѣдуя съ Аеопа въ Кіевъ, продолжительное время провелъ у Лядавы, занимаясь подвижничествомъ и поученіемъ народа. Такое же преданіе существуетъ о другихъ скальныхъ монастыряхъ, какъ напримѣръ Бакотскомъ и Стенскомъ.

Кіевскій профессоръ В. Б. Антоновичъ, обозрѣвавшій многочисленныя пещеры въ скалахъ по среднему теченію Днѣстра, раздѣляетъ эти пещеры на двѣ группы, именно: пещеры естественныя, съ слѣдами отдѣлки ихъ челювѣкомъ и съ признаками его пребыванія здѣсь въ первобытное время, и пещеры, высѣченныя искусственно въ болѣе близкое къ намъ время. Лядавскія пещеры, какъ и Бакотскія, кіевскій ученый относитъ ко второй группѣ, считая Лядавскій монастырь самымъ интереснымъ изъ всѣхъ по-Днѣстровскихъ скальныхъ сооружений.

Лядавскій монастырь упраздненъ въ 1745 году.

(Упомянется на стр. 56 и 103).

24. Иоанно-Предтеченская церковь въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

(Стр. 63).

Одною изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей г. Каменецъ-Подольска считается Иоанно-Предтеченская церковь, извѣстная также подъ названіемъ стараго собора. Когда именно основанъ этотъ храмъ — въ точности неизвѣстно, изъ документовъ же видно, что уже въ 1606 году онъ существовалъ, и въ это время при немъ находилось православное братство.

Со вступленіемъ въ 1672 году въ Каменецъ-Подольскъ турокъ, Иоанно-Предтеченская церковь была обращена въ мечеть великаго визири и оставалась таковою до времени выхода турокъ изъ Каменца въ 1699 году. Поляки, вступивъ тогда во владѣніе Подоліей, опечатали всѣ православныя церкви въ Каменцѣ, а одну изъ нихъ — Иоанно-Предтеченскую передали уніатамъ. Изъ «визитъ» XVIII вѣка видно, что древній православный храмъ принялъ въ рукахъ уніатовъ видъ латинскаго костела, съ католическимъ престоломъ, боковыми алтарями и т. п. При церкви существовали уніатскія братства: «старшее», «младшее» во имя Благовѣщенія и «сестричекъ» въ честь непорочнаго зачатія пресвятой Дѣвы. Около 1781 года Предтеченская церковь получаетъ значеніе уніатскаго кафедральнаго собора. Съ присоединеніемъ въ 1793 году Подоліи къ Россіи, уніатское духовенство Предтеченской соборной церкви приняло русское подданство. Въ концѣ 1795 г., когда послѣдовало воссоединеніе подольскихъ уніатовъ съ православіемъ, церковь эта обращена въ православную. Въ то-же время на Подоліи была учреждена православная епископская кафедра, но первый епископъ православный Іоанникій (Полонскій) жилъ сначала въ Шаргородѣ и въ Каменецъ перенесъ свою кафедру лишь въ 1799 году. Въ этомъ же году Предтеченская

церковь, какъ болѣе обширная, обращена въ кафедральный православный соборъ. Сколько ни украшали послѣ того древній храмъ во внѣшнемъ и внутреннемъ его составѣ, онъ все-же не отвѣчалъ значенію православнаго кафедральнаго собора. Впослѣдствіи составлялись даже проекты капитальной перестройки храма или сооруженія на его мѣстѣ новаго собора; но эти проекты не осуществились. Уже въ ближайшее къ намъ время, стараніями архієпископа Леонтія, устроенъ въ 1878 году обширный кафедральный соборъ изъ костела упраздненнаго кармелитскаго монастыря; причеиъ Предтеченская церковь сначала была приписана къ новому собору, а потомъ, въ 1880 году, обращена въ приходскую церковь, каковою она состоитъ нынѣ.

Въ числѣ особенностей Предтеченской церкви обращаютъ на себя вниманіе надгробныя надписи: въ алтарѣ, на полу, предъ св. престоломъ—Николая Грабовецкаго, 1609 года; въ сѣверной алтарной стѣнѣ — Іоанна Стрія, сына «великаго вистерника» (министра финансовъ) Симеона Стрія, 1612 года; на лѣвомъ клиросѣ, въ западной стѣнѣ,—князя Іоанна-Рудольфа Кантакузина, старшаго сына господаря Валахіи, 1761 года, съ большимъ рельефнымъ гербомъ князей Кантакузиновъ; братчика Михаила Опоченка, 1765 года; «лавника уряду войтовскаго» Іоакима Опоченка, 1794 года; перваго по времени подольскаго православнаго архієпископа Іоаннікія (Полонскаго), 1819 года.

Въ церкви находятся двѣ мѣстно-чтимыя иконы — св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня и св. Николая, мирликійскаго чудотворца.

Первая изъ нихъ, какъ храмовая, установлена въ правой сторонѣ иконостаса; высота иконы 1 арш. 14 верш., а ширина 1 арш.; она украшена серебряной ризой; живопись подновлена. Икона пользуется особеннымъ почитаніемъ среди жителей не только Подолія, но и Бессарабіи, и въ день рождества Іоанна Предтечи, 24 іюня, привлекаетъ къ себѣ огромное число богомольцевъ, по преимуществу молдованъ. День этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ «Иванэць».

Икона св. Николая находится въ средней части церкви, съ лѣвой стороны. Писана она на полотнѣ и имѣетъ 3 арш. 1 верш. вышины и 1 арш. 14 в. ширины. Къ ней придѣланы серебряный омофоръ и митра святителя. Въ Предтеченскую церковь икона поступила изъ упраздненной православной Николаевской церкви, существовавшей въ XVIII столѣтіи.

Оригинальную особенность Предтеченской церкви составляютъ портреты особъ царской фамиліи на нѣкоторыхъ иконахъ, находящихся въ иконостасѣ и по стѣнамъ храма: такъ, небольшой образъ св. Никиты изображаетъ черты Александра I, въ группѣ святыхъ на другой иконѣ не трудно узвать Николая, Константина и Михаила Павловичей; есть портреты Екатерины II и даже Потемкина-Таврическаго.

(Упоминается на стр. 60).

25 и 26. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ, Летичевского уѣзда.

(Два вида на стр. 69).

Близъ села Сутковецъ, Летичевского уѣзда, на гористомъ берегу р. Ушицы, возвышается прославный храмъ въ честь Покрова пресвятой Богородицы, въ видѣ древняго замка съ остроконечными, конусообразными башнями, амбразурами и бойницами.

Сутковская церковь-замокъ столь оригинальна и характерна, что ею интересовались одинаково, какъ русскіе, такъ и польскіе любители старины.

Одинъ изъ такихъ изслѣдователей, каменецкій священникъ Е. І. Съцинскій такъ описываетъ этотъ интересный памятникъ церковнаго зодчества на Подоліи.

«Плавъ церкви—равноконечный византійскій крестъ; концы креста закруглены, такъ - что образуютъ внутри церкви четыре абсида, или полукружія, одинаковыя по размѣрамъ—около двухъ сажени въ діаметръ. Восточное полукружіе занято алтаремъ, въ западномъ—входъ; западный, впрочемъ, конецъ креста снаружи имѣетъ четырехугольный видъ. Концы полукружностей не прямо сходятся, а при средостѣніяхъ креста образуютъ прямоугольные выступы внаружу (въ 2 арш.); если прямоугольные выступы соединить линіями, то образовался бы квадратъ, лежащій въ основаніи, или срединѣ креста. Длина церкви внутри отъ входной стѣны до алтарной около 8 сажени; такое же разстояніе между стѣнами сѣвернаго и южнаго полукружій. Толщина стѣнъ церкви внизу достигаетъ болѣе сажени.

«Снаружи церковь имѣетъ слѣдующій видъ. Три полукруга—сѣверный, восточный и южный—образуютъ три башни съ широкими зубчатыми карнизами вверху и конусообразными крышами, увѣнчанными небольшими маковницами на фонарѣ и крестахъ. На западной сторонѣ креста (въ плавѣ) внутри закругленной, а снаружи имѣющей видъ четырехугольника, построена колокольня. Снизу каменная стѣна этой стороны зданія одинаковой высоты съ стѣнами башенъ, съ такимъ же зубчатымъ карнизомъ; на этихъ каменныхъ стѣнахъ утверждены деревянныя четырехугольныя стѣны колоколни, построенной въ два яруса. Нижній ярусъ значительно уже каменныхъ стѣнъ, верхній еще уже нижняго яруса. Ярусы отдѣлены другъ отъ друга, а также отъ каменныхъ стѣнъ большими карнизами и крышами (въ родѣ «опасанья»). Пирамидальная крыша и главка вѣнчаютъ колокольню, значительно возвышающуюся надъ прочими крышами. Къ колокольнѣ примыкаетъ двускатная, призматическая крыша средней части зданія; на срединѣ этой крыши помѣщена маковница съ фонаремъ и крестомъ, какъ на боковыхъ башняхъ. Всѣ крыши покрыты гонтой. Прямоугольные выступы при средостѣніяхъ, о которыхъ уже говорилось, покрыты колпаками изъ кирпича («матощныками», какъ ихъ называютъ по сходству съ тѣми маточниками, какіе бываютъ на сотахъ пчелиныхъ—«цельникахъ»). Всѣ стѣны имѣютъ внизу и вверху много амбазуръ; верхній карнизъ весь испещренъ отверстіями для ружейныхъ выстрѣловъ. Церковь снаружи нештукатурена; мѣстами, впрочемъ,

видна очень давняя штукатурка. Обнаженный камень почернѣлъ, покрылся мхомъ...

«Во внутрь церкви ведетъ низкая четырехугольная дверь. Громадный столбъ въ обхватъ около двухъ сажень, закрываетъ отъ взора входящихъ царскія врата и часть иконостаса. Этотъ столбъ кверху расширяется и вмѣстѣ съ стѣнами полукружій образуетъ четыре свода, опирающіеся на него на каждой сторонѣ креста по своду. Своды эти (колпаки) очень низки, не болѣе трехъ сажень отъ вершины свода до пола; высота ихъ немного больше половины высоты наружныхъ стѣнъ. Это отъ того, что въ зданіи какъ бы два этажа: надъ этими нижними сводами помѣщается верхнее помѣщеніе, отсюда можно было защищаться при нападеніяхъ непріятелей. Въ церкви всего три небольшихъ круглыхъ окна съ крѣпчайшими рѣшетками, по одному окну въ каждомъ полукружій, кромѣ западнаго, гдѣ находится дверь. Слабый свѣтъ, проникая чрезъ эти окна и разливаясь по низкимъ сводамъ, погружаетъ мысль посѣтителя въ глубину вѣковъ. Въ каждомъ полукружій, имѣющемъ окно, на высотѣ 1¹/₂ арш. отъ пола, по три амбразуры; въ западномъ полукружій двѣ, по сторонамъ дверей. Въ настоящее время амбразуры заложены и заштукатурены, но такъ, что ихъ отверстія видны внутри и снаружи зданія. Въ алтарѣ, который занимаетъ восточный абсидъ, слѣва, тамъ, гдѣ обыкновенно бываетъ жертвенникъ, устроена четырехугольная ниша съ плитой внизу, на подобіе стола. Эта ниша очевидно назначалась для жертвенника, хотя теперь жертвенникъ помѣщается на особомъ столѣ возлѣ ниши. Вся церковь внутри оштукатурена и побѣлена известью. Иконостасъ обыкновенный, простой, устроенный въ 1829 году. Надъ этимъ нижнимъ этажемъ, гдѣ помѣщается церковь, находится верхнее помѣщеніе, какъ было уже упомянуто. Это помѣщеніе потолка не имѣетъ, а его замѣняютъ здѣсь крыши. Стѣны высотой въ ростъ человѣка.

«Здѣсь въ каждомъ полукружій, по пяти амбразуръ, а въ карнизахъ во всѣхъ стѣнахъ множество отверстій. Въ «маточникахъ», которые представляютъ родъ какихъ-то бесѣдокъ, также въ наружныя стороны—отверстія для выстрѣловъ. На этотъ верхній этажъ прежде былъ ходъ изъ внутри церкви, въ стѣнѣ; теперь этотъ ходъ закрытъ, а снаружи церкви къ стѣнѣ приставлена деревянная лѣстница, которая ведетъ на верхнее помѣщеніе и на колокольню».

Приведенное выше подробное описаніе Сутковской церкви - замка, въ связи съ двумя изображеніями ея, помѣщенными на страницахъ настоящаго изданія, можетъ дать отчетливое понятіе объ этомъ характерномъ сооруженіи, не имѣющемъ себѣ подобія не только на Подолии, не отличающейся численностію древнихъ храмовъ, но и на Волини, гдѣ сохранились церкви, по преданію, относящіяся къ временамъ св. Владиміра.

Точныхъ свѣдѣній о времени сооруженія Сутковской церкви не сохранилось. Въ «Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ» за 1843 годъ сказано, что церковь эта «построена при королѣ Сигизмундѣ III (1587—1632) паномъ Иваномъ

Баладукомъ»; но небольшой колоколь (2 пуда), сохранившійся до настоящаго времени въ Сутковской церкви, съ надписью «Року Божія лѹос» (1476 г.), даетъ мѣсто предположенію, что она сооружена раньше означеннаго времени. Во всякомъ случаѣ церковь эта несомнѣнно существовала въ половинѣ XVI вѣка, такъ какъ въ ней найдена надгробная плита съ рельефною славянскою надписью: «лѣт. отъ Рож. Хр.: лфѹг (1593) апр. кг. д. в храмѣ Шокровы Пресвятой Богородицы преставися шляхетный панъ Иванъ Сутковскій изъ Ярм.» (Ярмолинецъ) Родъ Сутковскихъ или Сутковецкихъ, отличавшійся вѣрностью православной церкви до послѣдняго своего представителя, долго владѣлъ Сутковскою областію и прекратился со смертію погребеннаго въ Сутковской церкви пана Ивана.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Сутковская церковь существуетъ цѣлыхъ три столѣтія,—давность, имѣющая особое значеніе для того края, который подвергался огню и мечу со стороны татаръ, турокъ, литовцевъ и поляковъ. Сохраненіе такого памятника православія, отличающагося притомъ неподражаемою архитектурою, должно составить предметъ заботливости нашего времени. Въ 1859 году уже были покушенія упростить характерную конструкцію церковныхъ крышъ; къ чести мѣстнаго епархіальнаго вѣдомства, это не удалось сдѣлать. Древній храмъ, утратившій старинную штукатурку наружныхъ стѣнъ, требуетъ, однако, капитальнаго ремонта, такъ какъ мѣстный пористый камень - известнякъ, изъ котораго сложена церковь, начинаетъ вывѣтриваться, а гонтовая съ заплатами крыша даетъ уже течь. Тщательный осмотръ и капитальный ремонтъ Сутковской церкви - зѣмка, произведенные компетентными людьми, дали бы этому трехвѣковому памятнику церковнаго зодчества возможность просуществовать еще нѣсколько вѣковъ. При такомъ ремонтѣ могли бы обнаружиться и другія особенности древяго храма, въ видѣ напр. фресокъ, такъ какъ есть извѣстіе, что въ алтарѣ надъ нишей, предназначенной для жертвенника, подъ слоємъ извести скрывается фресковая икона Спасителя, выжимающаго изъ винограднаго гроздія вино.

(Упомянется на стр. 60).

27. Видъ города Могилева, Подольской губерніи.

(Стр. 81).

Уѣздный городъ Могилевъ расположенъ при впаденіи рѣки Немыи въ Днѣстръ. Названіе свое онъ получилъ отъ Іереміи Могилы, господаря Молдавіи, дочь котораго, Марія, получила этотъ городъ въ приданое при выходѣ за мужъ за брацлавскаго старосту Стефана Потоцкаго; въ память отца ея городъ и былъ названъ городомъ Могиллово, вслѣдствіе чего Іеремія Могила считается основателемъ его.

Въ XIV вѣкѣ Могилевъ былъ центральнымъ пунктомъ обширной караванной торговли иностранными товарами, направлявшимися на югъ Рос-

сія, въ Галицію и Константинополь, и отличался численностію населенія, среди котораго много было грековъ, армянъ и молдаванъ. Во время войнъ Хмельницкаго съ поляками Могилевъ служилъ границей между Украиной и Молдавией и въ 1650 году былъ занятъ казаками. Четыре года спустя послѣ того, польскій гетманъ Чарнецкій, двинувшись на отпавшую отъ Польши часть Малороссіи, сжегъ Могилевъ. Когда гетманъ Дорошенко подчинился въ 1671 году Турціи, Могилевъ поступилъ во власть турокъ подъ управленіемъ Дорошенки. Явъ Собѣскій возстановилъ, однако, въ томъ-же году власть Польши надъ Могилевомъ, но чрезъ годъ послѣдвій снова перешелъ къ туркамъ, которые владѣли имъ до 1699 года, послѣ чего городъ, вмѣстѣ съ частью Подолія, былъ возвращенъ Польшѣ. Сохранился турецкій фирманъ, дозволяющій открывать въ Могилевѣ ярмарки. Послѣ разлива Днѣстра въ 1784 году, причинившаго значительные убытки городу, разорившіеся иностранные купцы покинули Могилевъ, распродавъ свои дома евреямъ, и съ тѣхъ поръ численность семитовъ стала въ немъ преобладающею.

Послѣ присоединенія въ 1793 году Подолія къ Россіи, Могилевъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Брацлавской губерніи, а съ упраздненіемъ послѣдней въ 1796 году онъ вошелъ въ составъ Подольской губерніи и остается въ ней въ качествѣ уѣзднаго города. Въ то время городъ составлялъ частную собственность графовъ Потоцкихъ, отъ которыхъ въ 1811 году онъ былъ выкупленъ русскимъ правительствомъ.

Видъ Могилева представляетъ собою длинную панораму, раскинувшуюся по берегу Днѣстра, съ гористою возвышенностію отъ сѣверной стороны. Размѣры настоящаго изданія не позволяли представить эту панораму во всей ея полнотѣ и она воспроизведена лишь въ западной части. Съ лѣвой стороны гравюры выступаетъ пятикупольный храмъ съ отдѣльно стоящею колокольнею. Это — Георгіевская церковь, сооруженная греками. Съ правой стороны на первомъ планѣ представлена соборная колокольня, а за нею изъ-за крышъ виднѣются купола Николаевского собора, близъ котораго стоитъ большой костелъ съ двумя башнями. Надъ главными дверями собора сдѣлана слѣдующая надпись:

«Во славу святія единосущнія животворящія Трои Оца и Сна и стго Дха создданъ храмъ С. Х. Николая за стараніямъ во первыхъ Р. Б. Лукаша Пека бурмистра Димитрія огадци века, гродена стояна іона дмитрія тодора василія григораша танагѣя Синсона и бтва (братства) р. Б. 1754».

Въ Могилевѣ въ прошломъ столѣтіи существовала первая русская типографія, принадлежавшая молдавскому протопопу Михаилу Стрѣльбицкому. Отрытая сначала въ Дубоссарахъ съ разрѣшенія Екатерины II, выраженного въ указѣ 16 мая 1792 года, на отведенной ему казенной землѣ для печатанія книгъ на русскіи, греческомъ, молдавскомъ и другихъ языкахъ, съ пожалованіемъ ему пенсіи по 300 рублей въ годъ, типографія

была переведена, по указу императрицы отъ 2 января 1795 года, въ Могилевъ по ходатайству самого Стрѣльбицкаго. Дальнѣйшія судьбы этой типографіи неизвѣстны.

28. Замокъ въ мѣстечкѣ Межибожѣ.

(Стр. 93).

Мѣстечко Межибожъ, иначе Меджибожъ или Межибужье, находится въ Летичевскомъ уѣздѣ. Такія названія оно получило отъ расположенія своего при стеченіи двухъ рѣкъ Буга или Бога и Бужка или Божка.

Межибожъ—одно изъ древнѣйшихъ поселеній Подоліи, упоминаемое въ русскихъ лѣтописяхъ еще въ XII вѣкѣ и составлявшее, вмѣстѣ съ сопредѣльными ему поселеніями, одинъ изъ княжескихъ удѣловъ подъ наименованіемъ Побожья или Побужья. Такъ, въ половинѣ XII столѣтія Ростиславъ, сынъ Юрія Долгорукаго, получаетъ въ удѣлъ отъ князя кievскаго Изяслава города Божскій, Межибожье, Котельницу и др. Ипатьевская лѣтопись подъ 1227 годомъ упоминаетъ о Межибожѣ, какъ о владѣніи князей Данила и Василька.

Въ 1240 году городъ Межибожъ разрушенъ татарами. Когда, по изгнаніи татаръ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ, Подолія перешла во владѣніе князей Коріатовичей, послѣдніе въ 1331 году построили въ Межибожѣ замокъ для защиты отъ вторженія татаръ. Впослѣдствіи Межибожъ находился во владѣніи краковскаго воеводы Спытки изъ Мельштына, получившаго его отъ короля Владислава-Ягелло. Во время казацкихъ войнъ Межибожъ нѣсколько разъ переходитъ въ руки казаковъ. Къ этому времени относится полное разореніе города, произведенное въ 1649 году казаками въ соединеніи съ татарами. Возвращенный полякамъ по зборовскому договору, городъ опять былъ взятъ казаками во время похода Богдана Хмельницкаго на Каменецъ-Подольскъ. Послѣднее пребываніе здѣсь Хмельницкаго было въ 1653 году; отсюда онъ отпралялъ своихъ пословъ къ польскому королю Яну-Казимиру, стоявшему лагеремъ на поляхъ глинянскихъ.

Когда западная Подолія подпала подъ власть турокъ въ 1672 году, та же участь постигла и Межибожъ. Жившіе здѣсь турецкіе паши значительно, однако, расширили и укрѣпили замокъ, украсивъ его въ восточномъ вкусѣ.

Съ переходомъ Подоліи къ Польшѣ, Межибожъ какъ крулевщина, достается на правахъ старостинскихъ знатному роду Сенявскихъ, которые много способствуютъ расширенію замка. По смерти послѣдняго воеводы Сенявскаго въ 1726 году, Межибожъ съ другими его имѣніями перешелъ по наслѣдству къ дочери его Софін, бывшей въ замужествѣ сначала за Станиславомъ Денгофомъ, а потомъ—за княземъ Августомъ-Александромъ Чарторыйскимъ. По присоединеніи юго-западныхъ русскихъ областей отъ Польши къ Россіи, Межибожъ, съ другими имѣніями

Чарторыйскихъ, былъ конфискованъ русскимъ правительствомъ и состоялъ въ вѣдѣніи казны до 1795 года, когда, по указу императрицы Екатерины II, былъ возвращенъ въ родъ Князей Чарторыйскихъ. Но Чарторыйскіе не счумѣли оцѣнить царской милости. Когда возникъ польскій мятежъ 1830 года, въ немъ принялъ участіе и князь Адамъ Чарторыйскій (род. 1770 г.); за это онъ былъ лишенъ княжескаго и дворянскаго достоинствъ, а имѣнія его, въ томъ числѣ и Межибожъ, были снова конфискованы, при чемъ Межибожъ былъ обращенъ въ военныя поселенія существовавшія здѣсь до освобожденія крестьянъ въ 1861 году.

Съ тѣхъ поръ Межибожскій замокъ считается царскимъ дворцомъ, который посѣщается русскими императорами во время военныхъ маневровъ. При замкѣ находится православная церковь, устроенная изъ бывшаго кармелитскаго костела.

Въ мѣстечкѣ, кромѣ того, есть еще четыре православныя церкви—двѣ каменные и двѣ деревянные. Есть въ Межибожѣ и костель, построенный князьями Чарторыйскими, а также очень древняя каменная синагога.

29. Мѣсто битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ м. Пилявой 22 сентября 1648 г.

(Стр. 113).

Въ акварельномъ альбомѣ «Замѣчательныя мѣста и предметы Подольской губерніи, собранныя генераль-маіоромъ Флиге, 1842 года», принадлежащемъ нынѣ центральному статистическому комитету при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, помѣщенъ, между прочимъ, пейзажъ мѣстности, гдѣ происходила битва Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ м. Пилявой, Липинскаго уѣзда.

Воспроизводя этотъ видъ на страницахъ настоящаго изданія, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ событіи, сдѣлавшемъ изображаемую мѣстность историческою.

Разгромивъ въ маѣ 1648 г. польское войско у Корсуня и очистивъ, при помощи народнаго возстанія, Украину отъ поляковъ, ксендзовъ и жидовъ, Богданъ Хмельницкій осенью того же года засѣлъ въ Пилявскомъ замкѣ и отсюда велъ переговоры съ польскимъ полководцемъ, княземъ Доминикомъ Заславскимъ, въ ожиданіи обѣщанной помощи отъ крымскаго хана. Въ казацкомъ станѣ тѣмъ временемъ шли приготовленія къ битвѣ. Самъ Богданъ разъѣзжалъ по стану и внушалъ казакамъ, что они идутъ защищать православную вѣру. Воодушевленіе было сильное, хотя безъ самонадѣянности, какою отличались поляки. Но вотъ является движеніе въ станѣ противника, и казаки живо приблизились къ рѣкѣ Пилявкѣ, раздѣлявшей воюющія стороны. 20 сентября 1648 г. сраженіе началось въ трехъ пунктахъ одновременно. Видись больше въ разсыпную, съ равнымъ мужествомъ. Перевѣсъ остался, однако, на сторонѣ поляковъ: казаки вынуждены были отступить.

Удачнѣ былъ для казаковъ слѣдующій затѣмъ день. 21 сентября они овладѣли бродомъ и въ опасныхъ мѣстахъ возвели укрѣпленные валы. Когда наступилъ вечеръ, въ казацкомъ лагерѣ вдругъ раздались звуки бубенъ, трубъ, послышались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей... Въ ночной темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Ночь прошла для поляковъ въ истомѣ и неизвѣстности. Приведенный на разсвѣтѣ плѣнный священникъ сказалъ имъ, что наканунѣ вечеромъ къ казакамъ явилась помощь—пришло 40.000 татаръ. Это было невѣрно: помощь изъ Крыма пришла, но только въ числѣ 4.000 мусульманъ съ Карабчей-Мурзою и сыномъ Хмельницкаго.

Утромъ 22 сентября Хмельницкій выпустилъ всѣхъ пришедшихъ татаръ впередъ и переодѣлъ въ татарское платье еще нѣсколько тысячъ своихъ. Татары бросились къ рѣкѣ и закричали: «Алла! Алла!» Поляки схватились за оружіе, но въ ихъ станѣ произошелъ страшный беспорядокъ: всякій хотѣлъ властвовать и никто изъ пановъ не желалъ подчиниться командѣ; явилась ссора между ними и полное своеволие. Казаки воспользовались обычною для поляковъ неурядицею, перешли плотину и сильнымъ движеніемъ бросились на враговъ, ободряемые громкими криками Хмельницкаго: «за віру, молодці, за віру!» По замѣчанію современника, «тогда поляки орали землю копьями и устилали все болото прапорами!» Много знатныхъ пановъ было уложено на мѣстѣ, а полки сандомірскій и минскій погибли совершенно.

Казацкій разгромъ привелъ поляковъ въ страхъ и трепетъ. Оставшіеся въ живыхъ полководцы и знатнѣйшіе паны собрались вечеромъ на совѣтъ и рѣшили уйти изъ лагеря, а начальство надъ уцѣлѣвшимъ войскомъ возложить на Вишневецкаго. Такъ и сдѣлали. Но когда ночью на 23 сентября въ польскомъ лагерѣ распространилась вѣсть о бѣгствѣ полководцевъ и пановъ, все войско, покинувъ имущество, въ беспорядкѣ поспѣшило послѣдовать примѣру своего начальства. Съ удивленіемъ казаки увидѣли утромъ опустѣвшій лагерь, бросились вслѣдъ полякамъ и привели ихъ въ новый ужасъ и смятеніе.

Богатая добыча для казаковъ осталась на мѣстѣ бывшей польской стоянки подъ Пилявой: около 120.000 возовъ съ лошадьми, 80 орудій, знамена, щиты, шлемы, сабли, серебряные сосуды, собольи шубы, сукна, шали, умывальники, ванны и множество остатковъ отъ пиршества,—вино, пиво, медъ, закуски и разныя лакомства, безъ которыхъ польскіе паны, какъ видно, не обходились даже и на полѣ битвы.

30. Турецкій минаретъ въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

(Стр. 124).

Изображенный на нашей гравюрѣ, по современной фотографіи, турецкій минаретъ составляетъ одинъ изъ характерныхъ памятниковъ владычества турокъ на Подоліи. Минаретъ находится при кафедральномъ римско-католическомъ костелѣ св. Петра и Павла въ Каменецъ-Подольскѣ.

Петропавловскій костель, по польскимъ извѣстіямъ, основанъ будто-бы въ XIV вѣкѣ Юріемъ Коріатовичемъ. При вступленіи въ 1672 г. въ Каменецъ-Подольскъ турокъ, костель этотъ былъ обращенъ въ главную мечеть и при немъ былъ устроенъ, изъ тесаного камня, круглый минаретъ, стройно и красиво возвышающійся значительно выше крыши костела. За все время 27-милѣтняго владѣнія турками Каменецъ-Подольскомъ, съ высоты минарета ежедневно имама призывали правовѣрныхъ мусульманъ на молитву. Когда-же, по карловицкому трактату 1699 года, городъ возвратился Польшѣ, римско-католическій епископъ Глинскій освятилъ костель, оставивъ минаретъ неприкосновеннымъ памятникомъ турецкаго господства. Въ 1756 году Петропавловскій костель былъ отремонтированъ епископомъ Николаемъ Дембовскимъ, причемъ былъ обновленъ минаретъ и въ то-же время, вмѣсто полумѣсяца, на высотѣ минарета водружено бронзовое вызолоченное изображеніе Богоматери съ Богомладенцемъ. Въ память этого на минаретѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

«*Virgini Matri Dei parae immaculatae, urbis protectrici, effigiem hanc pro suo et gregis sui conciliando auxilio, Nicolaus de stemate Jelitarum Dembowski, Epis. Camenecen. Podoliae Praepositus Commendarius Miechoviensis, Equus aquil. albae, erexit anno salutis 1756*».

То-есть: Пренепорочной Матери, Дѣвѣ Богородицѣ, покровительницѣ города, для привлеченія милости себѣ и паствѣ своей настоящее изображеніе воздвигнулъ Николай, герба Јелита, Дембовскій, епископъ Каменецъ-Подольскій, опать Міховскій, кавалеръ Бѣлаго орла, въ 1756 году спасенія (т. е. отъ Рождества Христова).

(Упоминается на стр. 138).

31. Борышковецкая башня близъ г. Каменецъ-Подольска.

(Стр. 135).

Въ западной половѣ Россіи до настоящаго времени сохранилось нѣсколько башенъ, основаніе которыхъ восходитъ къ глубокой древности. Извѣстны башни близъ Каменца-Литовскаго, Бѣлавинская подъ г. Холмомъ и Столпѣнская при селѣ Столпѣ, въ Холмскомъ уѣздѣ. Одни изъ такихъ памятниковъ древности сохранили о себѣ въ исторіи болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, о происхожденіи же другихъ существуютъ одни лишь легендарныя сказанія.

Въ Подоліи сохранилась башня или столбъ на поляхъ села Борышковецъ, близъ г. Каменецъ-Подольска, въ восточной его сторонѣ. Башня эта стоитъ на высокому холмѣ, господствующемъ надъ всею окрестностью. Сооружена она изъ необдѣланнаго известняка, скрѣпленнаго цементомъ. Высота ея въ настоящее время 5 метровъ, ширина у основанія 3,5 метра, а вверху — 3 метра. Верхушка очевидно разрушена. На межевыхъ планахъ, состав-

ленныхъ по поводу споровъ города съ сосѣдными землевладѣльцами, Боришковецкая башня помѣчена впервые въ 1735 году.

По предположенію изслѣдователя подольской старины, доктора Ролле, Боришковецкая башня сооружена турками для огневыхъ ночныхъ сигналовъ. Во время турецкаго владычества надъ Подоліей турецкіе спаги, стояшіе гарнизономъ въ Каменецъ-Подольскѣ, занимались хлѣбопашествомъ на поляхъ, окружающихъ каменный столбъ, а въ селѣ Боришковцахъ жили ихъ жены. Несомнѣнно, къ этому времени и относится основаніе башни, которая поэтому имѣетъ значеніе памятника турецкой культуры въ Подоліи.

32 и 33. Домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій (въ мѣстечкѣ Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда).

(Двѣ гравюры на стр. 147 и 154).

Императоръ Петръ Великій, возвращаясь въ 1711 году изъ турецкаго похода, проѣзжалъ чрезъ Подолію. Въ августѣ онъ остановился въ Каменецъ-Подольскѣ и здѣсь цѣлыхъ два дня осматривалъ крѣпость во всей подробности. Затѣмъ государь заѣзжалъ въ мѣстечко Сатановъ, нынѣ Проскуровскаго уѣзда, и имѣлъ здѣсь свиданіе съ владѣльцемъ этого мѣстечка, великимъ короннымъ гетманомъ Адамомъ-Николаемъ Сенявскимъ, претендентомъ на польскую корону.

По словамъ профессора В. Б. Антоновича («Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси», т. I), Петръ Великій, въ бытность свою въ Сатановѣ, останавливался въ замкѣ гетмана Сенявскаго; по преданію же, записанному священникомъ Орловскимъ («Подольскія Епархіальныя Вѣдомости», 1862 г., № 3) императоръ Петръ I останавливался въ Сатановѣ въ скромной мазанкѣ, крытой соломой. Ко времени описанія отца Орловскаго мазанка эта еще существовала; причемъ, по словамъ автора, на алебастровомъ очагѣ домика остались слѣды двуглаваго орла около дворянскаго герба Сенявскихъ.

Въ настоящее время этого дома уже не существуетъ. Изображенные на нашихъ гравюрахъ видъ дома и находившагося въ немъ камня воспроизведены по рисункамъ акварельнаго альбома «Замѣчательные мѣста и предметы Подольской губерніи, собранные генераль-маіоромъ Флиге, 1842 года», принадлежащаго центральному статистическому комитету при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На рисункѣ историческій домъ м. Сатанова представленъ дѣйствительно скромной мазанкой, крытой соломой; но на каминѣ слѣдовъ двуглаваго орла не имѣется и явственно видны лишь барельефные инициалы, какъ надо полагать, принадлежавшіе русскому императору (П. В.) и польскому гетману (S).

(Упоминается на стр. 156).

34—37. Группа православныхъ церквей въ Каменецъ-Подольскѣ: Каедральный соборъ, Петропавловская церковь, Троицкій монастырь и Крестовая Успенская церковь.

(Четыре вида на стр. 165).

Группа четырехъ православныхъ храмовъ въ г. Каменецъ-Подольскѣ исполнена, по фотографическимъ снимкамъ, художникомъ Н. Н. Хохряковымъ.

Изображенные на рисункѣ храмы, по времени сооруженія, старѣйшіе изъ существующихъ нынѣ въ Каменецъ-Подольскѣ православныхъ церквей, не считая Іоанно-Предтеченской и Николаевской церквей, которымъ въ настоящемъ изданіи посвящены особыя гравюры и объясненія.

Вотъ краткія историческія свѣдѣнія объ изображенныхъ въ группѣ церквахъ.

Каедральный Казанскій соборъ. По воссоединеніи въ 1795 году южно-русскихъ униатовъ съ православною церковью, каедральнымъ соборомъ служила Іоанно-Предтеченская церковь, бывшая таковымъ и у униатовъ. Но размѣры храма и скромная его обстановка не отвѣчали тому значенію, которое долженъ былъ имѣть каедральный соборъ въ русскомъ губернскомъ городѣ. Мысль о сооруженіи новаго собора особенно озабочивала преосвященнаго Леонтія, управлявшаго Подольскою епархіей съ 1863 по 1874 г. (нынѣ синодальный членъ, архіепископъ холмско-варшавскій). Въ этой заботливости явилось предположеніе обратить въ каедральный соборъ костельное зданіе, оказавшееся свободнымъ послѣ упраздненія кармелитскаго монастыря.

Зданіе костела босыхъ кармелитовъ (которые появились въ Каменецъ-Подольскѣ въ 1623 году), начатое сооруженіемъ около 1717 года, было окончено и освящено римско-католическимъ епископомъ Николаемъ Дембовскимъ въ 1750 году. Послѣ упраздненія Каменецъ-Подольской латинской епископіи въ 1866 г., былъ закрытъ и кармелитскій монастырь. Обращеніе принадлежавшаго ему костела въ православный соборъ потребовало, однако, большихъ приспособленій и затратъ, особенно вслѣдствіе необходимости перенести алтарную часть съ запада на востокъ. За то получился величественный, лучшій изъ всѣхъ существующихъ въ Каменецъ-Подольскѣ, православный храмъ, выдѣляющійся по красотѣ внѣшней и внутренней.

Соборъ освященъ 30 августа 1878 г. Въ немъ три престола: главный— въ честь Казанской иконы Божіей Матери, придѣлъ справа — во имя св. Николая и придѣлъ наверху, на боковыхъ хорахъ съ правой стороны, во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра. На боковыхъ хорахъ съ лѣвой стороны помѣщается церковное Древнехранилище, состоящее въ вѣдѣніи Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета.

Петропавловская церковь. Въ одной изъ густо-заселенныхъ частей г. Каменецъ-Подольска, въ узенькой улочкѣ, изъ-за каменной массивной ограды виднѣется небольшая каменная церковь, замѣчательная по внѣшности такою простотой, которая граничитъ съ убожествомъ. Старинная неровнаяшту-

катурка почти безъ слѣдовъ краски, тяжелые контрфорсы, мѣстами покрытые мхомъ, гонтовая крыша,—такова внѣшность православнаго храма, сооруженнаго въ 1580 году. Вѣроятно и въ первые годы своего существованія церковь эта обладала средствами, потому что сохранилось извѣстіе, что въ 1591 году житель Каменца, Іоаннъ Селецкій, пожертвовалъ на церковь свой домъ. Несомнѣнно, отъ древняго храма до нашего времени дожили лишь стѣны, подпертыя контрфорсами; куполь же и колокольня носятъ на себѣ слѣды позднѣйшаго сооруженія.

Извѣстный русскій паломникъ XVI вѣка Трифонъ Коробейниковъ, въ бытность свою въ Каменецъ-Подольскъ около 1593 года, посѣтилъ Петропавловскую церковь и далъ священнику оной «царской заздравной милостыни одинъ золотой». Дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ храмѣ до времени вступленія въ Каменецъ турокъ не сохранилось. Когда же турки заняли этотъ городъ (въ 1672 году), Петропавловская церковь была отдана ими католикамъ. Впослѣдствіи она оказалась во владѣніи униатовъ, а въ 1795 году, когда подольскіе униаты воссоединились съ православіемъ, церковь эта обращена въ православную.

Троицкій монастырь. При въѣздѣ въ Каменецъ-Подольскъ съ восточной стороны, на площади, выступаетъ храмъ, окруженный небольшимъ садикомъ. Это—церковь Троицкаго первокласснаго монастыря, мѣсто-пробываніе епископа балтскаго, викарія Подольской епархіи.

Точныхъ свѣдѣній о времени сооруженія Троицкаго храма не сохранилось. Самое раннее объ немъ извѣстіе относится къ 1582 году, когда жительница Каменецъ-Подольска Гапка Табкова записала этой «каедральной» церкви находившуюся близъ нея усадьбу. Есть также извѣстіе, что русскій паломникъ, Трифонъ Коробейниковъ, бывши въ Каменцѣ около 1593 года, далъ «къ соборной церкви Живоначальныя Троицы попу Климентю два золотыхъ да діакону Михайлу золотой». Климентъ попу упоминается также и въ судебномъ актѣ 1603 года, по которому Троицкой церкви былъ переданъ домъ, записанный раньше жителемъ Каменца, Яковомъ Ковалемъ. Этимъ домомъ, сказано въ актѣ, владѣли братчики. Послѣ занятія Каменца турками, церковь была нѣкоторое время мечетью Мустафы-паши, султанова секретаря. Въ 1722 году Троицкую церковь захватили униатскіе монахи-базилиане, и при ней жили официалы униатскаго епископа. Послѣ 1722 года храмъ считался каедральнымъ униатскимъ соборомъ, какимъ онъ оставался приблизительно до 1789 года, когда въ каедральный соборъ была обращена Іоанно-Предтеченская церковь.

По распоряженію св. Синода, послѣдовавшему въ 1875 году, Троицкій базилианскій монастырь обращенъ въ православную обитель.

Стѣны храма носятъ на себѣ слѣды древности; колокольня же относится къ сравнительно позднему времени, а куполь—къ еще болѣе позднему. Не представляя собою ничего особеннаго во внѣшнемъ, архитектурномъ отношеніи, Троицкая церковь отличается простотою и съ внутренней стороны.

Крестовая Успенская церковь. Храмъэтотъ сооруженъ католическими монахами францисканами около 1757 г. Въ 1787 г. францисканы были переведены изъ Каменецъ-Подольска въ мѣстечко Городокъ (нынѣ Каменецъ-Подольскаго уѣзда). Во время присоединенія Подоліи къ Россіи зданія францисканскаго монастыря стояли пустыми, и когда произошло воссоединеніе униатовъ съ православіемъ, онѣ были переданы для устройства помѣщенія для православнаго епископа. Здѣсь находится архіерейскій домъ и двѣ церкви: большая въ честь Успенія Пресвятой Богородицы, съ алтаремъ на западъ, и малая (теплая) во второмъ этажѣ, въ честь Рождества Христова, съ алтаремъ на востокъ.

Не смотря на передѣлки и приспособленія, Крестовая церковь сохранила слѣды западной архитектуры костельной.

38. Николаевская, бывшая армянская, нынѣ православная церковь въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

(Стр. 197).

Въ центральной части г. Каменецъ-Подольска, среди городскихъ домовъ, находится небольшая каменная церковь съ деревянной крышей и маленькимъ куполомъ. Церковь эта такъ загромождена постройками, что съ улицы она вовсе не замѣтна. Этотъ скромный по виду храмъ имѣетъ историческое значеніе, какъ памятникъ армянской древности.

Исслѣдователи подольской старины не опредѣляютъ точно времени сооруженія описываемаго храма. Сохранились, однако, письменные документы, по которымъ съ нѣкоторою достовѣрностью можно сказать, что церковь эта построена армяниномъ Синаномъ, сыномъ Хотлубая, въ 1398 году, и была освящена во имя святителя Николая, мирликійскаго чудотворца. Когда въ Каменцѣ армяне выстроили, въ 1495 году, другую, болѣе обширную церковь, посвященную также имени св. Николая, подъ названіемъ армяно-католическаго костела, первая Николаевская церковь была обращена въ кладбищенскую каплицу и переименована въ Благовѣщенскую.

Въ то время григоріанское исповѣданіе подольскихъ армянъ не было стѣсняемо со стороны полько-католиковъ. Но съ 1676 года началось возвращеніе армянъ въ унию съ римскою церковью, и армяне - григоріане, послѣ долгой, упорной борьбы, подчинились главенству папы и начали тогда именоваться армянами - католиками. Въ то время Николаевская или Благовѣщенская церковь обратилась въ армяно - католическую. Съ тѣхъ поръ вліяніе латинскаго духовенства на религіозную жизнь подольскихъ армянъ получило преобладающее значеніе. Вѣроятно въ силу такого вліянія, мѣстная римско-католическая духовная власть передала, въ началѣ 1811 года, Благовѣщенскую церковь отъ армянъ русскимъ греко-униатамъ и съ того времени она снова начала именоваться Николаевскою. По присоединеніи въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій къ православію каменецкихъ униатскихъ приходовъ

Іоанно-Предтеченскаго и Петропавловскаго, равно Свято-Троицкаго монастыря, Николаевская церковь сдѣлалась единственнымъ въ Каменецъ-Подольскѣ уніатскимъ храмомъ. Въ 1840 году настоятель этого храма, Викторъ Лабейковскій, вмѣстѣ съ прихожанами, воссоединился съ православіемъ, и Николаевская церковь съ тѣхъ поръ составляетъ православный храмъ.

Внѣшній видъ Николаевской церкви чрезвычайно скромный. Вертикально сложенные стѣны его, подпертыя контрфорсами, имѣютъ значительную толщину. Оконъ немного,—по одному съ каждой стороны, и притомъ малаго размѣра, подъ самыми сводами, отчего внутри церкви—полумракъ. Входная дверь маленькая. Если бы не было купола, едва замѣчаемаго на крышѣ, церковь нельзя бы было отличить отъ простаго дома или хозяйственнаго строенія.

Николаевская церковь очень тѣсна: въ ней съ трудомъ можетъ помѣститься сотня молящихся. Скромный иконостасъ сооруженъ въ 1857 году на частныя пожертвованія.

Нѣкоторое время въ Николаевской церкви находилась чудотворная икона Божіей Матери, писанная въ восточномъ стилѣ, на кипарисной доскѣ. По преданію, икона принесена армянами изъ Крыма около 1380 года и была помѣщена въ Николаевской церкви. Во время перваго нашествія турокъ на Подолію икона эта была захвачена ими и служила имъ доской, на которой мѣсили тѣсто. Впослѣдствіи она была найдена въ Македоніи, выкуплена армянами у турокъ и снова была привезена въ Каменецъ. Во время послѣдняго нашествія турокъ въ 1672 году, армяне перенесли икону во Львовъ, а по выходѣ турокъ изъ Каменца она снова была принесена въ этотъ городъ, въ ту же Николаевскую церковь. Въ 1767 г. икона была перенесена въ Николаевскій армяно-католическій костелъ, гдѣ и нынѣ находится, привлекая къ себѣ богомольцевъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

Другая священная древность Николаевской церкви находится въ ней до настоящаго времени. Это—мѣстнотимая икона Св. Николая, писанная на холстѣ, вышиною 2 $\frac{1}{2}$ и шириною 1 $\frac{1}{2}$, аршина. По преданію, икона принесена въ Каменецъ-Подольскъ откуда-то уніатами во второй половинѣ XVIII вѣка; сначала она помѣщалась въ кармелитскомъ монастырѣ, а съ переходомъ Николаевской церкви къ уніатамъ, послѣдніе перенесли икону въ эту церковь. По другимъ источникамъ, образъ этотъ составляетъ копію съ иконы, находящейся нынѣ въ Іоанно-Предтеченской церкви, куда она была перенесена изъ упраздненной Николаевской православной церкви.

Въ той же церкви обращаетъ на себя вниманіе каменная плита съ рельефнымъ изображеніемъ эчміадзинскаго армянскаго патріарха Мельхиседека, впослѣдствіи львовскаго армянскаго архіепископа, скончавшагося въ Каменцѣ 18 марта 1627 г. и погребеннаго въ Николаевской церкви. Рельефъ укрѣпленъ на лѣвой стѣнѣ, у клироса, и отъ времени началъ сглаживаться, а въ послѣднее время подвергся даже искаженію. Дѣло въ томъ, что для лучшей установки упомянутой выше иконы св. Николая, у сѣверной стѣны

церкви, не нашлось иного способа, какъ подрубить ноги въ рельефномъ изображеніи армянскаго архіерея! Совершилось это всего лѣтъ 10—15 тому назадъ.

(Упоминается на стр. 86, 227, 228, 245, и 246).

39. Церковь въ и. Ярышевѣ, Могилевскаго уѣзда.

(Стр. 237).

Характерная пятикупольная архитектура Ярышевской церкви представляетъ собою нѣкогда сильно развитый, но нынѣ уже отживающій типъ южнорусскихъ церковныхъ деревянныхъ сооружений. Въ Подоліи это единственная, сохранившаяся отъ прежнихъ временъ многоглавая церковь такого типа. Въ немъ, вмѣстѣ съ основною мыслью постройки храма крестомъ, совмѣщается и сельская простота сооружения, не лишенная, однако, красоты и легкости архитектуры.

Къ сожалѣнію, историческихъ свѣдѣній о сооруженіи Ярышевской церкви не имѣется. Единственнымъ старымъ приходскимъ документомъ является «визита» 1747 года; но этотъ документъ о церкви выражается въ слишкомъ общихъ чертахъ, а именно: «Cerkiew drewniana gątami pobita у pobedyntowana... dzwonica nad furto wystawiono, na nieу zwoonop cztery»... (церковь деревянная, покрытая гонтой, съ латами, колокольня построена надъ входными воротами, съ четырьмя колоколами на ней). О какой либо неисправности или ветхости зданія церкви ничего здѣсь не говорится, а только внушается прихожанамъ «aby iak паупrędzey smętaż oparkanili» (чтобы какъ можно скорѣй огородили кладбище). Въ описи же церковной, выданной 12-го декабра 1829 года изъ Могилевскаго духовнаго правленія, сказано, что Ярышевская церковь освящена въ 1772 году униатскимъ деканомъ Іоанномъ Остаповичемъ, а построена въ 1768 г. въ благословенія униатскаго епископа Льва Шептицкаго.

Сопоставляя приведенныя данныя съ дѣйствительнымъ состояніемъ церковныхъ зданій, мѣстный изслѣдователь Н. И. Яворовскій, обязательно доставившій намъ свѣдѣнія о Ярышевской церкви, приходитъ къ заключенію, что изображенная на рисункѣ церковь должно была уже существовать въ 1747 году, а даты 1768 и 1772, показанныя въ церковной описи, относятся къ внѣшнему или внутреннему обновленію храма, а можетъ быть и колокольни, которая имѣетъ видъ болѣе новаго сооружения. Церковь въ основаніи куполовъ стявута деревянными связями въ видѣ перекладинъ, положенныхъ вѣроятно около 1849 года, когда она ремонтировалась, о чемъ упоминается въ надписи надъ церковными дверями.

Къ числу внѣшнихъ особенностей описываемаго храма слѣдуетъ отнести помѣщенныя въ крестахъ двухъ куполовъ слова: въ восточномъ куполѣ— І. Хс. и въ западномъ—Марія; слова эти сдѣланы сквозною вязью, окру-

женною вѣнками. Въ этомъ сказывается вліяніе запада, проявившагося по отношенію къ Ярышевской церкви во время нахождения ея въ рукахъ уніатовъ.

40 и 41. Церковь св. великомученика Дмитрія въ селѣ Сѣнной, Балтскаго уѣзда.

(Два вида на стр. 243).

Подолія, издревле просвѣщенная свѣтомъ православнаго вѣроученія, не отличается, однако, численностію древнихъ православныхъ храмовъ. Обуреваемая грабежами кочевниковъ, служившая ареной для междуусобныхъ войнъ Литвы и Польши, лишенная русскаго интеллигентнаго класса, Подольская земля, за весьма малыми исключеніями, украшалась храмами, отличавшимися самымъ скромнымъ, будничнымъ видомъ, какой только могъ быть созданъ средствами селянина, находившагося въ крѣпостной зависимости у польскаго помѣщика и иногда стѣсняемаго въ свободномъ исповѣданіи православной вѣры. Строились, такимъ образомъ, по селамъ Подоліи церкви деревянныя, простенькія, не долговѣчныя, похожія иногда на простой деревенскій амбаръ.

Образцомъ такого убожества можетъ служить старая церковь св. великомученика Дмитрія въ селѣ Сѣнной, Балтскаго уѣзда, просуществовавшая до 1890 года.

При посѣщеніи села Сѣнной въ 1866 году, высокопреосвященный Леонтій, бывшій архіепископъ подольскій, нынѣ холмско-варшавскій, ужаснулся необычайной бѣдности и нищеты Сѣнновской церкви. «Боже мой,—воскликнулъ архіепастырь,—это ли церковь, это ли селеніе славы Твоея? проѣхалъ я почти всю Россію, а подобной церкви нигдѣ не видѣлъ».

И дѣйствительно, какъ не поразиться при взглядѣ на эту церковь? простой деревянный сарай, отличающійся отъ остальныхъ деревенскихъ построекъ небольшою главкой съ восьми-конечнымъ крестомъ.

Архіепископъ Леонтій и его преемники неоднократно наставляли прихожанъ с. Сѣнной о необходимости построить новую церковь; но приходъ, состоя изъ однихъ крестьянъ, еще не окрѣпшихъ послѣ тяжелой, изнурительной панщины, не могъ собраться съ силами, и въ 1873 году Сѣнновская церковь была закрыта, а прихожане присоединены къ Мошнягскому приходу.

Но вотъ изъ числа прихожанъ с. Сѣнной явились ревнители славы Божіей; при ихъ содѣйствіи и при помощи стороннихъ благотворителей, составилась небольшою капиталъ, и къ 1889 году была сооружена въ этомъ селѣ новая церковь, хотя также деревянная, но вполне приличная. Храмъ этотъ освященъ 10 сентября 1889 года во имя св. великомученика Дмитрія преосвященнымъ Димитріемъ, епископомъ балтскимъ, нынѣ подольскимъ и брацлавскимъ.

Г. Разныя изображенія.

42. Каменный идолъ древне-славянскаго бога Свѣтовита.

(Стр. 6).

Въ 1848 году въ Подольской губерніи, въ рѣкѣ Збручѣ, найдено помѣщикомъ м. Гусятина Мечиславомъ Потоцкимъ каменное изваяніе высотой до 4 аршинъ, съ изображеніемъ четырехъ лицъ. Этотъ монолитъ переданъ Потоцкимъ въ археологическій музей при Краковскомъ университетѣ, гдѣ онъ теперь и хранится.

Изваяніе это археологами признано истуканомъ славянскаго языческаго бога Святовита или Свѣтовита.

Славянскій хроникеръ XII вѣка Гельмольдъ такимъ образомъ опредѣляетъ значеніе идольскаго бога Святовита у славянъ: «Святовить, богъ земли русской, получилъ первенство между всѣми славянскими божествами; въ сравненіи съ нимъ, всѣхъ прочихъ боговъ считаютъ какъ бы полубогами». Святовить, какъ это показываетъ и самое названіе, былъ богъ свѣта и молніи, вѣроятно занимавшій у подольскихъ славянъ мѣсто Перуна и считавшійся верховнымъ правителемъ вселенной. Четыре головы идола, вѣроятно, обозначали собою четыре страны свѣта и поставленныя въ связи съ ними четыре времени года; борода—эмблему облаковъ, застилающихъ небо; мечъ—молнію; поѣзды на конѣ и битвы съ вражескими силами—картину грозы. Какъ владыка небесныхъ громовъ, Святовить въ сказаніяхъ славянъ представляется выѣзжающимъ по ночамъ, во мракѣ тучъ, сражаться съ демонами тьмы, которыхъ онъ поражаетъ молніями, проливая дождь на землю. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ податель дождя, онъ необходимо признавался и богомъ плодородія. Сообразно съ этимъ представленіемъ, при храмѣ Святовита держали коня, на которомъ, какъ предполагалось, богъ ѣздилъ каждую ночь. Конь этотъ имѣлъ особое значеніе у славянъ-язычниковъ: прежде, чѣмъ рѣшиться на какое-либо предпріятіе, святовитова коня водили черезъ разложенныя по землѣ копыя и слѣдили за поступью коня; если онъ начиналъ свои шаги правою ногой, или если ногами вовсе не касался стрѣлы, то ожидали благоприятнаго исхода въ задуманномъ дѣлѣ. Какъ предъ богомъ плодородія, предъ Святовитомъ возносились мольбы объ изобиліи плодовъ земныхъ и совершали торжественный ему праздникъ по собраніи урожая; при чемъ по рогу, находившемуся въ рукахъ идола, предугадывали о будущемъ урожаѣ: рогу, наполненный виномъ, показывалъ изобиліе урожая, пустой—предвѣщалъ голодъ. Такъ какъ Подолія и до сихъ поръ признается плодороднѣйшею, то понятно, что такой идолъ, какъ Святовить, долженъ былъ пользоваться у подоллянъ преимущественнымъ уваженіемъ.

Никто изъ археологовъ, конечно, не могъ опредѣлить, гдѣ именно на Подоліи былъ храмъ или жертвенникъ Святовита; но судя потому, что идолъ былъ найденъ въ р. Збручѣ, около Гусятина, предполагаютъ, что въ этомъ

мѣстечкѣ совершалось идолослуженіе. По всей вѣроятности, гусятинскій идолъ былъ низверженъ въ рѣку въ то время, когда подоляне были озарены свѣтомъ христіанской вѣры.

(Упоминается на стр. 7).

43. Грамота господаря Подольской земли, литовскаго князя Александра Коріатовича, 1375 года.

(Стр. 10).

Приложенная къ настоящему изданію хромолитографированная копія съ грамоты господаря Подольской земли, литовскаго князя Александра Коріатовича, 1375 года, содержитъ въ себѣ слѣдующее.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Мы князь литовскій князь Олександро Корыатовичъ Божією милостію князь и гдръ (господарь) Подольской земли чинимъ свѣдоженіе своимъ листомъ всякому доброму ктожь на сей листъ посмотритъ, што жь былъ братъ нашъ князь Юрьи Корыатовичъ придавъ млинъ къ церкви къ Матцѣ Божіей у Смотричи, то и мы князь Олександро потверживаемъ того своимъ листомъ. дали есмо навѣки той млинъ и мѣсто у млина къ церкви и тымъ мнихомъ казательного (казательнаго, т. е. проповѣдническаго или доминиканскаго) закону, а кого коли испрячють людей къ собѣ у томъ мѣстѣ у млина. тыѣ люди даль есмъ имъ со всѣмъ правомъ. але то, штожь коли вси бояре и земляне будутъ городъ твердити, тогда тии люди такоже имѣють твердити городъ Смотричъ, и же то штожь коли вси земляне имуть давати дань у татары. то серебро имѣють такоже тии люди дати. а ко млину граница горѣ (вверху) Смотричемъ до мосту, а доловъ (внизу) Смотричемъ, што дуброва межи Ходорковымъ селомъ, тоѣ дубровы половина ко млину. а в поли кде собѣ проорють нивы, то ихъ имѣеть прислушати. А на то дали есмо свой листъ и печать завѣсили своего князства. а свѣдцы на то Гринко панъ староста Подольскіи, смотрицкий воевода, Рогозка Прокопъ, Семенко Карабчеевскій. А писанъ листъ у Смотричи по Бымъ (Божимъ) нароченьи 4 лѣтъ и 7 и 5 пятого лѣта мця марта оу (въ) 31 оу (въ) днь стго (день святаго) Олексея члвка (человѣка) Бья (Божія).»

Грамота писана на пергаментѣ; нижняя часть ея имѣеть загибъ, чрезъ который проведена тесьма изъ пергамента же и на ней привѣшена печать изъ темнаго воска съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. Хромолитографическая копія воспроизведена въ величину оригинала со всѣми его дефектами.

Грамота князя Александра Коріатовича, подтверждающая права на мельницу, дарованная Смотрицкому доминиканскому монастырю Пресвятой Богородицы братомъ его Юріемъ Коріатовичемъ, не возбуждая никакого сомнѣнія въ своей подлинности, порождаетъ споръ о вѣроисповѣдной принадлежности Александра Коріатовича. Основываясь на томъ, что запись сдѣ-

лана въ пользу католическаго монастыря и голословно утверждая, что князь Александръ погребенъ въ Смотричскомъ доминиканскомъ монастырѣ, поляки считаютъ его католикомъ; между тѣмъ по болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ братья Юрій и Александръ Коріатовичи погребены въ деревянной православнои церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, построенной ими въ г. Каменецъ-Подольскѣ; затѣмъ въ концѣ грамоты сдѣлано указаніе на день памяти св. Алексѣя челоуѣка Божія, а этого святого въ святцахъ римско-католической церкви нѣтъ; самый же фактъ записи въ пользу католическаго монастыря еще не доказываетъ принадлежности князя Коріатовича къ католицизму и можетъ быть объясненъ или его вѣротерпимостью, или же особыми политическими видами князя; притомъ же изъ грамоты не видно, чтобы самъ Коріатовичъ и основалъ доминиканскій монастырь, и въ ней онъ только дозволяетъ монастырю владѣть имуществомъ, которое, можетъ быть, было приобрѣтено доминиканами на свои средства и потомъ укрѣплено за ними грамотой Юрія Коріатовича.

Воебще грамота 1375 года не опровергаетъ показаній русскихъ изслѣдователей о принадлежности князя Александра Коріатовича къ числу исповѣдниковъ православія и во всякомъ случаѣ служить документальнымъ доказательствомъ господства въ XIV вѣкѣ на Подоліи русской народности и принадлежности къ ней владѣтелей Подольской земли, князей Коріатовичей.

(Упоминается на стр. 33 и 60).

44. Древняя надпись на скалѣ въ селѣ Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда.

(Стр. 51).

Въ древней столицѣ Познзья или Подоліи—Бакотѣ нѣкогда существовалъ православный монастырь съ пещерными келліями въ скалистыхъ берегахъ р. Днѣстра. Время основанія монастыря съ точностію не извѣстно, а упраздненъ онъ въ 1745 году. Несомнѣнно лишь, что во время перехода Подоліи къ братьямъ Коріатовичамъ Бакотскій монастырь уже существовалъ. По народному же преданію, пещерныя келліи въ Бакотѣ существовали уже при жизни кіево-печерскихъ угодниковъ Антонія и Феодосія.

До настоящаго времени отъ монастыря сохранились только двѣ пещеры, высѣченныя въ отвѣсной скалѣ. Каменная скала отъ времени и атмосферическихъ вліяній осыпается и значительная ея часть уже исчезла. Тѣмъ необходимѣе сохранить надпись, открытую на скалѣ, при одной изъ уцѣлѣвшихъ пещеръ, и свидѣтельствующую о славяно-русскомъ происхожденіи монастыря.

Надпись сдѣлана по-славянски, уставомъ; нѣкоторыя буквы ея выбиты отчетливо и глубоко, другія же стерлись и едва поддаются чтенію.

Вотъ эта надпись:

БЛГЪИ ХЪ ГРИГОРЪ
 ИГУМЕНА ДАБЪША-
 ГО СЛАУ СЪМУ МИХАЛУ

т. е. Благослови, Христось, Григорья игумена, давшаго силу святому Михаилу (храму или монастырю св. Михаила).

Вверху надписи, позднѣйшею рукою и болѣе мелкимъ шрифтомъ, начертано по поводу этой надписи:

«Григорій... завюгль мѣсто се», т. е. Григорій завель, основаль мѣсто сіе.

По бокамъ и внизу надписи замѣчаются неопредѣленные значки или буквы, а слѣва вырѣзанъ равноконечный крестъ и начертанъ бюстъ чловѣка съ бородой.

45. Гербъ кіевскаго митрополита Петра Могилы.

(Стр. 87).

Гербъ Петра Могилы помѣщенъ въ книгѣ, изданной въ Кіевѣ въ 1632 году подъ названіемъ «Евхаристіонъ альбо Вдячность». Это—собраніе стихотвореній, поднесенныхъ Петру Могилѣ въ бытность его архимандритомъ Кіево-Печерской лавры учениками училища, учрежденнаго имъ при лаврѣ.

Подъ гербомъ находится слѣдующее привѣтствіе:

Тыи твои пресвѣтлыи видячи клиіоты

Отче архимандрита, кто на твоѣ цноты

Ведлугъ свѣта и духа, кто ся не здумѣть.

Хиба кому ку ближнимъ заздость въ сердцу врѣть.

На современномъ языкѣ это значить:

Видя эти твои славные знаки достоинства,

Отецъ архимандритъ, кто твоимъ заслугамъ

Относительно просвѣщенія и духа, кто не удивится,

Развѣ тотъ, у кого къ ближнимъ зависть въ сердцѣ кипить.

Гербъ Петра Могилы воспроизводится въ настоящемъ изданіи по гравюрѣ, помѣщенной въ «Иллюстрированной исторіи книгопечатанія и типографскаго искусства», О. И. Булгакова; портреты же Могилы съ краткими біографическими свѣдѣніями о немъ были помѣщены въ изданіяхъ «Холмская Русь» и «Волынь».

Петръ Могила еще въ санѣ архимандрита Кіево-Печерской лавры пользовался извѣстностію на Подоліи. При избраніи его на варшавскомъ сеймѣ 1632 года въ кіевскіе митрополиты, за него, въ числѣ другихъ, поданы были голоса послами воеводствъ Подольскаго и Брацлавскаго. Въ санѣ митрополита, онъ распространялъ свою дѣятельность и на Подолію. Такъ, между прочимъ, онъ основаль при Винницкомъ Вознесенскомъ мужскомъ монастырѣ латинскую школу и, подчинивъ ее Кіево-Братскому монастырю, назваль ее братскою. Впослѣдствіи митрополитъ перевелъ эту школу на Волынь, въ м. Гошу, и поставилъ ее въ столь благоустроенное положеніе, что даже враги православія отзывались о ней, какъ и о другихъ школахъ Петра

Могилы, съ похвалою и сожалѣли лишь о томъ, что всѣ эти училища служили на пользу православія и русской народности.

46. Турецкій проповѣдническій амвонъ въ г. Каменецъ-Подольскѣ.

(Стр. 129).

При занятіи турками въ 1672 году г. Каменецъ-Подольска, мусульмане оставили христіанамъ только по одному храму на каждое исповѣданіе: для русскихъ, для католиковъ и для армянъ; остальные храмы они тотчасъ же обратили въ мечети. Захвативъ въ томъ числѣ и костелъ доминиканскаго ордена, турки поставили въ немъ проповѣдническій амвонъ, остающійся въ костелѣ до настоящаго времени неприкосновеннымъ.

Костелъ бывшаго доминиканскаго монастыря во имя святителя Николы—одно изъ древнихъ сооруженій Каменецъ-Подольска. Точныхъ свѣдѣній о времени его основанія не сохранилось. Извѣстно лишь, что онъ существовалъ при князьяхъ Коріатовичахъ, которые даровали костелу привилегію, подтвержденную литовскимъ княземъ Свидригайломъ Ольгердовичемъ въ 1405 году. Въ костелѣ находится древняя икона Божіей Матери, признаваемая католиками чудотворною; писана она въ византійскомъ стилѣ, съ православнымъ перстосложеніемъ у Спасителя - Младенца, и покрыта ризой, на которой къ правой рукѣ Богородицы приделанъ скипетръ.

Оставшійся отъ турокъ проповѣдническій амвонъ находится у правой костельной стѣны. Онъ сдѣланъ изъ большихъ цѣльныхъ бѣло-мраморныхъ плитъ. Строго выдержанный восточный стиль его представляетъ собою совершенство скульптурнаго дѣла; въ особенности замѣчательна сквозная красивая орнаментация перилъ. При входѣ въ амвонъ, надъ его дверями, сдѣлана турецкая надпись. Когда, по изгнаніи турокъ изъ Каменца, доминиканскій костелъ поступилъ во владѣніе польско-католиковъ, они вырѣзали на боковой сторонѣ амвона даты: 1672—время вступленія турокъ въ Каменецъ и 1699 — годъ изгнанія ихъ изъ этого города. Позднѣе былъ тутъ же выбитъ 1862 годъ, несомнѣнно, какъ время предполагавшагося поляками изгнанія «москалей» изъ Каменецъ-Подольска. Характерно это сопоставленіе мусульманскаго жестокаго ига съ законнымъ владѣніемъ русскими искони русскою землею!

(Упоминается на стр. 138 и 256).

47. Надгробный памятникъ графа М. Н. Кречетникова.

(Стр. 174).

Въ исторіи возсоединенія Подолія съ Русскимъ государствомъ дѣятельное участіе принималъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ. Состоя въ чинѣ генераль-аншефа и занимая должность кievскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго генераль-губернатора, при возникновеніи войны съ Польшей онъ получилъ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ, съ которымъ и вступилъ въ

предѣлы Польши и, послѣ пораженія войскъ Понятовскаго и Костюшки, занялъ въ 1793 году русскія области, а въ томъ числѣ Подолію.

Портретъ и краткая біографія Кречетникова были помѣщены въ изданіи «Волинь, историческія судьбы Юго-Западнаго края» (Спб., 1888 г.). Въ настоящей книгѣ воспроизводится надгробный памятникъ его, находящійся въ соборной церкви Слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря, Минской губерніи. Памятникъ этотъ состоитъ изъ бронзоваго бюста - медальона, съ укрѣпленными подъ нимъ чугунными арматурами и гербомъ Кречетникова, которые установлены на большей бѣло-мраморной плитѣ съ надписями на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ.

Приводимъ здѣсь точную копию съ русской надписи.

«Россійскихъ Императорскихъ войскъ Генераль-Аншефъ, Сенаторъ, Тульскій, Калужскій, и новоприсоединенныхъ областей отъ рѣчи Посполитой Польской къ Имперіи Россійской Генераль Губернаторъ, начальствующій надъ всѣми войсками тамо находящимися и расположенными въ трехъ Малороссійскихъ Губерніяхъ, отправляющій должность Генераль-губернатора сихъ Губерній, воинскій Инспекторъ и Кавалеръ Орденовъ Святаго Андрея первозваннаго, Святаго Александра Невскаго и Св. Равноапостольнаго князя Владиміра первой степени, Польскихъ Бѣлаго Орла и Святаго Станислава и Великокняжескаго Голстинскаго Святѣя Анны, Графъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ Скончался 9-го Маія 1793-го Года въ Меджибожѣ, Погребѣвъ здѣсь тогожъ Года Августа 5-го дня».

Карта Подоліи.

Карта Подоліи воспроизведена съ сорокаверстной карты военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба, съ дополненіями ея нѣкоторыми историческими поселеніями, границами Подоліи въ началѣ и половинѣ XV вѣка и планомъ Каменецъ-Подольска. Дополненіе карты историческими поселеніями сдѣлано профессоромъ Кіевской духовной академіи, Н. И. Петровымъ, по картѣ Подоліи при книгѣ Молчановскаго «Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года» и по картѣ Подоліи Ильина.

Синхронистическая таблица древнихъ княжествъ Западно-Русскаго края, съ общимъ указаніемъ дальнѣйшей судьбы его до нашихъ временъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Подольской, Волинской, Люблинской, Гродненской, Сѣдлецкой, Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Ковенской.

Къ изданному въ 1863—1864 гг. П. Н. Батюшковымъ «Атласу народонаселенія Западно-Русскаго края по исповѣданіямъ» приложена «Синхронистическая таблица древнихъ княжествъ Западно-Русскаго края, съ указаніемъ дальнѣйшей судьбы его до нашихъ временъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ

губерній: Кіевской, Подольской, Волинской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Виленской и Ковенской». Выдержавшій два изданія, «Атласъ» этотъ составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость. Забавная книгою «Подолія» рядъ изданій, посвященныхъ историческимъ судьбамъ нашихъ западно-русскихъ окраинъ: Холмской Руси, Волыни, Бѣлоруссіи и Литвы, издатель счелъ нужнымъ приложить къ настоящей книгѣ Синхронистическую таблицу въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ видѣ.

Трудъ исправленія и дополненія таблицы исполненъ инспекторомъ Холмской мужской гимназіи, священникомъ А. С. Будиловичемъ, который при этомъ на-ново пересмотрѣлъ всю таблицу, сличивъ и пополнивъ ее по многимъ источникамъ, относящимся къ русской исторіи.

Издаваемая такимъ образомъ Синхронистическая таблица одиннадцати западно-русскихъ губерній наглядно указываетъ главнѣйшія средоточія политической жизни на всемъ ихъ пространствѣ. Таковыми средоточіями со второй половины XI вѣка были Кіевъ, Владиміръ-Волинскій, Туровъ и Полоцкъ. Съ конца XI вѣка и особенно съ половины XII выдѣляются, въ добавокъ къ прежнимъ, княжества Дорогобужское, Луцкое, Пинское и Друцкое. Вообще XII и XIII столѣтія оказываются въ западной, какъ и восточной Россіи, временемъ наибольшаго дробленія на удѣлы. Этимъ ослабленіемъ западной Руси начинаютъ съ половины XIII вѣка пользоваться давнѣе сосѣди ея—литовцы, новые близъ ея насельники—ливонцы и пришедшая съ дальняго востока татарва. Въ XIV вѣкѣ литовское владычество покрываетъ все пространство западной Россіи, начиная отъ близкаго къ Литвѣ Полоцкаго княжества и кончая отдаленнымъ Кіевомъ: произошло это отчасти въ силу завоеваний знаменитыхъ литовскихъ князей Гедимина и Ольгерда, въ значительной же степени—въ силу родственныхъ связей Любарта Гедиминовича и самаго Ольгерда съ вымершими въ то время родами нѣкоторыхъ русскихъ удѣльныхъ князей. Западно-русскія удѣльные княжества продолжаютъ существовать почти до конца XV вѣка, управляясь въ меньшинствѣ своими прежними княжескими родами, гдѣ они уцѣлѣли, а въ большинствѣ Гедиминовичами и Ольгердовичами до третьяго и четвертаго родовъ. Со временъ люблинской политической уніи наступаетъ польское владычество, а съ нимъ вмѣстѣ тяжелыя времена для русскаго народа, очерченныя въ «перечнѣ событій» въ первой и послѣдней графахъ таблицы. Такая напасть началась собственно съ 1386 года и усиливалась по мѣрѣ приближенія къ уніи 1569 года. Русскій челоѣкъ не можетъ не скорбѣть, взирая на поднимающіеся въ таблицѣ вверхъ столбы польскаго владычества: одинъ въ западной половинѣ Подоліи, восходящій до 1432 года; другой, касающійся сѣверо-западной части Волыни,—нѣсколько ниже перваго, но въ томъ же XV вѣкѣ; третій—врывается узкою полоскою въ сплошное русское владѣніе до Лукова, составляющаго русское Подляшье; наконецъ четвертый въ западной части Люблинской губерніи восходитъ до X вѣка. Въ 1772—1795 годахъ оттор-

женныя отъ Руси земли возвращаются подъ русскую корону; одной лишь Хилмшицѣ пришлось оставаться подъ польскимъ владычествомъ до 1815 года.

Возстановленное такимъ образомъ русское владычество надъ всѣмъ многострадальнымъ Западно-Русскимъ краемъ, подъ державною властію благовѣрныхъ русскихъ царей и подъ благотворнымъ и спасительнымъ вліяніемъ православной церкви, пребудеть незыблемымъ въ силу тѣхъ законныхъ и неопровержимыхъ началъ, которыя лежатъ въ основѣ исторической жизни издревле русскихъ мѣстностей, изображенныхъ на Синхронистической таблицѣ.

Заставки и инициалы.

(22 гравюры).

Помѣщенные въ началѣ каждой главы настоящаго изданія заставки и инициалы заимствованы, главнымъ образомъ, изъ древнихъ рукописныхъ книгъ. Ниже указаны источники позаимствованія.

Введеніе. Заставка и буква **К**—изъ рукописнаго евангелія

Стр. 1. XVIII вѣка, находящагося въ Каменецъ-Подольскомъ историческомъ древнехранилищѣ.

Глава I. Заставка и буква **П**—изъ нотнаго рукописнаго ирмо-

Стр. 4. логія конца XVII вѣка, находящагося въ томъ же древнехранилищѣ

Глава II. Заставка—изъ древней славянской рукописи, храня-

Стр. 26. щейся въ музеѣ Кіевскаго церковно-археологическаго общества. Буква **З**—изъ той же рукописи, что заставка и инициаль главы I.

Глава III. Заставка—изъ пергаментной уставной рукописи XIII вѣка,

Стр. 49. по гравюрѣ, помѣщенной въ соч. **Ө. И. Булгакова** «Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства», т. I. Буква **В**—изъ рукописи XII вѣка, по гравюрѣ того же изданія.

Глава IV. Заставка—изъ общей рукописной минеи XVIII вѣка,

Стр. 79. находящейся въ Каменецъ-Подольскомъ древнехранилищѣ. Буква **С**—изъ рукописи XIV вѣка, по гравюрѣ «Иллюстр. исторіи книгоп. и тип. искуc.» **Ө. И. Булгакова**.

Глава V. Заставка—изъ той же рукописи, что заставка главы IV.

Стр. 107. Буква **В**—изъ Сатановскаго рукописнаго евангелія 1552 года, хранящагося въ музеѣ Кіевскаго церковно-археологическаго общества.

Глава VI. Заставка—изъ той же рукописи, что заставка и инициаль

Стр. 131. «Введенія». Буква **П**—изъ Каменецкаго рукописнаго евангелія XVI вѣка, хранящагося въ музеѣ Кіевскаго церковно-археологическаго общества.

- Глава VII. Заставка и буква **И**—изъ рукописей XVI и XIV в.,
Стр. 149. по гравюрамъ «Иллюстр. исторіи книгоп. и тип. искуc.»
Ө. И. Булгакова
- Глава VIII. Заставка—изъ той же рукописи, что заставка и иници-
Стр. 172. аль главы I. Буква **М**—изъ рукописи XVI вѣка, по
рисунку «Иллюстр. исторіи книгоп. и тип. искуc.» Ө. И.
Булгакова.
- Глава IX. Заставка—изъ той же рукописи, что заставка главы IV.
Стр. 204. Буква **Е**—изъ той рукописи, что инициальъ главы V.
- Глава X. Заставка и буква **В**—изъ рукописей XIV и XII в.,
Стр. 235. по гравюрамъ «Иллюстр. исторіи книгоп. и типогр. искуc.»
Ө. И. Булгакова.

Изъ числа помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи заставокъ и инициа-
ловъ въ первый разъ появляются въ печати: заставки на страницахъ 1, 4,
26, 79, 107, 131, 172, и 204 и инициалы на стр. 1, 4, 26, 107, 131 и 204.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГЪ

„ПОДОЛІЯ“.

А.

- Абазинъ**, казацкій полковникъ, 145, 147, 152, 153.
- Августъ-Фридрихъ**:
— II, электоръ саксонскій и король польскій, 148, 176.
— III, электоръ саксонскій и король польскій, 158, 177—179, 183.
- Александренно**, предводитель войскъ при защитѣ Подолія отъ поляковъ, 121.
- Александръ**:
— Бояринъ Болоховской земли, 20.
— Молдавскій воевода, 42.
— Каменецкій католическій епископъ, 71.
- Александръ Гедиминовичъ**, великій князь литовскій. См. **Ольгердъ Гедиминовичъ**.
- Александръ Норіатовичъ**, князь, господарь Подольской земли, 30—33, 60, 98.
- Александръ Ольгердовичъ**, князь кievскій, 51.
- Александръ I Павловичъ**, императоръ, 223, 227, 228, 233.
- Александръ II Николаевичъ**, императоръ, 251, 252, 256.
- Алексѣй Михайловичъ**, московскій царь, 126, 128.
- Амфилохій**, епископъ молдавскій, 199.
- Андреевъ**, Кирило, миргородскій полковникъ, 133.
- Андрей**:
— Венгерскій королевичъ, потомъ князь галицкій, 18.
— Смоленскій князь, 40.
— Каменецкій католическій епископъ, 71.
— Шаргородскій священникъ, 102.
- Андрей Юрьевичъ**, князь владиміро-волинскій, 27.

Анна Гедиминовна, въ язичествѣ Альдона, супруга польскаго короля Казиміра Великаго, 28.

Антоній:

- Преподобный, основатель Кіево-Печерской обители, 56.
— Галицкій православный митрополитъ, 76.
— (Соколовъ), подольскій епископъ 227.
- Антоній Подольскій**, старецъ, правщикъ богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ, 101.
- Апрансинъ**, генералъ-маіоръ, 192.

Арсеній:

- (Желиборскій), львовскій и каменецъ-подольскій епископъ, 97, 98, 100, 103, 104.
— (Могилянскій), кievскій митрополитъ, 188.
— (Москвинъ), подольскій архіепископъ, впослѣд. кievскій митрополитъ, 250, 251.

Арсеній Сатановскій, старецъ, 103.

Архангельскій, профессоръ Харьковскаго университета, 239.

Аскольдъ или Сяльдъ, князь кievскій, 9, 10.

Асанасіи, владимірскій епископъ, 62.

В.

Баба, Михаилъ, воевода Свидригайла Ольгердовича, 41, 42.

Базилевичъ, переяславскій епископъ. См. **Іовъ**.

Байбузы, подольскіе землевладельцы, 66.

Балабанъ, львовскій и каменецъ-подольскій епископъ. См. **Гедеонъ**.

Банульскій, Іосифъ, базиліанинъ, 223, 227.

Барскій, Василій Григоровичъ, русскій путешественникъ, 156.

Батый, ханъ Золотой Орды, 21.
Батушовъ, Помпей Никол., дѣйств. тайн. совѣтникъ, почетный опекунъ, 252, 260.
Бедрихъ, слуга кн. Теодора Коріатовича, 65.
Безанъ, Александръ Павловичъ, генераль-отъ-артиллеріи, кievскій, подольскій и волыньскій генераль-губернаторъ, 257, 260.
Беклшовъ, кievскій генераль-губернаторъ, 222.
Бениславскій, коадьюторъ могилевскаго католическаго епископа, 220.
Берхманъ, брацлавскій губернаторъ, 205.
Бибиковъ, Дмитрій Гавриловичъ, генераль-отъ-инфантеріи, кievскій военный губернаторъ и генераль-губернаторъ подольскій и волыньскій, впоследствии министр внутренних дѣлъ, 248, 250, 251.
Бинѣцкій, Іоакимъ, шаровскій православный священникъ, 216.
Богословскій-Платоновъ, архіепископъ. См. Кирилъ.
Богунъ, Иванъ, винницкій полковникъ, 118, 119, 121, 126, 127.
Богуславъ изъ Стахова, владѣлецъ с. Купинъ и Черная Вода, 71.
Богущъ-Корецкій, князь, староста луцкій, брацлавскій и винницкій, 48.
Богущъ-Сестронцевичъ, Станиславъ, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, 220.
Болеславъ, князь мазовецкій, 21.
Болеславъ I Храбрый или **Смѣлый**, польскій король, 12.
Болеславъ III Тройденевичъ, мазовецкій, а потомъ галицкій князь, 27, 28, 61, 62.
Боргиашъ-Мацневичъ, католическ. епископъ. См. Мацневичъ.
Боярскій, Изъя, подольскій дворянинъ, противникъ уніи, 96.
Бранищиче:
— Ксаверій, польскій региментарь, 192.
— Противникъ конституціи 3 мая 1791 г., 202.
Бржозовскій, Феликсъ, помѣщикъ Винницкаго уѣзда, 219.
Броневскій, начальникъ польскаго гарнизона въ Барѣ, 114.
Брюховецкій, Иванъ Мартыновичъ, гетманъ лѣво-бережной Украины, 136.
Булгановъ, русскій посолъ въ Варшавѣ, 203.
Бурундай, татарскій военачальникъ, 24.
Бутурлинъ, предводитель московскаго войска, 126, 128.
Буцащиче, каменецкіе старосты:
— Михаилъ, 40—42, 45.
— Ѳеодоръ, 40, 44, 45.
— Янъ Мирвилъ или Мужилъ, подольскій воевода, 45.
Бѣлздоръ, Маркіанъ, каменецкій уніатскій епископъ, 104.

Бялобржескій, Мартинъ, каменецъ-подольскій католическій епископъ, 85.

В.

Валенетій, Петръ, студентъ Киевской дух. академіи, 214.
Варлаамъ (Шишацкій), епископъ житомирскій, а потомъ архіепископъ могилевскій, 209, 214.
Василій, новгородскій епископъ XIV вѣка, 62.
Василій Лупуль, молдавскій господарь, 123.
Василько Романовичъ, князь волыньскій, 16, 19, 27, 50.
Василько Ростиславичъ, южно-русскій князь, 12.
Васько:
— Изъ Бучи, владѣлецъ нѣсколькихъ селъ въ Каменецкомъ уѣздѣ, 65.
— Хмельницкій, бояринъ, землевладѣлецъ Литинскаго уѣзда, 66.
Вейсманъ, полковникъ русской службы, 192.
Вельяминъ-Рутскій, Іосифъ, уніатскій епископъ, впоследствии митрополитъ, 102.
Веніаминъ, епископъ гушскій, 199.
Верещатинскіе, основатели Ровскаго или Барскаго Петропавловскаго монастыря въ с. Семенкахъ, Могилев. уѣзда, 61.
Верланъ, начальникъ надворныхъ казаковъ въ Шаргородѣ, 178, 179.
Викторъ (Садковскій), епископъ перяславскій и бориспольскій, впоследствии архіепископъ черниговскій, 200, 205, 208—212, 214.
Винницкій, Иннокентій, перемышльскій епископъ, совратившійся въ унію, 104, 106.
Виталий (Василій Гречулевичъ), епископъ могилевскій, 262.
Витовтъ или **Витольдъ Кейстутевичъ**, во св. крещеніи **Александръ**, великій князь литовскій, 34—40, 51, 62, 65, 70.
Вишневецкіе:
— Дмитрій, польскій гетманъ, 137.
— Іеремія, князь, измѣнникъ православію, 114.
— Король польскій. См. Михаилъ.
— Михаилъ и Дмитрій, старосты украинскіе (XVI в.), 68.
— Михаилъ, каштелянъ брацлавскій (XVII в.), 84, 110.
— Украинскіе паны, 110.
Вишняковъ, начальникъ русскаго отряда, 195.
Владимірно Володаревичъ, князь перемышльско-теребовльскій, 13.
Владиміръ Васильевичъ, князь волыньскій, 27, 50.
Владиміръ Всеволодовичъ Мочомахъ, великій князь кievскій, 10.

Владимирь Ольгердовичъ, князь кievскій, а потомъ копылско-случкій, 34.
Владимирь Святославичъ, во св. крещеніи **Василій**, св. равноапостольный великій князь русскій, 11.
Владимирь Ярославичъ, галицкій князь, 15.
Владиславъ:
 — Галицкій бояринъ XIII вѣка, 16.
 — II (или V), король польскій. См. **Ягелло** (**Ягелло**).
 — III (или VI) **Ягяловичъ** Варненчикъ, король польскій, 72, 77.
 — IV (или VII), король польскій, 115.
Внуковская, грудецкая жителяница, сохрощенная въ католицизмъ, 227.
Вогута, Николай, староста с. Громацкаго, Балтскаго у., 224.
Войцехъ изъ Калиша, сопинянинъ, 85.
Волкъ, атаманъ карпатскихъ опришковъ, 115.
Володаръ Ростиславичъ, южно - русскій князь, 12.
Волуцкій, Павелъ, каменецъ-подольскій католическій епископъ, 86.
Волчонъ, Александръ, намѣстникъ Барскаго округа, 91.
Воеволадо-Андрей Ярославичъ, князь кievскій, 12.
Выговскій, Иванъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 104, 132—134.
Вылехинскіе, шляхетское семейство, убійство котораго принято было за рѣзню, 201.

Г.

Галачанъ, предводитель казацкаго отряда, 177.
Галецие, импровизированные подольскіе дворяне, 226.
Гайма, полковникъ, глава казацкаго загона, 112, 114.
Гедеоны (**Балабанъ**), экзархъ, епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій, 100, 101.
Гедиминъ, великій князь литовскій, 51, 59.
Гедыгольдъ, староста каменецъ-подольскій, 38, 39.
фонъ-Гейнъ, генералъ-маіоръ, начальникъ русскаго отряда, 179.
Георгица, ямпольскій осадчій, 153.
Георгій (**Конисскій**), могилевскій архіепископъ, 183, 185, 187, 188, 190.
Гервасій (**Линцевскій**), переяславскій епископъ, 183—188, 192, 194.
Гимизице, волынскіе помѣшники, противодѣйствовавшіе православію, 212.
Гинювичъ, Ивашко, владѣлецъ с. Дзиваконка, 72.
Гиръ, атаманъ карпатскихъ опришковъ, 115.
Глухъ, Іосифъ, командиръ уманскаго полка, 117, 127.

Голицынъ, кн. А. Н., министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, 228.
Гоголь, Евстаѳій, полковникъ могилевскаго казацкаго полка, 116, 133, 142, 143.
Голосевичъ, Илья, посолъ къ польскому королю отъ православныхъ, 199.
Голый, Игнатъ, запорожскій казакъ, 180.
Голынский, Александръ, подольскій православный дворянинъ, 97.
Гомолинскій, Станиславъ, каменецъ-подольскій католическій епископъ, 85, 86.
Гонстаскій, гетманъ, 96.
Гонта, предводитель гайдамаковъ, 191.
Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артилеріи, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, 255, 256.
Гослицій, Лаврентій, каменецъ-подольскій католическій епископъ, 85.
Грабина, священникъ, 102.
Грабовещій, Николай, ревнитель православія, 95.
Грановскій, староста каменецъ-подольскій, 38.
Граціанъ, молдавскій господарь, 111.
Гречулевичъ, Василій, протоіерей. См. **Виталій**.
Грешеній (**Агриппа**), архимандритъ Смоленскаго Богородичнаго монастыря, 30.
Грива, начальникъ гайдамацкаго отряда, 179.
Григорій:
 — Скалецкій намѣстникъ, 100
 — Холмскій православ. епископъ, 62.
Григорій Васильевичъ, галицкій бояринъ, XIII в., 20, 22.
Гриновичъ, Ив., житель приселка Богачевки, Балтскаго у., 226.
Гринко, владѣлецъ Сокольца на Подоліи, 65.
Грохольскій, брацлавскій вице-губернаторъ, потомъ подольскій гражданскій губернаторъ, 205, 226, 227.
Гудовичъ, подольскій военный губернаторъ, 222.
Гуражда, Михаилъ, духовный правитель Украины, 194.

Д.

Давидъ Игоревичъ, князь дорогобужскій и владиміро-волынкскій, 10, 12.
Данильевичъ, униатскій священникъ, 227.
Даниль Романовичъ, князь галицкій, 16, 18—22, 24, 27, 50.
Дашкевичъ, Германъ, владѣлецъ нѣсколькихъ помѣстій въ Подоліи, 66.
Дашковичъ, Остаѳій, украинскій староста, 68.
Дашковъ, русскій резидентъ въ Польшѣ, 155.
Дворницкій, предводитель польскихъ мятежниковъ, 236.

Дембовскій, каменецкій католицескій епископъ, 215, 230.
Демко, казакцій эсаулъ, 120.
Деминъ, воевода галицкій, 18.
Демиско, шамбелянъ, мятежникъ, 218.
Дерфельденъ, генералъ, взявшій г. Каменецъ-Подольскій, 203.
Дешиновскіе, подольскіе православные дворяне, 84.
Джоджалій, казакцій полковникъ, 120.
Дзьяльскій, Игнатій, мятежникъ, 218.
Димитрій, кievскій тысяцкій, 21.
Димитрій Ольгердовичъ, въ язычествѣ Нормибутъ, князь сѣверскій, 36.
Диръ, князь кievскій, 9, 10.
Дмитрей, татарскій князь, 30, 32.
Дмитріевичъ, Григорій, шаргородскій священникъ, 103.
Дмитрій, татарскій темникъ или воевода на Подоліи, 25.
Добричучъ, Василій, бродяга, оговаривавшій православныхъ въ заговоръ противъ поляковъ, 201.
Доброславъ Судычъ, галицкій бояринъ, владѣтель Бакоты, 22.
Довгирдъ, Юрій, староста каменецъ-подольскій, 38, 40.
Долгорукий, князь, посолъ въ Варшавѣ, 182, 183.
Дошаратъ, Янъ, подольскій землевладѣлецъ, 72.
Дорошенко, Петръ Дорофеевичъ, малоросійскій гетманъ, 104, 134—139, 142, 143.
Дорошиновскій, Мелетій, каменецкій униатскій епископъ, 106.
Досмоей, епископъ радоуцкій и хотѣнскій, 199.
Драгиничъ, казакцій гетманъ, 145.
Драгошъ, молдавскій воевода, 31.
Древинскій, Лаврентій, чапникъ волынскій, 97.
Дрентальнъ, Александръ Романовъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, кievскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, 262.
Дроздъ, брацлавскій полковникъ, 135.
Друцкій-Горскій, князь Юрій, ревнитель православія, 94.
Дубина, казакцій полковникъ, 152.
Дуна, молдавскій господарь, потомъ гетманъ западной Украины, 144, 145.
Дунадимовичи, македонскіе греки, ревнители православія на Подоліи, 95.
Дульскій, графъ, Игнатій, помѣщикъ Зеньковскаго уѣзда, своеобразный благожелатель православія, 216, 224.
Дьмоновскій, Самуилъ, подольскій православный дворянинъ, 97.
Дѣвочка, митрополитъ. См. Олимпіфоръ.
Дѣтно, Димитрій, воевода перемышльскій, 28.

Б.

Басевій, греческій призренскій митрополитъ, 200.
Басей, хмельницкій бояринъ, 66.
Екатерина II Алексѣевна (Софія-Августа-Фредерика, принцесса ангальтъ-цербстская), русская императрица, 183, 188, 192, 194, 202, 204, 208, 209, 211, 215, 217, 218, 228.
Елизавета Петровна, императрица, 183.
Ерличъ, польскій полковникъ, 199.

Ж.

Жабокрицкій, маршалъ, 237.
Желиборскіе:
 — Львовскій и каменецъ-подольскій епископъ. См. Арсеній.
 — Прокось, подольскій православный дворянинъ, 97.
Желѣзнякъ, предводитель гайдамаковъ, 191.
Жеребцовъ, начальникъ русскаго отряда, 195.
Жила, начальн. гайдамацкаго отряда, 179.
Житинскіе, подольскіе землевладѣльцы, 66.
Жолновскій, Станиславъ, великій канцлеръ и гетманъ коронный, 110, 111.

З.

Заблочный, брацлавскій оффиціалъ, 195.
Загоровскій, Василій, каштелянъ брацлавскій, 84.
Замойскіе:
 — Графиня, 208.
 — Графъ Ординатъ, 256.
 — Подольскіе помѣщики, 83, 85.
 — Янъ, канцлеръ, 86.
Збарашскій, Янушъ, брацлавскій воевода, 84.
Збигнѣвъ, каменецкій католицескій епископъ, 71.
Зборовскіе, украинскіе паны, 110.
Зельницкій, Кириллъ, уманскій протоіерей, 198.
Зерембичъ. Глѣбъ, галицкій бояринъ, 18—20.
Злотницкій, каменецъ-подольскій комендантъ, 203.
Значко-Яворскій, мотронинскій игумень. См. Мелхиседекъ.
Золотаренко, казакцій полковникъ, 127.
Зражевскій, Василій, правитель Бѣлоцерковскаго округа, 194, 195.

И.

Иваненко, волохъ, разорившій брацлавскую шляхту, 155.
Иваница, начальникъ гайдамацкаго отряда, 179.

Иванъ изъ Борисковецъ, землевладѣлецъ Бакотскаго округа, 72.
Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, южно-русскій князь, 13, 14.
Ивоня, господарь молдавскій, 108.
Игельстромъ, баронъ Осипъ Андреевичъ, русскій генералъ, 202.
Игорь Рюриковичъ, князь кievскій, 7, 9—11.
Изаславъ Давидовичъ, князь черниговскій, 13, 14.
Изяславъ Мстиславичъ, князь кievскій, 11.
Ильинскій, польскій графъ, 218.
Иннокентій, епископъ гущскій, 199.
Исайя, архимандритъ Аеонскаго Павловскаго монастыря, 146.
Искра, казацкій полковникъ, 145.

И.

Иаковъ:
 — Молдавскій митрополитъ, 199.
 — Цареградскій патріархъ, 104.
Иеремія:
 — II (Транось), цареградскій патріархъ, 98.
 — (Тиссаровскій), львовскій и каменецкій православный епископъ, 96, 101—103.
Иоаннъ:
 — Митрополитъ Провскаву, Томарова, Хотѣня и всея Россіи ханской, 199.
 — Цареградскій патріархъ, 98.
Иоанниія (Половскій), архіепископъ подольскій и брацлавскій, 214, 216, 226, 227, 232.
Иоаннъ, намѣстникъ межигбожскій, 100.
Иоаннъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, 101.
Иовъ (Базилевичъ), переяславскій епископъ, 194—196.
Иосифъ (Нелюбовичъ-Тукальскій), бѣлорусскій епископъ, впоследствии митрополитъ, 104, 134, 137.

Ис.

Изаимиръ III Великий, король польскій, 28—31, 74.
Изаимиръ IV Ягайловичъ, литовскій князь, а потомъ польскій король, 47.
Изаимирскіе:
 — Подольскіе помѣщики, 83.
 — Владѣлецъ м. Гусятина, 109.
 — Польскій полководецъ, 118, 119, 122, 123.
Изаимиревичскій, Петръ, запорожскій эсаяуль, 182.
Изаимиревичъ, Щербанъ, валашскій господарь, 146.
Изаимиръ, князь Юрій, каштелянъ брацлавскій, 48, 80, 84.
Изаимирскіе:
 — Васильи, владѣлецъ пустоши Княжы-Лука, 65.

-- Землянинъ, владѣлецъ селъ Мука-ровъ и Синяковцы, 66.
Карлъ XII, шведскій король, 155.
Кармелюкъ, грабитель подольскихъ помѣщиковъ-поляковъ и жидовъ, 246.
Качоронъ, Петръ, владѣлецъ с. Устье въ Подоліи, 71.
Каяковичъ, всендзь въ г. Жолквѣ, порицатель русской вѣрцы, 168.
Кейстутъ Гедиминовичъ, князь литовскій, 28, 31.
Кейтъ, русскій генералъ, 177.
Кемличъ, Конрадъ, владѣлецъ с. Студеницы, 72.
Кирдѣй, Грыцко, подольскій воевода, 45.
Кирмилъ:
 — (въ мѣрѣ Константины), моравскій архіепископъ, святой, просвѣтитель славянъ, 55.
 — (Богословскій-Платоновъ), архіепископъ подольскій и брацлавскій, 242, 244—247.
 — Браиловскій и ренинскій епископъ, 199.
 — Молдавскій митрополитъ, 199.
Киселевскій, студентъ Кіевской дух. академіи, 214.
Кифа, Стефанъ, ротмистръ надворной милиціи, 178.
Кишка, Иванъ, уполномоченный отъ шляхты брацлавской и винницкой, 48.
Кій, кievскій князь, 10.
Ключевскіе, подольскіе землевладѣльцы, 66.
Климентъ VI, папа римскій, 29.
Кмита, брацлавскій землянинъ, 66.
Кобушевскій, всендзь с. Залѣсець, Каменецк. у., 226.
Козары, князья, 66.
Козачинскій, Мануилъ Александровъ, осадный шляхтичъ, въ иночествѣ Михаилъ, 175.
Конашевичъ-Сагайдачный, Петръ, гетманъ малороссійскій, 111.
Конецпольскіе:
 — Подольскіе помѣщики, 83.
 — Брацлавскій воевода, 158.
Конисскій, могилевскій архіепископъ. См. Георгій.
Константины, грекъ изъ Хіуса, казацкій полковникъ, 136.
Константины Коріатовичъ, князь подольскій, 30, 32, 33, 59, 65.
Константины Николаевичъ, великій князь, 256.
Корочіе, князья:
 — Богушъ Федоровичъ, староста винницкій, ревнитель православія, 94.
 — Магнатъ XVII в., 110.
 — Староста лудцкій, 80.
Корибуть-Воронецкій, князь, ревнитель православія, 61, 95.
Коріатовичи, братья-князья, владѣтели По-

Долин, 30, 33, 51-56, 59, 70. См. также Александръ, Константинъ, Юрій и Феодоръ Коріатовичи.

Керіть Гедиминовичъ, литовскій князь, 32.

Керотки, князья, 66.

Керыстинскій, уніатскій провинціалъ, 151.

Косаговъ, русскій воевода, 134.

Косинскій, защитникъ независимости южной Руси отъ Польши, 109.

Коссовскій, каноникъ, порицатель русской вѣры, 168.

Костян, основатели костела въ м. Сатановѣ, 86.

Костошко, Тадеушъ, польскій полководецъ, 203, 205, 207.

Котовичи, основатели церкви въ м. Зиньковѣ, Летичевского у., 61.

Кошки:
— Владѣльцы волости Красненской и Шпиковской, 66.
— Иванъ, брацлавскій земскій судья, 84.

Красинскій, Адамъ, каменецъ-подольскій католическій епископъ, 190, 215.

Красносельскіе, подольскіе землевладѣльцы, 66.

Красовскіе:
— Польскій полковникъ, 136.
— Казиміръ, помѣщикъ, 219.

Кречетниковъ, гр. Михаилъ Никитичъ, генералъ-аншефъ, генералъ - губернаторъ минскій, вяславскій и брацлавскій, 192, 202, 204, 205.

Кривоносъ, Максимъ, предводитель казачкаго загона, 112, 114, 115.

Кривошапна, начальникъ казачкаго загона, 114.

Кроненбергъ, профессоръ Харьковскаго университета, 239.

Кропивницкіе:
— Андрей, подольскій православный дворянинъ, 97.
— Михаилъ Судимонтовичъ, брацлавскій подсудокъ, 96, 97.
— Подольскіе православные дворяне, 84.

Ксенофонтъ (Тропольскій), епископъ подольскій и брацлавскій, 227, 228, 241, 242.

Кумановскій, шамбелянъ, 219.

Кумяинскій, казачкій полковникъ, 152.

Куницкій, шляхтичъ, казачкій гетманъ, 144, 145.

Куремса, татарскій темникъ или воевода, 24.

Кутлубуга, татарскій князь, 30, 32.

Кутневичъ, Василій, протоіерей, 241.

Кушитър, Даниилъ, млевскій ктиторъ, 186.

Л.

Лантухъ, Григорій Феодоровичъ, запорожскій кошевой, 182.

Ласкій, Михаилъ, поѣстароста винницкій, 97.

Ластовецкіе:

— Подольскіе землевладѣльцы, 66.

— Василій, ревнитель православія; 96.

Левъ I Даниловичъ, князь галицкій, 24, 27, 50.

Левъ II Юрьевичъ, князь луцкій и всей земли Русской, 27.

Леонтій (Иванъ Алексѣевичъ Лебеднскій), архіепископъ подольскій и брацлавскій, нынѣ холмскій и варшавскій, членъ св. Синода, 261, 262.

де-Ливронъ, штабъ-офицеръ генеральнаго штаба, 260.

Лизогубъ, Яковъ, наказной гетманъ, 177.

Линцевскій, переяславскій епископъ. См. Гервасій.

Липинскій, подольскій помѣщикъ, ненавистникъ православія, 210.

Лисовскій, Ираклій, уніатскій митрополитъ, 216.

Литинскій, Казиміръ, подкоморій подольскій, 219.

Литта, папскій нунцій, 219.

Лобода, предводитель казаковъ, 109.

Лукецкий, каштелянъ подляскій, 138.

Лукашевичъ, ксендзъ м. Криваго-Овера, 226.

Лысянскій, Іосифъ, базилианинъ, викарій генеральный, 162, 166.

Любартъ Гедиминовичъ, во св. крещеніи **Димитрій**, князь литовскій и владиміровольскій, 28, 31, 33, 62.

Любинскій, брацлавскій уніатскій офиціалъ, 158, 198—200.

Любомирскіе:
— Александръ, владѣлецъ Чечельника, 198.
— Княгиня, ямпольская помѣщица, 222.
— Подольскіе помѣщики, основатели Юзефграда, нынѣ Балта, 83.
— Украинскіе паны, 175.

Людовинъ I Великій, король венгерскій, а потомъ польскій, 28, 29, 31, 34.

Лянцкоронскіе:
— Іосифъ, скарбникъ подольскій, 168.
— Польскій полководецъ, 115, 116.
— Староста украинскій, 68.

М.

Магометь IV, турецкій султанъ, завоеватель Подолія, 138, 143.

Мазепа, Иванъ, малороссійскій гетманъ, 155.

Макарій (Тучапскій), епископъ галицкій, львовскій и каменецъ-подольскій, 77.

Мачевичъ, Діонисій, уніатскій священникъ, 161.

Малаховичъ, паніовецкій типографчикъ, 85.

Малинскій, польскій региментаръ, 179.

Маловъ, начальникъ русскаго отряда, 195.

Маньновскій, священникъ м. Кубличъ, 238.

Марія Андреевна, супруга кн. Тройдена Болеславовича, 27.
Маркъ, перемышльскій епископъ, 62.
Мартушевичъ, Іаковъ, луцкій уніатскій епископъ, 228.
Мартушевичъ, уніатскій протоіерей села Каменецъ, 168.
Марчинскій, Лаврентій, каноникъ, директоръ каменецкой школы, 232.
Масковичъ, Михаилъ, регентъ каменецкой градской канцелярии, 98.
Матвеевъ, посолъ московскій въ Польшѣ, 96.
Матеей:
— Каменецкій католическій епископъ, 71.
— Шаргородскій священникъ, 102.
Матеей Бассараба, валашскій господарь, 125.
Маховскій, польскій полковникъ, 136.
Мацковичъ, каменецкій католическій епископъ, 224, 226, 227.
Мацетевскій, Михаилъ, ксендзъ, директоръ подольскихъ училищъ, 231, 232.
Медвѣдь, начальникъ гайдацкаго отряда, 179.
Менибожскій, Борисъ, галицкій бояринъ, 20.
Мелецкіе, подольскіе дворяне, 85.
Мелхиседеи (Значко-Іворскій), мотронинскій игуменъ, 184—188, 190, 192, 194.
Мельштинскіе, подольскіе дворяне, 85.
Менгли-Гирей, крымскій ханъ, 46.
Месодій, архіепископъ паннонскій и моравскій, святой, просвѣтитель славянъ, 55.
Микуллинскіе:
— Богданъ, подольскій землянинъ, 66.
— Иванъ, брацлавскій земскій писарь, 95.
— Карпъ Ивановичъ, подольскій землевладѣлецъ, 66.
— Подольскіе православные дворяне, 84.
Милѣй, баскакъ, правитель Бакоты, 24.
фонъ-Минихъ, гр. Бурхардъ-Христофоръ, русскій генералъ-фельдмаршалъ, 178, 179.
Мирзиль или Мужиль, Янъ. См. Бучаціе.
Михаилъ:
— (Вишневецкій), король польскій, 98.
— Черневецкій намѣстникъ, 100.
Міановскій, священникъ с Сокольца, 237.
Многогрѣшный, Демьянъ Ігнатъевичъ, малороссійскій гетманъ, 136, 138.
Могилы:
— Домна-Анна. См. Прерембная.
— Елизавета, жена Іеремія, 98.
— Іеремія, господарь молдавскій, основатель г. Могилева, 95.
— Киевскій митрополитъ. См. Петръ.
— Полковникъ, казацкій гетманъ, 145.
Могиллинскій, киевскій митрополитъ. См. Арсеній,

Молибоговичи, галицкіе бояре, 20.
Монимѣдъ, подольскій воевода, 45.
Монтыкирдъ, Петръ, староста каменецъ-подольскій, 38.
Морилы, подольскіе землевладѣльцы, 66.
Морозенко, глава казацкаго загона, 112.
Мрочковскій, комисарь Чечельницкаго ключа, 198.
Мстиславъ Даниловичъ, князь луцкій, 27.
Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь галицкій, 16, 18.
Мурашко, казацкій полководецъ, 143.
Муха, предводитель подольскихъ крестьянъ, возставшихъ противъ поляковъ, 78.
Мѣтрославскій, польскій агитаторъ и революціонеръ, 254.

Н.

Нагорскій, Іоанникій, студентъ Киевской духовной академіи, 214.
Навивайно:
— Даміанъ, острожскій пресвитеръ, 109.
— Северинъ, храбрый предводитель казаковъ, 109, 110.
Наполеонъ:
— I. императоръ французовъ, 232, 233.
— II, императоръ французовъ, 255.
Нарольскій, Іосифъ, уніатскій священникъ, 161.
Неаубовичъ-Тукальскій, митрополитъ. См. Іосифъ.
Немира, владѣтель Бакоты, 33, 65.
Нестанъ, воевода подольскій, 34.
Нечай, Данила, полковникъ брацлавскаго казачьяго полка, 116—118.
Нешевичъ, Еська, владѣлецъ дворища Ярополково-пустое, 65.
Николай изъ Борисовецъ, землевладѣлецъ Бакотскаго округа, 72.
Николай I Павловичъ, императоръ, 238—240.
Носачъ, казацкій полковникъ, 127.
Носъ, Александръ, князь пинскій, 40.
Нурединъ Девлетъ-Гирей, крымскій ханъ, 136.

О.

Обида, Стефанъ, казацкій полковникъ, 137.
Олегъ-Вѣщій, князь киевскій, 9—11.
Олесницкіе, подольскіе дворяне, 85.
Ольга, супруга Ярослава Осмомысла, 15.
Ольгердъ Гедиминовичъ, во св. крещеніи Александръ, великій князь литовскій, 30—32, 51, 59.
Омельновичъ, Василь, подольскій землевладѣлецъ, 66.
Онисифоръ (Дѣвочка), православный митрополитъ, 77, 94.

Орликъ, Филиппъ, казацкій гетманъ, 155, 156.
Орловскій, А., польскій графъ, 219.
Остородъ, Кристофъ, подольскій социанинъ, 85.
Острожскіе, князья:
 — Данилъ или Дашко Феодоровичъ, староста кн. Любарта Гедиминовича, 28, 40.
 — Владѣльцы Новокопачинскаго, 95.
 — Константинъ Ивановичъ, гетманъ, 68.

II.

Павелъ, каменецкій католическій епископъ, 71.
Павелъ I Петровичъ, императоръ, 218—220.
Павлюкъ, Остапъ, глава казацкаго загона, 112.
Палій, Семенъ, казацкій полковникъ, 145, 147, 148, 151, 152, 155.
Палладій, казацкій полковникъ, 152.
Панкратій, митрополитъ каменецкій, экзархъ всея Малыя Россіи, 104.
Пареній:
 — Реневскій митрополитъ, 199.
 — Томаровскій и хотинскій митрополитъ, 199.
 — Цареградскій патриархъ, 143.
Пелловскій, Лаврентій, подольскій судья, 164.
Переровскій, Симеонъ, правитель Конельскаго округа, 194, 195.
Петръ:
 — Игуменъ Ратненскаго монастыря, впоследствии митрополитъ всероссійскій, святой, 58.
 — Изъ Провы, подольскій воевода, 45.
 — (Могила), кievскій митрополитъ, 97.
Петръ I Алексѣевичъ, русскій императоръ, 148, 156, 182.
Петръ Хромой, молдавскій господарь, 108, 109.
Писаренко, уманскій казацкій полковникъ, 179.
Письменный, Андрей, немировскій сотникъ, 193.
Пихно-Адамковичъ, владѣлецъ с. Виниrow-цы, 72.
Подгоричани, генераль-маюръ, 192.
Подюва, Иванъ, господарь молдавскій, 108, 109.
Половянъ, глава казацкаго загона, 112.
Полонскій, архіепископъ подольскій. См. Іоанниній.
Полянскій, русскій полковникъ, 178.
Понятовскіе:
 — Графъ, польскій король. См. Станиславъ II Августъ.
 — Іосифъ, князь, племянникъ короля, 203.
Посевинъ, Антоній, іезуитъ, 101.

Потоцкіе:

— Андрей, гетманъ, предводитель польскихъ драгунъ, 115, 118—122, 126, 144.
 — Винцентій, владѣлецъ Немирова, 198, 230.
 — Владѣльцы Тульчина, 83.
 — Гетманъ польскій, 112.
 — Іосифъ, владѣлецъ Збаража, 151, 158.
 — Представители подольскихъ диссидентовъ, 85.
 — Северинъ, польскій сенаторъ, 219.
 — Станиславъ, польскій гетманъ, 133.
 — Украинскіе паны, 175.
 — Феликсъ, оппозиторъ конституціи 3 мая 1791 г., 202.
 — Янъ, брацлавскій воевода, 84.
 — Янъ, гетманъ, 86.
 — Янъ, каменецкій староста, 95.
Потѣи или **Потѣи**, Ипатій, владимиро-волыньскій епископъ, принявшій унию, впоследствии митрополитъ, 92, 101, 102.
Премисла, Домна-Анна, урожд. Могила, членъ Львовскаго православнаго братства, 98.
Претичъ, Яковъ, подольскій воевода, 86.
Пржездецкій, графъ, подольскій губернский предводитель дворянства, 224.
Примоичъ, официалъ львовскаго униатскаго епископа, 199.
Прохимскій, Андрей, каменецъ-подольскій католическій епископъ, 86.
Пулавскій, Казиміръ, староста, дѣятель барской конфедераціи, 190.
Пундикъ, Кирило, бродяга, оговаривавшій православныхъ въ заговорѣ противъ поляковъ, 201.
Писецкій, священникъ с. Роговны, 237.

P.

Радзевскіе, импровизированные подольскіе дворяне, 226.
Радзивиль, князь, предводитель литовскаго войска, 120.
Раду Негроводъ или **Раду Черный**, основатель Волошскаго воеводства, 22.
Ракочи, седмиградскій князь, 125, 130.
Раловскій, Николай, владѣлецъ с. Вербки, 72.
Репинъ, кн. Никол. Вас., генераль-фельдмаршалъ, русскій посолъ въ Варшавѣ, а потомъ въ Берлинѣ, 190.
Ржевускіе:
 — Оппозиторъ конституціи 3 мая 1791 г., 202.
 — Вацлавъ, коноводъ возстанія 1831 г., 238.
Рожинскіе, украинскіе паны, 110.
Романовскій, Лука, православный протоіерей, 198, 199.
Романъ, молдавскій воевода, 37.
Романъ Мстиславичъ, князь владимірскій волыньскій и галицкій, 15, 16.

Ромодановскій, русскій воевода, 142, 143.
Ростиславъ Ивановичъ, кн. смоленскій, 15.
Ростиславъ Юрьевичъ, удѣльный князь, 11.
Ростоцкій, Ѳеодосій, уніатскій митрополитъ, 209, 211, 215, 219, 220.
Руда, начальникъ гайдамацкаго отряда, 179.
Русскій, Іосифъ, уніатскій епископъ впоследствии митрополитъ. См. **Вельяминъ-Русскій**.
Рыбицкій, священникъ м. Зятковцы, Гайсинская у., 238.
Рынгащъ, казацкій полковникъ, 152, 153.
Рыхардъ, каменецкій губернскій уголовныхъ дѣлъ странчій, 227.
Рюрикъ, варяго-русскій князь, 9.
Рюрикъ Ростиславичъ, галицкій князь, 12.

С.

Савва, волохъ, разорившій Могилевскую шляхту, 155.
Савичъ, казацкій полковникъ, 120.
Садковскій, архіепископъ черниговскій. См. **Викторъ**.
Самойловичъ, гетманъ лѣво-бережной Украины, 142, 143.
Самусъ, наказной гетманъ западной Украины, 145, 146, 151, 152.
Сангушко, князя:
 — Григорій, каштелянъ брацлавскій, 84.
 — Романъ, воевода брацлавскій и винницкій, 48, 80, 84.
 — Юрій, воевода брацлавскій, 84.
 — Ѳеодоръ, брацлавскій каштелянъ, 95.
Салги, украинскіе вельможи, 110.
Сбаржскій, Янушъ, брацлавскій воевода, 84.
Сваржескій, Михаилъ, подольскій православленный дворянинъ, 98.
Свидригайо Ольгердовичъ, во св. крещеніи Левъ, князь литовскій, 37, 39—45, 70.
Свучко изъ Лечына, владѣлецъ с. Жванецъ, 71.
Свѣтельдъ, или **Свѣнельдъ**, южно-русскій воевода X вѣка, 7, 10.
Святополькъ I Владиміровичъ Окалинный, великій князь кievскій, 11.
Святославъ Всеволодовичъ, князь кievскій, 11.
Святославъ Ольговичъ, князь черниговскій, 14.
Сенявскіе:
 — I, владѣлецъ Межибожа, 86, 114.
 — Николай-Адамъ, польный гетманъ, 153, 164.
 — Подольскіе помѣщики, 83, 85.
Сербинъ, Иванъ, брацлавскій полковникъ, 133, 134.
Сигизмундъ II Августъ, король польскій, 74, 91.
Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, 91, 96.
Сигизмундъ Кейстутъевичъ, литовскій князь, 43, 44.
Синеусъ, варяго-русскій князь, 9.

Синицкіе, Яковъ и Криштофъ, подольскіе воеводы, 95.
Скворцовъ, Іоаннъ Мих., протоіерей, 241, 242, 244.
Скиндеръ-паша, турецкій полководецъ, 110.
Скиргайло Ольгердовичъ, во св. крещеніи Іоаннъ, князь литовскій, 34.
Скоричъ, Стефанъ, казацкій полковникъ, 152, 178, 179.
Скоропадскій, гетманъ малороссійскій, 155, 156.
Слупица, Тихонъ, подольскій землевладѣлецъ, 66.
Слупичи, владѣльцы замка Бершадь, 66.
Смогоржевскіе:
 — Уніатскій митрополитъ. См. **Юндша-Смогоржевскій**.
 — Священникъ с. Городка, 238.
Собанскій, подольскій помѣщикъ, 225.
Собѣвскіе:
 — Польскій король. См. **Янъ III**.
 — Яковъ, сынъ предыдущаго, 146.
Соколовскій, Іоаннъ, подольскій дворянинъ, противникъ уніи, 96.
Спытко изъ Мельштына, владѣтель части Подолія, 36.
Станиславъ II Августъ (графъ **Понятовскій**), польскій король, 190, 191.
Станиславъ (Лещинскій), польскій король, 177, 179.
Старжинскій, помѣщикъ Винницкаго уѣзда, 219.
Стефанъ, воевода молдавскій, 36.
Стефанъ Баторій, король польскій, 108.
Стрельбицкій, Гавріилъ, уніатскій священникъ г. Хмельника, 195.
Стреченовичъ, Григорій, помѣщикъ Лещинскаго повѣта, 66.
Стрѣлковскій, владѣлецъ с. Матвійковцы, Проскуровск. у., 224.
Суворовъ-Рыминскій, графъ, князь Италійскій, Александръ Васильевичъ, генерал-инсимусъ, 207.
Судиславъ, галицкій бояринъ, правитель Галича, 18, 19.
Сульжинскій, базилианинъ, 217.
Суховѣй, командиръ кievскихъ и подольскихъ войскъ, 137.
Сѣмашки:
 — Подольскіе землевладѣльцы, 66.
 — (Семашко), Александръ, каштелянъ брацлавскій, 84.
 — (Семашко), Николай, каштелянъ брацлавскій, 84.
 — (Семашко), начальникъ казацкаго отряда, 152.
Страховскій, Михаилъ-Романъ, лещинскаго епископъ, 215, 216.
Стѣро или **Сиро**, кошевой атаманъ, 126, 134.

Т.

Тарлы, подольскіе дворяне, 85.

Терлеціє:

— Кирилл, єпископ луцкій и острожскій, принявшій унію, 92.

— Подольскій помѣщикъ, ненавистникъ православія, 210.

Тетеръ, Павелъ, гетманъ право-бережной Украины, 134.

Тиссаровскій, православный єпископъ. См. *Іеремія*.

Томашевскій, Василій, уніатскій священникъ, принявшій православіе, а потомъ католицизмъ, 211.

Томичій, ксендзъ въ с. Тысменчанахъ, порицатель уніатской вѣры, 168.

Томко изъ Коморника, владѣлецъ с. Соколь, Каменец. повѣта, 71.

Трешетскій, подольскій помѣщикъ, ненавистникъ православія, 210.

Тропольскій, єпископъ. См. *Ксенофонтъ*.

Троицкій, Климентъ, священникъ, єпископскій намѣстникъ въ Каменецъ-Подольскъ, противникъ уніи, 94.

Труворъ, варяго-русскій князь, 9.

Тунцельманъ, начальникъ русскаго отряда, 195.

Турскій, Петръ, польскій староста, 31.

Тутолминъ, Тимоѳей Ивановичъ, генералъ-ашефъ, генералъ-губернаторъ Подольскаго и Волынскаго намѣстничества, впоследствии предсѣдатель госуд. совѣта, 205, 209, 212, 215.

Тучапскій, єпископъ. См. *Манарій*.

Тышковичъ, Іосифъ, брацлавскій воевода, 84.

Тышовичъ, Максимъ, подольскій землевладѣлецъ, 66.

У.

Урановичъ, Петръ, уніатскій священникъ, 160.

Ф.

Фельштынскій, гайсинскій губернаторъ, 198.

Филатьевъ, почитель Харьковскаго учебнаго округа, 239.

Фирлем, подольскіе дворяне, 85.

Фолькелій, Янъ, подольскій соцініанинъ, 85.

Франкенъ, Христіанъ, подольскій соцініанинъ, 85.

Фредръ изъ Пешовичъ, владѣлецъ с. Фридровцы, 71.

Х.

Хаджибей (Хачебей), татарскій князь, 30, 32.

Ханенко, Михаилъ Степановичъ, запорожскій кошевой гетманъ, 137, 138.

Харно, начальникъ гайдамацкаго отряда, 179.

Харленскій, Янъ, каштелянъ брацлавскій, 84.

Харько, жаботинскій сотникъ, 186.

Хлопицкій, владѣлецъ с. Зятковцы, Гайсинскаго у., 238.

Хмельницкіе:

— Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 111, 112, 114—130.

— Юрій, въ иночествѣ Гедеонъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 134.

— Тимоѳей, сынъ Богдана, 123—125.

— Юрій, гетманъ запорожскихъ казаковъ, 132—134, 137, 143, 145.

Ходещій-Земельна, Никола, шляхтичъ, 78.

Ходно изъ Броацин, владѣлецъ с. Ярмолицецъ, 71.

Хоменко, Ларіонъ, священникъ, 102.

Христофоръ, князь седмиградскій, 109.

Ц.

Цвейнарскій, ксендзъ, порицатель уніатской вѣры, 169.

Цишкевичъ, католическій єпископъ, 224.

Цюлпа, Янъ, подольскій землевладѣлецъ, 71.

Ч.

Чалые:

— Кассіанъ, гайдамацкій предводитель, 179.

— Савва, гайдамацкій предводитель, 178, 179.

Чарторыйскіе, князья:

— Адамъ, 208, 228, 232, 238.

— Константинъ, 208.

— Михаилъ, 47.

Чацкіе:

— Михаилъ, польскій магнатъ, 208.

— Ѳадей, главный визитаторъ южно-русскихъ училищъ, 208, 230—232.

Черленковскій, Иванъ, землянищъ Винницкаго повѣта, 84.

Чернышевичи:

— Священникъ с. Рубани, 238.

— Священникъ с. Межировки, 238.

Четвертинскіе:

— Княгиня, ненавистница православія, 210.

— Янушъ, князь, владѣлецъ Нестервара (Тульчина), 112.

Чугай, предводитель войскъ при защитѣ Подолія отъ поляковъ, 121.

Чурилы, подольскіе землевладѣльцы, 66.

Ш.

Шаманъ, Юрій, подольскій соцініанинъ, 85.

Шафранцы:

— Петръ, владѣлецъ Сатанова, 71.

— Подольскіе дворяне, 85.

Шажовской, князь, предводитель русскихъ войскъ, 177.

Шахъ, казацкій гетманъ, 108, 109.
Шашневичи, основатели замка Комаргородъ, 66.
Шашки, подольскіе православные дворяне, 84.
Шендеровскій, Андрей, противникъ унии, 96.
Шептиціе:
 — Аванасій, униатскій епископъ галицкій и каменецъ-подольскій, вполнѣдствіи митрополитъ, 161, 164.
 — Варлаамъ, львовскій униатскій епископъ, 160, 162.
 — Левъ, львовскій и каменецъ-подольскій униатскій епископъ, 160, 166, 167, 199.
Шереметевъ, Василій Борисовичъ, бояринъ, 128.
Шило, сотникъ, запорожскій куренный атаманъ, 191, 192.
Ширновъ, генералъ, главный начальникъ военныхъ силъ въ Украинѣ, 199.
Шишацкій, архіепископъ. См. **Варлаамъ**.
Шпанъ (Бѣлецкій), казацкій полковникъ, 152, 155.
Шумляинскій, Іосифъ (Янъ), львовскій православный епископъ, совратившійся въ унию, 97, 104, 106, 150.

Ѧ.

Эдигей, переконскій ханъ, 39.

Ю.

Юзефовичъ, М. В., предсѣдатель Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, 250.
Юзыповичъ, Семень, подольскій землевладѣлецъ, 66.
Юндша-Смогоржевскій, Іасонъ, униатскій митрополитъ, 200.
Юрій II Андреевичъ, князь Малой Руси, 27.
Юрій Владиміровичъ Долгорукій, князь кіевскій, 13.
Юрій Коріатовичъ, князь подольскій, господарь волошскій, 30, 32, 33, 59, 60, 98.

Юрій I Львовичъ, король русскій и князь владимірскій (царь Россіи и князь Лодомирін), 27, 58.
Юрій Наримонтовичъ, литовскій князь, 31.

Я.

Яблоновскіе:

— Гетманъ, 145.
 — Украинскіе паны, 175.
Ягайло (Ягелло), во св. крещеніи **Яновъ**, великій князь литовскій, а потомъ король польскій, подъ именемъ **Владислава II** или **V**, 34, 36—43, 70—72.
Ядвига, жена польскаго короля Ягайлы (Владислава II или V), 36.
Яновъ, стольникъ кн. Давида Романовича, 22.
Янушинскіе, подольскіе землевладѣльцы, 66.
Янъ-Казиміръ, король польскій, 115, 130.
Янъ III (Собѣскій), польскій король, 137, 142, 144—146, 148.
Ярмола, брацлавскій землянинъ, 66.
Ярмолинскіе, православные помѣщики Подоліи, 61.
Ярославъ Осмомыслъ, князь галицкій, 13—15,
Ярославъ I (Юрій) Владиміровичъ Мудрый, великій князь кіевскій, 12.

Ѧ.

Федоренко, Иванъ, командиръ калыницкаго полка, 117.
Феоноость, митрополитъ кіевскій и всей Русской земли, 62.
Феодоръ:
 — Галицкій епископъ, 62.
 — Каменецъ-подольскій намѣстникъ, 100.
Феодоръ Корібутовичъ Несвицкій, князь, владѣтель части Подоліи, 37—43, 45, 65.
Феодоръ Коріатовичъ, князь подольскій, 30, 32—35, 60.
Феодосій, преподобный, основатель Кіево-Печерской обители, 56.
Феофанъ, іерусалимскій патріархъ, 111.

Замѣченныя погрѣшности и опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
	13	рыболовамъ	рыболовамъ
	26	5 и 6 сверху	Подольскіе
	—	14	ходъ
	30	9 " "	вмѣстѣ съ ними
	39	11 снизу	Савранью
	—	15 "	мѣстоположеніа
	47	14 снизу	родами
	—	23 "	кошемъ
	53	6 снизу	или
	56	11 "	коадьютарамъ
	59	15 сверху	сношеніахъ
	64	10 "	старой
	65	6 снизу	Червоноградскомъ
	66	2 сверху	Макаровъ
	71	14 снизу	Кіевская и
	72	16 сверху	ее
	83	10 снизу	палатъ
	95	6 сверху	церкви; ¹⁹³⁾
	—	11 снизу	Синяцкіе: ¹⁹⁵⁾
	103	1 "	зразныхъ
	—	7 "	съ 1498
	109	11 сверху	1659
	115	9 снизу	Пилявцы
	119	4 сверху	Бугъ
	133	15 "	поротивъ
	155	16 "	шляхту
	174	1 "	Н. М. Кречетникова
	222	6 "	сѣвну
	255	3 "	Главныя
	6	7 снизу	<i>Мельника</i>
	8	5 "	ерархія
	—	20 "	г. Залѣсцахъ
	9	22 сверху	фундушъ
	14	3 снизу	Холоневскою
	—	27 "	въ
	23	9 "	Ѡод
	25	22 "	Владычицѣ
	30	11 сверху	Стайки
	33	2 снизу	благочиннейскіе
	43	7 "	Юзифовичъ
	—	19 "	(Граблики)
	45	18 снизу	на
	48	21 "	преобразонія
	50	2 "	которую
	52	14 сверху	Подольскей
	55	9 "	населеній.
	61	10 "	сгеста
	62	14 "	онъ былъ упраздненъ
	65	4 "	прославный
	69	6 "	Межибожъ
	—	18 "	окняая
	78	2 снизу	куполъ
	—	7 "	колокольні
	—	10 "	должно
	79	1 сверху	проявившагося
	83	12 сверху	Евхаристіонъ
	85	9 "	большой
	87	2 "	Холмщицѣ
	6	7 снизу	<i>Мельникъ</i>
	8	5 "	іерархія
	—	20 "	с. Залѣсцахъ
	9	22 сверху	фундушъ
	14	3 снизу	Холоневскою
	—	27 "	въ
	23	9 "	Ѡод
	25	22 "	Владычице
	30	11 сверху	Стайки
	33	2 снизу	благочинническіе
	43	7 "	Юзефовичъ
	—	19 "	(Грабянки)
	45	18 снизу	на
	48	21 "	преобразованія
	50	2 "	которую
	52	14 сверху	Подольской
	55	9 "	поселеній
	61	10 "	егеста
	62	14 "	она была упразднена
	65	4 "	православный
	69	6 "	Межибожъ
	—	18 "	князя
	78	2 снизу	куполовъ
	—	7 "	колокольні
	—	10 "	должна
	79	1 сверху	проявишееся
	83	12 сверху	Евхаристіонъ
	85	9 "	большой
	87	2 "	Холмщицѣ.

